ЕВЪ

Я

ОВЪ

ИСТОРІЯ
СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

УНИВЕРСИТЕТСКІЯ ЧТЕНІЯ ПРОФЕССОРА

Н. А. ОСОКИНА.

ТОМЪ ВТОРОЙ. Часть вторая.

(XIV-ое И ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XV СТОЛ.).

1889.

Егору Егоровичу

Засиловскому

отъ автора

15 сент. 81

ИСТОРІЯ

СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

ИСТОРІЯ
СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

УНИВЕРСИТЕТСКІЯ ЧТЕНІЯ ПРОФЕССОРА

Н. А. ОСОКИНА.

ТОМЪ ВТОРОЙ. Часть вторая.

(XIV и первая половина XV стол.)

1889.

КАЗАНЬ.

Типографія ИМПЕРАТОРСКАГО Университета.

Печатается по опредѣленію историко-филологическаго факультета Императорскаго Казанскаго Университета 15 декабря 1888 года.

(Приложеніе къ Ученымъ Запискамъ историко-филологическаго факультета Императорскаго Казанскаго Университета за 1889 г.).

ОГЛАВЛЕНІЕ

втораго тома.

(ЧАСТЬ ВТОРАЯ).

VIII.

IX.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

VIII.

БОРЬБА МОНАРХИЧЕСКИХЪ НАЧАЛЪ СЪ ТЕОКРАТІЕЙ ВЪ XIV ВѢКѢ.

1) Слѣдствія крестовыхъ походовъ.

Характеристика XIV вѣка.

Исторія XIV столѣтія представляетъ содержаніе въ значительной степени отличное отъ явленій политической и внутренней жизни предшествовавшаго вѣка. Самыя идеи, одушевлявшія общество, значительно обновились, а съ ними измѣнились и люди, призванные служить къ ихъ осуществленію, задавшись иными идеалами и цѣлями. Несмотря на это, исторія XIV вѣка лишена типичнаго, самостоятельнаго характера, такъ какъ самая эпоха не имѣетъ почти ничего своеобразнаго, ей одной принадлежащаго. Четырнадцатое столѣтіе носитъ всѣ признаки переходнаго періода. Въ немъ замираютъ средневѣковыя типичныя начала предшествовавшаго вѣка и послѣдовательно съ напряженными усиліями зарождаются новыя. Исторія этого столѣтія связана съ исторіей XIII вѣка на столько, на сколько въ немъ осталось еще средневѣковаго; она представляетъ собою тѣ особенности, которыя составляютъ отличительныя черты XV вѣка и новаго времени. Католическая Церковь, хотя руководимая обезсиленными, глубоко пораженными папами, продолжаетъ проявлять міровыя претензіи. Феодализмъ продолжаетъ еще бороться и оказываетъ энергичное сопротивленіе королевской власти; города сознаютъ еще свою силу; корпоративныя начала проявляются въ разныхъ слояхъ общества. Рыцарство продолжаетъ подвизаться въ честь Мадонны и женщинъ и, какъ свидѣтельствуетъ вѣр-

нѣйшій бытописатель эпохи Фруассаръ, рыцари, по приказанію дамы, совершаютъ цѣлыя путешествія съ обязательно закрытыми глазами. Философія еще носитъ схоластическій характеръ; поэзія не перестаетъ вдохновляться рыцарскою жизнью. Все это характерныя черты прошлаго. А рядомъ съ тѣмъ короли проявляютъ всю энергію для собиранія земель уже не на феодальныхъ, а на коронныхъ правахъ, т. е. считаютъ земли собственностью короны и постепенно перестаютъ передавать домены своимъ вассаламъ въ ленное владѣніе. Муниципальная власть общинъ не разъ терпитъ пораженіе отъ государственной власти, врывавшейся во всѣ интересы и стремившейся все централизировать въ себѣ. Рыцарство должно подчиниться власти закона, послѣ того какъ склонило голову передъ королями; оно должно признать равноправность другихъ общественныхъ элементовъ. Изъ схоластической философіи выдѣляются отдѣльныя самостоятельныя отрасли знанія; поэзія расширяетъ свой горизонтъ, такъ какъ мейстерзенгеры и жонглеры, посмѣиваясь надъ дворами и рыцарями, пытаются вывести жизнь другихъ сословій, прежде даже невозбуждавшихъ интереса.

Все что отличаетъ XIV вѣкъ отъ XIII, все что представляется въ немъ новымъ, является прямымъ или косвеннымъ послѣдствіемъ крестовыхъ походовъ, которые внесли въ исторію Запада новое содержаніе, касавшееся самыхъ разнообразныхъ сферъ.

Потому мы должны остановить вниманіе на слѣдствіяхъ крестовыхъ походовъ, для каждой страны въ частности и для исторіи вообще ([1]).

Слѣдствія крестовыхъ походовъ: *Италія.*

Замѣчательно, что та страна, которая принесла наименьшія жертвы святому дѣлу, извлекла изъ крестовыхъ походовъ наибольшія выгоды. Итальянцы всегда болѣе или менѣе равнодушно относились къ походамъ въ Палестину. Съ трудомъ отдѣльные князья склоняли рыцарей сопутствовать себѣ

---

(1) Наиболѣе обстоятельное изслѣдованіе по данному вопросу принадлежитъ Michaud, у котораго въ H. des croisades оно занимаетъ особый томъ. По сіе время продолжаетъ имѣть цѣну трудъ—Heeren, Versuch einer Entwickelung der Folgen der Kreuzzüge für Europa (1821). Изъ новыхъ спеціальн. сочиненій: Kampfschulte, Ueber Charakter und Entwickelungsgang der Kr. (Bonn, 1864) и Prutz, Kulturgeschichte der Kreuzzüge (B. 1883).

въ экспедиціяхъ. Итальянскіе крестоносцы въ самомъ началѣ своихъ предпріятій становились предметомъ эксплуатаціи своихъ же соотечественниковъ, торговыхъ и предпріимчивыхъ горожанъ. Правительства итальянскихъ республикъ оставались глухи къ крестовымъ цѣлямъ, но они могли ликовать при каждомъ новомъ подобномъ замыслѣ. „Крестовые походы, справедливо замѣчаетъ по этому поводу Маколей, отъ которыхъ воины другихъ земель не выиграли ничего кромѣ ранъ, доставили возраставшимъ республикамъ Адріатическаго и Тирренскаго морей огромную прибыль богатства, власти и знанія. Нравственное и географическое положеніе этихъ республикъ давало имъ возможность пользоваться и варварствомъ Запада, и цивилизаціей Востока. Итальянскіе корабли покрывали всѣ моря. Итальянскія факторіи возникали на всѣхъ берегахъ. Столики итальянскихъ мѣнялъ появлялись во всѣхъ городахъ. Мануфактуры процвѣтали. Банки учреждались. Дѣйствія торговой машины облегчались многими полезными и прекрасными изобрѣтеніями. Едва-ли какая нибудь другая страна въ Европѣ, за исключеніемъ Англіи, достигла въ настоящее время такой высокой степени богатства и цивилизаціи, какой достигли нѣкоторыя части Италіи на закатѣ среднихъ вѣковъ“ ([1]). Если нельзя богатства Италіи объяснять только послѣдствіемъ крестовыхъ походовъ, то несомнѣнно что въ экономической жизни Италіи они имѣли существенное значеніе ([2]). Итальянцы гнались исключительно за торговыми выгодами; они предлагали свои суда, запасы и оружіе крестоносцамъ, но съ такою же охотою за хорошую цѣну служили и мусульманамъ, не всегда скрывая свои сношенія. Потому понятно и послѣдовательно было компетентное мнѣніе Джіованни Виллани, что съ уничтоженіемъ іерусалимскаго королевства торговля Италіи потеряла половину своихъ выгодъ. Нельзя также не отмѣтить того обстоятельства, что судьбы сицилійскаго королевства и Неаполя опредѣлялись крестовыми походами, что крестоносцы заальпійскіе, проживая болѣе или менѣе продолжительное время въ Южной Италіи, знакомились съ монархическими порядками Неаполя и разносили новыя политическія начала,

([1]) Маколей, Сочиненія; I, 70.

([2]) Для подробностей отсылаемъ къ Cibrario, Storia dell'economia politica nel medio evo. См. наши Замѣтки по экономической исторіи Италіи (К. 1866).

выработавшіяся въ королевствѣ Фридриха II, Карла анжуйскаго и его преемниковъ, о которыхъ скоро будемъ говорить.

Франція. Послѣ Италіи наибольшія выгоды извлекла Франція для своего будущаго. Она дала очень много дружинъ и подвижниковъ для крестоваго дѣла. Феодалы, отправляясь въ походъ, и не разсчитывая вернуться, часто продавали королямъ свои владѣнія или оставляли въ залогѣ. Каждое крестовое предпріятіе не обходилось безъ энергичнаго участія французскихъ рыцарей и независимыхъ государей, которые приносили значительныя жертвы на пользу Св. Гроба. Уже одно то, что короли Франціи въ такомъ популярномъ дѣлѣ стояли во главѣ своего народа побуждало сочетать представленіе о королѣ съ понятіемъ о народномъ благѣ, національной идеей. Слава Капетинговъ стала славою Франціи.

Германія. Германія не проявляла особеннаго увлеченія въ началѣ крестовыхъ походовъ. Императоры, по указанію папъ, начиная съ Конрада III, надѣваютъ крестъ, но имъ сопутствуютъ несчастія, что еще болѣе подрываетъ въ Германіи кредитъ крестовой идеи. Ея послѣднимъ могиканомъ явился Фридрихъ II, который однако долженъ былъ скоро вернуться изъ Палестины, осыпанный градомъ новыхъ проклятій. Увлеченіе походами въ Палестину замерло въ половинѣ XIII вѣка, но оно воскресло въ новой формѣ, которая и дала наиболѣе практическіе результаты, содѣйствуя расширенію германской территоріи и распространенію нѣмецкаго языка. То были походы на прибалтійскихъ язычниковъ, жившихъ на берегахъ нижней Вислы, Нѣмана, Прегеля, Аа. Побѣжденные литовцы, смѣшавшись со славянами, послужили предметомъ нѣмецкой эксплуатаціи. На этой почвѣ выросла съ годами прусская монархія. Такимъ образомъ на Германіи крестовые походы отразились рефлективно, если не считать того обстоятельства, что они болѣе или менѣе содѣйствовали ослабленію императорской власти и усиленію федеративнаго начала, проявившагося въ формѣ союза городовъ.

Англія. На исторіи Англіи непосредственно крестовые походы отразились еще менѣе. Одинъ Ричардъ Львиное Сердце не могъ увлечь своимъ примѣромъ и героической отвагой сословія Англіи. Вся страна, занятая внутренними національными интересами и борьбою за права, отличалась холоднымъ рав-

нодушіемъ къ св. Гробу. Даже духовенство, принявшее въ большинствѣ сторону бароновъ въ борьбѣ ихъ съ Іоанномъ Безземельнымъ и Генрихомъ III, игнорировало судьбу св. земли и надѣвало съ бо̀льшею охотою крестъ на тѣхъ, кто сражался противъ короны, именуя ихъ крестоносцами. Даже торговля и промышленность Англіи не выиграли ничего отъ походовъ въ св. землю. Въ Палестинѣ не было ни одной англійской колоніи, ни одной факторіи, а англійскіе корабли почти никогда не перевозили крестоносцевъ.

Пиринеи.

Замѣчательно, что косвеннымъ образомъ крестовое движеніе отразилось сильнѣе всего на пиринейскомъ полуостровѣ, хотя испанцы принимали наименьшее участіе въ походахъ на Востокъ уже потому что были заняты болѣе близкимъ дѣломъ—борьбою съ невѣрными у себя дома. Извѣстно, что кастильцы и аррагонцы стали принимать участіе въ заморскихъ экспедиціяхъ, когда крестовое рвеніе ослабѣло. Между тѣмъ всѣ великія событія на пиринейскомъ полуостровѣ свершились подъ вліяніемъ крестоваго движенія. Португальское королевство обязано своимъ основаніемъ крестоносцамъ. Силы христіанъ на Пиринеяхъ обусловились содѣйствіемъ крестоносцевъ, которые, направляясь изъ Франціи и Прованса на Востокъ, часто останавливались по пути въ приморскихъ городахъ Каталоніи и, вмѣсто того чтобы продолжать походъ, принимали приглашенія кастильскихъ и аррагонскихъ государей и вмѣстѣ съ ними дрались съ невѣрными, дѣлая походы на Андалузію и Гранаду и защищая христіанъ. Однимъ этимъ они часто ограничивались, считая свои обѣты исполненными. Такимъ образомъ пиринейскіе христіанскіе короли вели борьбу съ сарацинами частію на готовыя силы и средства; кровь рыцарей другихъ странъ обильно лилась при Толозѣ и Хенилѣ, ради славы Христовой. Безъ такого содѣйствія врядъ-ли бы кастильцы и аррагонцы одолѣли мусульманъ, которые уступали въ XIV вѣкѣ христіанамъ одну позицію за другою.

Общіе результаты.

Обращаясь къ общимъ результатамъ крестовыхъ походовъ, слѣдуетъ прежде всего отмѣтить могущественное вліяніе ихъ на развитіе мореплаванія, торговли и промышленности въ Западной Европѣ. Капиталы стали рости преимущественно въ рукахъ итальянскихъ предпринимателей и банкировъ, дававшихъ ссуды, передвигались въ Германію и Фран-

цію, а въ то же время множество новыхъ цѣнностей было пущено въ обращеніе. Между морями сѣверными и южными установилось постоянное сообщеніе, что объединило разноязычные народы на поприщѣ торговыхъ интересовъ, возбудило соревнованіе между ними и во всякомъ случаѣ усилило связь между ними. Необходимость въ такомъ сообщеніи заставляло моряковъ изучать морскіе пути, берега, острова, замѣтить приливы и отливы, а также движеніе вѣтровъ, ибо только послѣднее изученіе давало возможность плаванія въ то время. Самое изобрѣтеніе компаса было послѣдствіемъ этого духа. Все это, возбуждая пытливость и духъ изслѣдованія, вносило въ духовную жизнь того времени много движенія, малозамѣтнаго прежде. Эпоха крестовыхъ походовъ была временемъ самой энергичной дѣятельности и самой благородной любознательности.

Тѣмъ самымъ крестовые походы содѣйствовали развитію образованности. Знакомство съ бытомъ отдаленныхъ народовъ Востока, азіатскихъ и африканскихъ, вносило массу новаго матеріала въ міровоззрѣніе Запада. Наука арабовъ стала достояніемъ Европы. Арабская нумерація, ариѳметика, алгебра, естествознаніе, географія, этнографія, астрономія, медицина, анатомія, получили значеніе въ Европѣ непосредственно подъ вліяніемъ крестовыхъ войнъ (это было видно изъ 6 главы II отдѣла этого тома). Прибавимъ къ тому, что восточныя врачебныя средства вошли тогда во всеобщее употребленіе и скудная фармакопея средневѣковыхъ людей обогатилась въ значительной степени.

Папство. Многіе историки продолжаютъ думать, что Римская Церковь усилилась благодаря крестовымъ войнамъ. Врядъ-ли это мнѣніе имѣетъ за себя достаточныя основанія. Несомнѣнно, что счастливый исходъ походовъ могъ бы придать обаяніе папству и упрочить его могущество; но великое предпріятіе не удалось и всѣ благородныя усилія пропали даромъ. Между тѣмъ духовенство, начиная со втораго похода, принесло наибольшія матеріальныя жертвы. Для осуществленія предпріятія папы ввели такъ называемую Саладинову десятину, которая взыскивалась съ величайшею строгостью съ епископовъ, аббатовъ и церквей, сообразно доходности. Эта десятина собиралась иногда безъ перерыва въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ и сильно опустошила церковныя кассы. По предположенію Мишо, духовенство въ 200 лѣтъ переплатило на крестовую

войну такія суммы, что ихъ съ избыткомъ хватило бы на скупку всѣхъ церковныхъ имуществъ. Правда, передъ началомъ крестовыхъ войнъ и въ теченіе перваго похода, имущества духовенства значительно увеличились отъ пріобрѣтенія тѣхъ земель, владѣльцы коихъ или дарили свои земли Церкви на поминъ души, или продавали за дешевую цѣну, не разсчитывая вернуться. Но тѣмъ не менѣе самыя громадныя средства грозили истощиться, и изъ корыстныхъ видовъ владѣльцы церковныхъ имуществъ сами старались прекратить дальнѣйшія крестовыя усилія. Прежняго энтузіазма въ духовенствѣ не осталось и слѣда; проповѣдники говорятъ по заказу; ихъ рѣчь становится холодною, и всѣ замыслы папъ должны были сокрушиться объ эту апатію духовнаго сословія, которая и была существенною причиной прекращенія всякихъ дальнѣйшихъ крестовыхъ попытокъ.

Между тѣмъ авторитету папъ, вслѣдствіе неудачи цѣлаго ряда экспедицій, нанесенъ былъ непоправимый ударъ. Пропала та вѣра въ божественность происхожденія высшей духовной власти, которая прежде была присуща католикамъ. Видимо небо не благословляло желанія первосвященниковъ, и земля, освященная слѣдами Спасителя, должна была вновь попираться ногами невѣрныхъ. Отъ этого удара послѣдовало умственное пробужденіе, зародился скептицизмъ не только въ правотѣ папства, но въ самой законности его происхожденія и его міровыхъ претензій. Такое настроеніе умовъ принесло неисчислимыя послѣдствія и первое изъ нихъ немедленно сказалось въ пораженіи, нанесенномъ папѣ Бонифацію VIII французскимъ королемъ вслѣдъ за несчастнымъ окончаніемъ восьмаго крестоваго похода.

Когда высшая католическая власть оказалась въ невыгодномъ положеніи и когда она значительно ослабѣла, когда прелаты, владѣльцы церковныхъ имуществъ, раздѣлили съ нею ея участь,— феодалы также почувствовали потерю прежней силы и вліянія. Ихъ земли и богатства уменьшились; военная репутація была омрачена; они уже ощущали надъ собою крѣпость королевской руки. Истинный рыцарскій духъ отлетѣлъ, и рыцарство сохраняетъ только прежнія формы, слѣдуя ранѣе составленному кодексу обязанностей и ритуалу.

Города.

Съ ослабленіемъ двухъ первыхъ сословій естественно выиграло третье—городское. Вмѣстѣ съ обогащеніемъ жители городовъ пріобрѣли политическія и гражданскія права и влія-

ніе на государственную жизнь. Населеніе городовъ возрастало отъ переселенія въ нихъ окрестныхъ поселянъ, въ трудѣ которыхъ, съ развитіемъ ремеслъ и промысловъ, съ расширеніемъ и улучшеніемъ городскаго хозяйства чувствовалась потребность. Сами бароны, обѣднѣвши, записывались въ число горожанъ. Богатства городовъ возрасли отъ пріобрѣтенія путемъ купли земель феодаловъ, которыя стали давать при лучшихъ способахъ обработки и бо̀льшій доходъ. Жизнь въ городахъ была всегда дѣятельная, сравнительно съ мертвою спячкою или разгуломъ въ замкахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ положеніе каждаго горожанина было гарантировано, если только города не охватывали междоусобія. Города постепенно дѣлались такимъ образомъ центрами патріотизма, образованности, человѣчности, любви къ свободѣ и искусства. Величественныя ратуши, готическіе храмы, великолѣпные дома купцовъ, построенные подъ конецъ крестовыхъ походовъ и въ XIV вѣкѣ, остаются памятниками энергіи, образованности, благосостоянія, что̀ начало развиваться въ городахъ всѣхъ народовъ западной Европы съ эпохи крестовыхъ походовъ. На городскихъ фабрикахъ изготовляли предметы комфорта, о которомъ прежде не имѣли понятія. Прежде высоко цѣнилась холщевая рубашка, которую снимали на ночь рыцари, сберегая ее; теперь изготовляютъ разноцвѣтныя шерстяныя, бархатныя и шелковыя матеріи или носятъ привозныя изъ Персіи и Бухары, при чемъ зажиточные люди, а особенно дамы подражаютъ модамъ невѣрныхъ, предпочитая яркіе цвѣта и украшая платья мѣхами, привезенными съ сѣвера, благодаря доступности морей. Съ Востока, помимо произведеній растительнаго царства, шелковичнаго, хлопчатобумажнаго, сливоваго дерева, сахарнаго тростника, риса, индиго,—была заимствована обстановка горожанъ, которая послѣ перешла въ рыцарскіе замки, какъ напр. софа, матрацъ, кафтанъ, бурнусъ, туфли, графинъ и что еще важнѣе, цѣлый рядъ изобрѣтеній, какъ-то: стекло, глазурь и вѣтряная мельница, которая ранѣе всего была перенесена во Францію.

Крѣпостные. Большинство населенія не испытало къ сожалѣнію благодѣтельныхъ послѣдствій переворота, совершившагося въ городахъ. Крестьянство французское того времени продолжало вести „сѣренькую жизнь“, какъ характеризовалъ ее одинъ изъ французскихъ тогдашнихъ труверовъ. Во Франціи тогда установилось слово „виланъ“ вмѣсто прежнихъ сервовъ и mainmortables. Поэты, вышедшіе изъ народа, оставили мрачные

картины безнадежнаго экономическаго и правоваго положенія крестьянскаго сословія. — „Вилановъ ненавидитъ самъ Богъ; онъ не оставилъ имъ мѣста въ раю, такъ какъ не желаетъ, чтобы какой-нибудь мужикъ находился тамъ, гдѣ пребываетъ Сынъ Дѣвы Маріи“. Другіе полагали, что Богъ при самомъ твореніи создалъ три породы людей: знатныхъ, духовныхъ и вилановъ, предназначенныхъ работать на высшіе классы. Еще въ XI вѣкѣ такую наивную теорію пресерьезно защищали нѣкоторые епископы на одномъ изъ соборовъ (1). Въ Германіи, за исключеніемъ такъ называемыхъ штедингеровъ, независимыхъ общинъ на берегу Нѣмецкаго моря, крестьянское сословіе положительно бѣдствовало во время всеобщаго безправія, именуемаго кулачнымъ правомъ. Тутъ жизнь земледѣльца мало чѣмъ отличалась по обстановкѣ отъ условій животнаго быта. Да и вездѣ хозяйство было первоначальное, трехпольное; садоводство и огородничество стало развиваться только въ послѣднее время подъ вліяніемъ знакомства съ Востокомъ, да и то лишь въ подгородныхъ мѣстностяхъ, гдѣ только и можно было встрѣтить опыты разведенія растеній, полезныхъ для промышленности и врачеванья. Въ Венгріи и Чехіи послѣ татарскаго нашествія земледѣліе почти прекратилось, такъ какъ крестьяне нѣсколько лѣтъ укрывались въ лѣсахъ. Положеніе крестьянина на пиринейскомъ полуостровѣ оставалось необезпеченнымъ. Въ Англіи, несмотря на Великую Хартію, виланы, какъ и прежде, были жертвою всесильныхъ феодаловъ въ этой странѣ, которая была раемъ для перовъ и адомъ для земледѣльцевъ. Еще худшее положеніе крестьянства было въ Даніи, которая славилась обиліемъ рабовъ вслѣдствіе морскихъ разбоевъ, а также въ Швеціи. Только въ одной Норвегіи уцѣлѣли свободныя крестьянскія общины, въ которыхъ пахатная земля составляла личную собственность, а луга и лѣса принадлежали всей общинѣ; только тамъ крестьянинъ, будучи свободнымъ, засѣдалъ въ сеймахъ и на судѣ. Въ общемъ крестовые походы не облегчили положенія крестьянъ. Конечно, были частные случаи. Тѣ, которые шли за своими господами, обыкновенно получали свободу, по настоянію церковныхъ властей. Такой крестоносецъ уравнивался съ

(1) Крестьяне были прозваны людьми «мертвой руки» въ X вѣкѣ (manus mortua, serfs de mainmorte), потому что лишены были права распоряжаться своимъ имуществомъ. Для этого—«рука ихъ была мертва».

своимъ господиномъ. Если такому воину изъ простыхъ людей посчастливилось вернуться, то онъ считался вольнымъ человѣкомъ и всѣ права господина на него прекращались; но возвращались очень немногіе. Во Франціи очень незначительный процентъ вилановъ исчезалъ въ подавляющей массѣ сервовъ и „людей мертвой руки", а экономическое положеніе всѣхъ слоевъ крестьянства не представляло рѣзкихъ отличій. Виланы, какъ и другіе земледѣльцы, работали одинаково на условіяхъ барщины или половничества, и одинаково свой участокъ передавали большею частію наслѣдственно дѣтямъ. Тогда краткосрочныя аренды не имѣли мѣста и, подобно ленамъ, всякое временное владѣніе имѣло стремленіе превратиться въ наслѣдственное. Въ виду того, что сеньоры предпочитали сдавать аренды цѣлой общинѣ, являлась гарантія прочности владѣнія, гарантія весьма выгодная для той и другой стороны, а особенно для землевладѣльца, такъ какъ „крестьяне исправнѣе платятъ повинности сеньору, когда живутъ вмѣстѣ, нежели когда распадаются на отдѣльные дворы". Изъ такихъ общинъ наиболѣе замѣчательными были парсоннеріи, которыя своими коммунистическими аграрными отношеніями принесли большую пользу сельскому населенію Франціи ([1]). Члены этихъ братствъ не только сообща владѣли землею, но вмѣстѣ обработывали ее, пользовались произведеніями ея. Для членовъ парсоннерій, какъ для древнихъ спартанцевъ, обязателенъ былъ общій столъ, а сперва даже общее помѣщеніе; если появлялись отдѣльные дворы въ нѣдрахъ таковой парсоннеріи, то она переставала существовать. Несмотря на все это, съ самого начала крестовыхъ походовъ, вслѣдствіе предоставленія многихъ земель въ достояніе Церкви и городовъ, должно было улучшиться положеніе крестьянъ, потому что сталъ дѣйствовать законъ — хотя бы и суровый — вмѣсто произвола.

([1]) Bonnemère, H. des paysans (P. 1856). Карѣевъ, Очеркъ исторіи франц. крестьянъ (Варш. 1881), предназначенное для публики. Вообще для крестьянства классическое соч. Sugenheim, G. der Aufhebung der Leibeigenschaft und Hörigkeit in Europa (1861). Скребицкій, Очеркъ изъ исторіи крестьянства (В. Евр. 1867, III). Leymarie, H. des paysans (P. 1856). Dareste de la Chavanne, H. des classes agricoles en France (P. 1858). Daniel, La rev. française et la feodalité (P. 1874).

Такимъ образомъ крестовые походы, будучи порожденіемъ Церкви и рыцарства, нанесли ударъ именно этимъ основнымъ элементамъ соціальной жизни среднихъ вѣковъ.

Теперь мы можемъ на фактахъ прослѣдить зарожденіе новыхъ историческихъ идей, проявившихся въ XIV вѣкѣ.

2) Торжество монархической идеи во Франціи; Филиппъ III и IV. Послѣдняя попытка теократіи и пораженіе Бонифація VIII. Сыновья Филиппа IV.

Наслѣдникъ Луи IX святаго, Филиппъ III расширилъ территорію Франціи. Этому содѣйствовали особыя обстоятельства. По возвращеніи изъ Туниса, онъ почти разомъ отнесъ пять гробовъ самыхъ близкихъ родныхъ въ склепы св. Діонисія, а именно: отца, жены, которая умерла на дорогѣ въ Калабріи, брата, короля наваррскаго, умершаго въ Трапани, дяди Альфонса, графа Пуатье и супруги послѣдняго, умершихъ въ Тосканѣ. Дорогой же на обратномъ плаваніи погибло у береговъ Сициліи около 4000 крестоносцевъ. Такимъ образомъ въ первые дни царствованія Филиппъ III наслѣдовалъ послѣ дяди Альфонса и его жены всѣ ихъ владѣнія, обнимавшія собой большую часть южной Франціи: Тулузу, Руэргъ, Аженуа, Керси, Венессенъ, Они, части Альбижуа, Пуату, Оверни и Сентонжа. Изъ этихъ владѣній онъ отдалъ въ 1270 году Аженуа англійскому королю Эдуарду I на основаніи договора, заключеннаго отцомъ, а Венессенъ, лежавшій къ сѣверу отъ Дюрансы и къ востоку отъ Роны, въ 1274 году, папскому правительству, имѣвшему на него притязанія и удержавшему его до 1291 года. Хотя всѣ послѣднія пріобрѣтенія французской короны сохраняли до 1361 года особое управленіе, но французское господство весьма чувствительно отозвалось на нихъ. Мѣстное населеніе издавна пользовалось свободой и обширными правами, а Альфонсъ и его жена значительно содѣйствовали развитію благосостоянія. Все это измѣнилось при французскомъ управленіи, несмотря на то, что Филиппъ подтвердилъ прежнія права и привилегіи. Даже графъ де Фуа почувствовалъ новое сосѣдство: враждовавшій

Филиппъ III (1270-85 г.).

съ нимъ де-Казобонъ просилъ помощи у Филиппа, и побѣжденный де-Фуа былъ посаженъ въ тюрьму ([1]).

Покореніе Наварры французами.

Вскорѣ Филиппу представился случай расширить свои владѣнія на западѣ. Въ 1234 году французскій вассалъ графъ Тибо Шампанскій женился на наслѣдницѣ пиринейскаго королевства Наварры, вступившаго съ тѣхъ поръ въ близкія сношенія съ Франціей. Внукъ Тибо, Генрихъ I, умирая оставилъ единственную дочь Іоанну, завѣщавъ воспитать ее подъ французской опекой и выдать замужъ за французскаго принца. Противъ этого возстали наваррскія сословія, а аррагонскій и кастильскій короли постарались воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ для расширенія своихъ владѣній. Однако Филиппъ, предупреждая ихъ, помолвилъ Іоанну за своего наслѣдника, и послалъ въ Наварру войско. Евстафій де Бомарше, назначенный имъ правителемъ Наварры, подчинилъ страну, но позволивъ себѣ нарушать старинные обычаи, которыхъ тамъ упорно держались, вызвалъ возстаніе. Тогда вновь явилось французское войско, взяло приступомъ главный городъ Пампелуну, гдѣ произвело страшныя насилія. Страхъ заставилъ покориться прочіе города и вассаловъ. Покончивъ съ Наваррой, Филиппъ обратился противъ Кастиліи, гдѣ инфанты де-ла-Цедра, два сына его сестры, бывшей замужемъ за кастильскимъ принцемъ, спорили тогда о престолѣ съ своимъ дѣдомъ и дядей. Французы шли поддержать малолѣтнихъ принцевъ. Въ виду чужеземнаго вмѣшательства дѣло инфантовъ было совершенно проиграно. Французское войско ничего не могло сдѣлать и отступило отчасти потому, что очутилось между двухъ огней. Замыселъ французскаго короля не ограничился Кастиліей; онъ надѣялся упрочить свое вліяніе и въ Аррагоніи, гдѣ хотѣлъ посадить своего втораго сына, Карла Валуа. Тогда аррагонскій король взялъ подъ свое покровительство сицилійцевъ послѣ „вечерни", за что папа лишилъ донъ-Педро аррагонскаго престола. Тогда онъ вступилъ въ битву съ неаполитанскимъ королемъ и, одержавъ блестящую морскую побѣду, плѣнилъ Карла II, будущаго неаполитанскаго принца, продержавъ его въ плѣну до 1294 года, когда умеръ его отецъ, и когда принцъ былъ провозгла-

---

([1]) Guilelmus de Nangiaco. Historia Philippi III Audacis (Bouquet. XX. 166—379).

шенъ королемъ. Сынъ донъ Педро, Альфонсъ III, наслѣдовалъ отцу въ Аррагоніи, а другой сынъ Іаковъ, съ матерью Констанціею, получилъ Сицилію. Можно представить себѣ, какой переполохъ произвело это плѣненіе во французскомъ лагерѣ. Дѣло стало общимъ для всего французскаго дома.

Пока папа грозилъ проклятіемъ аррагонскому королю, французскій король обрушился на Альфонса III, провозглашая вездѣ королемъ своего втораго сына Карла и втянулъ Францію въ тяжелую борьбу. Это было совершенно нетактично по отношенію къ аррагонскому народу, который былъ доволенъ своими порядками. При самомъ началѣ похода Филиппъ III умеръ въ 1285 году. Задавшись слишкомъ обширными честолюбивыми замыслами, онъ не добился ничего.

Филиппъ IV (1286-1314 г.).

Его преемникъ Филиппъ IV, какъ человѣкъ практическій, отказался отъ фантазій и увлеченій отца. Онъ превосходилъ государственными способностями всѣхъ своихъ предшественниковъ; по характеръ его представлялъ полное отсутствіе симпатичныхъ сторонъ. Ложь, лицемѣріе, коварство и насиліе, — были обыкновенными свойствами Филиппа IV. Впрочемъ склонность къ крутымъ мѣрамъ могла бы еще найти оправданіе въ томъ, что онъ дѣйствовалъ ради блага Франціи, собирая во едино земли Галліи. Онъ очистилъ Кастилію. Равнымъ образомъ Карлъ Валуа отрекся отъ Аррагоніи. Теперь народъ не призналъ французскихъ инфантовъ, а предпочелъ имъ ихъ дядю, побѣдителя мавровъ. Въ 1287 году между неаполитанскимъ и аррагонскимъ королемъ былъ заключенъ миръ, по которому Неаполь получалъ изъ плѣна своего короля Карла II, уплатившаго выкупъ. Филиппъ IV попробовалъ смягчить эти тяжелыя условія, возобновивъ войну и дѣйствуя именемъ папы; но въ 1291 году французскій король окончательно убѣдился въ невозможности посадить на престолъ Карла Валуа и обязался не вмѣшиваться въ аррагонскія дѣла. Извѣстно, что впослѣдствіи Карлъ Валуа столь же неудачно претендовалъ на Флоренцію. Французскій принцъ не унимался, всюду простиралъ свои объятія, каждое вакантное мѣсто и область считалъ своей; имъ овладѣла какая-то манія пріобрѣтенія выморочныхъ владѣній. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ по заключеніи договора, Альфонсъ III умеръ, не оставивъ послѣ себя дѣтей; ему наслѣдовалъ братъ его Іаковъ II, который поспѣшилъ въ новое королевство, уступивъ Сицилію

матери и брату, Фридериго II. Въ первое время Іаковъ сошелся съ неаполитанскимъ и анжуйскимъ домомъ и женился на дочери своего врага, неаполитанскаго короля. Онъ не только не поддерживалъ своего брата въ Сициліи, но сталъ такъ дѣйствоват , что папа Бонифацій VIII, не успѣвшій еще поссориться съ Филиппомъ IV, поддерживалъ его. Папа Бонифацій VIII потребовалъ у Фридериго отреченія отъ престола, предложивъ ему взамѣнъ его призрачныя права на Константинополь и руку племянницы. Главный совѣтникъ сицилійскаго короля, Прочида, убѣдилъ Фридериго не принимать предложенія; тогда папа объявилъ Фридериго лишеннымъ престола и отдалъ его Карлу Валуа. Аррагонскій король также былъ противъ брата. Знаменитый адмиралъ Лорія разбилъ сицилійскій флотъ. Сицилія оказалась было въ рукахъ Аррагоніи, но Іаковъ не желалъ гибели острова. Населеніе острова сплотилось около своего государя и въ 1301 году отбило всѣ покушенія противниковъ тѣмъ болѣе, что въ лагерѣ послѣднихъ произошелъ раздоръ. Претендентъ французскій проигралъ сраженіе. Въ 1302 году былъ заключенъ миръ, по условіямъ котораго Сицилія сдѣлалась наслѣдственною въ аррагонскомъ домѣ, а Неаполь остался за анжуйской династіей. Филиппъ IV, можно сказать, типъ честолюбиваго государя; его честолюбіе никогда не могло быть удовлетворено. Онъ не стѣснялся даже прикрывать своихъ честолюбивыхъ замысловъ приличнымъ предлогомъ; отъ одного замысла онъ переходилъ къ другому; это было для него легко, потому что онъ не руководился никакими нравственными принципами. Съ его царствованія начинается 100-лѣтняя борьба между англичанами и французами, составляющая существенное содержаніе среднихъ вѣковъ [1].

Борьба за Фландрію.

Въ 1293 году французскій король безъ всякаго предлога велѣлъ занять англійскія провинціи, уступленныя отцемъ,

[1] Для исторіи Филиппа IV Красиваго и его трехъ сыновей всѣ источники собраны въ четырехъ томахъ (XX—XXIII) сборника Bouquet: Это хроники: монастыря св. Діонисія, Вильгельма де-Нанжи и цѣнная по содержанію Chronique de Primat, traduit par Leon de Vignay (XXIII 8—146). Авторъ послѣдней, монахъ, но довольно безпристрастный, пользовался тѣмъ же основнымъ источникомъ какъ и Вильгельмъ; такъ полагаетъ ученый издатель и редакторъ XXIII тома, Delisle.

хотя Эдуардъ далъ за нихъ ленную присягу и подписалъ семь лѣтъ тому назадъ миръ. Эдуардъ въ то время былъ во враждѣ съ шотландскимъ королемъ Баллiолемъ и Филиппъ заключилъ съ послѣднимъ миръ. Все это заставило англiйскаго короля вступить въ переговоры; онъ послалъ во Францiю брата Эдмунда просить мира. Въ 1294 году былъ заключенъ трактатъ, по которому Эдуардъ уступалъ нѣсколько укрѣпленныхъ городовъ въ Гiенни, но съ тѣмъ, что Филиппъ по истеченiи извѣстнаго времени долженъ опять возвратить ихъ Англiи, а также уступалъ Керси за деньги. Филиппъ IV съ свойственной ему безцеремонностью объявилъ, что не намѣренъ ни платить денегъ, ни возвращать укрѣпленiй. Въ то время въ Нормандiи англiйскiе матросы поссорились съ французскими и это было достаточнымъ предлогомъ нарушенiя условiй. Филиппъ IV, чтобы добыть денегъ на войну, грабилъ итальянскихъ купцовъ и обиралъ евреевъ, а обобравъ, высылалъ изъ Францiи. Эдуардъ сталъ искать союзниковъ, или точнѣе нанимать ихъ субсидiями. Онъ склонилъ на свою сторону Адольфа Нассаускаго, императора германскаго, но тотъ обманулъ, деньги издержалъ и ничего не сдѣлалъ. Онъ тогда заключилъ союзы съ графами брабантскимъ и геннегаусскимъ; герцоги бургундскiй и савойскiй, также взяли деньги и также обманули. Одинъ фландрскiй графъ, Гюи де-Дампьерръ, вошелъ съ нимъ въ тайныя сношенiя и хотѣлъ выдать за него свою дочь. Тогда Филиппъ IV обманомъ заманилъ фландрскаго графа вмѣстѣ съ дочерью и заключилъ въ луврскую башню, ссылаясь на то, что вассалъ не можетъ безъ согласiя сюзерена выдавать дочерей; отца же вскорѣ выпустилъ. Гюи счелъ это наглымъ нарушенiемъ ленныхъ отношенiй, отказался отъ исполненiя вассальныхъ обязанностей, заключилъ формальный союзъ съ Эдуардомъ и объявилъ Францiи войну, но случилось иначе. Эдуардъ, желая сосредоточить всѣ силы противъ Шотландiи, заключилъ перемирiе съ Филиппомъ, выдавая такимъ образомъ ему на жертву своего союзника. Съ двухъ сторонъ французы ворвались во Фландрiю, подъ предводительствомъ самого короля и графа Роберта д' Артуа. Богатый и укрѣпленный городъ Лиль былъ взятъ. Въ это самое время прибылъ во Фландрiю Эдуардъ, вновь вступаясь за графа Фландрiи. Его постигло полное разочарованiе. Онъ надѣялся на союзниковъ и наемныя вспомогательныя войска, но союзники не явились; наемниковъ не

оказалось, а вмѣсто ожидаемыхъ друзей онъ увидѣлъ французовъ, утвердившихся во Фландріи. Въ 1297 году Эдуардъ долженъ былъ заключить второе перемиріе на два года, при чемъ Лиль, Дуэ, Брюгге и Гентъ, опасаясь погрома, отворили ворота и пустили французовъ.

Вмѣшательство папы въ дѣла Франціи.

Эта борьба между двумя королями Запада за судьбу небольшаго фландрскаго графства послужила прелюдіей къ міровому историческому столкновенію между свѣтской и духовной властью. Честолюбивый Бонифацій VIII, о которомъ мы говорили выше, надѣвшій тіару въ 1294 году (II, 495), искалъ случая возобновить былыя грандіозныя претензіи папства, не смотря на всю необезпеченность своего положенія въ предѣлахъ Церковной области. Онъ сдѣлалъ попытку подчинить Францію вліянію Рима. Увлекавшійся старецъ, жившій утопіями, бредившій недавнимъ величіемъ папства, не принявъ въ соображеніе измѣнившихся условій времени, не разсчитавъ силъ въ противномъ лагерѣ, бросилъ вызовъ французскому королю, считая его соперникомъ неопаснымъ и во всякомъ случаѣ болѣе слабымъ, чѣмъ императоръ Германіи. Бонифацій VIII въ своемъ увлеченіи считалъ себя Иннокентіемъ III, а Филиппа IV — Филиппомъ II. Онъ смотрѣлъ на фландрскій вопросъ, какъ на предлогъ къ вмѣшательству въ дѣла Франціи, какъ на случай къ возобновленію теократическихъ претензій ([1]). Папа еще въ 1296 году обратился къ королямъ Англіи и Франціи съ предложеніемъ прекратить войну и заключить миръ; первый согласился, второй, считавшій себя побѣдителемъ, отклонилъ предложеніе первосвященника, не признавая его обязательнымъ для себя. Филиппъ отвѣтилъ новымъ дипломатическимъ актомъ, въ которомъ слышались самостоятельность, сознаніе своего королевскаго достоинства и силы. Онъ не чувствовалъ себя должникомъ папы и потому высказывалъ удивленіе по поводу вмѣшательства первосвященника въ дѣло, которое до Церкви совершенно не касается. Въ заключеніе онъ отказался давать какой-либо отчетъ въ своихъ отношеніяхъ къ графу Фландріи и продолжалъ тѣснить послѣдняго. Бонифацій VIII только затаилъ досаду на короля. Въ самый

([1]) Такъ смотрятъ французскіе изслѣдователи, напр. Du-Puy, Histoire du différend entre la pape Boniface VIII et Philippe le Bel. (P. 1655). — Литература вопроса приведена выше; II, 493.

разгаръ войны Филиппъ IV въ томъ же году получилъ извѣщеніе, что папа буллою — Clericis laicos воспретилъ церквамъ и духовенству Франціи уплачивать налогъ правительству, предназначенный на военныя издержки, угрожая отлученіемъ всякому, кто будетъ взимать такой налогъ. Изъ той же буллы слѣдовало между прочимъ, что безъ разрѣшенія папы нельзя вообще налагать подати на духовенство, а это равнялось контролю со стороны папы надъ французскимъ королемъ и было отраженіемъ теократическихъ претензій. Папа хотѣлъ, чтобы его считали государемъ надъ королемъ. Въ отвѣтъ на это Филиппъ IV воспретилъ вывозить изъ Франціи въ чужія земли деньги и драгоцѣнности, прекращая этимъ всякій денарій св. Петру. Въ отвѣтѣ на буллу король энергично отстаиваетъ права своей короны, давая тѣмъ знать, что руководится не прежними взглядами, а новымъ монархическимъ началомъ. Онъ считалъ духовныхъ такими же подданными своими, какъ свѣтскихъ вассаловъ и горожанъ, притомъ обязанными нести соотвѣтственныя повинности, потому что они владѣютъ значительными землями. Исключать ихъ изъ числа плательщиковъ значитъ оказывать содѣйствіе врагамъ государства, чего не можетъ допустить король. Филиппъ IV хотѣлъ оставаться вѣрнымъ католикомъ, преданнымъ папѣ, какъ духовному главѣ.—„Мы чтимъ Бога, уважаемъ Церковь и ея служителей, писалъ король папѣ, но не думаемъ страшиться неразумныхъ и несправедливыхъ угрозъ, ибо уповаемъ всегда остаться правыми передъ благодатью Божіей. Англійскій король, вассалъ нашъ, отказался явиться на нашъ судъ, и мы должны были отнять отъ него тѣ ленныя владѣнія, которыя ему дали“.

Все это произошло еще до второй фландрской войны. Когда Филиппъ IV украсилъ свою корону новыми лаврами, то папа, понявъ неловкость своей выходки и неумѣстность наступательной политики, измѣнилъ тактику. Онъ обнародовалъ новую буллу, чтобы смягчить впечатлѣніе первой, стараясь уничтожить оговорками все то, что было въ ней оскорбительнаго. Онъ самъ предложилъ сверхъ того Филиппу IV, канонизировать его дѣда Луи IX, удостовѣривъ, что святой король совершилъ при жизни 63 чуда (¹). Тогда и Филиппъ IV проявилъ готовность уступить. Онъ принялъ частное посред-

(¹) **Bouquet**, Bulla de canonisatione; XXIII, 154—160.

ничество Бонифація, не какъ папы, а какъ дружественнаго государя, и дозволилъ свободный вывозъ золота и серебра изъ Франціи. Папа слишкомъ широко воспользовался своимъ положеніемъ посредника. Онъ рѣшилъ, чтобы французскій король отказался отъ всѣхъ своихъ завоеваній какъ во Фландріи, такъ и въ англійскихъ областяхъ. Филиппъ IV съ негодованіемъ отвергнулъ приговоръ папы и возобновилъ военныя дѣйствія въ 1300 году. Теперь вся Фландрія была завоевана, и графъ Гюи, стѣсненный повсюду, сдался Карлу де-Валуа, брату королевскому. Получивъ обѣщаніе Карла въ томъ, что король даруетъ ему амнистію и возвратитъ графство, Гюи съ двумя сыновьями и 40 вассалами отправился въ Парижъ. Король принялъ его сурово, объявивъ, что даруетъ ему и его дѣтямъ жизнь, но что онъ не обязанъ исполнять пустое обѣщаніе своего брата. Затѣмъ Гюи съ дѣтьми и со всею свитою былъ отправленъ въ Парижъ и посаженъ въ Луврскую башню.

Вражда между папою и королемъ.

Тогда Бонифацій VIII возмутился въ свою очередь. Онъ потребовалъ немедленнаго освобожденія графа, ставшаго жертвою предательства. Король игнорировалъ это требованіе. Послѣдовали новыя осложненія. Король приказалъ арестовать только что назначеннаго папскаго легата епископа Памьерскаго за то, что тотъ открыто аппелировалъ противъ правительства. Прежде такой фактъ былъ немыслимъ. Бонифацій грозилъ отлученіемъ; Филиппъ не обращалъ на это вниманія. Папа долго пытался вразумить короля: два года прошло въ переговорахъ и полумѣрахъ съ той и другой стороны. Бонифацій взывалъ къ Филиппу въ декабрѣ 1301 года въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

— «Бойся Бога и храни его заповѣди! Знай, что ты подчиненъ намъ въ дѣлахъ духовныхъ и свѣтскихъ. Тебѣ не принадлежитъ раздача бенефицій и пребендъ и когда ты, пользуясь вакантными мѣстами, берешь церковныя имущества наши въ свое непосредственное вѣдѣніе, то это дѣлается только для того, чтобы ты доходы ихъ сохранилъ для преемниковъ. И если ты нѣкоторыя бенефиціи роздалъ, то мы объявляемъ такую раздачу недѣйствительною и отмѣняемъ все, что учинено въ этомъ отношеніи; всякаго же, кто иначе думаетъ, мы объявляемъ еретикомъ».

На это Филиппъ IV приказалъ отвѣтить въ слѣдующихъ выраженіяхъ, пародируя тонъ первосвященника.

— «Филиппъ, Божіею милостью король французовъ, мнимому папѣ Бонифацію кланяется немного или вовсе не кланяется. Да вѣдаетъ твое великое безуміе (tua magna fatuitas), что мы во временныхъ дѣлахъ не подчинены никому, что раздача свободныхъ пребендъ, равно какъ и доходовъ ихъ, принадлежитъ намъ по королевскому праву, что все данное нами въ ленъ и имѣющее быть впредь выданнымъ остается въ своей силѣ и что мы тѣхъ, кому пожаловали лены, будемъ энергично защищать противъ всякаго. Кто думаетъ иначе, того мы считаемъ глупымъ и безсмысленнымъ».

Теперь борьба обострилась въ высшей степени; ни та, ни другая сторона не хотѣла уступить. Въ буллѣ „Ausculta, fili charissime" папа пытается прибѣгнуть къ увѣщанію короля, но не выдерживаетъ тона и начинаетъ грозить, при чемъ вновь воскресаютъ старинныя претензіи папъ о всемірномъ владычествѣ намѣстника Христова [1]. Филиппъ приказалъ сжечь папское посланіе, предварительно черезъ герольдовъ извѣстивъ объ этомъ народъ, что и было исполнено 11 февраля 1302 года. Такимъ образомъ, торжественно было заявлено, что время папскаго всемогущества и обаяніе интердиктовъ миновало навсегда.

Созваніе государственныхъ чиновъ.

Для того, чтобы въ конецъ одолѣть соперника и привлечь на свою сторону народъ, король рѣшился созвать въ Парижъ представителей сословій, такъ называемые Etats généraux, т. е. государственные чины. Засѣданія открылись въ каѳедралѣ—Notre Dame de Paris. Кромѣ высшаго духовенства и феодальныхъ владѣльцевъ явились депутаты отъ городовъ. Отъ имени короля, его канцлеръ Флоттъ прочелъ рѣчь, въ которой были изложены всѣ злоупотребленія высшей римской іерархіи, всѣ попытки папъ подчинить себѣ Францію.

— „Если необходимо, заявлялъ король, я пожертвую общему благу всѣмъ своимъ достояніемъ, своею жизнью и дѣтьми".—Такъ Филиппъ IV взывалъ къ народу, преимущественно къ городамъ, стараясь привлечь послѣдніе къ жертвамъ для предстоящей борьбы. Онъ не ошибся въ разсчетѣ; увлеченные притворнымъ расположеніемъ короля, бароны и городскіе представители заключили союзъ противъ

[1] Mansi, Annales ecclesiastici; IV, 317. Предшествовавшія буллы въ отрывкахъ ibid. 222 etc.

папы. Они объявили при этомъ, что скорѣе разстанутся съ жизнію, нежели допустятъ, чтобы первосвященникъ римскій нарушилъ права ихъ короля. Духовенство хотѣло первое время оставаться нейтральнымъ и просило отсрочки, чтобы произвести необходимыя сношенія съ Римомъ. Но король требовалъ отъ французскаго духовенства категорическаго отвѣта, угрожая, что въ противномъ случаѣ духовные будутъ признаны ослушниками; на языкѣ Филиппа IV, это значило, что они будутъ ограблены. Тогда и галликанское духовенство, которому не оставалось выбора и которое не получало отъ первосвященника отвѣта на свои просьбы о невмѣшательствѣ, поспѣшило исполнить королевскую волю. Это слабое тѣло было рѣшительнымъ ударомъ парализовано и отрѣзано отъ римскаго сердца. Увѣренный въ изолированности папы, смѣлый король открылъ наступленіе по всей линіи.

Мѣры Бонифація VIII.

Можно сказать, что въ этой новой борьбѣ свѣтской и духовной власти роли и пріемы соперниковъ перемѣнились. Теперь искусство, ловкость, смѣлость оказались не на сторонѣ Рима, который, какъ бы твердя старые уроки, читалъ наставленія королю, а въ борьбѣ дѣйствовалъ лишь тупымъ оружіемъ, добытымъ изъ стараго арсенала. Бонифацій VIII, кинувшись въ распрю, очертя голову, не соразмѣрилъ своихъ средствъ. Онъ грозитъ, проклинаетъ, но не можетъ осуществить на дѣлѣ своихъ угрозъ, которыя остаются словами. Такъ напримѣръ въ буллѣ „Unam Sanctam", долженствовавшей, по его мнѣнію, нанести самый сильный ударъ противнику, онъ въ избитыхъ выраженіяхъ повторяетъ историческія претензіи папъ на міровое владычество и грозитъ отлученіемъ тѣмъ, кто отрицаетъ права святаго престола. Онъ полагаетъ, что вѣра въ подчиненіе всякаго христіанина римскому престолу необходима для спасенія души, какъ бы игнорируя то обстоятельство, что бо̀льшая половина тогдашнихъ христіанъ не желала знать о существованіи папы. Впрочемъ Бонифацій прибѣгаетъ и къ рѣшительной мѣрѣ. Онъ созываетъ въ концѣ октября 1302 года соборъ въ Латеранскомъ храмѣ, на которомъ всѣ прелаты, а въ томъ числѣ 40 лицъ изъ французскаго духовенства, подтвердили рѣшеніе первосвященника.

Месть Филиппа IV.

Французскій король былъ не изъ тѣхъ робкихъ властителей, которые въ былое время трепетали громовъ Латерана. Филиппъ IV немедленно лишилъ владѣній и доходовъ тѣхъ

духовныхъ, которые эмигрировали въ Римъ и задумалъ жестоко отплатить папѣ. Умѣя выбирать людей для исполненія своихъ цѣлей, онъ намѣтилъ среди окружавшихъ его легистовъ одного отважнаго, весьма ловкаго, но глубоко испорченнаго человѣка, готоваго на все за почести и деньги. То былъ Вильгельмъ Ногарэ, богословъ и юристъ по образованію, который, по словамъ однихъ, былъ выгнанъ за развратную жизнь изъ среды тампліеровъ и за то мстилъ всей духовной іерархіи,—по словамъ другихъ, пробившись ко двору изъ профессоровъ въ Монпелье, по принципу хотѣлъ нанести ударъ римской духовной власти. Какъ бы то ни было, въ немъ Бонифацій VIII имѣлъ непримиримаго врага. Подъ его вліяніемъ, король вторично созвалъ въ Луврѣ 12 марта 1303 года епископовъ и феодаловъ съ цѣлью передать на ихъ судъ свой споръ съ папою. Докладчикомъ былъ Ногарэ. Онъ торжественно объявилъ, что Бонифацій VIII незаконно занимаетъ папскій престолъ, что онъ убійца Целестина V, что его слѣдуетъ низложить, а король французскій, какъ покровитель Церкви, долженъ предоставить тіару другому лицу. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, король, чтобы заручиться расположеніемъ духовенства, утвердилъ за нимъ и за церквами льготы, которыя даровалъ имъ еще Луи IX.

Отлученіе короля.

Спустя мѣсяцъ послѣ того, папа привелъ въ исполненіе свои угрозы; онъ 13 апрѣля 1303 года отлучилъ и проклялъ французскаго короля. Онъ лишилъ его короны, которую передалъ королю Германіи Альбрехту. Этого давно ждали въ Парижѣ и ко всему приготовились. Правительство распорядилось хватать тѣхъ, которые принимаютъ и распространяютъ буллу и назначило новое собраніе государственныхъ чиновъ. Король теперь дѣйствуетъ какъ бы по уполномочію всего народа. Онъ желаетъ слить свои интересы съ національными. Къ сожалѣнію, онъ навязывалъ французамъ такія чувства и намѣренія, которыхъ тѣ не раздѣляли. Филиппъ IV задумалъ отдѣлаться отъ своего соперника насиліемъ. Онъ прикрылъ впрочемъ этотъ поступокъ всевозможной легальностью.

Аппеляція государственныхъ чиновъ

13 іюня 1303 года вновь въ Луврѣ собрались государственные чины. Здѣсь было подтвержено низложеніе Бонифація VIII и обнародована аппеляція къ новому папѣ и собору, по поводу отлученія, на которое „дерзнулъ лживый первосвя-

щенникъ, похитившій, какъ тать, престолъ папскій", въ добавокъ — развратникъ, убійца и волшебникъ, чему конечно не вѣрили и сами обвинители. Постановлено было заручиться письменнымъ согласіемъ духовныхъ и свѣтскихъ феодаловъ на низложеніе папы. Гонцы полетѣли во всѣ концы королевства. Въ короткое время 700 желаемыхъ подписей было собрано. Бонифація VIII уже перестали признавать во владѣніяхъ короля Филиппа IV. Но этого было мало для мстительнаго короля. Онъ хотѣлъ въ конецъ уничтожить ненавистнаго соперника. Онъ обдумывалъ такую месть, которая привела бы въ трепетъ всякаго первосвященника, дерзнувшаго послѣдовать политикѣ Бонифація VIII. Онъ зналъ домашнихъ враговъ римскаго владыки, зналъ на сколько слабъ былъ его престолъ и на сколько хилъ былъ онъ самъ. Онъ заключилъ союзъ съ его заклятыми врагами въ самомъ Римѣ и когда узналъ, что въ вѣчномъ городѣ готовится революція, отправилъ туда того же Ногарэ съ самыми широкими полномочіями, снабдивъ его векселями на флорентійскихъ банкировъ и вооруженнымъ конвоемъ для охраны. Ногарэ ѣхалъ въ Римъ посланникомъ королевскимъ, но ему поручено было въ случаѣ надобности прибѣгнуть къ насилію, при чемъ королевское имя должно оставаться незапятнаннымъ. Для исполненія такого рискованнаго и труднаго порученія не было человѣка лучше Ногарэ. Французскій агентъ долженъ былъ спѣшить, такъ какъ имѣлось точное свѣдѣніе, что 8 сентября (1303 года) имѣетъ быть обнародована грозная булла, въ силу которой всѣ подданные Филиппа IV, какъ отлученнаго, разрѣшались отъ присяги, а всѣ сторонники короля и ослушники папской воли предавались проклятію [1].

Катастрофа въ Ананьи. Въ то время, какъ описываемыя событія совершались во Франціи, трагическія сцены происходили въ Ананьи, на родинѣ Бонифація, куда онъ былъ вынужденъ переселиться изъ Рима. Мы уже говорили о жалкомъ положеніи римскихъ первосвященниковъ среди враждебныхъ, вѣчно боровшихся между собой римскихъ аристократическихъ партій. Суровыя мѣры по отношенію къ мятежнымъ баронамъ, къ которымъ долженъ былъ прибѣгнуть Бонифацій VIII, только озлобили

---

(1) Bullarium Romanum auspicante Card. F. Gaude (Aug. Taur. 1859): IV. 170—174.

его заклятыхъ враговъ, а именно домъ Колонна. Старшій изъ нихъ, кардиналъ Джакопо, съ племянникомъ, кардиналомъ Петромъ, распространилъ съ нѣкоторымъ успѣхомъ среди народа разнаго рода слухи, очень неблагопріятнаго свойства для репутаціи стараго папы. Говорили между прочимъ, что Бонифацій VIII преступнымъ, даже насильственнымъ образомъ взошелъ на престолъ, что онъ кровью обагрилъ папскую тіару. Эти подробности важны потому, что выясняютъ то шаткое и неловкое положеніе, которое приходилось выносить первосвященникамъ въ оффиціальномъ центрѣ своей власти, въ своей собственной резиденціи. Папа собралъ грозный синклитъ противъ дерзкаго кардинала, а тотъ между тѣмъ спокойно проживалъ въ Римѣ. Повторилась сцена Катилины и Цицерона, но только съ большими послѣдствіями. Противъ приверженцевъ Колонна, формировавшихъ уже военные отряды на глазахъ папскаго правительства, провозглашается крестовый походъ. Нашиваютъ апостольскіе ключи на плечи воиновъ. Но эти воины безсильны и ничтожны, пока не поднимется нѣсколько могущественныхъ патриціевъ за папу противъ гордыхъ и жестокихъ Колонна. Теперь побѣжденные бѣгутъ, тѣснимые войсками Бонифація VIII, отрядами Орсини и наемными бандами флорентійцевъ. Безпокойный Джакопо Шіарра попадается въ руки варварійцевъ; закованный, четыре года сидитъ онъ на мусульманской галерѣ. Но всѣ эти несчастія еще болѣе разжигаютъ въ немъ желаніе мести Бонифацію. Лишь только онъ успѣлъ освободиться, какъ снова показался въ Римѣ; Шіарра поддѣлывается къ французскому агенту Ногарэ; черезъ него велись сношенія съ Филиппомъ IV, въ результатѣ коихъ составился широкій, стройно организованный заговоръ. Тогда испуганный Бонифацій бѣжалъ въ свой родной городъ Ананьи. У папы не было никакой охраны; крестоносцы разбѣжались; нанять новыхъ не было средствъ. А французское золото между тѣмъ создаетъ большую военную банду, предводитель которой, не справляясь ни съ чѣмъ, пойдетъ противъ кого угодно, безъ всякихъ дальнѣйшихъ разсужденій. Наемные солдаты, руководимые Ногарэ, Шіаррою и еще нѣсколькими недовольными патриціями, направились къ Ананьи. Папа осажденъ въ городѣ, который никто и ничто не защищаетъ. Хищные воины разбѣжались по городу; они стали врываться въ самый дворецъ папскій. Вездѣ крики: „да здравствуетъ Франція,

смерть Бонифацію!“ Во дворцѣ, въ главной тронной залѣ, съ тіарой на головѣ, сидѣлъ сѣдой, осмидесятилѣтній Бонифацій; у него въ рукахъ былъ крестъ и апостольскіе ключи. Около него не было ни воиновъ, ни кардиналовъ; они или испугались, или примкнули къ врагамъ. Бонифацій VIII съ послѣднимъ порывомъ отчаянія воскликнулъ: „преданный подобно Христу своимъ врагамъ, я умру, какъ слѣдуетъ умирать папѣ!“ А воины между тѣмъ бѣгаютъ по комнатамъ дворца, бражничаютъ, грабятъ, рвутъ и жгутъ архивы. Ногарэ начинаетъ ругать въ глаза Бонифація. Шіарра замахнулся своею желѣзною перчаткою и далъ старику пощечину, которою сразу сбилъ его съ кресла. Папа — арестантъ въ своемъ собственномъ дворцѣ. Его рѣшили отравить. Предвидя это, онъ нѣсколько дней не принималъ никакой пищи. Наконецъ толпы простаго народа, этой опоры гвельфской партіи, освободили несчастнаго плѣнника. Уже иные возгласы; уже кричатъ: „да здравствуетъ папа, смерть измѣнникамъ!“ Едва живаго, голоднаго, измученнаго привели Бонифація въ большую залу дворца, сплошь наполненную чернью. Всѣ съ преклоненными головами встрѣтили папу; на него смотрѣли, какъ на мученика; женщины плакали.—„О мои добрые римляне, о мои добродѣтельныя женщины“, — только могъ выговорить старикъ. Онъ не могъ разсказывать своихъ страданій; слабымъ голосомъ, ради Христа, просилъ онъ кусокъ хлѣба. „Да здравствуетъ святой отецъ!“ и общій крикъ самаго горячаго сочувствія пробѣжалъ по всей залѣ. Въ эту минуту каждый впечатлительный, легко увлекающійся римлянинъ, каждый нищій, видѣлъ въ вождѣ католическаго міра своего собрата въ несчастіяхъ. Съ тріумфомъ подхватили папу и повезли въ Римъ. Это происходило 7 сент. 1303 года.

Смерть Бонифація VIII.

Все это совершилось съ необыкновенною быстротою. Однако патриціи успѣли снова организоваться въ стройную оппозицію. Они соединились, забыли родовые наслѣдственные раздоры и поклялись во что бы то ни стало убить папу. Даже Орсини примкнули къ заклятымъ врагамъ Бонифація. Когда сдѣлалось извѣстнымъ прибытіе папы въ Римъ, то патриціи, не теряя времени, окружили дворецъ своими наемниками. Эти наемники состояли изъ всякаго сброда. Между ними было очень много иностранцевъ, пилигримовъ, которые разсчитали, что гораздо выгоднѣе возвратиться на родину съ деньгами богатыхъ бароновъ, нежели ограничиться однимъ

набожнымъ поклоненіемъ римской святынѣ. Надо предполагать, что такихъ воиновъ-пилигримовъ было особенно много именно теперь, такъ какъ еще недавно происходило торжество юбилея. Колонна и Орсини ворвались во дворецъ. Они застали Бонифація, окруженнаго кардиналами. На ихъ глазахъ, подъ заунывную мелодію ихъ монотонной молитвы, истерзали старика. Таково было убѣжденіе римлянъ. Французы говорили, что папа умертвилъ себя въ помѣшательствѣ. По болѣе вѣрнымъ извѣстіямъ, онъ умеръ естественной смертью отъ страшныхъ событій послѣднихъ дней; такое предположеніе вѣроятнѣе другихъ. Бонифацій VIII, послѣдній отблескъ теократіи въ теоріи, былъ безсиленъ въ дѣйствительности; его усилія были безплодны. Конецъ его жизни совпадаетъ съ концомъ папскихъ претензій. Отнынѣ папы перестанутъ надѣяться когда-нибудь воскресить время Григоріевъ или Иннокентіевъ, — хотя и будутъ на словахъ высказывать свои права, свои политическія тенденціи. Какъ нарочно, послѣднему энергичному папѣ довелось погибнуть самымъ ужаснымъ образомъ отъ той руки, которой можно было опасаться менѣе всего. Эта катастрофа, казалось, осязательно выказала все ничтожество папы, какъ представителя теократіи. Въ исторіи борьбы свѣтской и духовной власти имя Бонифація VIII не займетъ того почетнаго мѣста, какое дадутъ ему какъ государственному человѣку, какъ врагу буйнаго феодализма. Если въ первомъ смыслѣ онъ былъ послѣднимъ, то во второмъ — первымъ. Онъ предшественникъ Чезаре Борджіа, которому суждено было черезъ двѣсти лѣтъ сокрушить итальянскихъ князей.

Преемникъ Бонифація VIII, Бенедиктъ XI напоминалъ своего предшественника нѣкоторыми сторонами характера. **Бенедиктъ XI (1303-1304 г.).** По словамъ флорентійскаго историка Дино Компаньи, Бенедиктъ былъ святой человѣкъ по нравственнымъ воззрѣніямъ и по образу жизни; онъ могъ быть „царемъ міра“, но ему многаго недоставало, чтобы быть политическимъ дѣятелемъ. Мудрено было отдаваться подвигамъ благочестія тамъ, гдѣ все напоминало о рѣзнѣ и крови, о злопамятныхъ Колоннахъ и Орсини, гдѣ люди погибали изъ-за пустыхъ претензій, ради прихотей честолюбцевъ.

Папы выживались. Они потеряли значеніе до того, что наконецъ не только не могли удержать престола, но даже не удержали за собою и Рима. По приказу посторонняго государя они

покорно переселяются въ маленькій городокъ Авиньонъ въ качествѣ простыхъ первосвященниковъ. На семьдесятъ лѣтъ они утрачиваютъ право на міровое значеніе во всемірной исторіи.

Впрочемъ Бенедиктъ XI старается поддержать прежнее значеніе папства. Онъ не отрекается отъ своего нравственнаго и даже политическаго вліянія. Правда, сначала шестью буллами онъ уничтожилъ всѣ постановленія своего предшественника относительно французскаго короля; но потомъ, при первой ссорѣ съ нимъ, возобновилъ самую существенную изъ этихъ буллъ—unam Sanctam,—отлучавшую Филиппа IV отъ Церкви. Вмѣстѣ съ тѣмъ Бенедиктъ отлучилъ и убійцъ бывшаго папы. Есть предположеніе, что и этотъ папа погибъ отъ руки французскаго короля (¹). Въ тѣ годы курія совершенно разлагалась; она уже не имѣла того духа единства, который ее поддерживалъ и оживлялъ. Въ началѣ XV вѣка это разложеніе достигаетъ своего апогея.

Междупапствіе и французскіе папы.

Послѣ смерти Бенедикта XI, почти годъ, престолъ оставался незанятымъ и Европа готовилась къ оригинальному зрѣлищу. Король Филиппъ IV давно уже велъ подкопы подъ Римъ. Тамъ кипѣла борьба между двумя партіями: итальянской и французской. Главою первой партіи, имѣвшей задачи національныя, былъ туземный кардиналъ Орсини. Предводителемъ второй былъ также итальянецъ по происхожденію, подкупленный французскимъ золотомъ. Филиппъ IV обманулъ прелатовъ. Притворившись уступчивымъ, онъ позволилъ итальянцамъ выбрать трехъ кандидатовъ, себѣ же предоставилъ право утвердить одного изъ нихъ. Естественно, что онъ не могъ бояться результата выборовъ, такъ какъ отъ него зависѣло тому отдать пальму первенства, кого склонитъ на свою сторону. Онъ выбралъ, хотя француза по происхожденію, но одного изъ личныхъ, страстныхъ враговъ своихъ. Да и всѣ три кандидата, представленные ему, не были дружественны Франціи. Особенно же такимъ качествомъ отличался архіепископъ бордосскій Бертранъ де-Го. Король предложилъ ему черезъ кардинала Прато тіару, но только съ пятью тайными условіями. Честолюбивый архіепископъ, предпочтенный передъ своими товарищами, притомъ же французъ, согласился на всё и его волей-неволей избрали подъ именемъ Климента V.

(¹) Такъ думалъ Denina: «Ma egli se ne morì dopo 9 mesi di pontificato, forse per invidia di certi suoi cardinali fratelli» (II, 309).

Его отвезли короновать въ Ліонъ ([1]). Во время церемоніи случилось происшествіе, о которомъ много говорили. Папа упалъ съ лошади; тіара свалилась съ его головы и самый драгоцѣнный камень ея потерялся. Итальянцы считали это за предзнаменованіе грядущихъ несчастій папства. Тяжелыя предчувствія римлянъ сбылись.

Пять условій Климента V (1305-14 г.).

Съ своей стороны Климентъ V исполнилъ таинственныя обязательства, данныя имъ королю. Первый пунктъ тайнаго условія заключался въ томъ, что новый папа долженъ не только снять отлученіе съ французскаго короля, но даже проклясть память покойнаго папы. Во вторыхъ — онъ долженъ возвратить конфискованныя покойнымъ папою имущества римскихъ бароновъ, возстановить ихъ права и тѣмъ выставить короля другомъ феодализма. Онъ перейдетъ (въ силу третьяго пункта) со всею куріею въ Авиньонъ, отдаваясь такимъ образомъ всецѣло въ руки французскаго короля. Въ четвертыхъ онъ долженъ добровольно отказаться отъ Рима и всей его области. Наконецъ онъ долженъ исполнить послѣднее и самое страшное условіе. Это было обязательство истребить тампліеровъ и отдать ихъ имущество французскому королю. Климентъ V и Филиппъ IV совершаютъ вмѣстѣ самое ужасное насиліе. Гибель Іакова Молэ и истребленіе ордена тампліеровъ всегда останутся гнуснымъ дѣломъ. Хотя нѣкоторые новѣйшіе изслѣдователи (напр. Кишера́) и доказываютъ еретическія и мистическія увлеченія тампліеровъ, но самъ Филиппъ IV относительно ордена руководствовался чисто корыстолюбивыми расчетами. Его мало интересовало то, что тампліеры славились чисто восточнымъ культомъ, что вступленіе въ орденъ было обставлено непозволительнымъ таинственнымъ церемоніаломъ. Ему надо было только воспользоваться ихъ богатствами; братьевъ ордена обвиняли въ плеваніи на крестъ, въ отреченіи отъ Христа, въ приношеніи въ жертву дѣтей, въ идолопоклонствѣ и между прочимъ въ грязномъ развратѣ, при этомъ всегда обвиненія излагались въ общихъ и темныхъ выраженіяхъ ([2]).

([1]) Lacurie. Diss. sur l'entrevue de Philippe le Bel et de B. de Got. —Babanis. Lettre a M. Darenberg sur l'entrevue. P. 1858.

([2]) Michelet, Procès des Templiers, 2 v. 1841—51 (въ Coll. de Guizot). Boutaric, La France sous Philippe le Bel (P. 1861). Hans Prutz, Kulturgeschichte der Kreuzzüge (авторъ воспользовался впервые документами Ватикана) и его-же, Geheimlehre und Geheimstatuten des Tempelherrn-

Истребленіе тампліеровъ.

Условившись съ папою, Филиппъ IV въ сентябрѣ 1307 года внезапно велѣлъ арестовать всѣхъ тампліеровъ, находившихся въ предѣлахъ Франціи. Никакого предварительнаго слѣдствія не было: рыцари были схвачены, а имущество ихъ конфисковано. Изъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ былъ наряженъ судъ съ инквизиторскимъ характеромъ. Судъ дѣйствовалъ по королевскому указанію. Въ немъ засѣдалъ знаменитый Ногарэ, который уже потому не могъ правоспособно засѣдать въ судѣ, что былъ недавно отлученъ Церковью за убійство первосвященника, и теперь страннымъ образомъ онъ какъ бы являлся защитникомъ папскихъ же интересовъ. Папа выговорилъ себѣ только право аппеляціоннаго приговора надъ высшими членами ордена. Въ 1308 году были созваны государственные чины, въ рядахъ которыхъ были 400 свѣтскихъ и духовныхъ лицъ. Здѣсь между прочимъ были прочитаны выжатыя пытками показанія тампліеровъ.

Рѣшено было передать дѣло на разсмотрѣніе собора. Папа съ трудомъ согласился на это опредѣленіе. Наконецъ былъ назначенъ соборъ въ 1311 году въ французскомъ городѣ Вьеннѣ. Но еще до собора папа и король стали пытать и жечь тампліеровъ на медленномъ огнѣ, вынуждая къ сознанію въ небывалыхъ преступленіяхъ. До собора же начались и казни. Такъ, безъ опредѣленія верховнаго судилища, въ 1309 году были сожжены 54 рыцаря подъ тѣмъ предлогомъ, что они отказались отъ данныхъ ранѣе показаній. Въ виду явнаго раздраженія аристократіи,—ибо въ рядахъ тампліеровъ были представители родовой французской знати, которая только и могла считаться въ орденѣ тампліеровъ, — и въ угоду баронамъ король позволилъ защитить 74 подсудимыхъ для вида. Но это была одна только внѣшность; защитительные акты остались только на бумагѣ и въ такомъ видѣ дошли до насъ; въ засѣданіи-же они не читались. На Вьеннскомъ соборѣ было предположено между прочимъ осудить память покойнаго папы. Но сдѣлать это не удалось. Изъ 140 прелатовъ, присутствовавшихъ на соборѣ, только 4 согласились на это; остальные же рѣшились даже возстановить память Бонифація VIII. Этому рѣшенію долженъ былъ подчиниться и король, удовольствовавшись тѣмъ, что были отмѣнены постановленія, направленныя противъ правъ французской

ordens. Результаты послѣднихъ изслѣдованій отмѣчены въ статьѣ проф. Фортинскаго въ Кіевскихъ Унив. Извѣстіяхъ.

націи. Затѣмъ было рѣшено въ виду фальшивыхъ показаній, вынужденныхъ пытками, уничтожить орденъ тампліеровъ съ тѣмъ, что имѣнія ихъ отойдутъ къ іоаннитамъ. Въ Англіи $^2/_3$ имѣній тампліеровъ достались королю Эдуарду; въ Германіи они отошли частью къ іоаннитамъ, частью къ тевтонцамъ. Постановленіе собора, какъ мы сказали, всецѣло отдавало имѣнія тампліеровъ въ руки іоаннитовъ, но и тутъ нашелся ловкій французскій король. Сдавая имѣнія новымъ хозяевамъ, онъ тогда же написалъ на нихъ такіе долги, что іоанниты предпочли отказаться отъ „данайскихъ" даровъ. Гросмейстеръ ордена Іаковъ Молэ просидѣлъ въ французской тюрьмѣ 7 лѣтъ (1307—1314 г.). Онъ измѣннически былъ вызванъ съ Кипра подъ предлогомъ свиданія съ французскимъ королемъ, который хотѣлъ яко бы поручить ему новый крестовый походъ. Затѣмъ обманомъ же его заставили вызвать съ Кипра рыцарей подъ видомъ дарованія имъ милостей со стороны французскаго короля. Молэ имѣлъ слабость довѣриться, и склонилъ къ тому болѣе проницательныхъ товарищей, которые боялись высадиться на территоріи Филиппа. Теперь онъ только убѣдился, какъ его жестоко обманули и измѣннически предали. Подъ пыткой измученный старикъ, быть можетъ, и передалъ что нибудь невыгодное для репутаціи ордена. Онъ былъ осужденъ на пожизненное заключеніе, но, стоя у позорнаго столба, имѣлъ неосторожность сказать, что всѣ его показанія ложны и что всѣ они вынуждены пыткою. За эту искренность онъ поплатился мучительнѣйшею смертью: его велѣно было сжечь живымъ. На другой день послѣ его отреченія, на Парижской площади Notre Dame происходила раздирающая душу сцена. Ни въ чемъ неповинный старикъ, одинъ изъ родовитыхъ бароновъ Франціи, гроза мусульманъ, былъ привязанъ къ бревну надъ костромъ. Онъ высказалъ сожалѣніе въ томъ, что повѣрилъ слову короля и тѣмъ невольно предалъ въ руки его братьевъ своего ордена. Умирая въ страшныхъ мученіяхъ, онъ проклиналъ папу и короля. Говорятъ, послѣднія слова его были: „Я жду васъ, судьи нечестивые: тебя, папа, черезъ 40 дней, а тебя, король, черезъ годъ послѣ моей смерти!". Предсказанія его сбылись. Дѣйствительно папа умеръ черезъ мѣсяцъ, а король —черезъ годъ отъ чумы. Централизація, т. е. укрѣпленіе королевской власти была любимой руководящей идеей Филиппа IV; для достиженія ея онъ не стѣснялся никакими средствами. Укажемъ, напримѣръ, на его отношенія къ богатой Фландріи.

Отношенія къ Фландріи и битва при Куртрэ въ 1302 года.

Изъ этихъ отношеній видно, къ какимъ средствамъ прибѣгали короли для упроченія централизаціи и единовластія. Филиппъ имѣлъ въ виду только закрѣпленіе королевской власти и достиженіе тѣхъ государственныхъ цѣлей, которыя, должно оговориться, были необходимы для Франціи; но при этомъ онъ не разбиралъ средствъ. Король ловко воспользовался возстаніемъ, которое вспыхнуло въ Брюгге въ 1302 году и во время котораго было умерщвлено нѣсколько тысячъ французовъ. Мы упоминали, что фландрскій графъ съ старшими сыновьями былъ заключенъ въ Луврскую башню; но младшіе, оставшіеся въ странѣ или успѣвшіе скрыться изъ Франціи, стали во главѣ возстанія; 100 тысячъ фландрцевъ,—преимущественно рабочихъ и суконщиковъ,—выступили подъ ихъ предводительствомъ противъ Филиппа. Королю пришлось выставить противъ нихъ все свое ополченіе, состоявшее изъ 40 тысячъ пѣхоты и семи тысячъ рыцарей. Произошло сраженіе при Куртрэ. Условія мѣстности благопріятствовали фландрцамъ, такъ какъ рыцари не могли развернуться на узкой долинѣ. Они были приперты къ какому-то каналу и перебиты до послѣдняго; 4000 золотыхъ рыцарскихъ шпоръ было найдено на полѣ битвы; ими фландрцы украсили свои храмы. Сраженіе это называется „битвою шпоръ". Тогда Филиппъ самъ пошелъ во Фландрію. Произошло сраженіе, въ которомъ французы смѣшались и снова были побѣждены. Во Фландріи послѣ этого установилось свое собственное правительство изъ выборныхъ горожанъ. Напрасно Филиппъ старался сойтись съ фландрцами при посредничествѣ плѣннаго графа Роберта. Попытка его заключить миръ не удалась. Но во всякомъ случаѣ энергичный французскій король, неразбиравшій средствъ, не оставлялъ своего намѣренія. Онъ даже рѣшился жениться на сестрѣ своего врага, англійскаго короля Эдуарда и заключить съ нимъ при этомъ договоръ, чѣмъ обезопасилъ себя со стороны англійскихъ провинцій на материкѣ. Въ 1304 году онъ самъ прибылъ во Фландрію съ 40 тысячами пѣхоты и 10 тысячами конницы, большую часть которой составляли рыцари. Хотя на этотъ разъ французы и побѣдили, но соперникъ далеко не былъ сокрушенъ. Король, сознавая невозможность успѣха, обратился къ дипломатіи.

Онъ заключилъ съ фландрцами предательскій договоръ, по которому освобождалъ сидѣвшаго въ заключеніи фландр-

скаго графа и возвращалъ фландрцамъ ихъ права и вольности. Они-же съ своей стороны должны были заплатить контрибуцію. Но такъ какъ послѣдняя была довольно значительна, то король взялъ въ залогъ—Лилль, Дуэ и еще два небольшихъ городка, которые навсегда и остались за Франціей. При Филиппѣ были присоединены къ Франціи Монпелье и Ліонъ: первый силою, а второй дипломатіей. Графства и городъ Ліонъ съ давнихъ поръ были подъ опекою германскихъ императоровъ. Но съ Филиппа II Августа протекторатъ всецѣло перешелъ въ руки французовъ. Ліонскій архіепископъ, считавшійся намѣстникомъ графства, встрѣтилъ соперниковъ въ лицѣ графовъ Форэ. Эти соперники были выдвинуты французскими руками. Филиппъ еще въ концѣ XIII столѣтія успѣлъ склонить на свою сторону архіепископа, который, оскорбивъ папу, естественно, долженъ былъ искать защиты у короля. На скатѣ горы, на которой красуется Ліонъ, король выстроилъ замокъ, долженствовавшій служить эмблемой его власти. Но Ліонъ расположенъ такъ, что никакой замокъ не былъ опасенъ для того, кто владѣетъ городомъ. Поэтому, королевскій замокъ, выстроенный не на мѣстѣ, не достигалъ своей цѣли и былъ скоро разрушенъ. Это было предлогомъ ко вмѣшательству французскаго правительства. Между тѣмъ архіепископъ отказался возобновить присягу. Воспользовавшись этимъ, Филиппъ, игнорируя слабую священную имперію, послалъ своего сына занять Ліонъ, что и было исполнено. Такимъ образомъ въ 1312 году Ліонъ вошелъ въ составъ французскаго королевства навсегда, сдѣлавшись съ того времени какъ бы второю столицею Франціи.

Вавилонское плѣненіе.

Папскій престолъ занимали люди, превосходившіе другъ друга развратомъ. Папы стали покорными слугами и безсильнымъ игралищемъ въ рукахъ Филиппа и его преемниковъ. Французскіе или, какъ ихъ называли, авиньонскіе папы были первосвященниками только по имени. Они были плѣнниками французскихъ королей.

На это семидесятилѣтнее вавилонское плѣненіе (esilio Babilonico) совершенно противоположно смотритъ итальянскіе и французскіе историки. Первые, какъ и слѣдовало ожидать, относятся крайне враждебно къ авиньонскимъ папамъ. Они надѣляютъ ихъ всевозможными пороками, какіе только въ состояніи придумать богатое воображеніе. Все сводится къ

общему отзыву,—„scandalo del popolo cristiano e ruina della Cristianitá". Данте и Виллани одни изъ главнѣйшихъ представителей такого воззрѣнія (1). Историки же французскіе, по возможности защищая авиньонскихъ папъ, не находятъ никакой разницы между поведеніемъ тіарпстовъ французскихъ и римскихъ. Тѣ и другія сужденія страдаютъ односторонностью. Замѣтимъ пока, что спеціальный историкъ вавилонскаго плѣненія, Балузій находитъ много смягчающихъ доводовъ въ пользу авиньонскихъ папъ.

Во всякомъ случаѣ, съ перенесеніемъ папской резиденціи въ Авиньонъ, начинается эпоха паденія духовной власти. Гордые и нѣкогда могущественные преемники апостоловъ теряютъ уваженіе и значеніе, даже какъ духовные пастыри. По словамъ новаго итальянскаго историка Канту, съ этого времени чуется наступленіе новой исторіи и новыхъ стремленій, такъ какъ выясняются будущіе государственные идеалы, падаютъ прежнія теократическія претензіи (2). Если это справедливо, то еще слишкомъ рано до той минуты, „когда новыя силы будутъ грозить разрушить корабль вѣры, когда закипитъ общая борьба противъ Церкви". Папство должно было еще просуществовать столѣтія, чтобы почувствовать необходимость самоисправленія.

Такое хроническое безсиліе папской власти, власти, такъ долго господствовавшей надъ Европой, благопріятствовало усиленію монархической идеи въ тѣхъ странахъ, гдѣ были правители, столь безжалостные, какъ Филиппъ IV. Совершенно безошибочно можно назвать Филиппа отцемъ французскаго королевства, основателемъ централизаціи, предшественникомъ Луи XIV. Его стремленіе нивеллировать условія общественной жизни, подводить все подъ одну мѣрку,—доходившее до мелочей, касавшееся даже одежды и удоволь-

(1) Dante, L'Inferno, XIX. — G. Villani, l. IX, c. 58, 79. — Raynaldi, Annales eccles. a. 1314.

(2) Вотъ что между прочимъ говоритъ Cantu по этому поводу: «Свершилось два великихъ событія: выдѣленіе національностей и гражданское самосознаніе государствъ. Великая христіанская республика, знавшая прежде только одного папу, теперь рушилась; единство учрежденій исчезло; анализъ смѣнилъ вѣру; неустановившееся время броженія смѣнилось болѣе сознательнымъ вѣкомъ; могущество королей замѣнило авторитетъ Церкви. Всѣ новыя силы хотятъ прорвать старыя связи. Отсюда общая борьба съ Церковью, хотя сражались, конечно, не съ нею самою, а съ ея игомъ, которое грозило сдѣлаться невыносимымъ (Hist. des Ital. V, 536)».

ствій,—очень часто встрѣчало значительныя препятствія. Но тѣмъ почтеннѣе были усилія Филиппа улучшить государственный механизмъ Франціи, для чего онъ не пренебрегалъ никакими средствами. Онъ преобразовалъ парламентъ, бывшій при немъ королевскимъ совѣтомъ и состоявшій изъ перовъ Франціи, въ исключительно судебное учрежденіе. Но судъ этотъ вполнѣ зависѣлъ отъ короля, который самъ назначалъ судей. Такимъ образомъ верховная власть захватила судебныя функціи, доселѣ принадлежавшія народу. Хотя этимъ подрывалась народная свобода, но благодаря централизаціи водворился лучшій порядокъ. Ради государственной пользы, которую Филиппъ понималъ очень широко, король не стѣснялся даже чеканить фальшивую монету, чтобы отбить охоту къ тому же у феодаловъ и городовъ. Этотъ монетный вопросъ очень интересенъ для характеристики правовъ и финансоваго устройства того времени. Доселѣ феодалы и города могли имѣть собственную монету; король распространялъ монету своего чекана только въ земляхъ, непосредственно подчиненныхъ ему; феодалы не были обязаны принимать королевскую монету. Прямо провозгласить, что только королю принадлежитъ право чеканить монету—значило поднять противъ себя весь феодальный міръ. Положеніе короля, какъ главы государства, предоставляло ему значительный произволъ. По этому Филиппъ IV, нисколько не стѣсняясь, сталъ выпускать фальшивую монету, перечеканивъ ее изъ высокопробной въ низкопробную съ обязательнымъ курсомъ, и такимъ образомъ поступалъ почти ежегодно. Его монета, даже фальшивая, внушала больше довѣрія, чѣмъ высокопробная монета феодаловъ, которая быстро вся очутилась въ казнѣ короля. Феодалы скоро убѣдились, что они не могутъ состязаться съ королемъ. Ежегодно мѣняя курсъ своей монеты, заставляя другихъ владѣтелей приноравливаться къ нему, Филиппъ въ концѣ концовъ поставилъ монетную прерогативу феодаловъ въ самое невыгодное положеніе. Феодалы не могли соперничать съ королемъ потому, что если бы они вздумали выпускать фальшивую монету, то легко могли подпасть суду парламента за подлогъ и мошенничество, чего не могло быть съ королемъ. Такимъ образомъ они увидѣли, что имъ будетъ гораздо выгоднѣе отказаться отъ права чеканить монету. Наконецъ король, которому надоѣло чеканить фальшивую монету, выпустилъ монету оловянную. Въ народѣ, который Филиппъ безбожно гра-

билъ, началось волненіе. Филиппъ выпустилъ тогда монету высокопробную; но въ слѣдующемъ году опять отчеканилъ низкопробную, а налоги велѣлъ взыскать не иначе какъ высокопробной. Король ошибочно думалъ, что отъ такихъ возмутительныхъ и обманныхъ пріемовъ государство получитъ доходъ. Этимъ только онъ наносилъ ударъ упрочивавшейся въ умахъ государственной идеѣ. На дѣлѣ выгадывали лишь мѣнялы игрою на курсѣ; казна же королевская была всегда пуста.

Возстаніе парижанъ.

Между тѣмъ негодованіе безпощадно обираемаго народа возросло до открытаго возстанія въ Парижѣ по поводу монетнаго вопроса. Король былъ осажденъ въ своей Луврской башнѣ; ему грозила голодная смерть. Онъ согласился по необходимости на всѣ требованія толпы; его выпустили и онъ не сдержалъ ни одного изъ своихъ обѣщаній, а напротивъ жестоко расправился съ мятежниками, вздернувъ на висѣлицу главныхъ зачинщиковъ. Продолжая ту же финансовую политику, онъ озаботился только на будущее время по возможности прикрывать свои насилія народною волей. Въ собраніи государственныхъ чиновъ было рѣшено выпустить новую монету и понизить курсъ старой. Очень широко воспользовавшись этимъ разрѣшеніемъ, король выпустилъ такую низкую монету, что вспыхнуло новое возстаніе, съ которымъ также пришлось бороться оружіемъ. Это было за 4 года до смерти Филиппа.

Отношенія къ коммунамъ. *Сѣверная полоса.*

Тѣмъ менѣе королевская власть не считала нужнымъ церемониться съ коммунами и ихъ гарантированными хартіями (1). Мудрено было напримѣръ какому нибудь Амьену отстоять свою независимость. Даже бароновъ король называлъ подданными; онъ требовалъ и отъ феодаловъ, и отъ аристократіи непосредственнаго подчиненія къ себѣ, и тѣмъ менѣе былъ склоненъ щадить самостоятельность горожанъ, на которыхъ смотрѣлъ какъ на вилановъ. Политика Филиппа IV должна была подрывать самостоятельность и значеніе коммунъ. За то въ другомъ отношеніи была польза для третьяго сословія. Населеніе выходило изъ своего подчиненнаго положенія. Оно ближе приравнивалось къ остальнымъ элементамъ государства, получало политическія права и

(1) Этотъ вопросъ подробно изложенъ въ особой главѣ перваго тома (I. 550—564), гдѣ указана и литература.

участіе въ государственныхъ дѣлахъ. Въ этомъ отношеніи оно даже много выигрывало. Король устроилъ верховный правительственный судъ, великій совѣтъ, grand conseil. Въ этомъ совѣтѣ сидѣли легисты, вышедшіе изъ народа, которые конечно не могли выдавать своихъ. При немъ же собираются états généraux, куда были допущены и депутаты отъ городовъ. Такимъ образомъ горожане уравниваются съ феодалами. Филиппъ IV позволилъ выкупаться крестьянамъ Лангедока, а его преемникъ предоставилъ это право насельцамъ всѣхъ королевскихъ имѣній. Такимъ образомъ въ принципѣ было уничтожено крѣпостное право. Въ Провансѣ провозглашены были всѣ туземцы — свободными, ибо французъ, franc, долженъ уже по имени быть свобожденнымъ отъ всякихъ цѣпей. Положимъ, что крестьянамъ не на что было выкупаться, но вскорѣ должно было уже наступить то время, когда, по замѣчанію Мишле, „бѣднякъ будетъ съ признательностію вспоминать о царственномъ родѣ". Такимъ образомъ чувствуется наступленіе желанныхъ дней свободы и равенства. Несомнѣнно, что всѣ труды легистовъ были направляемы въ интересахъ сословія, изъ котораго они сами происходили. Они издаютъ законы, стѣснительные для земледѣльцевъ, но обязательные и для господъ. Въ XIV ст. возникла мысль, что короли изъ милости держатъ коммуны. Эта мысль родилась въ умахъ легистовъ и выходила изъ представленія объ единой императорской власти. Уже Филиппъ IV задумалъ примѣнить эту идею на практикѣ, и первой жертвой его сдѣлался Амьенъ. Филиппъ IV уничтожилъ коммуну и назначилъ своего коммиссара съ титуломъ стража мэріи и превотства Амьенскаго, потомъ смягчился, возстановилъ коммуну, но выговорилъ себѣ право превотства, т. е. суда, и тогда же настоялъ на томъ, чтобы городскіе чиновники всѣ были по назначенію отъ короля. Правда, это не помѣшало гражданамъ подать жалобу на короля въ парламентъ, который рѣшилъ споръ въ пользу коммуны, но все же коммуна сознавала грозу, тяготѣвшую надъ ней. Пришлось разстаться съ политической свободой. Преемники Филиппа то отнимали, то возвращали привилегіи коммунѣ. Горожанамъ пришлось выкупать свои права. Право налога было отнято отъ коммунъ. Такъ напримѣръ, правительство настояло на томъ, чтобы о всѣхъ финансовыхъ распоряженіяхъ городъ извѣщалъ короля и испрашивалъ королевскаго разрѣшенія. Это была существенная прерогатива

коммуны. Собственная милиція также была отнята у горожанъ. Городская милиція получила навсегда часть королевскихъ капиталовъ. Въ городахъ были устроены правительственные склады, арсеналы и т. п. Этимъ хартія теряла значеніе, городъ сталъ королевскимъ, выборное право было сокращено и горожане встали въ ряды подданныхъ. Вотъ тѣ стадіи, которыя проходила коммуна. Другіе города постигла та же участь. Они также склонились передъ королями.

Средняя полоса и судьба Реймса.

По отношенію къ средней Франціи короли могли скорѣе достигнуть завѣтныхъ цѣлей, потому что здѣсь общины не пользовались той степенью коммунальной свободы, какой пользовались сѣверные города. Для уясненія отношеній Филиппа IV къ комунамъ этого типа, мы остановимся подробнѣе на судьбѣ Реймса.

Реймсъ былъ архіепископскимъ городомъ; здѣсь короновались короли Франціи, а архіепископъ реймскій считался первымъ прелатомъ (1). На ступеняхъ церковной іерархіи онъ занималъ первое мѣсто, но и тутъ король не стѣснился лишить его и коммуну старыхъ привилегій. Коммуна Реймса существовала на основаніи договоровъ съ аббатомъ, архіепископомъ и капитуломъ. Все,—земля, аллоды и судъ принадлежали духовнымъ, архіепископу, но земледѣльцы и торговцы не хотѣли служить монахамъ. Въ 1139 году представился случай удовлетворить такому желанію. Архіепископская каѳедра стала вакантной. Жители обратились къ Луи VII, французскому королю, а тотъ утвердилъ коммуну по образцу Лаона съ слѣдующею оговоркою: — „чтобы тѣмъ не нарушались архіепископскія права и не наносилось вреда церквамъ г. Реймса, ибо мы, руководясь чистымъ и искреннимъ намѣреніемъ принести пользу вамъ, не хотимъ, чтобы отъ этого произошелъ вредъ или безчестіе намъ или церквамъ (ex vestro autem quomodo nec ecclesiis, nec nobis ipsis damnum aliquod aut dehonestum veniret)“. Конечно, эти увѣщанія были безплодны. Какъ только личная свобода была провозглашена, коммуна ожила; люди стали стекаться въ Реймсъ; jurati (jurès) собрались въ каѳедралѣ, а оттуда устремились къ ратушѣ. Разнесся слухъ, что они хотятъ провозгласить республику. Такъ была порывиста коммуна средней Франціи. Впрочемъ, освободившіеся увлеклись. Они стали посягать на тѣ земли,

---

(1) Подробности въ монографіи А. И. Смирнова. Коммуна средн. Франціи сѣверной полосы и средней (Каз. 1873). Литература выше: I, 552.

на которыя не имѣли никакихъ правъ. Реймское духовенство нашло ходатая въ св. Бернарѣ, который на всю Европу оповѣщалъ о наглости „реймскаго народа“. Голосъ его былъ весьма вліятеленъ, авторитетъ громаденъ; папа укорялъ короля за позволеніе горожанамъ пользоваться правами, бо̀льшими чѣмъ власть феодаловъ. „Король, писалъ папа, долженъ зрѣло взвѣшивать свои поступки“. Какъ только новый архіепископъ былъ выбранъ, началась борьба. Горожане разрушили дома архіепископа; король повелъ свои войска. Жители были поставлены въ неловкія отношенія къ архіепископской и королевской власти; то они грабили дома прелатовъ, то королевскія войска раззоряли ихъ. Въ концѣ XII столѣтія обозначились условія спорныхъ отношеній. Тутъ уже не упоминается самое слово коммуна. Городу предоставлено только право имѣть засѣдателей. Подсудимый отвѣчаетъ имуществомъ или представляетъ поручителя. Городъ продолжалъ доказывать, что ему принадлежитъ наблюденіе за порядкомъ; архіепископъ съ своей стороны настаивалъ, что горожане не хозяева въ городѣ. Въ этомъ отношеніи король не поддерживалъ архіепископа; королю было пріятнѣе непосредственная власть гражданъ, которыхъ легче было раздавить. Корона хочетъ и тутъ прямо подчинить себѣ населеніе. У Реймса король потребовалъ присяги, и только на этомъ условіи согласился подтвердить договоръ съ архіепископомъ. Горожане клялись сохранять „vita, corpus et membra regis“. Съ этого времени начинается вмѣшательство королевской власти въ распоряженія духовной. Оказывается, что это дѣлается выгоднымъ для королей въ борьбѣ ихъ съ феодалами. Это вполнѣ выясняется при Луи IX и Филиппѣ IV. Въ Бовэ горожане не приняли назначеннаго правительствомъ мера при Луи IX. Когда онъ видѣлъ, что предстоитъ мятежъ, — онъ еще не покровительствовалъ тогда прелатамъ,—то отправился въ епископскій городъ, произвелъ погромъ и выслалъ 1500 человѣкъ въ изгнаніе, разрушивъ дома мятежниковъ. Этотъ впослѣдствіи святой король оскорбилъ самого епископа. При Филиппѣ IV такая политика стала еще рѣшительнѣе. Въ Реймсѣ архіепископъ не позволялъ городскому совѣту присвоить себѣ нѣкоторыя нежелательныя ему права, а король разрѣшилъ таковыя общинѣ и заставилъ архіепископа силой согласиться на это. Короли были всегда щекотливы, когда дѣло касалось ихъ интересовъ. Тутъ не было разницы между святымъ королемъ и Филиппомъ IV; всѣ короли руководились одной идеею.

Между тѣмъ городская свобода въ сущности доставалась здѣсь съ тѣмъ же пролитіемъ крови, какъ и на сѣверѣ. Здѣсь даже больше было жертвъ, потому что власть прелатовъ была особенно крѣпка. Во всякомъ случаѣ, дѣло кончалось одинаково.

Коммуны, добывъ себѣ свободу, слагали ее къ ногамъ тѣхъ же королей, которые помогали имъ пріобрѣтать ее. Это даетъ право заключить, что короли помогали третьему сословію; но сущность дѣла была иная. Справедливѣе сказать, что третье сословіе помогало росту королевской власти.

Таковъ былъ характеръ исторической дѣятельности Филиппа IV. Онъ былъ однимъ изъ виновниковъ историческаго величія Франціи; онъ подготовилъ фундаментъ будущаго ея единства и могущества.

Филиппъ IV былъ ревностнымъ поборникомъ монархическаго принципа. Его идеи были вполнѣ современны, хотя практическое осуществленіе ихъ выразилось въ рѣзкихъ формахъ, которыя были невыносимы для тогдашней Франціи. Разсматривая съ исторической точки зрѣнія дѣятельность Филиппа Красиваго, нельзя не удивляться его политической проницательности. Онъ сдѣлалъ все для сокрушенія феодальнаго строя; его средства были неразборчивы, но согласны съ нравственными идеалами тогдашняго желѣзнаго вѣка. Король унизился до того, что занимался публично подлогами и мошенничествомъ. Онъ не гнушался сообществомъ бандитовъ, мошенниковъ и фальшивыхъ монетчиковъ; онъ прибѣгалъ также къ убійству. Но добытыя такими грязными средствами деньги онъ употреблялъ не для себя, а на пользу государства. Его общественная жизнь была рядомъ низкихъ поступковъ, отчасти оттого, что другой образъ дѣятельности не достигъ бы такъ скоро намѣченной цѣли, да и былъ не по характеру короля. Подъ конецъ Филиппъ IV вызвалъ противъ себя такую ненависть, что долженъ былъ бояться за свою жизнь.

Оппозиція населенія.

Въ послѣдній годъ царствованія Филиппа IV, въ 1314 году образовалось для сопротивленія королю нѣсколько ассоціацій, которыя изложили въ слѣдующихъ словахъ свои замыслы и обязательства:

«Всѣмъ, кто увидитъ и услышитъ настоящія грамоты, мы, дворяне и общины Шампаньи: отъ насъ, отъ земель Вермандуа, Бовези, Понтьё, де ла Ферре, Корби, и отъ всѣхъ дворянъ и народа Бургундіи, и отъ всѣхъ нашихъ союзниковъ и присныхъ, обитающихъ во всѣхъ краяхъ королевства Франціи, привѣтъ! Да

будетъ вѣдомо всѣмъ, что поелику доблестнѣйшій государь нашъ возлюбленнѣйшій и боязно-чтимый господинъ (sire) Филиппъ, Божіею милостію король Франціи, установлялъ и взималъ различные недолжные оброки, помочи и поборы, подмѣнивалъ монету и творилъ многія другія дѣла, отъ чего сказанные дворяне и горожане несли большую тяготу, оскудѣли, и отъ тѣхъ доселѣ существующихъ порядковъ происходитъ великое зло. И не видно, чтобы они послужили къ чести и пользѣ короля и королевства, или къ огражденію пользы общей. По поводу тѣхъ обидъ мы много разъ смиренно и благоговѣйно просили и молили названнаго короля, чтобы таковыя дѣла онъ соблаговолилъ отмѣнить и оставить; но ничего этого онъ не сдѣлалъ. И еще въ текущемъ 1314 году вышеименованный нашъ король учредилъ неправильно налоги на дворянъ и на простой народъ, а также и помочи, которыя пытался взимать съ нихъ; этого мы не можемъ терпѣть и по доброй совѣсти допустить, ибо въ такомъ случаѣ лишились бы своихъ почетныхъ правъ, льготъ и вольностей, какъ мы, такъ и тѣ, кто будетъ дѣйствовать послѣ насъ. Вслѣдствіе всѣхъ перечисленныхъ дѣяній, мы, вышереченные дворяне и общины, за себя и за нашихъ родныхъ и присныхъ, а также и за другихъ, во всѣхъ краяхъ королевства Франціи, какъ сказано выше, поклялись и обѣщали подъ присягою, прямодушно и добросовѣстно, за себя и своихъ наслѣдниковъ, графствамъ Оссеръ и Тоннеръ, дворянамъ и общинамъ названныхъ графствъ, ихъ союзникамъ и приснымъ, что, по случаю помочи требуемой на текущій годъ и прочихъ неправдъ и новизнъ, неподобно введенныхъ и вводимыхъ, нынѣ и впредь, буде короли Франціи, наши государи или другіе, захотятъ обложить тѣ земли, мы окажемъ имъ помощь и защиту своими собственными силами и средствами... И да будетъ извѣстно, что, поступая такъ, мы постановили и постановляемъ, опредѣлили и опредѣляемъ, чтобы всѣ службы, повинности ленныя, подданственныя и всякія другія, должныя королямъ Франціи, государямъ нашимъ, и прочимъ нашимъ господамъ и ихъ наслѣдникамъ, оставались сохранно, нерушимо и неприкосновенно» [1].

Король не успѣлъ принять мѣръ противъ оппозиціи. Онъ умеръ отъ чумы въ полномъ расцвѣтѣ своихъ силъ.

Значеніе царствованія Филиппа IV.

Историческій образъ дѣятелей, подобныхъ Филиппу Красивому не внушаетъ симпатій ни современникамъ, ни потомству. Но эти холодныя сердца, эти закаленные борьбою жестокіе люди, не разбирающіе средствъ, открыто попирающіе права, справедливость, отрицающіе нравственные принципы, служатъ будущему, иногда сами того не сознавая, хотя всегда заботятся о личныхъ

(1) Boulainvillier, Lettres sur les anciens parlements, t. II, p. 29—30. См. Гизо, Исторія цив. во Франціи, пер. Корсакъ; III, 290.

выгодахъ. Ихъ частный, эгоистическій интересъ порождаетъ интересъ общественный, историческій. Филиппъ IV Красивый принадлежалъ къ числу таковыхъ людей. Онъ умеръ только 46 лѣтъ въ полномъ разцвѣтѣ физическихъ силъ, въ раздорѣ съ своимъ народомъ, проклинаемый за деспотизмъ и насилія. Хорошихъ, прогрессивныхъ сторонъ его дѣятельности никто не понималъ; даже историческую оцѣнку онѣ нашли сравнительно недавно, такъ какъ ихъ сопровождали насильственныя средства, обманъ, предательства, тюрьмы, пытки, истязанія.

Такими средствами зародилась сила Франціи.

Когда въ дни террора (19 октября 1793 года) фанатически озлобленная толпа выкидывала изъ гробницъ Сенъ-Дени кости королей Франціи, то она съ удивленіемъ встрѣтила въ массивномъ свинцовомъ гробу почти цѣликомъ сохранившійся скелетъ ненавистнаго короля ([1]). На пальцѣ еще сіялъ золотой перстень, а на черепѣ мѣдная позолоченная корона, украшенная металической птицею. Неистовая толпа выбросила эти кости въ одну общую могилу вмѣстѣ съ останками другихъ королей и прелатовъ Франціи.

Луи X (1314-16 г.).

По смерти Филиппа IV королевская власть лишилась своихъ послѣднихъ завоеваній и невольно должна была подчиниться общему теченію. Старшій сынъ его Луи X, прозванный Вѣтреннымъ за свою непослѣдовательность, началъ съ того, что сталъ мирволить феодаламъ. Великое зданіе, воздвигнутое политикой и хитростью, готово было разрушиться въ его рукахъ. Правительство отказалось отъ письменнаго судопроизводства и дозволило судебный поединокъ, слѣдовательно пошло назадъ. Движеніе, побудившее правительство къ такой реакціи, началось въ Шампаньи. Тамъ вездѣ возставали противъ новаго порядка вещей; феодалы и бароны всюду и всегда заявляли, что желаютъ вернуться къ добрымъ обычаямъ святаго короля. Такіе хартіи были даны Бургундіи, Шампаньи и Нормандіи. Вѣтренный король даже расширилъ противъ прежняго привилегіи южныхъ бароновъ. Онъ выдалъ легистовъ, сотрудниковъ его отца, головой врагамъ. По настоянію ожесточившихся бароновъ, Энгерань де-Мариньи, имѣвшій огромное вліяніе на Филиппа, и канцлеръ Рауль де-Прель были принесены въ жертву общей ненависти, преданы

([1]) G. D'Heilly, Extraction des cercueils royaux a S. Denis en 1793; relation authentique (P. 1866). p. 30.

суду и повѣшены. Скоро король почувствовалъ нужду въ деньгахъ и долженъ былъ, подобно отцу, войти въ сдѣлки съ евреями и продавать вольности горожанамъ. Послѣднее можно сравнивать съ аналогичнымъ ему распоряженіемъ римскаго императора Каракалы, который обобралъ все населеніе, поднося ему равенство въ правахъ. Только необходимость въ деньгахъ вела Луи X къ государственнымъ реформамъ. Въ концѣ концовъ онъ все-таки долженъ былъ сознаться, что безъ легистовъ ему нельзя обойтись. Они посовѣтовали ему чеканить низкопробную монету. Но ѳто вызвало опять неудовольствіе и ненависть къ правительству.

Филиппъ V Долговязый (1316-22 г.).

Луи X оставилъ дочь Іоанну, но женщины издавна исключались изъ престолонаслѣдія во Франціи; потому престолъ занялъ въ 1316 году его братъ Филиппъ V, прозванный за свой ростъ Долговязымъ (le Long). Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ у королевской вдовы родился сынъ, но младенецъ Іоаннъ въ томъ же 1316 году умеръ, а Филиппъ V былъ снова признанъ въ королевскомъ достоинствѣ ([1]). Онъ правилъ шесть лѣтъ, устранивъ по салическому закону свою племянницу отъ престолонаслѣдія. За то Филиппъ отказался отъ наслѣдственныхъ притязаній на Наварру и Шампань. Эти права были унаслѣдованы Луи X отъ его матери Іоанны, но Филиппъ V удержалъ ихъ за своимъ домомъ, женивъ своего сына на Іоаннѣ, дочери покойнаго брата. Онъ разсчитывалъ этимъ бракомъ присоединить богатыя области къ своему дому. Затѣмъ Филиппъ выдалъ за внука и наслѣдника Роберта, графа Фландрскаго — свою дочь и далъ въ приданое ей графство Артуа. Такимъ образомъ король, желая увеличить свои владѣнія, потерялъ часть собственной территоріи. Аристократія духовная и свѣтская послѣ ударовъ, нанесенныхъ ей Филиппомъ IV, собрала всѣ свои силы для новой борьбы. Сопротивленіе было успѣшно. Бальи и сенешалы короля вездѣ и во всемъ встрѣчали оппозицію. Успѣшнѣе были его реформы по судопроизводству, а равно старанія поднять фабричную дѣятельность городовъ южной Франціи. Для того, чтобы подорвать суконную и шерстяную мануфактуру фландрскихъ фабрикъ, король взялъ подъ свое покровитель-

([1]) Въ нѣкоторыхъ государственныхъ актахъ значится имя этого младенца, какъ короля Іоанна I.

ство суконныя фабрики Каркасонны, Нарбонны и другихъ городовъ, а также богатѣйшія мануфактуры золотыхъ и серебряныхъ вещей въ Монпельё. При немъ развилось впервые мѣстное производство въ названныхъ городахъ.

Карлъ IV (1323-28 г.).

Въ этомъ отношеніи гораздо смѣлѣе дѣйствовалъ третій сынъ Филиппа IV, Карлъ IV. Онъ вполнѣ и неуклонно слѣдовалъ политикѣ отца. Онъ снова выпустилъ фальшивую монету и взялъ изъ обращенія высокопробную, что снова обогатило евреевъ. Узнавъ объ этомъ, король потребовалъ съ евреевъ значительной суммы, и когда тѣ отказались, отобралъ у нихъ все ихъ имущество и выгналъ изъ Франціи. Онъ обложилъ налогами даже духовныхъ, которые до сихъ поръ пользовались привилегіями. Въ Лангедокѣ поднялось волненіе, возбужденное феодалами, не допускавшимися къ отцовскому наслѣдію на томъ основаніи, что за ними, по происхожденію ихъ матерей, не признавалось рыцарское достоинство. Возстаніе было подавлено силой. Король велѣлъ пересмотрѣть поземельные акты южныхъ бароновъ и у многихъ произвелъ конфискаціи.

Ошибочно было бы думать, что такія мѣры слабыхъ преемниковъ Филиппа IV возвысили авторитетъ королевской власти; напротивъ, ими было подорвано на нѣкоторое время ея обаяніе. Насильственныя, всегда грубыя мѣры ни къ чему не привели. Гизо справедливо говоритъ по этому поводу: „Тогда королевская власть отвергла было всѣ стороннія права и захватила всѣ другія власти; вмѣсто того, чтобы служить въ обществѣ началомъ порядка и мира, она сдѣлалась въ немъ источникомъ безначалія и войны. Она вышла изъ этой попытки гораздо менѣе твердою и гораздо болѣе оспариваемою и ненадежною, чѣмъ какою она была въ болѣе осторожныя и болѣе легальныя царствованія Филиппа Августа и Луи Святаго. Въ концѣ феодальной эпохи (въ началѣ второй четверти XIV вѣка) королевская власть оспаривалась съ двухъ сторонъ, со стороны порядка престолонаслѣдія и со стороны сущности ея правъ. Не достаточно ли одного этого было, чтобы подорвать власть хотя и сильную, но едва успѣвшую оправиться отъ первыхъ потугъ, сопровождавшихъ ея возникновеніе? Вотъ почему это учрежденіе, эта сила, почти непрерывно развившаяся и возраставшая со времени Луи Толстаго до Филиппа Красиваго, представляется намъ въ XIV вѣкѣ

такою шаткою, хилою,—въ состоянiи, очень похожемъ на упадокъ. Но упадокъ этотъ былъ недѣйствительный; жизненный принципъ, лежавшiй въ основѣ французской королевской власти, былъ слишкомъ энергиченъ и упругъ, такъ что не могъ погибнуть подобнымъ образомъ. Тѣмъ не менѣе справедливо, что въ XIV вѣкѣ начался для нея перiодъ бѣдъ и униженiй, изъ которыхъ едва могли поднять ее самыя энергическiя усилiя" (¹).

Безцѣльный деспотизмъ Карла IV проявлялся во всемъ. Такъ когда во Францiи разнесся ложный слухъ, будто Эдуардъ II приказалъ умертвить находившихся въ Англiи французскихъ бароновъ, то Карлъ велѣлъ арестовать всѣхъ англичанъ, жившихъ въ его земляхъ, и конфисковать ихъ имущества, а потомъ хотя и освободилъ заключенныхъ, но не возвратилъ отнятаго у нихъ. „Это было вообще время ужасныхъ процессовъ и казней", замѣчаетъ по этому поводу Мишле; „варварство среднихъ вѣковъ проявляется даже въ первыхъ попыткахъ основать административный и судебный порядокъ". Въ то время, когда въ Парижѣ возникалъ парламентъ, когда изъ невыяснившихся учрежденiй выдѣлялось министерство финансовъ, — тогда евреи подверглись страшнымъ гоненiямъ, а деспотизмъ короля погубилъ его жену. Наоборотъ было въ Англiи. Тамъ королева при помощи своего любовника убиваетъ мужа, короля Эдуарда II.

Борьба за Шотландiю. Валласъ и Робертъ Брюсъ.

Мы оставили Англiю въ ея борьбѣ съ Шотландiей при Генрихѣ III (²). Эта борьба англичанъ съ шотландцами, борьба вѣковая, стародавняя, была жестока. Она окончилась подавленiемъ шотландской нацiи. Въ 1296 году послѣ битвы при Донбарѣ шотландскiй король Баллiоль покорился и отдался въ плѣнъ, отказавшись отъ королевства. Эдуардъ I далъ свободу Баллiолю, который умеръ въ Нормандiи частнымъ человѣкомъ. Но дѣло этимъ не кончилось. Когда Эдуардъ

(¹) Гизо. Исторiя цив. во Францiи; III, 292—3.

(²) Для ознакомленiя съ шотладской исторiей до сихъ поръ пользуется извѣстностью сочиненiе Вальтеръ-Скотта (1831, 2 vls. L.). Нѣсколько ранѣе сталъ выходить трудъ Fraser Tytler, History of Scotland (Ed. 1826). Прежде считалось классическимъ сочиненiе G. Buchanan. Rerum Scoticarum historia libri XII (Edinb. 1582, Lugd. 1725).

отправился противъ Франціи, желая возвратить прежнія англо-французскія владѣнія, то вся Шотландія снова возстала. Во главѣ возстанія явился герой, вышедшій изъ простаго народа, напоминавшій собой тѣхъ борцовъ, которыхъ давала не разъ англо-саксонская національность. Имя этого героя Валласъ. Онъ въ очень короткое время выгналъ англичанъ изъ Шотландіи и устремился въ самое сердце Англіи, страшно опустошая страну. Ничто не могло удержать его. Эдуардъ поспѣшилъ вернуться изъ Франціи и хотя разбилъ Валласа, но волненія среди англійской аристократіи не позволяли Эдуарду воспользоваться плодами своей побѣды. Валласъ поправился и началъ дѣйствовать осмотрительнѣе, избѣгая открытаго сраженія; онъ весьма искусно велъ партизанскую войну. Онъ всегда умѣлъ ободрять падавшее мужество шотландцевъ, съ неутомимой энергіей вырывалъ у англичанъ плоды ихъ успѣховъ, создавалъ послѣ пораженія новыя войска и въ сущности всегда оставался побѣдителемъ. Но и Эдуардъ дѣйствовалъ настойчивѣе, чѣмъ прежде. Онъ склонилъ на свою сторону аристократію шотландскую и поселилъ раздоръ среди шотландскаго народа. Шотландскимъ баронамъ казалось неприличнымъ имѣть надъ собой сына крестьянина. Вскорѣ Валласъ былъ взятъ въ плѣнъ, вслѣдствіе измѣны, которую приготовили ему кланы Шотландіи. Эдуардъ запятналъ побѣду какъ постыдными жестокостями и опустошеніями, повторявшимися при каждомъ его вторженіи, такъ и возмутительною несправедливостію противъ плѣннаго героя. Валласъ былъ отосланъ скованнымъ въ Лондонъ, приговоренъ къ смерти англійскимъ судомъ, не имѣвшимъ, даже по англійскимъ законамъ, права судить преступленія шотландцевъ въ Шотландіи, и казненъ со страшною жестокостію: его четвертовали, а куски его разорваннаго тѣла развѣсили на показъ народу въ четырехъ населеннѣйшихъ городахъ Англіи.

Эта безполезная жестокость вызвала въ Шотландіи патріотическое настроеніе и восторженный боевой энтузіазмъ. Всѣ плоды завоеваній, благодаря такому звѣрству, были потеряны. Шотландцы вступили въ смертельную отчаянную борьбу. Мѣсто Валласа занялъ Робертъ Брюсъ, родственникъ шотландской королевской династіи. Онъ бѣжалъ изъ англійскаго лагеря, къ которому примкнулъ его отецъ, и присоединился къ возстанію. Онъ короновался по старинному обычаю въ Сконѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ находился древній королевскій

камень. Это было въ 1306 году. На него надѣла корону графиня Боканъ, исполнявшая при коронованіи обязанность своего отсутствующаго брата. За это Эдуардъ, взявъ ее впослѣдствіи въ плѣнъ, посадилъ въ клѣтку и выставилъ на показъ. Если бы вообще Эдуардъ не прибѣгалъ къ жестокостямъ, то онъ можетъ быть достигъ бы цѣли. Шотландцы сознавали, что имъ нечего ждать пощады отъ раздраженнаго короля; они дрались съ героизмомъ до послѣдняго человѣка и въ концѣ концовъ побѣдили. Эдуардъ, постыдно вытѣсненный изъ Шотландіи, возвратился въ Англію, чтобы вновь собраться съ силами и нанести рѣшительный ударъ возстанію. Онъ не могъ помириться съ тѣмъ, что онъ, побѣдитель французовъ, не можетъ сладить съ шотландскими мятежниками. За приготовленіями къ новой борьбѣ застигла его смерть. Эдуардъ I умеръ въ 1307 году, оставивъ послѣ себя славу энергическаго государя и въ то же время установителя политической свободы въ Англіи.

Эдуардъ II, король Англіи (1307-27 г.).

Его сынъ, Эдуардъ II, женатый на Изабеллѣ французской, представлялъ ему совершенную противоположность: онъ не походилъ на отца ни тактомъ, ни способностями. Чрезвычайно слабохарактерный, совершенно неспособный къ управленію государствомъ, находившійся въ полной зависимости отъ своихъ любимцевъ, съ которыми дѣлилъ удовольствія, Эдуардъ II былъ совершенно чуждъ англичанамъ по своимъ гасконскимъ симпатіямъ. Онъ приблизилъ къ себѣ одного гасконца, Петра Гэвстона (Gaveston), забавнаго хвастуна и неустаннаго лгуна. Болтанье нравилось королю, и гасконецъ подчинилъ его совершенно своему вліянію. Старый король выслалъ Гэвстона изъ Англіи. Но лишь только Эдуардъ I закрылъ глаза, какъ сынъ вызвалъ своего любимца и подарилъ ему богатѣйшее графство корнваллійское и множество другихъ имѣній, поставивъ во главѣ всей английской аристократіи. Вообще Эдуардъ II былъ несчастливъ на фаворитовъ; они сдѣлались причиной его гибели. Въ началѣ своего царствованія Эдуардъ II отправился въ Булонь, чтобы присягнуть Филиппу IV за французскія владѣнія. На время своего отсутствія всю высшую правительственную власть онъ передалъ своему любимцу. Вскорѣ послѣ брака, Эдуардъ II бросилъ свою жену, которая перешла на сторону его враговъ и стала дѣйствовать противъ него съ непримиримой ненавистью.

Фруассаръ.

Съ этого времени слѣдуетъ пользоваться знаменитыми „хрониками“ Фруассара, который разсказываетъ увлекательнымъ образомъ исторію почти всей западной Европы съ конца 1326 до 1400 года [1]. Фруассаръ, уроженецъ сѣверной Франціи, священникъ по своему общественному положенію, велъ совершенно свѣтскую жизнь въ средѣ владѣтельныхъ рыцарей и дамъ, трубадуровъ и особъ королевской крови; постояно и безъ отдыха онъ носился по всему Западу Европы. Онъ много видѣлъ и наблюдалъ, а еще болѣе слышалъ. Пользуясь такими выгодными условіями, онъ неустанно собиралъ самые цѣнные матеріалы. Его „Croniques“—есть ни что иное, какъ воспоминанія разныхъ лицъ, преимущественно участниковъ великихъ событій, превосходно изложенныя. Онъ не зналъ усталости и не переставалъ писать даже въ старческіе годы: онъ бросилъ перо тогда лишь, какъ почувствовалъ приближенія смерти. Вращаясь въ праздничной атмосферѣ турнировъ и судовъ любви, онъ въ молодости сочинялъ то эротическіе стихи, то замысловатые рыцарскіе романы. Превосходно зная рыцарство, онъ изобразилъ его въ своихъ хроникахъ такъ какъ ни одинъ историкъ того времени. Его громадный историческій трудъ во многихъ мѣстахъ оставляетъ самъ по себѣ впечатлѣніе рыцарскаго романа.

Фруассаръ былъ Геродотомъ рыцарской эпохи. Его взлядъ на событія и самое изложеніе напоминаютъ сужденія и пріемы „отца исторіи“. Подобно Геродоту, Фруассаръ записывалъ все, что слышалъ, не подвергая критикѣ свои свѣдѣнія. Геродотъ въ началѣ своей Кліо (кн. I, гл. 3) говоритъ о похищенія Елены Парисомъ, объясняя этимъ фактомъ начало троянской войны. Какъ бы стараясь подражать ему, Фруассаръ изъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ брачный союзъ Эдуарда II и Изабеллы, выводитъ начало великой англо-французской борьбы.

---

(1) Громадная хроника Фруассара Croniques de France, d' Angleterre d' Ecosse, d' Espagne, de Bretagne—въ послѣднее время издана подъ редакціей Korvyn de Lettenhove въ Брюсселѣ въ 25 томахъ (867—77). Самое изданіе обнимаетъ II—XVI тома, а первая часть въ двухъ томахъ посвящена біографіи Фруассара, разбору рукописей и критикѣ всего сочиненія, XVII томъ заключаетъ акты, а послѣдніе томы отъ XVIII до XXVI заключаютъ въ себѣ словари и всякаго рода указатели. См. подробнѣе въ Очеркѣ Ср. Исторіографіи, 103—105, а также у Вебера; Вс. Ист. IX, 210—215. Кромѣ Фруассара: Galtherus Hemmingford, Historia de rebus gestis Edwardi I, II, III (до 1346 г., изд. Ox. 1713, 2 v. и Hamilton L. 2 vls. 1848), и уже упомянутый не разъ продолжатель Матвѣя Wilh. Rishanger, изложеніе котораго доведено до 1322 года.

Новое ограниченіе королевской власти въ Англіи.

Въ то время какъ ничтожный Эдуардъ II съ своимъ гасконцемъ вызвалъ противъ себя раздраженіе аристократіи, англійскія общины въ 1309 году попытались выйти изъ своего униженнаго положенія. Онѣ настойчиво потребовали искорененія злоупотребленій, на которыя имѣли поводъ жаловаться. Эдуардъ долженъ былъ удовлетворить ихъ требованія возможно скорѣе, такъ какъ въ слѣдующемъ году послѣдовало возстаніе шотландцевъ, и король по неволѣ долженъ былъ созвать парламентъ, въ которомъ феодальная партія, уже чуждаясь народа, потребовала общихъ государственныхъ реформъ. Для составленія проекта реформъ учреждена была коммиссія изъ 7 епископовъ, 8 графовъ и 6 бароновъ. Она называлась коммиссіей государственнаго устройства. Новое учрежденіе соотвѣтствовало регенству, члены котораго были облечены королевской властью. Эдуардъ тѣмъ временемъ упражнялся въ бояхъ съ шотландцами, игнорируя интересы своего государства. Коммиссія выработала новый уставъ, въ которомъ сильно были ограничены королевскія прерогативы. Эдуардъ согласился принять этотъ уставъ въ 1312 году. Король долженъ былъ въ силу этого закона ежегодно созывать парламентъ и не имѣлъ права замѣщать высшихъ должностей безъ согласія бароновъ; безъ этого согласія онъ не могъ созывать ополченія и объявлять войну. Всякое отчужденіе королевскихъ имѣній строго воспрещалось. Королю предоставлялось право содержать себя доходами съ государственныхъ и своихъ имѣній, что дало возможность уменьшить налоги. Такимъ образомъ Эдуарда лишали важнѣйшей изъ прерогативъ короны. Въ средніе вѣка лишь раздачей леновъ короли пріобрѣтали военную силу. Лишаясь права раздавать лены, Эдуардъ терялъ королевское могущество. Сверхъ того коммиссія объявила недѣйствительными всѣ сдѣланные Эдуардомъ дарственные акты, а равно отчужденія королевскихъ имуществъ. Главная злоба коммиссіи была направлена на Гэвстона. Онъ былъ лишенъ всѣхъ должностей, изгнанъ навсегда, а имущество его было конфисковано. Главная причина разлада между королемъ и народомъ выразилась въ томъ, что Гэвстонъ удалялъ „сердца вѣрноподданныхъ отъ государя, устраняя совѣты вассаловъ". Но парламенту мало пришлось поживиться на счетъ Гэвстона. Онъ успѣлъ перевезти чрезъ флорентійскій банкирскій домъ Фрескобальди всѣ свои цѣнности. Сами Фрескобальди удалились во время изъ Англіи, но ихъ преслѣдовали

даже въ Италіи. Гэвстонъ долженъ былъ радоваться, что отдѣлался дешево. Но Эдуардъ не могъ безъ него жить. Онъ снова призвалъ его и особымъ рескриптомъ возвратилъ ему прежде пожалованныя помѣстья. Ко всѣмъ шерифамъ было разослано королевское предписаніе, объявлявшее незаконными всѣ распоряженія, учиненныя противъ Гэвстона.

Тогда лорды взялись за оружіе. Не рѣшаясь явно возстать противъ короля, они объявили, что преслѣдуютъ не короля, а его любимца временщика, какъ государственнаго преступника, котораго укрываетъ король. Они пошли на Скарборо, гдѣ жилъ король съ временщикомъ. Эдуардъ испугался; онъ не могъ защищаться, бросилъ Гэвстона въ крѣпости на жертву врагамъ, а самъ бѣжалъ. Голодъ вынудилъ Гэвстона капитулировать. Онъ сдался Пемброку, предводителю осаждавшихъ, на условіи сохраненія жизни. Но бароны вырвали плѣннаго изъ рукъ Пемброка; фаворита казнили въ той мѣстности, гдѣ шерифомъ былъ Ланкастеръ. Голову Гэвстона выставили на поруганіе. Такъ кончилъ жизнь ненавистный временщикъ. Еще годъ продолжалась борьба. Наконецъ въ 1313 году Эдуардъ долженъ быть дать амнистію баронамъ и простить гибель Гэвстона.

Борьба Эдуарда II съ феодалами и Шотландіей.

Между тѣмъ шотландскій король Робертъ Брюсъ изгналъ изъ Шотландіи большую часть англійскихъ гарнизоновъ. Озлобленная рыцарская аристократія отказала королю въ своемъ содѣйствіи. Неопытная же милиція не могла сопротивляться храбрымъ шотландцамъ, боровшихся за свою самостоятельность, тѣмъ болѣе, что у короля не было качествъ хорошаго полководца. Англичане были разбиты на голову при Баннокборнѣ, потеряли обозъ и военные снаряды. Шотландцы стали дѣлать набѣги на Англію; для изгнанія ихъ духовенство было обложено налогами и даже аристократія предложила свои услуги королю. Но рѣшительнымъ военнымъ дѣйствіямъ помѣшалъ голодъ, продолжавшійся два года. Едва доставало хлѣба даже для королевскаго двора. Итакъ, война, междоусобіе, голодъ — все соединилось вмѣстѣ на погибель Англіи. Передъ шотландскимъ походомъ Эдуардъ долженъ былъ во всемъ уступить государственной коммиссіи и вновь принести присягу въ соблюденіи статута. За Эдуарда вступился даже папа Іоаннъ XXII, который проклялъ шотландскаго короля за нарушеніе перемирія. Но Брюсъ не обра-

тилъ никакого вниманія на проклятіе и овладѣлъ всѣми пограничными крѣпостями Англіи. Это заставило Эдуарда примириться съ феодалами. Король долженъ былъ во всемъ уступить государственной коммиссіи, обѣщая исполнять ея постановленія. Этотъ совѣтъ, называвшійся Ordainers, состоялъ изъ двухъ епископовъ, одного графа, двухъ бароновъ и во всемъ исполнялъ волю графа Ланкастерскаго. Несомнѣнно, что послѣдній обладалъ замѣчательными качествами государственнаго человѣка и воина: стоило только Ланкастеру и его партіи предоставить короля самому себѣ, какъ его стали преслѣдовать несчастія и военныя неудачи въ Шотландіи. Причиной разрыва съ Ланкастеромъ было расположеніе короля къ Гуго Спенсеру, который съ своимъ отцомъ занялъ мѣсто Гэвстона. Но это предательство государственныхъ интересовъ ради личной вражды дорого обошлось аристократической партіи. Какъ ни слабо было патріотическое чувство въ средніе вѣка, однако народъ заговорилъ, что лорды намѣренно предали короля и страну на жертву врагамъ и что они заодно съ Брюсомъ. Быстро лишились популярности тѣ, которые были вождями народа. Съ шотландцами было заключено двухлѣтнее перемиріе и начались переговоры о мирѣ.

Теперь Спенсеры, отецъ и сынъ, стали всѣмъ для Англіи; они были несравненно способнѣе Гэвстона; особенно отецъ былъ искуснымъ государственнымъ человѣкомъ. Своимъ огромнымъ вліяніемъ они возбуждали зависть другихъ лордовъ. Прежняя ненависть лордовъ обратилась теперь на Спенсеровъ; имѣніе ихъ было раззорено, и они были изгнаны врагами. Король однако вернулъ ихъ скоро. Надо замѣтить, что постоянная оппозиція королю со стороны аристократіи, ея нежеланіе дѣйствовать противъ шотландцевъ, — все это привело къ тому, чего не ожидала аристократія. Она потеряла авторитетъ въ глазахъ всей Англіи; поэтому-то ея дѣло, прежде связанное съ дѣломъ народа, подверглось значительной опасности. Хотя еще два года (1319—1321 г.), по заключеніи перемирія съ Шотландіей, продолжалось господство аристократіи, но наконецъ въ 1321 году парламентъ, состоявшій изъ духовенства, горожанъ и мелкихъ землевладѣльцевъ, объявилъ всѣ ограниченія королевской власти, сдѣланныя коммиссіей, противорѣчащими основнымъ законамъ государства и потому недѣйствительными. Такимъ образомъ послѣдовала реакція, вредная для политической свободы. Во

главѣ мелкаго рыцарства и городской милиціи, вмѣстѣ со Спенсерами, король выступилъ противъ лордовъ. Вся Англія раздѣлилась на двѣ партіи. Когда король объявилъ въ угоду патріотамъ, что считаетъ для себя обязательнымъ статутъ коммиссіи, также какъ и великую хартію, то обозначилось, что король лично не противъ свободы, а только противъ мятежныхъ феодаловъ; тогда многіе, даже изъ партіи Ланкастера, перешли къ королю. Тогда одна часть аристократіи, попавъ вслѣдствіе этого въ очень затруднительное положеніе, передалась шотландцамъ, подстрекая ихъ противъ отечества. Поселивъ раздвоеніе среди противниковъ, которые, какъ измѣнники, потеряли популярность, король легко побѣдилъ ихъ. Ненавистный Ланкастеръ попалъ въ руки короля, который не отличался мягкосердечіемъ. Эдуардъ присудилъ Ланкастера и пятнадцать его друзей къ позорной казни, а имѣнія ихъ были еще и прежде розданы судьямъ. Ихъ соучастники были посажены въ тюрьмы. Главный изъ нихъ Мортимеръ бѣжалъ во Францію, гдѣ потомъ сталъ фаворитомъ Изабеллы.

Въ виду жестокой расправы общественное мнѣніе опять измѣнилось; король снова потерялъ авторитетъ. Тѣ, которые были за короля, стали бояться его. Ланкастеръ и его пострадавшіе друзья стали считаться мучениками. На ихъ трупы смотрѣли, какъ на святыню. У частей ихъ труповъ, которыя были развѣшаны по деревьямъ, стали, по народнымъ толкамъ, твориться чудеса, такъ что правительство поспѣшило ихъ снять.

Борьба короля съ королевой.

Мѣсто Ланкастера во главѣ оппозиціи заняла Изабелла, жена короля. Она давно разошлась съ мужемъ и съ каждымъ годомъ ненавидѣла его все болѣе и болѣе. Она побуждала своего брата, французскаго короля Карла IV, разорвать всякія сношенія съ Англіей. Тотъ арестовалъ англійскихъ подданныхъ и конфисковалъ ихъ имущества, такъ какъ слышалъ, что въ Англіи грубо поступаютъ съ французами. Тогда дѣйствительно послѣдовали аресты и изгнаніе французовъ съ Британскихъ острововъ. Впрочемъ Эдуардъ боялся войны, ибо предвидѣлъ, что она сдѣлаетъ его шаткое положеніе еще болѣе критическимъ. Онъ послалъ Изабеллу въ Парижъ, думая этимъ отклонить Карла IV отъ войны съ Англіей. Но этимъ неосмотрительнымъ поступкомъ онъ, не сознавая всей силы ненависти своей супруги, далъ оружіе въ руки

своихъ враговъ. Въ Парижѣ Изабелла была въ своей сферѣ и стала главой кружка эмигрантовъ, враждебныхъ королю; потомъ она вызвала въ Парижъ сына своего Эдуарда, принца Валлійскаго, нашла въ Парижѣ своего друга Мортимера и стала употреблять всѣ усилія, чтобы втянуть брата въ войну. Она сама вызывалась сдѣлать высадку въ Англію съ сыномъ и съ братомъ короля, Эдмундомъ, который тоже бѣжалъ во Францію. Непосредственнымъ предметомъ ея ненависти были Спенсеры, которымъ она не могла простить ихъ вліянія на короля. Изабелла имѣла въ своемъ распоряженіи до 2000 рыцарей. Въ 1326 году она высадилась въ Англіи. Стоило только ей возвѣстить, что она идетъ противъ временщиковъ и на защиту законовъ, и войско бросило несчастнаго короля, который бѣжалъ изъ столицы.

Сверженіе Эдуарда II въ 1327 году.

По его слѣдамъ въ Лондонъ вступила Изабелла. Король хотѣлъ уплыть въ Ирландію, но не успѣлъ и спрятался въ одномъ аббатствѣ въ Валлисѣ. Онъ отправилъ посольство къ женѣ и сыну, изъявляя готовность подчиниться всѣмъ требованіямъ. Но королева не хотѣла связывать себя словомъ; она хотѣла овладѣть мужемъ силой, чтобы поступить съ нимъ какъ вздумается. Братъ казненнаго Томаса Ланкастера, Генрихъ, отыскавъ убѣжище короля и Спенсеровъ, привезъ ихъ къ королевѣ, какъ преступниковъ. Въ 1312 году палъ только временщикъ; теперь пали временщики вмѣстѣ съ королемъ. Можно себѣ представить, какъ ликовали палачи, празднуя побѣду. Послѣ жестокихъ истязаній, Спенсеры были повѣшены. На великодушіе нельзя было разсчитывать. Изабелла сама наслаждалась мученіями жертвъ. Сидѣвшіе въ тюрьмахъ стали судьями своихъ мучителей. Исключеніе представлялъ одинъ только Ланкастеръ. Онъ держалъ себя благородно, хотя имѣлъ полное право мстить за своего брата. Участь короля была ужасна; у него отняли государственную печать и потребовали отреченія. Онъ долгое время отказывался. Тогда былъ созванъ парламентъ, на которомъ Эдуардъ былъ низложенъ, и на его мѣсто возведенъ на престолъ Эдуардъ III, принцъ Валлійскій, который находился подъ вліяніемъ матери и ея фаворита. Хотѣли, чтобы Эдуардъ II самъ отрекся отъ престола. Для этого не останавливались ни предъ чѣмъ. Коммисія парламента явилась къ королю; обѣщаніями и угрозами она принудила его согласиться

на отреченіе. Тогда начался унизительный обрядъ, при чемъ были соблюдены всѣ церемоніи. Враги короля исполняли въ этихъ церемоніяхъ различныя должности. Канцлеръ Труссель произнесъ отреченіе парламента отъ повиновенія. Одинъ изъ прежнихъ клевретовъ короля, Блоунтъ, переломилъ надъ нимъ скипетръ.

Воцареніе Эдуарда III (1327-77 г.).

Въ виду несовершеннолѣтія Эдуарда III, надъ нимъ учреждено было регентство. Во главѣ регентства встала женщина, готовившаяся убить отца своего сына. Всѣ приверженцы Ланкастера обратно получили свои имѣнія. Затѣмъ надо было наградить всѣхъ соучастниковъ. Народъ и мелкіе феодалы не были довольны этой революціей; чтобы задобрить ихъ было возвѣщено, что цѣль переворота заключалась въ возмездіи за попранныя государственныя учрежденія. Изданъ былъ указъ, которымъ всякое нарушеніе „Magna charta" было объявлено преступнымъ. Въ этомъ заключался существенный практическій результатъ для дѣла свободы отъ этой революціи. Конечно Изабелла руководилась не этими пожеланіями свободы. Ей надо было убить мужа и править вмѣстѣ со своимъ фаворитомъ отъ имени сына. Эдуарду II предстояла мученическая смерть. Ланкастеръ обращался съ нимъ довольно хорошо, такъ какъ не былъ способенъ къ подлому убійству. Несчастнаго передали менѣе разборчивымъ палачамъ—Беркли и Мальтраверсу. Тѣ таскали его изъ одной крѣпости въ другую, муча и оскорбляя его, а потомъ убили варварскимъ образомъ въ подвалахъ аббатства св. Петра въ Глостерѣ; короля душили подушками, а потомъ раскаленнымъ желѣзомъ выжгли внутренности. Ядъ могъ выдать преступниковъ; удушеніе или желѣзо оставили бы также послѣ себя видимые слѣды. Теперь можно было объявить, что король скончался внезапно. Но окрестные жители слышали ночью раздирающіе крики жертвы, а слѣды страшныхъ конвульсій отразились на лицѣ короля, что послѣ и выдало преступниковъ [1].

Эдуарда похоронили въ томъ же Глостерскомъ аббатствѣ. Затѣмъ, какъ всегда бываетъ, настоящіе виновники свалили все на исполнителей. Беркли былъ казненъ; Мальтраверсъ бѣжалъ. Впослѣдствіи Эдуардъ III отмстилъ своей матери. Съ 1327 года онъ носитъ корону Англіи впродолженіи 50 лѣтъ.

---

[1] Aug. Vidalin. Édouard III et la regence, ou essai sur les moeurs du XIV siècle (P. 1843) — очень интересная монографія.

3) Начало столѣтней борьбы и зарожденія національной идеи. Новая династія во Франціи и въ имперіи. Филиппъ VI и Эдуардъ III. Императоры Людвигъ IV и Карлъ IV.

Валуа.

Смертью трехъ сыновей Филиппа IV Красиваго во Франціи пресѣклась старая династія Капетинговъ въ мужскомъ колѣнѣ. Хотя послѣ Филиппа IV остались дочери, но онѣ были устранены отъ престолонаслѣдія. По салическому закону женщины должны были быть лишены права на наслѣдство вообще. Хотя въ данномъ случаѣ устраненіе отъ престолонаслѣдія и было дѣломъ незаконнымъ,—салическій законъ не имѣлъ въ виду лицъ царственнаго происхожденія,—но таковое принесло пользу монархіи во Франціи; передача власти въ мужское колѣно гарантировало преобразованіе государства. Въ силу этого соображенія, Филиппъ V устранилъ дочь своего брата Луи IX, Жанну, а Карлъ IV, его преемникъ, устранилъ дочь своего предшественника. По смерти Карла IV пришлось устранить единственную наслѣдницу, дочь Филиппа IV, Изабеллу, англійскую королеву, прославившуюся своими гнусными подвигами и борьбою съ мужемъ. Ея никто не желалъ, да и она сама не думала заявлять претензіи на французскій престолъ, будучи занята революціей, произведенной ею отъ имени своего сына. Самъ Эдуардъ III, сынъ Изабеллы, также не имѣлъ въ виду высказывать претензіи, такъ какъ былъ занятъ въ то время шотландскими дѣлами. Поэтому французская корона должна была перейти хотя и въ боковую, но въ мужскую линію. У Филиппа IV былъ дѣятельный братъ — Карлъ, графъ Валуа, вѣчный претендентъ на короны, котораго мы встрѣчали въ Наваррѣ, Кастиліи, Аррагоніи, Фландріи и во Флоренціи. Тогда его не было въ живыхъ, но у него остался сынъ Филиппъ, носившій имя Валуа, которое стало именемъ династіи. Со вступленіемъ Филиппа VI Валуа на престолъ, французская монархія, недостаточно окрѣпшая, принимаетъ боевой характеръ и придерживается наступательной политики. Она вмѣшивается во всѣ политическіе интересы Европы.

Филиппъ VI (1328-50 г.) и національная идея.

При Филиппѣ VI во французской монархіи наблюдаемъ высшій ростъ средневѣковой культуры, которая потомъ стала клониться къ упадку, порождая новыя формы. Но если папы

средневѣковые идеалы, то не слѣдуетъ думать, чтобы быстро появились новые. Только что монархическій принципъ сталъ торжествовать, какъ феодализмъ проявилъ оппозицію, напрягая свои послѣднія силы. Въ продолженіе всей первой половины XIV столѣтія монархія, крайне ослабленная, уступаетъ и волей-неволей становится игрушкою въ рукахъ сильныхъ феодаловъ, какъ это было въ XII вѣкѣ. Дѣло въ томъ, что сплотить монархію не было дано тогдашнимъ историческимъ дѣятелямъ. Всѣ они, кромѣ Эдуарда III англійскаго, не стояли на высотѣ своего призванія, а въ Эдуардѣ III было слишкомъ много старыхъ рыцарскихъ традицій; въ его двойственной личности средніе вѣка какъ бы борятся съ новыми.

Мы уже говорили, что XIV столѣтіе не носитъ на себѣ опредѣленнаго характера. Историческія явленія перемѣшаны до того, что трудно выдѣлить одно изъ другаго. Потому-то это столѣтіе, составляя часть средневѣковья, въ то же время представляетъ характерныя начала новой исторіи. Представьте себѣ самаго талантливаго мемуариста того времени; онъ не можетъ понять смысла той эпохи, которую переживалъ. Фруассаръ, лучшій историкъ того времени, считаетъ себя рыцаремъ стараго вѣка и полагаетъ даже, что все предшествующее было подготовленіемъ для новаго. Свое время онъ считаетъ эпохой разцвѣта рыцарства, тогда какъ въ сущности онъ жилъ въ эпоху упадка рыцарской жизни и наслаждался только ея дурными и уродливыми сторонами. Онъ не могъ думать, что въ его пору подготовлялись новыя общественныя и государственныя формы; онъ не могъ догадаться, что феодальное государство распалось, чтобы дать просторъ новой національной дѣятельности, главная роль въ которой будетъ принадлежать такъ сильно презираемому среднему сословію; онъ не могъ повѣрить, что эти виланы и земледѣльцы, что эти торгаши-горожане создадутъ свое государство и будутъ искренно умирать за него; онъ не могъ представить себѣ, что эти гордые рыцари будутъ работать въ пользу монархіи. Потому XIV вѣкъ — время переходное, которому естественно присущи явленія и стараго и новаго порядка; это тотъ широкій бассейнъ, въ которомъ перерабатывались идеи средневѣковыя въ новыя. Въ это переходное время событія въ разныхъ странахъ Запада тѣсно соприкасаются между собою,—и было бы излишнимъ излагать ихъ по національностямъ. Въ это время во Франціи, Англіи,

Германіи, Чехіи, Италіи, Испаніи, Скандинавіи, во Фландріи, — вездѣ видимъ возрожденіе національнаго духа. Прежде всего эта идея проявилась въ томъ уголкѣ Европы, который жилъ тихою и мирною промышленной жизнью, чуждаясь круговорота политическихъ интересовъ, обуревавшихъ Западъ. То была маленькая Фландрія, а народомъ этимъ были фламандцы.

Фландрія.

Со вступленія династіи Валуа на французскій престолъ начинается національное движеніе во Фландріи. Но Филиппъ VI былъ слишкомъ честолюбивъ, чтобы дать фламандцамъ, изгнавшимъ своихъ бароновъ, безнаказанно торжествовать [1]. Онъ собралъ своихъ рыцарей съ цѣлью отмстить за постыдное пораженіе при Куртрэ. Дѣло въ томъ, что республиканскій духъ былъ очень силенъ въ этой странѣ, близкой къ Франціи. Филиппъ VI понималъ, что вѣяніе этого духа можетъ быть опаснымъ для его монархіи. Съ своей стороны и фламандцы готовились дать отпоръ, собравъ большое ополченіе. Къ несчастію для фламандцевъ, среди нихъ обнаружились несогласія. Гентъ не сталъ дѣйствовать вмѣстѣ съ другими городами и его руководящую роль взяли на себя граждане города Брюгге. Ополченіе дошло до городка Касселя; здѣсь произошло столкновеніе съ французскими рыцарями, которые побѣдили. Тогда пала независимость Фландріи и эта страна подчинилась французскому королю. Въ то же время Филиппъ VI принялъ присягу Эдуарда III за области, лежавшія на галльской территоріи, принадлежавшія до того времени англійскому королю; теперь онѣ должны были сдѣлаться вассальными землями французской короны. Но это не помѣшало Филиппу VI тайкомъ помогать шотландцамъ, съ которыми онъ былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ. Сверхъ того Филиппъ замыслилъ распространить свою власть на Неаполь и Геную.

Несмотря на эти удачи и всякія замыслы, Филиппъ VI былъ личностью ничтожною; онъ не внесъ въ исторію никакихъ новыхъ идей; онъ шелъ по старой, по протоптанной дорогѣ; онъ не смотрѣлъ впередъ и не увлекался новизною. Онъ поплатился жестоко подъ конецъ своего царствованія; ему суждено было видѣть разрушеніе всего имъ сдѣланнаго, по-

---

(1) Fr. Choisy. H. de Philippe de Valois et du roi Jean (P. 1688).— Gaillard. H. de la querelle de Philippe et d'Edouard III (P. 1775, 4 vls.). Источники въ XXII томѣ сборника Recueil des historiens etc.

тому что онъ не умѣлъ во́ время поддержать національнаго движенія. Мы увидимъ, что его соперникъ Эдуардъ III былъ гораздо историчнѣе, такъ какъ понималъ, гдѣ заключалась сила, и потому всегда дѣйствовалъ за-одно съ народомъ. Филиппъ же простодушно думалъ, что ему слѣдуетъ поддерживать феодальныя начала, давно уже потерявшія смыслъ; онъ полагался всегда на одно только рыцарство. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ инстинктивно расширилъ предѣлы королевской юрисдикціи. Между прочимъ онъ далъ знатнымъ странную льготу, — льготу не платить долговъ.

Присоединеніе Бретани.

При немъ же положено начало присоединенію Бретани. Королевскій племянникъ Карлъ Блуа женился на юной наслѣдницѣ Бретани. Но все это сдѣлалось случайно. Самъ же французскій король, нуждаясь въ приморской области и не умѣя удержать ее, предлагалъ герцогу бретанскому обмѣняться Бретанью на Орлеанъ. Но бретанскій герцогъ не согласился. Этотъ фактъ показываетъ, какъ мало обладалъ первый Валуа способностями государственнаго человѣка; онъ хотѣлъ лишить Францію болѣе богатой области ради мелкихъ, личныхъ интересовъ. Во всякомъ случаѣ честолюбивыхъ замысловъ было много у тогдашняго французскаго правительства. Оно замышляло усилиться на счетъ Англіи и Германіи. Филиппъ VI хотѣлъ свергнуть Эдуарда III и въ то же время короноваться германскою императорскою короною.

Положеніе Германіи.

Въ этомъ случаѣ папа не могъ прекословить, такъ какъ все это было въ эпоху такъ называемаго авиньонскаго плѣненія, когда папы были въ полномъ распоряженіи французскихъ королей. Владыки міра боялись римскихъ бандитовъ. Причина такого паденія заключалась въ разрывѣ между папствомъ и имперіей; одно безъ другой было безсильно, а это повело къ обоюдному несчастію. До этого времени въ рукахъ императоровъ была физическая сила, но въ рукахъ папъ всегда былъ авторитетъ нравственный. Такъ было долго, цѣлые вѣка. Папы сами рѣшились разорвать связь съ имперіей, что было невыгодно для обѣихъ сторонъ. „Въ продолженіе среднихъ вѣковъ, замѣчаетъ Ланфре по этому поводу, глаза всѣхъ устремлены были на колебаніе двухъ полюсовъ: одинъ — это папская духовная сила, другой — императорская свѣтская власть. Взаимная зависимость этихъ двухъ учрежденій, при-

вязывавшая ихъ нѣкогда другъ къ другу, въ свое время служила постоянной причиной несогласія между ними. Сами же по себѣ эти два учрежденія, папство и имперія, отдѣльно другъ отъ друга, были несовершенны и безсильны; въ соединеніи же они могли выдержать всякія нападенія". Эти учрежденія, имѣя между собою много общаго, вмѣстѣ росли и вмѣстѣ ослабѣвали. Каковы бы ни были столкновенія папства съ имперіей, но только при помощи этой послѣдней было возможно точно опредѣлить и установить отношенія, права, гарантіи и преимущества, которыя связывали папство, но въ то же время давали силу имперіи. Во всѣхъ другихъ странахъ эти права и преимущества подверглись колебанію въ разныхъ направленіяхъ; — такъ было и по отношенію къ Франціи. Авиньонскіе папы находились въ полной личной зависимости отъ французскихъ королей.

Императоръ Людвигъ IV (1314-47 г.).

По настоянію французскаго короля, папа Іоаннъ XXII не призналъ германскимъ императоромъ Людвига Баварскаго, выбраннаго нѣкоторыми имперскими князьями послѣ смерти Генриха VII [1]. Папа поддерживалъ соперника его Фридриха Прекраснаго, старшаго сына императора Альбрехта, который выбранъ былъ въ одно время съ Людвигомъ, по инициативѣ архіепископа кельнскаго и курфюрста саксонскаго, противъ котораго было большинство князей и городовъ. Такимъ образомъ вся Германія раздѣлилась на партіи, изъ которыхъ каждая поддерживала одного изъ двухъ императоровъ. За Фридриха стояло австрійское рыцарство, начиная съ его брата; противъ него были швейцарцы, исполненные ненависти къ габсбургамъ.

Швейцарцы и Фридрихъ Прекрасный.

Фридрихъ долженъ былъ подчинить ихъ силою оружія. Битва при Моргартенѣ въ 1315 году рѣшила споръ въ пользу швейцарцевъ. Тутъ 330 свободолюбивыхъ храбрецовъ —швейцарцевъ должны были выдержать стремительный натискъ закованныхъ въ желѣзо императорскихъ рыцарей. Девять тысячъ рыцарскихъ труповъ покрыли мѣсто сраженія. Швейцарцы сохранили свою свободу; она была подтверждена

[1] Mannert. Kaiser Ludwig IV (Landsh. 1812). A. Kotzebue, G. Kaisers Ludwigs IV (Riga, 1812). Starr, Ludwig der Bayer (M. 1813). Schlett, Biographie vom Kaiser Ludwig der Bayer (S. 1822).

самимъ Людвигомъ, который не могъ не радоваться гибели своего врага и который выступилъ противъ Фридриха, игнорируя проклятіе папы. Фридрихъ послѣ пораженія при Моргартенѣ не могъ, конечно, успѣшно бороться съ Людвигомъ Баварскимъ. Битва при Мюльсдорфѣ въ 1322 году, къ величайшему неудовольствію папы, кончилась не въ пользу Фридриха, который даже попался въ плѣнъ. Императоромъ сдѣлался побѣдитель, но папа произнесъ надъ нимъ отлученіе за то, что онъ возложилъ на себя императорскій вѣнецъ безъ разрѣшенія папы. Конечно, онъ поступилъ такъ въ угоду своему покровителю и вмѣстѣ съ тѣмъ притѣснителю, французскому королю. Это заставило императора сойтись съ своимъ побѣжденнымъ соперникомъ. Онъ далъ Фридриху свободу и сдѣлалъ своимъ соправителемъ, взявъ съ него клятву въ вѣрности. Стоило только Фридриху дать слово, и онъ сдержалъ его, оставаясь до конца жизни вѣрнымъ другомъ императора, не смотря ни на интриги французскаго короля, ни на подговариванія папы. Оба государя заключили между собою оригинальный договоръ: оба они будутъ считаться братьями, будутъ сообща раздавать лены и во всѣхъ случаяхъ, какъ одно лицо, править священной имперіей вмѣстѣ.

Императоръ въ Италіи и двое папъ.

Тогда Людвигъ IV спокойно отправился для коронованія въ Италію, гдѣ пробылъ три года. Въ 1327 году въ Миланѣ онъ надѣлъ желѣзную корону Ломбардіи, а въ 1330 году вступилъ въ Римъ [1]. Въ храмѣ св. Петра только два отлученные епископа рѣшились помазать Людвига, а императорскою короною вѣнчалъ его тотъ самый Шіара Колонна, который далъ публично пощечину Бонифацію VIII. Теперь изъ подсудимаго императоръ хотѣлъ сдѣлаться судьею.

Въ Римѣ онъ принялъ сторону „бѣдныхъ миноритовъ“, выдѣлившихся изъ францисканцевъ. Эти братья старались доказать, что назначеніе всѣхъ людей—подражать въ нищетѣ Христу; они были по убѣжденіямъ соціалисты, аскеты по жизни. Папа не утвердилъ ихъ ордена отчасти потому, что считалъ его опаснымъ для общественной жизни, а также и потому, что они своимъ аскетизмомъ служили какъ бы живымъ упрекомъ для всего духовенства и для главы его, который не прочь

[1] Müller, Die Kämpfe Ludwigs des Baiers mit der römischen Kurie, Tüb. 2 B. 1880.

былъ пожить весело. Императоръ, чтобы досадить папѣ Іоанну XXII, призналъ отъ себя существованіе ордена, не имѣя на это права и, по указанію этихъ монаховъ, предалъ папу Іоанна XXII церковному суду. Понятно, что папа запретилъ не только имперскимъ князьямъ, но и баварцамъ повиноваться императору. Папа смотрѣлъ на императора, какъ на простаго администратора, обязаннаго отъ имени Церкви управлять имперіей. Онъ проводилъ старую теорію, что до избранія новаго императора управленіе государствомъ должно принадлежать папѣ. Въ отвѣтъ на отлученіе, Людвигъ провозгласилъ сверженіе папы, а судъ объявилъ его еретикомъ за непризнаніе нищеты Христовой и выбралъ новаго папу изъ миноритовъ—Николая V. Но Людвигъ и новый папа должны были убѣдиться, что, несмотря на отсутствіе первосвященника, церковная іерархія еще крѣпко стояла, въ силу обычая. Весьма немногіе епископы поддерживали новаго папу, да и съ тѣми остальные прелаты прекратили сношенія. Если авторитетъ папы среди простаго населенія Рима держался довольно прочно, то только потому, что онъ, какъ нищенствующій, не долженъ былъ нуждаться въ деньгахъ и поэтому могъ освободить римлянъ отъ тяжкихъ налоговъ, предназначаемыхъ обыкновенно на содержаніе папскаго двора. Но лишь только въ видахъ помощи императору послѣдовалъ новый налогъ, какъ въ отвѣтъ на это разразилось народное возстаніе, такъ что и новому папѣ и императору пришлось отказаться отъ своихъ плановъ. Людвигъ уѣхалъ въ Миланъ, чтобы оттуда пробраться въ Германію; папу Николая V теперь никто не поддерживалъ и онъ въ томъ же году сложилъ съ себя санъ первосвященника.

Такимъ образомъ папа Іоаннъ XXII остался побѣдителемъ императора, главнымъ образомъ благодаря поддержкѣ Филиппа VI, который держалъ Іоанна XXII подъ своимъ вліяніемъ, дѣйствуя на него страхомъ, грозя по каждому поводу подвергнуть его суду за ересь и злодѣянія. Не даромъ современники прозвали Іоанна XXII „кровавымъ человѣкомъ“; всѣ знали, что на немъ тяготѣетъ множество преступленій.

Французскіе папы.

Въ 1334 году Іоаннъ XXII умираетъ. Его преемникъ, избранный подъ именемъ Бенедикта XII (1334—42 г.), въ міру носилъ имя Жана Фурнье, а послѣ былъ епископомъ авиньонскимъ. Онъ сталъ покорной креатурой Филиппа уже

потому, что былъ французъ по происхожденію. Но даже и онъ плакалъ передъ нѣмецкими послами и жаловался на полную зависимость во всѣхъ мелочахъ отъ французскаго короля. Такимъ же былъ и Климентъ VI (1342—52 г.), бывшій архіепископъ руанскій. Крѣпко держалъ въ своихъ рукахъ французскій король авиньонскихъ папъ. По его приказанію папа не снималъ отлученія съ императора и поэтому семь нѣмецкихъ посольствъ не имѣли успѣха, хотя императоръ открыто заявилъ желаніе примириться съ папой, такъ какъ ссора эта была неудобна для имперіи, внося въ нѣдра ея постоянные раздоры.

Во всякомъ случаѣ въ виду этихъ обстоятельствъ надо было опасаться вліянія Франціи на внутреннія дѣла Германіи. Курфюрсты видѣли, что Людвигъ теряетъ голову отъ этихъ интригъ. Къ тому же Фридрихъ Австрійскій умеръ въ 1330 году. Теперь курфирстамъ самимъ предстояло взяться за дѣло. Недалеко отъ Кобленца, въ Ренсе, на берегу Рейна состоялся съѣздъ избирателей, извѣстный подъ именемъ „перваго избирательнаго собранія". Здѣсь избиратели дали другъ другу торжественную клятву — соединенными силами единодушно и крѣпко защищать священную Римскую имперію. Такимъ образомъ Германія въ первый разъ проявила національный принципъ, возставъ противъ всякихъ посягательствъ на свои права, честь и свободу. Здѣсь же, а потомъ во Франкфуртѣ на Майнѣ, было провозглашено, что всякая свѣтская власть дается Богомъ, а не папой, и что всякій избранный въ императоры будетъ признаваться таковымъ въ силу одного избранія безъ выраженія папскаго согласія; то было сверженіе тѣхъ узъ, которыя были наложены на короны Европы еще въ VIII столѣтіи.

Это было смѣлое рѣшеніе вопроса о преобладаніи властей и полное сверженіе церковнаго, папскаго вліянія на государственныя дѣла Германіи. Тогда же минориты призывали всѣхъ на вселенскій соборъ для выслушанія жалобъ на папу. Эти два событія, т. е. паденіе папской власти въ Германіи и провозглашеніе формулы о превосходствѣ собора передъ папою могутъ считаться одними изъ важнѣйшихъ событій въ XIV вѣкѣ. Мы послѣ остановимся на этомъ предметѣ; теперь будемъ продолжать изложеніе англо-французскихъ отношеній.

Въ то самое время, какъ католическій міръ былъ потрясенъ раздорами внутри Церкви и побѣдой свѣтской власти

надъ духовной, — предпріимчивый французскій король Филиппъ VI продолжалъ преслѣдовать свои цѣли и планы, которыя ему казались личнымъ дѣломъ. Онъ ищетъ завоеваній не ради блага своего народа, какъ дѣлали его предшественники, и мало сознаетъ патріотическіе интересы націи, разумѣя подъ Франціей однихъ только рыцарей; по крайней мѣрѣ такъ понималъ дѣло его современникъ, историкъ Фруассаръ. Филиппъ VI не останавливается ни предъ какими средствами. Въ такой политикѣ нельзя не узнать пріемовъ его дяди. Онъ требуетъ отъ Бенедикта XII, чтобы тотъ предоставилъ ему въ пользованіе папскіе доходы съ французскаго духовенства въ продолженіе 10 лѣтъ, вмѣстѣ съ десятиною, собираемой на войну противъ невѣрныхъ. Можно представить себѣ, что вышло бы, если бы папа согласился на это требованіе. Это значило подвергнуть контролю и юрисдикціи короля и французскихъ агентовъ всю Европу. Средства требовались Филиппу для подавленія возстанія во Фландріи и для борьбы съ Эдуардомъ III, который предъявлялъ столько же претензій на французскій престолъ, сколько Филиппъ VI на тронъ англійскій.

Регентство Изабеллы въ Англіи.

Послѣ Эдуарда II Англіей правила Изабелла, руководимая своимъ фаворитомъ Мортимеромъ. Чтобы обезопасить себя съ сѣвера и тѣмъ обезпечить границы отъ внезапныхъ набѣговъ шотландцевъ, королева заключила съ послѣдними невыгодный миръ, признавъ Роберта I королемъ шотландскимъ. Сынъ Роберта Давидъ III, наслѣдовавшій черезъ годъ своему отцу, былъ помолвленъ съ дочерью англійской королевы. Отъ этого союза ждали мирнаго разрѣшенія обострившагося вопроса, грозившаго нескончаемой войной.

Эдуарду III не было даже 18 лѣтъ; онъ вполнѣ еще зависѣлъ отъ матери и ея фаворита, когда французскій король Филиппъ VI потребовалъ къ себѣ молодаго короля для принятія присяги за Гіеннь и Пуату. Изабелла долгое время не пускала его, говоря, что сынъ короля не унизится предъ сыномъ графа, намекая на то, что Филиппъ VI овладѣлъ французскимъ престоломъ, не будучи королевской крови. Когда свиданіе состоялось, то Эдуардъ III, затмившій блескомъ своей свиты французскаго короля, своего сюзерена, долженъ былъ подчиниться унизительному обряду присяги. Это породило въ немъ злобу противъ Франціи и гордаго ея повелителя, что и сказалось въ послѣдующихъ событіяхъ.

Устраненіе Изабеллы въ 1329 г.

По возвращеніи въ Англію, Эдуардъ III рѣшился сбросить съ себя власть матери и ея фаворита. Хотя дядя его Эдмундъ Кентскій раньше пытался организовать заговоръ въ его пользу, но заговоръ этотъ былъ открытъ. Эдмундъ былъ схваченъ, заключенъ въ тюрьму и потомъ казненъ, съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей законнаго, хотя и несправедливаго суда пэровъ. Эдуардъ вступилъ въ соглашеніе съ Ланкастеромъ и велѣлъ тѣмъ самымъ лицамъ, которыя изрекли приговоръ надъ Эдмундомъ, схватить Мортимера и приговорить его къ висѣлицѣ. Мать кончила жизнь въ уединеніи спустя 28 лѣтъ, подъ строгимъ присмотромъ тюремщиковъ, хотя сынъ оказывалъ ей знаки почтенія.

За тѣмъ молодой король развернулъ свою силу, отвагу и предпріимчивость. Отъ одного предпріятія онъ кидался къ другому и вездѣ оставлялъ славу счастливаго героя. Его образъ олицетворялъ собою рыцарство [1]. Можно сказать, что XIV столѣтіе, время войнъ по преимуществу, не имѣло болѣе подвижнаго и смѣлаго рыцаря. Эдуардъ, какъ король, дѣйствовалъ осмысленно, имѣя въ перспективѣ благосостояніе своего государства; этимъ онъ превосходилъ Филиппа, который кичился быть честнымъ рыцаремъ, но который отличался жестокимъ характеромъ и неразборчивостью средствъ.

Отношенія Эдуарда III къ Шотландіи.

Эдуардъ III обезопасилъ себя со стороны Шотландіи. Пользуясь молодостью короля шотландскаго, онъ вызвалъ другаго претендента, Эдуарда Балліоля, сына упомянутаго нами ранѣе короля Іоанна шотландскаго. Эдуардъ III частью достигъ цѣли: онъ посадилъ на шотландскій престолъ Балліоля, а Давидъ лишился своего достоянія, но такъ какъ Балліоль, по договору съ Эдуардомъ III, долженъ былъ уступить Англіи лучшія южныя шотландскія провинціи, то это послужило въ будущемъ постояннымъ поводомъ къ возобновленію борьбы Англіи съ Шотландіей. Шотландская аристократія, свѣтская и духовная, продолжала сношенія съ французскимъ королемъ и папой, которые, какъ друзья между собою, не переставали оказывать содѣйствіе шотландцамъ. Горцы шотландскіе производили

---

(1) Монографіи: Barnes (H. of Edward III together with that of Edward the Black Prince. Cambr. 1688). R. Howard (L. 1690). Avesbury (изд. Hearne, Ox. 1728). Kervyn de Lettenhove, Froissart, Edouard III et le comte de Salisbury (Br. 1853, и въ Bulletins de l'Acad. de Belgique).

безпрерывные набѣги на Англію; вслѣдствіе чего Эдуардъ III не могъ сосредоточиться на дѣлахъ континента. Шотландскія дѣла постоянно тревожили его и отвлекали. Между тѣмъ онъ предпринялъ трудную борьбу съ французскимъ королемъ. Оба государя и оба народа въ этой борьбѣ были невольными выразителями историческихъ стремленій Англіи и Франціи войти въ границы своей національности; эти стремленія были вполнѣ понятны.

Смыслъ и поводы столѣтней борьбы.

Феодальное право прихотливо ставило государственныя границы и націи въ странныя отношенія. Сюзеренъ бывалъ иногда вассаломъ менѣе сильнаго владѣтеля; часто сюзеренъ былъ вассаломъ своего собственнаго вассала; принимая присягу отъ вассала, онъ въ тоже время самъ давалъ ему присягу за свои владѣнія, находившіяся въ срединѣ владѣній вассала. Границъ такимъ образомъ не было; надо было имѣть громадную память, хранить много актовъ и всякихъ записей, чтобы предъявлять притязанія на земли, а никакой статистики при такой путаницѣ не могло и существовать. Черезполосицы были на каждомъ шагу; каждое неосторожное распоряженіе двухъ порубежныхъ владѣтелей могло вызвать между ними войну, которая затягивалась на нѣсколько поколѣній. Такой порядокъ не могъ существовать долго; его слѣдовало замѣнить другимъ. Въ такомъ-то ненормальномъ отношеніи находился англійскій король къ французскому по своимъ наслѣдственнымъ и дарственнымъ владѣніямъ въ Гіенни и Пуату. За эти владѣнія англійскій король считался первымъ вассаломъ короля французскаго, а послѣдній, понятно, могъ кичиться тѣмъ, что ему повинуется не только Эдуардъ, но весь народъ англійскій. Понятно, что французскому государю хотѣлось всецѣло подчинить королей Англіи; въ свою очередь аналогичное стремленіе руководило и честолюбивымъ Эдуардомъ III. Основываясь на родствѣ своей матери Изабеллы, дочери Филиппа IV Красиваго, онъ считалъ себя въ правѣ наслѣдовать всю французскую территорію, всѣ земли французскаго короля, потому что онъ былъ внукомъ Филиппа IV, имя котораго было громко во Франціи. Тѣ, которые боролись прежде за права феодальныя, въ сущности боролись уже за новое начало, за округленіе границъ. Такимъ образомъ вмѣсто феодальныхъ идей выступаютъ на сцену начала національныя и территоріальныя; вотъ въ

чемъ состоялъ великій смыслъ такъ называемой столѣтней французской борьбы. Она началась, какъ всегда, изъ-за мелочныхъ претензій и случайностей.

Въ 1334 году къ англійскому двору явился молодой графъ Артуа, претендовавшій на то, что французскій король лишилъ его принадлежавшихъ ему владѣній. Эдуардъ III укрылъ бѣглеца отъ преслѣдованій французскаго правительства, потому что онъ былъ нуженъ ему для борьбы во Фландріи, гдѣ произошло возстаніе противъ французскаго короля.

Людовикъ, графъ Фландріи, вывелъ фламандцевъ изъ терпѣнія своимъ постояннымъ деспотизмомъ, вслѣдствіе чего въ Гентѣ вспыхнуло возстаніе, распространившееся вскорѣ и на другіе республиканскіе города Фландріи. Во главѣ этого возстанія стоялъ богатый купецъ Жакъ д'Артевель, уроженецъ Гента. У него были большія связи съ землевладѣльцами и торговцами по продажѣ и закупкѣ хлѣба. Когда графъ былъ изгнанъ, Жакъ захватилъ всю власть въ свои руки, окружилъ себя наемной стражей, хотя управлялъ лишь какъ уполномоченный народный. Эдуардъ обѣщалъ ему свое содѣйствіе; въ свою очередь д'Артевель убѣждалъ своихъ сторонниковъ поддерживать англійскаго короля и имѣть общіе съ послѣднимъ интересы.

Англичане во Фландріи.

Въ это самое время Эдуардъ III выработалъ сложную политическую комбинацію; онъ устроилъ союзы въ Европѣ противъ Франціи, не жалѣлъ денегъ, платилъ Женевѣ, Генуѣ; платилъ сицилійскому королю, Нидерландамъ; платилъ императору и получилъ за деньги званіе императорскаго викарія зарейнскихъ областей. Тогда уже, какъ говоритъ Фруассаръ, по совѣту приближенныхъ, ссылаясь на права матери Изабеллы, онъ провозглашаетъ себя королемъ Франціи, отказываясь признавать Филиппа VI своимъ сюзереномъ, отвергая вмѣстѣ съ тѣмъ значеніе салическаго закона, который-де непримѣнимъ къ вопросу о престолонаслѣдіи и подвергая сомнѣнію право Филиппа на французскій престолъ. Изъ зарейнскихъ областей онъ предпринялъ походъ на Францію. Въ 1339 году, въ началѣ предпріятія, Эдуардъ далеко не былъ счастливъ. Напрасно опустошивъ окрестности Камбре, онъ отступилъ; но въ 1340 году одержалъ верхъ надъ французами въ кровопролитномъ сраженіи близь береговъ Фландріи. Замѣчательно, что здѣсь сошлись не французскіе корабли съ англійскими, а генуэзскіе

съ фламандскими; генуэзцы были наняты французскимъ королемъ, а фламандцы—англійскимъ. Фламандцы смотрѣли на дѣло англичанъ какъ на близкое имъ и патріотическое дѣло. Двухъ сотенъ французскихъ и генуэзскихъ галеръ—какъ не существовало; до 30 тысячъ человѣкъ было убито и потонуло. Никогда не было такого ужаснаго побоища на морѣ.

Бретанскій вопросъ.

Эдуардъ III, несмотря на побѣду, заключилъ перемиріе, при посредствѣ паскихъ легатовъ. Это не помѣшало ему однако поддерживать въ Бретани агитацію, враждебную Филиппу и принять сторону Іоанна де-Монфора, который явился законнымъ претендентомъ на бретанское герцогство. Выступая на борьбу противъ французскихъ принцевъ, французскій король, назначивъ правителемъ Бретани своего племянника Карла де-Блуа, занялъ Бретань войсками и взялъ Монфора въ плѣнъ; но за него борется жена его, которая оказалась хорошимъ воиномъ. Борьба между французской и туземной партіями разгорѣлась. Узнавъ, что Эдуардъ тайно привлекъ на свою сторону самыхъ могущественныхъ рыцарей Бретани, Филиппъ велѣлъ схватить десятерыхъ изъ нихъ и казнить безъ всякаго суда. Это былъ предлогъ для Эдуарда нарушить перемиріе и англичане ворвались во Францію въ 1345 году съ трехъ сторонъ. Одна армія, подъ начальствомъ графа Нортгемптона, стала дѣйствовать въ Бретани, гдѣ Карлъ де-Блуа попался уже въ плѣнъ англичанамъ, а страна осталась въ рукахъ двухъ женщинъ— Монфоръ и Блуа, продолжавшихъ дѣло своихъ мужей. Вторая армія, подъ начальствомъ самого Эдуарда, собиралась ударить изъ Фландріи, но не успѣла, потому что Эдуарду приходилось умиротворять политическія партіи въ Гентѣ, гдѣ погибъ знаменитый Артевелль; это обстоятельство заставило Эдуарда покинуть Фландрію, потому что мѣстное ополченіе служило только съ цѣлью охраны. Надо было ждать новаго ополченія, которое и выступило въ слѣдующемъ году, съ англійскими рыцарями во главѣ. Третья армія 1345 года, подъ начальствомъ Генриха Дерби, вела войну въ Гіенни, въ южной Франціи. Дерби дѣйствовалъ съ большимъ успѣхомъ; въ слѣдующемъ году онъ взялъ всѣ укрѣпленныя мѣста въ Гіенни и восторжествовалъ повсюду.

Походъ англичанъ на Парижъ.

Лѣтомъ 1346 года самъ король съ 15-лѣтнимъ своимъ сыномъ Эдуардомъ, прозваннымъ Чернымъ принцемъ за свои черные доспѣхи, спѣшилъ къ Дерби на помощь, думая нанести ударъ въ центрѣ французскихъ владѣній, но судьба рѣшила иначе. По словамъ Фруассара, буря отнесла англійскій флотъ отъ береговъ Гіенни къ берегамъ Нормандіи; эта случайность оказалась полезною; можетъ быть она была дѣломъ хитрости, какъ думаютъ позднѣйшіе историки. Нормандія не была защищена. Быстро прошли эту область отборныя англійскія войска, взяли Кале, проникли въ Иль-де-Франсъ, наконецъ явились въ виду Парижа со стороны Булонскаго лѣса. Только тогда французскій король приготовился къ сраженію. Онъ собралъ 8 тысячъ рыцарей и 60 тысячъ пѣхотинцевъ, въ числѣ которыхъ было 10 тысячъ генуэзскихъ стрѣлковъ, которые тогда превосходили англійскихъ. Эдуардъ имѣлъ гораздо меньше силъ, при томъ исключительно пѣшее войско постепенно вытѣснявшее рыцарство. Такимъ образомъ предстояло *французскимъ* рыцарямъ сразиться съ *англійскимъ* народомъ.

Порохъ и пушки.

Англичане давно обогнали французовъ въ военномъ дѣлѣ; они уже примѣняли порохъ къ стрѣльбѣ и имѣли новыя огнестрѣльныя орудія. То были большіе мушкеты; вслѣдствіе тяжести ихъ не могли носить, а возили на лошадяхъ. Вообще англійская армія представляла нѣчто необычайное въ средневѣковой военной исторіи. Она была не только хорошо вооружена, но прекрасно организована и дисциплинирована; впервые въ рядахъ ея были спеціальныя военныя части, какъ стрѣлковыя и инженерныя; особыя лица завѣдывали ея довольствіемъ. Она была снабжена обозомъ, наполненнымъ запасами всякаго рода. То былъ прототипъ будущихъ европейскихъ армій, первый опытъ правильной военной организаціи, выдержавшей, какъ доказали послѣдствія, блестящее испытаніе. Примѣненіе же къ стрѣльбѣ пороха,—изобрѣтеніе котораго неправильно приписывалось нѣкоему францисканцу Константину Анклицену (въ монашествѣ Бертольду „Черному“),—дѣлало первое время англичанъ неодолимыми и побѣдоносными ([1]). Несмотря на все это Эдуардъ не

([1]) Собственно время изобрѣтенія пороха, открытаго можетъ быть совершенно случайно, представляется невыясненнымъ. Взрывчатое дѣйствіе

рѣшался вступить въ бой; онъ находился въ невыгодной пересѣченной мѣстности, гдѣ было легко попасть въ безвыходное положеніе. Онъ сталъ осторожно отступать, выбирая позицію болѣе выгодную для принятія битвы. Французы, не обращая ни на что вниманія, неотступно преслѣдовали его съ такою стремительностію и пылкостью, что Эдуардъ долженъ былъ невольно остановиться при Креси.

Битва при Креси въ 1346 году.

Здѣсь онъ рѣшился принять вызовъ (¹). Филиппъ же сталъ колебаться; ему всѣ опытные воины совѣтывали не дѣлать нападенія, такъ какъ во время движенія французовъ къ Креси шелъ безпрерывный дождь и размочилъ тетивы на лукахъ генуэзскихъ стрѣлковъ; но пылкіе бароны не согласились откладывать битву. Когда генуэзцы отказались стрѣлять, такъ какъ ихъ луки не дѣйствовали, то французскіе рыцари помчались чрезъ нихъ на англичанъ; не сообразивъ мѣстности, они подставили себя подъ тучи англійскихъ стрѣлъ и сильный артиллерійскій огонь, впервые раздавшійся на полѣ битвы. Не столько стрѣлы, сколько пушки произвели потрясающую панику въ рядахъ французовъ, которые были разбиты на голову. Не только Эдуардъ, но и его сынъ оказались искусными вождями въ этой битвѣ. Во французской арміи находился старый, слѣпой король чешскій Іоаннъ; услыхавъ, что битва проиграна, онъ попросилъ своихъ рыцарей привязать его коня къ ихъ конямъ, потомъ вмѣстѣ

состава изъ селитры, сѣры и угля было извѣстно во всякомъ случаѣ задолго ранѣе индусамъ и китайцамъ, отъ которыхъ въ IV вѣкѣ порохъ проникъ къ римлянамъ, употреблявшимъ этотъ составъ для потѣшныхъ огней. Въ концѣ VII вѣка византійцы пользовались греческимъ огнемъ, который переняли арабы. Очень можетъ быть что въ половинѣ XIII вѣка ученые Альбертъ Великій и Рожеръ Бэконъ (II, 551) знали составъ пороха. Но дѣло въ томъ, что только въ половинѣ XIV столѣтія (какъ заключаетъ Фавэ въ своемъ спеціальномъ изслѣдованіи) порохъ былъ такъ рѣшительно приложенъ къ военнымъ цѣлямъ, такъ какъ хроники констатируютъ употребленіе пороха для стрѣльбы съ самого начала англо-французской войны. Заслуга Бертольда можетъ относиться только — и то по преданію — къ примѣненію секрета къ огнестрѣльнымъ орудіямъ, что имѣло неисчислимыя послѣдствія.

(¹) John Bree. Sketch of the kingdom of England during the XIV century, with a particular account of the campaign of Edward III in 1345 and 1346. L. 1791.

съ ними врубился въ густую толпу непріятелей и былъ убитъ; его знамя, украшенное страусовыми перьями съ девизомъ „служу“, было помѣщено Чернымъ принцемъ на щитѣ и донынѣ сохраняется въ гербѣ принцевъ Валлійскихъ. По Фруассару французы потеряли 30 тысячъ пѣшихъ, 1200 конныхъ и 12 знаменитыхъ пэровъ. Во всякомъ случаѣ пораженіе французовъ было страшное и добыча англичанъ громадна; кромѣ того Эдуардъ получилъ впослѣдствіи значительный выкупъ за множество знатныхъ плѣнниковъ. Послѣ побѣды при Креси Эдуардъ повернулъ во Фландрію, гдѣ на слѣдующій годъ взялъ Кале послѣ одиннадцатимѣсячной осады. Ожесточенный долгимъ сопротивленіемъ, Эдуардъ обрекъ на гибель защитниковъ этого города, но, по свидѣтельству Фруассара, граждане разжалобили англичанъ, явившись къ нимъ съ веревками на шеѣ. Изгнавъ оттуда многихъ жителей, Эдуардъ замѣстилъ ихъ англичанами, которымъ отдалъ покинутые дома и земли. Англичане удерживали за собой Кале цѣлыхъ 200 лѣтъ. Также успѣшно они дѣйствовали на Югѣ, гдѣ покорили Пуатье, Лиможъ, Бурбонэ, — всю страну между Луарой и Гаронной. Въ Бретани они имѣли также успѣхъ; вассалы французскаго короля переходятъ подъ власть англійской короны. Фландрія снабжала короля деньгами. Франція была такимъ образомъ въ ужасномъ положеніи и рада была перемирію, которое съ 1347 года было продолжено до 1351 года, при содѣйствіи папскихъ легатовъ. Французскій король думалъ поправить свои финансы налогами, но неумѣло. Онъ установилъ налогъ на соль, изобрѣлъ новыя пошлины, сталъ взимать подать съ промысловъ, наложилъ на духовенство десятину; но все это давало мало. Къ довершенію всѣхъ несчастій явилась чума, о которой Фруассаръ отзывается лаконически, заявляя, что отъ нея „погибла почти третья часть жителей нашей планеты“.

Императоръ Карлъ IV (1346-78 г.).

Тогда имперія перестала быть центромъ исторіи, а Италія перестала для имперіи имѣть то притягательное обаяніе, которое было присуще ей. Еще императоръ Людвигъ былъ отлученъ папами Бенедиктомъ XII и Климентомъ VI, но надо знать, какіе были папы въ то время, чтобы не придавать большаго историческаго значенія образу ихъ дѣйствій. Для характеристики Бенедикта XII довольно того, что когда узнали о выборѣ его, то говорили, что выбрали осла. Въ его время сло-

жилась не даромъ поговорка: „пьянъ, какъ папа". Хотя въ его время и волновались чисто-церковными спорами и хотя тогда былъ рѣшаемъ вопросъ о Божественномъ лицезрѣніи по минованіи чистилища, но подобные дебаты и каноны не мѣшали приниженію папства. Авиньонскіе папы не пользовались прежнимъ значеніемъ даже помимо своихъ личныхъ качествъ уже потому, что были слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ французскихъ королей. Климентъ VI, преемникъ Бенедикта, былъ французъ родомъ. Онъ враждовалъ съ императоромъ, несмотря на то, что Людвигъ отправилъ немедленно къ новому папѣ посольство. Въ Авиньонѣ прогнали императорскихъ пословъ, отклонивъ вмѣстѣ съ тѣмъ посредничество французскаго короля. Людвигъ хотѣлъ опереться на имперскіе города въ борьбѣ съ феодалами, но этимъ вооружилъ противъ себя послѣдняго сына чешскаго короля Яна. Князья въ 1346 году избрали императоромъ Карла, сына чешскаго короля Яна, маркграфа Моравіи ([1]).

Онъ получилъ воспитаніе въ Парижѣ, при французскомъ дворѣ, и оставался чуждымъ Германіи, особенно при жизни Людвига. Когда послѣдній въ 1347 году умеръ на медвѣжьей охотѣ близь Мюнхена, то казалось, что положеніе Карла IV должно было получить нѣкоторую прочность. Тѣмъ не менѣе противъ него продолжалъ дѣйствовать баварскій домъ, который пріобрѣлъ Бранденбургъ и Тироль. При помощи майнцскаго архіепископа и другихъ князей, этотъ домъ постоянно старался выставлять антиимператора. Наконецъ нашли охотника. Чешскій король окончательно короновался императорской короной. Впервые на императорскомъ престолѣ сидѣлъ король изъ презираемой нѣмцами славянской народности. Карлъ безспорно былъ замѣчательною личностью, но лишь только по отношенію къ своему отечеству. Въ Чехіи онъ покровительствовалъ литературѣ и искусству; для Германіи же ничего не дѣлалъ. Довольно взглянуть на

([1]) Procop Lupać z Hlavaczowa, Hist. o cisari Karlovi, krále Českem (Pr. 1584, изд. Ганки въ Прагѣ 1849). Pelzel, G. Kaiser Carls IV (Pr. 2 v. 1780). Palacky, Dejiny národu českeho (Pr. 1876, d. II, č. 2). Werunsky, Karl IV und seine Zeit, Inns. 1880. Schirrmacher, Die Entstehung des Fürstenkollegiums, B. 1884. Menzel. Die ital. Politik Karls IV (1355—68), H. 1881. Friedjung, Kaiser Karl IV und sein Antheil am geistigen Leben seiner Zeit, W. 1876.

остатки средневѣковыхъ памятниковъ въ Прагѣ и ея окрестностяхъ, чтобы судить о великолѣпіи тогдашней столицы чеховъ, которое было дѣломъ Карла. Въ славянскомъ городѣ — столица германской имперіи. Все чешское стало въ модѣ. Карлъ не думалъ теперь порабощать чеховъ нѣмецкому вліянію, но напротивъ старался по возможности выдвинуть чеховъ. Онъ презиралъ Ахенъ, Шпейеръ, Кельнъ и другіе города, думая лишь о своей родной столицѣ. Недалеко отъ Праги и теперь можно увидѣть этотъ величавый, громадный дворецъ, построенный на манеръ итальянскихъ готическихъ палаццо, съ роскошными садами, въ которомъ жилъ императоръ. Одинъ изъ чешскихъ монастырей былъ посвященъ для пропаганды славянскаго богослуженія; тамъ жили тѣ монахи, которые списали Кирилловскія книги болгарской и сербской редакціи и молились по нимъ въ своихъ церквахъ; тамъ готовились будущіе славянскіе пропагандисты для всей Чехіи.

Карлъ по справедливости назывался отцемъ Чехіи и вотчимомъ Германіи. Онъ не заботился объ интересахъ имперіи; онъ продавалъ графскіе и герцогскіе титулы мелкимъ владѣльцамъ; онъ былъ причиной ропота и негодованія. Несчастія тогда обильно посѣщали Германію. Голодъ, чума, проказа, землетрясеніе стали обыкновенными явленіями XIV столѣтія.

Моръ и бичующіеся.

Лѣтописцы особенно упоминаютъ о сильной эпидеміи, подъ которой надо понимать черную оспу. Тѣло зараженнаго сначала покрывалось черными шишками и черезъ три дня, а иногда и скорѣе слѣдовала смерть. Въ большихъ городахъ умирающіе считались сотнями и тысячами. Путешественники, проѣзжавшіе изъ Италіи за Альпы и особенно въ Чехію, находили цѣлыя селенія и города, полные мертвыхъ; не было хижины, въ которой не было-бы хотя одного умершаго. Въ иныхъ мелкихъ городахъ вымерло все населеніе; въ большихъ половина, а въ Страсбургѣ, напримѣръ 16 тысячъ. Это невольно побуждало народъ къ покаянію. Всѣ хотѣли очиститься покаяніемъ отъ грязи разврата. Тогда всюду стали являться такъ называемые flagellantes, т. е. бичующіеся, которые обнажали спину и сами били себя узловатыми веревками до изнеможенія; даже дѣти предавали себя этому истязанію, которое послѣ „казалось будто пріятнымъ“. Приходилось весьма энергично обуздывать это подвижничество. Предоставимъ

говорить объ этомъ хроникамъ [1]:

«Увидѣвъ великое бѣдствіе отъ мора, люди впали въ великое раскаяніе о своихъ грѣхахъ и стали каяться, какъ сами хотѣли, а папу и святую Церковь не призывали на помощь и совѣтъ, что было большою глупостью, неосмотрительностью и небреженіемъ о своихъ душахъ; и собирались люди въ города и селенія, ходили съ бичами сто, двѣсти, триста человѣкъ или сколько соберется; и проводили они время такъ, что партіей ходили съ бичами 30 дней изъ города въ городъ и носили кресты и хоругви, какъ въ церковной процессіи со свѣчами; и когда они приходили въ городъ, то шли процессіей по два въ рядъ, а въ церкви были въ шапкахъ, на которыхъ спереди былъ нашитъ красный крестъ; и каждый держалъ передъ собою свой бичъ; и пѣли они свои пѣсни покаянія. И когда они приходили въ церковь, то становились на колѣна и пѣли: Іисусъ былъ напоенъ оцтемъ [2], потому припадемъ ко Кресту.

«Iesus ward gelabet mit Gallen:
«Dess sollen wir an ein Creutze fallen!

«При этихъ словахъ падали они всѣ на землю, растянувъ руки крестообразно, такъ что громко стукались и лежали такъ нѣсколько времени, а потомъ ихъ запѣвало начиналъ: «Воздѣньте ваши руки, чтобы Богъ отвратилъ этотъ великій моръ: воздѣньте ваши руки, чтобы Богъ смиловался надъ нами».

«Потомъ они вставали; и дѣлали такъ три часа. А когда они вставали въ послѣдній разъ, то приходили горожане и приглашали къ себѣ бичующихся, иной четверыхъ, другой шестерыхъ или семерыхъ, и угощали ихъ до ночи. По утру они уходили процессіей съ крестами въ другой городъ.

«И такое было у нихъ правило: кто хотѣлъ поступить въ ихъ братство и покаяніе, долженъ былъ оставаться въ немъ 33 дня и для того долженъ былъ имѣть столько денегъ, чтобъ у него было для расхода по четыре пфенига на день; и потому они не должны были ничего ни у кого просить или требовать, и не входить ни въ какой домъ иначе, какъ если ихъ пригласятъ и приведутъ безъ ихъ просьбы. И должны были они не говорить ни съ какой женщиной, а кто это нарушалъ, тотъ становился на колѣна передъ своимъ наставникомъ и исповѣдывалъ ему, и наставникъ налагалъ на него эпитимію и билъ его бичомъ по спинѣ и говорилъ: «Возстань честью чистаго страданія и остерегайся отъ дальнѣйшихъ грѣховъ».

---

(1) Пользуемся извлеченіемъ Вебера. Всеобщая Исторія; пер. Андреева; VIII, 167—9.

(2) Оцетъ, т. е. уксусъ (Еванг. Іоанна, XIX, 29).

«Имѣли они также законъ, что могли быть между ними священники; но ни одинъ священникъ не могъ быть у нихъ наставникомъ и подавать голосъ на ихъ тайныхъ совѣщаніяхъ. Когда они хотѣли совершить покаяніе (такъ они называли бичеваніе, а это было у нихъ два раза въ день, утромъ и вечеромъ), то шли они въ поле; въ это время звонили въ колокола, и они шли по два и пѣли свою пѣсню; и пришедши на мѣсто бичеванія, они раздѣвались до пояса и разувались, а надѣвали они бѣлую одежду, которая шла отъ пупа до ступни ногъ и ложились большимъ кругомъ; а ложились каждый тѣмъ способомъ, какой слѣдовалъ по его грѣхамъ. Если кто былъ клятвопреступный злодѣй, то ложился на бокъ и протягивалъ три пальца; они ложились разными манерами по грѣхамъ, чтобы видно было, какой грѣхъ кто сдѣлалъ; и когда они возлягутъ такъ, то начиналъ ихъ наставникъ, съ какого изъ нихъ хотѣлъ, и кричалъ надъ нимъ и билъ его своимъ бичомъ и говорилъ: «Возстань честью чистаго страданія и остерегайся отъ дальнѣйшихъ грѣховъ».

«Такъ шелъ онъ надъ ними всѣми; и надъ кѣмъ онъ пройдетъ, тотъ вставалъ и шелъ за наставникомъ надъ лежащими впереди его, пока всѣ встанутъ; и тогда они пѣли и бичевали себя ремнями, у которыхъ на концѣ были узлы. И послѣ этого бичеванія и пѣнія одинъ изъ нихъ читалъ посланіе, о которомъ они говорили, что его принесъ ангелъ съ неба; въ этомъ посланіи было написано, что Богъ разгнѣвался на грѣхи міра и хотѣлъ погубить его, но Мать Божія и ангелы просили его, чтобъ онъ смиловался надъ міромъ, и много другого было въ этомъ посланіи; и по прочтеніи его они шли опять въ городъ съ пѣніемъ по два въ рядъ за своими хоругвями и свѣчами.

«И когда они бичевались, то было большое стеченіе людей, и народъ вѣрилъ, что это посланіе сошло съ неба и что правда все, что они говорятъ. А когда священники спрашивали, почему же можно знать, что хожденіе съ бичеваніемъ дѣло хорошее и кто запечатлѣлъ это посланіе, то они отвѣчали: тотъ, кто запечатлѣлъ Евангеліе. Такъ они убѣждали народъ и онъ вѣрилъ бичующимся больше, чѣмъ священникамъ; и когда они ходили по городамъ, то присоединялось къ ихъ братству много людей, которые дѣлались тоже бичующимися. Въ Страсбургѣ больше 1.000 человѣкъ присоединились къ ихъ обществу и они раздѣлились; часть пошла вверхъ по Рейну, а часть внизъ. И поступало столько людей въ ихъ братство, что стало непріятно папѣ, императору и духовенству. И императоръ написалъ папѣ, чтобъ онъ сдѣлалъ что-нибудь противъ этого, иначе бичующіеся обратятъ къ себѣ всѣхъ; потому что они принимали на себя большую святость и говорили, что совершаются черезъ нихъ большія знаменія. Послѣ мужчинъ поднялись и женщины и дѣти, ходили изъ города въ городъ и би-

чевались. Наконецъ папа запретилъ имъ хожденіе и велѣлъ всѣмъ епископамъ отмѣнить и запретить его въ своихъ епархіяхъ, предписавъ, что кто хочетъ бичеваться, тотъ долженъ бичеваться наединѣ въ своемъ домѣ, сколько пожелаетъ. Такъ кончилось хожденіе бичующихся, продолжавшееся полгода».

Когда прошло одно эпидемическое бѣснованье, началось другое. Католики задумали тогда исцѣлиться другимъ способомъ; они обрушились на жидовъ. Какъ нельзя было прежде удержать бичующихся, такъ нельзя было удержать теперь бѣшенства противъ евреевъ. Католики въ Германіи распустили слухъ, что всѣ несчастія происходятъ отъ евреевъ. Особенно сильное гоненіе было въ Швейцаріи и Германіи. Наконецъ сами прелаты должны были вступиться за евреевъ, такъ какъ послѣдніе были самыми аккуратными плательщиками.

Чехія не испытывала этихъ бѣдствій въ такой мѣрѣ, какъ другія части имперіи.

Реформа суда въ Чехіи.

Чехія сознавала свою силу, видя своего государя во главѣ имперіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ она не расположена была уступать императору. Когда Карлъ IV задумалъ наградить своихъ подданныхъ новымъ болѣе суровымъ правомъ, имѣвшимъ замѣнить право обычное,—совѣтники императора выработали такъ называемое Majestas Carolina, уложеніе, обоснованное на началахъ римскаго права. Въ силу этого проекта судъ вышелъ бы изъ рукъ народа и сталъ бы предметомъ вѣдѣнія чиновниковъ назначенныхъ императоромъ. Предполагалось провести проектъ черезъ сеймъ чешскихъ сословій, созванный въ Прагѣ. Но сеймъ категорически высказался противъ основаній судебной реформы. Императоръ долженъ даже былъ дать обязательство уважать впредь права своихъ подданныхъ и удовольствовался только мелочными измѣненіями въ организаціи и отправленіи судебныхъ учрежденій въ своей родной странѣ. Это было въ сентябрѣ 1355 года.

Золотая булла и ея значеніе.

Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ открылись засѣданія германскихъ чиновъ въ Нюренбергѣ. Здѣсь были выработаны основанія имперскаго государственнаго строя, которыя были оповѣщены въ особой грамотѣ съ золотою печатью. Эта грамота, обнародованная въ январѣ 1356 года въ Нюренбергѣ и потомъ въ исправленномъ видѣ вторично въ Мецѣ въ день Рож-

дества того же года, называется Золотою буллою (bulla aurea). Ея окончательная редакція принадлежитъ фонъ-Неймарку и Рудольфу фонъ-Фридбергу.

Значеніе этого законодательнаго акта опредѣляется не имъ самимъ, а его отношеніемъ къ предшествовавшимъ историческимъ фактамъ. Мы уже упоминали (II, 668), какъ и когда избраніе императоровъ Священной имперіи стало независимымъ отъ папскаго вліянія. Надо прибавить, что нѣкоторое время спустя во Франкфуртѣ былъ обнародованъ уставъ „о правѣ и достоинствѣ императора (constitutio de jure et excellentia imperii)“; въ этомъ актѣ было положительно заявлено, что самъ Богъ даетъ императорамъ ихъ власть безъ всякаго посредничества папы. Теперь оставалось только опредѣлить подробности избранія, что и выражено въ Золотой буллѣ. Право избранія предоставлялось семи курфюрстамъ, во главѣ которыхъ, конечно, стоялъ король чешскій; за нимъ слѣдовали: пфальцграфъ рейнскій, архіепископы: майнцскій, кёльнскій и трирскій, герцоги: саксенъ-виттенбергскій и маркграфъ бранденбургскій. Рейнскій пфальцграфъ считается императорскимъ викаріемъ въ случаѣ междуцарствія и судитъ въ Швабіи и Франконіи, а герцогъ саксенъ-виттенбергскій— въ земляхъ саксонскаго права, т. е. въ восточной Германіи, а также въ Баваріи и Австріи Архіепископъ майнцскій созываетъ избирателей въ случаѣ ваканціи императорскаго престола, а если онъ не исполнитъ этой своей законной обязанности, то курфюрсты собираются на выборы безъ приглашеній и приступаютъ къ выборамъ. Это устраняло возможность междуцарствія, а вмѣстѣ водворяло новый государственный порядокъ. Но еще важнѣе было провозглашеніе политической самостоятельности курфюрстовъ; они, за исключеніемъ духовныхъ князей, удерживали за собой наслѣдственную власть по праву первородства и стали настоящими неограниченными властителями, избавляясь отъ всякой зависимости. Населеніе областей, принадлежащихъ курфюрстамъ, лишенное права приносить жалобы императору, обратилось въ подданныхъ князей-избирателей. Курфюрсты получили право верховнаго суда въ своихъ владѣніяхъ: „privilegia de non evocando et de non appellando“; это значило, что императоры не могутъ требовать передачи судебныхъ дѣлъ на свое разсмотрѣніе и что тяжущіеся лишились права аппеляціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ курфюрсты удержали за собою всѣ регаліи, прежде принадле-

жавшія императорамъ, какъ-то: монетную, горную, соляную, таможенную и подать съ евреевъ, проживавшихъ въ ихъ владѣніяхъ, что прежде взималъ императорскій фискъ. Все чѣмъ прежде пользовались курфюрсты въ своихъ земляхъ (а это была бо̀льшая половина Германіи), какъ императорскіе фохты и намѣстники, теперь предоставлено было имъ лично и наслѣдственно. Власть императорская была ограничена и по принципу по всей остальной Германіи, а именно обязательствомъ ежегодно въ первый мѣсяцъ послѣ Пасхи совѣщаться съ коллегіей курфюрстовъ.

Послѣдствія Золотой буллы для судебъ Германіи и Священной имперіи были весьма осязательны. Они проявились въ *раздробленіи Германіи и въ ослабленіи императорской власти* въ самыхъ нѣдрахъ ея. Положимъ, что данныя для того и другаго явленія существовали издавна и коренились въ условіяхъ исторической жизни. Но то, что было результатомъ бездѣятельности верховной власти, частнаго безсилія, —стало фактомъ возведеннымъ въ законъ. Императоръ торжественно подписалъ актъ самоотреченія. Онъ думалъ только о сохраненіи своего обаянія въ городахъ, запрещая въ этихъ видахъ организацію городскихъ союзовъ. Національная идея, которая стала торжествовать въ западныхъ государствахъ, не могла найти себѣ надлежащаго мѣста въ Германіи вслѣдствіе расчлененія, обусловленнаго Золотой буллою.

За то этотъ законодательный актъ принесъ пользу Чехіи; здѣсь онъ содѣйствовалъ ея могуществу, укрѣпленію ея политической самостоятельности и упроченію національнаго сознанія. Всѣ чешскіе историки единодушно признаютъ, что время правленія короля Карла было золотой эрою для Чехіи, особенно для массы славянскаго населенія. Земледѣльцы большею частью получили въ долгосрочную аренду землю на точно обозначенныхъ письменныхъ договорныхъ условіяхъ, а многіе въ наслѣдственную собственность по выкупу. Въ земскихъ судахъ строго слѣдили за точностью исполненія условій между панами и крестьянами, находившимися подъ особою защитою короля. Золотая булла опредѣлила дальнѣйшія отношенія Чехіи къ имперіи, ссылаясь на старинныя соглашенія. Императоръ изъ привязанности къ своей родинѣ особымъ указомъ обязалъ сыновей курфюрстовъ и молодое поколѣніе нѣмецкой аристократіи учиться чешскому языку, какъ весьма полезному для пониманія государственныхъ отношеній и для управленія

имперіей, въ которой тогда Чехія занимала преобладающее положеніе. Конечно этотъ указъ былъ скоро отмѣненъ. Судьба не надолго дала въ руки чехамъ руководящую роль.

Той же Золотой буллою было дозволено чешскимъ и другимъ рыцарямъ записываться въ число горожанъ. Рядомъ съ этимъ по буллѣ воспрещалось нападать на сосѣдей безъ объявленія войны; это впрочемъ не исполнялось. Союзы рыцарей и городовъ вообще не позволялись и частныя войны не допускались. Въ буллѣ наблюдаемъ римскія вѣянія; римское право борется съ обычаемъ и надъ нимъ торжествуетъ. Обыкновенно упрекаютъ Карла за увеличеніе наслѣдственныхъ земель, но такъ поступали всѣ нѣмецкіе императоры, увеличивая свои родовыя земли насчетъ другихъ. Это дѣлалось для рода, для потомства, такъ какъ сами императоры обыкновенно передавали управленіе своими владѣніями родственникамъ. Второй бракъ доставилъ Карлу верхній Пфальцъ, а третій съ Анною Пфальцскою полосу сосѣдней Силезіи и нижнихъ лужичанъ (Лаузація). Такимъ-же способомъ онъ отнялъ у Баварскаго дома маркграфство Бранденбургское. Маркграфъ Оттонъ бранденбургскій въ 1373 году заключилъ договоръ, по которому чрезъ шесть лѣтъ передавалъ свои владѣнія Карлу. Конечно было весьма неудобно присоединеніе къ Чехіи Бранденбурга, страны, отдѣльной отъ нея и населенной другою національностью. Правда, часть Бранденбурга населяли прибалтійскіе славяне, но между нѣмцами и славянами происходила борьба, которая обострялась съ каждымъ годомъ. Уже сынъ Карла, Сигизмундъ не могъ совладать въ XV столѣтіи со столь обширной территоріей. Бранденбургъ тогда отошелъ къ гогенцоллернамъ; остальныя земли перешли къ австрійскому дому; къ нему-же вскорѣ потомъ отошелъ Тироль, въ которомъ вымерла баварская линія Виттельсбаховъ. Столь-же неудачно было усиліе Карла водворить германское вліяніе въ Италіи. Онъ думалъ, что это легко сдѣлать по удаленіи папъ изъ Рима, но онъ жестоко ошибся. Теперь мы должны перенестись не надолго въ стѣны вѣчнаго города.

Коло ди-Ріенци († 1354 года).

Въ это время въ Италіи блеснула идея единства. Носителями ея были, впрочемъ люди слова, а не дѣла. Таковъ былъ знаменитый римлянинъ Коло ди-Ріенци [1]. Его настоя-

[1] Лучшее пособіе Papencordt. Rienzi und seine Zeit, Hamb. 1841 (франц. и итал. пер. въ 1845 г.).

щее имя было Nicolaus Laurentius. Хотя онъ былъ воспѣтъ Петраркою въ сонетахъ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ на высотѣ историческихъ задачъ. Его попытка прошла безслѣдно, потому что онъ не имѣлъ ни упорства, ни проницательности. Ланфре называетъ его говоруномъ; это не совсѣмъ вѣрно; онъ дѣйствительно былъ фантазеромъ, бредилъ Крешенци, Арнольди и др., увлекся ученіемъ Іоанна Парижскаго относительно Вѣчнаго Евангелія, вѣрилъ, что миръ и добро будутъ скоро господствовать на землѣ. Все это было не безъ вліянія мистицизма. Ріенци былъ человѣкъ глубокой вѣры и сдѣлался фанатикомъ, при чемъ ошибки прошлаго не исправляли его. Его политическая система вращалась на томъ, что римскій народъ долженъ былъ имѣть главенство надъ всѣмъ міромъ, точно современные ему римляне чѣмълибо походили на древнихъ. Въ дѣятельности Ріенци наблюдаемъ,—какъ къ широкимъ замысламъ и политическимъ утопіямъ приступаютъ съ мелкимъ масштабомъ. Если бы слушать трибуна, то необходимо возстановить forum, на которомъ будетъ присутствовать этотъ „верховный и милостивый правитель", „рыцарь Св. Духа, попечитель вселенной и покровитель Италіи"; Римъ будетъ центромъ міра; папа и императоръ орудіями, намѣстниками великаго трибуна.

Широкіе замыслы и утопіи Ріенци не гармонировали ни со средствами агитатора, ни съ его собственной подготовкой, ни съ тогдашнимъ положеніемъ политическихъ дѣлъ. Гораздо большее значеніе имѣли бароны, вѣчно ссорившіеся, вѣчно вооруженные Орсини и Колонна. Съ ними-то и пришлось бороться Ріенци. Вышедши изъ народа, простой адвокатъ, много читавшій, лично знавшій Петрарку, прекрасно и увлекательно говорившій, онъ участвовалъ вмѣстѣ съ послѣднимъ въ римскомъ посольствѣ, которое явилось къ папѣ въ Авиньонъ просить о перенесеніи резиденціи первосвященниковъ въ Римъ. Французскій папа не могъ, конечно, исполнить этой просьбы. Петрарка лично хотѣлъ склонить папу, но итальянскіе стихи не дѣйствовали на французское ухо, а поэтъ, изображавшій съ восторженностью римскую древность, оказался безсильнымъ повліять на папу. Говорили объ анархіи, о безсиліи властей, о насиліяхъ, которыя еще болѣе усиливались наемниками изъ итальянцевъ и нѣмцевъ, этой язвы тогдашней Италіи. Для кондотьеровъ не было ничего святого; часто чуждые странѣ

и ея интересамъ, посвятившіе себя разврату и пьянству, они и въ военное и въ мирное время одинаково были зломъ для Италіи. Итальянское наемничество было повтореніемъ греческаго, возникло изъ тѣхъ же причинъ и привело къ тѣмъ же результатамъ. Избытокъ денегъ породилъ эту наемническую систему, содѣйствовавшую между тѣмъ утвержденію плановъ всѣхъ честолюбцевъ, которые, при помощи наемниковъ, соорудили крѣпкія территоріи въ Сѣверной Италіи. Тогда, конечно, нельзя было ожидать отъ этихъ воителей ни патріотизма, ни какой-либо политической идеи, ни плодотворныхъ стремленій. Каждый честолюбецъ, вопреки яснымъ историческимъ потребностямъ, могъ достигнуть своей цѣли. Климентъ VI предложилъ Ріенци ѣхать обратно на берега Тибра и тамъ противодѣйствовать аристократіи, расположивъ народъ въ пользу папы. Въ 1346 году Ріенци былъ снова въ Римѣ. Собирая народъ въ церквахъ и на площадяхъ, онъ возбуждалъ въ немъ ненависть къ патриціямъ, льстилъ ему, преувеличивая изображеніе подвиговъ и силы древнихъ римлянъ, а равно могущества горожанъ. Ріенци скоро попалъ въ курію; между прочимъ онъ велѣлъ расписать стѣны Капитолія аллегорическими картинами изъ исторіи древняго Рима, Іерусалима и Кароагена и самъ объяснялъ значеніе ихъ. Бароны не подозрѣвали этихъ продѣлокъ, не понимали смысла этихъ картинъ и неожиданно, въ апрѣлѣ 1347 года, провозгласили съ вершинъ Капитолія демократическую республику, при чемъ самому Ріенци было поручено назваться трибуномъ, т. е. защитникомъ интересовъ народа; ему же было предоставлено организовать новое правительство. Римское духовенство оказывало содѣйствіе этой власти. Аристократія признала трибуна и дала клятву. Ріенци, разрушивъ укрѣпленные замки въ городѣ и окрестностяхъ, образовалъ милицію изъ 1300 пѣхоты и 300 конницы; онъ далъ народу правильное судопроизводство. И вотъ на короткое время все измѣнилось. Бароновъ выгнали, какъ мятежниковъ и преступниковъ. Недовольствуясь ограниченной ареной дѣятельности, онъ домогается господствовать въ Италіи. Предъ Капитоліемъ 1 августа, въ присутствіи тысячи народа, онъ, послѣ торжественной церемоніи, провозглашаетъ себя „правителемъ міра“ и тутъ же даетъ обязательство судить по правдѣ. Послѣ того ему оставалось только потребовать на судъ папу и императора, тогда враждовавшихъ между собою, что онъ и не за-

медлилъ исполнить. Напрасно папскій легатъ протестовалъ противъ этого; Ріенци вошелъ въ сношеніе съ недовольными аристократическими фамиліями. Конечно папа съ своей стороны поспѣшилъ произнести проклятіе на Ріенци за его вмѣшательство въ духовныя дѣла и запретилъ повиновеніе ему. Раздраженные рыцари успѣли прекратить подвозъ провіанта къ столицѣ. Напрасно какой-то еврей, по его приказанію, цѣлыя сутки билъ въ набатъ: никто не шелъ на форумъ. Въ 1347 году онъ убѣжалъ изъ Рима въ Неаполь, оставивъ столицу во власти мстительныхъ бароновъ. Неаполь въ то время занималъ Людовикъ венгерскій, который рѣшился мстить за своего брата Андрея, убитаго своей женой. Джіованна, жена Андрея, бѣжала въ Авиньонъ, чтобы тамъ оправдаться предъ судомъ папы. Людовикъ ничего не имѣлъ противъ Ріенци и оказалъ ему гостепріимство.

Въ слѣдующемъ 1348 году мы находимъ реформатора снова въ Римѣ. Бароны слишкомъ злоупотребили побѣдой: стали мстить горожанамъ. Нѣмецкіе воины помогли трибуну поддержать диктатуру. Но когда трибунъ былъ обезсиленъ, то ему ничего не оставалось дѣлать, какъ бѣжать вторично изъ Рима. На этотъ разъ мы встрѣчаемъ его уже въ Прагѣ у нѣмецкаго императора. Надо замѣтить, что въ 1350 году, нуждаясь въ деньгахъ, папа назначилъ совершенно не кстати юбилей, который праздновался въ 1300 году и долженъ былъ пасть на 1400 годъ. Въ сущности Авиньонскій дворъ нуждался въ средствахъ для разврата. На этомъ юбилеѣ обнаружилось, что Римъ и Италія потеряли всякое довѣріе и уваженіе къ папѣ. Римскаго легата оскорбляли, кидали въ него каменьями и подъ конецъ юбилея отравили. Этотъ легатъ неоднократно объявлялъ, что лучше быть самымъ послѣднимъ священникомъ въ Авиньонѣ, чѣмъ папой въ Римѣ. Ріенци предлагалъ свои услуги, а для себя не просилъ ничего, кромѣ позволенія посѣтить святыя мѣста. Вмѣсто отвѣта императоръ выслалъ въ 1350 году Ріенци въ Авиньонъ въ распоряженіе Климента VI, который велѣлъ сжечь трибуна. Случилось такъ, что предъ самою казнію Ріенци папа скончался и жизнь знаменитаго агитатора на нѣкоторое время была спасена.

Должно замѣтить, что въ это время торжествовала опять въ Римѣ народная партія. Новый папа, Иннокентій VI былъ итальянецъ; онъ хотѣлъ возстановить порядокъ въ Римѣ. Выбирая легата съ этою цѣлью, папа остановился весьма

удачно на испанскомъ рыцарѣ Эгидіи Альборносѣ, который, послѣ своихъ громкихъ подвиговъ, принялъ священство и сдѣланъ былъ кардиналомъ Церкви. Прелатъ этотъ былъ въ одно время и воинъ, и администраторъ, и священникъ, и ораторъ; вскорѣ онъ успѣлъ одолѣть римскихъ бароновъ, но, несмотря на все это, убѣдился, что въ Римѣ его положеніе непрочно. Для того, чтобы папѣ можно было вернуться въ Римъ, надо было сблизить папство съ населеніемъ и никто, по мнѣнію авиньонской куріи, не годился для этого дѣла, кромѣ Ріенци. Какъ человѣкъ рѣшительный, кардиналъ Альборносъ прямо написалъ папѣ, чтобы онъ обратился къ Ріенци. Папа исполнилъ его желаніе и Ріенци былъ пожалованъ въ рыцари и бароны, съ прямымъ порученіемъ приготовить для папы почву въ Римѣ. И вотъ въ третій разъ застаемъ трибуна въ Римѣ. На этотъ разъ, говоритъ хроникеръ, Ріенци „растолстѣлъ и разцвѣлъ, какъ роза“. Онъ уже привыкъ къ власти и былъ наученъ опытомъ, что надо опираться не на прихотливое настроеніе толпы, всегда склонной къ предательству, а на нѣчто болѣе прочное и солидное. Чернь привѣтствовала его восторженными криками, но скоро должна была разочароваться. Нуждаясь постоянно въ войскѣ, Ріенци долженъ былъ обременять городъ налогами; толпа этого не любила, отчего трибунъ удержался не долѣе одного года. Случай между тѣмъ доставилъ ему громадную наживу при бандитѣ и кондотьерѣ Фра Моріалисѣ. Послѣдній, состоя въ Неаполѣ при особѣ Людовика венгерскаго, славился какъ жестокій, безпощадный тиранъ, не имѣвшій ни сердца, ни стыда. Отъ его рыцарства не осталось и слѣда и только для кощунства онъ надѣвалъ на себя священническіе аттрибуты. Стоило ему лишь появиться въ какомъ-нибудь мѣстечкѣ, чтобы одно его имя приводило въ трепетъ всѣхъ горожанъ, и мущинъ и женщинъ, обращавшихся въ бѣгство. Ріенци захватилъ его въ Римѣ, посадилъ въ тюрьму и овладѣлъ его богатствомъ. Ріенци успѣлъ нанять на это значительное количество воиновъ. Но теперь рѣшительно не повезло диктатору; противъ него заговоры повторялись все чаще и чаще. Тогда онъ задумалъ заразъ покончить съ своими врагами и сталъ подготовлять проскрипцію, но враги его предупредили. Рано утромъ 8 сентября 1354 года собралась толпа у дворца Ріенци. Напрасно „послѣдній трибунъ“ прибѣгнулъ къ своему краснорѣчію. Онъ долженъ былъ бѣжать въ крестьянскомъ платьѣ, чтобы

спасти жизнь; но его узнали и убили. Растерзанный трупъ его таскали по городу вокругъ Капитолія, который такъ долго былъ свидѣтелемъ его тріумфовъ (1).

Понятно какъ трудно было при этихъ обстоятельствахъ для императора Карла IV утвердиться въ Италіи. Карлъ разсчитывалъ на обдуманность, осторожность; festina lente — такъ выражался онъ въ своихъ рѣчахъ словами Октавіана.

Папа серьезно ревновалъ его къ Риму, не позволяя болѣе сутокъ пробыть въ столицѣ, послѣ коронаціи, на которую согласился Иннокентій VI. Въ октябрѣ 1354 году Карлъ IV перешелъ Альпы, сошелся съ миланскимъ Висконти, который дозволилъ ему надѣть корону въ Миланѣ, какъ гостю. Петрарка игралъ въ этомъ походѣ ту же роль, какъ нѣкогда Данте. Императоръ получалъ деньги и съ Висконти, и съ Флоренціи, точно онъ пріѣхалъ за субсидіями въ Италію (2). Въ Римѣ онъ короновался въ Пасху 1353 года, согласно предварительнымъ условіямъ, всегда слѣдуя волѣ легата. Быстро возвратился изъ Рима императоръ Германіи, подобно бѣглецу. Кремона не пустила его къ себѣ. И Петрарка подъ конецъ разочаровался. Въ 1368 году императоръ Карлъ IV вторично побывалъ въ Римѣ. Черезъ 10 лѣтъ послѣ того онъ скончался въ родной Прагѣ.

---

(1) Судьба Ріенци послужила сюжетомъ первой большой оперы Р. Вагнера, который ею проложилъ дорогу «музыкѣ будущаго».

(2) Werunsky. Der erste Römerzug Karls IV (Inns. 1878).—Stoy. Die pol. Beziehungen zwischen Kaiser und Papst, 1360—64 (L. 1831).

4) Распространеніе англо-французской борьбы на Пиринейскій полуостровъ. «Жестокіе» короли. Карлъ V. Регентство во Франціи и въ Англіи. Развитіе національнаго и политическаго чувства.

Присоединеніе Монпелье. Положеніе Франціи послѣ битвы подъ Креси было печально. Извнѣ—возрастающее могущество англичанъ, внутри —нищета, голодъ, недовольство. Оторванныя провинціи были уже достаточно крѣпко сплочены, и тѣмъ большее безпокойство вселяла потеря ихъ. Нѣкоторое вознагражденіе Франція получила, пріобрѣтя Монпелье и Дофинэ, гдѣ прекратились наслѣдственныя династіи аррагонская и бургундская. Руссильонъ и Монпелье принадлежали къ такъ называемому майоркскому королевству, точно также какъ и Балеарскія острова. Это королевство образовалось со времени Іакова I Завоевателя. Еще Филиппъ Красивый заставилъ владѣльца Монпелье принять присягу, а при Филиппѣ VI произошла ссора между нимъ и аррагонскимъ королемъ Педро II, который въ удѣлъ своему младшему сыну Іакову составилъ изъ за-пиринейскихъ владѣній особое королевство Майорку. Филиппъ VI предложилъ свои услуги, и на французскія средства была произведена высадка на Минорку. Іаковъ былъ взятъ въ плѣнъ, а Филиппу VI достались его владѣнія.

Присоединеніе Дофинэ. Обширная провинція Дофинэ управлялась издревле такъ называемыми дофинами. Этой страной владѣли три династіи, изъ которыхъ послѣдняя (1279—1349 г.) происходила изъ дома де ла-Туръ, была въ родствѣ съ нѣкоторыми императорами и находилась въ ленныхъ отношеніяхъ къ королю. Губертъ II, послѣдній дофинъ этой династіи, былъ человѣкъ тщеславный и расточительный. Онъ предпринималъ крестовые походы, и кончилъ тѣмъ, что совершенно раззорился. Онъ продалъ свои владѣнія французскому королю. Въ 1343 году былъ заключенъ договоръ, по которому правителемъ страны долженъ быть назначаемъ второй сынъ французскаго короля и Дофинэ не должна была входить въ составъ французской монархіи. Первымъ правителемъ вновь пріобрѣтенной области былъ Филиппъ орлеанскій. За это Губертъ получалъ 20 тюсячъ экю и пенсію въ 100 тысячъ ливровъ.

Французскій король обязался защищать интересы страны, которая была самостоятельна. Надо было ожидать исполненія этого обѣщанія. На дѣлѣ вышло не то. Династіи Капетинговъ и Валуа не любили соблюдать условій. Вмѣсто Филиппа орлеанскаго правителемъ былъ объявленъ будущій король — Іоаннъ Добрый. Съ этихъ поръ титулъ дофина французскіе короли стали предоставлять своимъ старшимъ сыновьямъ. Съ Карла V вошло уже въ обычай называть старшихъ сыновей дофинами. Французскій король не позволилъ Губерту вступить въ бракъ и заставилъ его постричься въ монахи. Губертъ позаботился обезпечить своихъ подданныхъ; король измѣнилъ условія. Вообще съ замѣчательнымъ искусствомъ подбирали французскіе короли части Галліи. На слѣдующій годъ основатель новой французской династіи скончался. Его смѣнилъ слабый сынъ его Іоаннъ Добрый. Онъ боялся и отвѣтственности и окружающихъ, не понимая правильно положенія дѣлъ. Событія послѣдняго времени не могли вразумить короля въ томъ, что его главная сила въ городахъ. Отъ рыцарства оставался только внѣшній блескъ; оно вырождалось мало по малу. Іоаннъ старался подражать самымъ фантастическимъ рыцарямъ. Вмѣсто того чтобы опереться на старыхъ государственныхъ людей, король старался отдѣлаться отъ нихъ. Онъ велѣлъ умертвить конетабля Рауля де-Бріеня, посадивъ на его мѣсто де ла-Серда, который былъ ненавистенъ народу.

Возобновленіе англо-французской войны.

У Карла Злого была отнята Шампань. Онъ обратился къ англійскому королю, который и принялъ его подъ свою защиту, такъ что въ 1355 году перемиріе, заключенное съ Франціей, было разорвано. Іоаннъ не успѣлъ приготовить войска. Рыцари требовали большой платы, ибо цѣнность монеты значительно измѣнилась. Рѣшили обратиться къ государственнымъ чинамъ. На этомъ собраніи присутствовало 800 представителей, изъ которыхъ половина принадлежала къ среднему сословію. Чины установили налогъ на соль и на товары. Надзоръ за сборомъ налоговъ остался за коммиссіей депутатовъ. Правительство дало извѣстныя обязательства. Всякое дѣло должно судиться по правдѣ. Но не смотря на то, что чины выговорили себѣ конституціонныя привилегіи, тѣмъ не менѣе населеніе не могло быть имъ благо-

дарно. Въ разныхъ мѣстахъ начались возстанія. Пришлось прибѣгнуть къ поголовной подати, но контроль остался за сословіями. Чины отстояли для себя еще одно право: король не могъ созывать войска безъ согласія государственныхъ чиновъ. Чины согласились на 150 тысячъ, но и эта цифра не помогла.

Новая кампанія кончилась дурно. Эдуардъ отправилъ на югъ Чернаго принца, а самъ переправился въ Кале и сталъ опустошать сосѣднія области. Но вскорѣ онъ долженъ былъ возвратиться въ Англію, въ виду вторженія шотландцевъ. Во Франціи остался одинъ Черный принцъ. Быстрымъ движеніемъ послѣдній прошелъ до Нарбонны и готовился проникнуть до Монпелье. Его остановило возстаніе въ Гіенни. Онъ усмирилъ возставшихъ, соединился съ наваррскимъ королемъ Филиппомъ, сдѣлалъ вторичное вторженіе и проникъ до самаго центра французской земли. Болѣе 500 мѣстечекъ было разрушено. Это было обычное явленіе въ средніе вѣка. Іоаннъ выступилъ наконецъ противъ Чернаго принца. Онъ наскоро собралъ 50 тысячъ войска; въ рядахъ арміи находились четыре его сына.

Битва при Мопертюи въ 1356 году.

Даже храбрый принцъ смутился; онъ искалъ случая отступить и сдѣлалъ мирныя предложенія французскому королю. Но Іоаннъ не принялъ ихъ, выступилъ изъ Пуатье и первый напалъ на англичанъ. Это было при Мопертюи въ 2 часахъ ходьбы отъ Пуатье, 19 сентября 1356 г. Съ самого начала французскіе рыцари должны были спѣшиться; имъ приходилось пробираться по узкой тропѣ, гдѣ ихъ на выборъ убивали англійскіе стрѣлки. Послѣдніе побѣдили. У французовъ распоряжались всѣ. Короля никто не слушалъ. Командовалъ каждый феодалъ. Дофинъ первый бѣжалъ съ поля битвы. Французы были разсѣяны. Убитыхъ было, впрочемъ, немного. Послѣдствія битвы при Мопертюи были ужаснѣе для Франціи, нежели пораженіе при Креси. Франція лишилась короля, который былъ въ плѣну. Это вело уже къ анархіи. Фруассаръ говоритъ, что на сѣверѣ не было семьи, которая не оплакивала бы этой потери. Всѣ современные хроникеры восхваляютъ гуманное обращеніе съ несчастными плѣнниками. Черный принцъ стоялъ позади стула короля за ужиномъ. Онъ готовъ былъ дать ему свободу, для того

чтобы довести Францію до анархіи, но отецъ желалъ видѣть плѣнника у себя, и Черный принцъ привезъ Іоанна въ Англію. Такимъ образомъ Эдуардъ достигъ своей цѣли скорѣе, чѣмъ предполагалъ. Всѣ рессурсы Франціи были истощены; страна находилась на краю гибели. Одинъ выкупъ такого дорогаго плѣнника долженъ былъ раззорить государство. Въ добавокъ настала анархія. Регентомъ сдѣлался дофинъ Карлъ.

Черезъ мѣсяцъ онъ созвалъ государственные чины и указалъ имъ на несчастія, постигшія страну. Чины были недовольны. Среди нихъ преобладалъ городской элементъ. Въ собраніи говорили, что отецъ дофина не разъ обѣщалъ допустить чины къ участію въ государственныхъ дѣлахъ, но не исполнялъ своихъ обѣщаній. Легисты были удалены, но въ дальнѣйшихъ уступкахъ дофинъ оказалъ сопротивленіе, хотя устрашился и самъ, потому что парижскій муниципалитетъ открыто возсталъ противъ дофина.

Марсель и коммуна въ Парижѣ.

Теперь начинаютъ являться смѣлыя поползновенія. Города хлопочутъ о вліяніи на государственныя дѣла. Во главѣ этого новаго движенія находился парижскій городской голова (prévôt des marchands) Этьенъ Марсель. Это была отважная натура. Онъ стоялъ на высотѣ тогдашнихъ историческихъ идей. Честность не мѣшала ему прибѣгать къ хитрости. Изъ среды адвокатовъ онъ достигъ высшихъ должностей, и въ рѣшительную минуту смѣло ратоборствовалъ ради коммунальныхъ интересовъ. Онъ стоялъ выше понятій городской автономіи; онъ хотѣлъ полной передѣлки государственнаго строя въ интересахъ буржуазіи. Въ собраніи чиновъ рядомъ съ нимъ возвышались и другіе. Предводителемъ духовенства былъ ланскій епископъ Лекокъ, а во главѣ свѣтскихъ феодаловъ стоялъ намѣстникъ провинціи Артуа, Жанъ де-Пекиньи. Чины настояли, чтобы вошло въ королевскій совѣтъ 36 депутатовъ, но это не принесло пользы. Въ тайнѣ шло противодѣйствіе; духовенство дѣйствовало двусмысленно; король Іоаннъ не признавалъ распоряженій, которыя дѣлались безъ него. Когда чины были распущены, центръ власти былъ перенесенъ въ парижскую думу. Но регентъ, никого не слушая, хотѣлъ продолжать прежнюю систему. Ему однако трудно было бороться съ Марселемъ. Буржуазія захватила власть въ свои руки. Городская дума велѣла укрѣпить Парижъ баррикадами. Это вызвало обоюдное ожесточе-

ніе и междоусобія. Въ сущности Марсель защищать интересы порядка, но тогдашнія условія заставляли его прибѣгать къ жестокостямъ. Его система навела ужасъ на феодаловъ. На собраніи новыхъ чиновъ 1357 году оказались на лицо только городскіе представители, ибо аристократія не хотѣла принять въ немъ участія. Бароны и прелаты не пріѣхали. Власть переходитъ въ руки народной партіи, чины которой носили двухцвѣтные шарфы, красные съ голубымъ; диктаторомъ становится Марсель. Онъ требуетъ, чтобы королевскіе чиновники подчинились совѣту именитыхъ граждан. Дофинъ старался отклонить это настояніе, но граждане осадили дворецъ, разграбили его и принудили исполнить свои требованія. Это было въ февралѣ 1358 года. Марсель на глазахъ дофина приказалъ убить двухъ главныхъ его совѣтниковъ, маршаловъ Шампани и Нормандіи, подстрекавшихъ Карла къ сопротивленію. Дофинъ радъ былъ уже тому, что спасъ собственную жизнь. Онъ долженъ былъ одѣться въ національные цвѣта. Онъ затаилъ въ себѣ злобу и искалъ случая отмстить. Онъ не любилъ дѣйствовать прямо, искалъ всегда побочныхъ средствъ для достиженія своихъ цѣлей и съ успѣхомъ ими пользовался. Не даромъ современники прозвали его „мудрымъ". Карлъ убѣжалъ изъ Парижа, собралъ въ Компьенѣ государственные чины изъ привилегированныхъ сословій и получилъ отъ нихъ субсидію. Онъ хотѣлъ уже идти на Парижъ, какъ произошло возстаніе крестьянъ. Это остановило его. Между тѣмъ Марсель обратился къ королю наваррскому, который уже двинулся на Парижъ. Но здѣсь Марсель встрѣтилъ сопротивленіе среди своихъ сотоварищей. Они справедливо усмотрѣли въ этомъ предательство. Марсель погибъ въ 1368 году отъ руки члена думы Мэльярда, когда хотѣли отворить ворота наваррцамъ. Національное чувство сказалось.

Жакерія. Бытъ французскаго сельскаго населенія въ средніе вѣка ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть сравниваемъ съ положеніемъ городскаго сословія. Горожане могли участвовать въ собраніи государственныхъ чиновъ; сельчане были лишены этого права; на нихъ смотрѣли какъ на рабочій скотъ. Они были доведены безчеловѣчнымъ обхожденіемъ съ ними до того, что подняли знамя бунта. Бароны сначала не придавали значенія мятежу и допустили его развиться до громадныхъ размѣровъ; они называли крестьянъ

„Жаками", примѣняя къ нимъ легендарное прозвище простачковъ. Но эти простачки безпощадно расправлялись съ своими бывшими господами; они обратили въ груды пепла болѣе ста замковъ; они рѣзали безъ сожалѣнія всѣхъ, будучи доведены до отчаянія и дикаго ожесточенія. Кто могъ поручиться, что ихъ месть, послѣ истребленія замковъ, не обрушится на города? Испуганные такимъ грознымъ врагомъ, рыцари просили помощи у вольныхъ общинъ противъ возставшихъ крестьянъ. И вотъ города позабыли свои собственные интересы и оказали содѣйствіе рыцарямъ. Все соединилось противъ „жакерій". Возставшіе были истреблены; погибло нѣсколько тысячъ народа. Затѣмъ регентъ отправился въ Парижъ, который послѣ гибели Марселя не могъ болѣе сопротивляться. Дофина встрѣтили восторженные крики измѣнчивой, непостоянной толпы, только что вчера такимъ же образомъ привѣтствовавшей Марселя. Теперь буржуазіи и виланамъ вмѣстѣ пришлось испытывать деспотизмъ разъяреннаго рыцарства. Дофинъ провозгласилъ всѣ собранія государственныхъ чиновъ скопищами измѣнниковъ и мятежниковъ, домогавшихся низверженія монархіи. Марселя не было въ живыхъ, и регентъ приказалъ казнить его приверженцевъ; главные товарищи Марселя, Лекокъ и де-Пекиньи успѣли убѣжать къ наваррскому королю; прочіе пострадали. Такъ кончилась революція, начатая довольно успѣшно, но лишенная смысла и руководителей. Ни коммунальное движеніе, ни жакерія не принесли пользы французскому народу. Только лишніе трупы покрыли поля Франціи. Регенту теперь пришлось встрѣтиться съ болѣе опаснымъ и непримиримымъ врагомъ, именно съ Эдуардомъ III. Теперь онъ почувствовалъ потребность въ народномъ сочувствіи. Когда Эдуардъ готовился выступать въ походъ, Карлъ по неволѣ собралъ чины просить у нихъ средствъ для предстоящей войны. Здѣсь прочли суровыя требованія англійскаго короля, на основаніи которыхъ онъ обязывался не тревожить Франціи. Условія были очень тяжелы. Общій взрывъ негодованія раздался въ собраніи; все соединилось въ горячемъ дуновеніи патріотизма.

Перемиріе въ Бретиньи въ 1360 году.

Эдуардъ высадился въ Кале. Около него много собралось званыхъ и незваныхъ. Такъ какъ Эдуардъ не могъ платить денегъ, то онъ предложилъ желающимъ пользоваться тѣмъ, кто что награбитъ. Уничтожая все на пути, Эдуардъ

черезъ Пикардію и Шампань въ январѣ 1360 года вторгнулся въ Бургундію. Герцогъ бургундскій былъ малолѣтенъ; управленіе лежало на опекунахъ, которые удалили англійскаго короля не оружіемъ, а договоромъ, обязавшись уплатить Эдуарду 200 тысячъ золотыхъ экю. Затѣмъ Эдуардъ направился къ Парижу, всюду распространяя ужасъ и обращая нивы въ пустыни. Наконецъ онъ подошелъ къ столицѣ и осадилъ ее. Осада продолжалась цѣлый мѣсяцъ; рыцарскій король вызывалъ дофина на поединокъ, но хитрый и трусливый Карлъ прятался за стѣнами Парижа. Наконецъ, когда вмѣшались папскіе легаты и герцогъ ланкастерскій, Эдуардъ согласился на миръ. Герцогъ ланкастерскій, только что передъ тѣмъ выдавшій свою дочь за сына Эдуардова Іоанна, и предоставившій свои богатыя владѣнія англійскому королевскому дому, очень основательно объяснялъ королю, что отъ неслыханныхъ опустошеній, которымъ онъ подвергаетъ Францію, выигрываютъ только феодалы и чужеземцы; самъ же онъ ничего не получалъ. Въ самомъ дѣлѣ, когда англійское рыцарство обогащалось, король, не взирая на контрибуцію и уплату за плѣнныхъ, постоянно нуждался въ деньгахъ. Это происходило оттого, что онъ не только долженъ былъ платить жалованье рыцарямъ, но даже давать имъ содержаніе. Тогда, 3 мая 1360 года въ Бретиньи, близъ Шартра, было заключено перемиріе, а вслѣдъ затѣмъ и самый договоръ. Эдуардъ отказался отъ притязанія на французскую корону, но за то онъ получилъ въ собственное владѣніе большія земли, составляющія болѣе половины Франціи: кромѣ Гаскони, которою владѣлъ прежде въ качествѣ вассала Франціи, онъ получилъ почти все герцогство Гіеннь, а именно: Сентонжъ, Аженуа, Перигоръ, Лимузенъ и сверхъ того графства: Ангулемъ, Пуату, Понтье, Руэргъ, крѣпость Кале, со всѣми правами сюзерена. Король Іоаннъ Добрый получилъ свободу за 3 милліона экю, давъ обѣщаніе не вмѣшиваться въ англійскія дѣла и предоставивъ фламандцамъ быть въ союзѣ съ Англіей. Бретань осталась за молодымъ графомъ Монфоромъ. Лекокъ и де-Пекиньи въ силу договора получили амнистію вмѣстѣ съ другими, замѣшанными въ послѣднихъ движеніяхъ. Король даже долженъ былъ помириться съ заклятымъ своимъ врагомъ, Карломъ Злымъ,—однимъ словомъ это былъ блестящій миръ для Англіи. Теперь участь Франціи находилась въ рукахъ короля англійскаго. Было ясно, что только изъ жалости, изъ великодушія Эдуардъ не потребовалъ большаго.

Карлъ V и его характеристика (1364-80 г.).

Іоаннъ вернулся во Францію, оставивъ своего сына Луи анжуйскаго заложникомъ; но онъ скоро убѣдился, что такой громадной суммы, которая условлена была за его выкупъ, нельзя достать во Франціи и такъ какъ его сынъ убѣжалъ изъ Англіи, онъ счелъ долгомъ чести добровольно вернуться въ Лондонъ, гдѣ спустя 3 мѣсяца заболѣлъ и умеръ. Тогда королемъ Франціи былъ провозглашенъ дофинъ подъ именемъ Карла V. По своему характеру и политическому направленію, Карлъ представляетъ переходъ отъ средневѣковья къ новому времени. Какъ дѣятель переходнаго времени, онъ соединяетъ въ себѣ черты средневѣковой и новой исторіи. Это былъ человѣкъ коварный и хитрый, умѣвшій находить средства вывертываться изъ всякихъ затрудненій. Недаромъ современники прозвали его—sage, мудрымъ; это была награда за умѣнье пользоваться обстоятельствами, за политическое искусство, за энергичное управленіе страной. Въ личности этого человѣка встрѣчается много разнообразныхъ чертъ; въ немъ исчезаетъ рыцарство, храбрость, воинственность, чѣмъ онъ мало дорожилъ; онъ одинъ изъ первыхъ, какъ всѣмъ было извѣстно, убѣжалъ съ поля сраженія при Мопертюи. Но за то онъ не церемонился въ выборѣ средствъ и всегда выходилъ удачно изъ самыхъ опасныхъ и стѣснительныхъ обстоятельствъ. Что было ужаснѣе положенія Франціи по заключеніи мира въ Бретиньи? А черезъ девять лѣтъ она снова выступаетъ на борьбу съ Англіей. Только искусство и умѣнье короля могли залѣчить раны Франціи. Онъ же умѣлъ подготовить ее къ борьбѣ съ противникомъ столько же сильнымъ, сколько ловкимъ. Ему мѣшали государственные чины и онъ смѣщаетъ ихъ съ дороги; ему было неудобно городское самоуправленіе при тогдашнихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ,—и онъ помѣстилъ въ городахъ своихъ чиновниковъ. Убѣдившись, что рыцари обижаютъ жителей, новый король старается отдѣлаться отъ бароновъ и замѣняетъ ихъ наемниками, которыхъ беретъ большею частію изъ Бретани. Лучше всего типъ наемника-воителя выведенъ въ стихотворной хроникѣ Кювелье о воинственномъ Бертранѣ Дюгескленѣ [1]. Къ королю стекается народъ, который, хотя часто и страдалъ отъ его неустойчиваго

---

[1] Chronique de Bertrand du Guesclin par Cuvelier; trouvère du XIV siècle, publiée par E. Charrière (2 vls, 1839)—Collection de documents inédits.

характера, но тѣмъ не менѣе любилъ его, какъ выраженіе своего бурнаго, неукротимаго духа. Умѣньемъ пользоваться обстоятельствами Карлъ V превосходилъ Эдуарда III, болѣе храбраго, болѣе проницательнаго, но менѣе рѣшительнаго. Результатъ былъ тотъ, что Карлъ, принявшій управленіе разгромленной Франціей, черезъ четыре года былъ опять въ состояніи вступить въ борьбу, тогда какъ могущественный англійскій король, обогащенный половиной Франціи, не могъ умиротворить шотландцевъ и долженъ былъ имъ возвратить право выбора короля и пойти на сдѣлку съ Шотландіей, наживая себѣ новыхъ враговъ въ Ирландіи. Это была разница между средневѣковымъ человѣкомъ и дѣятелемъ новой исторіи.

Кастильскій вопросъ.

Желая всегда быть поборникомъ правды и рыцарскихъ идеаловъ, Эдуардъ не хочетъ допустить, чтобы на кастильскомъ престолѣ сидѣлъ Генрихъ Трастамаре, сынъ Альфонса XI, рожденный отъ любовницы. Съ этой цѣлію изъ далекой Англіи Эдуардъ посылаетъ Чернаго принца возвратить кастильскій престолъ законному наслѣднику Петру, прославившемуся на всемъ Западѣ своей жестокостью.

Мы говорили выше (II, 531) о положеніи Кастиліи и Леона при королѣ Альфонсѣ XI, умершемъ въ 1350 году.

Изъ тѣхъ отношеній, которыя были между кастильскимъ королемъ Альфонсомъ XI и его женой можно судить, какое враждебное чувство питалъ къ покойному королю Петръ II, его старшій сынъ, прозванный современниками „жестокимъ“. Не смотря на то, что Петру не было тогда еще 16 лѣтъ, онъ началъ свое царствованіе вѣроломствомъ и преступленіями. Это ужасное правленіе до самого конца соотвѣтствовало началу, такъ что Петръ вполнѣ заслужилъ свое прозвище. Никто теперь не будетъ защищать вопіющую тиранію Петра кастильскаго, какъ то дѣлалъ испанскій іезуитъ XVI вѣка Маріана [1]. Послѣдній, по поводу жестокости многихъ южно-европейскихъ государей, замѣчаетъ, что въ Испаніи не было иного средства сдерживать своеволіе и буйство рыцарства. Во всякомъ случаѣ надо помнить два обстоятельства. Петръ и его мать слишкомъ много перенесли отъ сильной фаворитки, безумная ненависть къ которой становится вполнѣ понятной. Кромѣ того, всѣ исторіи о донъ-Педро напи-

[1] Mariana. Hist. de rebus Hispaniae l. XX, Tol. 1592 (7 лат. и болѣе 20 исп. изд.). Франц. пер. Charenton, P. 6 v. 1725.

саны въ XV вѣкѣ при враждебномъ ему домѣ, основателемъ котораго былъ сынъ фаворитки; понятно, что тогда всѣ факты выставлялись съ умысломъ въ невыгодномъ свѣтѣ для короля.

Айала.

Такова знаменитая между прочимъ хроника Айалы, на испанскомъ языкѣ, лучшая изъ всѣхъ по литературнымъ достоинствамъ, занимающая первоклассное мѣсто во всей средневѣковой исторіографіи. Это великолѣпная эпическая поэма. Айала пережилъ только на 38 лѣтъ своего героя. Его трудъ первый опытъ прагматической, даже болѣе того, художественной исторіи. Всѣ испанцы писали увлекательно; но Айала между испанскими хрониками занимаетъ первое мѣсто [1]. Иногда онъ въ силу своихъ художественныхъ склонностей невѣрно ставитъ и передаетъ факты и увлекается. У него представленъ типъ тирана, къ которому можно имѣть снисхожденіе, тирана, испытывающаго макбетовскія терзанія, который бредитъ во снѣ и на яву, у котораго предъ глазами есть соперникъ, побочный братъ, рожденный отъ ненавистной женщины, гонительницы его матери. Вся эта драма изложена съ удивительнымъ спокойствіемъ и съ такой объективностью, которой трудно достигнуть историку. Въ изложеніи соблюдено драматическое расположеніе разсказа. Болѣзненная подозрительность ведетъ Петра отъ одного убійства къ другому. Богатство сюжета плѣняетъ всякаго художника, особенно драматурга; интересъ разсказа усиливается еще отъ того, что онъ не вымышленъ. Айала стоитъ на высотѣ своей задачи. Его недостатки, чисто внѣшніе, заключаются въ слогѣ наполненномъ ненужными повтореніями.

Петръ I Жестокій въ Кастиліи.

Вступая на престолъ, Петръ началъ свою месть съ фаворитки, которая жестоко оскорбляла его, когда онъ былъ малолѣтенъ. Его мать, согласившаяся все простить покойному мужу, теперь на свободѣ, съ бѣшенствомъ фуріи начала преслѣдовать и мучить свою бывшую соперницу. Самъ Петръ, бывшій съ отцемъ при осадѣ Гибралтара, бросился въ Севилью послѣ кончины короля, чтобы скорѣе насладиться местью. Элеонору выманили обманомъ изъ ея убѣжища и умертвили. Затѣмъ на-

---

(1) Ayala (Pedro Lopez). Cronica del rey don-Pedro etc. (Sev. 1495; Tol. 1526, въ изд. Llaguno Amirola, съ доп. знаменитаго Цуриты, M. 1779, 2 v.). См. Очеркъ средневѣк. исторіографіи, стр. 112. Монографіи испанскія: Vera y Zuniga (1648), Bayao (1735), англ. Dillon (1790) и лучшая Mérimée, Hist. de don Pedro I (P. 1848).

стала очередь дѣтей; изъ семи сыновей, старшій Генрихъ, носившій титулъ графа Трастамаре, титулъ, который короли давали иногда своимъ наслѣднымъ принцамъ, успѣлъ во время скрыться, но нѣсколько братьевъ впослѣдствіи сдѣлались жертвою мести Петра. Истребляя враговъ, Петръ поссорился даже съ матерью, которая устроила его бракъ съ Бланкой, дочерью герцога бурбонскаго. Между тѣмъ король сошелся въ это время съ дочерью кастильскаго гранда Маріей де-Падилья. Невѣста проживала въ Вальядолидѣ, тогдашней столицѣ Кастиліи, четыре мѣсяца, пока наконецъ король, бывшій все это время на югѣ королевства, явился съ явной неохотой, чтобы только обвѣнчаться. На слѣдующее же утро, бросивъ жену, онъ вернулся къ возлюбленной, и вскорѣ велѣлъ заключить молодую королеву въ тюрьму и держать ее тамъ подъ такимъ строгимъ надзоромъ, чтобы даже мать его не имѣла къ ней доступа. Это обстоятельство было причиной бѣдствій Кастиліи. Внутреннія партіи усиливали вражду между королевою-матерью и фавориткою. Братъ и отецъ Падильи правили Кастиліею, а король тѣмъ временемъ занимался истребленіемъ враговъ и дѣйствительныхъ и воображаемыхъ. Внутренняя исторія Кастиліи въ XIV вѣкѣ служитъ живымъ опроверженіемъ той исторической теоріи, которая не придаетъ значенія психическому элементу. Личныя свойства Петра кастильскаго, отсутствіе всякихъ нравственныхъ началъ въ его дѣятельности, рядъ преступленій, методическихъ убійствъ, вѣчная жажда крови привели къ рѣшительнымъ послѣдствіямъ не только для Кастиліи, но и для другихъ сосѣднихъ государствъ. Вслѣдствіе дикихъ выходокъ Петра кастильскаго, Кастилія сдѣлалась ареной борьбы Франціи и Англіи, которая только что было прекратилась. Позднѣйшіе историки подумали бы, что Айала написалъ романъ, если бы единогласныя свидѣтельства другихъ лѣтописцевъ не удостовѣряли, что всѣ сообщенныя имъ данныя достовѣрны. Фруассаръ, напримѣръ, говоритъ тоже самое что Айала, только на другомъ языкѣ. Романъ обусловилъ серьезные историческіе факты. Первая фаворитка Петра, Марія де-Падилья, увидѣвъ холодность короля, пошла въ монастырь; тогда Петръ влюбился въ другую, вдову Іоанну де-Кастро; но она не соглашалась быть его фавориткой, требуя брака. Король, игнорируя законную жену, французскую принцессу, вступилъ въ морганическій бракъ съ Іоанной. Два епископа расторгли прежній

бракъ или лучше два прежнихъ брака. Епископы поступили такъ потому, что боялись угрозъ Петра. Папа Иннокентій VI не признавалъ новаго брака и произнесъ отлученіе. Петръ, будто въ силу папскихъ требованій, а въ сущности потому, что успѣлъ охладѣть къ новой женѣ, оставилъ ее и вернулся къ Падильѣ, съ которою, какъ онъ самъ заявлялъ, былъ тайно обвѣнчанъ. Папѣ теперь оставалось требовать, чтобы Петръ бросилъ свою фаворитку, но въ виду того, что онъ могъ быть полезнымъ въ войнѣ съ маврами, предпочелъ смолчать. Но не смолчалъ французскій король. Онъ ждалъ лишь только случая.

Поступокъ Петра I съ Іоанной де-Кастро вызвалъ противъ короля Кастиліи лигу, во главѣ которой не замедлилъ встать его побочный братъ Генрихъ Трастамарскій; къ лигѣ примкнули 18 городовъ, пользовавшихся равными правами съ высшей аристократіей. Королева Бланка кастильская успѣла убѣжать изъ тюрьмы и отдалась подъ покровительство народа. Началась междоусобная борьба, въ которой Петръ былъ побѣжденъ и вынужденъ былъ вступить въ переговоры. Дѣло было передано на судъ кортесовъ; но Петръ, вывертываясь изъ явной опасности, просилъ только объ одномъ, чтобы кортесы были собраны въ Бургосѣ, который, очевидно, былъ расположенъ къ королю, затѣмъ самъ тайкомъ убѣжалъ въ Бургосъ. Здѣсь король былъ въ средѣ своихъ друзей; угрозами онъ вынудилъ отъ собравшихся кортесовъ право собирать войска для защиты. Въ средѣ лиги въ то время былъ постоянный раздоръ. Петръ далъ только одно обѣщаніе кортесамъ: возстановить законную королеву. Онъ, дѣйствительно, вызвалъ Бланку, но не съ тѣмъ, чтобы сдѣлать ее королевой, а чтобы задушить ее. Собравъ наемниковъ, Петръ пошелъ на Толедо, взялъ этотъ городъ, жестоко наказалъ жителей, а затѣмъ пострадали всѣ тѣ, которые имѣли неосторожность вѣрить торжественнымъ обѣщаніямъ короля. Изъ Толедо Петръ отправился въ Таго, гдѣ Генрихъ собралъ главныя силы; но и этотъ городъ долженъ былъ сдаться; тогда Генрихъ бѣжалъ съ своими друзьями изъ Кастиліи во Францію.

Борьба англичанъ и французовъ въ Кастиліи.

Когда Карлъ V немного поправился, онъ не могъ не отмстить тирану, удушившему его родственницу. А тогда Петръ былъ выгнанъ изъ Кастиліи народомъ, который вышелъ изъ себя вслѣдствіе его страшнаго звѣрства. Удалив-

шись изъ Испаніи, эксъ-король скрылся въ Гіенни. Черный принцъ изъ одного рыцарства явился защищать Петра по приказанію отца. Тогда Франція является защитницей Генриха, и Карлъ V посылаетъ Дюгесклена, который только что освободился отъ наваррскаго плѣна и снова пошелъ искать счастья; 12 тысячъ сброднаго войска налетѣло на Авиньонъ. Папа далъ имъ благословеніе на грабежъ, но воины отвѣчали, что грабежъ — грабежемъ, огонь — огнемъ, а деньги — деньгами и вытребовали у папы 200 тысячъ золотыхъ флориновъ. Изъ Авиньона эта хищная толпа вторглась въ Кастилію. Въ это время изгнанникъ Петръ заключилъ договоръ съ Англіей, обѣщая за свое водвореніе всю Бискайю и нѣкоторыя другія провинціи, кромѣ того деньги рыцарямъ и наемникамъ; но всякій зналъ, что Петру заплатить нечѣмъ. Слишкомъ легковѣрный, Черный принцъ повѣрилъ обѣщанію Петра и легко былъ вовлеченъ въ обманъ. Французскій король поступилъ по своему умнѣе: онъ взялъ деньги и съ англичанъ за пропускъ войскъ чрезъ свои владѣнія и съ Генриха за то, что тотъ не будетъ пропускать англичанъ, которые впрочемъ уже успѣли прорваться. Черезъ Ронсевальское дефилэ проникло войско подъ предводительствомъ Чернаго принца, войско, которое соединяло въ себѣ все, что славилось въ XIV столѣтіи храбростію, опытностью въ военномъ дѣлѣ и искусствомъ въ стратегіи. Это былъ цвѣтъ гіеннскаго и гасконскаго дворянства, храбрые воины Бретани и лучшее рыцарство Англіи. Генрихъ могъ выставить противъ нихъ только 12 тысячъ изъ преданныхъ ему кастильцевъ, аррагонцевъ и остатковъ дружинъ Дюгесклена. Тогда въ Кастиліи хозяйничали французы, какъ у себя дома.

Дюгескленъ маневрировалъ противъ лучшаго полководца своего времени. Черный принцъ уже углубился внутрь Испаніи. Дюгескленъ настаивалъ, чтобы Генрихъ избѣгалъ сраженія, потому что непріятельское войско должно было разстроиться само собою вслѣдствіе недостатка денегъ и съѣстныхъ припасовъ. Онъ выигралъ бы дѣло, если бы Генрихъ слушался его. Но увлекавшійся король Кастиліи принялъ предложеніе Чернаго принца вступить въ битву, не смотря на предостереженія Дюгесклена. На берегу Эбро при Нарехѣ произошло сраженіе. Здѣсь Черный принцъ одержалъ полную и блестящую побѣду. Дюгескленъ и большая часть его воиновъ сдались. Генрихъ долженъ былъ бѣжать во

Францію. Петръ жестокій былъ водворенъ на престолѣ; онъ уже готовъ былъ переказнить всѣхъ плѣнныхъ, если бы не рыцарское великодушіе Чернаго принца. Когда дѣло дошло до расплаты съ войсками, Петръ отозвался невозможностію выполнить это требованіе и Черный принцъ долженъ былъ изъ своихъ денегъ заплатить навербованнымъ рыцарямъ, для чего онъ распродалъ даже свою серебряную посуду. Пятая часть англійскаго войска не выдержала испанскаго климата и непривычнаго образа жизни. Черный принцъ самъ заболѣлъ чахоткою, пожертвовавъ собою, чтобы утвердить звѣря на кастильскомъ престолѣ. Онъ отступилъ чрезъ Аррагонію.

Петръ не исправился. У него опять должно было произойти столкновеніе съ Генрихомъ, котораго призывали недовольные, но теперь уже Генрихъ заручается оффиціальною помощью французскаго короля. Собственно потому, что Петра поддерживалъ англійскій король, французское правительство прервало миръ и стало продолжать войну.

Петръ, за котораго лили кровь англичане, нажилъ себѣ новаго врага въ лицѣ аррагонскаго короля Педро IV. Политическія дѣла не мѣшали этому звѣрю тиранить и удовлетворять вмѣстѣ съ тѣмъ свои животныя чувства. Онъ предпринялъ тогда избіеніе дѣтей Элеоноры и своихъ побочныхъ братьевъ. Убивъ одного изъ нихъ, донъ Жуана, онъ вызвалъ его жену подъ предлогомъ свиданія съ мужемъ, а въ сущности для того, чтобы увеличить число своихъ жертвъ; несчастная предчувствовала это и скрылась въ монастырѣ, но и тамъ король не оставлялъ ее преслѣдовать. Она спаслась только тѣмъ, что обезобразила свое лицо. Послѣ заплатили жизнью за свои заслуги тѣ, которые служили королю орудіемъ для грабежа и тиранства. Такъ погибъ богатый еврей Симеонъ Леви, который научилъ короля выжимать изъ народа деньги. Прежде всего у Леви конфисковали 5 милліоновъ піастровъ и все имущество, состоявшее изъ множества драгоцѣнныхъ тканей и утвари, затѣмъ предали пыткамъ, чтобы добыть остальное. Еврей умеръ въ истязаніяхъ. Когда мусульманскіе эмиры явились въ предѣлы Кастиліи, онъ рѣшилъ тѣмъ, что началъ грабить ту и другую сторону или убивалъ болѣе богатыхъ собственноручно. Онъ не щадилъ и духовныхъ, а одного монаха сжегъ живымъ за то, что тотъ вздумалъ напугать его видѣніемъ. Онъ хотѣлъ убить епископа Толедскаго, но тотъ счастливо избѣгнулъ опасности; не смотря на это, папа осто-

рожно, даже слишкомъ робко дѣйствовалъ по отношенію къ грозному кастильскому королю, вѣроятно опасаясь дикой его рѣшимости. Когда было нужно, Петръ умѣлъ сойтись съ папою, а потомъ громко смѣялся надъ его интердиктами. Онъ утѣшалъ Церковь тѣмъ, что завѣщалъ похоронить себя непремѣнно въ рясѣ. У него былъ одинъ только истинный другъ, съ которымъ онъ рѣдко расходился, но это потому, что онъ былъ совершенно похожъ на него во всемъ, начиная съ имени и кончая приключеніями, даже семейнымъ романомъ, который удивительно былъ сходенъ съ романомъ Петра кастильскаго.

Петръ I Жестокій, король Португаліи.

То былъ Петръ I, король португальскій, прозванный нѣкоторыми лѣтописцами также Жестокимъ (восьмой король въ Португаліи). У того и другаго были сходныя черты характера; у того и другаго, у Петра кастильскаго и у Петра португальскаго былъ общій врагъ, король аррагонскій; это сближало ихъ, и конечно не менѣе, чѣмъ коварство, буйство и развратъ. Одновременно рука объ руку повторяютъ другъ друга эти два двойника, носящіе одинаковыя имена и прославившіеся одними и тѣми же приключеніями. Португальскій король имѣетъ правдиваго историка, въ лицѣ Фернанда Лопеса. Этотъ португальскій лѣтописецъ жилъ не много позднѣе Айалы, въ половинѣ XV вѣка. Онъ оставилъ нѣсколько хроникъ португальскихъ королей, въ томъ числѣ и Петра I; у него тѣ же пріемы, какъ у Айалы и арабовъ ([1]). Главное мѣсто въ этой хроникѣ занимаетъ поэтическое описаніе любви молодаго принца къ Инесѣ, которая была фрейлиной при дворѣ его матери. Недалеко отъ Мондены, загороднаго дворца королей Португаліи, еще и теперь показываютъ ручеекъ, по теченію котораго были отправляемы письма любовниковъ въ запечатанной коробочкѣ. Инеса сдѣлалась морганической женой принца, потому что Альфонсъ IV не соглашался на неравный бракъ и женилъ сына на аррагонской принцессѣ Констанціи. Отъ послѣдней принцъ имѣлъ сына Фердинанда, будущаго короля; когда же принцесса умерла отъ родовъ, то принцъ еще болѣе привязался къ Инесѣ; она оставила ему двоихъ дѣтей. Узнавъ о существованіи послѣднихъ, Альфонсъ приказалъ ихъ убить. Напрасно Петръ

([1]) Fernaõ Lopes. Chronica do Senhor D. Pedro I desto nome, ottavo Rey de Portugal (Lisboa, 1735, съ дополненіями — Pereyra Baya). См. для подр. Очеркъ средн. исторіогр. 113.

укрылъ Инесу подъ сводами монастыря, неотступно охраняя предметъ своей страсти. Принцъ имѣлъ однажды неосторожность уѣхать на охоту; узнавъ объ этомъ, король со свитою отправился въ монастырь. Когда Альфонсъ увидѣлъ слезы несчастной женщины, имъ овладѣло сожалѣніе; онъ находился въ нерѣшительности, но совѣтники его настояли на своемъ и сами вызвались нанести ударъ. По Лопесу, дѣтей вырвали изъ объятій матери и убили, а мать умерла отъ горести; по другимъ хроникамъ,—палачи убили всѣхъ вмѣстѣ.

Безпредѣльна была горесть Петра; онъ впалъ въ сумасшествіе, а потомъ рѣшился на страшную месть, мысль о которой не покидала его до могилы. Всѣ его чувства и помышленія были посвящены одному — изобрѣтенію наказанія тѣмъ палачамъ, которые погубили его любовь, а затѣмъ мести всѣмъ ихъ родственникамъ до послѣдняго поколѣнія; онъ было въ первое время взялся за оружіе, но убѣдился, что ничего не можетъ подѣлать. Тогда онъ притворился спокойнымъ, вошелъ въ сдѣлку съ отцемъ, далъ клятву не мстить убійцамъ и былъ тотчасъ допущенъ къ участію въ дѣлахъ правленія. Два года, выжидая смерти отца, томился Петръ, предвкушая месть. Наконецъ, онъ вступилъ на португальскій престолъ. Предвидя свою участь, трое вельможъ, убившихъ Инесу, убѣжали въ Кастилію; они не подозрѣвали, что кастильскій король будетъ вѣрно служить своему другу. Новый король заключилъ съ Петромъ кастильскимъ союзъ; онъ выдалъ ему троихъ кастильскихъ эмигрантовъ, а за это настоятельно потребовалъ выдачи убійцъ Инесы. Пачеко успѣлъ убѣжать съ помощью одного нищаго, которому онъ подалъ милостыню; а двое другихъ —Нуньесъ и Коэльо — были привезены въ Португалію. Петръ велѣлъ мучить ихъ съ невѣроятной жестокостью. „Самъ онъ изобрѣталъ муки для нихъ, находя, что палачи не такъ жестоки, разсказываетъ Лопесъ. Онъ желалъ, чтобы они признались, какое участіе принимали, когда ихъ посылали убить Инесу, и что замышлялъ отецъ. Ни одинъ изъ нихъ не далъ отвѣта и король, какъ говорятъ нѣкоторые, самъ ударилъ Куэльо по лицу, ибо этотъ Куэльо говорилъ ему непристойныя слова, называя его измѣнникомъ и клятвопреступникомъ. Тогда король велѣлъ убить ихъ, вырвать изъ нихъ сердца и сказалъ тому, кто вырѣзывалъ ихъ, что пріятно исполнить подобное порученіе“.

Въ этомъ правдивомъ разсказѣ, переданномъ библейскимъ тономъ, можно наблюдать звѣрство средневѣковаго человѣка, произволъ дикихъ, ни чѣмъ не сдержанныхъ страстей, кровожадность каннибаловъ и порывы души, взволнованной местью и любовью. Все это спокойно отмѣчено талантливымъ хроникеромъ, всегда безпристрастнымъ и спокойнымъ. Какой-то священникъ совершилъ убійство; судъ лишаетъ его только сана, а король призываетъ каменьщика и приказываетъ совершить наказаніе надъ убійцей. Живой священникъ былъ замурованъ въ стѣну, но палачу было запрещено впредь заниматься его ремесломъ. Петръ португальскій преслѣдуетъ и казнитъ тѣхъ, кто убиваетъ евреевъ. Въ немъ есть какое-то чувство кровавой справедливости. Онъ посвятилъ всю жизнь на удовлетвореніе мести; у него умъ затемненъ былъ всѣмъ, что связывалось съ воспоминаніемъ объ Инесѣ. Такъ, стараясь возстановить память ея, онъ не только провозгласилъ ее публично и клятвенно законной супругой, но даже вздумалъ оригинальнымъ образомъ устроить эту церемонію. Тѣло Инесы чрезъ пять лѣтъ было вынуто изъ могилы, облечено въ роскошныя одежды и посажено на королевскій престолъ. Тутъ всѣ придворные должны были подходить и цѣловать руку у трупа и края одежды. Кости Инесы были собраны, положены въ новый гробъ, потомъ въ сопровожденіи двора и массы народа перенесены торжественно въ усыпальницу португальскихъ королей.

Борьба за кастильскій престолъ.

Такая оригинальная и возмутительная выходка Петра португальскаго нашла подражателя въ лицѣ Петра кастильскаго. Узнавъ, что его достойный другъ совершилъ столь интересную церемонію, кастильскій король объявилъ и поклялся кортесамъ, что онъ былъ обвѣнчанъ съ Падильею до брака съ Бланкою и заставилъ признать законными ея дѣтей, а старшаго сына — инфантомъ и наслѣдникомъ престола, а въ случаѣ его смерти прежде отца, право наслѣдства формально предоставилъ дочерямъ Падильи. Конечно, желанія Петра кастильскаго не сбылись, а церемонію онъ исполнилъ въ исправности. Смерть наслѣдника престола послѣдовала чрезъ годъ. Петръ объявилъ преемницей дочь Падильи, Беатрису, чѣмъ вооружилъ противъ себя кортесы, которые въ слѣдъ за прекращеніемъ прямой линіи видѣли въ Генрихѣ Трастамаре прямаго наслѣдника престола. Тогда ухищренія Петра

направились на то, чтобы избавиться отъ ненавистнаго ему Генриха. Для этого онъ примирился съ королемъ Аррагоніи и оставилъ за нимъ покоренные имъ кастильскіе города съ тѣмъ, чтобы тотъ убилъ Генриха, а кстати и другого претендента—Фердинанда, своего сводного брата. Но Генрихъ былъ очень ловокъ; онъ не давался въ обманъ не только самому Петру кастильскому, но и всѣмъ его союзникамъ. Онъ являлся всегда вооруженнымъ съ ногъ до головы и съ громадной свитой, также тщательно вооруженной. Дѣло кончилось тѣмъ, что донъ-Педро аррагонскій предпочелъ Генриха Петру, зная, что Петръ рано или поздно лишится престола вслѣдствіе своей жестокости, а потому заключилъ союзъ съ Генрихомъ на предметъ раздѣла Кастиліи; при свиданіи Генрихъ обезпечилъ себя заложниками. Аррагонскій король давно уже имѣлъ сношенія на счетъ Кастиліи съ французскимъ королемъ Карломъ V, который былъ жестоко огорченъ поступкомъ Петра относительно его родственницы, французской принцессы. Французскіе наемники въ большомъ числѣ поступали на службу Генриха и его союзника, короля аррагонскаго. Дюгескленъ, неутомимый боецъ, попавшійся предъ этимъ въ плѣнъ во время войны съ англичанами за Бретань, теперь выкупленный усиліями друзей, былъ вызванъ, чтобы дѣйствовать противъ Петра Кастильскаго. Самъ папа принималъ участіе въ этомъ дѣлѣ. Генрихъ заранѣе принялъ титулъ короля. Этимъ онъ поднялъ на ноги всѣхъ недовольныхъ, считая на этотъ разъ святымъ и достойнымъ подвигомъ уничтоженіе человѣкоубійцы.

Теперь Петру трудно уже было бороться; можетъ быть, онъ могъ бы еще перекупить французскихъ наемниковъ, но онъ этого не сдѣлалъ, вѣроятно потому что растерялся. Возстаніе немедленно охватило всю страну; населеніе поднялось массою за побочнаго сына короля. Генрихъ умѣлъ склонить къ себѣ своею сравнительною гуманностью; онъ казался въ сравненіи съ Петромъ III идеаломъ добродѣтели и человѣколюбія. Когда возстаніе разгорѣлось въ Кастиліи, Петръ явился къ своему единственному союзнику, въ Португалію, но тамъ его не приняли; тогда онъ бѣжалъ въ Галисію, но не надолго; тамъ онъ боялся мести за совершенное убійство; наконецъ, онъ скрылся въ Гіенни у своего союзника, Чернаго принца. Онъ просилъ защиты у Англіи. Эдуардъ III заключилъ съ нимъ договоръ, по которому признавалъ его

законнымъ королемъ Кастиліи, и велѣлъ своему сыну поддерживать Петра. Черный принцъ исполнилъ это, хотя впослѣдствіи не разъ раскаявался въ томъ, что оказалъ помощь тирану.

Гибель Петра кастильскаго.

Хотя Генрихъ II был провозглашенъ сословіями, но не могъ отстоять своихъ правъ въ Кастиліи. Не смотря на личную храбрость, онъ проигралъ сраженіе при Нарехѣ; французскій полководецъ попалъ въ плѣнъ, а претендентъ укрылся во Франціи, но черезъ пять мѣсяцевъ опять явился, когда узналъ, что англичане оставили Петра. Тѣмъ временемъ Черный принцъ освободилъ Дюгесклена, который, побывавъ въ Провансѣ, набралъ 5000 наемниковъ для поддержанія Генриха. Кастилію разрывали два противника; у каждаго были укрѣпленные города. Столицею Генриха былъ Бургосъ; резиденція Петра оставалась въ Толедо. Зимою 1369 года Генрихъ взялъ Толедо и вызвалъ Петра на открытый бой, неподалеку отъ этого города. Въ томъ же году, весной, Петръ былъ разбитъ и обманомъ захваченъ въ плѣнъ. Онъ былъ въ рукахъ Дюгесклена и французскихъ рыцарей. Тѣ предлагали Генриху посмотрѣть на своего врага. „Онъ давно не видалъ его и не узналъ первое время дона Педро, разсказываетъ Айала, потому повторилъ два раза: я врагъ твой. И тогда уже король Генрихъ узналъ его и ударилъ кинжаломъ въ лицо. Оба упали на землю и король донъ-Генрихъ, сцѣпившись съ нимъ на землѣ, еще нанесъ ему нѣсколько ранъ. Такъ умеръ король донъ-Педро 23 марта 1369 года“. Затѣмъ Айала спокойно переходитъ къ описанію наружности убитаго и въ заключеніе дѣлаетъ лаконическую характеристику своего героя: „Онъ убилъ много людей въ своемъ государствѣ и оттого приключилось съ нимъ все это несчастіе“.

Возобновленіе англо-французской борьбы.

Обоюдное вмѣшательство Франціи и Англіи въ кастильскія дѣла вызвало продолжительную борьбу. Миръ въ Бретиньи, состоявшійся цѣною уступокъ почти цѣлой Франціи, не отличался прочностію. Черный принцъ былъ поставленъ въ необходимость усилить налоги. Раззоренія, внесенныя долгой оккупаціей англійскихъ войскъ, только могли содѣйствовать усиленію вражды. Гасконскіе вассалы возстали противъ этихъ налоговъ и аппелировали къ французскому королю. Дѣло въ томъ, что Эдуардъ III не соблюлъ въ точности до-

говора по вопросу объ отреченіи англійскаго короля отъ французскаго престола. Надменность, чванство, гордость, свойственныя англичанамъ, вели постоянно къ взаимнымъ раздорамъ. Гасконскіе бароны подавали жалобу во французскій парламентъ. Карлъ V сдѣлалъ видъ, что не намѣренъ вмѣшиваться въ это дѣло, но между тѣмъ возбуждалъ патріотизмъ французовъ. Въ 1368 году онъ потребовалъ Черного принца къ своему суду. Черный принцъ отвѣтилъ, что явится съ войскомъ; тогда судъ парламента объявилъ его лишеннымъ владѣній. Сперва открывшаяся война имѣла феодальный характеръ. Въ одни сутки было перебито до трехъ тысячъ женщинъ и дѣтей; возстаніе между тѣмъ распространялось все шире и шире. Хотя въ открытомъ полѣ англичане побѣждали, но французы избѣгали регулярныхъ сраженій, а въ возставшихъ городахъ перевѣсъ былъ на сторонѣ французовъ, которые пользовались знаніемъ мѣстности. Въ этихъ мелкихъ схваткахъ палъ англійскій полководецъ Чандорсъ, а послѣ того и Черный принцъ удалился въ Англію, куда призывали его дѣла. Онъ скоро умеръ отъ чахотки (стр. 711).

Теперь шансы французскаго короля увеличились, а вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилась польза союза съ Генрихомъ кастильскимъ. Генрихъ Трастамаре, новый король кастильскій, долженъ былъ примкнуть къ французскому королю, потому что второй сынъ Эдуарда III объявилъ притязаніе на кастильскій престолъ. Генрихъ предложилъ къ услугамъ французовъ свой флотъ, экипажъ котораго состоялъ изъ опытныхъ моряковъ. Дюгескленъ принялъ начальство надъ соединенными войсками Кастиліи и Франціи, дѣйствуя отъ имени своего короля; теперь счастье стало улыбаться французамъ. Оливье де-Клиссонъ отнялъ у Монфора почти все его герцогство и прогналъ его самого въ Англію. Англичане вели войну съ большой энергіей и овладѣвали цѣлыми провинціями, не встрѣчая нигдѣ сопротивленія; но лишь только они подступали къ укрѣпленнымъ городамъ, населеніе запиралось и непріятель долженъ былъ отступать, угоняя лошадей и скотъ. Наемники убѣгали изъ лагеря, дослуживъ срокъ, и не видя дальнѣйшей поживы. Дѣйствительно въ этой мелкой борьбѣ англичане умирали съ голоду въ своемъ тріумфальномъ шествіи. Города, деревни, чрезъ которые они проходили, были предаваемы пламени; дымъ пожарищъ доходилъ до дворца короля. Когда Карлу V указывали на грозное зарево, то онъ спо-

койно отвѣчалъ „пусть ихъ жгутъ, этотъ дымъ не лишитъ меня короны“. Чрезъ четыре года постоянной войны въ 1374 году у англичанъ остались во владѣніи только Бордо, два города на югѣ, да одинъ (Кале) на сѣверѣ Франціи. Англичане должны были заключить перемиріе, которое не было для нихъ выгодно. Этому перемирію содѣйствовалъ папа Урбанъ V; онъ мечталъ о крестовомъ походѣ противъ турокъ, которые чрезъ Галлиполи ворвались въ Европу и утвердились въ Адріанополѣ. Торжество французовъ, хотя и временное, подняло патріотическій духъ народа и было приписано королю.

Интересно наблюдать, какъ при этихъ условіяхъ усиливается монархическая идея и централизація. Карлъ V, нуждаясь въ деньгахъ, не разбиралъ средствъ: въ Бретани онъ ввелъ соляный налогъ, обложилъ всѣ дома налогами, возстановилъ крѣпостное состояніе, примѣнивъ французскую систему взиманія. Правда, Карлъ V не прибѣгнулъ къ измѣненію курса монеты, но и не спрашивалъ совѣта парламента. Когда требовалось много денегъ, то, скрѣпя сердце, король собиралъ чины, чтобы получить что слѣдуетъ и распустить собраніе. Парламентъ всѣ законодательные вопросы, пользуясь затрудненіями правительства, присвоилъ себѣ, тогда какъ въ сущности парламентъ былъ не законодательнымъ, а верховнымъ судебнымъ учрежденіемъ. Хотя король пользовался авторитетомъ парламента, разсчитывая сдержать своеволіе феодаловъ, хотя онъ защищалъ народъ, но не былъ на столько рѣшителенъ, чтобы подорвать феодализмъ. Король требовалъ, чтобы каждый баронъ обучалъ своихъ наемниковъ, будетъ ли это рыцарь, или простой воинъ. Король поддерживалъ рыцарей, разсчитывая, что безземельные рыцари будутъ орудіемъ его воли. Вопреки традиціямъ прежнихъ королей, Карлъ вредилъ росту монархіи. Онъ первый допустилъ парижскую буржуазію къ пріобрѣтенію феодальныхъ имѣній, уравнявъ такимъ образомъ мѣщанство съ рыцарствомъ. Прежде было неестественно, чтобы горожане безъ титула обладали помѣстьями бароновъ; теперь капиталъ вполнѣ проявилъ свою силу. Послѣ битвы при Мопертюи былъ изданъ законъ о неотчуждаемости королевскихъ имѣній, но Карлъ V самъ началъ нарушать это постановленіе, раздавая на право и на лѣво государственныя земли.

Поучительно сопоставить внутреннюю политику недальновиднаго Карла V съ государственной дѣятельностію Эду-

арда III, который поставилъ Англію на степень могущественной державы. Онъ понималъ, что безъ парламента не можетъ достигнуть своихъ цѣлей. Въ виду того, что Эдуардъ III, задаваясь широкими замыслами, постоянно велъ войны и постоянно въ продолженіе 50 лѣтъ нуждался въ деньгахъ, парламентъ, безъ содѣйствія котораго король не могъ располагать денежными средствами, сознаъ свое значеніе и сдѣлался постояннымъ учрежденіемъ. Спачала парламентъ имѣлъ такъ мало силы, что энергическій Эдуардъ позволялъ себѣ поступать своевольно, но затѣмъ парламентъ получилъ возможность сдержать короля и пріобрѣсти почти неограниченную власть надъ страной. Это случилось, благодаря войнамъ и слабости стараго короля, который постепенно поддался вліянію своей фаворитки Алисы Феррье. Располагая сердцемъ короля, послѣдняя до того злоупотребляла своимъ вліяніемъ, что завладѣла сокровищами покойной королевы и потребовала голоса въ парламентѣ, но принцъ Валлійскій не допустилъ этого. Тогда Алиса Феррье заключила союзъ со вторымъ сыномъ короля, герцогомъ Ланкастерскимъ. Парламентъ сталъ просить министровъ и совѣтниковъ судебнымъ порядкомъ ограничить власть старика, приставивъ къ нему 12 опекуновъ. Когда въ 1376 году Черный принцъ умеръ, то послѣ него остался малолѣтній сынъ Ричардъ, который еще при жизни дяди титуловался принцемъ Валлійскимъ. Надо замѣтить, что въ парламентѣ раздавались голоса за передачу престола старшему въ родѣ, минуя наслѣдство по прямой линіи. Эта борьба продолжалась до смерти короля, но поборники новыхъ порядковъ не имѣли успѣха.

Смерть Эдуарда III.

Въ 1397 году Эдуардъ III умеръ и законнымъ наслѣдникомъ остался сынъ Чернаго принца. Приверженцы послѣдняго успѣли отстоять права ребенка, привезли его въ Лондонъ, гдѣ онъ былъ въ безопасности и куда за нимъ послѣдовалъ дворъ; здѣсь его провозгласили королемъ подъ именемъ Ричарда II. Англійскій парламентъ принялъ сторону ребенка и приговорилъ Алису Феррье къ конфискаціи имущества и къ ссылкѣ. Новому королю было всего 11 лѣтъ; власть стала предметомъ раздора партій, которыя проявили особенное ожесточеніе въ борьбѣ за господство и за вліяніе надъ ребенкомъ-королемъ.

Съ этого времени выступаютъ интересы дома Ланкастеровъ, который старается отстоять старшинство рода. Благодаря династической борьбѣ, правительство теряетъ силу, которая постепенно переходитъ къ парламенту. Короли англійскіе стали орудіемъ интригъ могущественныхъ лордовъ.

Аналогія. Аналогичное явленіе можно наблюдать и во Франціи. Здѣсь въ средѣ королевскаго дома та же борьба, тѣ же интриги и тѣ же партіи состязаются о власти. Всѣ усилія французскаго правительства были обращены на борьбу съ Англіей; король хотѣлъ совсѣмъ вытѣснить англичанъ съ Юга. Во власти французовъ былъ почти весь югъ Франціи, кромѣ Бордо и Байоны. Герцогъ анжуйскій былъ назначенъ правителемъ Лангедока. Одновременно съ тѣмъ Наварра была раздѣлена между Франціей и Кастиліей и предначертано было присоединеніе къ Франціи Бретани. Въ первое время бретанцы возстали поголовно и призвали было Монфора, котораго поддерживали англичане, но вскорѣ волей неволей должны были признать французскую власть.

Въ 1380 году умеръ Дюгескленъ, а вслѣдъ за нимъ и Карлъ V; наслѣдникомъ становился его сынъ Карлъ VI. Ему предстояло долгое и несчастное царствованіе. Король предъ смертію назначилъ регентство изъ дядей Карла VI. Это были герцоги: Анжуйскій, Бургундскій и Беррійскій. Кромѣ нихъ былъ еще поставленъ совѣтъ изъ 40 членовъ отъ духовныхъ чиновъ, парламента, рыцарства и буржуазіи. По уставу регентства принцы не могли ничего предпринять безъ согласія совѣта, но ничего этого не было на дѣлѣ. Наибольшее вліяніе пріобрѣлъ герцогъ Анжуйскій; онъ обокралъ казну и долгое время управлялъ одинъ, пока не вмѣшался неаполитанскій король. Филиппъ устроился въ Бургундіи, которую онъ пріобрѣлъ еще въ 1361 году. Герцогъ Беррійскій Іоаннъ получилъ Лангедокъ въ намѣстничество.

Съ конца XIV вѣка во Франціи и Англіи мы замѣчаемъ если не вполнѣ одинаковыя, то аналогичныя явленія. Они касаются и сущности дѣла и наружныхъ формъ, неравномѣрности задачъ и цѣлей правительствъ со средствами той и другой стороны. И тутъ и тамъ, малолѣтніе и опекаемые регентствомъ короли. Въ той и другой странѣ борьба поборниковъ первенства рода съ поборниками первенства старшихъ линій. И тутъ, и тамъ регенты одинаково стараются

захватить власть въ свои руки. Дяди-регенты стремятся отнять корону у своихъ племянниковъ. Во Франціи и въ Англіи наблюдаемъ одинаковое стремленіе правительствъ повышать налоги, что возбуждаетъ неудовольствіе народовъ. Высшее сословіе пользуется этимъ неудовольствіемъ для того, чтобы ограничить королевскую власть въ свою пользу, но этому противодѣйствуетъ масса народная, терпѣвшая страшныя притѣсненія отъ дворянства и духовенства. Въ концѣ XIV вѣка народъ не воспользовался благопріятными обстоятельствами для осуществленія коммунальныхъ интересовъ; онъ потерялъ уже любовь къ преданіямъ и воспоминаніямъ коммунъ. Горожане и поселяне не дѣйствовали дружно. Тѣ и другіе заботились о частныхъ, а не объ общихъ интересахъ и когда Франціи грозило порабощеніе отъ Англіи, то одинъ народъ спасъ отечество. По словамъ Мишле, Англія первая открыла Франціи тайну ея силъ; за то тяжелы были испытанія, которыми Франція должна была купить сознаніе этой тайны. „Точно въ рукахъ демона-искусителя она проходила страшные круги Дантова ада, именуемые исторіею XIV вѣка“. Но испытаніе не кончилось еще въ XIV вѣкѣ. Франціи нужно было погрузиться на дно политическихъ бѣдствій и потомъ уже подняться и возстать за свою политическую самостоятельность и вступиться за попранныя чужеземцемъ права.

Что касается Англіи, то тамъ, среди раздоровъ партій, аристократія и торговый классъ не теряютъ изъ вида главной цѣли — расширенія гарантій политической свободы. Во Франціи же не сознавали этого. Здѣсь, хотя и сказывались неудовольствія противъ правительства, но они проявлялись глухо и не вели за собою ограниченія королевской власти, какъ то было въ Англіи.

Франція въ малолѣтство Карла VI.

Въ малолѣтство короля Карла VI Луи Анжуйскій былъ правителемъ государства. Когда онъ съ согласія нотаблей установилъ новые налоги, то сборъ этихъ налоговъ возбудилъ сильнѣйшее волненіе въ Парижѣ, Руанѣ и другихъ городахъ. Населеніе взялось за оружіе, перебило и разогнало королевскихъ комиссаровъ, взимавшихъ налоги, нападало на замки бароновъ и совершало всякаго рода звѣрства. Это возстаніе получило названіе войны мальотеновъ (бердышниковъ, отъ слова maillet—бердышъ), потому что возставшая парижская

чернь овладѣла оружіемъ, которое хранилось въ арсеналѣ и между которымъ было много бердышей. Въ этомъ возстаніи едва не погибъ самъ регентъ. Онъ долженъ былъ отмѣнить налогъ. Но нуждаясь въ деньгахъ по случаю войны съ Англіей, онъ созвалъ чины сѣверной Франціи и потребовалъ у нихъ пособія на военныя издержки. Получивъ отказъ, онъ созвалъ чины вторично, но большинство представителей не явилось, чтобы не быть вынужденными согласиться на его требованіе. Регентъ тогда рѣшился прибѣгнуть къ насилію. Онъ собралъ около себя опытную въ войнѣ часть націи — рыцарство, поставивъ во главѣ войска юнаго короля. Первый ударъ былъ направленъ на Руанъ. Рыцари ворвались въ городъ и произвели страшное опустошеніе. Потомъ наемники регента начали свирѣпствовать около Парижа, а затѣмъ и въ самомъ городѣ. Они производили страшныя опустошенія, такъ что парижане согласились уплатить 100000 золотыхъ ефимковъ (около 1,100,000 франковъ), чтобы избавиться отъ безчеловѣчныхъ наемниковъ и вернуть короля въ столицу. Большая часть этой суммы поступила въ кассу Анжуйца, который получилъ теперь средства приступить къ давно задуманному неаполитанскому походу. Теперь власть перешла къ герцогу Бургундскому, Филиппу Смѣлому, который сталъ обирать Францію для осуществленія своихъ видовъ на Фландрію, подобно тому какъ Луи Анжуйскій эксплуатировалъ Францію для Неаполя.

Фландрскій вопросъ.

Во Фландріи по прежнему заключалась причина тѣхъ демократическихъ стремленій, которыя охватили собою города Франціи. Жители Гента имѣли постоянныя сношенія съ Парижемъ, Реймсомъ, Руаномъ, Орлеаномъ, гдѣ только ждали сигнала изъ Гента и успѣховъ фламандцевъ, чтобы перерѣзать рыцарей. Волненія въ одномъ изъ нихъ отражались въ другомъ. Во французской части Фландріи, болѣе промышленной, было еще относительно спокойно, но въ самостоятельномъ Гентѣ, опиравшемся на англійскія симпатіи, происходили постоянныя волненія. Этихъ волненій не могъ устранить графъ фландрскій, Людовикъ III. Онъ пользовался ничтожнымъ вліяніемъ въ странѣ; каждый изъ фландрскихъ городовъ былъ только въ номинальной зависимости отъ графа. Когда между Гентомъ и Брюгге вспыхнула война, обусловленная прежде всего взаимной завистью и промышленной ревностью этихъ городовъ, то графъ Людовикъ со своимъ рыцар-

ствомъ принялъ сторону послѣдняго. Борьба между городами была нерѣшительна до 1382 года, когда во главѣ гентцевъ явился Филиппъ д'Артевелль, сынъ бывшаго демагога Жака д'Артевелля. Съ этой минуты война принимаетъ печальный оборотъ для жителей Брюгге и графа съ его рыцарствомъ. При Бевергоутѣ рыцари потерпѣли совершенное пораженіе. Самъ графъ убѣжалъ во Францію. Фландрскія волненія и пораженіе Людовика раздражили французское рыцарство, которое, опасаясь усиленія успѣховъ фландрской домократіи, взывало къ мести за пораженіе своихъ собратій. Когда французское правительство объявило походъ на Фландрію, рыцарство стеклось со всѣхъ сторонъ. Французскимъ войскомъ командовалъ храбрый коннетабль Оливье дю-Клиссонъ, соратникъ и ученикъ Дюгесклена. Нечего говорить о превосходствѣ этого войска надъ необученными толпами д'Артевелля. Поэтому было легко предвидѣть результатъ состязанія. При Розебекѣ произошло сраженіе, 80 лѣтъ спустя послѣ битвы при Куртрѣ (въ 1382 году). Сперва Артевелль одержалъ верхъ надъ Людовикомъ, но Клиссонъ поправилъ дѣло. Рыцари разсѣяли толпы своихъ противниковъ, положивъ болѣе 20 тысячъ фламандцевъ на мѣстѣ, въ томъ числѣ и самого д'Артевелля. Тяжелый отрядъ фламандской пѣхоты былъ отброшенъ французской конницей на остальное войско. Множество фламандцевъ было при этомъ задавлено и почти никто не могъ дѣйствовать своимъ тяжелымъ оружіемъ.

Непосредственнымъ слѣдствіемъ этой войны для Фландріи былъ только болѣе тѣсный союзъ съ Англіей, вызванный желаніемъ мести. Фламандцы не чувствовали себя пораженными; паники въ городахъ не было и даже Гентомъ, гдѣ вмѣсто д'Артевелля явился Акерманъ, не успѣли овладѣть побѣдители. Но для французскихъ горожанъ Фландріи послѣдствія сказались немедленно.

Ударъ при Розебекѣ, нанесенный демократамъ во Фландріи, горестно отозвался въ сердцахъ парижанъ. Жители столицы не осмѣлились затворить ворота предъ побѣдоноснымъ войскомъ регентовъ. Не смотря на это, оно вступило въ Парижъ какъ въ непріятельскій городъ, взятый приступомъ. Прежде всего разрушены были укрѣпленія города, а потомъ дѣло дошло и до буржуазіи. Регенты взяли 300 лучшихъ заложниковъ, предавая ихъ казнямъ, чтобы устрашить остальныхъ гражданъ и вынудить у нихъ все, что можно. Всѣ граж-

дане должны были выдать оружіе. Всѣ налоги, которые существовали при прежнихъ короляхъ, правительство снова возстановило именемъ короля и безъ согласія чиновъ. Измѣнено было муниципальное устройство Парижа; у гражданъ отнято право избранія должностныхъ лицъ. Однимъ словомъ, можно полагать, если бы монголы, турки или арабы внезапно попали на Францію, то, вѣроятно, они не превзошли бы въ безчеловѣчіи правительство короля и рыцарство. Также было поступлено и съ Руаномъ; здѣсь добычу раздѣлили герцоги бургундскій и беррійскій. Но не смотря на всѣ эти грабительства и поборы со стороны правительства, королевская казна ничуть не разбогатѣла, потому что всѣ деньги пошли на уплату жалованья хищнымъ наемникамъ; но и здѣсь все прибрали къ своимъ рукамъ начальники, а солдаты (какъ по примѣру итальянцевъ стали теперь называть наемниковъ, оплачиваемыхъ *солидами* и *су*) снова принялись грабить страну. Всѣ эти мѣры вызвали снова неудовольствіе противъ правительства, которое еще болѣе усилилось, когда королевскимъ указомъ была учреждена ежегодная подать съ доходовъ и имущества податныхъ сословій, къ которымъ не принадлежали ни дворянство, ни духовенство.

Въ такомъ положеніи застаетъ страну XV вѣкъ.

Англія въ малолѣтство Ричарда II.

Взглянемъ, что предоставляютъ аналогичныя явленія въ исторіи Англіи? Здѣсь во время малолѣтства Ричарда II мы видимъ также регентство и тоже самовластіе, тѣже волненія и возстанія по поводу притѣсненія и незаконныхъ поборовъ со стороны правительства и аристократіи. Дѣло въ томъ, что и здѣсь правительство, какъ во Франціи, нуждалось въ деньгахъ и должно было установить новые налоги. Хотя эти налоги и были обременительны для народа, но самое главное зло заключалось въ томъ, что эти налоги отдавались на откупъ и откупщики собирали ихъ съ неслыханнымъ безчеловѣчіемъ и безсовѣстностью, имѣя въ виду лишь собственные барыши. Такая наглость откупщиковъ привела всю страну въ волненіе и народъ ждалъ повода, чтобы возстать. Поводъ этотъ скоро представился, когда сборщики податей нанесли оскорбленіе семейству одного кровельщика Уата Тайлера. Уатъ Тайлеръ отказался заплатить подать, выгналъ оскорбившихъ его откупщиковъ и призвалъ народъ къ вооруженному сопротивленію. Теперь возстаніе распро-

странилось по всей Англіи. Уатъ Тайлеръ сдѣлался предводителемъ цѣлой толпы собравшихся вокругъ него поселянъ, ремесленниковъ и рабочихъ.

Бунтовщики, сознавъ уже свою силу, рѣшили идти на Лондонъ и потребовать отъ короля отмѣны всей существовавшей системы налоговъ. На пути они грабили имѣнія феодаловъ, жгли и уничтожали все, что принадлежало баронамъ и убивали королевскихъ чиновниковъ. Правительство было страшно напугано, рыцари были въ паникѣ. Нечего было прибѣгать къ отпору. Въ самомъ Лондонѣ ожидали возстанія черни. Оно и произошло, когда масса рабочаго люда соединилась съ вновь прибывшими мятежниками. Король долженъ былъ скрыться въ Тоуерѣ, гдѣ и былъ осажденъ народомъ. У Ричарда не было энергіи, онъ не имѣлъ и средствъ бороться противъ возстанія. Средства нельзя было добыть силой; тогда рѣшились прибѣгнуть къ хитрости. Всѣ понимали, что возстаніе сильно только благодаря искусству предводителя, энергичнаго Уата Тайлера. Необходимо нужно было избавиться отъ этого послѣдняго, чтобы подавить движеніе. Король притворно согласился на выполненіе всѣхъ требованій мятежниковъ; 15 іюня Ричардъ въ сопровожденіи множества рыцарей выѣхалъ изъ крѣпости, чтобы предъ лицомъ всего народа заключить условіе съ предводителемъ возстанія. Послѣ нѣкотораго колебанія къ нему приблизился Уатъ Тайлеръ. Но лишь только Тайлеръ началъ говорить съ королемъ, какъ ему прорѣзали горло и онъ палъ подъ ударами рыцарей. Когда смущенная толпа увидѣла, что предводитель ея убитъ, она обратилась въ покорное стадо и бросилась бѣжать; каждый заботился только о своемъ спасеніи. Рыцари воспользовались паникой и энергично бросились преслѣдовать бѣжавшихъ, нанося удары направо и налѣво. Такимъ образомъ возстаніе было подавлено и король взялъ назадъ свои обѣщанія. Бѣдный народъ подпалъ подъ прежнее иго и отъ возстанія выиграли только одни вельможи. Уатъ Тайлеръ.

До сихъ поръ разсмотрѣнныя нами явленія въ Англіи и Франціи имѣли аналогію. Но Англія того времени отличается отъ Франціи тѣмъ, что протестъ англійскаго народа выразился не только противъ свѣтской власти, но и противъ духовной. Этотъ послѣдній протестъ имѣетъ своего представителя въ лицѣ францисканца Джона Боля. Это былъ не Джонъ Боль.

столько проповѣдникъ, сколько фанатическій коммунистъ. Потому онъ не могъ образовать секту. Джонъ Боль настаивалъ на совершенномъ измѣненіи соціальнаго порядка, требовалъ отмѣны всѣхъ налоговъ, раздѣла собственности и истребленія богатыхъ и знатныхъ. Онъ отрицалъ право на частное имущество и признавалъ только общинное владѣніе. Простому народу нравилось это ученіе, уравнивавшее всѣхъ въ соціальномъ отношеніи. Подъ вліяніемъ его проповѣдей у крестьянъ сложилась пословица: „Былъ-ли баронъ, когда Адамъ пахалъ, а Ева пряла?“ Джонъ Боль погибъ въ числѣ первыхъ, при подавленіи возстанія, произведеннаго Тайлеромъ.

Джонъ Виклефъ (1324-87 г.).

Гораздо всестороннѣе и раціональнѣе Джона Боля былъ въ своихъ нападкахъ на духовную власть его современникъ Джонъ Виклефъ ([1]). Деморализація въ духовенствѣ доходила въ то время до крайнихъ предѣловъ, а распущенность монаховъ дошла до такой степени, что Эдуардъ III нерѣдко силою заставлялъ епископовъ и церковныя власти преслѣдовать вопіющія преступленія монаховъ. Изъ одного манифеста Эдуарда мы видимъ, что лондонская церковь св. Павла формально превратилась въ таверну, или даже въ нѣчто худшее. Монастыри были также притонами разврата. На эту-то деморализацію и обратилъ вниманіе Джонъ Виклефъ, нападая на безнравственные поступки священниковъ и монаховъ. Понятно, какъ сильно обличенія Виклефа задѣли мѣстное духовенство и особенно монашество. Дошло до того, что духовенство жаловалось въ Римъ. Въ 1377 году Григорій XI издаетъ грозную буллу противъ Виклефа и его ученія, предавая его церковному суду. Но покровители его, герцогъ Ланкастерскій и графъ Перси Нортумберландскій, первыя лица Англіи, вырвали осужденнаго Виклефа изъ рукъ раздраженнаго духовенства и фанатиковъ. И другіе крупные землевладѣльцы и бароны поддерживали его, такъ какъ имъ нравилось то мѣсто изъ рѣчей Виклефа, гдѣ онъ отрицалъ у духовенства право пользованія землею и свѣтской властью.

([1]) Lewis. Hist. of the life and sufferings of J. Wiclef. L. 1720, Oxf. 1820 (дополнено). — Gilpin. Lives of J. Wiclef and of the most eminent of his disciples. L. 1765. — Zitte. Lebensbeschreibung des Wiclef. Pr. 1786. — Tischer (L. 1800). — Vaughan (L. 1828 и дополн. L. 1853, лучшая изъ монографій). — Le-Bas (L. 1832, 1846). — Engelhardt. Wicliffe als Prediger. Erl. 1835.

Кромѣ того распространенію ученію Виклефа способствовалъ расколъ въ католической Церкви. Дѣло въ томъ, что по смерти Григорія XI было избрано вмѣсто одного двое папъ и каждый изъ нихъ посылалъ спеціально своихъ легатовъ для продажи индульгенцій. Послѣ, какъ извѣстно, стало трое папъ въ одно время, что еще болѣе придавало вѣсу поученіямъ Виклефа. Противъ этой эксплуатаціи народнаго религіознаго чувства возсталъ Виклефъ. Онъ энергично высказался не только противъ многихъ обрядовъ католической Церкви, но даже коснулся и догматовъ ея. Онъ говорилъ противъ католическаго взгляда на причастіе и обнародовалъ семь тезисовъ противъ римской Церкви. Его послѣдователи назвались лоллардами. Явилось національное направленіе въ англійской Церкви. Подъ его вліяніемъ и парламентъ принималъ самыя рѣшительныя мѣры противъ злоупотребленій, которыя позволяли себѣ въ Англіи папы и духовенство. По волѣ парламента всѣ иноземные монахи были высланы изъ Англіи. Кромѣ того Виклефъ обнародовалъ актъ, отнимавшій у папы право раздавать иностранцамъ англійскіе приходы, а равно запрещалъ англійскимъ подданнымъ арендовать земли у иноземныхъ духовныхъ или утверждать актами за послѣдними таковыя земли. Архіепископъ долженъ былъ терпѣть нападки Виклефа на Церковь и духовенство. Причиною того было отчасти ослабленіе папской власти въ Англіи, а отчасти то, что Виклефъ находился подъ покровительствомъ правительства. Между прочимъ успѣху содѣйствовало прибытіе легата съ идульгенціями. Въ этой борьбѣ съ духовенствомъ и папствомъ, всегда поддерживаемый народомъ, Виклефъ умеръ спокойно въ 1387 году. Его церковно-политическій протестъ ясно знаменуетъ переходъ отъ средневѣковой теократіи къ новому времени, непосредственно къ XV столѣтію, этому вѣку возрожденія мысли, искусствъ и свободы совѣсти.

5) Италія въ XIV и въ началѣ XV вѣка. Ломбардія, Римъ и Неаполь.

Принчипатство.

Намъ слѣдуетъ сдѣлать очеркъ исторіи Италіи въ XIV вѣкѣ и судебъ папства. Исторія Италіи въ XIV вѣкѣ въ высшей степени интересна, потому что представляетъ борьбу свободныхъ, національныхъ элементовъ съ претензіями князей, principi, часто чужеземнаго происхожденія. Богатая Италія, которая разбогатѣла, главнымъ образомъ, благодаря крестовымъ походамъ, служила предметомъ зависти для чужестранцевъ и соблазномъ для авантюристовъ. Отсюда и явилась тиранія или точнѣе принчипатство. Свободные, самостоятельные, республиканскіе города должны были подчиниться власти князей. Германское вліяніе въ значительной степени содѣйствовало этой перемѣнѣ. Это движеніе проявилось съ конца XIII вѣка. Является вопросъ: на сколько было полезно это стремленіе къ монархіи, выразившееся въ появленіи князей, то есть въ принчипатствѣ. Нельзя оспаривать, что такое стремленіе отдѣльныхъ князей къ самодержавію было исторической потребностью. Нѣкоторые изъ этихъ „тирановъ" давали богатую жизнь бывшимъ республикамъ, но изучая этотъ періодъ князей все таки придется согласиться съ тѣми итальянскими національными историками, которые винятъ князей за развратъ, безнравственность, за рядъ насилій, за стремленіе къ обогащенію всякими неправдами. Это движеніе въ политической жизни, начинающееся въ концѣ XIII столѣтія, интереснѣе всего наблюдать въ сѣверной Италіи. Городъ Миланъ былъ тѣмъ центромъ, вокругъ котораго группировались другія итальянскія республики (¹).

(¹) Лѣтописи: Ararius. Chron. de gestis in Lombardia priucipum (1250—1562)—Muratori; XVI, 297—424. Andreas Billius для исторіи Милана въ XIV вѣкѣ (1402—1431)—ib. XIX, 6—158 и промежуточное время I. de Mussis. Самое полное изъ старыхъ пособій это классическій трудъ знаменитаго ночерскаго епископа Paolo Giovio (Iovius), Vitae XII vicecomitum, Mediolani principum (Bas. 1542). Авторъ жилъ въ 1483—1552 г. и прославился своею Historiarum sui temporis ab 1494—1547, а также Elogia virorum bellica virtute illustrium. Онъ цитуетъ многочисленные источники, которыми пользовался вполнѣ научно. Его сочиненія перевелъ на итальянскій языкъ L. Domenichi. Изъ него сдѣлалъ компиляціи S. Barbuo

Делла-Торре въ Миланѣ.

Въ XIV вѣкѣ постепенно складывается въ сѣверной Италіи монархическое государство, объединенное властителями Милана, подъ названіемъ Миланскаго герцогства. Начало этого движенія положила династія Делла-Торре. Императоры германскіе поддерживали этихъ владѣтелей. Вообще честолюбивые принчипи никогда не могли опираться на свой авторитетъ; все, что они дѣлали въ Италіи, было какъ бы отраженіемъ воли императоровъ. Князья должны были непремѣнно искать союза съ главою священной Римской Имперіи. Наполеонъ Делла-Торре, который управлялъ Миланомъ, сдѣлался представителемъ власти императоровъ; къ нему законно переходили всѣ права, выговоренныя въ свою пользу еще Барбароссой при заключеніи Костницкаго мира. Неосторожный поступокъ повлекъ паденіе этой фамиліи. Къ тому же въ это время среди дворянской партіи выдался даровитый дѣятель въ лицѣ миланскаго архіепископа,—именно Оттонъ Висконти. Ему суждено было быть родоначальникомъ династіи, основавшей почти неограниченную монархію въ Ломбардіи, для того, чтобы послѣ передать ее, еще болѣе крѣпкую, представителямъ дома Сфорцы, вышедшаго изъ простыхъ крестьянъ.

Домъ Висконти.

Бароны, изгнанные изъ родины демократическимъ деспотизмомъ Торре, собрались въ тѣсный кружокъ около своего главы Висконти, такого же изгнанника. Лига была довольно сильна. Бароны съ Оттономъ во главѣ бросились на Миланъ. При Дезіо, недалеко отъ столицы, они встрѣтились съ войсками Торре и разбили ихъ на голову. Наполеонъ былъ взятъ въ плѣнъ. Когда Оттонъ Висконти вошелъ въ Миланъ, то изъ страха или изъ симпатіи—съ восторгомъ и криками радости былъ провозглашенъ синьоромъ (21 января 1277 г.). Наполеонъ умеръ въ тюрьмѣ. Новый правитель, обладавшій большимъ тактомъ, онъ легко взялъ народъ въ руки.

Sommario delle vite de'duchi di Milano, cosi Visconti come Sforzeschi (Ven. 1574). Въ слѣд. столѣтіи явился капитальный трудъ Bernardino Corio l'Hist. di Milano (Pad. 1646); изложеніе въ лѣтописной формѣ всегда полно интереса. Это сочиненіе послужило существеннымъ матеріаломъ для позднѣйшихъ историковъ, какъ напр. Hasse. (Die Gesch. der Lomb. Dr. 1826, p. пер.), Verri (storia di Mil. comm. da Cercano, Gis. 1651 съ прод. Custodi за 1525—1792 г.), Cusani (Storia di Mil. con cenni storico-statistici, 1865, M. 30).

Маттео и его сыновья.

Всего было двѣнадцать представителей этой династіи (1277—1447 г.): Оттонъ, Маттео Великій, Галеаццо I, Азоне, Лукино, Джіованни, Маттео II, Галеаццо II, Бернабо, Джіованни Галеаццо, Джіованни - Марія и Филиппо - Марія Маттео Великій получаетъ отъ императора Генриха VII титулы графа Виртю и виконта государства Миланскаго въ добавокъ къ его прежнему званію императорскаго викарія (vicecomes civitatis Mediolani, imperialis vicarius generalis et comes Virtus). Даровитѣйшій изъ Висконти, онъ справедливо можетъ назваться основателемъ могущества своего дома, собирателемъ сѣверо-итальянскихъ земель. Во всемъ онъ поступалъ удачно, никогда не дѣйствуя круто. Онъ былъ остороженъ, уменъ, но не геніаленъ и, конечно, не заслужилъ права называться Великимъ. Тѣмъ не менѣе Ломбардія много обязана ему своимъ внутреннимъ развитіемъ. Онъ положилъ прочное основаніе торговымъ оборотамъ страны, ея экономическому преуспѣянію. По плану и настоянію Маттео, былъ проведенъ каналъ (Naviglio grande) для соединенія Тичино и Аддо. Этимъ способомъ вся ломбардская торговля сосредоточивалась въ Миланѣ, и долина Адды сама собой сдѣлалась плодороднѣе. Дворъ Маттео привлекалъ къ себѣ ученыхъ и поэтовъ. Привѣтливый синьоръ Милана умѣлъ обворожить всѣхъ своей благородной личностью. Самымъ благодѣтельнымъ образомъ вліялъ онъ на умственное развитіе обширной республики. Его сорокапятитысячная армія осязательно выражала могущество Милана. Но умный Маттео не злоупотреблялъ ею, ограничиваясь лишь оборонительной войной противъ Климента V и Роберта неаполитанскаго. Завѣтная мечта этого правителя направлялась къ соединенію Ломбардіи, и даже всей Италіи, въ одно цѣлое. Но для осуществленія такой мысли не доставало энергіи. Маттео былъ опытенъ, остороженъ даже болѣе, чѣмъ слѣдовало. Какъ искусный тиранъ, онъ не настаиваетъ ни на наслѣдственномъ избраніи, ни на герцогскомъ титулѣ. И то и другое пришло само собой. Вообще Висконти дѣйствовали осторожно, будто по программѣ, утвержденной народомъ. Они старались какъ можно менѣе казаться властителями, не выходили изъ рядовъ простыхъ гражданъ и только архіепископское званіе возвышало ихъ надъ толпой прочихъ дворянъ.

Развѣ одинъ развратный и жестокій Лукино составлялъ исключеніе. Онъ пріобрѣлъ печальную извѣстность романиче-

ской исторіею съ Маргаритою Пустерла, которая погибла на эшафотѣ за свою вѣрность мужу. Висконти не смотрѣлъ на то, что Маргарита приходилась ему родственницей. Вообще время Лукино отличается женскими интригами. Онъ самъ погибъ отъ руки своей жены.

Его преемникъ, другой сынъ Маттео Великаго, Джіованни, былъ еще при жизни брата назначенъ „синьоромъ“ государства. Теперь это постановленіе народнаго собранія (consiglio generale) было только подтверждено, впрочемъ съ важной оговоркой (1349 г.): синьору предоставлялось право передавать государство своимъ потомкамъ по мужской линіи. Это обстоятельство заставило Ломбардію проститься съ республиканскими мечтами уже и de jure; вмѣстѣ съ тѣмъ оно утвердило династію Висконти въ обладаніи Миланомъ. Не доставало только обряда коронаціи и титула, освященнаго императорскою санкціею.

Джіованни-Галеаццо (1378—1402.)

Въ 1378 году синьоромъ великаго Ломбарскаго союза дѣлается по праву наслѣдства Джіованни Галеаццо (1378--1402 г.) тотъ самый, который послѣ получилъ титулъ Миланскаго герцога. Его можно назвать объединителемъ Ломбардской земли, до того времени разбитой на отдѣльныя мелкія общины. Какъ всякій собиратель земли, онъ оставилъ по себѣ память неутомимаго, суроваго тирана. Онъ принадлежитъ къ типу тѣхъ монархическихъ централизаторовъ, которые ни передъ чѣмъ въ мірѣ не останавливаются для осуществленія своихъ унитарныхъ стремленій, которымъ суждено кровью начинать и кровью же оканчивать свою историческую дѣятельность. Джіованни Галеаццо наслѣдовалъ отъ отца всѣ его владѣнія кромѣ Милана, Лоди, Кремоны, Пармы, Кремы, Бергамо и Брешіи, которые достались брату покойнаго синьора, Бернабо, дядѣ и тестю Галеаццо. Слѣдовательно самому Галеаццо непосредственно подчинялись слѣдующіе города: Павія, Асти, Тортона, Верчелли, Новара, Піаченца, Александріа, Альба, Комо, Казале, Сант-Еваджіо, Валенція и Виджевано. Такимъ образомъ совершилось временное распаденіе Ломбардскаго союза; явилось два государства и двѣ столицы. Бернабо жилъ въ Миланѣ; Джіованни Галеаццо въ Павіи. Но отважный и хитрый племянникъ не думалъ дѣлить съ дядею государства, которое онъ по всѣмъ правамъ считалъ законной и наслѣдственной собственностью. Для людей, какъ онъ

полагалъ, вѣроломство, коварство, ядъ, ночное убійство считается лучшимъ средствомъ къ достиженію государственныхъ цѣлей. Принимая на себя видъ обиженнаго, оскорбленнаго людьми и судьбою, Галеаццо притворился равнодушнымъ къ свѣту и вдался въ ханжество. Онъ окружилъ себя священниками и монахами. Онъ вносилъ огромныя пожертвованія въ церкви и монастыри. Онъ не разставался съ молитвенникомъ и съ четками. Онъ не выходилъ изъ храмовъ, проливая слезы передъ чудотворными иконами, передъ статуями Мадонны, лобызая евангеліе, раки мощей, участвуя во всѣхъ религіозныхъ торжествахъ. Недальновидный дядя думалъ, что племянникъ скоро совсѣмъ удалится отъ міра, уйдетъ въ монастырь и отдастъ ему свои города. А Галеаццо продолжалъ распускать слухи, что его гнететъ какой-то страхъ, что все строитъ на него ковы, что только въ религіи приходится ему искать утѣшенія и въ заключеніе объявилъ, что его жизни грозитъ опасность. На этомъ основаніи онъ сдѣлалъ изъ своего двора крѣпость, окружилъ себя цѣлой арміей и въ большихъ размѣрахъ сталъ нанимать кондотьеровъ.

Убійство Бернабо.

Съ многочисленной свитой и съ значительнымъ отрядомъ войска Галеццо отправился на поклоненіе въ Варезскій монастырь Св Дѣвы. Путь лежалъ чрезъ Миланъ. Недалеко отъ города выѣхалъ къ нему на встрѣчу Бернабо съ двумя дѣтьми (6 мая 1387 г.). Галеаццо съ видомъ непритворной радости бросился къ своему дядѣ и нѣжно обнялъ его. Потомъ сказалъ по нѣмецки нѣсколько словъ капитанамъ Джакоппо Берме и Антоніо Порро. Бернабо не могъ разобрать; нѣмецкій языкъ былъ тогда общимъ языкомъ между кондотьерами; онъ служилъ военнымъ языкомъ для всей Европы. Тогда оба капитана бросаются на Бернабо, хватаютъ его мула за узду, отбираютъ его оружіе и увлекаютъ подъ сильнымъ конвоемъ. Напрасно Бернабо вырывается и громкимъ голосомъ призываетъ на помощь своего племянника, въ полной увѣренности, что онъ не виновникъ такого злодѣйства. Дѣти его также арестованы, свита разсѣяна. Бернабо плѣнникъ въ рукахъ Галеаццо, который тогда же торжественно вступаетъ въ Миланъ и провозглашаетъ себя синьоромъ Ломбардіи. Бернабо былъ заключенъ въ крѣпостную цитадель, гдѣ черезъ семь мѣсяцевъ умеръ отъ медленнаго яда.

Планы Галеаццо.

Никто не пожалѣлъ объ немъ, такъ какъ онъ кромѣ имени тирана ничего не оставилъ по себѣ, но также не по-

жалѣли бы и о Джіованни Галеаццо, когда тотъ, сбросивъ съ себя маску религіозности, неограниченно началъ властвовать въ Миланѣ и оттуда громить страхомъ своего имени всю Ломбардію. Двадцать городовъ кромѣ Милана признавали его власть и непосредственно подчинялись ему. Но онъ далеко не довольствовался этимъ. По предположенію миланскаго историка Верри, его затаенною мыслью было сдѣлаться королемъ Италіи. Прототипъ Макіавеллевскаго principe, онъ могъ бы сдѣлаться такимъ государемъ, если бы жилъ не много позже, а не при тѣхъ государственныхъ, экономическихъ и военныхъ условіяхъ, въ которыхъ находилась тогда Италія. Онъ долженъ былъ довольствоваться только тѣмъ, что въ 1395 году (2 мая) получилъ отъ императора Венцеля титулъ Миланскаго герцога, который дѣлалъ его номинальнымъ вассаломъ имперіи и самостоятельнымъ de facto государемъ европейскимъ. Этотъ титулъ императоръ продалъ Галеаццо за 100 тысячъ дукатовъ, прибавивъ къ тому право на владѣніе графствами Пармою, Піаченцею и Павіею.

Возникновеніе Миланскаго герцогства.

Для округленія герцогскихъ областей не доставало трехъ городовъ: Вероны, Виченцы и Падуи. Эти города находились въ рукахъ двухъ домовъ, искони враждебныхъ Висконти и всегда боровшихся между собою. Верона и Виченца принадлежали теперь Антонію делла Скала, фамилія котораго, знаменитая по всей Италіи, уже 120 лѣтъ господствовала надъ этими городами, все время продолжая отбиваться отъ честолюбивыхъ претензій Висконти. Въ Падуѣ властвовалъ Франческо да-Каррара, отличавшійся непреклонною волей и стойкимъ характеромъ. Болѣе 70 лѣтъ имя князей Каррара гремѣло въ Ломбардіи. Джіованни Галеаццо надо было употребить много усилій, много искусства и много вѣроломства, чтобы одолѣть двухъ такихъ противниковъ. Побѣжденный и изгнанный, Антоніо, послѣдній представитель своего рода, отдалъ Верону и Виченцу императору Венцелю. Тогда хитрый Галеаццо, стараясь вездѣ укрыться закономъ, предъявилъ свои наслѣдственныя права на эти города. Онъ говорилъ, что его дядя Бернабо былъ женатъ на послѣдней Беатриче делла-Скала и что самъ онъ женатъ на ея дочери Екатеринѣ, которой слѣдовательно должны de jure перейти владѣнія Антонія. Императоръ согласился съ Галеаццо и далъ ему Ве-

рону вмѣстѣ съ Виченцою, при чемъ не упустилъ случая взять съ герцога значительную сумму денегъ.

Что касается до Франческо да-Каррара, то съ нимъ Галеаццо нисколько не стѣснялся. Тутъ отбросивъ всякую юридическую маску, онъ сталъ дѣйствовать открыто и совершенно искренно. Началась война на смерть. Галеаццо не трудно было одолѣть слабаго Франческо, одинокаго, безъ союзниковъ, владѣвшаго самыми ничтожными средствами. Галеаццо не считалъ даже необходимостію напрягать свои собственныя силы въ борьбѣ. Онъ вооружилъ противъ него Венецію и такимъ образомъ поставилъ его между двухъ огней. Искусно воспользовавшись оружіемъ республики, онъ воспользовался и результатами побѣды. Венеціанское правительство получило тревизскій округъ, а Галеаццо утвердился въ Падуѣ. Франческо былъ взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ и заключенъ въ башню Монцы. Когда старый Каррара умеръ, то сынъ былъ освобожденъ. Онъ воспользовался этимъ и вмѣстѣ со своимъ семействомъ бѣжалъ во Флоренцію. Молодой Франческо поклялся въ вѣчной мести и ненависти ко всему роду Висконти. Онъ сдѣлался центромъ, вокругъ котораго собиралось все, что только хотѣло составить оппозицію властолюбію и деспотизму Джіованни Галеаццо. Но побѣдить герцога, теперь столь сильнаго, было невозможно. Всякая борьба съ нимъ была дѣломъ рискованнымъ. Къ 1390 г. онъ былъ неограниченнымъ властителемъ Ломбардіи. Эхидна (il biscione) герба Висконти уже развѣвалась на всемъ пространствѣ отъ Савойи и до Адріатическаго моря и отъ Альпъ до границъ Тосканскихъ. Великія прибрежья рѣки По, на которыхъ почти цѣлыя три столѣтія состязались свободныя общины за свою независимость, теперь безпрекословно признавали неограниченную власть государя и изъ руки республиканскаго консула перешли подъ тяжелое ярмо государственной централизаціи. Новый монархъ, желая войти вліятельнымъ членомъ въ рядъ европейскихъ государей, породнился съ французскимъ королевскимъ домомъ, выдавъ свою дочь Валентину за принца Орлеанскаго.

Висконти и Средняя Италія.

Уже онъ не довольствовался одною Ломбардіей. Эсте въ Феррарѣ, Гонзаго въ Мантуѣ, владѣтели Монферрата и Савойи спаслись только тѣмъ, что во всемъ старались угождать и непрекословить Миланскому герцогу. Въ Феррарѣ

и Мантуѣ Галеацдо распоряжался по своему произволу. Та же участь постигла и Генуэзскую республику. Тогда оружіе Галеацдо устремилось въ другую сторону—на Романью и Тоскану. Флоренція и Болонья должны были прежде всего почуять бѣду. Города стали соединяться, нанимать кондотьеровъ и готовиться къ оборонѣ своей независимости. Флорентійцами былъ нанятъ между прочими на службу императоръ Рупрехтъ. До такого ничтожества дошла священная имперія. Но если Рупрехтъ былъ плохой императоръ, то онъ былъ еще болѣе плохой полководецъ. При всемъ искусствѣ неутомимаго Франческо Каррарскаго, нѣмцы были разбиты на голову при Гардскомъ озерѣ (1401 г.). Дорога очистилась предъ миланскою арміей. Полководцы Галеацдо быстро взяли Болонью и слѣдомъ за нею еще нѣсколько городовъ, какъ: Перуджію, Сполето, Ночеру, Ассизи. Болонскій тиранъ Джіоаванни Бентиволіо былъ взятъ въ плѣнъ и казненъ. Восторжествовавъ въ Романьи, Галеацдо началъ свои операціи противъ Тосканы. Угрозами онъ заставилъ Джерарда Аппіани продать городъ Пизу за 200 тысячъ флориновъ. Менѣе сильная Сіена безъ боя покорилась миланскимъ кондотьерамъ. Конечно этого нельзя было ожидать отъ флорентійской республики, которая имѣла за собою и обширныя матеріальныя средства и великую внутреннюю силу. Галеацдо зналъ, что онъ здѣсь встрѣтитъ отчаянное сопротивленіе, если только дѣло дойдетъ до вопроса о существованіи. Надѣясь на свою звѣзду, онъ готовился къ рѣшительной войнѣ. Сокрушить Флоренцію значило сокрушить послѣдній оплотъ общинной свободы, значило заставить Италію проститься навсегда съ республикою и на всемъ полуостровѣ дать просторъ деспотизму. Въ мрачномъ готическомъ замкѣ Павіи уже строились планы, самые смѣлые, самые дерзкіе. Тамъ, за крѣпкими стѣнами, за тройною стражею, жилъ суровый деспотъ, проводившій цѣлые часы въ молитвѣ и подвигахъ благочестія, а между тѣмъ думавшій о порабощеніи цѣлой Италіи. Оттуда сыпали золотомъ, грозили казнями, распоряжались убійствами, опутывали интригами несчастныя общины, казалось доживавшія свои послѣдніе годы. Конечно никто не думалъ заступаться за нихъ и отстаивать умиравшую свободу.

Жестокая олигархія Венеціи съ своими совѣтами сорока, десяти и трехъ искала только однѣхъ территоріальныхъ выгодъ и въ вопросѣ итальянской свободы значила столько же,

сколько и самъ миланскій герцогъ. Римъ и Неаполь сложились въ монархическія формы. Можетъ быть вся Италія должна была скоро представить два обширныя королевства Ломбардское и Неаполитанское: мы увидимъ какъ король неаполитанскій Владиславъ проявилъ таковыя же стремленія. И казалось, говоритъ Сисмонди, великая страна, нѣкогда такъ богатая гражданами и героями, лишалась всѣхъ своихъ доблестей и всѣхъ своихъ высокихъ идей. Низкій и вѣроломный тиранъ рѣшился уничтожить въ Италіи все, что еще оставалось свободнаго и честнаго. Если чего ожидали, то увеличенія зла и приращенія пороковъ Надо было радоваться, если какое нибудь правительство станетъ слѣдовать коварной политикѣ Галеаццо: только тогда можно было получить перевѣсъ надъ нимъ.

Таковы были печальныя явленія, которыми ознаменовался конецъ XIV вѣка. Наконецъ въ это же самое время явилась чума въ разныхъ концахъ Италіи. Народъ, пораженный страшными бѣдствіями, видѣлъ въ ней наказаніе, которое заслужилъ. Всѣ повергались ницъ передъ алтарями; всѣ молили о милосердіи. Эта же чума наказала и самого виновника бѣдствій.

Передъ смертью ему суждено было прочесть гордый протестъ свободныхъ людей противъ его безчеловѣчія и вѣроломства. Республика флорентійская вызвала на открытый бой монархію миланскую. Галеаццо бросали перчатку прямо въ лицо. Читая манифестъ флорентійцевъ, въ первый разъ постигнулъ миланскій деспотъ то величіе, ту смѣлость духа, какая можетъ одушевлять гордаго горожанина, если онъ идетъ умирать за свою свободу, за свою независимость. Оружіемъ рѣшился отвѣчать герцогъ на нанесенную ему обиду. Но тутъ смерть сразила его и его планы. Ему не хотѣлось умирать именно теперь, когда рѣшалась вся цѣль его жизни. Онъ жилъ въ Павіи, гдѣ чума свирѣпствовала съ особенною силою уже второй годъ; по крайней мѣрѣ въ то время она похитила тысячи жертвъ въ южной Италіи.

Галеаццо переѣхалъ въ городъ Мариньяно, гдѣ принялъ всѣ предосторожности отъ заразы. Однако, не смотря на то, онъ захворалъ. Когда внезапно появилась комета на небѣ, то герцогъ, слѣпо вѣрившій астрологіи, потерялъ всю бодрость духа. Онъ безпрестанно твердилъ, что смерть уже ждетъ его. Имъ болѣе чѣмъ когда нибудь овладѣло религіозное настроеніе, и на этотъ разъ уже непритворное.—„Я благодарю

Бога, говорилъ герцогъ, что ему угодно было знаменіемъ небеснымъ возвѣстить всему міру о моей близкой смерти". Предчувствіе его оправдалось. Черезъ нѣсколько дней не стало человѣка, котораго начинала трепетать вся Италія (3 сентября 1402 года).

Значеніе Галеаццо въ исторіи Италіи.

Но если ломбардцы имѣли основаніе ненавидѣть память покойнаго герцога, то они въ то же время хорошо сознавали ту пользу и то добро, которое онъ принесъ странѣ своимъ правленіемъ. Какъ виновникъ паденія свободы, онъ былъ имъ ненавистенъ; какъ государственный человѣкъ, онъ оказалъ порабощенной странѣ большія услуги въ экономическомъ отношеніи. Всѣ знали, что повсюду стала процвѣтать промышленность, что на выгодныхъ пунктахъ устроены широкіе каналы, что вслѣдствіе этого значительно улучшилось земледѣліе, что высоко поднялось благосостояніе, что роскошно развилась торговля, что росли капиталы миланскихъ купцовъ, что богатствамъ Ломбардіи завидовала Европа. Всѣ восторгались любовью герцога къ искусствамъ, когда смотрѣли на великолѣпный соборъ миланскій, какъ мраморной кисеей убранный чудесами готической скульптуры, великое и гигантское произведеніе, надъ которымъ потрудились зодчіе всѣхъ вѣковъ, начиная съ Филиппино и Пеллегрини, кончая Аматти и нѣмецкими художниками прошлаго столѣтія. Все, что только носило на себѣ печать искусства, пользовалось постояннымъ покровительствомъ и любовью Джіованни Галеаццо. Писатели и ученые жили при дворѣ Висконти съ такими же удобствами и пользовались такимъ же значеніемъ, какъ и при артистическихъ дворахъ Скалы, Эсте, Гонзаго и Каррары.

Основателямъ монархическихъ государствъ всегда суждено переносить ненависть и любовь, укоры и похвалы. Въ ихъ мрачныхъ характерахъ проявляются черты величавыя и симпатичныя. Ихъ выдержанныя страсти носятъ на себѣ отпечатокъ рыцарства; ихъ безпощадная суровость странно смѣшивается иногда съ внезапною мягкостью и благодушіемъ. Въ этихъ людяхъ много двойственнаго, много ненормальнаго, но въ извѣстные моменты они удовлетворяютъ требованіямъ исторіи....

Сила и мощь такихъ государей рельефно проявляется тогда, когда ихъ смѣняютъ жалкія креатуры, бездарные наслѣдники. Въ исторіи основанія монархій почти всегда пов-

торяется именно такая непослѣдовательность. Если бы основатели были люди недаровитые, если бы они не такъ прочно дѣлали свое дѣло, то оно непремѣнно разрушалось бы при ихъ наслѣдникахъ. Въ исторіи Ломбардіи этого не случилось. Но если созданіе Галеаццо не рухнуло, то во всякомъ случаѣ перенесло много крушеній и много бѣдствій.

Регенство Екатерины (1402–1404г.).

Джіованни-Галеаццо по завѣщанію раздѣлилъ свое герцогство между двумя сыновьями, Джіованни-Марія и Филиппомъ-Марія. Изъ нихъ старшему было только 13 лѣтъ. Пизу и Кремону онъ назначилъ своему незаконному сыну Габріелю-Маріи. Джіованни-Марія былъ провозглашенъ миланскимъ герцогомъ, но по причинѣ несовершеннолѣтія для управленія государствомъ было составлено регенство, въ которомъ участвовали главнымъ образомъ старые кондотьери Галеаццо. Главою регенства была назначена вдова покойнаго Екатерина. По вѣроломству и жестокости она напоминала и мужа и отца. Между тѣмъ ея неспособность, ея интриги произвели безпорядокъ и замѣшательство въ ходѣ государственныхъ дѣлъ. Она была такъ недальновидна, что не умѣла поладить съ полководцами и союзниками Галеаццо. Эсте и Гонзаго первые отстали отъ Милана, воспользовавшись раздоромъ въ правительствѣ. Сильный своими латниками, Альберико да-Барбіано перешелъ къ флорентійцамъ; его примѣру послѣдовали и нѣкоторые другіе кондотьеры. Въ противный лагерь переходили тѣмъ съ большею охотою, что республика никогда не жалѣла денегъ наемнымъ воинамъ. И кондотьеры и народъ болѣе всего были озлоблены противъ главнаго регента, фаворита Екатерины, жестокаго Барбавары. Этотъ человѣкъ происходилъ изъ простаго народа, — оттого такъ ненавидѣла его гибеллинская знать Милана. Онъ былъ нѣкогда слугою Джіованни - Галеаццо , который возвысилъ его до первыхъ степеней въ государствѣ. Довольно того, что по завѣщанію, онъ назначенъ былъ предсѣдателемъ въ совѣтѣ регентства и опекуномъ несовершеннолѣтнихъ герцоговъ. Статный собою, онъ еще при жизни мужа пріобрѣлъ благосклонность Екатерины. Трудно сказать, кто болѣе всего виновенъ въ тѣхъ жестокостяхъ, которыя начались послѣ смерти Галеаццо. Во всякомъ случаѣ главную отвѣтственность должно сложить на Барбавару. Какъ всякій самовластный временщикъ, онъ не могъ удержаться отъ возмутительныхъ и

гнусныхъ поступковъ. По своему произволу, безъ всякаго суда, фаворитъ регентши приговариваетъ къ смертной казни людей, казавшихся ему подозрительными. Каждый такой поступокъ вызывалъ ненависть, а иногда месть аристократіи и народа. Наконецъ, презираемый всѣми, поставленный въ безвыходное положеніе, онъ долженъ былъ бѣжать изъ Милана; его богатый дворецъ былъ разграбленъ. А когда однимъ утромъ нашли на улицѣ пять труповъ, одѣтыхъ въ черное, съ отрубленными головами, когда увидали головы казненныхъ жертвъ мести Екатерины, воткнутыя на шпицахъ Амвросіанскихъ воротъ, то страшно сказался гнѣвъ народный. Регентша думала этимъ устрашить толпу, но ошиблась въ разсчетѣ. Она сама должна была бѣжать изъ столицы въ крѣпость Монца и отдаться подъ покровительство своего врага, кондотьера Пандольфо Малатеста. Когда раздраженные миланцы осадили Монцу, то Малатеста бросилъ королеву и оставилъ ее въ жертву мести народа. Взятая въ плѣнъ, она приняла ядъ и скончалась, оставивъ государство въ самомъ разстроенномъ видѣ и въ страшномъ смятеніи (16 октября 1404 г.)

Джіованни-Марія (1404—12 г.)

Молодой Джіованни-Марія и его развратные приближенные ничего не обѣщали народу кромѣ вполнѣ безсмысленнаго, безцѣльнаго тиранства римскихъ императоровъ. Въ молодомъ герцогѣ не было положительно никакихъ признаковъ правительственныхъ способностей. Весьма сдержанный въ приговорахъ, флорентійскій историкъ Поджіо, и тотъ не находитъ словъ, чтобы излить свое негодованіе на мальчика-тирана: „crudelis, immanis, ferus, ab insania plurimos jussit occidi,„—говоритъ онъ про Джіованни-Марію. Второй Калигула, этотъ недоросль-правитель занимался только своими охотничьими собаками и травлею людей. Его егермейстеръ Джирамо сдѣлался грозою народа; онъ распоряжался и самимъ герцогомъ, а съ нимъ и участью каждаго гражданина. О судьбѣ государства никто не думалъ и всякій боялся вмѣшаться, опасаясь сдѣлаться подозрительнымъ для Джирамо и быть растерзаннымъ собаками. Будь такой герцогъ и такой временщикъ въ государствѣ уже привыкшемъ къ монархическимъ порядкамъ, то могли бы быть страшныя послѣдствія. Но на Миланъ это зло не могло подѣйствовать такъ губительно. Преданія свободы возстановляютъ самостоятельность отдѣльныхъ

городовъ; искусные и сильные вельможи укрѣпляли ихъ за собою. Такъ распалось наслѣдіе Джіованни-Галеаццо. Правда, другая половина, принадлежащая младшему его сыну, Филиппу-Маріи, не дошла еще до крайняго положенія, но и тамъ обнаруживались явные признаки разложенія. Въ самой Павіи, его столицѣ, утверждались туземныя фамилія Беккаріевъ. Пиза, принадлежавшая Габріелю-Маріи (незаконному сыну Галеаццо), была продана своимъ владѣтелемъ флорентійской республикѣ. Безсиліе Висконти дошло до того, что французскій намѣстникъ въ Генуѣ самовольно задержалъ его и отобралъ у него деньги, полученныя за продажу города. Полнѣйшую анархію представляло государство Джіованни-Маріи. Кондотьери разбирали его на кусочки. Самый сильный изъ нихъ, Фичино Кане, впослѣдствіи распоряжавшійся судьбами цѣлаго герцогства, утвердился въ Александріи; Пандольфо Малатеста овладѣлъ Брешіею; Оттобоно Терцо—Пармою. Менѣе сильные получили на свою долю мелкіе города. Такъ Джорджіо Бенцони—Крему, Джіованни Виньатте—Лоди, Кавалькабо—Кремону, Руска—Камо, Сварди—Бергамо, Колеони—Треццо. Старыя владѣтельныя фамиліи снова пріобрѣли себѣ партизановъ по городамъ. Раньше всѣхъ Франческо Каррара овладѣлъ своею Падуею. Онъ же постарался возстановить господство дома делла-Скала, съ которымъ сроднило его общее несчастіе. Съ своимъ войскомъ бросился отважный Каррара на Верону и овладѣлъ ею. Оставалось только покорить Виченцу. Но тутъ онъ встрѣтилъ неожиданное сопротивленіе.

Венеція. Въ Миланѣ за все правительство бодрствовалъ одинъ человѣкъ. По ремеслу онъ былъ кондотьеръ, по происхожденію родовой гибеллинъ, съ отчаяніемъ смотрѣвшій на постыдное положеніе отечества. Это былъ герой гардской битвы Джакоппо дель-Верме Не желая допустить отпаденія Падуи, онъ заключилъ оборонительный союзъ съ Венеціею противъ Каррары; за вспоможеніе, оказанное республикою, онъ уступалъ ей въ вѣчное пользованіе ту же Виченцу, прибавивъ къ ней Фельтру и Белунно. Венеція скоро овладѣла Виченцею. Но когда въ городѣ помѣстился гарнизонъ республики, то сынъ владѣтеля падуанскаго, Франческо Терцо, осадилъ Виченцу. Правительство республики потребовало, чтобы осада была снята. Съ этою цѣлью къ Терцо послали герольда. Франческо былъ такъ горячъ и такъ неостороженъ, что позволилъ своимъ солдатамъ растерзать посланнаго. За этотъ посту-

покъ онъ поплатился впослѣдствіи своею головою. Хотя онъ тогда же снялъ осаду и ушелъ въ Падую, но оскорбленіе было столь сильно, что не могло остаться безнаказаннымъ. Противъ Каррара составился грозный союзъ Милана, Венеціи и Мантуи. У Скалы, союзника Каррара, отняли и послѣдній пунктъ, Верону, которая тогдаже подпала подъ скипетръ св. Марка. Потомъ непріятель подступилъ къ Падуѣ. Семнадцать мѣсяцевъ продолжалась отчаянная оборона. Голодъ и болѣзни явились на помощь Венеціи; до 30 тысячъ человѣкъ погибло не столько отъ меча венеціанскаго, сколько отъ недостатка пищи. Наконецъ городъ былъ взятъ. Никакое искусство не могло бы одолѣть геройскую стойкость падуанцевъ, если бы не нашлись измѣнники среди осажденныхъ, которые выдали своего князя и его семейство (19 ноября 1405 г.). Франческо и его два сына Терцо и Джіакомо были привезены въ Венецію. Послѣ всего, что произошло, имъ не довѣряла республика. По настоянію Джакоппо дель-Верме совѣтъ десяти приговорилъ ихъ къ смертной казни (январь 1406 г.) Третій сынъ Франческо, послѣдній въ родѣ Каррара, хотѣлъ опять овладѣть Падуею, но его взяли въ плѣнъ, также привезли въ Венецію и также казнили на эшафотѣ. Всѣ Скалы, претендовавшіе на свои прежнія владѣнія, были высланы. Виченца, Верона и Падуя были въ крѣпкихъ рукахъ венеціанскаго сената, который скоро успѣлъ овладѣть еще нѣсколькими городами материка, какъ Тревизо, Удине, областью Истріею и цѣлымъ Фріульскимъ округомъ.

Такое могущественное государство, какъ Венеція съ ея замкнутымъ, суровымъ правительствомъ, не могло не быть опаснымъ миланскому герцогству, находившемуся теперь въ рукахъ полоумнаго мальчика. Тамъ въ каждомъ городѣ сидѣлъ какой-нибудь кондотьеръ съ своими караспрами. Онъ боролся за власть съ подобнымъ себѣ претендентомъ. Какъ и прежде, народное возмущеніе уничтожало тирана, но на его мѣсто являлся другой кандидатъ. Такъ между прочимъ погибъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ кондотьеровъ Отто Бонтерцо, который сидѣлъ въ Пармѣ и Реджіо. Въ самомъ Миланѣ неистово подвизался Джіованни-Марія. Его кровожадность проистекала изъ одной прихоти, изъ одной любви къ дѣлу палача. Онъ травилъ собаками всѣхъ безъ разбора. Смерть матери была для него только прекраснымъ и умѣстнымъ предлогомъ, чтобы насытить свое звѣрство. Только по одному по-

дозрѣнію, безъ всякаго слѣдствія, онъ растерзалъ сотни людей. Когда однажды оставили на аренѣ двѣнадцатилѣтняго мальчика, то собаки, пріученныя къ человѣческому мясу, остановились передъ ребенкомъ, въ ужасѣ павшимъ на колѣни и съ отчаяніемъ молившимъ о пощадѣ. Собаки не повиновались приказанію Джирамо и не трогались съ мѣста. Тогда егермейстръ охотничьимъ ножомъ закололь ребенка, который былъ виновенъ тѣмъ, что его отца герцогъ подозрѣвалъ въ убійствѣ матери.

Заговоръ.

При такомъ правителѣ государство распалось на части и приходило въ совершенный упадокъ. Только хорошій регентъ могъ поддержать дѣло Галеаццо и первыхъ Висконти. Послѣ извѣстнаго намъ Верме это мѣсто занималъ кондотьеръ Фачино Канс, владѣтель Александріи. Онъ былъ привязанъ къ интересамъ Висконти, но много ли можно было сдѣлать даже способному человѣку въ странѣ, гдѣ каждый былъ въ страхѣ за жизнь и имущество, гдѣ доходы прекратились, гдѣ не чѣмъ было содержать ни правительства, ни войска, ни даже самого государя? Еще Филиппъ-Марія могъ что-нибудь обѣщать въ будущемъ. На него смотрѣлъ Кане, какъ на достойнаго наслѣдника Галеаццо. Къ тому же, противъ него не былъ такъ враждебно настроенъ простой народъ. Оттого обрадовались всѣ, когда узнали объ опасной болѣзни Джіованни-Маріи. Печальпо было разочарованіе, когда пронесся новый слухъ, что герцогъ поправляется. За неумѣстную радость опасались не сносить головы. Тогда явилась на сценѣ крайняя партія энергическихъ молодыхъ людей; во имя своихъ республиканскихъ убѣжденій, они рѣшились убить герцога и тѣмъ прекратить безпокойное, боязливое броженіе,-состояніе, въ которомъ находилось разстроенное государство. Молодые дворяне уже давно устраивали заговоръ съ цѣлью произвести революцію и утвердить если не республику, то лишить во всякомъ случаѣ родъ Висконти герцогской короны. Не дождидаясь выздоровленія герцога, они бросились на него среди бѣлаго дня, когда онъ шелъ къ обѣднѣ и изтерзали кинжалами (16 мая 1412 г.). Страшная тиранія пала; всѣ вздохнули свободнѣе. Обстоятельства сложились такъ, что вѣсть эту принесли Фачино Кане въ то время, когда онъ самъ прощался съ жизнью. Онъ былъ смертельно болѣнъ; черезъ нѣсколько часовъ онъ долженъ былъ скончаться. Умирая онъ завѣщалъ своимъ приближеннымъ содѣйствовать къ из-

бранію на престолъ Филиппа-Маріи. Послѣднимъ распоряженіемъ его была просьба къ женѣ отдать послѣ его смерти свою руку Филиппу-Маріи. Этимъ онъ дѣлалъ своего питомца обладателемъ огромныхъ богатствъ и владѣній, а свою жену властительницею престола. Эта вдова прежняго кондотьера, будущая герцогиня миланская, была та самая Беатриче ди-Тенда, несчастная судьба которой навсегда увѣковѣчена прелестною музыкальною элегіею Беллини.

Молодые заговорщики, сознавая невозможность республики, не хотѣли также допустить на престолъ брата убитаго ими тирана. Они очень основательно опасались мести. Но Филиппъ-Марія сталъ дѣйствовать силою. Опираясь на войско Кане, онъ успѣлъ выгнать князей Беккаріа изъ Павіи и утвердиться въ Миланѣ. По завѣщанію того же Фичино, онъ вступилъ во владѣніе Александріею, Тортоною, Новарою и Верчелли, снова присоединенными къ городамъ герцогства. Женитьба на Беатриче дала ему огромныя суммы денегъ; ими онъ пріобрѣлъ силу и значеніе. Противъ войска Кане, противъ средствъ Беатриче нельзя было бороться.

Филиппъ-Марія. (1412—47 г.).

Ровно черезъ мѣсяцъ послѣ убійства Джіованни-Маріи, въ Миланѣ происходила казнь пылкихъ республиканцевъ. Въ этотъ же день Филиппъ-Марія (1412—1447) былъ провозглашенъ миланскимъ герцогомъ. Извѣстно, какъ отплатилъ послѣдній Висконти своей женѣ. Ему опротивѣла добрая, честная, но уже не молодая женщина. Она напоминала его самолюбію, что престола онъ достигъ не самъ собою, а благодѣяніями ея перваго мужа. Страшной, безобразной и отвратительной наружности, раздражительнаго и подозрительнаго характера,—онъ заставлялъ свою жену бояться себя не менѣе, какъ боялись миланцы собакъ его брата. Ни покорностью, ни ласкою, ничѣмъ не могла смягчить несчастная Беатриче своего грознаго мужа. Ему нужна была ея смерть; только тогда этотъ тиранъ могъ бы избавиться отъ подозрительности и какихъ-то странныхъ опасеній. Чѣмъ болѣе молчала Беатриче, тѣмъ болѣе досадовалъ Филиппъ. Его бѣшенство, наконецъ, дошло до того, что онъ рѣшился на всякое преступленіе. Онъ оклеветалъ свою жену въ невѣрности и въ связи съ молодымъ пажемъ Ортибелли. Начался судъ и допросы. Уликъ не было. Прибѣгнули къ пыткѣ. Несчастная женщина геройски перенесла всѣ истязанія. Ничто не могло исторг-

нуть у ней ложнаго признанія. Но слабый пажъ подъ пыткою наговорилъ на Беатриче все, что только пожелали судьи. Онъ надѣялся, что ему оставятъ жизнь за его клевету. Однако этого не случилось. Довольный герцогъ имѣлъ теперь предлогъ отдѣлиться отъ своей жены. И герцогиня и пажъ были приговорены къ отрубленію головы, обвиненные въ прелюбодѣяніи. За нѣсколько дней казни Беатриче продолжала твердить про свою невинность. Народъ былъ пораженъ изумленіемъ, когда въ рукахъ палача увидѣлъ голову всѣми любимой герцогини (1418 г.).

Сотнями такихъ вопіющихъ несправедливостей ознаменовалась военная деспотія Филиппа-Маріи. Произволъ, опиравшійся на наемниковъ, получилъ неограниченный просторъ. Но среди этого произвола въ миланскомъ тиранѣ просвѣчивались иногда великодушие и рыцарство. Онъ былъ снисходителенъ, когда ему ничто не напоминало объ опасности. Къ несчастію, это рѣдко случалось. Ему суждено было всю свою жизнь опасаться покушеній и несчастій. Потому-то, противъ своего желанія, онъ не пріобрѣлъ симпатіи народа и знати. Не будучи тиранъ въ душѣ, онъ сдѣлался бичемъ подданныхъ подъ вліяніемъ обстоятельствъ. Всѣ его помыслы приковывались къ централизаціи Ломбардіи и цѣлости миланскаго герцогства и дѣйствительно онъ достигъ цѣли своихъ желаній, передавъ Франческо Сфорцѣ уже стройное и сильное государство со всѣми атрибутами монархической власти.

Домъ Скала въ Веронѣ.

Таково было развитіе принчипатства въ Миланѣ и подчинившихся ему городахъ, какъ-то: въ Павіи, Комо, Новарѣ, Лоди, Бергамо, Брешіи, Піаченцѣ, Тортонѣ, Александріи, Асти, Кираско, Верчели, Кремѣ, Кремонѣ и др. До перевѣса Милана и эти города имѣли своихъ собственныхъ мелкихъ князей, которые низвергались другъ за другомъ. Вездѣ двѣ или три фамиліи боролись между собою за владычество. Побѣжденныхъ часто сажали въ желѣзныя клѣтки и выставляли передъ народомъ. Весь этотъ разгаръ политическихъ страстей движется двумя словами: вольность и народъ. Безъ сомнѣнія, этотъ девизъ прикрываетъ личныя стремленія патриціевъ и капитановъ. Когда же наступало время торжества князей, то тотъ же народъ видѣлъ себя скованнымъ по рукамъ и ногамъ. Радовались, если послѣ долгихъ мытарствъ, городъ примыкалъ наконецъ къ какому нибудь прочному союзу или къ сильной монархіи.

Домъ Скала.

Послѣ Висконти и Торре самою могущественною фамиліей въ сѣверной Италіи была Скала. На долю этого дома достались Верона съ Падуею и Тревизо. Впрочемъ послѣдній городъ скоро перешелъ къ Венеціанской республикѣ. Веронскій дворъ сдѣлался центромъ итальянской поэзіи XIV вѣка. Скала были просвѣщеннѣйшіе люди. Вспомнимъ, что у нихъ жилъ Данте, изгнанный своими политическими врагами. Петрарка часто и долго живалъ при ихъ дворѣ. Второстепенные поэты тѣснились около первыхъ свѣтилъ. Надо замѣтить, что вообще всѣ принципы предлагали съ охотой убѣжище поэтамъ. Они же, въ XV вѣкѣ, поддержали возрожденіе классической древности.

Послѣ веронскаго двора особенную славу пріобрѣлъ домъ Эсте, утвердившійся въ Феррарѣ и ея окрестностяхъ. Впрочемъ исторія его принадлежитъ болѣе къ концу XV вѣка.

Мантуя подпала сперва князьямъ Бонакорсо, а потомъ упрочилась за Гонзаго, которые приняли, или, лучше сказать, купили отъ жалкаго императора Людвига V званіе намѣстниковъ.

Піемонтъ.

Въ Піемонтѣ возникли два союза городовъ. Однимъ руководили графы савойскіе, другимъ маркизы монферратскіе. Скоро союзы преобразились въ единоличныя монархіи, хотя не принимали большаго участія въ безконечной бурѣ итальянскихъ междоусобій. Потому они и не понесли сильныхъ потрясеній, и не выработали ничего выдающагося. Подвижная личность Амедея VIII (1390—1451 года), такъ рѣзко выражающая собою эпоху,— единственная, которая заслуживаетъ вниманія.

Болонья.

Болонья дольше всѣхъ удержала свою свободу. Одинъ изъ ея капиталистовъ, Бонакорсо предложилъ народу полное уничтоженіе всякаго вида рабства. Но не смотря на такой широкій демократизмъ, этотъ городъ не избѣгнулъ общей исторической судьбы сѣверной Италіи. Университетъ Болонскій, разносившій съ своихъ каѳедръ монархическія теоріи, много способствовалъ паденію народной свободы. Вообще преподаваніе римскаго и каноническаго права въ итальянскихъ университетахъ подвигало успѣхи принципатства. Единство и централизація всегда рекомендовались профессорами. Тѣмъ сильнѣе было вліяніе Болонскаго университета, что въ немъ, въ то время, было до 14 тысячъ слушателей, болѣе всего италь-

янцевъ и нѣмцевъ. Бунтъ студентовъ, вліяніе папскаго легата, происки знатныхъ Пеполи, — все это рѣшило паденіе свободы въ Болоньи. Черезъ нѣкоторое время, послѣ нѣсколькихъ переворотовъ, прежнихъ князей смѣнили Бентиволіо.

Венеція и Генуя.

Венеція и Генуя не принимали участія въ ломбардскихъ революціяхъ. Эти морскія республики удержали прежній характеръ своей внутренней жизни. Только одни торговыя и територіальныя пріобрѣтенія занимали дожей и ихъ совѣты. Въ началѣ XIV вѣка Генуя достигла могущества; она побѣдила Венецію послѣ продолжительной морской войны. Впрочемъ внутренняя исторія этихъ республикъ не можетъ входить въ общій курсъ. Среди этихъ ежедневныхъ революціонныхъ бурь сѣверной и средней Италіи, не прекращавшихся въ городахъ ея впродолженіе цѣлаго вѣка, — политическое и умственное состояніе страны шло къ лучшему. Замѣчательнѣе всего то, что оно росло въ прямомъ отношеніи съ внутренними неурядицами. Разъяснить такой фактъ очень важно. Съ одной стороны громадность народонаселенія и изобиліе экономическихъ выгодъ, а съ другой вмѣшательство и вліяніе наемничества нѣсколько разрѣшаютъ этотъ вопросъ. Преобладаніе милитаризма обусловило замѣтное отсутствіе философскихъ умовъ въ литературной исторіи Италіи того періода. Тогда преимущественно въ Парижѣ стекаются всѣ умственныя силы Европы; между эмигрантами были и итальянскіе ученые. По той же причинѣ, вслѣдствіе постоянныхъ революцій, многіе богатые ломбардскіе купцы покидаютъ полуостровъ, чтобы передать свои капиталы въ болѣе надежныя руки французовъ, нѣмцевъ и англичанъ; съ тѣхъ поръ за Альпами заемные банки стали называть „ломбардами“. При всемъ томъ, такія противоположныя явленія породили однако то благосостояніе Италіи, о которомъ съ искреннимъ удивленіемъ говорятъ всѣ историки.

Авиньонскій періодъ папства, такъ называемое вавилонское 80-лѣтнее плѣненіе не напрасно считается въ исторіи католической Церкви самымъ позорнымъ. Открытый развратъ папы Іоанна XXIII, воровство Бенедикта IX и двусмысленное поведеніе кардиналовъ совершенно подорвали авторитетъ

представителей Церкви. Ничто въ такой степени не содѣйствовало выраженію протеста въ вопросахъ вѣры, какъ безнравственная жизнь Авиньона. Еще Урбанъ V пробовалъ вырваться изъ крѣпкихъ рукъ французскаго правительства, разсчитывая вернуться въ Римъ.

Возвращеніе въ Римъ Григорія XI въ 1376 г.

Это удалось лишь папѣ Григорію XI, который въ 1376 году переселился въ Римъ, прожилъ тамъ два года и умеръ въ Латеранѣ. Потому римляне имѣли важныя побужденія настаивать, чтобы папская резиденція была обратно перенесена въ ихъ городъ. Французскіе короли естественно старались противодѣйствовать этому всѣми силами. Но лишь только скончался Григорій XI, какъ, по настоятельному требованію народа, собравшійся конклавъ долженъ былъ de jure рѣшить незаконность французскаго плѣненія (5 апрѣля 1378 г.).

Урбанъ VI (1378-89 г.).

Тогда въ конклавѣ преобладала партія иностранныхъ кардиналовъ, потому что народъ долженъ былъ употребить насиліе, чтобы достигнуть своей цѣли. Толпы окружили дворецъ; ясно раздавался крикъ, дѣлавшійся болѣе и болѣе назойливымъ: Romano lo vogliamo (хотимъ римлянина). Крикъ этотъ продолжался всю ночь. На слѣдующее утро толпа еще болѣе увеличилась и волненіе народное должно было принять еще большіе размѣры. Кардиналы, заключенные въ конклавѣ, испугались, но потомъ, думая что все дѣло кончится шуточнымъ образомъ, перестали было обращать вниманіе на безпорядки. Однако на слѣдующіе дни они принуждены были иначе отнестись къ народнымъ воплямъ. Разсчитывая удовлетворить болѣе и болѣе раздражавшуюся чернь, они, скорѣе для формы, рѣшили выбрать какого-нибудь римскаго кардинала [1]. Это былъ архіепископъ барійскій Бартоломео Преньяно. Джьанноне, основываясь на Панвиніо, говоритъ, что избранный былъ не римляниномъ, а неаполитанецъ [2]. Тоже подтверждаетъ и Альбертусъ въ своемъ описаніи Италіи [3]. Виллани и нѣкоторые другіе утверждаютъ однако, что онъ родился въ Церковной области, въ замкѣ Итри, слѣдовательно, недалеко отъ Гаэты [4]. Этотъ

(1) Baluzius; I, 1220—30.
(2) Giannone; III, 185.
(3) Albertus. Descriptio totius Italiae. 1567. Col. (160).
(4) G. Villani; I. XII, c. 17.

пограничный пунктъ и послужилъ причиною разногласія. Положительно извѣстно только то, что долгое время Преньяно былъ преданнѣйшимъ слугою Авиньона, велъ дурную жизнь и не пользовался никакою популярностью въ Римѣ. Конклавъ наименовалъ его Урбаномъ VI. Народъ не могъ остаться довольнымъ такимъ избраніемъ. Происки другихъ претендентовъ, честолюбіе которыхъ перевѣшивало ихъ французскія привязанности, еще болѣе возбуждали оппозицію. Когда волненіе народа сдѣлалось до того грознымъ, что не шутя потревожило спокойствіе избирателей, то кардиналъ di San Pietro высунулся въ окно и сталъ уговаривать мятежную толпу. Народъ скорѣе всего желалъ видѣть своимъ владыкою этого кардинала, и потому теперь радостнымъ возгласомъ привѣтствовалъ его появленіе. Раздалось: „viva, viva S. Pietro!“ Онъ захлопнулъ окно и скрылся. Но въ ту же минуту ворота дворца рушились подъ ударами молотовъ и вооруженные люди ворвались въ залу конклава. Кардиналы бросились бѣжать; иные скрылись въ замкѣ Санъ-Анджело. Тогда же начался грабежъ въ городѣ; обирали и истребляли имущества французскихъ приверженцевъ; не щадили ничего, что только намекало о ненавистномъ Авиньонѣ. Двѣнадцать кардиналовъ уже на другой день исчезли изъ Рима; они бѣжали во Францію, чтобы тамъ провозгласить своего папу. Между тѣмъ въ конклавѣ происходили другія сцены; чернь схватила своего любимца, такъ не во время показавшагося въ окно, облекла его въ первосвященническія одежды и повлекла короновать. Съ трудомъ старикъ вырвался изъ навязчивыхъ рукъ; онъ старался вразумить, что между имъ и настоящимъ папою нѣтъ ничего общаго, что онъ не папа, и никогда не хочетъ быть папою. Едва Урбанъ VI могъ возстановить порядокъ. Бывшій развратникъ, первый буянъ, теперь твердою рукою захватилъ тіару. Онъ проклялъ бѣжавшихъ кардиналовъ и публично объявилъ, что только онъ одинъ законный папа, что прочіе, которые имѣютъ быть выбранными, — самозванцы.

Еще грознѣе разразился Урбанъ, когда узналъ, что въ Авиньонѣ дѣйствительно избранъ папа. Раскольническою тіарою облачили человѣка, слѣпо преданнаго французскимъ интересамъ, хотя родомъ нѣмецкаго барона, — Климента VII (21 сентября 1378 г.). Съ этой минуты началось раздѣленіе западной Церкви. Въ Римѣ послѣдовательно выбираютъ итальянцевъ, въ Авиньонѣ французовъ и нѣмцевъ. Такъ

будетъ продолжаться до 1418 года, когда Костницкій соборъ разрѣшитъ общее недоумѣніе, низложивъ Мартина V. Итальянскіе писатели большею частію признавали и признаютъ юридическую законность за преемниками Урбана VI. Однако не всѣ европейскіе государи раздѣляли тогда подобныя убѣжденія. Многіе обратились къ Авиньону, причиною чего была самая личность Урбана VI. Это былъ упрямый, гордый и въ высшей степени щепетильный человѣкъ. Къ нему никто не чувствовалъ ни малѣйшей симпатіи.

Двоевластіе въ католицизмѣ (1378-1417 г.).

Тѣмъ не менѣе Неаполь, Пиринейскія государства, Франція, Шотландія, Савойя держались Авиньона. Германія, Англія, Чехія, Венгрія, Польша, Пруссія, Данія, Скандинавскія государства, большая часть Тосканы и вся Ломбардія признавали Урбана и его преемника, способнаго и энергичнаго первосвященника. Такимъ образомъ вмѣсто одной Римской куріи явилось два папскихъ двора и двѣ папскихъ резиденціи. Всѣ желали примиренія и единенія престола, всѣ сознавали пагубу и дурныя стороны такого натянутаго положенія, но никто не принималъ рѣшительныхъ мѣръ къ искорененію зла, охватившаго своимъ вліяніемъ весь католическій міръ. Даже французскіе короли были противъ разъединенія, но они сами не могли заставить авиньонскихъ первосвященниковъ отказаться отъ власти и уступить Риму законное первенство. Лучшимъ способомъ было въ одно время заставитъ отказаться отъ своихъ престоловъ обоихъ представителей одной и той же власти. Только тогда могло быть примиреніе и только тогда явно не оскорблялось самолюбіе.

Когда въ Авиньонѣ умеръ Климентъ VII (1394 г.), то стало положительно извѣстно, что король французскій Карлъ VI приказывалъ кардиналамъ прекратить авиньонскія избранія. Французы уже сами были не рады, что допустили двоевластіе въ католицизмѣ; они сознавали, что время прекратить зло. Настоянія Франціи поддерживала Аррагонія; имъ убѣдительно вторили: Парижскій университетъ, майнцскій и кельнскій архіепископъ и, конечно, римскій папа Бонифацій IX.

Однако прямые интересы французскихъ кардиналовъ звучали не въ тонъ такимъ настояніямъ. Имъ необходимо было имѣть своего папу. Они составили конклавъ и на двѣнадцатый день провозгласили своимъ владыкою Бенедикта XIII, родомъ нѣмца. Нельзя согласиться съ Сисмонди, будто это

былъ человѣкъ кроткаго характера, болѣе нежели кто нибудь способный къ примиренію церковному. Никогда бы онъ добровольно не отказался отъ власти, если бы даже того потребовали интересы католицизма. Онъ оказалъ рѣшительное сопротивленіе всякому единенію; этотъ поступокъ былъ тѣмъ болѣе неумѣстенъ, что король съ своей стороны продолжалъ дѣятельно работать на пользу единенія. Указами онъ два раза сзывалъ мѣстные соборы въ Парижѣ (въ 1395 и 1398 гг.). Было рѣшено, чтобы оба первосвященника сложили съ себя въ одно и тоже время свою власть. Бенедиктъ XIII въ началѣ положительно отказался. Это раздражало французскаго короля. Онъ послалъ войско съ цѣлью заставить папу повиноваться своимъ приказаніямъ. Французскій маршалъ Бусико, впослѣдствіи намѣстникъ Генуи, осадилъ его въ Авиньонѣ и взялъ въ плѣнъ. Тогда Бенедиктъ объявилъ, что онъ ждетъ лишь отказа своего соперника. Между тѣмъ изъ Германіи и Италіи получались вѣсти, что тамъ ждутъ только отреченія Бенедикта. Это была хитрая уловка съ той и другой стороны.

Надо отдать честь французамъ въ этомъ дѣлѣ; они дѣйствовали въ высшей степени тактично. Они не только что лишили власти своего папу, но все время держали Бенедикта плѣнникомъ въ авиньонскомъ дворцѣ. Вынужденный силою, онъ послалъ въ Римъ четырехъ депутатовъ, но не для переговоровъ объ условіяхъ обоюднаго сложенія тіары, а съ неожиданнымъ предложеніемъ церковной реформы. Бенедиктъ просилъ Бонифація IX указать мѣсто, гдѣ бы могли съѣхаться оба первосвященника и ихъ свита для разсужденія о дѣлахъ церковныхъ и о мѣрахъ къ ихъ улучшенію. Предложеніе было, конечно, неискреннее. Въ прямыхъ интересахъ схизмы было добиваться возможной проволочки времени. Но прежде нежели авиньонскіе кардиналы могли получить аудіенцію, они узнали, что Бонифацій IX скончался. Надо было ждать избранія новаго папы; послы оставались въ нерѣшительности; ихъ отуманивала сладкая надежда, что, можетъ быть, сама судьба станетъ покровительствовать имъ и что, вслѣдствіе какой-либо случайности, римскій конклавъ не состоится.

Въ этой мысли поддерживали ихъ тѣ безпорядки, которые начались въ Римѣ на другой день кончины папы. Бонифацій IX въ продолженіе 15 лѣтъ держалъ въ страхѣ и римскую знать и чернь. Прежде столь сильные, столь могу-

щественные, бароны потеряли при немъ всякое значеніе. Колонна не смѣли возвышать свой голосъ. Теперь же со всею силою вырвались наружу всѣ политическія страсти, которыя такъ долго были сдавлены его тяжелою рукою. Бонифацій не обращалъ вниманія на имперію, а весь отдавался внутреннимъ дѣламъ Рима, своему церковному призванію. Какъ только узнали, что папы уже нѣтъ на свѣтѣ, то Колонна первые призвали народъ къ возстанію. Появились баррикады. На улицахъ кричали: „viva libertà". Начались вооруженныя схватки черни съ наемниками бароновъ. Неаполитанскія войска, въ то время занимавшія городъ, еще болѣе содѣйствовали безпорядкамъ. Испуганные римскіе кардиналы торопились собраться въ конклавъ, чтобы скорымъ избраніемъ положить конецъ волненіямъ. Предъ засѣданіемъ всѣ избиратели поклялись, что будущій папа долженъ будетъ содѣйствовать всѣми силами единенію Церкви и, если потребуютъ обстоятельства, откажется даже отъ тіары. Выборъ палъ на стараго болонскаго кардинала: его провозгласили подъ именемъ Иннокентія VII. Новый папа, человѣкъ мягкій и съ тактомъ, подтвердилъ съ своей стороны клятву кардиналовъ. Онъ заключилъ также условіе съ народными уполномоченными, которые требовали уступки Капитолія въ непосредственное владѣніе цеховъ, право избранія трехъ кандидатовъ на сенаторскую должность и признанія демократическаго совѣта „dieci della libertà" во главѣ народнаго правительства. Папа согласился на все, такъ какъ ему надо было успокоить свое маленькое государство внутри, чтобы имѣть возможность бороться съ королемъ Владиславомъ, который не оставлялъ своихъ претензій на обладаніе Римомъ.

Здѣсь мы должны вернуться нѣсколько назадъ, чтобы ознакомиться съ историческими судьбами неаполитанскаго королевства, имѣвшаго вліяніе на ходъ средневѣковой политической исторіи.

Неаполитанская монархія.

Въ средневѣковой Италіи уживались самыя разнообразныя государственныя формы. Рядомъ съ типичными республиканскими общинами развились монархіи, построенныя на разнородныхъ началахъ: то римская, — изъ оригинальнаго сплетенія теократическихъ и политическихъ элементовъ; то миланская, созданная военнымъ деспотизмомъ; наконецъ, неаполитанская, выросшая по всѣмъ условіямъ феодальнаго государства. Довольно обширное королевство обѣихъ Сицилій

жило долгое время жизнью довольно изолированною; оно оставалось чуждымъ тому юношескому стремленію, съ которымъ остальная часть полуострова вступала въ роскошный періодъ общинъ. Энергичные и умные нормандцы употребили это время на внутреннюю организацію своего королевства ([1]).

([1]) Очерки неаполитанской исторіи XIV вѣка основываются главнымъ образомъ на лѣтописяхъ, помѣщенныхъ у Muratori, какъ напр. Giornali napolitani, dall anno 1266 sino al 1478 (scriptores rer. ital. t. XXI, p. 1029—1138); Istoria napolitana de Raimo, Fransoni e Lancelloti dall' 1197—1486 (XXIII, 219—240), и въ большомъ собраніи Raccolta napolitana (varie chroniche alla storia del Regno di Napoli, 5 vls. in 4, Nap. 1780—82), а также на мемуарахъ Laurentii Bonincontrii, annales Miniatensis ad 1360—1458 (Muratori; XXI, 1—162), Leonardi Aretini, rerum suo tempore in Italia gestarum commentarius ab 1478—1440 (id. XIX, 911—942) и на иныхъ болѣе спеціальныхъ источникахъ, какъ напр. для времени Владислава, на біографіяхъ важнѣйшихъ кондотьеровъ.—Leodrisius Cribellus (de vita, rebusque gestis Sfortiae ab anno 1369 usque ad 1424, изд. Murat. XIX), Campanus (vita Bracchii Perusini, ibidem), а также на замѣткахъ другихъ лѣтописей. Значительнаго вниманія заслуживаютъ старыя, очень солидныя работы по неаполитанской исторіи; изданія ихъ теперь сдѣлались рѣдкостями. Сюда принадлежатъ по порядку времени: Pandolfo Collenuccio da Pesaro (Compendio dell' istoria del regno di Napoli. Ven. 1613), Angelo di Costanzo (hist. del regno di Napoli. Aquil. 1581), G. A. Summonte (hist. della città e regno di Napoli. N. 1675, 4 v., 3 ed.) и особенно P. Giannone (Istoria civile del regno di Napoli, edizione accresciuta di note chritiche, riflessioni e moltissime correzioni, 4 v. 1766, Ven. 4 ed.). Очень полезны также: миланецъ Corio (L' historia di Milano, Pad. 1646), неаполитанецъ Ammirato (Dell' istorie fiorentine libri 20, Fir. 1700) и мантуанецъ Scipione Agnello Maffei (Gli annali di Mantova, Tort. 1675). Изъ позднѣйшихъ трудовъ нѣмецкія сочиненія: поверхностное Herrmann'а (1829), и болѣе основательное Seybert (1862). Изъ общихъ итальянскихъ исторій мы пользовались: Muratori (Annali, 1753). Denina (Rivoluzioni, 1769), Le Bret (1778), Bossi (1819), Sismondi (1825), Leo (1826), La-Farina (1846), Cantu (trad. par. Lacombe, 1860). Прочія, общія и спеціальныя сочиненія указываются въ своемъ мѣстѣ. Для исторіи первыхъ анжуйцевъ въ спеціальныхъ работахъ слѣдуетъ пользоваться дипломатическимъ и юридическимъ сборникомъ, который издается съ начала семидесятыхъ годовъ. — Почти весь этотъ очеркъ неаполитанской исторіи представляетъ обширное извлеченіе изъ разсказовъ автора по итальянской исторіи (Неаполит. государи въ XIV вѣкѣ. Каз. 1873).

Анжуйцы.

Династія, обладавшая неаполитанскимъ королевствомъ— но уже безъ острова Сициліи—во все продолженіе XIV вѣка, была анжуйская (1265—1442 г.), основанная братомъ Луи IX Святаго, герцогомъ Карломъ, который долго занималъ наше вниманіе (II, 399—410). Она не породила изъ себя таких мiровыхъ представителей, какъ Фридрихъ II; она уже не застала разгара папско-императорской борьбы. Правда, въ нѣкоторомъ смыслѣ ей самой пришлось продолжать дѣло гогенштауфеновъ и поддерживать оппозицію Риму; но эта вражда далеко лишена прежняго величія; она чисто матеріальная, да и соперники находились теперь въ другихъ условіяхъ. Четырнадцатый вѣкъ былъ въ Европѣ началомъ постепеннаго разложенія средневѣковыхъ формъ; монархическая идея готовилась облечься во всеоружіе. Короли неаполитанскіе, подобно своимъ французскимъ родственникамъ, но только раньше послѣднихъ, стремились къ расширенію своей территоріи. Смѣлѣйшіе изъ нихъ мечтали сдѣлаться властителями цѣлой Италія.

Карлъ II (1285-1309 г.).

Два важныхъ событія для неаполитанской исторіи XIV вѣка совершились при сынѣ основателя анжуйской династіи, Карлѣ II Хромомъ, безцвѣтная личность котораго лишена индивидуальнаго значенія. Событія эти не зависѣли отъ его инціативы. Это были: вступленіе анжуйской династіи на венгерскій престолъ (въ 1290 году) въ лицѣ его старшаго сына Карла Мартелла, и т. н. вавилонское плѣненіе папъ. Марія, жена Карла II, была дочерью венгерскаго короля Стефана,— а съ ея братомъ, бездѣтнымъ Владиславомъ, послѣднимъ королемъ арпадской династіи, упразднился венгерскій престолъ. Оставаясь безъ государя, магнаты предлагали свою корону даже самому Карлу; но онъ былъ совершенно чуждъ честолюбія, какъ бы въ контрастъ своему отцу. Его дѣятельность цѣликомъ уходила на внутреннія или скорѣе богоугодныя дѣла. Плѣнъ у аррагонцевъ, гдѣ онъ пробылъ даже еще четыре года послѣ смерти отца, вѣчныя неудачи сицилійской войны отбили въ немъ охоту ко всякаго рода обширнымъ планамъ. За то, заключившись въ болѣе узкіе предѣлы, онъ сохранилъ память свою въ нравственномъ отношеніи чуждою всякаго упрека (come Re lealissimo e di somma bontà, по словамъ Джьанноне). Его попеченія объ университетѣ столицы, о торговлѣ страны, о закрѣпленіи монархическихъ порядковъ, все это достойное продолженіе дѣла императора Фридриха, конеч-

но, имѣютъ большое значеніе. Покинутый папами Римъ, открывалъ своему наслѣднику, а съ нимъ и всей династіи, блистательное будущее, но повергалъ вслѣдъ за тѣмъ страну въ долгія войны.

Робертъ (1309-43 г.). Его сынъ Робертъ долженъ былъ замѣшаться въ круговоротъ наступавшихъ событій; возобновлялись претензіи германскихъ императоровъ на Италію. Робертъ долженъ былъ явиться ихъ противникомъ, вождемъ гвельфовъ и слѣдовательно оберегателемъ все еще свободнаго отъ папъ Рима.

Личность Роберта перешла въ исторію съ эпитетомъ Мудраго (il Savio), за восторженное сочувствіе къ наукѣ, за гуманность характера и болѣе всего за водвореніе правосудія въ странѣ. Не было еще тогда монархической страны, которая бы управлялась съ такимъ благоразуміемъ. Это подтверждаютъ новые порядки, введенные Робертомъ въ видахъ лучшаго устройства трибуналовъ и магистратовъ. Въ судьи онъ выбиралъ людей выдающейся учености, а главное — безупречной репутаціи. Для дѣлъ церковныхъ Робертъ издалъ особыя Regole della Cancelleria, въ которыхъ были указаны новые способы для сбора римской десятины. Ею завѣдывали особо назначенные папскіе повѣренные, такъ называемые collettori apostolici, подчиненные главнымъ намѣстникамъ папы въ неаполитанскомъ королевствѣ, пользовавшимся огромнымъ значеніемъ и вліяніемъ, а именно—нунціямъ. Главнымъ образомъ Робертъ заботился о внутреннемъ спокойствіи государства, или, какъ выражается историкъ „наблюдалъ, чтобы вѣчный миръ царилъ въ народѣ“ (1). Король сдерживалъ недовольныхъ, наказывая возмутителей общественнаго спокойствія. Онъ укротилъ также произволъ духовныхъ феодаловъ, которые безпощадно давили своихъ вассаловъ.

Какъ видимъ, Робертъ дѣйствовалъ въ духѣ новыхъ монархическихъ идей. Однако результаты не выкупали его неразборчивыхъ мѣръ. Передъ смертью онъ имѣлъ несчастіе видѣть, какъ снова поднялись только что униженные имъ бароны; съ послѣдними силами онъ предписываетъ дѣйствовать оружіемъ. Вслѣдствіе этого губернаторамъ провинцій (giustizieri) было указано хватать виновныхъ, но послѣдніе или разбѣгались по разнымъ мѣстамъ, такъ что команды не могли изловить ихъ, или же спокойно проживали въ крѣп-

(1) Giannone; III, 135.

кихъ замкахъ недовольныхъ бароновъ. Вообще военныя предпріятія не удавались Роберту; его сферою была гражданская дѣятельность. Между тѣмъ положеніе дѣлъ не позволяло ему класть оружія. Онъ долженъ успѣвать вездѣ,—драться съ двумя императорами, драться съ двумя королями: аррагонскимъ и сицилійскимъ, драться съ итальянскими городами изъ за интересовъ гвельфовъ, которые поручили ему охранять авиньонскіе папы, теперь безгласные въ дѣлахъ полуострова. Робертъ былъ очень плохой военачальникъ и на сушѣ и на морѣ, гдѣ всегда природа была противъ него. У береговъ Сициліи буря разбиваетъ его лучшую надежду, большую флотилію изъ 78 большихъ галеръ, 30 транспортныхъ судовъ, 30 лодокъ и 160 другихъ мелкихъ судовъ. У него оставалось еще 42 тысячи воиновъ, но сухопутныя силы такъ же гибнутъ какъ и морскія. Король, не теряясь, создаетъ снова такую же армію. Наемничество, это безконечное предложеніе военнаго товара, тогда только что организовалось къ услугамъ общинъ и государей. Робертъ тратилъ на войска то, что получалъ отъ гражданскаго преуспѣянія королевства. Въ послѣднемъ отношеніи труды его были полезнѣе и несравненно производительнѣе. Онъ одинъ много поднялъ и науку, и литературу, и искусства своего вѣка. Около него, какъ около центра, группировалась вся мыслящая Италія эпохи. Онъ не жалѣлъ денегъ для приглашенія лучшихъ ученыхъ въ неаполитанскій университетъ. Иногда онъ самъ являлся въ аудиторіяхъ и слушалъ тамъ лекціи. Можно совершенно непреувеличенно сказать, что Робертъ благоговѣлъ передъ поэзіей и наукою (1). Извѣстны его любимыя слова: „лучше хочу знать науки безъ діадемы, нежели носить діадему безъ наукъ". Особенно Петрарка пользовался его подобострастнымъ уваженіемъ. Когда поэта короновали въ Капитоліи, то Робертъ, уже престарѣлый, высказывалъ искреннее сожалѣніе, что не можетъ собственноручно возложить вѣнецъ на голову поэта.

(1) Памятникомъ чистоты своихъ нравственныхъ убѣжденій, Робертъ оставилъ между прочимъ трактатъ, составленный имъ подъ конецъ жизни. Стихи довольно плохіе, потому издатель Убальдини замѣчаетъ о нихъ, — «cimentò le forze del suo ingegno nella vecchiaja applicandosi a rimare». Трактатъ, изданный въ Римѣ въ 1842 году, называется: «Il trattato delle virtù morali di Roberto Re di Gerusalemme, ed. di conte Federico Ubaldini». Къ этой же рѣдкой книгѣ присоединено нѣсколько сонетовъ Петрарки, «Tesoretto» Брунетто Латини и 4 канцоны Боники Сіенскаго.

Петрарка съ своей стороны отплатилъ глубокою признательностью королю, оставляя потомству слѣдующую, очень вѣрную, характеристику своего друга:

„Ученый король былъ всегда съ книгою въ рукахъ; днемъ или ночью, во время отдыха или прогулки, среди дѣлъ мира или войны, онъ не измѣнялъ ей. Робертъ заботился о даровитыхъ личностяхъ, со всей щедростью награждая геніевъ своего вѣка (хотя, надо прибавить, мало оказывалось поводовъ къ такой щедрости). Онъ согласенъ не только благосклонно и терпѣливо прослушивать все, что ему читалось, но ищетъ случая одобрить, наградить авторовъ. Такъ онъ поступалъ до послѣдней минуты. Уже старикъ, король-философъ, не стыдился учиться и дѣлиться съ другими своими познаніями. Онъ постоянно твердилъ, что человѣкъ дѣлается мудрымъ только благодаря наукѣ,—уча и учась. Даже тѣ, которые изъ ненависти злословили его, стараясь уменьшить его заслуги, не могли отказать ему въ учености. Искусный въ богословіи, философіи, медицинѣ, краснорѣчіи, онъ не занимался развѣ только одною поэзіею“ (1).

При всѣхъ этихъ качествахъ внутри государства онъ не всегда могъ сладить съ феодалами и народомъ. Онъ былъ слабымъ администраторомъ и репутація мудрости создана была въ сущности благодарными апологетами; за ними она повторялась согласнымъ хоромъ итальянскихъ историковъ XVII и XVIII вѣка и перешла отчасти и въ изслѣдованія новыхъ историковъ Италіи, кромѣ Канту. Между тѣмъ исторія похода Генриха VII, гдѣ король остается какъ бы въ тѣни, обнаруживаетъ въ немъ недостатокъ смѣлости, распорядительности и отсутствіе воинскихъ качествъ. Честный и ученый человѣкъ, онъ былъ поставленъ судьбою не на своемъ мѣстѣ (2).

На такого гуманнаго, мягкаго человѣка, какимъ былъ Робертъ, должна была сильно подѣйствовать смерть единствен-

(1) Petrarca. Rerum memorabilium, l. 1, c. 1.

(2) Сердечный отзывъ Giannone вытекаетъ изъ того хвалебнаго ореола, которымъ окружили Роберта: Giov. Villani въ своей знаменитой исторіи (Mur. XIII, l. 11, 12), Petrarca (rerum memorabilium, l. 1, 4), и Boccacio (Genealogia deorum etc. l. XIV, c. 9, 22; l. XV, 13). Сужденія итальянцевъ почти буквально сходны, нпр. Maffei (Gli annali di Mantova. l. IX, c. 6): «essendo Roberto Principe Savio, e di grand' esperienza in pace e in guerra (p. 656)» и пр. Изъ новыхъ—Bossi относится довольно вѣрно (XV, 722); Cantu же видитъ на этотъ разъ одни недостатки (VI, 50).

наго, нѣжно любимаго сына, уже подававшаго большіе задатки политическаго искусства. Герцогъ калабрійскій всегда былъ вѣрнымъ помощникомъ своего отца; какъ соправитель, онъ носилъ титулъ королевскаго намѣстника (vicario). Заливаясь слезами, говорилъ старикъ, пораженный въ самое сердце: „корона упала съ головы моей (caduta è la corona del capo nostro)" ([1]).

Бракъ Іоанны съ Андреемъ венгерскимъ.

Теперь все свое вниманіе, всю любовь онъ обратилъ на внучку Джіованну, которая во многомъ напоминала ему сына. Эта внучка была знаменита впослѣдствіи, какъ королева Іоанна I ([2]). Еще семи лѣтъ, въ 1333 году дѣдъ обручилъ ее съ Андреемъ, младшимъ сыномъ Кароберта, внукомъ Карла Мартелла, короля венгерскаго (II, 745). Можетъ быть онъ думалъ этимъ предохранить Неаполь отъ вооруженнаго водворенія арпадской династіи, которая не совсѣмъ-то благосклонно смотрѣла на южную Италію. Съ своей стороны Карobертъ былъ радъ этому браку. Онъ самъ пріѣзжалъ въ Неаполь, гдѣ самымъ родственнымъ образомъ былъ принятъ дядею Робертомъ. Тотчасъ же послѣ обрученія, Андрей, еще мальчикъ, получилъ титулъ герцога калабрійскаго. Отецъ снабдилъ его достаточнымъ количествомъ венгерцевъ и, поручивъ главную опеку суровому монаху „fra Roberto", уѣхалъ. Андрей росъ подъ вліяніемъ своихъ приближенныхъ и выросъ чистымъ азіятцемъ. Безпрекословно повиновался онъ злому и угрюмому монаху, который грозилъ впослѣдствіи сдѣлаться бичемъ цѣлаго королевства ([3]). Джіованна двѣнадцати лѣтъ была рѣдкая красавица; она отличалась прекрасными качествами ума и сердца. Дѣвическая красота ея въ пору зрѣлости приняла величественное выраженіе, не безъ

([1]) Giannone; III, 132 и др.

([2]) Carlo, duca di Calabrio, такъ во многомъ похожій на своего отца, былъ женатъ два раза. Бракъ съ Екатериною, австрійскою принцессою, былъ бездѣтенъ. Тогда Карлъ женился на Маріи Валуа. Отъ нея онъ имѣлъ трехъ дочерей: Джіованну (будущую королеву), Марію, которая вскорѣ умерла, и еще Марію, уже родившуюся послѣ смерти отца. Послѣдняя вышла за Карла Дураццо.

([3]) Личность fra Roberto обрисовалъ Costanzo въ 6 книгѣ своей исторіи самыми мрачными красками,—«un animale otrendo, co' piedi scalzi, col' cabo scoperto. Torto di persona, marcio di tempo, grossi di fianchi, co' panni logori estracciati» etc. повторяетъ за нимъ Maffei (l. X).

явнаго отпечатка мужской энергіи. Ея умъ, гибкій и тонкій въ дѣтствѣ, высказался послѣ въ счастливомъ тактѣ и въ замѣчательной правительственной способности. Обширнымъ образованіемъ, подъ руководствомъ дѣда, она превосходила всѣхъ своихъ соотечественницъ. Понятно, что такая женщина не могла сочувствовать дикому и бездарному человѣку, какимъ былъ ея венгерскій супругъ, не перенявшій ничего итальянскаго. Равнодушіе къ нему, скоро превратившееся въ ненависть, поселилось въ ея сердцѣ еще съ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ. Въ политическомъ бракѣ нисколько не участвовали ея личныя привязанности (¹).

Іоанна I (1343-82 г.). Предсмертное распоряженіе Роберта дѣлало наслѣдницею Іоанну, а Андрею не давало ничего кромѣ номинальнаго титула соправителя и супруга королевы, которая должна была вступить на престолъ тотчасъ послѣ его смерти. Въ помощь себѣ Іоанна тогда же пригласила совѣтъ изъ преданныхъ людей, нисколько однако не ограничивавшій ея власть (tutto dipendente da lei).

При всемъ томъ, первые годы правленія Іоанны, этой итальянской Маріи Стюартъ, какъ ее часто называютъ, прошли очень несчастливо. Надо предполагать, что безпорядокъ былъ страшный, потому что онъ кидался въ глаза даже по-

---

(¹) (Guijot), Histoire des Jeannes, reines de Naples (Par. 1700); 22.— См. также отзывъ юриста Angelo da Perugia у Giannone (III. 194).— Самъ Giannone отзывается такъ объ Іоаннѣ I: «più savia Regina, che sedesse mai in sede Reale» (ibid.). Если бы такое замѣчаніе было и преувеличено, тѣмъ не менѣе оно имѣетъ свое значеніе, и далеко не оправдываетъ тѣхъ голословныхъ обвиненій, которыми осыпаютъ королеву. Относительно главнаго изъ нихъ, обвиненія въ убійствѣ,— вопросъ, послѣ защиты Costanzo (l. 6) и увѣреній G. Villani (l. 12), не можетъ рѣшаться противъ нея. Взглядъ послѣдняго на Іоанну также долженъ быть принятъ въ соображеніе, а онъ считаетъ ее достойною наслѣдницею дѣда Роберта, «не только по престолу, но и по духу», признаетъ ея правительственное искусство, государственный умъ (si grave in tutte l'operationi). Іоанна I, только одна изъ всѣхъ анжуйцевъ, имѣетъ спеціальную литературу. Таковы монографіи объ Іоаннѣ I: —Mignot (1764), Sille (на англ.- нѣм. пер. 1830 г.), Crivelli (1832), всѣ безъ ученыхъ достоинствъ; послѣдняя для обѣихъ королевъ Іоаннъ; на нѣм. Rotteck (Sammlung kl. Schr. 1829. B. I) и статья Röse (Ersch und Gruber, Th. II, B. XXI).

слѣ безпокойнаго времени Роберта. Джьанноне замѣчаетъ, что это былъ контрастъ дня и ночи (chè tra il dì e la notte). Тѣснили всѣхъ совѣтниковъ покойнаго государя, вдова котораго должна была удалиться въ монастырь и тамъ кончить дни въ аскетическихъ подвигахъ благочестія. Причиною всего этого было вмѣшательство венгерской партіи въ дѣла правленія; полудикіе воины венгерскіе, товарищи Андрея, буйствовали при дворѣ, и свирѣпствовали по всему королевству. Наконецъ, fra Roberto, поддерживаемый мужемъ королевы, окончательно захватилъ полную власть въ свои руки, вездѣ разсадивъ своихъ giustizieri (губернаторовъ). Мрачный монахъ своею ужасною жестокостью сдѣлался бичемъ народа. Его уста ежедневно произносили смертные приговоры; эшафоты воздвигались по провинціямъ. Своею суровостью и безпощаднымъ образомъ дѣйствій онъ удалилъ королеву на второй планъ, сдѣлавъ Андрея полновластнымъ государемъ. У венгерской партіи была сильная поддержка изъ родины, гдѣ царствовалъ теперь старшій братъ Андрея, суровый Людовикъ, прозванный послѣ Великимъ. По свидѣтельству венгерскаго историка Бонфинія, Людовикъ отправилъ въ Авиньонъ торжественное посольство, которое имѣло сообщить папѣ, что Андрей, король неаполитанскій, имѣетъ право на этотъ титулъ, не какъ мужъ Іоанны, а какъ первородный правнукъ Карла II Хромаго. Но папа врядъ ли былъ расположенъ подтвердить своею верховною санкціею подобное предложеніе. Пока венгерскіе послы искали аудіенціи въ Авиньонѣ, въ Неаполѣ папскій легатъ уже совершилъ обрядъ коронованія и отъ имени его святѣйшества далъ Іоаннѣ I инвеституру на королевство неаполитанское, какъ на ленъ Церкви. Въ соборѣ Santa-Chiara всѣ чины принесли ей присягу, какъ законной государынѣ (30 августа 1344 года). Но въ то время, когда папа по поводу этой коронаціи объяснялся съ послами венгерскими и выслушивалъ ихъ гордый протестъ,— изъ Неаполя была получена роковая новость объ умерщвленіи Андрея....

Убійство Андрея въ 1345 г.

Не всѣ историки рѣшаются обвинять Іоанну I въ смерти ея мужа. Можетъ быть она вовсе не желала его гибели и не знала о заговорѣ, который главнымъ образомъ руководили бароны и принцы крови, а послѣднихъ было не

мало при неаполитанскомъ дворѣ [1]. Всѣ опасались, чтобы папа какъ нибудь не согласился на коронацію Андрея: тогда бы окончательно пострадали патріоты. Уже и теперь fra Roberto разогналъ принцевъ, придворныхъ и старыхъ чиновниковъ; всѣ лучшія мѣста были замѣщены венгерцами. Въ страхѣ бѣжали отъ двора родственники запуганной королевы, а дворяне старались пріютиться гдѣ нибудь дальше въ своихъ помѣстьяхъ. Венгерскіе правители нисколько не стѣснялись съ народомъ, съ которымъ не имѣли ничего общаго; началась тиранія чужеземцевъ. При такихъ обстоятельствахъ прочіе вліятельные люди были очень рады, что нѣсколько рѣшительныхъ головъ изъ средняго класса составили заговоръ съ цѣлью убить Андрея и тѣмъ свергнуть тиранію. Всѣхъ заговорщиковъ было 12 человѣкъ. Положительно извѣстно, что бароны сулили имъ большія награды въ случаѣ удачи. Нанести ударъ вызвались четверо изъ нихъ; судя по именамъ, они не были итальянцы (Карлъ Артуръ, сынъ его Бертранъ, Конрадъ Катанлано, Конрадъ Унфредъ). Они счастливо избавились послѣ отъ казни и спаслись бѣгствомъ, между тѣмъ, какъ тѣ пятеро, которые играли во всемъ дѣлѣ едва ли не меньшую роль, были принесены въ жертву правосудія. Андрея не хотѣли убивать въ столицѣ, опасаясь безпорядковъ, которые могли произойти въ городѣ, наполненномъ въ то время венгерскими пришельцами. Случилось, что король и королева съ небольшою свитою поѣхали въ Аверсо. Они остановились въ городскомъ замкѣ (17 сентября 1345 года). Уже была глубокая ночь, когда Андрея вызвали изъ

(1) Напримѣръ Giannone, всегда такъ правдивый, ни слова не говоритъ объ участіи самой королевы въ заговорѣ; онъ во всемъ обвиняетъ Карла Дураццо, дядю будущаго короля Карла III. «Alcuni baroni che desideravano, impedirla (подразумѣвается: отвратить коронацію Андрея), stimolati anche da Reali, che vi dissentivano, e sopra tutti da Carlo, duca di Durazzo, stante ancora la dappocaggine d'Andrea, e l'insolenza degli Ungari diedero la spinta a coloro, che aveno congiurato d'ucciderlo, d'accelerar la sua morte (III, 170)», etc. Если тотъ же историкъ, въ другомъ мѣстѣ относится съ оттѣнкомъ подозрѣнія къ Іоаннѣ I: «Re Ludovico, persuaso già, che ella fosse consapevole, e partecipe della morte d'Andrea» (III. 172),—то это подозрѣніе видимо объясняется неловкостью фразы; авторъ подразумѣваетъ: «убѣжденный по навѣтамъ другихъ». Срав. по этому вопросу новыхъ изслѣдователей напр. Bossi (XV, 728) и La-Farina (VII, 36).

спальни королевы будто за важнымъ дѣломъ; доложили, что пріѣхалъ гонецъ отъ fra Roberto. Андрей, ничего не подозрѣвая, всталъ, одѣлся на скоро, и вышелъ въ сосѣднюю комнату. Было совершенно темно. Не сдѣлалъ онъ трехъ шаговъ, какъ вдругъ почувствовалъ, что его шею обвиваетъ что-то крѣпкое; петля плотно задавила короля. Убійцы выкинули трупъ за окно и удалились, никѣмъ не замѣченные (¹). Неизвѣстно что было съ королевой: ждала ли она супруга или нѣтъ? Обстоятельства дѣла не даютъ основательныхъ доказательствъ на столько, чтобы подозрѣвать ее въ соучастіи. На слѣдующее утро, когда цѣлый городъ былъ въ страшной тревогѣ и не вѣрилъ своему внезапному, неожиданному счастію, можетъ быть и королева одинаково изумилась, испугалась и въ тоже время обрадовалась. Она почувствовала себя на свободѣ....

Тотчасъ же страна приняла другой видъ. Итальянская партія получила полное преобладаніе и при дворѣ и въ администраціи. Венгерцы бѣжали, но съ полною увѣренностью, что король Людовикъ заступится за нихъ, что онъ не оставитъ безнаказанною смерть своего брата.

Дѣйствительно, торжество итальянской партіи было самое непродолжительное; ей едва ли пришлось попользоваться плодами своей побѣды. Со всѣхъ концовъ Европы посыпались обвиненія на королеву. Вездѣ увѣряли, что она знала о замыслѣ и если не руководила имъ, то согласилась на его исполненіе. Людовикъ венгерскій объявилъ, что будетъ оружіемъ мстить за кровь своего брата. Онъ собиралъ громадную армію, приготовляя громы на Неаполь. Папа Климентъ VI изъ Авиньона слалъ буллу, въ которой между прочимъ говорилось: „мы не хотимъ и не должны хотѣть оставить безнаказаннымъ преступленіе, столь ужасное, столь безпримѣрное, почти единственное, о которомъ только приходилось слышать намъ и святой католической Церкви“ (²).

Королева не могла не принять мѣръ въ виду такихъ угрозъ. Она старалась по возможности отвратить бѣду, которая грозила неминуемо обрушиться на нее, погубить въ

(¹) Это убійство согласно описываютъ всѣ историки. См. напр. Ammirato, dell' istorie fiorentine; 369. Также и пособія: Guijot, histoire des Jeannes; 48, 49. Costanzo; I. VI, 686—688 etc.

(²) Baluzius; I, 247 Hist, Pap. Avinens.

конецъ ее самую и ея королевство. По ея приказанію стали розыскивать исполнителей и руководителей злодѣянія. Вѣроятно феодалы, такъ искусно и незамѣтно управлявшие нитями заговора, дали время и средства бѣжать тѣмъ, которые болѣе всего могли навести на слѣдъ. Можетъ быть, и сами убійцы, пользуясь всеобщимъ смятеніемъ, успѣли давно укрыться въ надежномъ убѣжищѣ. По крайней мѣрѣ, изловили и казнили только тѣхъ, которые были менѣе всего виновны и менѣе всего опасны. Двое изъ нихъ, принадлежавшіе къ свитѣ Андрея, умерли еще подъ пыткою; третій, дряхлый старикъ, конечно ни въ чемъ не виноватый, палъ мертвый въ виду однихъ приготовленій къ колесованію; онъ не въ состояніи былъ даже дойти до мѣста казни. Колесовали (tanagliare sopra un carro) только двоихъ; это были сынъ и племянникъ старика.

Королева рѣшилась наконецъ на тяжкое униженіе, невыносимое для всякаго государя, тѣмъ болѣе для женщины. Она послала къ грозному Людовику трапейскаго епископа съ униженною мольбою принять ее, бѣдную вдову, и ея маленькаго сына (отъ брака съ Андреемъ), подъ свое высокое покровительство. Но короля венгерскаго никогда не смягчали женскія слезы. Черезъ того же епископа, онъ отправилъ къ Іоаннѣ суровое письмо, въ которомъ, положительно обвиняя ее въ смерти Андрея, лаконически замѣчалъ, что онъ не преминетъ лично розыскать виновницу преступленія, дабы показать на ней, какъ слѣдуетъ брату мстить за брата.

Нашествіе венгерцевъ на Италію.

Такой отвѣтъ ясно обнаруживалъ намѣреніе Людовика. Надо было приготовиться къ рѣшительной оборонѣ, но она, по собственному сознанію правительства, была немыслима при тогдашнемъ положеніи неаполитанскаго королевства. Въ полномъ собраніи государственныхъ чиновъ она объявила, что оставляетъ королевство, что не хочетъ рисковать судьбою цѣлаго народа изъ своихъ личныхъ цѣлей, что она поѣдетъ въ Авиньонъ, падетъ къ стопамъ святѣйшаго отца, и тамъ, положа руку на евангеліе, докажетъ свою невинность въ смерти Андрея; теперь же разрѣшаетъ своихъ подданныхъ отъ присяги и позволяетъ имъ, даже приказываетъ, безъ всякаго сопротивленія покориться Людовику. Рѣчь молодой королевы произвела тяжелое впечатлѣніе на собраніе, многихъ заставила плакать можетъ быть искренними слезами но никого не под-

вигнула къ отважному подвигу спасенія погибавшей династіи. Іоанна съ своимъ вторымъ мужемъ Людовикомъ (бывшимъ принцемъ Дураццо) сѣла на корабль и въ сопровожденіи небольшой эскадры отправилась въ Провансъ.

Передъ венгерцами пало все. Никто не смѣлъ и не думалъ оказывать сопротивленіе, никто не рѣшался даже защищать свою собственность отъ „степныхъ варваровъ". Безпрепятственно венгры вступали въ крѣпости и города, среди могильнаго молчанія проходили мрачно смотрѣвшими улицами. Случилось такъ, что въ Аверсо должны были встрѣчать Людовика принцы крови. Тогда одна страшная сцена возмутила жителей. Людовикъ, окруженный венгерскими магнатами и неаполитанскими баронами, проѣздомъ черезъ городъ, вдругъ остановился, когда подъѣхали къ замку, въ которомъ задушили Андрея. Рядомъ съ королёмъ ѣхали всѣ принцы. Ласково подозвалъ Людовикъ одного изъ нихъ, Карла Дураццо, который, какъ было извѣстно, болѣе всѣхъ принималъ участіе въ заговорѣ. Съ злою ироніею онъ спросилъ принца, въ какое окно онъ выкинулъ Андрея. Карлъ почтительно отвѣчалъ, что онъ не понимаетъ короля. Тогда Людовикъ молча подалъ ему какое-то письмо, и въ тотъ же мигъ по данному знаку, нѣсколько венгерцевъ съ обнаженными мечами бросились на принца; въ одно мгновеніе онъ палъ обезглавленный. Четырехъ принцевъ отвезли въ Венгрію. Въ назиданіе своихъ новыхъ подданныхъ, король велѣлъ носить передъ собою черное знамя, на которомъ была изображена сцена убійства. Съ трепетомъ встрѣтили Людовика депутаты города Неаполя. Угрюмый венгерецъ не сталъ слушать ихъ и въ полномъ вооруженіи, во главѣ грозной арміи, въѣхалъ въ пышную столицу, такъ не гармонировавшую съ его родиной. Во дворцѣ было приготовлено для него роскошное помѣщеніе, но онъ его не принялъ, а вмѣсто того, надѣвши шлемъ на голову, отправился въ замокъ Castelnuovo и тамъ водрузилъ венгерское знамя.

Черезъ четыре мѣсяца нельзя было узнать неаполитанскаго королевства. По всей странѣ засѣли венгерскіе чиновники, венгерскіе губернаторы, венгерскіе гарнизоны; все это дѣйствовало именемъ новаго короля. За то, когда Людовикъ уѣхалъ обратно въ Венгрію, оставивъ своими намѣстниками нѣмца Буксуса и епископа Варадина, то общій, довольно громкій ропотъ прошелъ по всей странѣ. Презрительное,

надменное обхожденіе варваровъ (i barbari costumi) возмущало самыхъ скромныхъ людей. И знать, и народъ, — всё чаще и чаще стали вспоминать о доброй, несчастной королевѣ. Ея именемъ производились вооруженныя демонстраціи, иногда съ такою силою, что венгерцы даже поддавались. Наконецъ пронесся слухъ, что Джіованна, имя которой сдѣлалось теперь лозунгомъ народной самостоятельности, возвратилась, что она скоро будетъ на родныхъ берегахъ. Съ напряженнымъ нетерпѣніемъ ждали этой минуты.

Возвращеніе королевы и уступка Авиньона папамъ.

Слухи оказались справедливыми. Королева успѣла убѣдить папу въ своей правотѣ. Климентъ VI публично объявилъ, что обвиненіе, взведенное на Іоанну, лишено всякаго основанія. Письма и адресы получались Джіованною изъ Неаполя. Безъ сомнѣнія, переписка производилась секретно. Восторженный тонъ писемъ, исполненныхъ обожанія къ королевѣ, еще болѣе убѣждалъ папу въ правотѣ Іоанны [1]. Наконецъ, около нея сплотился довольно многочисленный кружокъ эмигрантовъ. Авиньонъ,—какъ одинъ изъ городовъ Прованса, составлявшій наслѣдственную собственность Іоанны,—былъ уступленъ папской куріи въ вѣчное владѣніе за восемьдесятъ тысячъ золотыхъ флорентійскихъ флориновъ (около полъ-милліона нашихъ рублей). Тогда считали, что такая цѣна очень умѣренна, но королева, прибавляютъ ея панегиристы, свято держалась евангельскихъ словъ: beatius est dare, quam accipere. Притомъ, ей крайне необходимы были деньги на вооруженіе десанта и десятка галеръ для освобожденія отечества. Папа же, въ порывѣ благодарности, далъ супругу королевы, Людовику Дураццо, королевскій титулъ.

Съ энтузіазмомъ было встрѣчена Джіованна въ неаполитанской гавани. Венгерцы, ослабленные раздѣленіемъ силъ, не устояли противъ народнаго движенія, и засѣли въ крѣпкомъ Castelnuovo. Король и королева поселились, наконецъ, послѣ долгихъ треволненій, въ своемъ дворцѣ. Людовикъ Дураццо, провозглашенный главнокомандующимъ, началъ сзывать войска и организовалъ сильные отряды изъ воинственной молодежи, которая съ восторгомъ шла мстить за Джіованну. Король венгерскій также не оставилъ безъ поддержки своихъ.

---

(1) Ammirato, 377. Baluzius; I. 271—272. Costanzo, I. 6.

Можно судить, какъ велико было одушевленіе неаполитанцевъ, если они не только одолѣли венгерцевъ, занимавшихъ королевство, но даже не отступили передъ свѣжими силами непріятеля. Въ разгорѣвшейся войнѣ ни та ни другая сторона не имѣла рѣшительнаго успѣха. Папа своимъ вмѣшательствомъ успѣлъ устранить напрасное кровопролитіе, тѣмъ скорѣе, что около того времени умеръ малолѣтній сынъ убитаго Андрея. Папа убѣдилъ короля венгерскаго заключить перемиріе, а послѣ и окончательный миръ (въ 1375 году). Людовикъ венгерскій, отказываясь отъ своихъ претензій на Неаполь, освободилъ неаполитанскихъ принцевъ, которыхъ онъ болѣе четырехъ лѣтъ томилъ въ своихъ крѣпостяхъ. Отъ имени Іоанны папа предложилъ королю 300 тысячъ флориновъ въ видѣ вознагражденія за военныя издержки, на самомъ же дѣлѣ за уступку своихъ правъ. Но Людовикъ съ благородною гордостью отказался отъ этой награды и предоставлялъ получить ее самому первосвященнику и католической Церкви. Онъ прибавилъ, что шелъ на Неаполь не для корыстной цѣли, но для славы, что онъ мстилъ за кровь брата, и теперь, когда месть вполнѣ удовлетворена, ему не надо ни жертвъ, ни денегъ ([1]).

Въ Неаполѣ венгры оставили по себѣ памятные слѣды. Еще долгое время послѣ выступленія регулярной арміи свирѣпствовали въ странѣ безчисленные отряды наемниковъ, содержавшихся прежде на счетъ венгерскаго правительства, а теперь сражавшихся изъ за собственныхъ выгодъ. Въ эту минуту въ исторіи наемничества совершается важная реформа, появленіе такъ называемыхъ компаній, которымъ главнымъ образомъ обязано неаполитанское королевство своимъ внутреннимъ разстройствомъ. Нуженъ былъ продолжительный миръ, чтобы успокоить и снова привести въ порядокъ потрясенное и разстроенное государство. Казна была истощена до крайности. Экономическое богатство народа, недавно было упрочивавшееся, стало подрываться въ своихъ источникахъ. Внутренній порядокъ въ этой старѣйшей средневѣковой монархіи поколебался. Рыцарство, уже обѣднѣвшее, приставало съ радостью ко всякому, кто только хотѣлъ поднять знамя бунта. Этимъ особенно отличались родовитые бароны. Королевскіе принцы, а ихъ было такъ много при дворѣ, одинаково были не

([1]) Giannone; III, 176.

прочь играть роль агитаторовъ. Между тѣмъ на миръ, который теперь былъ бы такъ полезенъ, трудно было разсчитывать.

Послѣ смерти своего втораго супруга Іоанна еще два раза выходила замужъ; женщина 46 лѣтъ она считаетъ себя невѣстою нѣмецкаго герцога. Но ея дѣтямъ не суждено было жить; они умирали одинъ за другимъ. Ни отъ Андрея венгерскаго, ни отъ Людовика Дураццо, ни отъ Іакова Аррагонскаго, ни отъ Оттона Брауншвейгскаго не осталось потомства. Королева, разочаровавшись въ надеждахъ, принуждена была наконецъ обручить свою троюродную сестру Маргариту съ однимъ изъ принцевъ, Карломъ Дураццо и объявить послѣдняго своимъ наслѣдникомъ. Это былъ будущій король Карлъ III.

Но Карлу надо было вынести много треволненій, пролить много крови, чтобъ достигнуть ступеней трона. Состарѣвшаяся и честолюбивая королева долго не хотѣла разставаться съ короною, съ которою такъ свыклась въ продолженіе своего сорока-лѣтняго правленія.

Отношенія къ папамъ. Первое столкновеніе между Карломъ и королевою имѣетъ связь съ исторіей церковной схизмы, о которой мы говорили выше. Тогда одновременно было двое папъ: въ Римѣ Урбанъ VI и въ Авиньонѣ Климентъ VII (II, 740). Королева считала для себя болѣе выгоднымъ заручиться расположеніемъ владыки Авиньона, такъ какъ династическія симпатіи ея были ко всему французскому, тѣмъ болѣе что римскій папа оскорбилъ ея мужа, Оттона брауншвейгскаго, котораго она отправила въ Римъ для переговоровъ во главѣ почетнаго посольства. Тогда Іоанна рѣшилась признать власть авиньонскаго первосвященника,—между тѣмъ, какъ ея народъ продолжалъ повиноваться римскому. Трудно понять что руководило дикимъ раздраженіемъ Урбана VI. Его считаютъ сторонникомъ минувшихъ преданій римской куріи; ему приписываютъ желаніе возобновить ту вражду, о которой тогда даже перестали думать. Урбанъ продолжалъ смѣшивать Неаполь съ Германіей, забывая, что въ послѣднее время интересы папскіе и неаполитанскіе были и должны были быть нераздѣльны, что основнымъ и лучшимъ завѣтомъ куріи относительно южной Италіи было слѣпо слѣдовать Авиньону. По примѣру Іоанны, почти по тѣмъ же причинамъ, отложилось отъ Урбана нѣсколько мелкихъ итальянскихъ княжествъ. Въ самомъ Римѣ обнаружились раздоры. Замокъ Санъ-Анджело, куда удали-

лись всѣ недовольные, сдѣлался центромъ туземной клерикальной оппозиціи. Его надо было брать штурмомъ. Что же касается до неаполитанскаго королевства, то оно вмѣстѣ съ пиринейскими государствами, съ Францію, Шотландіею, Савойею рѣшительнымъ образомъ стало на сторонѣ авиньонскихъ первосвященниковъ и до тѣхъ поръ не признавало римской власти, пока не прекратилось церковное разъединеніе. Прочія же католическія земли, какъ мы уже говорили, признали Урбана VI единственно законнымъ первосвященникомъ.

Низложеніе Іоанны I.

Изолированнымъ положеніемъ Іоанны I, какъ нельзя лучше, воспользовался Карлъ Дураццо для своихъ видовъ. Этотъ человѣкъ, безъ особенныхъ военныхъ и гражданскихъ способностей, съ страстнымъ нетерпѣніемъ стремился къ престолу, который обѣщала ему его родственница, королева. Бракъ ея съ Оттономъ былъ крайне непріятенъ для Карла. Опасаясь законнаго потомства, онъ рѣшился низложить королеву, заключивъ союзъ съ папою Урбаномъ VI. Оба они желали ея гибели: Урбанъ, чтобы будущаго сосѣда имѣть въ своихъ рукахъ, а Карлъ, чтобы скорѣе достичь престола. Для открытія борьбы, Урбанъ вызвалъ Карла въ Римъ, но тотъ, вмѣсто ожидаемой арміи, могъ привести съ собою только сотню всадниковъ. Однако, не смотря на то, Урбанъ помазалъ герцога Дураццо королемъ неаполитанскимъ подъ именемъ Карла III и короновалъ его въ Римѣ (1 іюня 1381 г.). Надъ Іоанною I было произнесено проклятіе; она отлучалась отъ Церкви, низлагалась съ престола, а подданные ея избавлялись отъ клятвы въ вѣрности (¹).

Такой дерзкій поступокъ папы вывелъ изъ себя Іоанну. Ею всецѣло овладѣло желаніе мести Урбану и его кліенту Карлу. И она, въ свою очередь, увлеклась до крайности, рѣшившись на дѣло, которое повергало въ нескончаемое междоусобіе всю южную Италію. Іоанна отправила пословъ къ Луи, герцогу анжуйскому, къ брату только что умершаго французскаго короля Карла V. Она просила Луи прибыть къ ней на помощь и за это давала ему роскошную награду. Она усыновляла его и отдавала ему неаполитанское королевство.

(¹) Raynaldi; a. 1380.—Costanzo; I. 7.

Приглашеніе Луи Анжу и значеніе этого факта.

Эти новые Анжу происходили по прямой линіи отъ короля Луи Святаго. Они получили въ ленъ то самое графство, которое нѣкогда принадлежало первому неаполитанскому королю французскаго происхожденія. Замѣчательно, что наканунѣ того дня, въ который совершилось помазаніе Карла III, авиньонскій папа Климентъ VII, согласно желанію Іоанны, далъ Луи такую же инвеституру на обладаніе Неаполемъ, какую Урбанъ VI вручилъ своему кліенту (30 мая 1381 года). Молодой, всегда отважный и великодушный Луи съ радостію принялъ предложеніе, бросилъ свое опекунство надъ Карломъ VI и въ восторгѣ полетѣлъ помогать названной матери....

Это обстоятельство послужило источникомъ безконечныхъ войнъ, ознаменовавшихъ собою конецъ XIV и начало XV вѣка въ итальянской исторіи. Когда всѣ попытки новыхъ Анжу остались безъ успѣха, когда родъ ихъ прекратился, то послѣдній изъ нихъ, умирая, завѣщалъ свои права на Неаполь царствующимъ королямъ Франціи. И вотъ Карлъ VIII, Луи XII, Франсуа I, въ силу этого завѣщанія, начинаютъ грабить Италію, сквозь кровавую призму показываютъ Европѣ ее, цвѣтущую въ отношеніи экономическомъ и духовномъ. Такимъ образомъ, знаменитыя по своему значенію итальяно-французскія войны, стоящія на рубежѣ средней и новой исторіи, явились необходимымъ результатомъ претензій анжуйскихъ принцевъ, которыя въ свою очередь, были слѣдствіемъ неосторожнаго и гибельнаго поступка Іоанны. Вооруженное вмѣшательство анжуйскихъ принцевъ во внутреннюю исторію неаполитанскаго королевства служитъ первымъ актомъ великой военной драмы, длившейся до половины XVI вѣка. Потому-то это вмѣшательство, составляющее одно изъ главныхъ явленій избранной нами эпохи, можно считать прологомъ новой исторіи. Только съ этой точки зрѣнія оно имѣетъ право на вниманіе изслѣдователя.

Необдуманное увлеченіе Іоанны поставило тронъ ея въ самое опасное положеніе. Подданные отшатнулись отъ нея. Имъ пріятнѣе было видѣть своимъ государемъ роднаго Дураццо, нежели чужаго француза, котораго они не знали и не любили. Луи пользовался такою же непопулярностью въ народѣ, какъ авиньонскій папа Климентъ VII. Напрасно королева пригласила къ себѣ Климента, напрасно она сдѣ-

лала ему торжественную встрѣчу, напрасно въ присутствіи многочисленнаго народа лобызала ноги папы,—ничто не могло склонить неаполитанцевъ на сторону французской креатуры. Народъ мрачно смотрѣлъ на народныя приготовленія къ встрѣчѣ, на тріумфальный въѣздъ папы; и въ тотъ же вечеръ уже кричалъ передъ дворцомъ: viva papa Urbano! Начался грабежъ „ультрамонтановъ", какъ тогда назывались сторонники французской Церкви (1). И послѣ того королева не могла пріобрѣсть симпатіи народа ни благодѣяніями, ни царской щедростью, ни расточительнымъ путешествіемъ по государству. Національное итальянское чувство громко заговорило. Оно же обѣщало вѣрную поддержку Карлу Дураццо, когда тотъ, желая силою завоевать престолъ, объявилъ войну королевѣ Іоаннѣ I и ея названному сыну Луи анжуйскому.

Собственныя силы Карла были слишкомъ незначительны, чтобы на нихъ можно было разсчитывать въ борьбѣ съ неаполитанскою короною. Матеріальное содѣйствіе папы значило еще того меньше; надо было довольствоваться его духовною поддержкою. Но тогдашнія политическія обстоятельства Италіи, какъ нельзя болѣе, выручили Карла. Онъ воспользовался войсками короля венгерскаго, отправленными противъ Венеціи. Людовикъ (Великій) былъ еще живъ; продолжая мстить Іоаннѣ, онъ сдѣлалъ Дураццо своимъ главнокомандующимъ. Сюда же присоединились вооруженные отряды флорентійскихъ эмигрантовъ, которые въ большомъ числѣ бѣжали изъ своего отечества, обвиненные въ политическомъ заговорѣ противъ существовавшаго правительства. Они разсчитывали, что Карлъ впослѣдствіи отблагодаритъ ихъ; они думали также, что одно приближеніе его ветерановъ къ стѣнамъ Флоренціи испугаетъ консуловъ и сенаторовъ республики. Другая партія эмигрантовъ присоединилась въ Болоньѣ къ отряду капитана Джьапуццо салернскаго, очень неопаснаго, содержавшагося на папскій счетъ. Флорентійская синьорія приняла свои мѣры. Она послала двухъ знатныхъ уполномоченныхъ къ Карлу, чтобы отклонить его отъ содѣйствія мятежникамъ; но посланники разсорились между собою и воротились безъ всякаго успѣха (2). Между тѣмъ во Флорен-

(1) Giorn. napol. Muratori. Scrp. XXI, 1140.
(2) Ammirato; 525.

ціи снова открылось два заговора,—Чіомпи и Альбицци. Всѣ знали, что ими руководили аристократы и богатые купцы, условившіеся овладѣть крѣпостями и замками республики; но правительство принесло въ жертву людей средняго класса и обвинило ихъ передъ судомъ. Пламенно выразилось народное негодованіе; чернь настаивала самымъ энегическимъ образомъ, чтобы казнили двухъ аристократовъ и прочихъ участниковъ. При этомъ народъ постоянно угрожалъ Карломъ и правительство дѣйствительно опасалось этихъ угрозъ,— что лучше всего показываетъ силы Дураццо. Теперь Карлу можно было смѣло выступить и противъ Іоанны и противъ Анжу. Джьануццо первый столкнулся съ французскимъ претендентомъ. Джьануццо, по приказанію Карла, переманилъ къ себѣ на службу: „компанію наемниковъ св. Георгія“. Съ ними онъ пошелъ на Болонью. Въ его собственномъ отрядѣ, состоявшемъ изъ одной пѣхоты, было триста наемниковъ и триста венгерцевъ. Тѣснимый соединенными непріятельскими силами, Людовикъ долженъ былъ отступить. Джьануццо, преслѣдуя его, бросился на Тоскану, овладѣлъ многими замками и взялъ контрибуціи съ такихъ городовъ, какъ Сіена, Перуджія, Лукка и Пиза. Флоренція была въ страхѣ; отвсюду доносились вѣсти о грабежахъ наемниковъ. Жители селъ и мелкихъ городовъ покидали свои жилища и укрывались въ крѣпкихъ замкахъ, подъ защитой гарнизоновъ, — что всегда дѣлалось въ военное время. Тогда же Карлъ, въ качествѣ командующаго венгерской арміей, началъ военныя дѣйствія противъ венеціанской республики. Разъединеніе силъ не помѣшало ему одолѣть Флоренцію; синьорія заплатила ему сорокъ тысячъ флориновъ контрибуціи. Сіенская республика также заплатила ему довольно большую сумму, именно одинадцать тысячъ флориновъ, только за то, чтобы онъ оставилъ ее въ покоѣ и не возвращался бы ранѣе шести мѣсяцевъ ([1]).

([1]) Изъ неизданнаго документа въ Arch. stor. ital. Fir. vecchia serie. 1851; XV, p. 28. — статья Canestrini,—della milizia italiana del secolo XIII al XVI. Относительную рѣдкость металла для конца среднихъ вѣковъ можно, какъ minimum, принять въ четыре раза противъ теперешней; о точности здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Эта цифра принята Рошеромъ (Начала народнаго хозяйства; I, 325, 327) Спеціальныя сочиненія: Leber (Essai sur l'appréciation de la fortune priveé au moyen âge), Carli (Del valore e della proporzione dei metalli monetati con i generi in

Только тогда Дураццо могъ получить инвеституру на обладаніе неаполитанскою короною.

Побѣда Карла Дураццо.

Добывши деньги и славу, прочно обезпечивъ себя со стороны Венгріи, Рима и мелкихъ итальянскихъ государствъ, Карлъ съ своими бандами двинулся на Неаполь. Скудное финансовое состояніе королевства не позволяло Іоаннѣ нанять дорогихъ и сильныхъ кондотьеровъ, начинавшихъ тогда торговать своими способностями, умомъ и своею кровью. Между тѣмъ коронное войско было очень незначительно и вовсе неподготовлено. Карлъ же, имѣвшій нѣкоторую опытность, маневрировалъ очень удачно. Начальникъ королевскихъ войскъ, Оттонъ безуспѣшно искалъ съ нимъ рѣшительной встрѣчи: онъ уже терялъ всякую надежду дать серьезную битву непріятелю. Наконецъ, утомившись маршами, Оттонъ расположился у самой столицы; онъ думалъ, что Карлъ подойдетъ къ Капуанскимъ воротамъ. Но искусною диверсіею Карлъ зашелъ во флангъ своего противника и показался съ совершенно противоположной, приморской стороны. Въ виду арміи Дураццо, ворота della Conceria, никѣмъ не охраняемыя, отворились и единодушныя восторженныя восклицанія „viva re Carlo Durazzo, viva papa Urbano!" огласили воздухъ. Королева поспѣшила удалиться въ Castelnuovo. Она грустнымъ опытомъ убѣдилась, что подданные рѣшительно вооружены противъ нея. Карлъ осадилъ Іоанну въ замкѣ, между тѣмъ какъ Оттонъ, видя постоянную измѣну въ своихъ и безъ того слабыхъ войскахъ, отступилъ отъ города, оставивъ его такимъ образомъ въ полномъ обладаніи Карла (май 1381 года). Праздники, пиры и пляски открылись въ городѣ въ честь новаго короля ([1]).

Карлъ далъ Іоаннѣ четыре мѣсяца на размышленіе, предложивъ ей слѣдующія условія:—если Оттонъ этимъ временемъ успѣетъ побѣдить его, то онъ добровольно отказывается отъ престола; въ противномъ же случаѣ королева

Italia prima della scoperte dell' Indie), Helferich (Von den periodischen Schwankungen im Werth der edlen Metalle), — противорѣчивы и часто весьма ошибочны.

([1]) Giorn. nap. XXI, 1041—44. Празднества особо помѣчены лѣтописцемъ 10 октября 1381 года. «Alli 10 de ottobre cominciarono a fare feste e giostre per Napole, e danze per causa del nuovo re».

безъ всякаго сопротивленія обязуется сдѣлать его своимъ наслѣдникомъ. Счастіе удивительно благопріятствовало Карлу; къ тому же онъ имѣлъ значительныя средства. Безъ большаго труда онъ разбилъ и взялъ въ плѣнъ Оттона. Дѣло происходило близъ Неаполя. Побѣда долгое время оставалась сомнительною. Оттонъ врубился въ середину враговъ и геройски проложилъ себѣ путь до главнаго знамени. Овладѣвъ послѣднимъ, онъ разсчитывалъ произвести замѣшательство въ рядахъ непріятеля. Рискъ не увѣнчался успѣхомъ; Оттонъ былъ окруженъ и взятъ въ плѣнъ (ноябрь 1381 года). Теперь сдалась и Джіованна, упрашивая Карла только объ одномъ,—дать полную амнистію ея приверженцамъ. Если Карлъ и обѣщалъ, то, слѣдуя обычаямъ вѣка, не считалъ себя обязаннымъ приводить въ исполненіе просьбу королевы. Дураццо торжествовалъ вполнѣ. Іоанна должна была издать манифестъ, по которому его назначала своимъ преемникомъ, а Людовика анжуйскаго торжественно лишала престолонаслѣдія.

Убійство Іоанны I.

Согласіе, вынужденное силою, не могло быть искреннимъ. Вѣроятно, королева не переставала сноситься съ Франціею и съ Климентомъ VII. Это могъ заподозрить Карлъ. Извѣстно только то, что онъ распорядился заключить Іоанну подъ строгимъ присмотромъ въ замкѣ Моро. Королева содержалась какъ плѣнница въ разлукѣ съ своимъ мужемъ, заключеннымъ въ другомъ замкѣ. Впрочемъ Оттону Карлъ довѣрялъ болѣе и даже думалъ его освободить. Но этого не хотѣло допустить венгерское правительство, во всемъ руководившее Карломъ. Старый Людовикъ, уже смотрѣвшій въ могилу, все еще помнилъ гибель своего брата; ничто не могло примирить его съ Іоанной. Его мстительная натура требовала крови за кровь. Потому на вопросъ Карла, что дѣлать съ Іоанною, Людовикъ, не запинаясь, отвѣчалъ, что за веревку надо отплатить веревкою. Карлъ и самъ подумывалъ объ этомъ и съ удовольствіемъ готовъ былъ исполнить желаніе своего покровителя. Два магната привезли въ Неаполь строгій наказъ короля венгерскаго и вмѣстѣ съ нимъ повелѣніе собственноручно исполнить приговоръ; они взялись быть только свидѣтелями казни. Іоанну задушили 22 мая 1382 года. Теперь же было приказано изъ предосторожности отрубить голову Маріи сицилійской (незаконной дочери короля Роберта); ее подозрѣвали также въ убійствѣ Андрея. Эта была та

самая Марія, въ которую былъ влюбленъ Боккачіо и которой онъ посвятилъ свои лучшія стихотворенія.

Тѣло Іоанны съ явными признаками насильственной смерти было привезено въ Неаполь и поставлено передъ алтаремъ церкви di Santa Chiara, будто на показъ всему народу. Оно простояло тамъ въ какомъ-то пренебреженіи (in abbandono) въ продолженіе семи дней. Спустя недѣлю похоронили несчастную королеву, которой отказали въ самыхъ обыкновенныхъ почестяхъ, воздаваемыхъ умершимъ ([1]).

Карлъ III (1382-86 г.).

Вступая на престолъ, какъ креатура папы Урбана VI, Карлъ III, казалось, долженъ былъ остаться лучшимъ и преданнѣйшимъ другомъ своего патрона. Но новый король неаполитанскій не принадлежалъ къ числу людей особенно благодарныхъ. Еще не успѣвъ прочно утвердиться на престолѣ, Карлъ сталъ уже съ меньшимъ почтеніемъ относиться къ римскому двору. Для вида, Карлъ приглашалъ Урбана на вторичное свиданіе, упрекая его за отступленіе въ укрѣпленную Ночеру, которая сдѣлалась теперь главною причиною спора. Урбанъ отвѣчалъ, что не папы должны ѣздить къ королямъ, а короли къ папамъ. Разсерженный Карлъ велѣлъ передать папѣ, что если онъ своимъ мечемъ покорилъ цѣлое королев-

---

([1]) Guijot, hist. des Jeannes; 137—139. Срв. Muratori. Annali d'Italia, a. 1382 (XII, 302—303). Доказательства собраны у Summonte; II, 467. Замѣчательно, что авторъ Giorn. nap. не упоминаетъ про убійство Джіованны, а говоритъ «mori la Regina Giovanna.... Fo portato il suo corpo a Napole e posto nel mezzo del caro di S. Chiara in abbandono, e li stette sette di, che ognuno lo vedesse, e con tutto ciò erano molti, che non credevano, che fosse morta» (XXI, 1045)—Надъ уединенной гробницей Джіованны I находится слѣд. эпитафія:

«Inclita Parthenopis jacet hic Regina Ioanna
«Prima, prius felix, mox miseranda nimis,
«Quam Carolo genitam mulctavit Carolus alter
«Qua morte illa virum sustulit ante suum».

Подробное изложеніи жизни Іоанны I, кромѣ указанныхъ монографій, можно найти въ малоизвѣстномъ сочиненіи Giovanni Villano Napoletano. Chroniche de la inclita cità de Napole. Nap. 1678. f.—обнимающемъ исторію неаполитанскаго королевства съ первыхъ временъ христіанства до Карла III.

ство, то вѣрно своимъ умомъ сумѣетъ управить имъ (1). Урбану была объявлена рѣшительная война. Великій конетабль королевства, прославленный кондотьере Альберико-да-Барбіано, — этотъ отецъ итальянскихъ наемниковъ, — осадилъ Ночеру. Три высокія башни (trabuchi) для метанія стрѣлъ были поставлены противъ трехъ главныхъ пунктовъ крѣпостной стѣны. Но онѣ оказались безполезными. Въ это время въ Италіи огнестрѣльное оружіе еще не вошло въ общее употребленіе, а безъ артиллеріи ничего нельзя было сдѣлать противъ ночерскихъ стѣнъ. Осада продолжалась восемь мѣсяцевъ. Урбанъ отлучилъ Карла отъ Церкви самымъ торжественнымъ образомъ. Каждый день три раза, онъ съ факеломъ и колокольчикомъ въ рукѣ, подходилъ къ окну своего дворца и громко кричалъ проклятіе осаждавшимъ его воинамъ. Когда шестеро изъ его кардиналовъ (всѣхъ было 8 при дворѣ Урбана) начали уговаривать упрямаго папу покориться королю, то онъ велѣлъ предать ихъ пыткѣ и самъ каждый разъ приходилъ любоваться ихъ мученіями; пытку нарочно повторяли ежедневно. Когда генуэзскій дожъ и два отважныхъ анжуйскихъ барона, — предложившіе десятокъ своихъ галеръ и 3 тысячи всадниковъ къ услугамъ папы, — выручили Урбана изъ Ночеры (іюль 1385 г.), то онъ взялъ съ собою этихъ кардиналовъ и дорогою или передушилъ ихъ или же въ мѣшкахъ побросалъ въ воду. Только одинъ англичанинъ спасся, благодаря заступничеству своего короля. Двое остальныхъ кардиналовъ до того испугались папскаго гнѣва, что, по пріѣздѣ въ Геную, тотчасъ же убѣжали въ Авиньонъ и записались въ курію Климента VII (2).

Соединеніе неаполитанской и венгерской короны.

Послы венгерскіе неожиданно предложили ему престолъ Людовика Великаго. Такое предложеніе было тѣмъ болѣе страннымъ, что у покойнаго короля осталась законная наслѣдница, его дочь Марія. Но партія магнатовъ желала непремѣнно ви-

---

(1) «Regnum ipse illud sua virtute et viribus subjecisse, proinde, gregis sibi commisse et Ecclesiae curam susciperet. Regni antem, quod suum erat, administrationem sibi relinqueret». Bonincontrius. Ann. Miniat. ab 1360—1458 (Mur. XXl, 46).—Срв. съ Giorn. nap. (XXI, 1052).

(2) Rayn. 1386.—Отъѣздъ папы въ Геную по рукописямъ и документамъ.—Bret. Geschichte von Italien; IV, 59—60, nota.

дѣть своимъ властителемъ опытнаго полководца, а не слабую женщину. Марія и ея мать Елизавета должны были уступить желанію своихъ сильныхъ противниковъ. Онѣ должны были даже привѣтствовать и обласкать Карла, когда онъ, съ искреннимъ удовольствіемъ исполняя желаніе депутатовъ, прибылъ въ Офенъ. Онѣ должны были, наконецъ, присутствовать при коронаціи своего соперника, ненасытное честолюбіе котораго никогда не принимало въ соображеніе ни чести, ни обязательствъ, ни даже непосредственныхъ выгодъ. Народъ венгерскій искренно сочувствовалъ жалкому положенію своей молодой королевы. Венгры никогда не желали считать неаполитанскаго короля своимъ повелителемъ, тѣмъ болѣе тогда, когда видѣли, что въ томъ же соборѣ, позади Карла, стояли законныя наслѣдницы престола. Когда епископъ, исполняя старинный обычай, съ амвона трижды спросилъ народъ, согласенъ ли онъ признать вѣнчаннаго монарха своимъ королемъ, то невольное, общее чувство смущенія пробѣжало по рядамъ толпы, наполнявшей всю соборную площадь. Въ первый разъ отвѣтили тихо, во второй еще тише, а въ третій разъ только нѣкоторые приверженцы Карла нарушили общее молчаніе своими робкими, одинокими криками. Когда процессія, по окончаніи коронаціи, выходила изъ церкви, знаменосецъ неосторожно зацѣпилъ въ дверяхъ знаменемъ св. Стефана и гнилое древко знамени, пережившее нѣсколько столѣтій, раздробилось въ куски. Въ тотъ же день въ городѣ поднялся сильный вѣтеръ и скоро разразилась буря, которая съ страшной силою забушевала въ Офенѣ; она срывала кровли съ домовъ и повырывала деревья съ корнемъ. Лишь утихла буря, какъ стая черныхъ вороновъ съ карканьемъ окружила дворецъ королевскій и какъ бы называла бѣду. Все это было принято суевѣрною толпою за дурное предзнаменованіе. Скоро оправдалось предчувствіе народа.

Убійство Карла III.

Одинъ изъ небогатыхъ дворянъ венгерскихъ, нѣкто Николай Гарскій, вызвался быть руководителемъ недовольныхъ. Онъ поклялся передъ Елизаветой, что отмститъ чужеземцу. Былъ составленъ заговоръ; его искусно держали въ тайнѣ. Когда наступило время дѣйствовать, то Марія приказала просить короля въ свой дворецъ, подъ предлогомъ сообщить ему что-то важное. Карлъ пришелъ. Ему показали

письмо короля чешскаго Сигизмунда, въ которомъ тотъ предлагалъ Маріи свою руку. Не успѣлъ Карлъ сказать нѣсколько словъ, какъ вошелъ въ комнату Николай и съ нимъ силачъ, извѣстный по всей Венгріи. Послѣдній выхватилъ свою тяжелую саблю, бросился на безоружнаго Карла и однимъ ударомъ повергнулъ его смертельно раненнаго на землю (февраль 1386 г.). Тотчасъ же заговорщики наполнили дворецъ, побѣжали по улицамъ и всюду пронесся общій лозунгъ: „да здравствуетъ Марія, дочь Людовика, да здравствуетъ Сигизмундъ, ея супругъ“! Другіе кричали: „смерть Карлу и всѣмъ измѣнникамъ“! Но король былъ еще живъ; израненнаго его перенесли на Вышградъ. Тамъ онъ лежалъ еще нѣсколько мѣсяцевъ; сюда до него доходили вѣсти, какъ вездѣ рѣжутъ его итальянцевъ. Лѣтомъ (3 іюня 1386 г.) король скончался, но не отъ раны, а отъ яда [1].

Регентство Маргариты.

Эта катастрофа повергнула въ анархію и Венгрію и Неаполь. Смутилась Маргарита, жена Карла, когда получила роковую вѣсть о смерти своего мужа. Она теперь оставалась правительницею королевства и опекуншею надъ двумя дѣтьми убитаго,—Джіованною и Владиславомъ. Имъ обоимъ суждено было носить корону, хотя наступавшія политическія событія не слишкомъ благопріятствовали утвержденію династіи Дураццо на неаполитанскомъ престолѣ. Партія новыхъ Анжу заговорила теперь самымъ повелительнымъ тономъ и приняла угрожающее положеніе. Эти анжуйцы провозгласили королемъ сына Людовика I, также еще несовершеннолѣтняго, и также еще находившагося подъ опекою своей матери Маріи. Въ одномъ королевствѣ явилось два короля, двѣ регентши и два правительства. Что дѣлалось въ Неаполѣ, то перенималось въ Провансѣ. Маргарита короновала королемъ своего десятилѣтняго сына Владислава (25 февраля 1387 г.); тоже сдѣлала и Марія съ Людовикомъ II. Маргарита умоляла Урбана VI быть опорою ея сына и забыть свою вражду; о томъ же хлопотала Марія за своего сына передъ авиньонскимъ папою Климентомъ VII. Замѣчательно, что Урбанъ не только склонился

---

(1) Всѣ эти подробности разсказаны венгерскимъ историкомъ Johannes de Thwroc. Hist. Caroli Parvi (Sismondi; V, 271—273). — Guijot; Histoire des Jeannes; 152—154.

на женскія просьбы, но даже въ знакъ своего примиренія прислалъ регентшѣ 20 тысячъ дукатовъ на наемъ искуснѣйшихъ кондотьеровъ для войны съ Анжу. Маргарита, кромѣ того, по совѣту своихъ министровъ, наложила большія подати на всю страну съ тою же военной цѣлью. Понятно, что всеобщее неудовольствіе было отвѣтомъ на такую мѣру. Страна уже и такъ истощилась отъ постоянныхъ налоговъ и отъ безконечныхъ войнъ.

Однако финансовые и военные проекты Маргариты очень не нравились неаполитанцамъ. Простой народъ положительно не видѣлъ никакой цѣли въ этой рѣзнѣ, которая была въ его глазахъ результатомъ личнаго честолюбія коронованныхъ лицъ. Однихъ воззрѣній съ народомъ было мелкое рыцарство. Развѣ только знатные бароны понимали въ чемъ дѣло и потому они служили главнымъ осмысленнымъ факторомъ борьбы. Противъ нихъ дѣйствуютъ торговцы и мелкое рыцарство, которые стремятся котролировать правительство, состоявшее изъ знатныхъ бароновъ. И регентша утверждаетъ одобреніемъ такой порядокъ. Такъ организовалось новое собраніе изъ восьми гражданъ,—Otto Signori del buono Stato, поставившее своею обязанностью наблюдать, чтобы министры королевскіе не дѣлали несправедливостей ([1]). Марія анжуйская, желая польстить массѣ и тѣмъ привлечь ее на свою сторону, придумала такое же совѣщательное собраніе только съ тою разницею, что оно было составлено не изъ осьми, а изъ шести человѣкъ: Sei Deputati del buono Stato del regno. Конечно, авторитетъ новыхъ совѣтовъ скоро взялъ перевѣсъ надъ авторитетомъ министровъ и понятно, что тогда же начались безпорядки въ высшей администраціи; кругъ дѣйствій двухъ правительственныхъ факторовъ не былъ ни разграниченъ, ни ясно опредѣленъ, такъ какъ они явились лишь результатомъ временной потребности. Теперь de facto совершилось политическое распаденіе королевства. Столицей новой анжуйской половины дѣлался Неаполь; мѣстопребываніемъ людей стараго порядка—Гаэта. Какъ прежде королевство Обѣихъ Сицилій при появленіи Анжу распалось на островъ и материкъ, такъ теперь, благодаря тѣмъ же Анжу,

---

([1]) Avessero de provedere, che da Ministri del Re non si avesse a far cosa ingiusta.. Giannone; III, 210.

самый материкъ грозилъ навсегда раздѣлиться на двѣ части. Но этого не случилось. Раздѣленіе продолжалось только до 1400 года, впродолженіе 13 лѣтъ. Оно должно было непремѣнно прекратиться, такъ какъ новые анжуйцы не имѣли прочной опоры въ народѣ, не имѣли почвы подъ ногами; владычество ихъ не могло быть болѣе какъ мимолетнымъ. Когда Владиславъ вернулся въ свою родную столицу, то онъ не преминулъ жестоко наказать тѣхъ, которые содѣйствовали торжеству Людовика [1]. Конечно, этимъ онъ не могъ уничтожить противную партію, которая продолжала существовать до тѣхъ поръ, пока оба враждебные лагеря не соединились въ одномъ аррагонскомъ станѣ.

Владиславъ, король обѣихъ Сицилій (1386—1414г.).

Владиславъ утвердился въ Неаполѣ уже тогда, когда ему было около 25 лѣтъ. Всю свою юность ему пришлось провести среди безпорядковъ и гражданскихъ междоусобій, что не могло не отразиться на развитіи его характера, явившагося прямымъ слѣдствіемъ окружавшей его безурядицы. Изъ Гаэты онъ постоянно ѣздилъ въ Римъ на поклонъ двумъ папамъ Урбану VI и Бонифацію IX, ухаживалъ за ними а потомъ, когда достигъ самостоятельнаго положенія, сдѣлался первымъ врагомъ римской куріи. Эта двуличность вмѣстѣ съ жаждою не столько честолюбія, сколько наслажденій, была главною чертою его характера. Флорентійскій историкъ говоритъ, что если Владиславъ былъ великъ душою, то тутъ же прибавляетъ, что онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ безчеловѣченъ (grande e feroce animo). Можно согласиться, что онъ былъ способный воинъ, но онъ не былъ ни великимъ человѣкомъ, ни замѣчательнымъ правителемъ. У него не было принциповъ чести. Онъ съ удовольствіемъ унижался, если того только требовала выгода, хотя даже не государственная. Какъ хвастливый мальчикъ, онъ гордился атеизмомъ. Циникъ въ душѣ, онъ старался казаться эпикурейцомъ. Онъ былъ великъ

(1) Cronache di Antonello Coniger, gentilhuomo Leccese (Raccolta di varii documenti alla storia di Napoli; V, 9). «Re Ladislao di Sicilia con lo Principe Raymundo Principe di Taranto, e Conte di Lecce fero morire lo Duca de S. Marco, lo Duca Venosa, lo Conte di San-Severino, lo Conte di Thurso, Messere Malacarne di S. Severino, Conte de Cuperrono, lo Conte di Ugento con tutti loro seguaci (a. 1398)».

болѣе на мелкіе подвиги; тогда проявлялись и его твердость и его настойчивость, что въ другихъ случаяхъ выражалось скорѣе жестокостью, которую даже расположенные къ нему писатели называютъ,—crudeltà, più che barbara (1). Храбрый солдатъ, онъ былъ плохой полководецъ; для этого ему недоставало ни знаній, ни хладнокровія (2). Какая то страстная, порывистая дѣятельность бросала его отъ одного замысла къ другому, отчего они всегда выходили мало обдуманными. Это былъ яркій контрастъ Роберту; тотъ хранилъ свои планы и долго сдерживалъ ихъ, думая больше выиграть, тогдъ какъ Владиславъ какъ бы торопился предупреждать событія. Оттого его время такъ богато фактами для политической исторіи Неаполя; онъ не имѣлъ и года отдыха отъ военнаго шума. Для мирныхъ, гражданскихъ подвиговъ онъ не былъ созданъ и потому въ неаполитанской исторіи не могъ имѣть значенія Карла II или Роберта. За то при немъ ярко выяснились политическіе планы анжуйской династіи и ея мѣсто въ итальянской исторіи. При его воинственныхъ стремленіяхъ не процвѣтали умственныя силы страны; стремленіе быть королемъ Италіи поглощало его цѣликомъ. Онъ домогался еще большаго: онъ стремился къ императорской коронѣ (3). Все это стоило громадныхъ затратъ на наемниковъ, что очень плохо отозвалось на финансовомъ состояніи королевства. Для военныхъ издержекъ, почти не прерывавшихся, надо было продавать города и замки или отдавать ихъ на откупъ,—отъ чего уменьшились государственные доходы. Начали продавать патенты

---

1) Ammirato (659) дѣлаетъ изъ Владислава воплощеніе «Principe» Макіавелли. «Con virtù o imagini di essa havea accoppiato vitii enormitissimi; ma i quali da nimici il rendevano più sospetto e più tremendo'—non osservanza di promesse, non temenza di religione, libidine sfrenata e crudeltà più che barbara. Le quali cose nondimeno sapeva ottimamante riceprire ove il bisogno il richiedesse, con maraviglioso artificio gli altrui appetiti secondando».

2) Muratori. Annali d'Italia (XXIII, 23). «Nel mestier della guerra pochi gli andavano innanzi; al che non gli mancava coraggio, sapienza e vigilanza. Parve in lui più sosto ombra, che sastanza di Religione; minore tuttavia venne provata in lui l'osservanza delle promesse; sfrenata poi la libidine, per cui massimamente in Roma commise molti eccessi, e da cui infine fu condotto a morte nella metà dell'ordinaria vita degl'huomini (a. 1414)».

3) О тягостяхъ народныхъ и мѣрахъ правительства Giornali napolitani (XXI, 1075).

на титулы, чтобы добыть денегъ, въ которыхъ такъ нуждалось правительство. Потому-то при Владиславѣ до невѣроятныхъ размѣровъ возросло число бароновъ, графовъ, князей и разныхъ титулованныхъ лицъ.

Такова была личность короля Владислава, сложившаяся отчасти подъ вліяніемъ тѣхъ политическихъ условій, которыя окружали его въ юности. Въ продолженіе 14 лѣтъ онъ долженъ былъ защищать свои наслѣдственныя права то нравственною, то физическою силою, то перомъ, пока не было средствъ иныхъ, а чаще всего мечемъ. Иногда онъ долженъ былъ держаться выжидательнаго положенія. Рѣшительныхъ дѣйствій нельзя было ожидать отъ него долгое время, потому что средства его были пока слишкомъ незначительны въ сравненіи съ средствами Людовика. Однако въ 1400 г. онъ одержалъ верхъ и вытѣснилъ Людовика.

Между тѣмъ анжуйская партія, въ виду отсутствія Людовика, скоро совсѣмъ изчезла въ королевствѣ. Владиславъ, неограниченный монархъ, неограниченный до того, что сталъ пренебрегать даже обыкновенными человѣческими законами, обращалъ все свое вниманіе на территоріальное расширеніе королевства. Онъ деспотъ и въ государствѣ, деспотъ и въ семьѣ. Ему не нравилось, что его жена происходила не изъ королевской крови. Изъ за такой прихоти, онъ разводится съ нею. Торжественно развѣнчана была молодая и добрая Констанція, дочь сицилійскаго правителя, Манфреда да-Кіарамонте. Однажды, по окончаніи литургіи, епископъ громко прочиталъ папскую разводную грамоту, потомъ сошелъ съ амвона, приблизился къ королевѣ, потребовалъ отъ нея назадъ обручальное кольцо, и отдалъ его королю. Оскорбительнымъ тономъ приказали несчастной Констанціи оставить дворецъ; ее перевезли въ особый маленькій домикъ, гдѣ дали ей двухъ служителей и поручили подъ присмотръ старой дамѣ. Изъ дворца ей ежедневно приносили кушанье, какъ милостыню. Такое публичное поношеніе возбудило всеобщее негодованіе народа, выразившееся громкимъ сочувствіемъ къ несчастному положенію добродѣтельной королевы. Какъ нарочно огненные столпы явились на небѣ. Въ нихъ народъ видѣлъ дурное предзнаменованіе грядущихъ бѣдствій. Только одна Констанція перенесла свое горе съ удивительною покорностью. Она была покорна даже тогда, когда ей велѣли

выйти замужъ за одного изъ приближенныхъ королевскихъ, графа Андрея Капуанскаго. Парадный кортежъ невѣсты проѣзжалъ большую городскую площадь. Королева, собравшись съ духомъ, обратилась къ графу Андрею и произнесла: „графъ Андрей Капуанскій! Ты можешь себя считать счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ; ты будешь имѣть своею наложницею королеву Констанцію, супругу Ланцилао!“ Но тутъ она не выдержала и залилась слезами. ([1]).

Владиславъ послѣ того вступалъ два раза въ бракъ съ Маріею, дочерью кипрскаго короля, и съ принцессою тарентскою ([2]). Эти браки удовлетворили его королевское честолюбіе, но не дали ему потомства. Бездѣтный, принужденный передать престолъ своей сестрѣ Іоаннѣ, онъ отличался развратомъ между всѣми королями. Не ограничиваясь множествомъ оффиціальныхъ наложницъ, которыя содержались при дворѣ, онъ, проѣздомъ черезъ города, не переставалъ заводить любовныя связи и увеличивалъ число своихъ побѣдъ, слѣдуя въ этомъ отношеніи только однимъ чувственнымъ побужденіямъ. Такая страсть и распущенность были причиною его смерти.

Владиславъ, король Венгріи.

Когда послы венгерскіе пріѣзжали въ Неаполь просить Владислава принять корону отца своего Карла, то они, какъ нельзя болѣе, угодили желанію честолюбиваго короля. Послѣ смерти Маріи, венгерскіе бароны, не любившіе нѣмцевъ, не хотѣли повиноваться Сигизмунду и предпочитали видѣть на престолѣ итальянца Владислава, забывая, что народъ одинаково нерасположенъ къ чужимъ властителямъ той и другой націи безразлично. Хотя Владислава и соблазняла венгерская корона, однако онъ помнилъ страшную участь своего отца, застигнутаго народною ненавистью среди чужихъ, въ полудикой странѣ. Потому, согласившись на предложеніе посольства, онъ не рѣшился однако прямо ѣхать въ Пештъ, а

[1]) Giorn. nap. 1065.

[2]) Есть предположеніе, что Владиславъ и со второю женою развелся точно также, какъ и съ первою, «Non so se viva ancor fosse, o morta questa seconda moglie, allorché egli s'offerse disposare la vedova principessa di Taranta, per riunire in questo modo quel principato alla sua corona (Denina; II, 442)».

остановился въ городѣ Задрѣ, принадлежавшемъ тогда Венгріи. Случилось что его солдаты и матросы пошли за виноградомъ и, конечно, нисколько не стѣсняясь, начали самовольно распоряжаться чужимъ добромъ. Владѣльцы садовъ, раздосадованные такимъ нахальствомъ, велѣли бить незваныхъ гостей. Среди свалки и суматохи убито 20 итальянцевъ; остальные разбѣжались. Успѣхъ и кровь еще болѣе раздражили толпу. Съ оружіемъ въ рукахъ неистово ворвались далматинцы во дворецъ Владислава; въ толпѣ громко кричали будущему королю, что если онъ не уйметъ своихъ людей, то они сами распорядятся съ ними, такъ какъ у нихъ нѣтъ недостатка ни въ мужествѣ, ни въ оружіи. Эта выходка смутила короля окончательно. Она отняла у него всякую охоту быть государемъ Венгріи, хотя онъ уже успѣлъ короноваться (5-го августа 1403 г.). Владиславъ не хотѣлъ однако со стыдомъ и съ пустыми руками уѣхать изъ Далмаціи. Если онъ и желалъ титула короля Венгріи и долго не разставался съ нимъ, то во всякомъ случаѣ искалъ тор жества болѣе вещественнаго, болѣе осязательнаго, для вознагражденія трудовъ и издержекъ предпріятія. Постыдно было человѣку съ его характеромъ возвращаться на родину не только безъ лавровъ, но даже безъ всякаго успѣха. Въ такомъ-то настроеніи застигло его предложеніе венеціанскаго сената купить Задръ для республики. Съ радостью продалъ Владиславъ чужой городъ за 100 тысячъ дукатовъ правительству, которое смотрѣло на людей и на города такими же глазами, какими покупатель смотритъ вещи на аукціонѣ. Страшные совѣты этой средневѣковой Спарты съ своимъ деспотизмомъ составляли полный контрастъ тому гуманному духу, который одушевлялъ правительство флорентійской республики.

Планы Владислава.

Совершивъ удачную сдѣлку, Владиславъ возвратился въ Неаполь (7 ноября 1403 г.), гдѣ сталъ обдумывать свой планъ покоренія Италіи. Его томило непреодолимое желаніе соединить весь полуостровъ и сдѣлаться королемъ итальянскимъ. Но ни его личность, ни его средства не годились для того, чтобы привести такую смѣлую мысль въ исполненіе.

Извѣстно, что надъ этою идеею бились и разбивались лучшіе умы Италіи всѣхъ вѣковъ, хотя къ ней различно относятся и относились изслѣдователи итальянской исторіи. Иные считаютъ роскошное развитіе республиканской жизни

полуострова въ средніе вѣка достаточнымъ вознагражденіемъ за политическое разъединеніе, другіе, нападая на папъ, главнымъ образомъ ставятъ имъ въ вину то сопротивленіе, какое они оказали унитарнымъ стремленіямъ первыхъ лангобардскихъ князей. Очевидно что тѣ и другіе, имѣя за себя извѣстныя историческія основанія, слишкомъ торопятся категорическими заключеніями. Монархія итальянская ничего не потеряла бы, если бы возникла въ описываемое время; самая эпоха Владислава была для того вполнѣ благопріятна; единеніе явилось бы тогда результатомъ средневѣковой жизни, которая могла дать итальянской исторіи богатое внутреннее содержаніе. Мѣстная враждебность не была на столько сильна, чтобы могла помѣшать возрожденію національности, конечно, въ такомъ только случаѣ, если представителемъ унитарности явился бы какой нибудь могучій дѣятель и уже никакъ не Владиславъ неаполитанскій.

Иннокентій VII и Владиславъ въ Римѣ.

Энергичный король считалъ своевременнымъ начать свои операціи непремѣнно съ папы, котораго хотѣлъ лишить его владѣній. Тотчасъ же по окончаніи венгерскаго похода, онъ приступилъ къ покоренію Церковной области (см. выше; II, 711). Достаточно прочесть страницу изъ мемуаровъ Аретина, чтобы ясно нарисовать себѣ всю картину страшной безурядицы и кровавыхъ междоусобій, какая застигла Римъ подъ конецъ властвованія Иннокентія VII (¹). Папа, вѣроломно поступившій съ народными депутатами, долженъ былъ бѣжать отъ ярости черни въ Витербо (1405 г.). Покидая свою столицу, онъ оставлялъ ее въ жертву непримиримыхъ страстей аристократіи и черни. Колонна и Савелли послали просить помощи Владислава, который съ небольшимъ войскомъ стоялъ

(¹) Aretinus, rer. gest. comment. XIX, 920—924. Этотъ государственный человѣкъ слѣд. образомъ отзывается о характерѣ стремленій Владислава: «Mortuo Galeatio Mediolanensium Principe, ac subinde paucis post annis Bonifatio vita functo Ladislaus rex formidabilis per Italiam esse coepit». Писатели позднѣйшіе говорятъ то же самое, только болѣе рѣшительно, какъ напр. Maffei: «Era Ladislao mosso a tanta iniquità, d'impresa non solo per naturale cupidità di Stato, e per farsi Rè d'Italia, com'egli sperava, ma per odio proprio contra il Pontefice Giovanni (751)». Въ мотивахъ каждый примыкаетъ къ своей партіи.—Это сужденіе о Владиславѣ сдѣлалось общимъ убѣжденіемъ; см. напр. Seibert. Gesch. des Königr. Neapel (I, 386) и др.

недалеко отъ Рима. Неаполитанцы быстро заняли вѣчный городъ и однимъ появленіемъ укротили народъ, который уже совершенно успѣлъ стѣснить солдатъ, нанятыхъ аристократами. Джьанноне ошибочно говоритъ, будто народъ пригласилъ Владислава; въ такомъ утвержденіи нѣтъ ничего правдоподобнаго. Республиканцы побѣдители не могли имѣть надобности въ чужой помощи, тѣмъ болѣе въ помощи своего врага. Тогда бы не было повода къ тому кровопролитію, которое въ самый день вступленія Владислава началось между неаполитанцами и римлянами. Воинамъ королевскимъ не отводили квартиръ; одинъ изъ горожанъ ни за что не хотѣлъ пускать ихъ къ себѣ въ домъ и когда солдаты попытались ворваться силою, тотчасъ же сбѣжались сосѣди съ оружіемъ въ рукахъ и смѣло бросились на нападавшихъ. Частная схватка обратилась въ общую горячую свалку между народомъ и войскомъ. Битва продолжалась до глубокой ночи. Наконецъ неаполитанцы отступили и, выходя изъ города, подожгли Римъ съ четырехъ сторонъ. Владиславъ видѣлъ, что съ малыми силами нельзя достичь цѣли, какую онъ поставилъ себѣ, а потому велѣлъ разбитымъ остаткамъ своей арміи выступать изъ папской земли, разсчитывая съ будущаго же года съ новыми средствами начать новую кампанію. Торжествовавшіе римляне выказали себя великодушными побѣдителями. Они любезно пригласили бѣжавшаго папу вернуться въ городъ, требуя только съ его стороны признанія мѣстнаго самоуправленія, которое достигло теперь въ римской общинѣ высшей точки развитія. Иннокентій VII возвратился весною (13 марта 1406 г.), а осенью уже умеръ (5 ноября 1406 г.). До самой его смерти не прекращалась борьба бароновъ съ народомъ. Собравшійся конклавъ, не снисходя авиньонскимъ исканіямъ, избралъ Григорія XII. Ему-то предстояло выдержать серьезный напоръ Владислава. На этотъ разъ (1406 г.) силы неаполитанскаго короля были гораздо значительнѣе. Папа долженъ былъ укрыться въ замкѣ св. Ангела. Владиславъ, истребивъ три тысячи непріятельской кавалеріи, вошелъ въ городъ. Это было въ то самое время, когда венеціанцы брали Падую, а флорентійцы Пизу.

Второй походъ на Римъ.

Мы не можемъ сказать, какія обстоятельства заставили Владислава снова покинуть Римъ. Замѣтимъ, что про этотъ второй походъ упоминаетъ только одна, притомъ очень крат-

кая лѣтопись. Эта же хроника прибавляетъ, что въ слѣдующій годъ (1407) Владиславъ дѣлалъ третью попытку на Римъ и опять занялъ его при помощи Колонна, но съ паденіемъ этой фамиліи и съ торжествомъ Орсини опять долженъ былъ покинуть городъ ([1]). Надо предполагать, что силы его были отвлечены въ другую сторону для усмиренія его собственныхъ бароновъ, которые, надѣясь на Францію, поднимали возстаніе, прикрывая знаменами анжуйцевъ свои собственные интересы. Въ Церковной области ему было тѣмъ легче вести войну, что самъ папа, строгій пуристъ и аскетъ, не интересовался политикою и мірскими дѣлами. Перуджіа, Остіа и другіе папскіе города были взяты. По однимъ 12, по другимъ 15 тысячъ кавалеріи и столько же пѣхоты, съ большими транспортами военныхъ матеріаловъ и съѣстныхъ припасовъ, подступили къ стѣнамъ вѣчнаго города; 6 галеръ и 4 корабля, обильно нагруженные необходимыми запасами, поддерживали армію съ моря. Съ Орсини было заключено соглашеніе. Неаполитанскія войска вновь заняли городъ. Владиславъ былъ провозглашенъ синьоромъ Рима и, какъ законный государь, поселился въ самомъ дворцѣ папскомъ. Самъ первосвященникъ въ то время былъ занятъ церковными дѣлами, погруженный въ мысли о прекращеніи схизмы. Онъ съѣзжался, хотя не съѣхался, въ Савонѣ съ авиньонскимъ папою Бенедиктомъ ([2]). Больше двухъ мѣсяцевъ, а по инымъ свѣдѣніямъ даже одного, не могъ король Владиславъ прожить въ Римѣ ([3]). Дѣла призывали его домой, гдѣ надо было приготовиться къ борьбѣ съ новымъ врагомъ. Постоянныя воз-

---

([1]) Istoria napolitana de Raimo, Fransoni etc. въ Raccolta di varie Croniche (I, 111).

([2]) Свиданіе въ Савонѣ уже совсѣмъ устроивалось; уже оба первосвященника, и Григорій XII и Бенедиктъ XIII, подвигались торжественнымъ шагомъ въ своемъ шествіи изъ Рима и Авиньона, но ничего нельзя было сдѣлать тамъ, гдѣ, по замѣчанію Аретина,—«одинъ, какъ морское животное, боялся пристать къ берегу, другой, какъ сухопутное, боялся отстать отъ берега» (Aretinus, Coment. sui temporis; XIX, 926).

([3]) Для исторіи римскихъ походовъ Владислава необходимо сравнивать Giorn. nap. съ Annales de Raimo (XXI, 1070—1072; XXIII, 224).— Въ годахъ и числахъ постоянная путаница. Такъ напр. Giorn. nap. взятіе Рима вмѣсто 1408 г. относитъ къ 1406 г., чѣмъ явно противорѣчитъ папской хронологіи.—См. между прочимъ La-Bret; IV. 109.

станія неаполитанскихъ бароновъ за права анжуйской династіи, стѣсненное финансовое и стратегическое положеніе Владислава, занятаго своими политическими проектами, настоятельныя побужденія того и другаго папы, наконецъ собственное честолюбіе и соблазнительное желаніе трона,—все это побудило забытаго Людовика II второй разъ попытать счастья въ борьбѣ съ своимъ соперникомъ. Подъ знамена Людовика явился, уже славный и знаменитый кондотьеръ, Аттендоло Сфорца, оставившій тѣмъ временемъ службу флорентійской республики. Этотъ котиньольскій выходецъ, сынъ поселянина, отважный, стойкій, счастливый полководецъ, составлялъ въ то время гордость и надежду всякаго государя, который только успѣвалъ переманить его на свою сторону ([5]). Его отборныя пѣшія и конныя дружины, закованныя въ желѣзо, начинавшія привыкать даже къ пороху, одушевленныя безусловною преданностью своему строгому, но сердечному начальнику, пріобрѣтали съ каждымъ годомъ славу героевъ,—имѣть которыхъ въ своемъ распоряженіи составляло предметъ помысловъ и исканій всякаго, кого только въ то время одолѣвало честолюбіе и желаніе славы.

Новая французская кандидатура.

Война между анжуйцемъ и Владиславомъ за обладаніе неаполитанскою короною открылась въ 1409 году.

Когда успѣхи Владислава, угрожая существованію флорентійской республики, сдѣлались опасными до того, что могли нарушить равновѣсіе итальянскихъ государствъ, то флорентійское правительство прежде другихъ приняло мѣры для спасенія свободы полуострова. Людовикъ анжуйскій казался сенату лучшимъ орудіемъ для борьбы съ Владиславомъ. Ему предлагаютъ снова пріѣхать въ Италію. Папа Александръ V, при всемъ своемъ миролюбивомъ характерѣ не любившій Владислава, обѣщался короновать претендента. Папскій кондотьере, даровитый полководецъ Браччіо да-Монтоне, воюя отъ лица претендента, нанесъ рядъ пораженій Владиславу. Искусная партизанская война вытѣснила неаполитанскія войска, разсѣянныя мелкими отрядами по Романіи. Съ трудомъ удержались гарнизоны, поставленные въ главныхъ пунктахъ. Наконецъ, въ концѣ іюля 1409 г.,

([5]) Объ Аттендоло см. въ нашей монографіи: Аттендоло Сфорца и королева Іоанна II, Каз. 1866.

принцъ, удовлетворяя надеждамъ своей партіи, съ 5 галерами и 1500 всадниками прибылъ въ Италію и высадился въ Пизѣ. За то Владиславъ имѣлъ полный перевѣсъ на морѣ. Папскій флотъ, послѣ жаркаго морскаго боя, былъ разсѣянъ и почти всѣ корабли были взяты на абордажъ. Папа долженъ былъ снаряжать другую флотилію, которая опять отправилась пытать счастіе къ Неаполю.

Папа далъ Людовику II анжуйскому инвеституру на королевства сицилійское и іерусалимское а также званіе церковнаго гонфалоньера. У претендента набралось до 20 тысячъ одной кавалеріи; число пѣхоты не опредѣлено въ точности, хотя извѣстно, что оно было очень значительно и превосходило кавалерію (fanti senza numero). Въ такомъ случаѣ, численность всей арміи можно принять въ 50 тысячъ человѣкъ. Замѣтимъ, что вся она состояла изъ наемниковъ, за исключеніемъ небольшаго отряда, привезеннаго на галерахъ изъ Прованса. Подъ знаменемъ Людовика были на этотъ разъ всѣ знаменитые полководцы Италіи. Тутъ были Аттендоло Сфорца, Браччіо да-Монтоне, Малатеста да-Пезаро, Джентиле да-Монтерано и многіе другіе. Изъ Франціи должна была еще подойти сильная флотилія для крейсированія вдоль неаполитанскихъ береговъ. Положеніе Владислава вдругъ сдѣлалось опаснымъ; его тронъ начиналъ колебаться. Опасность еще болѣе усилилась, когда флорентійское, болонское и сіенское правительства оказали рѣшительное содѣйствіе папѣ и его анжуйскому кліенту.

Вмѣшательство итальянской лиги.

Соединенныя усилія этой лиги оттѣснили неаполитанскіе гарнизоны изъ всѣхъ мѣстъ Церковной области. Всѣ покоренные города снова возвратились подъ папскую власть. Паоло Орсино, отъ имени короля Владислава занимавшій Римъ, не думалъ обороняться; онъ сдался при приближеніи грознаго непріятеля. Но какъ истый наемникъ, онъ, не справляясь съ требованіями чести, принялъ предложенныя ему условія и съ своими 2000 всадниковъ поступилъ на службу къ флорентійской республикѣ. Его оставили римскимъ комендантомъ. Только честный графъ Тройя не хотѣлъ сдаваться. Тѣснимый съ самой Тосканы непріятелькой кавалеріей, онъ отступалъ вплоть до Рима; здѣсь, видя измѣну, онъ долженъ былъ пройти городъ, но у стѣны Авреліана остановился и вдругъ сталъ готовиться къ защитѣ переправы черезъ Тибръ, разсчитывая тѣмъ временемъ на помощь Владислава,

который со всѣми своими войсками спѣшилъ изъ Неаполя (cavalio da Napole con tutto lo esercito suo). Непріятель, желая прервать его сообщенія, бросился ему въ тылъ. Кавалерія перешла Тибръ въ бродъ (между нынѣшними мостами Palatino и Sisto). Но атака была неудачна. Графъ Тройя окопалъ себя укрѣпленіями и храбро защищался отъ враговъ, которые до тѣхъ поръ не могли считать себя обладателями города, пока не прогнали стойкаго противника. Людовикъ анжуйскій, раздосадованный неудачей, уѣхалъ изъ арміи въ Пизу, а оттуда на своихъ галерахъ отплылъ въ Провансъ. Тамъ онъ сталъ собирать новыя войска, для того чтобы продолжать кампанію съ бо́льшимъ успѣхомъ. Этимъ временемъ онъ вооружилъ противъ себя Геную, которая, свергнувъ французское протекторство, открыто приняла сторону Владислава. За то его вознаградилъ успѣхъ со стороны Рима. Будущій папа, кардиналъ Бальтазаръ Косса, съ болонскимъ войскомъ, явился на помощь союзникамъ. Честь взятія Рима принадлежитъ главнымъ образомъ флорентійскому кондотьеру Малатеста. Онъ, при содѣйствіи Браччіо да-Монтоне и Паоло Орсино, частыми и сильными атаками утомилъ Тройю, который долженъ былъ покинуть свои укрѣпленія. Побѣдители очень скромно вели себя въ городѣ, который провозгласили свободнымъ и республиканскимъ. Поняли нѣкоторую разницу между прежнимъ и новымъ порядкомъ, когда знамена флорентійскія завѣяли надъ замкомъ св. Ангела (2 января 1410 г.). Браччіо, Малатеста и Орсини двинулись далѣе и начали освобождать церковные города отъ неаполитанскаго ига.

Когда Людовикъ вернулся на мѣсто военныхъ дѣйствій, то уже не засталъ въ живыхъ папу Александра V. Кардиналъ Косса, нѣкогда полководецъ, вступилъ на престолъ подъ именемъ Іоанна XXIII. Но это обстоятельство нисколько не измѣнило положенія дѣлъ. Новый папа, слѣдуя вполнѣ видамъ и программѣ своего предшественника, менѣе чѣмъ кто нибудь, могъ примириться съ честолюбіемъ Владислава. Борьба должна была продолжаться до полнаго истощенія противниковъ. На побѣду анжуйской партіи теперь можно было разсчитывать тѣмъ болѣе, что Людовикъ привезъ съ собою изъ Франціи свѣжія войска, хотя, съ другой стороны, неудача при самой высадкѣ на итальянскій берегъ могла служить для суевѣрныхъ людей дурнымъ предзнаменованіемъ.

Большой флотъ Людовика на всѣхъ парусахъ летѣлъ къ пизанской гавани, гонимый попутнымъ юговосточнымъ вѣтромъ. Только шесть галеръ не могли поспѣть на ходу и оставались позади. Генуэзская эскадра уже давно слѣдила за анжуйскими кораблями. Въ проливѣ, между островомъ Менорія и материкомъ, отсталыя галеры были застигнуты пятью генуэзскими кораблями. Неизвѣстно, на чью сторону склонилась бы побѣда, если бы не подоспѣло на помощь девять кораблей Владислава. Анжуйцы были разбиты. Двѣ галеры затоплены, три взяты въ плѣнъ и только одна дошла до Піомбино. Однако претендентъ отомстилъ Владиславу за свое пораженіе. Его крейсеры много содѣйствовали покоренію материка, опустошая калабрійскіе берега въ то самое время, когда сухопутныя силы анжуйца устремились изъ Рима на югъ для покоренія королевства.

Мы уже говорили, что съ анжуйцами были лучшія войска и лучшіе полководцы тогдашней Италіи. Ихъ нанималъ на свою долю каждый изъ членовъ лиги. Силы Владислава показываютъ различно. Одни говорятъ, что у него было 13 тысячъ кавалеріи и столько же пѣхоты; другіе же, что численность его арміи ни въ чемъ не уступала анжуйской (1). Послѣднее предположеніе врядъ ли вѣроятно, не смотря на то, что оно подтверждается неаполитанскими хрониками. Но если и дѣйствительно анжуйцы превосходили Владислава численностью войскъ, то у нихъ не было ни того единодушія, ни того порядка, ни той правильности, которая отличала неаполитанскую армію, руководимую одною идеею и главное одною головою. Система кондотьеризма всегда вела къ тому, что разстроивала самыя единодушныя предпріятія. Сегодняшній союзникъ становился завтра врагомъ и обратно. Каждый наемникъ въ продолженіе своей походной жизни былъ слугою двадцати господъ, работалъ за самыя противоположныя начала, а отсюда слѣдовало то отсутствіе общаго руководящаго принципа, которое составляетъ характеристическую черту эпохи. Но надо прибавить ко всему этому, что у Людовика недоставало денегъ, чтобы содержать такую громадную армію. Можно было бы предсказать за ранѣе, что при такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ и побѣда будетъ не въ побѣду.

---

(1) Сравн. Bonincontrius. Annales Miniatenses (XXI, 103) и Giorn. nap. (XXI, 1073). — Ammirato. Dell'istorie fiorentine, l. 18.

Послѣдствія совершенно оправдали такое предсказаніе. Флорентійское правительство прежде другихъ нарушило условія лиги. Занятая финансовыми интересами своихъ богатыхъ купцовъ, республика заключила миръ съ Владиславомъ, который возвращалъ ей всѣ покоренные замки и города (7 января 1411). Сіена послѣдовала ея примѣру. Вообще итальянскія богатыя республики не любили воевать за идеалы. Экономическое развитіе, внѣшняя безопасность были единственною цѣлью ихъ правительствъ.

Битва при Роккасеккѣ въ 1411 г.

Людовикъ и папа были предоставлены теперь своимъ собственнымъ силамъ. Союзники успѣли однако переманить къ себѣ Аттендоло Сфорцу, который до того считался на флорентійской службѣ. Онъ своими кирассирами могъ оказать большую помощь въ предстоящей кампаніи, уже открывшейся въ неаполитанскихъ владѣніяхъ. Двѣ враждебныя арміи подходили съ разныхъ сторонъ къ рѣчкѣ Гарильяно, которая впадаетъ въ Гаэтскій заливъ. Людовикъ шелъ быстрымъ маршемъ по римской дорогѣ и остановился въ городѣ Чепрано, недалеко отъ берега Гарильяно, когда узналъ, что на противоположной сторонѣ рѣки, въ мѣстечкѣ Роккасекка, расположены всѣ силы Владислава. Оба противника разсчитывали раньше переправиться черезъ рѣку, и никто не успѣлъ поспѣть къ берегу. Теперь и тотъ и другой остановились, готовясь къ рѣшительной битвѣ. Каждый выжидалъ что противная сторона начнетъ дѣло. Никто не рѣшался броситься первымъ, потому что силы были равны. Между тѣмъ каждый солдатъ былъ на готовѣ. Въ такомъ напряженномъ состояніи два короля простояли шесть дней. Наконецъ Людовику наскучило ждать. Онъ вспомнилъ, что его кондотьеры считаются лучшими въ свѣтѣ (migliori del mondo). Ему совѣстно было робѣть. На седьмой день (19 мая 1411 г.), вечеромъ, кавалерія Людовика стремительно атаковала неаполитанцевъ, не приготовившихся къ битвѣ, не ожидавшихъ такого стремительнаго натиска. Не успѣлъ Владиславъ сдѣлать должныхъ приготовленій, какъ его лагерь былъ взятъ, а армія, уже разсѣянная, бѣжала по неаполитанской дорогѣ. Напрасно онъ ободрялъ войска; напрасно онъ, сопротивляясь одолѣвшему непріятелю, не отступалъ съ поля сраженія до самой ночи. Его войска были неопытны, сравнительно съ отважными кирассирами искусныхъ кондотьеровъ. При всей своей личной храбрости, Владиславъ долженъ былъ бросить

все и заботится только о собственномъ спасеніи. Торжество анжуйцевъ было полное. Сфорцѣ принадлежитъ значительная доля участія въ побѣдѣ. Его кавалерія отличилась на славу. Впослѣдствіи самъ Владиславъ говорилъ ему:—„ты больше всѣхъ своею конницею повредилъ мнѣ при Роккасеккѣ“. На мѣстѣ обширнаго лагеря, занимавшаго окрестныя деревни, оставались только груды труповъ, между которыми можно было узнать много родовитыхъ бароновъ неаполитанскихъ, много лучшихъ воиновъ Владислава. Король съ ничтожными остатками своей арміи отступилъ въ Санъ-Джермано. Его очень легко можно было настигнуть, захватить въ плѣнъ, окончательно истребить, если бы не жадность французовъ и наемныхъ солдатъ, которые уже давно сидѣли безъ денегъ въ ожиданіи хорошей добычи. Они, обрадовавшись легкой побѣдѣ, бросились грабить лагерь и обирать тѣла убитыхъ бароновъ, которыхъ было такъ много на этотъ разъ. Хроники перечисляютъ 12 именъ, принадлежащихъ только самымъ знаменитымъ феодаламъ, погибшимъ въ этомъ сраженіи. Можно судить какъ велика была потеря Владислава, который, казалось, лишился всякихъ средствъ къ продолженію борьбы (¹).

„Въ день своего пораженія, вспоминалъ впослѣдствіи самъ Владиславъ, я считалъ и себя и королевство во власти непріятелей; на другой день, я могъ быть спокоенъ за себя, но королевствомъ моимъ они бы еще успѣли овладѣть, если бы захотѣли; на третій же день, всѣ плоды побѣды были потеряны“ (²). Эти слова прекрасно характеризуютъ положеніе дѣлъ послѣ битвы при Роккасеккѣ. Побѣдители нисколько не воспользовались своимъ торжествомъ. Отчасти то было ихъ собственная вина, причиною же были слѣующія обстоятельства.

Анжуйцы не преслѣдовали Владислава тотчасъ же послѣ битвы, дозволивъ несвоевременный отдыхъ своему войску. Этимъ они упустили удобный моментъ для своего торжества. На духъ войска непріятно подѣйствовало пораженіе, которое въ тоже

(¹) Leodrisius Cribellus. De vita Sfortiae (Mur. XIX, 650—652).—Paolo Giovio. La vita di Sforza, trad. di L. Dominichi. Ven. 1558 (28 29).—Corio. 599.—Collenuccio, 212.—Срав. Antonius Petrus. Diarium Romanum (XXIV. 1025) и Giorn. nap. (XXI, 1073). — Giannone; III, 228.—La.Bret; IV, 118.

(²) L. Aretinus; XIX, 927.

самое время понесли анжуйцы на морѣ. Эскадра, явившаяся къ Неаполю, была уничтожена флотомъ Владислава. Но главное зло, которое никакъ нельзя было предотвратить, и которое сильнѣе всего повредило анжуйской партіи, заключалось въ недостаткѣ денежныхъ средствъ.

Послѣдствія битвы.

Ни Людовикъ, ни папа не могли содержать на свой счетъ столько дорогихъ кондотьеровъ. Ни солдатамъ, ни ихъ начальникамъ, почти ни разу не заплатили денегъ, какъ слѣдуетъ. Они съ понятною жадностью бросились на грабежъ. Въ тѣ войны имѣлось обыкновеніе отпускать плѣнниковъ на выкупъ, а иногда даромъ. Наемные солдаты всегда видѣли въ непріятелѣ своего брата, товарища по ремеслу. Убивать не хотѣли, старались взять болѣе плѣнныхъ и всякій располагалъ ими по произволу. На этотъ разъ солдаты, сильно нуждавшіеся въ деньгахъ, возвращали плѣннымъ не только свободу, но даже оружіе и коня, за какіе нибудь 8 или 10 дукатовъ. Многіе тотчасъ же воспользовались этимъ. Тѣ же, которые не имѣли рѣшительно никакихъ средствъ, давали знать въ Неаполь и король съ радостью слалъ парламентеровъ съ мѣшками денегъ и выкупилъ такимъ образомъ почти все свое войско. Къ нему повозвращались скоро почти всѣ, въ томъ же вооруженіи, на тѣхъ же коняхъ, какъ будто пораженія при Роккасеккѣ не существовало. Между тѣмъ солдаты Людовика не удовлетворялись полученнымъ выкупомъ, вознаградившимъ далеко не всѣхъ, наемники отказывались идти впередъ до полученія полнаго жалованья. Нѣкоторые теперь же готовы были передаться Владиславу, который всѣхъ соблазнялъ своими богатствами, безпощадно награбленными съ измученной страны и съ покоренныхъ городовъ. Людовикъ напрасно призывалъ къ повиновенію свою волновавшуюся армію. Онъ попробовалъ прорваться въ неаполитанскія земли съ тѣми силами, какія у него были подъ рукою. Но, не смотря на то что до Неаполя оставались только Гаэта да нѣсколько неважныхъ крѣпостей, онъ потерялъ всякую надежду на обладаніе короною, которую дарилъ ему папа. Всѣ проходы въ неаполитанскомъ королевствѣ были заняты войсками Владислава и тщательно охранялись. Людовикъ, отбитый на всѣхъ пунктахъ, до нельзя раздраженный неудачнымъ исходомъ предпріятія, бросилъ армію и на второй мѣсяцъ роккасеккской побѣды былъ уже въ Римѣ ([1]).

([1]) A. Petrus; Diarium Romanum; XXIV, 1026. — Denina; II, 446.

Въ Тибрѣ онъ сѣлъ на свои галеры и уѣхалъ во Францію, проклиная и неудачу и корону (авг. 1411 г.). Черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ въ Провансъ, онъ внезапно скончался, оставивъ послѣ себя малолѣтняго сына Людовика, которому суждено было бороться также несчастливо за ту же корону.

Папа Іоаннъ XXIII остался теперь одинъ противъ вооруженнаго Владислава. Его положеніе сдѣлалось опаснымъ тѣмъ болѣе, когда онъ узналъ, что его единственная надежда, Аттендоло Сфорца, переходитъ на службу къ его врагу. Котиньольскій герой выставилъ папѣ причиною своего отказа нежеланіе служить вмѣстѣ съ Паоло Орсино (¹). Онъ говорилъ, что не довѣряетъ Орсино (sed ideo Roma discessi, quia non fidebam Paullo Ursino). Дѣйствительно, у него съ Орсино была постоянная вражда. Собственно противъ папы онъ не могъ имѣть ничего. Іоаннъ XXIII очень любилъ его и подарилъ ему между прочимъ въ наслѣдственную собственность его родное село Котиньолу съ близь лежащими мѣстечками и замками. Біографъ упоминаетъ про оскорбленія и обиды, которыя Орсино наносилъ Сфорцѣ. Аттендоло поступилъ благородно. Онъ не принялъ денегъ, которыя предлагалъ ему Іоаннъ и, заранѣе объявивъ папѣ, что не хочетъ служить у него, послалъ вѣстниковъ къ Владиславу. Заключивши условія, онъ перешелъ къ нему съ 2400 конныхъ и 400 пѣхоты,—это случилось ровно черезъ годъ послѣ битвы при Роккасеккѣ (19 мая 1412 г.). Тотъ же Крибелли прибавляетъ, что состояніе арміи Владислава и ея организація не произвели благопріятнаго впечатлѣнія на Сфорцу. Первымъ его совѣтомъ было остановить наступленіе и расположить войска на зимнихъ квартирахъ. Тѣмъ временемъ воспользовалось флорентійское правительство, чтобы примирить Владислава съ Іоанномъ XXIII. Надо замѣтить, что король неаполитанскій продолжалъ признавать Григорія XII и это обстоятельство было главнымъ поводомъ такой продолжительной и упорной вражды. Владиславъ могъ свободно отказаться отъ своего кліента, когда онъ уже оффиціально былъ низложенъ пизанскимъ соборомъ. Флоренція взяла на себя роль посредницы въ переговорахъ. Она услужила этимъ и

(¹) Cribellus; XIX. 653—655. — Corio, 604.—Bonincontrius; XXI, 106. — Raccolta napolitana; I, 213.

Владиславу, который уже начиналъ нуждаться въ деньгахъ, и Іоанну, который, въ виду неравномѣрнаго перевѣса противника, не могъ разсчитывать на какой бы то ни было успѣхъ. 15 іюня 1412 г. были подписаны мирныя условія между Владиславомъ и Іоанномъ. Король отказывался отъ Григорія XII, котораго предоставлялъ теперь самому себѣ. Съ своей стороны Іоаннъ XXIII между прочими условіями обязывался отказаться отъ Людовика анжуйскаго, дать Владиславу инвеституру на королевство сицилійское и заплатить 100 тысячъ флориновъ контрибуціи, сумму значительную для того времени ([1]). Скоро Григорій получилъ приказаніе оставить неаполитанскія владѣнія. Поживши нѣсколько времени въ Венеціи и Далмаціи, онъ пріѣхалъ въ Римини и отдался подъ покровительство Карла Малатесты. Такимъ быстрымъ исполненіемъ условій договора Владиславъ искусно провелъ Іоанна, который, при всей своей продолжительной практикѣ въ обманахъ, не могъ еще дойти до общаго убѣжденія тогдашнихъ итальянцевъ, что политическій дѣятель долженъ для успѣха своихъ плановъ отказываться отъ чести и отъ всего святаго.

Іоаннъ, считая себя уже другомъ Владислава, сообщилъ ему, что не дурно было бы наказать и лишить владѣній опаснаго для нихъ обоихъ Паоло Орсино, того самого, который былъ личнымъ врагомъ Сфорцы. Владиславъ воспользовался этимъ и послалъ Аттендоло брать замки папскаго кондотьера. Потомъ и самъ пошелъ къ нему на помощь ([2]). Но лишь только онъ вступилъ въ Церковную область, какъ круто своротилъ съ дороги и устремился къ Риму. При всей сбивчивости цифръ въ хроникахъ, есть основаніе предполагать, что съ обѣихъ сторонъ было по 15 тысячъ кавалеріи ([3]). Но у Владислава были надежныя войска и искусные предводители, смѣло бившіе на побѣду. Впрочемъ, на этотъ разъ измѣна помогла Владиславу. На седь-

---

([1]) Rayn. 1412. — Giorn. nap. полагаетъ 30 тысячъ фл. контрибуціи, но это невѣроятно послѣ словъ папскаго хроникера; XXI, 1075.

([2]) Cribellus; XIX, 656.

([3]) Giorn. nap. (1075). Надо предположить, что извѣстіе подъ 26 марта относится скорѣе къ 1413 нежели къ 1414 г., какъ думалъ между прочимъ Sismondi (VI, 139).

мой день тихо отворились ворота и неаполитанскій кондотьеръ Тарталліа (запка) ворвался въ городъ (8 іюня 1413 г.). Въ Римѣ опять утвердился Владиславъ ([1]). Это было его послѣднее и рѣшительное торжество. Теперь онъ сдѣлался положительно опасенъ для Италіи. Флорентійцы, не смотря на свой ласковый тонъ, не могли избѣгнуть войны съ государемъ, который явно выказывалъ свои политическія намѣренія. Только деньги могли еще поддержать республику.

Средства Владислава въ это время истощились окончательно. Дипломы на дворянское званіе и купчія на недвижимыя имущества теперь могли пріобрѣтать и купцы, и даже, къ величайшему ужасу безгласнаго духовенства, евреи. Беззастѣнчиво, по два и по три раза, продавалъ король одни и тѣже замки и земли разнымъ лицамъ, обманывая покупателей всяческимъ образомъ и вообще извлекая самые смѣлые, самые оригинальные доходы ([2]). Между тѣмъ страсть къ войнѣ, увлекшая его всецѣло, заставляла его дѣлать новыя траты. На войну онъ не жалѣлъ ничего. По взятіи Рима, онъ пригласилъ на свою службу еще двухъ папскихъ капитановъ, извѣстнаго Паоло Орсино и Урзо Монтероліондо (апрѣль 1414 г.). Казалось, онъ хотѣлъ имѣть въ своемъ распоряженіи всѣ военные таланты Италіи. Только миланскіе герцоги мѣшали ему перекупать ломбардскихъ наемниковъ. Владиславъ по-царски награждалъ своихъ вѣрныхъ слугъ. Когда у Сфорцы сгорѣли его котиньольскія помѣстья, то король далъ на имя его и его сына Франческо акты на владѣніе нѣсколькими городами и мѣстечками. Надо замѣтить, что осторожный Владиславъ никогда не обманывался въ выборѣ подходящихъ людей. Онъ приглашалъ въ свою службу только тѣхъ кондотьеровъ, въ которыхъ былъ хорошо увѣренъ, и на которыхъ могъ положиться. Такъ онъ нанялъ Орсино только тогда, когда тотъ въ битвѣ при Рокка-Контрада побѣдилъ осаждавшаго его Аттендоло Сфорцу ([3]).

([1]) Muratori. Annali d'Italia; XIII, 17.

([2]) Costanzo, въ концѣ XI книги.

([3]) Collenuccio, 215.—Cribellus (656) утверждаетъ, что Орсино лишь хитростью одержалъ побѣду.

Мы упомянули про то тяжелое впечатлѣніе, какое произвело на среднюю и сѣверную Италію взятіе Рима. Къ Владиславу явились посланники отъ Флоренціи, Лукки, Сіены, Болоньи и другихъ городовъ Тосканы и Ломбардіи, иные съ изъявленіемъ преданности, другіе съ заявленіемъ покорности. Прежде чѣмъ послы успѣли получить аудіенцію, до ихъ слуха дошли извѣстія о покореніи городовъ Романьи. Городъ Тоди былъ осажденъ Сфорцою. Витербо, Перуджія, Сутри и другіе важные пункты уже сдались войскамъ Владислава, который грозился теперь уничтожить такія республиканскія государства, какъ Сіена и Флоренція. Посланникъ флорентійскій съ трепетомъ узналъ про это роковое намѣреніе неаполитанскаго короля. Онъ донесъ своему правительству. Изъ Флоренціи отвѣчали ему довольно яснымъ намекомъ....

Черезъ мѣсяцъ, много черезъ два, король смертельно заболѣлъ, не достигши 30 лѣтъ отъ роду. Золото флорентійскаго посланника было такъ соблазнительно, что заставило перуджіанскаго врача пожертвовать даже своею дочерью ([1]).

Въ страшныхъ мученіяхъ, на носилкахъ, былъ перенесенъ король изъ Перуджіи въ Римъ. Но у него хватило на столько воли и силы, чтобы велѣть арестовать своихъ кондотьери, двухъ братьевъ Орсини,—Паоло и Урзо, которыхъ онъ подозрѣвалъ въ измѣнѣ. Казалось, что всю свою боль и раздражительность онъ хотѣлъ излить на этихъ несчастныхъ, которые ни въ чемъ не были виновны. Король зналъ, что ему не долго оставалось жить; по крайней мѣрѣ, онъ хотѣлъ въ послѣдній разъ насладиться властью и мщеніемъ. Эта идея доходила въ немъ до припадковъ помѣшательства. Онъ велѣлъ приготовить двѣ галеры къ отправленію въ Неаполь. На одну сѣлъ самъ, на другую посадилъ арестантовъ, закованныхъ въ кандалы. Всю дорогу онъ боялся, чтобы какънибудь не скрылись или не утопились его жертвы. Вотъ какія типичныя сцены приводятъ Giornali napolitani о послѣднихъ дняхъ Владислава ([2]).

([1]) Giannone; III, 250.—Muratori. Annali; XII, 22. «Non era allora conosciuto il morbo gallico, ma per attestato degli antichi medici si provarono talvolta i medesimi mali influssi dell'incontinenza, a queli si dava il nome di veleno».

([2]) Giorn. nap. 1076. О кончинѣ Владислава также: Campanus. Vita Brachii Perusini (Mur. XIX, 501).—Bonincontrius, 107.—Cribellus, 659.—P. Giovio. La vita di Sforza; 61. 62.

„Втораго августа приплыли галеры въ Неаполь. Король сидѣлъ на кормѣ, когда замѣтилъ, что Паоло пытался первымъ выскочить на берегъ. „Смотри хорошо за этимъ измѣнникомъ“, закричалъ онъ мессеру Бетто. Король переѣхалъ въ Castel-nuovo, въ четвергъ, въ 4 часа по полудни. Все время онъ твердилъ: „живъ ли Паоло? приведите его ко мнѣ; я хочу убить его своими руками“. Вечеромъ въ воскресенье онъ позвалъ сестру и приказалъ ей скорѣе умертвить измѣнника. Джіованна солгала, что она уже убила его; этимъ отвѣтомъ она какъ будто успокоила больнаго. Немного спустя король испустилъ духъ; 6 августа въ 8 часовъ вечера Владислава не стало. Его похоронили ночью, въ церкви S. Giovani a Carbonaro, безъ всякаго торжества, какъ какого нибудь татарина“.—Лѣтопись прибавляетъ, что такъ будто хотѣла его сестра, которая и вступила на престолъ подъ именемъ Іоанны II.

---

7) Славянскія національныя государства на Балканскомъ полуостровѣ въ XIII и XIV вѣкахъ. Болгарское и Сербское царства до подчиненія ихъ туркамъ. Нашествіе Тимура на Европу.

Мы оставили юго-восточныхъ славянъ на зарѣ новыхъ надеждъ. Съ самого начала XIII вѣка вся Болгарія и Сербія охвачены единодушнымъ патріотическимъ порывомъ. Національная династія Асеней въ лицѣ царя Іоанна водворилась на престолѣ Самуила (II, 49), а Неманей на престолѣ Сербіи (II, 47). Что прочной основой исторической жизни Болгаріи и Сербіи могло быть только православіе, видно изъ того, что попытка уніи съ Римомъ, произведенная въ Болгаріи, совершенно не удалась, будучи безповоротно осуждена голосомъ народа болгарскаго (II, 51—52). Одновременно среди сербовъ католицизмъ отвоевалъ только Далмацію, но онъ былъ совершенно вытѣсненъ изъ восточной Сербіи, гдѣ св. Сава самъ вѣнчалъ на царство своего брата Стефана Неманя въ 1222 году, создавъ тѣмъ устои православной Сербіи (II, 47). Историческая жизнь Болгаріи и Сербіи могла развиваться только на этихъ церковно-самостоятельныхъ началахъ, но къ ней всецѣло примѣняются общіе историческіе законы, наблюдаемые при изученіи второй половины

XIII и всего XIV вѣка. То было, какъ извѣстно, общее стремленіе національное и государственное, проявившееся между прочимъ въ усиленіи единоличной власти. Этому историческому стремленію остались вѣрны въ Болгаріи и Сербіи въ одинаковой степени. Историческія идеи, коими объясняется правильное теченіе исторіи, проявляютъ свое могущественное вліяніе и распространеніе внѣ предѣловъ мѣста, вѣры и расъ. Это убѣдительно повторилось на исторіи восточнаго славянства.

Іоаннъ Асеня II (1213-41 г.) въ Болгаріи.

Асени создали золотой вѣкъ для Болгаріи. Династія, основавшая это второе болгарское царство, была вполнѣ національная и вышла изъ лучшихъ нѣдръ народа, изъ верхнихъ слоевъ его. Сынъ энергичнаго Іоанна I, этого „стараго царя", Іоаннъ-Асеня II заслужилъ вполнѣ извѣстность великаго правителя [1]. Онъ умѣлъ соединить энергію съ мягкостью личнаго характера. Онъ никогда не совершилъ ни одного насилія, ни одной жестокости, а между тѣмъ расширилъ Болгарское царство до отдаленныхъ предѣловъ полуострова. Онъ сумѣлъ внушить къ себѣ не только восторженную преданность подданныхъ и сочувствіе всѣхъ православныхъ на Востокѣ, противъ которыхъ не позволялъ себѣ обнажить оружіе, но и любовь тѣхъ, съ которыми былъ въ войнѣ. Даже византійскій хронографъ, отмѣчая съ теплымъ чувствомъ возвышенныя черты характера Іоанна II, подчеркиваетъ то обстоятельство, что онъ создалъ обширное царство, не запятнавъ себя

---

(1) Источникомъ служатъ византійскіе историки, какъ Георгій Пахимеръ, Акрополитъ, Никифоръ Григорасъ и др. Изданія цитованы въ Очеркѣ среднев. исторіогр. См. болгарскую лѣтопись, изд. В. И. Григоровичемъ, въ приложеніи къ его рѣчи о Сербіи (Каз. 1859). — Въ послѣднее время явилось много трудовъ на русскомъ языкѣ отнесящихся къ даному вопросу, кромѣ перевода лучшей болгарской исторіи К. Иречка (перев. В. Яковлева, Варш. 1877; другой перев. въ Одессѣ, 1878; мы цитируемъ первый изъ нихъ), — а именно: Ѳ. Успенскаго (Образованіе втораго болгарскаго царства, О. 1872); рец. Васильевскаго (въ Ж. М. Н. П. 1879, VII—VIII) и болгарскаго ученаго М. С. Дринова (въ отчетѣ о XXIII присужденіи Уваровскихъ премій). — Макушевъ. Болгарія въ концѣ XII и въ первой половинѣ XIII вѣка (В. 1872) 2 лекціи его же: Очеркъ исторіи и современнаго положенія задунайскихъ славянъ (Р. В. 1876, № 5).—Макушевъ. Болгарія подъ турецкимъ владычествомъ (Ж. М. Н. П. 1872).— По исторіи Церкви писали: Дриновъ (Истор. очеркъ болгарской церкви) и Голубинскій (Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей—болгарской, сербской и румынской. М. 1871).

кровью грековъ, какъ дѣлали предшествовавшіе ему цари. Но еще важнѣе широта религіозныхъ воззрѣній этого замѣчательнаго человѣка. Его любили не только славяне и греки, но и католическіе рыцари латинской имперіи.

Это сказалось въ отношеніяхъ Іоанна II къ латинской имперіи. За малолѣтствомъ Балдуина II, сына императора Роберта, бѣжавшаго изъ Византіи, сильная партія въ 1230 году предлагала регентство въ имперіи болгарскому царю и когда претендентомъ явился бывшій король іерусалимскій Іоаннъ Бріеннскій, то многіе рыцари, цѣня высокія качества Асени, поступили къ нему на службу. Вообще онъ не чуждался связей съ Западомъ; его жена была итальянка по крови, Марія, дочь извѣстнаго намъ короля венгерскаго Андрея II. Вообще въ немъ не было слѣдовъ фанатизма, нетерпимости. Онъ не преслѣдовалъ богомиловъ, которые при немъ въ городахъ Болгаріи уживались мирно съ православными, занимаясь ремеслами и промыслами. Папа, возмущавшійся этимъ, писалъ венгерскому королю, что Асеня „заразилъ свое государство ересью“. Въ его войскѣ служили католики и мусульмане рядомъ съ православными, какъ у его знаменитаго современника императора Фридриха II. Съ этимъ многочисленнымъ воинствомъ онъ вступилъ въ борьбу за обладаніе Ѳракіею, которая будучи населена славянами, была теперь въ рукахъ греческихъ „деспотовъ“. Съ этими властителями по необходимости болгарскій царь долженъ былъ встать во враждебныя отношенія. Іоаннъ Дука Ватацесъ нѣсколько лѣтъ владѣлъ Адріанополемъ, который отнялъ отъ него другой авантюристъ Ѳеодоръ Эпирскій, властвовавшій надъ значительной частью полуострова отъ береговъ Албаніи до Чернаго моря и отъ Коринѳскаго залива до Марицы. Асеню соблазняла жажда отвоевать славянъ, бывшихъ подъ греческой властью, не достаточно сильной,— и подвергавшихся при тогдашнихъ обстоятельствахъ постоянной опасности подчиниться латинянамъ.

Битва при Клокотницѣ (въ 1230 г.).

Въ этой борьбѣ за существенные славянскіе интересы царь болгарскій проявилъ вмѣстѣ съ храбростью и военнымъ искусствомъ замѣчательную дипломатическую ловкость. Онъ во время заключалъ и разрывалъ союзы, добиваясь завѣтной цѣли обладанія Цареградомъ. Всѣ ходы его въ наставшей борьбѣ были очень сложные, но вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовательные и разсчитанные. Онъ хотѣлъ достичь обладанія Ѳра-

кіей и Адріанополемъ путемъ родственнаго союза съ Өедоромъ Эпирскимъ, отдавъ свою дочь Марію за брата деспота, Мануила. Но когда эпирскій властитель, нарушивъ договоръ о дружбѣ, ворвался съ рыцарями во Өракію, то царь съ сильной арміей изъ куманъ и болгаръ встрѣтилъ его на берегахъ Марицы у деревни Клокотницы (апрѣль 1230 г.). Өедоръ былъ разбитъ и бѣжалъ ([1]). По слѣдамъ его Асеня вступилъ въ предѣлы единоплеменной Өракіи, гдѣ восторженно былъ встрѣченъ славянами земледѣльцами. Болгары легко заняли Адріанополь; отсюда они двинулись на Югъ и на Западъ, встали на Мраморномъ морѣ и покорили почти безъ сопротивленія Македонію и Албанію.

Высшій ростъ Болгаріи.

Тогда вновь возстановились предѣлы болгарскаго царства. Три моря и Дунай стали его границей. На сѣверѣ предѣлы Болгаріи раздвинулись до Ниша и Бѣлграда включительно. Сербскіе владѣтели, не одушевленные племенной идеею, были разъединены, а Стефанъ Владиславъ, сильнѣйшій изъ нихъ, вступилъ съ царемъ въ родственный союзъ, женившись на его дочери. Столицею царя стало окончательно Трново, живописно расположенное на террасахъ береговъ Янтры, съ любовью украшенное царемъ дворцами, церквами и монастырями ([2]). Дальше этихъ предѣловъ не могла разростаться Болгарія, но Асеня, томимый желаніемъ славы, добивался Царьграда. Для этого онъ вступилъ въ союзъ съ Никейскимъ императоромъ Ватацемъ, обязавшись помогать ему въ уничтоженіи латинской имперіи. Но оказалось, что силы славянъ и грековъ были пока слабы въ виду средствъ, коими располагала имперія на Западѣ. Когда Ватацесъ прогналъ венеціанцевъ изъ Галлиполи, то туда прибылъ Асеня съ своей охранной дружиной, переплывъ во владѣнія своего друга. Здѣсь, на азіатскомъ берегу Геллеспонта, слишкомъ рано празднуя

([1]) Объ этомъ подробно говоритъ Acropolitas въ гл. IV.

([2]) Выстроивъ въ Трновѣ соборъ, Іоаннъ II велѣлъ вдѣлать надпись, въ которой именуя себя «Царемъ и Самодержцемъ болгаръ», въ концѣ перечисляя свои громадныя земли, идущія „до окрестъ Царѣ-града" говоритъ съ справедливой гордостью, что его государство „иного царѣ не имѣхѹ развѣ мене и мьною ради дни своѧ испровождающе бѣхѹ, Богу тако повелѣвьшу, ико безъ него ни дѣло, ни слово съврьшаетьсѧ. томоу слава въ вѣки аминь. Payечекъ. Исторія Булг. I, 237.

будущія побѣды и дѣлежъ иновѣрной имперіи, онъ обручилъ свою 10-лѣтнюю дочь Елену съ малолѣтнимъ сыномъ Ватацеса, Өедоромъ. Собственно этотъ день былъ важенъ для Болгаріи въ другомъ отношеніи: тогда константинопольскій греческій патріархъ даровалъ автономію болгарской Церкви, посвятивъ архіепископа Трновскаго Іоакима въ патріархи Болгаріи [1]. При этомъ присутствовали восточные патріархи Іерусалима, Александріи и Антіохіи. Самостоятельная славянская Церковь была довершеніемъ великаго дѣла Асеней. Какъ бы окрыленный своимъ величіемъ, Іоаннъ II вмѣстѣ съ своимъ союзникомъ бросился въ борьбу съ Западомъ, не разсчитавъ своихъ средствъ.

Походъ на Царьградъ въ 1235 г.

Тогда счастье ему измѣнило. Подъ стѣнами Константинополя союзники потерпѣли пораженіе въ 1235 году. Императоръ-юноша, Балдуинъ II, предвидя возобновленіе враждебныхъ дѣйствій, самъ поѣхалъ на поклонъ къ могущественнымъ государямъ Запада. Противъ Асени папа, по обнародованіи отлученія, на котораго тотъ не обратилъ вниманія, проповѣдуетъ крестовый походъ. Іоаннъ Бріенскій, правитель имперіи, приготовилъ столицу къ оборонѣ. Итальянскія республики послали свои флотиліи, которыя разметали болгарскія и греческія суда. Второе нападеніе болгаръ на Царьградъ также было неудачно, какъ и первое. Асеня отступилъ, а когда Іоаннъ Бріенскій умеръ, то царь совершенно измѣнилъ свою политику, отказавшись отъ союза съ Ватацесомъ.

Союзъ съ латинянами.

Дѣло въ томъ, что „царь болгаръ и грековъ", какъ именовалъ себя Асеня II, предпочиталъ оставить Царьградъ за латинянами и не желалъ допускать возстановленія греческой власти въ лицѣ никейскаго императора. Этотъ взглядъ обусловливался прямыми разсчетами царя; онъ могъ больше выгадать, поддерживая то одну, то другую сторону. Онъ даже увезъ съ собою обрученную уже дочь Елену и заключилъ союзъ съ франками противъ грековъ. Въ 1239 году онъ осаждаетъ вмѣстѣ съ ними өракійскія крѣпости. Моровая язва помѣшала успѣхамъ царя. Послѣ смерти своей первой жены, Маріи, онъ вошелъ вновь въ союзъ съ греками и же-

[1] Nic. Gregoros; I, 29.— Голубинскій. Исторія православныхъ Церквей, болгарской и др.; 80.

нился на Иринѣ, дочери эпирскаго деспота Өедора. Асеня помогъ эпирцамъ утвердиться въ Солунѣ въ 1240 году. Оттуда онъ вновь задумалъ дѣйствовать противъ Византіи, мечтая перенести туда свою столицу. Смерть застигла его среди великихъ замысловъ въ слѣдующемъ 1241 году.

Его государство распалось такъ же скоро, какъ было создано. Наслѣдники его были лишены вообще административныхъ талантовъ, а его преемникъ Коломанъ I, 9-лѣтній мальчикъ, умеръ на 14 году, вѣроятно отравленный (1241—1246 гг.). Въ послѣдній годъ царствованія этого ребенка, Болгарія, въ какіе нибудь три мѣсяца, потеряла почти всѣ завоеванія Іоанна II. Ватацесъ отнялъ восточную Македонію съ Филиппополемъ, а Михаилъ эпирскій Албанію и западную Македонію. При другомъ сынѣ знаменитаго царя, Михаилѣ Асенѣ (1246—57 г.), который юношей наслѣдовалъ своему брату, Болгарія по договору отказалась отъ прежнихъ пріобрѣтеній.

Начало славянской розни на Востокѣ.

Постепенно Болгарія лишалась всякаго значенія. Дубровникъ вовлекаетъ ее въ союзъ противъ сербовъ, которые стремились водвориться въ единоплеменной Далмаціи. Договоръ 15 іюня 1253 года (¹) положилъ начало славянской братоубійственной политикѣ на Балканскомъ полуостровѣ. Въ этомъ договорѣ, который дошелъ до насъ въ подлинникѣ, говорится, что дубровничане и болгаре должны дѣйствовать вмѣстѣ противъ сербовъ — ако бꙋдꙋ невѣрници ни прїѣтеле твоемꙋ свѣтомꙋ царьствꙋ, такожде да бꙋдꙋ невѣрьници и враговѣ нашемꙋ градꙋ Дꙋбровьникꙋ; ако ли кьто ѡдь сихь прѣписаних ь или вьси ѡбратеть се свѣтомꙋ ти царьствꙋ, и преславьно ти царьство приметь ихь вь прїѣтельство, а ми да е имамо за прїѣтеле, ако ли Ꙋрошь или некто ѡдь прѣписанихь рода его бꙋдеть врагь нашемꙋ градꙋ Дюбровьникꙋ, бꙋдеть врагь свѣтомꙋ ти царьствꙋ; ако ли кьто ѡдь прѣписанехь бꙋдеть прїѣтель градꙋ дюбровьчкомꙋ, високо твое царьство да га има за прїѣтела, и аще богь поможеть свѣтомꙋ ти царьствꙋ исьпꙋдити врага твога и нашега Ꙋроша исъ срьпьске земле и брата его Владислава и родь ихь или дрꙋзи властеле, и прибѣгьнꙋ градꙋ Дюбровьникꙋ, ми да ихь не примемо ни рѣчи ихь, кьте да имь пакостимо, колико можемо, и свѣто ти царьство да не створить мирь

(¹) Подлинникъ у Миклошича. Monumenta serbica spectantia historiam Serbiae, Bosnae, Ragusii (Vienna, 1858); p. 35—40.

безь нась сь Ѹрошемь и нась сьш-нимь не пѹстити безь мира, и паче да бѹдемо свѣтимь с твоимь царьствомь врьхѹ Ѹроша врага твога и нашега и врьхѹ вьсега свога рода и врьхѹ ѡнога....

Это забавное въ своей наивности — „пакостимо колико можемо“ — достаточно отчетливо характеризуетъ славянскія взаимныя отношенія. Впрочемъ тогда болгарамъ не пришлось вступить въ борьбу съ сербами, такъ какъ краль Урошъ примирился съ Дубровникомъ и подтвердилъ торговыя привилегіи тамошнихъ купцовъ. Болгарскій царь даже вступилъ въ родство съ Урошомъ, женившись на его дочери.

Подчиненіе болгаръ Сербіи произошло въ слѣдующемъ столѣтіи. Вторая половина XIII вѣка ознаменовалась постепеннымъ разрушеніемъ болгарскаго царства. Михаилъ, узнавъ о смерти Ватацеса, началъ было войну противъ его слабаго преемника Ѳедора II Ласкариса, думая возвратить уступленныя земли, но повелъ ее такъ неудачно, что самъ потерялъ послѣднія позиціи болгаръ за Балканами. Это вызвало общее неудовольствіе въ странѣ. Пользуясь этимъ, двоюродный братъ молодаго царя Калиманъ задумалъ овладѣть престоломъ и, подговоривъ нѣсколькихъ вліятельныхъ горожанъ столицы, убилъ Михаила въ окрестностяхъ Трнова.

Константинъ (1258-77 г.).

Михаиломъ прекратилась славная династія Асеней, горделиво именовавшихъ себя „царями болгаръ и грековъ“. Калиманъ, провозгласивъ себя царемъ, хотѣлъ жениться на вдовой царицѣ, но его никто не признавалъ. Онъ бѣжалъ изъ столицы и скоро умеръ. Тогда Стефанъ Урошъ явился въ Трново, чтобы отстоять права своей дочери. Можетъ быть подъ его давленіемъ бояре на сеймѣ избрали царемъ внука Стефана Неманя, Константина, который принялъ династическое имя Асеней, женившись на Иринѣ, внучкѣ Іоанна II. Несмотря на всю свою энергію и благородныя стремленія, онъ не могъ спасти Болгарію отъ паденія. Онъ полагалъ помочь странѣ, вступивъ въ союзъ съ Неаполемъ. Тогда Карлъ I, король обѣихъ Сицилій, думалъ вновь возстановить оружіемъ латинскую имперію. Онъ утвердился въ западныхъ городахъ полуострова и, оперируя черезъ Дураццо, покорилъ Албанію. Такъ какъ эта страна была уже потеряна для Болгаріи, то Константинъ предпочелъ дружбу съ Карломъ I союзу съ византійскимъ императоромъ Михаиломъ VIII, хотя послѣ смерти Ирины женился на его дочери. Съ Карломъ вступила въ

союзъ и Сербія, управляемая могущественными Неманичами. Сношенія, завязавшіяся между Италіей и славянами, повели къ выселенію многихъ болгарскихъ колоній въ неаполитанскіе предѣлы. Такъ на островѣ Искія образовалось славянское поселеніе, а въ самомъ Неаполѣ цѣлая улица именовалась „Болгарскою“.

Между тѣмъ гроза надвигалась на Византію. Итальянцы, болгары и сербы шли съ разныхъ сторонъ. Это было въ 1272 году. Въ отчаяніи Михаилъ VIII обратился къ папѣ, соглашаясь на унію и обѣщая отречься отъ схизмы. Это вызвало общее неудовольствіе, которое распространилось не только въ народѣ, но даже при дворѣ. Изъ него не вышло ничего; итальянскій походъ также не удался.

Между тѣмъ въ Болгаріи, гдѣ во время болѣзни царя Константина управляла его жена Марія, проявилось крайне враждебное настроеніе противъ правительства, — признакъ предстоящаго паденія царства. Въ западной части Балканъ правилъ князь Яковъ Святославъ, вѣроятно русскаго происхожденія. Правительница Марія, — опасаясь чтобы онъ не помѣшалъ ея сыну Михаилу вступить на царство, и желая устранить его отъ богарскаго престола, — замѣнила его въ Трновѣ, торжественно назвала своимъ сыномъ, а потомъ поспѣшила погубить его.

Ивайло (1277-79 г.).

Это вызвало раздраженіе противъ правительницы. Оно усилилось, когда татары вступили изъ степей Россіи въ беззащитную страну. Народъ долженъ былъ защищать самъ свои дома и семьи. Изъ его среды вышелъ храбрый, но полудикій гайдукъ Ивайло. Прежде онъ былъ пастухомъ, потомъ сталъ возвѣщать о своемъ великомъ призваніи, которое было ему указано въ сновидѣніяхъ, одѣлся въ пышныя одежды и препоясался мечемъ. Скоро онъ сталъ во главѣ сильнаго отряда головорѣзовъ, убилъ царя Константина, занялъ Трново и женился на вдовой царицѣ Маріи, которая съ ревностью матери, думая охранить право своего сына, сама отдалась гайдуку. Греческій императоръ двинулъ войска противъ Ивайло на Трново. Долго греки осаждали городъ, а Ивайло дѣйствовалъ тѣмъ временемъ противъ татаръ. Столица сдалась грекамъ, которые, плѣнивъ царицу, отослали ее въ Адріанополь, а царемъ провозгласили одного изъ Асеней, Іоанна III. Власть греческаго ставленника была непродолжи-

тельна. Скоро подъ стѣнами Трнова явился Ивайло; въ два удара онъ разбилъ 15 тысячную византійскую армію, но народъ отвергнулъ его, также какъ Іоанна III, провозгласивъ царемъ Георгія Тертерія, половца родомъ, но связаннаго родственными узами съ старыми болгарскими родами. Тогда Ивайло бѣжалъ въ степи нынѣшней Новороссіи къ ногайскому хану. При дворѣ хана онъ встрѣтилъ своего соперника Іоанна III Асеню, который также просилъ заступничества. Ханъ обѣщалъ помочь тому и другому, а потомъ приказалъ перерѣзать горло обоимъ. Асеня успѣлъ спастись. Ивайло погибъ.

Паденіе Болгаріи.

При Тертеріи Болгарія распадалась на отдѣльныя княжества. Татары ежегодно врывались съ возраставшими силами, раззоряя несчастную страну. Тертерій, обезсиленный, нелюбимый народомъ, бѣжалъ къ грекамъ, послѣ того какъ императоръ Андроникъ, изъ боязни татарской силы, отказался помочь Болгаріи. Сербы также спѣшили воспользоваться кусками Болгаріи. Ногайскій ханъ въ 1292 году покорилъ Болгарію, поставивъ царемъ боярина Смилеца, обязавъ его платить дань.

Такъ окончилось второе болгарское царство, созданное геніемъ Іоанна II,—это обширное государство, управлять которымъ было не по силамъ его слабымъ преемникамъ.

Болгарія впрочемъ скоро освободилась отъ татарскаго ига, чтобы послѣ долгихъ междоусобій въ первой половинѣ XIV вѣка подчиниться соплеменнымъ сербамъ. Царь Стефанъ Душанъ послѣ отчаянной битвы при Кюстендилѣ (Вельбужда) на берегахъ Каменчи, происходившей 28 іюня 1330 года, уничтожилъ остатки самостоятельности Болгаріи, подчинивъ ее Сербіи.

Сербія.

Судьба сербскаго царства аналогична съ судьбою Болгаріи. Оно создалось изъ отдѣльныхъ земель властелей, также сложилось въ сильное государство благодаря талантливымъ собирателямъ земли, также было могуче лишь подъ условіемъ сохраненія устоевъ православія, также боролось съ захватами грековъ и также пало подъ ударами мусульманъ ([1]).

([1]) Даничић. Животи краљева и архиепископа српски написао архиепископъ Данило и другихъ (Загр. 1886).—Miclosich. Monumenta serbica (V. 1858). Šafarik. Pamatky drěvniho pisemnictvi Juhoslovanův.—

При этомъ надо замѣтить, что сербы западные хорваты и восточные имѣли отдѣльную исторію. Ихъ интересы, прошлое, вѣра — были различны. Сперва греческіе проповѣдники посѣяли сѣмена православія у западныхъ, адріатическихъ сербовъ (хорватовъ и далматовъ) но искусство римскихъ проповѣдниковъ, большая близость къ Западу, вызванныя сю торговыя и промышленныя связи повліяли на перемѣну вѣроисповѣданія, хотя въ Далмаціи оставалось вплоть до конца XVIII вѣка нѣсколько десятковъ тысячъ православныхъ.

Хорватія и Далмація.

Хорваты населили свою настоящую землю съ перваго появленія славянъ на полуостровѣ, т. е. съ VI вѣка, а именно территорію между Адріатическимъ моремъ, Савой, Вербасомъ; послѣ, на Востокъ отъ нихъ, по рѣкамъ Боснѣ, Дринѣ и Моравѣ, поселились сербы собственно, а на югѣ поселенцы назвались разными мѣстными именами: Захолмяне, Требиняне, Діоклейцы, Зерствяне и т. д. Всѣ вмѣстѣ они назывались славянами (славине, славинцы). Римскія муниципіи при наплывѣ пришельцевъ ославянились, чтобы послѣ вновь итальянизироваться; то были: Задаръ, Дубровникъ, Сплѣтъ и др., о чемъ мы упоминали свое время. Онѣ стали предметомъ долгой борьбы за побѣду между славянами, венграми и венеціанцами. Хорваты въ XIII вѣкѣ признали верховную власть латинянъ, вмѣстѣ съ ихъ вѣрою. Съ IX до XI столѣтія они считались уже подданными Византійской имперіи,

---

Лѣтописи изданы также Ягичемъ. Пуцић. Споменици србски (1858—62).— Разборъ источниковъ для Сербіи и Хорватіи у Рачкаго (Ocjena starijih izvora), а непосредственно для Сербіи превосходный анализъ сдѣланъ В. В. Качановскимъ (Сербскія житія и лѣтописи въ XIV и XV вѣкахъ въ Слав. Сборникѣ т. III, 1876, стр. 183—222).—Хорватскіе источники издали частію Рачкій (Documenta hist. Croatiae, 1877) и Theiner (Vetera mon. Slav. merid 1863—75 и Mon. spectantia historiam Slav. merïd, 1868 и сл.), а правовые изд. хорватскимъ поэтомъ Кукулевичемъ-Сакцинскимъ (Jura regni Croatiae. 1861, 1861; Acta croatica, 1853; Codex dipl. Cr. 1874).—Историческія пособія: статьи Рачкаго въ Rad Jugosl. Akad.—Новиковић. Србске области X и XII в. (пом. въ Гласник Срб. 1889 г.).—Срећковић. Исторія сербскаго народа, 1884.—Т. Флоринскій. Южные славяне и Византія во второй четверти XIV в. (1882, 2 вып.).—Ранке. Исторія Сербіи (р. пер. 1886, 2 изд.), очень поверхностное и собственно для новаго времени.— А. Майковъ. Исторія сербскаго языка въ связи съ исторіей народа (М. 1857).

хотя были по прежнему въ церковныхъ дѣлахъ связаны съ Римомъ; впрочемъ богослуженіе совершалось и на латинскомъ и на славянскомъ языкѣ. Въ X вѣкѣ Хорватія стала королевствомъ; ея предѣлы распространились за Саву до Дравы; западная часть этой территоріи, давно населенная „словинцами“, стала именоваться Славинской страной (Slavonia), а восточная отошла къ православной Сербіи. Съ конца X вѣка, при короляхъ изъ дома Кресиміровъ, Венеція утвердилась въ общинахъ Далмаціи, уступленныхъ императоромъ Алексѣемъ Комненомъ въ 1085 году и закрѣпленныхъ въ 1099 году за Венеціей, успѣвшей итальянизировать адріатическое славянское побережье. Въ 1102 году на престолъ хорватскій вступила венгерская династія въ лицѣ Коломана, обязавшагося сохранять внутреннюю самостоятельность хорватской земли. Обѣ короны, венгерская и хорватская слились, но каждое государство имѣетъ отдѣльное существованіе и свои особые историческіе интересы. Новая сильная династія принесла широкіе замыслы. Они простирались на западную и восточную часть полуострова. Маленькая Хорватія вмѣстѣ съ Венгріей оказали Европѣ великую услугу, защищая Западъ отъ нашествія татаръ въ 1245 году. Съ прекращеніемъ арпадской династіи престолъ венгерскій былъ занятъ анжуйцами изъ Неаполя. Этому много содѣйствовалъ могущественный хорватскій вельможа Павелъ Шубичъ, который во время ваканціи престола, самостоятельно правилъ не только въ Хорватіи, но и въ сосѣдней Боснѣ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ Младеномъ. Цѣлью венгерскихъ королей арпадской и анжуйской династій, носившихъ на своей головѣ корону Хорватіи, было отнять отъ венеціанцевъ Далмацію, которая благодаря морской торговлѣ пріобрѣла высокую степень экономическаго благосостоянія ([1]). Цѣль эта была достигнута въ половинѣ XIV вѣка. Венеціанская власть была тяжела для славянскихъ общинъ; это особенно испытали на себѣ жители Задра, подчинившіеся Венеціи въ 1346 году. Тогда же они завели сношенія съ королемъ венгерско-хорватскимъ, призывая его на помощь. Оружіе хорватовъ было счастливо. Венеція по договору уступила Хорватіи (18 февраля 1358 года), или точнѣе королю

([1]) П. Н. Смирновъ. Отношенія Венеціи къ городскимъ общинамъ Далмаціи. Вып. I; съ XII до половины XIV вѣка (К. 1880). Вып. II; съ 1358 до 1573 года (К. 1884). Источники разобраны въ той и другой книгѣ.

венгерскому, всю Далмацію до Дураццо, вмѣстѣ съ Дубровникомъ, отозвала изъ городовъ своихъ чиновниковъ и отказалась отъ вмѣшательства. За это король очищалъ венеціанскія владѣнія и принималъ мѣры противъ пиратовъ. Папа гарантировалъ договоръ. Впрочемъ вскорѣ трактатъ 1350 г. потерялъ значеніе. Общины Далмаціи убѣдились горькимъ опытомъ, что венгерская власть, хотя посылавшая единоплеменныхъ правителей въ города Далмаціи, еще тяжелѣе венеціанской. Далматинскія общины снова начало тянуть къ адріатической республикѣ; это было влеченіе столько же вызванное политическими сколько экономическими причинами. Низшіе классы безусловно тянули къ Венеціи, знатные (нобили) къ Хорватіи. Всѣхъ возмущалъ аппеляціонный верховный королевскій трибуналъ, куда приносились жалобы на мѣстныхъ судей. Не прошло трехъ лѣтъ послѣ подчиненія Далмаціи, какъ по смерти Людовика, при его слабой дочери Маріи, приморскія общины, пользуясь безпомощностью венгерскаго правительства, заключили съ королевой соглашеніе, по которому уже не подчинялись болѣе ей, а входили въ союзъ. Этимъ воспользовалась Венеція и стала отбирать одинъ городъ за другимъ подъ свою верховную власть. Успѣхамъ Венеціи содѣйствовала перемѣна династіи на венгерско-хорватскомъ престолѣ. Извѣстный намъ Владиславъ, король неаполитанскій, приглашенный хорватами на венгерскій тронъ, располагавшій тогда тремя—хотя номинально—престолами, продалъ общины Венеціи за 100 тысячъ дукатовъ [1]. Впрочемъ въ томъ же году, вытѣсненный изъ Хорватіи, Владиславъ, долженъ былъ уступить свои права супругу Маріи, Сигизмунду, королю чешскому. Общины Далмаціи были укрѣплены за Венеціей въ 1433 году. Онѣ навсегда пропали для славянства.

Стефанъ Неманя (1159-95 г.).

Могущественная Сербія, о которой мы говорили въ началѣ этого тома, была создана энергіей и умомъ Стефана Немани. Онъ былъ для своего народа тѣмъ, чѣмъ былъ для болгаръ Іоаннъ II Асеня. Личный характеръ того и другаго дѣятеля представляетъ замѣчательную аналогію. Оба они вышли изъ народа; оба были демократами во внутренней политикѣ; оба удивительно ловко принаравливались къ окружающимъ условіямъ; оба отличались столько же храбростью,

---

[1] Ljubić. Monumenta spectantia hist. Slav. merid. V, 177.

сколько дипломатической изворотливостью. Разница между ними была только въ степени религіознаго настроенія: Асеня отличался терпимостью; въ Стефанѣ было много фанатизма. Одинъ изъ новыхъ историковъ Сербіи удачно обрисовываетъ общее значеніе этой замѣчательной личности, говоря, что Неманя далъ новую, самобытную, государственную жизнь Сербіи, которая долго не могла возстать и оправиться подъ разрушительнымъ вліяніемъ междуродовыхъ усобицъ и вмѣшательства сильнѣйшихъ сосѣдей, грековъ и болгаръ (¹). Стефанъ доставилъ православной Сербіи окончательное господство надъ всѣми сербскими землями (за исключеніемъ окатоличенныхъ хорватовъ) и стянулъ къ одному средоточію всѣ сербскія области. При немъ независимые областные жупаны и князья сошли съ самостоятельнаго поприща и стали въ рядъ туземныхъ бояръ. „Надъ всѣми возвышается великожупанскій родъ Немани. Если и находимъ въ послѣдствіи одного или двухъ, по видимому, независимыхъ князей въ Хлумѣ (позднѣйшая Герцеговина), гдѣ нашли убѣжище богомилы, то князья эти, жестоко гонимые при Стефанѣ, являются тамъ только на время и область ихъ, какъ до нихъ, такъ и послѣ нихъ, признаетъ надъ собою верховную власть Сербіи. Босна также колеблется между Венгріею и Сербіею; но все же это не болѣе какъ области, подвластныя той или другой странѣ, и нѣтъ ни одного посторонняго рода, который осмѣлился бы отнимать верховную власть у Неманичей. Собравши такимъ образомъ сербскую землю и ставъ надъ нею единымъ повелителемъ, Неманя позаботился объ ея государственной самостоятельности. Дружескія сношенія съ нѣмецкимъ императоромъ и родственныя связи съ греческими царями придали совсѣмъ иной видъ Сербіи. Теперь она стала въ ряду независимыхъ государствъ. Внесеніе государственнаго значенія во внѣшнюю жизнь Сербіи принадлежитъ Немани".

Стефанъ понималъ всю силу и обаяніе государственнаго начала. Онъ сознавалъ, что для славянъ оно покоится на религіозной основѣ и потому выводилъ свою власть отъ Бога: — „тѣмьме (бгь) по мьнозѣи его и неизьмѣрьнѣи милости и чловѣколюбию дарова нашимь прадѣдомь, и нашимь дѣдомь обладати сиювь земловь срьбьсковь, и вьсакоѣко бгь строена оуньша чловѣкомь не

(¹) А. Майковъ. Исторія сербскаго языка и народа, 215.

хотѣ чловѣчи гибѣли, и постави ме великаго жоупана, нареченаго въ свѧтѣмь крьщени стѣфана неманоу, и wбновихь свою дѣдиноу, и больше оутврьдихь бжиювь помокию и своею моудростию даною ми w бга, и въздвигохь погибьшоую свою дѣдиноу“.

Стефанъ Первовѣнчанный (1195-1224 г.).

Мы уже говорили (II, 47), какъ при его преемникѣ, папа Гонорій III предложилъ свои услуги Сербіи подъ условіемъ церковной уніи, за что давалъ Стефану королевскій титулъ. Но эти попытки не принесли успѣха. Въ 1222 году братъ „краля“, св. Сава, вѣнчалъ Стефана на престолъ, по православному обряду, прервавъ всякую связь съ Римомъ. Такъ какъ эта церемонія была совершена впервые съ особымъ торжествомъ, то Стефанъ именуется въ „Житіяхъ“ Первовѣнчаннымъ кралемъ (прьвовѣньчаналго кралѧ). Послѣ того не было у сербовъ близкихъ связей съ далекимъ Западомъ, тѣмъ болѣе что еще ранѣе (въ 1203 году) было свергнуто владычество венгерскихъ королей, продолжавшееся не болѣе года, хотя это дало призрачное основаніе королямъ венгерскимъ именоваться вмѣстѣ и сербскими. Венгры впрочемъ удержали за собою часть сѣверной Сербіи, изъ которой образовали т. н. бановину, Украйну, подчинивъ себѣ одновременно Холмъ и Боснію, такъ какъ корона Хорватіи была соединена съ короной Венгріи. Что Венгрія вліяла на государственную жизнь Сербіи видно изъ того, что когда вспыхнула война между чехами и венграми, то сербы, въ сознаніи которыхъ не успѣло упрочиться начало единоплеменности, поддерживали венгерскаго короля Белу противъ чешскаго Оттокара.

Его преемники.

Это было уже при преемникахъ Первовѣнчаннаго, который скончался (въ 1224 году) съ полнымъ убѣжденіемъ, что престолъ Сербіи упрочился въ его родѣ и что бояре, послѣ торжественнаго вѣнчанія его, никогда не подумаютъ встать рядомъ съ его дѣтьми. Стефанъ опирался на сильное духовенство, во главѣ котораго стоялъ его братъ съ титуломъ архіепископа Расскаго, съ правомъ поставляться отъ своихъ же сербскихъ архіереевъ. Онъ оставилъ послѣ себя четырехъ сыновей, изъ которыхъ младшій, Предислава пошелъ въ монахи и сталъ архіепископомъ, принявъ имя Савы II. Старшіе же братья: Радославъ, Владиславъ, Урошъ одинъ за дру-

тимъ были кралями. Радослава, принявшаго имя отца, не любили изъ за его жены, которую лѣтописецъ считаетъ „новою Iезавелью“. Она была причиной всѣхъ его несчастій и сверженія съ престола; Стефанъ II бѣжалъ въ Дубровникъ, потомъ принялъ постриженіе, предоставивъ престолъ брату Владиславу, который также не былъ счастливъ и не могъ достигнуть королевской власти.

Стефанъ II былъ свергнутъ третьимъ братомъ Стефаномъ Урошемъ, котораго сербскіе „животи“ считаютъ „Великимъ“. Онъ дѣйствительно превосходилъ своихъ братьевъ правительственными способностями и энергіей. Тогда Сербія была въ страхѣ отъ нашествія татаръ, которые, раззоривъ Русь, свирѣпствовали въ Болгаріи (въ 1241 году); но бѣдствіе миновало и татарская туча прошла мимо, охвативъ небольшую часть Сербіи. Стефанъ Урошъ путемъ дипломатическихъ переговоровъ заставилъ Дубровникъ платить дань, но за то предоставилъ дубровничанамъ свободную торговлю во всей Сербіи безъ уплаты земскихъ повинностей. Этимъ соглашеніемъ устранена была война, грозившая вспыхнуть между родственными народами. Стефанъ Урошъ (1243-72 г.).

Стефанъ Урошъ „краль всей Рашькѣи земли“, какъ онъ титуловалъ себя, погибъ отъ руки возмутившагося сына. Онъ хотѣлъ провести на тронѣ новую мысль, передать престолъ не старшему сыну, не по обычаю, а достойнѣйшему. Таковымъ онъ считалъ младшаго Милутина, разсчитывая женить его на дочери императора византійскаго Михаила Палеолога, чтобы сблизиться съ греками. Между тѣмъ еще ранѣе онъ обѣщалъ передать престолъ при своей жизни старшему сыну Драгутину, который не переставалъ напоминать объ этомъ отцу при каждомъ случаѣ. Видя нарушеніе обѣщанія, Драгутинъ возмутился и разбилъ отца, который вскорѣ погибъ въ Дураццо.

Побѣдитель правилъ не долго; его мучили угрызенія совѣсти. Онъ раскаялся въ своемъ прошломъ, и добровольно уступилъ престолъ брату Милутину въ 1275 году съ тѣмъ чтобы тотъ назначилъ своимъ наслѣдникомъ его сына Владислава. Драгутинъ (1272-75 г.).

Въ Милутинѣ Сербія получила замѣчательнаго правителя. Съ обширнымъ изворотливымъ государственнымъ умомъ онъ соединялъ постоянство въ преслѣдованіи своихъ цѣлей, Урошъ II Милутинъ (1275-1321 г.).

51*

энергію, находчивость и воинскую храбрость. Но все это затемнялось безнравственностью и крайнею неразборчивостью средствъ. Честолюбіе и политическіе планы воспитали въ немъ презрѣніе къ людямъ, чести и обычнымъ правиламъ нравственности. Милутинъ поставилъ себѣ задачею расширить Сербію на счетъ имперіи. Въ борьбѣ съ нимъ умеръ Михаилъ Палеологъ, которому приходилось обороняться при помощи татаръ и турокъ. Воины Османа тогда впервые показались на Балканахъ, въ качествѣ наемниковъ императора. Несмотря на такихъ противниковъ, Милутинъ покорилъ много городовъ и побѣдоносно дошелъ до Солуня. Затѣмъ онъ составилъ планъ пріобрѣтенія Босны. Не прибѣгая къ войнѣ, онъ предпочелъ пріобрѣсти эту страну путемъ брачнаго союза. Ни во что ставя узы брака и личныя симпатіи, онъ, узнавъ объ обѣщаніи венгерскаго короля отдать Боснію въ приданое за своей сестрой Елизаветой, просилъ у короля ея руки и для этого развелся съ женой, обѣщавъ притомъ папѣ ввести католицизмъ въ Сербіи.

Ставъ такимъ образомъ владѣтелемъ Босны безъ борьбы, Милутинъ какъ бы убѣдился въ преимуществѣ подобнаго пріятнаго и легкаго способа для достиженія государственныхъ цѣлей. Когда татары подчинили себѣ Болгарію (II, 797) и ставленникъ Ногая, Смилеца, вторгнулся въ Сербію, Милутинъ, чтобы избавиться отъ татаръ, отдалъ сыну одного болгарскаго вождя свою дочь, а затѣмъ, когда татары поставили надъ Болгаріей сына извѣстнаго намъ Тертерія, Святослава, то Милутинъ, продолжая опасаться татарскаго вторженія, и, нисколько не опасаясь венгровъ, женился на сестрѣ Святослава, прогнавъ свою вторую жену. Это стоило ему потери Босны, которую онъ не могъ удержать, но за то въ его умѣ развились болѣе грандіозные планы. Обезопасивъ себя со стороны Болгаріи и татаръ, не придавая значенія силѣ венгровъ, титулуя себя „сь Богмь самодрьжьць всѣхь срьбскихь земль и поморскихь“, Милутинъ не остановился передъ мыслью сѣсть со временемъ на императорскомъ престолѣ въ Цареградѣ. Обстоятельства тому благопріятствовали. Императрица Ирина, супруга Андроника, не любила своихъ сыновей и, опасаясь возраставшей силы Сербіи, лелѣяла планъ соединенія обоихъ государствъ. А между тѣмъ дѣйствительно приходилось откупаться отъ сербовъ, которые продолжали врываться въ предѣлы имперіи, не довольствуясь прежними пріобрѣте-

ніями. Чтобы склонить Милутина къ миру, въ семействѣ императора рѣшили воспользоваться тѣмъ средствомъ, къ которому не безъ успѣха прибѣгалъ сербскій краль. Ему предложили бросить третью жену, по примѣру первыхъ двухъ, и жениться на малолѣтней византійской царевнѣ Симонидѣ. Милутинъ съ восхищеніемъ принялъ такое лестное предложеніе и прекратилъ набѣги. Ему легко было успокоить свою совѣсть: второй и третій бракъ были недѣйствительны при жизни первой жены краля, а подоспѣвшая во время смерть ея окончательно развязывала ему руки. Нѣкоторая разница въ лѣтахъ также не пугала искусившагося въ жизни Милутина. Ему было уже за 40 лѣтъ, а невѣстѣ 8 лѣтъ, но такое неравенство въ возрастѣ было не первымъ примѣромъ въ средніе вѣка. Милутинъ выдалъ свою жену греческому правительству, а въ обмѣнъ получилъ дѣвочку-царевну вмѣстѣ съ правомъ наслѣдовать Византійскую имперію въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и Андроникъ былъ доволенъ новымъ союзникомъ. Зять обѣщалъ ему оказать помощь противъ турокъ. Чтобы заручиться симпатіями греческаго населенія, Милутинъ посылаетъ богатые дары и украшенія въ храмы Цареграда, Солуня и Аѳона. Въ угоду императрицѣ Милутинъ пожертвовалъ своимъ любимымъ побочнымъ сыномъ Стефаномъ, будущимъ кралемъ. Ему испортили зрѣніе и выдали Византіи, но Стефанъ, прозвавшійся впослѣдствіи Урошемъ, бѣжалъ изъ плѣна.

Разсчитывая на содѣйствіе Запада, Милутинъ обѣщалъ папѣ войти въ лоно католической Церкви и признать главенство Римскаго первосвященника. Къ этому побудило его опасеніе перемѣны династіи въ Венгріи. Но скоро краль торжественно отрекся отъ союза съ Римомъ, ссылаясь на неудовольствіе тещи и жены. Папа сталъ проповѣдывать крестовый походъ противъ сербскихъ схизматиковъ, открыто поддерживавшихъ богомиловъ. Милутину не пришлось сразиться съ западнымъ рыцарствомъ. Онъ умеръ за приготовленіями къ оборонѣ. Всѣ усилія куріи пропали даромъ. Походъ не состоялся.

Послѣ смерти Милутина, голосомъ народа былъ посаженъ на престолъ его побочный сынъ Стефанъ, почти слѣпой, прежде жившій въ качествѣ заложника въ Цареградѣ, **Стефанъ Урошъ III (1321-31 г.).**

Онъ принялъ имя Уроша III [1]. Собственно право на престолъ имѣлъ старшій въ родѣ въ силу послѣднихъ постановленій по наслѣдованію. Племяннику покойнаго, Владиславу Драгутиновичу была давно завѣщана королевская корона, на что ранѣе соглашался Милутинъ. Теперь Владиславъ рѣшился отстаивать свои права силою, но былъ разбитъ въ 1324 году. Тогда окончательно восторжествовало семейное начало надъ родовымъ. Стефанъ Урошъ III не обладалъ талантами отца, но въ немъ были нѣкоторыя выдающіяся наслѣдственныя черты. Онъ также считалъ брачныя узы лучшимъ средствомъ къ разрѣшенію самыхъ острыхъ вопросовъ. Когда венгерскій король Каробертъ грозилъ ему войною, Стефанъ поспѣшилъ склониться передъ Римомъ и изъявилъ желаніе не только жениться на принцесѣ Тарентинской, родственницѣ Кароберта, но и принять католицизмъ. Когда Каробертъ передумалъ вести войну и опасность для короля миновалась, то Стефанъ отказался и отъ невѣсты и отъ папы, какъ бы забывъ свои обѣщанія. Чувствуя себя въ силахъ обрушиться на Имперію, онъ взялъ нѣсколько греческихъ городовъ и большую добычу; на эти средства онъ построилъ Дечанскій монастырь въ 1327—35 годахъ, снабдивъ его на поминъ души богатыми 30 помѣстьями. Въ войнѣ съ греками выдвинулся сынъ краля, знаменитый впослѣдствіи Стефанъ Душанъ; во главѣ сербовъ онъ разбилъ Михаила VIII и заставилъ Византію просить мира. Онъ давно носилъ титулъ младшаго краля, такъ какъ отецъ, вѣнчаясь на царство, короновалъ и его. Душанъ имѣлъ особый удѣлъ въ Зетѣ. Въ послѣднее время отецъ видимо устранялъ его отъ дѣлъ. Женившись на гречанкѣ, онъ окружилъ себя выходцами изъ Византіи, чѣмъ вооружилъ противъ себя многихъ властелей. Краль, не обращая на это вниманія, прогналъ бояръ отъ своего двора, чѣмъ еще болѣе вооружилъ ихъ и далъ поводъ народиться заговору. Во главѣ оппозиціи всталъ наслѣдникъ престола Стефанъ, вокругъ котораго собрались всѣ недовольные. Онъ принялъ явно враждебное положеніе. Отецъ велѣлъ опустошить Зету; сынъ смирился, потомъ снова сталъ дѣйствовать противъ отца, который приказалъ ему оставить предѣлы государства. Но бояре не допустили до того. Они вооружились и произвели возстаніе. Ста-

---

[1] По монастырю, который онъ основалъ, его послѣ стали называть Дечанскимъ.

рый краль покинулъ свою столицу, ожидая скорой смерти, которая была ему кѣмъ-то предсказана. По его слѣдамъ вступилъ сынъ въ королевскій дворецъ и велѣлъ преслѣдовать краля. Отецъ сдался сыну, который теперь готовъ былъ примириться со своимъ родителемъ. Бояре не допустили до того; они силою взяли слѣпаго старика въ Дечаны и тамъ задушили его. Современники считали Стефана соучастникомъ гибели отца, почему и прозвали его „Душаномъ".

Вступивъ на престолъ путемъ насилія и по праву наслѣдства, Стефанъ Душанъ сразу поставилъ себя самостоятельно, устранивъ попытки бояръ вмѣшаться въ дѣла правленія и быстро развернувъ свои способности ([1]). Женившись на Еленѣ болгарской, которая оказалась на высотѣ своего положенія, содѣйствуя видамъ и планамъ мужа, онъ тѣмъ самымъ обезопасилъ себя со стороны Болгаріи, гдѣ правилъ его другъ, царь Іоаннъ-Александръ. Стефанъ, удачно отбросивъ венгровъ до Савы, сосредоточилъ все вниманіе на Византіи, лелѣя грандіозную мысль обладанія императорскимъ престоломъ. Желая сблизиться съ греками и понравиться имъ во что бы то ни стало, Душанъ постепенно сживался съ міромъ византійскимъ, заимствуя болѣе отрицательныя стороны грековъ, чѣмъ положительныя. Этотъ византизмъ развивался въ Душанѣ по мѣрѣ военныхъ успѣховъ. Въ два похода (1337—40 году) онъ завоевалъ всю Ѳракію, отъ Янины до Евбеи, почти до стѣнъ Константинополя. Императоръ Андроникъ заперся въ Солунѣ, гдѣ осадили его сербы. Вынужденный необходимостью, императоръ уступилъ Душану значительную часть Ѳракіи съ Охридою, Прилѣпомъ, Яниной и другими городами. Но этого было мало. Воспользовавшись нарушеніемъ обязательствъ со стороны новаго императора Іоанна Кантакузина, который

Стефанъ Душанъ (1331-55 г.).

([1]) Кромѣ приведенныхъ сочиненій для времени Душана: рѣчь В. И. Григоровича (О Сербіи въ ея отношеніяхъ къ сосѣднимъ державамъ, преимущественно въ XIV и XV стол. Каз. 1859), важная особенно по своимъ приложеніямъ, лекціи Макушева (Р. В. 1876, № 5) и А. С. Будиловича Очерки изъ Сербской исторіи (въ Слав. Сборникѣ; т. II, Спб. 1877), посвященныя паденію Сербскаго царства. Весьма цѣнны изслѣдованія Ѳ. Зигеля (Законникъ Стефана Душана. П. 1872) и Т. Флоринскаго, Памятники законодательной дѣятельности Душана: хрисовулы, Законникъ, сборники византійскихъ законовъ (Кіевъ, 1888).

сблизился съ турками, Душанъ объявилъ ему войну. Несмотря на неудачу въ началѣ борьбы, въ 1346 году онъ нанесъ ему рядъ пораженій, покоривъ всю Македонію. Теперь онъ считалъ лишь вопросомъ времени утвержденіе на стогнахъ Цареграда.

Соборъ въ Скоплѣ.

Тогда-то онъ задумалъ перемѣнить королевскій санъ на болѣе громкій титулъ, который долженъ былъ оповѣстить всему міру, что историческія роли на Востокѣ перемѣнились. Съ этою цѣлью въ македонскій городъ Скопль, прежде чѣмъ смолкли удары мечей, въ 1346 году были приглашены на соборъ сербскіе и болгарскіе іерархи, архіепископъ Охриды и наскоро собраны духовные Македонской области вмѣстѣ съ игуменомъ и старцами Аѳонской горы. Рѣчь шла собственно о провозглашеніи самостоятельности сербской Церкви, о возведеніи печескаго архіепископа Іоанникія въ санъ патріарха. Но такъ какъ это дѣлалось безъ согласія и даже оповѣщенія константинопольскаго патріарха, то греческое духовенство, ничего не имѣвшее въ свое время противъ болгарской автокеѳальной Церкви (II, 793), смотрѣло на этотъ соборъ, какъ на незаконное и безчинное сборище, почему въ послѣдствіи патріархъ Каллистъ въ 1352 году отлучилъ Сербію отъ общенія. Въ сущности же цѣлью этого собора было вѣнчаніе краля Стефана царскою короною; онъ сталъ именоваться „царемъ и самодержцемъ Сербіи, Албаніи, Болгаріи, Греціи, Поморья и западныхъ странъ“ ([1]).

Это было торжественное заявленіе притензій на обладаніе престоломъ Восточной Имперіи. Но надо было оружіемъ подтвердить это право. Душану пришлось вести войну съ греками до самой смерти; онъ сдѣлалъ 13 походовъ противъ Византіи и нѣсколько экспедицій въ Болгарію, которая послѣ Александра признала его власть надъ собой. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ взялъ на себя высокую миссію оберегать Европу отъ турокъ. Прозванный современниками Сильнымъ, онъ не побоялся помѣряться силами съ турками, которыхъ трепетали греки. Тогда турки нѣсколько разъ вторгались на полуостровъ и захватывали города Македоніи и Ѳракіи. Душанъ, ловко умѣя изъ враговъ дѣлать друзей, заключилъ союзы съ Іоанномъ-Александромъ и императоромъ Палеологомъ. Но когда послѣдній умеръ, а его мѣсто занялъ Кантакузинъ, заключившій тотчасъ

([1]) Гласникъ Српскаго друштва; XXIV, 232; XXVII, 151.

соглашеніе съ султаномъ, то сербы и болгары были разбиты въ 1351 году. Черезъ пять лѣтъ Душанъ приготовился отмстить. Съ 80-тысячной арміей онъ двинулся противъ турокъ, чтобы возвратить Ѳракію, но въ сущности имѣя въ виду овладѣть Византіей. Онъ велъ за собою 80-тысячную армію. Это былъ послѣдній его походъ. Онъ шелъ на столицу имперіи, какъ „царь Ромеевъ“.

Внутреннія преобразованія.

Тогда сербское государство приняло греческую внѣшность. Дворъ царя, окружившаго себя всей пышностью Востока, былъ устроенъ по византійскому образцу. Византія какъ бы переселилась въ Печь. Явилось много сановниковъ, о которыхъ славяне прежде не имѣли понятія. Теперь непривычно для сербскаго уха звучали разные деспоты, кесари, протосевесты, протонотаріи, протовестіаріи и новыя названія чиновъ, вмѣсто прежняго боярскаго, какъ то: логофетъ, кефаліе и т. п. Удѣльной системы уже не существовало. Царство было раздѣлено на намѣстничества, въ которыхъ сидѣли деспоты и кесари, назначенные государемъ. Вокругъ царя были теперь опытные служилые люди, составлявшіе его совѣтъ вмѣстѣ съ высшимъ духовенствомъ: они, хотя были приглашаемы самимъ царемъ, но постоянно вѣдая дѣла, пріобрѣли въ глазахъ Душана такой авторитетъ, что въ сущности ограничивали его власть, оказывая на него постоянное вліяніе. Къ тому же царь, вмѣсто того чтобы совершенно подавить самостоятельность властелей, на что онъ имѣлъ надлежащую силу, оставлялъ наслѣдственно за своими служилыми людьми помѣстья (по бащинному праву) или предоставлялъ имѣнія многимъ изъ нихъ (1) во временное пользованіе (на правахъ византійской проніи). Поселенцы жившіе на земляхъ бащины, должны были уплачивать государству только „сокъ“ за землю и обязаны были воинской повинностью; затѣмъ они были въ полной зависимости отъ господъ, которые избавлялись вмѣстѣ съ церквами и монастырями отъ всякихъ „работъ, малыхъ и великихъ“. Законодательство рѣшительно поддерживало интересы землевладѣльцевъ въ ущербъ народной массѣ. Это было вполнѣ понятно. Византія тогда оказывала огромное вліяніе на соціальное и духовное положеніе Сербіи, правительство усвоило много греческой иноземщины,

(1) О проніи изсл. проф. Васильевскаго въ Ж. М. Н. П. 1889.

а самые законы составлялись на земскихъ соборахъ, гдѣ руководящую роль играли тѣ же властели и служилые люди.

Законникъ 1349 г.; соціальный строй и Судъ.

Знаменитый „Законникъ“ Стефана Душана составленъ былъ въ 1349 году на земскомъ соборѣ въ томъ же Скоплѣ, гдѣ шла ранѣе рѣчь о вѣнчаніи царя ([1]). Эта редакція состояла изъ 136 статей, которыя были въ промежутокъ времени до 1354 года постепенно дополняемы; за это время прибавилось еще до 70 статей ([2]). Сохранившіяся рукописи содержатъ неодинаковое число статей—отъ 130 до 192. Дѣло въ томъ, что царь до самой смерти дополнялъ Законникъ разными хрисовулами, простагмами и „повелями“. Въ количественномъ отношеніи, въ смыслѣ изданія всякихъ указовъ, дѣятельность Душана или точнѣе его совѣтниковъ была обширна, но новаго она внесла мало въ юридическую жизнь Сербіи. Мы уже говорили объ основахъ соціальнаго строя Сербіи, санктированныхъ Законникомъ. По отношенію къ „себрамъ“, мелкимъ независимымъ собственникамъ, встрѣчается мало статей, но всѣ онѣ категорическаго характера. „Себрова сьбора да нѣсть“ гласитъ законъ, принизившій этотъ классъ и лишившій всѣхъ этихъ людей политическихъ правъ; если же найдется, такой собиратель,—то да отрѣжутъ ему уши и выжгутъ рѣсницы ([3]). Вслѣдствіе развитія бащиннаго владѣнія мелкая собственность ослабѣвала, число себровъ уменьшалось и они селились на бащинахъ, обращаясь въ полукрѣпостныхъ меропховъ, подчиняясь суду и волѣ господаря. Они платили за владѣльца всѣ государственныя и земскія повинности, работали на него барщину и прокармливали свои семьи только усиленнымъ трудомъ, истощавшимъ ихъ силы. Хотя законъ ограждалъ меропховъ отъ насилій помѣщиковъ, но уже одно помѣщеніе этихъ статей показываетъ тяжелое положеніе на-

---

([1]) Всѣхъ списковъ 17; изъ нихъ древнѣйшій и лучшій (XIV ст. изъ 103 статей) принадлежалъ В. И. Григоровичу и теперь долженъ находиться въ библіотекѣ Новороссійскаго университета.

([2]) Долго полагали, что Законникъ составленъ на соборахъ 1349 и 1354 г. Этого мнѣнія держится между прочимъ Зигель (Зак. Ст. Душ. стр. 45 — 57, 62). Новѣйшій изслѣдователь Т. Флоринскій (Памятники; 270—275) отвергаетъ соборъ 1354 г. и доказываетъ сводъ редакціи путемъ послѣдовательныхъ дополненій въ формѣ приказовъ, «повели».

([3]) Законникъ, ст. 68 (Зигель, стр. 43).

селенія подъ византійскимъ вліяніемъ. Старая славянская свобода труда и идея соціальнаго равенства уступали мѣсто противоположнымъ началамъ. Господарь долженъ былъ довольствозаться тѣмъ трудомъ меропховъ, который опредѣленъ въ законѣ, т. е. двумя днями работы:—и „что уработаетъ меропхъ, то все пріобрѣтаетъ, а иного сверхъ закона ничего у него да не отнимется" (1).

На дѣлѣ эти требованія закона не исполнялись, а меропхи обращались въ „отроковъ", т. е. крѣпостныхъ (2). Личная свобода меропховъ была ограничена. Они лишены были права свободнаго передвиженія. Люди, ушедшіе самовольно съ другихъ общинъ, не только не находили нигдѣ пріюта, но подвергались клейменію и вырыванію ноздрей. Этимъ крестьяне прикрѣплялись землѣ. Мудрый царь, какъ называли современники Душана, былъ ревностнымъ защитникомъ крѣпостнаго права. И отроковъ (крѣпостные), которыхъ кто имѣетъ, гласитъ 44 ст., пусть держитъ ихъ въ бащинѣ; „если только дастъ свободу властель или жена его или сынъ, тогда они свободны, а иначе никакъ" (3). Только въ приданое они не могли быть отдаваемы. Всякій могъ судиться у царя (на дворь царевь), кромѣ „отрока властеоскога", т. е. кромѣ крѣпостнаго. Личность потеряла равноправность. Наказаніе денежное и пеня были налагаемы смотря по происхожденію. По уложенію о наказаніяхъ личность себра поставлена ниже человѣческаго достоинства властеля. Убійца властеля подвергался отсѣченію рукъ, а властель, убившій простолюдина, платилъ только 1000 пернеровъ. За оскорбленіе себра властель отписывался сотнею монетъ, а оскорбленіе властеля наказывалось вырываніемъ ноздрей (4). Кары отличаются безпощадной суровостью древнѣйшей поры; за то уничтожено было право

---

(1) Законникъ, ст. 67 (ibid.).

(2) О нихъ говорится въ 44 и 66 ст. Законника. Они, кажется, соединялись въ одну массу съ меропхами: «Отроци и меропси, кои сѣде, заедино у едином сѣлѣ, въсака плаќа (плату) кои приходи, да плаќаю въси заедно на људи». (Зигель, стр. 40).

(3) Ст. 44; Зигель, стр. 30.

(4) Излишне оптимистическій взглядъ А. Майкова (стр. 258) на Законникъ не подтверждается данными. Авторъ старается смягчить неравномѣрность наказаній желаніемъ законодателя возстановить честь всего сословія.

кровной и родовой мести. За поджогъ и чеканку фальшивой монеты полагалось сожженіе.

Регулируя прежній порядокъ, Законникъ обращаетъ особое вниманіе на судоустройство и судопроизводство. То и другое было по возможности упрощено. Суды имѣли одну инстанцію; аппеляціонныхъ трибуналовъ не существовало; въ крайнихъ случаяхъ осужденные обращались за помилованіемъ къ патріарху и царю, при чемъ патріаршій и царевъ дворъ служили мѣстомъ убѣжища. Мелкія спорныя дѣла рѣшались по старинѣ въ селахъ—князмъ, въ городахъ—судьей, кефаліемъ, а иногда и самимъ царемъ, который лично творилъ судъ на войнѣ, если находился при войскѣ, а если его не было, воиновъ судилъ воевода. Впрочемъ тяжущіеся по доброй волѣ могли разбираться у присяжныхъ, что имѣло значеніе третейскаго суда. Подсудимые всегда могли имѣть повѣренныхъ и вызывать свидѣтелей, объ удобствахъ которыхъ Законникъ имѣлъ особое попеченіе. Такъ властели вызывались особыми грамотами и только до обѣда; жена не вызывалась въ отсутствіе мужа; изъ среды семьи шелъ кто хотѣлъ; съ себрами не стѣснялись.

Судъ производился устно и отличался устраненіемъ всякой волокиты. Значеніе имѣло только первое показаніе. Документальныя доказательства пріобрѣли существенное значеніе. Въ крайнихъ случаяхъ допускался судъ Божій путемъ испытанія кипяткомъ и желѣзомъ, во вкусѣ и съ обстановкой древне-германскихъ ордалій; то было не столько наслѣдіе языческой поры, сколько вліяніе Запада. Поединокъ допускался между ратными людьми; къ раскаленному желѣзу прибѣгали при обвиненіи въ воровствѣ и разбоѣ; кипяткомъ испытывали только себровъ. Впрочемъ пытки, какъ понудительное средство, не допускались. Личное задержаніе примѣнялось ко всѣмъ сословіямъ (емство), но властели могли допускать вмѣсто себя заложниковъ.

Вообще Законникъ не былъ какимъ либо новшествомъ для сербовъ. Онъ упрочивалъ только то въ политической, общественной и правовой области, что жизнь давала и вырабатывала. Таковымъ же характеромъ одинаково отличались и другіе законодательные памятники Душана и его времени. Царь выдалъ около 80 хрисовуловъ (грамотъ) на сербскомъ и на греческомъ языкахъ (послѣднія для македонскихъ подданныхъ и аѳонскихъ монастырей). Всѣ предшествовавшіе крали, взя-

тые вмѣстѣ, не выдали столько грамотъ сколько одинъ Душанъ (1), помимо простагмъ и „повелей", т. е. указовъ. Очень много грамотъ погибло. Къ тому же времени относятся юридическіе труды Матвѣя Властаря, писанные въ Сербіи по гречески, преимущественно по каноническому праву, а именно: перечень должностей Великой Церкви, извлеченіе изъ Номоканона Іоанна Постника, канонъ патріарха Никифора и другіе (2). Тогда же сталъ дѣйствовать въ Сербіи: „Законъ благовѣрнаго царя Юстиніана". Это византійско-сербская компиляція, или точнѣе сокращеніе кодекса Юстиніана и позднѣйшихъ законовъ византійскихъ императоровъ. „Законъ" предшествуетъ всегда тексту „Законника" вмѣстѣ съ „Синтагмой Властаря", которая служила предметомъ заимствованія; главнымъ образомъ въ этотъ сборникъ вошли законы иконоборческихъ императоровъ, напр. *Νόμος γεωργικός* и др.

Двоевластіе въ Сербіи.

Въ законодательныхъ памятникахъ, частію писанныхъ по-гречески, сказалась вся сила вліянія Византіи на Сербію. Когда въ 1355 году Душанъ шелъ на Царьградъ, то — разсказываетъ греческій историкъ—онъ „провозгласилъ себя базилевсомъ Ромеевъ и варварскій образъ жизни перемѣнилъ на обычаи ромеевъ, торжественно возложивъ на себя тіару и всѣ особенныя одежды, усвоенныя этому высокому сану; ими (царь сербскій) пользуется до сихъ поръ. И предоставилъ онъ сыну своему управлять по сербскимъ законамъ страною отъ Іоническаго залива и рѣки Истра до города Скопля, опредѣливъ границею его владѣній величайшую рѣку Аксій (Вардаръ); себѣ же взялъ греческія земли и города до христопольскихъ проходовъ, для управленія ими по установленіямъ и обычаямъ Ромеевъ" (3). Такимъ образомъ поборникъ единства и автократіи самъ установилъ двоевластіе и

---

(1) Хрисовулы издали: Карано-Твртковиħ (Бѣлгр. 1840), Миклошичъ (Mon. Serbica, V. 1858), Флоринскій (Аѳонскіе акты. Пет. 1880) и въ приложеніяхъ къ Памятникамъ Миклошича и Мюллера (Acta graeca medii aevi; 5 vls.). Гласникъ српскаго ученаго друштва (кн. 11, 13, 15, 26, 27, 32, 41).

(2) Подробнѣе другихъ говоритъ о трудахъ Матвѣя Властаря Т. Флоринскій (Законодательные памятники; 293—447).

(3) N. Gregoras; XV, 1. Цитата приведена у Флоринскаго. Южные славяне; II, 106. Памятники; 9.

самъ ограничивалъ себя, причемъ проводилъ пагубную систему чужеземнаго вліянія, а именно византизма съ его отрицательными сторонами.

Конечно отраднымъ явленіемъ было вліяніе образованности, литературы, искусства Византіи на сербовъ, которые постепенно подготовлялись къ тому. Къ сожалѣнію, нашествіе турокъ устранило распространеніе образованности въ Сербіи и лучшія намѣренія Стефана, который ради успѣховъ духовнаго развитія, готовъ былъ жертвовать національными интересами, содѣйствуя распространенію греческаго языка и издавая даже многіе законы по-гречески. Подобно Петру Великому, походившему на сербскаго царя внушительно величавой внѣшностью, Душанъ въ заимствованіи иноземщины переходилъ не разъ должныя границы.

Походъ на Царьградъ былъ послѣднимъ предпріятіемъ этого замѣчательнаго государя. Онъ велъ огромную армію и считалъ возможнымъ покончить съ Восточно-Римской имперіей. События доказали, что онъ слишкомъ увлекся въ своихъ соображеніяхъ. Имперія была еще достаточно сильна, чтобы оказать энергичное сопротивленіе сербскимъ полчищамъ. Она успѣвала въ то же время отбиваться отъ турокъ. Но несомнѣнно, что внезапная смерть царя во время похода спасла имперію отъ роковыхъ испытаній.

Значеніе Душана.

Этотъ энергичный дѣятель, — одушевленный самыми грандіозными планами, часто заблуждавшійся въ удобствѣ и пользѣ ихъ для народа, не умѣвшій соразмѣрять свои силы съ намѣреніями, — если и уступалъ Стефану Неманю въ историческомъ значеніи для Сербіи, то во всякомъ случаѣ только одинъ могъ удержать свою страну отъ турецкаго погрома. Часто укоряютъ Душана за то, что онъ погубилъ своими обширными предпріятіями, своею неумѣстною грекоманіей дѣло, которое было завѣщано основателями сербскаго царства ([1]). Но надо помнить, что первый Неманъ жилъ и дѣйствовалъ при другихъ обстоятельствахъ; въ туркахъ онъ не имѣлъ сильныхъ и ожесточенныхъ враговъ. Душанъ считалъ себя преемникомъ византійскихъ императоровъ. Онъ полагалъ, соединивъ свои силы съ силами имперіи, стать оплотомъ противъ

([1]) Ягичъ и В. В. Качановскій (Слав. Сб. III, 103) признаютъ превосходство историческаго значенія Стефана Немани для Сербіи.

утвержденія мусульманъ на полуостровѣ. Этимъ объясняются его войны съ Византіей.

Послѣ его смерти сербы изъ враговъ имперіи становятся ея друзьями, образуя изъ себя стѣну противъ мусульманъ и принимая на себя ожесточенные удары турокъ. Если бы не живое участіе сербовъ въ борьбѣ съ турками, участіе, стоившее имъ потери политической самостоятельности на 500 лѣтъ, то кресты Византіи склонились бы передъ луною столѣтіемъ раньше.

Стефанъ Урошъ IV (1355-67 г.).

Судьба Сербіи свершилась вскорѣ послѣ смерти Душана. Его сынъ, Стефанъ Урошъ IV не имѣлъ и тѣни способностей отца. Его не признавали намѣстники и властели; онъ былъ государемъ только по имени. Намѣстникъ Акарнаніи и Этоліи, Симеонъ, младшій сынъ Душана, возсталъ противъ брата, думая лишить его престола. Это не удалось. Симеонъ удалился въ свое намѣстничество. Его попытка прошла безнаказанно, но онъ у себя правилъ совершенно самовластно. Онъ не получилъ престола и послѣ насильственной смерти своего брата. Стефанъ былъ убитъ на охотѣ однимъ изъ близкихъ ему людей, котораго онъ возвеличилъ и котораго облекъ огромною властью, давъ ему титулъ краля. Подозрѣваютъ, что убійцею былъ одинъ изъ намѣстниковъ, Вукашинъ, изъ рода Мернявчевичей, жадно стремившійся къ царскому вѣнцу. Вукашинъ, не безъ соглашенія съ братьями Углѣшомъ и Гойкою, пригласилъ молодаго царя на охоту, которая была для него послѣднею. Извѣстно только, что въ темную зимнюю ночь 2 декабря 1367 года незнакомые люди постучались у воротъ одного монастыря, находившагося въ глухой мѣстности, вблизи небольшаго села, и убѣдили игумена похоронить неизвѣстнаго человѣка, погибшаго въ горахъ на охотѣ. Когда впослѣдствіи вскрыли таинственный гробъ, то нашли въ немъ трупъ убитаго царя (1).

Вукашинъ (1367-71 г.).

Какъ бы то ни было Вукашинъ, долго бывшій намѣстникомъ въ восточной Македоніи, куда онъ былъ посаженъ еще Душаномъ, затѣмъ полновластный правитель Сербіи въ послѣдніе годы, котораго греческіе писатели именуютъ цезаремъ Войхною, занялъ престолъ Неманей по пресѣченіи династіи. Выхо-

(1) А. С. Будиловичъ. Слав. Сборникъ; I, 293.

децъ изъ Зеты, онъ былъ пришлецомъ въ Сербіи. Подобно нашему Борису Годунову, ненавидимый другими намѣстниками и боярами, онъ вслѣдствіе преступленія продолжалъ владѣть царскою властью цѣлыхъ 4 года. Онъ былъ конечно въ постоянномъ страхѣ за свою жизнь и долженъ былъ проявлять особенную энергію, чтобы удержать престолъ въ своемъ домѣ и передать не менѣе честолюбивымъ братьямъ. Это ему не удалось, хотя два брата его управляли при немъ Болгаріею и греческими областями. Нашлись другіе честолюбцы изъ сильныхъ бояръ, которые сумѣли захватить вѣнецъ Неманей. Вукашинъ не могъ привлечь симпатій народа, который смотрѣлъ на него не какъ на царя, а какъ на разбойника и оставался ему чуждъ. Вукашинъ правилъ въ самое тяжелое время для Сербіи. Ему пришлось, какъ бы въ возмездіе со совершенное злодѣяніе, пережить ужасныя испытанія. Казалось все ополчилось противъ Макбета Сербіи, который, подобно герою Шотландіи, однако не думалъ склоняться передъ рокомъ.

Появленіе турокъ въ Европѣ.

Туркмены, орда Османа изъ 400 семействъ, на рубежѣ XIV вѣка, спустились съ горъ въ равнины Виѳиніи. Османъ и Орханъ послѣдовательно овладѣли городами Анатоліи, представлявшими выгодныя стратегическія позиціи, какъ Никомедіею, Друссою, Никеею. Соорудивъ руками грековъ морскія небольшія суда, турки, посадивъ греческихъ плѣнниковъ въ гребцы, стали дѣлать наѣзды на византійскіе берега. Черезъ полстолѣтіе они были уже хозяевами на балканскомъ полуостровѣ, а овладѣвъ Галлиполи, они стали твердою ногою въ Европѣ. Въ 1371 году турки овладѣли Адріанополемъ, гдѣ уже были неодолимы.

Тогда они стали особенно опасны для существованія Сербіи и сопредѣльныхъ странъ. Великолѣпно дисциплинированныя войска султана представляли изъ себя страшныхъ противниковъ сербамъ. Турецкіе отряды врывались въ удѣльныя владѣнія Вукашина еще ранѣе, чѣмъ онъ сталъ сербскимъ царемъ. Таковымъ же нападеніямъ подвергались братья Углѣшъ и Гойко.

Битва на Марицѣ въ 1371 г.

Послѣ занятія Адріанополя, въ четвертый годъ своего правленія, Вукашинъ вмѣстѣ съ братьями, съ 80-тысячнымъ войскомъ рѣшился оттѣснить турокъ изъ долины Марицы. Передовой пятитысячный отрядъ турокъ долженъ былъ отсту-

нить. Сербы горячо преслѣдовали турокъ. Они были уже въ нѣсколькихъ переходахъ отъ Адріанополя. По славянскому обычаю и по собственной нерадивости, не оставивъ аванпостовъ, сербское воинство въ темную осеннюю ночь крѣпко заснуло въ лагерѣ. Пользуясь мракомъ, во время сильной бури, подкрались турки и стали рѣзать спавшихъ сербовъ. Тѣ въ ужасѣ кидались другъ на друга. Это было въ ночь на 7 сентября 1371 года. Отъ сербской арміи не осталось ничего кромѣ труповъ, а кто не былъ убитъ, тотъ утонулъ въ волнахъ Марицы (1). Самъ краль погибъ во время бѣгства, по преданію убитый своимъ слугой.

Онъ палъ искупительной жертвой за убійство Уроша. Онъ самъ призвалъ турокъ на свои пограничныя земли. Теперь натискъ воинственныхъ и дисциплинированныхъ турецкихъ полчищъ былъ неодолимъ. Наслѣдникъ Вукашина, его сынъ Марко, не по заслугамъ воспѣтый въ былинахъ, оказался безсильнымъ. Его власть (1371—74 г.) не признавали.

Лазарь Гrбляновичъ (1374-89 г.).

Силу турецкаго ятагана суждено было испытать послѣднему независимому сербскому царю, захватившему престолъ послѣ сверженія Марко Кралевича. Лазарь I принадлежалъ къ знатному боярскому роду Гrбляновичей. Тогда династія Неманичей перестала существовать. Лазарь былъ избранъ на соборѣ въ Печѣ въ 1374 году. Сербскіе лѣтописцы (2), съ цѣлью почтить память царя Лазаря и узаконить его власть, выводятъ связь его съ Неманичами по женской линіи, такъ какъ мать его была дочерью Милутина, а равно по родству жены, происходившей будто отъ Вукана, брата Стефана Первовѣнчаннаго. Тѣмъ не менѣе прочіе бояре были недовольны захватомъ царской власти и не расположены были оказывать царю энергичную поддержку, чѣмъ можно объяснить какъ ослабленіе царства такъ и позднѣйшія неудачи Лазаря въ роковой борьбѣ съ турками.

Стефанъ Тврьдко въ Боснѣ.

Лазарь видѣлъ начавшееся распаденіе сербской земли. Въ Боснѣ одинъ изъ Котроманичей, Стефанъ Тврьдко, захва-

---

(1) Такъ заключаетъ А. С. Будиловичъ (Слав. Сборникъ; I, 295), на основаніи свидѣтельствъ, помѣщенныхъ въ Гласникѣ србскаго дружства (XXVII, 276; XXVIII, 369; XXXV, 222).

(2) Arkiv za povj. jugosl. III, 14.

52

тивъ власть, провозгласилъ себя „кралемъ сербскимъ и босанскимъ“ въ 1376 году. Считая себя безопаснымъ отъ Лазаря, занятаго войною съ турками, онъ, подчинивъ Зету, гдѣ правилъ Балшичъ, направился на Хорватію. Черезъ четыре года онъ провозгласилъ себя „королемъ хорватскимъ и далматинскимъ“. Но уже при его преемникѣ, Стефанѣ Остоѣ, всѣ эти мимолетные успѣхи исчезли и венгерцы снова подчинили себѣ Боснію.

Битва на Коссовомъ полѣ въ 1389 г.

Между тѣмъ турки, которыхъ привлекъ на себя еще Вукашинъ, разлились по Сербіи. Обладая превосходной военной организаціей и добродѣтелями молодаго, еще неиспорченнаго народа, одушевленные фанатизмомъ, воины Османа были неодолимы. Народный сербскій эпосъ, оплакивая эту несчастную войну, въ которой сербы съ героическими усиліями пытались отстоять свою независимость, вращается главнымъ образомъ на подробностяхъ битвы на Коссовомъ полѣ и мало останавливается на началѣ борьбы. Турки численностью войскъ превосходили въ пять разъ силы Лазаря, который едва успѣлъ выставить 60 тысячъ воиновъ. Весь героизмъ Лазаря оказался безцѣльнымъ. Еще въ 1386 году турки взяли Нишъ, и Лазарь обязался платить дань. Султанъ достигъ своей завѣтной цѣли; живая стѣна, ограждавшая Византію съ Сѣвера, была пробита. Но храбрый царь не довольствовался положеніемъ данника. Въ 1386 году онъ, не сообразивъ всѣхъ условій своего положенія, вступилъ въ союзъ съ Стефаномъ Тврьдко, королемъ боснійскимъ, и вмѣстѣ съ Юріемъ Кастріотомъ, властителемъ Албаніи, возсталъ противъ турокъ. Тогда султаномъ былъ Мурадъ I, одинъ изъ тѣхъ талантливыхъ вождей, которыми богата была исторія Турціи въ прежніе вѣка. Мурадъ былъ озлобленъ измѣною своего данника; онъ уже смотрѣлъ теперь на сербовъ какъ на мятежниковъ. Отвсюду устремились турки на Сербію, въ которой, въ виду предстоящей опасности, однако не совсѣмъ прекратились раздоры, ибо Марко Кралевичъ подговаривалъ султана противъ своей родины. Впрочемъ сербы даже за предѣлами царства спѣшили въ эту роковую минуту принять участіе въ защитѣ родной земли. Какъ теперь, въ наши дни, всѣ сербы, и независимые и покоренные, стремятся принять участіе въ чествованіи пятивѣковой годовщины великаго побоища, не смотря на всяческіе запреты, налагаемые австрійскими и вен-

герскими властями,—такъ ровно 500 лѣтъ тому назадъ, въ началѣ іюня 1389 года, всѣ сербы жили общими возвышенными упованіями, однѣми и тѣми же патріотическими мечтами.

Недалеко отъ города Приштины, тамъ, гдѣ воды направляющіяся въ Адріатическое море отдѣляются отъ притоковъ Дуная, тянется довольно ровная возвышенность въ 70 верстъ длиною и 10 верстъ шириной; по окраинѣ ея извивается рѣка Ситница, а въ нее впадаетъ рѣчка Лаба. Это такъ называемое Коссово поле. Здѣсь 15 іюня 1389 года въ 6 часовъ утра закипѣло кровавое побоище. Царь Лазарь причастилъ наканунѣ своихъ воиновъ. Турки, къ которымъ Мурадъ обратился съ возбуждающею рѣчью, съ свойственнымъ имъ фатализмомъ, рѣшились скорѣе умереть, чѣмъ отступить. По народному преданію, увѣковѣченному въ героическихъ пѣсняхъ, царь Лазарь уже считалъ себя побѣдителемъ и совершенно неожиданно проигралъ битву, только благодаря измѣнѣ Вука Бранковича, своего зятя, который съ десятитысячнымъ отрядомъ босняковъ тайно ушелъ съ поля битвы, бросивъ правое крыло. На это нѣтъ историческихъ доказательствъ и вѣрнѣе объяснить пораженіе крайнимъ неравенствомъ силъ. Сербы, у которыхъ наканунѣ царь просилъ прощенія въ грѣхахъ, дрались геройски; богатыри сербскіе гибли цѣлыми родами; Старый Юговичъ палъ вмѣстѣ съ 9 сыновьями; этого не перенесла старуха—мать. Турки протѣснились до самого царя. Покрытый 16 ранами, Лазарь былъ взятъ въ плѣнъ. Въ это время побѣдители узнали, что самъ султанъ смертельно раненъ. Одинъ изъ отважныхъ сербскихъ юнаковъ, другой зять царя Лазаря, Милошъ Обиличъ (Кобыличъ) пробрался до самого султана, выдавая себя за перебѣжчика. Воспользовавшись выгоднымъ моментомъ, онъ пронзилъ кинжаломъ султана. Тѣлохранители бросились на юнака и едва могли овладѣть имъ, а броня дѣлала его неуязвимымъ. Онъ изрубилъ много турокъ прежде чѣмъ палъ подъ ихъ ударами. Смерть султана еще болѣе ожесточила побѣдителей. Теперь трудно было остановить ихъ отъ истребленія остатковъ сербскаго воинства, которое или было перебито или разсѣялось въ паническомъ страхѣ.

Плѣненнаго Лазаря привели къ ставкѣ султана. Умирающій Мурадъ, около котораго находился его сынъ Баязетъ, пожелалъ его видѣть. Онъ не могъ скрыть своего негодованія передъ униженнымъ и истекающимъ кровью „измѣнни-

комъ“, какъ онъ называлъ царя. Мурадъ имѣлъ еще силы приказать замучить Лазаря на своихъ глазахъ и черезъ нѣсколько часовъ испустилъ духъ.

Такъ погибъ послѣдній сербскій царь. Тамъ, гдѣ произошло роковое предсмертное свиданіе двухъ противниковъ, на одномъ изъ высокихъ холмовъ, покрывающихъ обширное Коссовское поле, эту долину смерти, обильно упитанную кровью христіанъ и невѣрныхъ, возвышается небольшое бѣлое зданіе (турбе), увѣнченное плоскимъ куполомъ (¹). Оно

(¹) Гильфердингъ въ Путешествіи по Старой Сербіи (Соч. III, 198 и сл.) говоритъ слѣдующее: «Налѣво отъ Приштины и впереди этого города разстилается пространное поле, называемое Широкимъ. Чрезъ это поле, часахъ въ $1^1/_2$ отъ Приштины, протекаетъ рѣчка. За Ситницею, налѣво, видѣнъ небольшой горный хребетъ, Голешъ: сюда, говорятъ, отступилъ во время сраженія Вукъ Бранковичъ. Мы ѣхали около часу, когда стали попадаться по дорогѣ надгробные камни мусульманскіе съ высѣченными на нихъ чалмами, и простые могилы и камни, обозначающіе, вѣроятно, мѣста гдѣ похоронены христіане. По мѣрѣ того, какъ мы подымались на небольшой холмъ, могилъ было больше и больше. На вершинѣ холма выстроенъ маленькій каменный домикъ въ родѣ будки, окруженный пятью грушевыми деревьями; передъ домикомъ сидѣлъ дервишъ, хранитель его, имѣющій тутъ же свою избушку. Онъ открылъ намъ двери, и мы увидѣли въ домикѣ два большихъ каменныхъ гроба, одинъ чрезвычайно длинный (4 аршина и 3 вершка) и довольно высокій, другой пониже и поменьше, оба изъ бѣлаго камня. Большой гробъ принадлежитъ, разсказали мнѣ мои проводники, Гази-Синану, визирю Мурадова войска, исполину ростомъ и силою; въ меньшемъ похороненъ его слуга. Оба они пали подъ рукою Милоша Обилича, когда онъ, пронзивъ Султана, вырвался изъ рукъ турокъ, хотѣвшихъ его схватить, и съ двумя своими товарищами отбивался отъ цѣлаго войска, которое за нимъ гналось и его окружало. «Да, страшный былъ человѣкъ этотъ Милошъ, говорилъ дервишъ: не только Гази-Синана и его оруженосца убилъ онъ, вотъ всѣ эти могилы кругомъ—это все турки, которыхъ *погубилъ* Милошъ. Онъ стоялъ на верху холма, вотъ на этомъ мѣстѣ, гдѣ построена теперь *текія* (надгробный памятникъ), среди цѣлаго войска, и разилъ вокругъ себя всякаго, кто подступалъ къ нему». Дѣйствительно, весь холмъ кругомъ домика, покрывающаго гробъ Синанъ-паши, усѣянъ могильными камнями и плитами; ихъ здѣсь тысячи. И все это, по преданію, могилы не только православныхъ, но самихъ турокъ, павшихъ отъ руки Милоша. Такимъ представляетъ себѣ народъ Милоша. Не даромъ черногорцы избрали его ликъ, какъ символъ храбрости. Милошъ совершенно затмилъ собою, въ глазахъ народа, личность князя Лазаря. Лазарь памятенъ православнымъ сербамъ какъ святой, а не какъ воинъ; мусульмане же почти забыли его имя.

скрываетъ въ деревянномъ гробу, обитомъ красною шелковою матеріей, сердце могущественнаго султана, положившаго здѣсь основанія мусульманскаго владычества на Балканахъ. Мощи мученика Лазаря, пострадавшаго за дѣло, которое въ глазахъ позднѣйшихъ поколѣній стало дѣломъ не только сербовъ и славянъ, но всей христіанской Европы, покоятся въ Раваницѣ, въ Сремѣ (въ южной Венгріи), въ ненавистной и чужой сторонѣ, на Фрушской горѣ. Церковь сербская, которой много послужилъ Душанъ, сопричла его къ лику святыхъ. Онъ посвятилъ себя служенію высшимъ, а не земнымъ интересамъ. Въ одной изъ коссовскихъ пѣсенъ повѣствуется какъ пророкъ Илія не задолго до роковой битвы явился во снѣ царю и спросилъ его: какое царство онъ больше любитъ—земное или небесное? если онъ болѣе цѣнитъ первое, то сербы побѣдятъ невѣрныхъ; если же онъ предпочитаетъ второе, то въ этой жизни не насладится счастіемъ побѣды, за то сопричтется къ жизни вѣчной. Лазарь отвѣтилъ, что онъ предпочитаетъ царство небесное и готовъ принять смерть, отрекаясь отъ жизни. Такъ и случилось.

Подчиненіе Сербіи.

После Коссовской битвы Сербія утратила свою независимость. Она была недовольна прежде платежами дани,

---

Это боевое кладбище называется Мазгитомъ, по имени близь лежащей деревни. Тутъ, очевидно, была самая жаркая битва».

«Мы поѣхали далѣе, и поворотили съ большой дороги на лѣво. Мы вскорѣ спустились въ небольшое углубленіе, поросшее кустарникомъ, и увидѣли памятникъ знаменитаго завоевателя, Османова внука, султана Мурада. Памятникъ этотъ — небольшое четвероугольное зданіе изъ бѣлаго камня съ плоскимъ куполомъ, однимъ словомъ, мечеть въ маломъ видѣ и безъ минарета. Подлѣ — жилое строеніе для дервишей и посѣтителей; кругомъ небольшой садъ, обильный подсолнечниками. Тутъ, говорятъ, находился станъ турецкій а памятникъ или *текія*, какъ называютъ его Сербы, построенъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояла султанская палатка, подъ которою султанъ принялъ мнимаго перебѣжчика Милоша и былъ имъ убитъ. Въ *текіи* помѣщенъ кенотафъ, огромный деревянный гробъ подъ краснымъ шелковымъ покровомъ, съ вышитыми на немъ бѣлымъ шелкомъ стихами Корана. У верхняго конца гроба водружена, на толстой палкѣ, гигантская чалма, смотанная изъ шерстяной матеріи. По обоимъ концамъ гроба стоятъ по два высокихъ подсвѣчника съ восковыми свѣчами. Надъ гробомъ повѣшена бронзовая люстра вѣнскаго издѣлія. На стѣнахъ *текіи* начертаны арабскія надписи».

а теперь подчинилась безусловно власти Баязета, который, желая проявить великодушіе, поставилъ своимъ намѣстникомъ сына Лазаря, Стефана, правившаго до 1427 года (греческіе историки называютъ его „деспотомъ"), но подъ тремя условіями: давать вспомогательное войско въ количествѣ 30 тысячъ сербовъ, платить дань въ 20 тысячъ золотыхъ ежегодно и прислать въ гаремъ сестру или дочь свою. Стефанъ отдалъ сестру Милеву. Султаны теперь посылали въ Сербію сборщиковъ дани, каждыя 5 лѣтъ набирали мальчиковъ цѣлыми сотнями, которыхъ обращали въ мусульманство, подготовляя ихъ для военной службы, разрывая всякія узы ихъ съ семьей и родиной. Сестры и дочери сербскихъ ставленниковъ и властелей по первому слову султановъ впредь доставлялись въ ихъ гаремы. Здѣсь онѣ становились особенно вліятельными и дѣлались матерями будущихъ повелителей Турціи и Востока. Послѣдовало физіологическое смѣшеніе расъ, весьма выгодное для прочности турецкой власти. Сербскій языкъ сталъ необходимъ при дворѣ султановъ, еще задолго до покоренія Византіи, а вмѣстѣ съ языкомъ проявилось нѣкоторое вліяніе побѣжденныхъ въ духовномъ отношеніи, хотя основныя качества типа Османлисовъ, обусловленныя расой и религіею, остались неприкосновенными.

Всякія попытки сербкихъ сподручниковъ освободиться отъ турецкой власти не удавались. Въ великой борьбѣ за первенство на Востокѣ, сербы стояли на сторонѣ султановъ.

Битва при Никополѣ (въ 1399 г.).

Когда сербское царство пало передъ напоромъ турокъ, то король венгерскій Сигизмундъ считалъ своимъ долгомъ вступиться за болгаръ. Это основывалось на географическомъ положеніи Венгріи, которая, составляя какъ бы авангардъ Европы, подвергалась всегда первая нападенію со стороны турокъ. Баязедъ съ презрѣніемъ отнесся къ такому ходатайству; позабавившись надъ послами Сигизмунда, онъ отослалъ ихъ обратно. Скоро отдѣльные отряды турокъ перешли Дунай. Король венгерскій Сигизмундъ и императоръ Людвигъ были въ страхѣ. Баязедъ грозилъ накормить своего коня въ столицѣ гяуровъ на престолѣ св. Петра. Между государями Европы составился обширный, но нестрашный для Баязеда замыселъ, а именно крестовый походъ противъ турокъ. Этотъ крестовый походъ сдѣлался вопросомъ первой важности для католическаго міра. Крестоносцы постепенно

приближались къ Венгріи и составили двѣ арміи: одна въ 100.000, другая въ 60.000. Въ послѣдней было очень много французовъ, подъ предводительствомъ бургундскаго принца Іоанна Безстрашнаго, которому пришлось играть важную роль при безумномъ Карлѣ VI. Главнымъ предводителемъ арміи былъ Сигизмундъ венгерскій. Христіане перешли Дунай и тотчасъ осадили турецкій гарнизонъ въ Никополѣ. Баязедъ поспѣшилъ на помощь къ осажденнымъ и такъ скрытно, что христіане узнали о его приближеніи только тогда, когда онъ былъ отъ нихъ на разстояніи одного перехода, т. е. въ 20 верстахъ. Въ битвѣ подъ Никополемъ въ 1396 году сошлись мусульмане со смѣшаннымъ западнымъ рыцарскимъ войскомъ. Едва лишь христіане успѣли приготовиться, какъ началась битва (¹). Несмотря на отчаянную храбрость, христіанское рыцарство было разбито на голову. Напрасно штирійцы и баварцы защищались отъ нападенія янычаръ и даже сбили и смяли ихъ. Баязедъ въ концѣ концовъ побѣдилъ христіанъ сербскими руками. Такимъ образомъ сербы, покоренные султаномъ поневолѣ, подъ страхомъ турецкихъ копій, принуждены были сражаться за султана. Сигизмундъ и Іоаннъ бургундскій спаслись въ лодкѣ по Дунаю, проплывши все теченіе его до гирлъ, гдѣ крейсировали венеціанская и мальтійская эскадры. Въ этой великой битвѣ погибло 60.000 турокъ и не менѣе христіанъ. 10 тысячъ плѣнныхъ христіанъ были перерѣзаны на глазахъ султана и по его приказанію; только по просьбѣ военачальниковъ и своего сына онъ прекратилъ рѣзню, отобравъ болѣе красивыхъ христіанскихъ юношей для себя и своихъ пашей. Свою долю (¹/₅ часть всѣхъ оставшихся въ живыхъ христіанъ и 24 рыцаря) плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ былъ графъ Неверскій, султанъ отослалъ въ Галлиполи, откуда ихъ потомъ выкупилъ Карлъ VI слишкомъ за 2 милліона ливровъ. Въ числѣ плѣнныхъ былъ одинъ баварскій рыцарь (Шильдпергеръ), который испыталъ и видѣлъ многое въ жизни и оставилъ интересное описаніе своего плѣна (²).

(¹) Для исторіи Турціи можно указать, кромѣ обширныхъ трудовъ Гаммера и Цинкейзена, въ русской литературѣ популярное компилятивное сочиненіе Чемерзина: «Турція, ея могущество и распаденіе» (т. I, Спб. 1878).

(²) Кромѣ того мы имѣемъ свѣдѣнія о тогдашнемъ Востокѣ отъ испанца Гонзалесъ де Клавиго, который былъ посломъ кастильскаго короля Генриха II при дворѣ Тимура.

Въ свое время Никопольская битва произвела страшное впечатлѣніе на христіанскій міръ. Гордость и самовластіе султана не знали границъ: онъ приказалъ греческому императору съ его войскомъ взять Филадельфію, причемъ христіане лѣзли на стѣны и рѣзали другъ друга въ удовольствіе турокъ. Владѣнія султана Мурада I простирались съ одной стороны до Дуная, Штиріи и Адріатическаго моря, съ другой—до Евфрата и Карса. Упоенный успѣхами своего оружія и торжествомъ надъ христіанами, Баязедъ вдругъ услышалъ о прибытіи посла Тимуръ-Ленка ([1]).

Тимуръ-Ленкъ и его царство († 1405 г.).

Тимуръ-ленкъ или Тамерланъ, потомокъ Чингисъ-хана по женской линіи, родился (въ 1336 г.) по преданію съ кускомъ запекшейся крови въ рукѣ и съ бѣлыми какъ у старца волосами. Отецъ его былъ мелкимъ среднеазіатскимъ властителемъ, а наводившій на народы трепетъ, Тимуръ, благодаря хитрости и жестокости, соединилъ къ началу XV вѣка въ своихъ рукахъ 27 народовъ и между прочимъ среднюю Азію, Персію и Индію, которую покорилъ въ одинъ походъ въ 1399 году. Предѣлы его царства простирались отъ Каспія до Манджуріи, отъ Бенгальскаго залива до Средиземнаго моря. Испагань, Багдадъ, Дамаскъ носили слѣды страшнаго посѣщенія Тимуровыхъ полчищъ. Въ Персіи, въ воспоминаніе о своемъ нашествіи, Тамерланъ по пути устроилъ пирамиды изъ десятковъ тысячъ человѣческихъ череповъ; отъ Багдада и Дамаска, этихъ цвѣтущихъ городовъ, которые были складочнымъ мѣстомъ шелковыхъ матерій и другихъ роскошныхъ произведеній Востока, остался одинъ только пепелъ и груды разрушенныхъ зданій. Тѣ народы, на которыхъ онъ шелъ войной, добровольно готовились подставить ему голову, не думая о сопротивленіи. Жестокость Тимура была удивительна даже для среднеазіатскихъ властителей. Ни изверженіе вулкана, ни чума не могутъ оставить послѣ себя такихъ слѣдовъ, какіе оставались на мѣстахъ, гдѣ проходили монголы Тимура. Раззоривъ Багдадъ за возстаніе, онъ, истребивъ все населеніе, велѣлъ сложить пирамиду изъ 70 тысячъ человѣческихъ череповъ. Все, что не погибло отъ меча, было утоплено въ волнахъ Тигра. Ему доставляло особенное

([1]) Кромѣ цитованныхъ сочиненій Цинкейзена и Гаммера, можно указать на старую монографію по арабскимъ источникамъ—Dubec de Mortemer (Lyon, 1602). См. соч. Грановскаго I, 331—343.—Гиббонъ слишкомъ восторженно относится къ Тамерлану.

удовольствіемъ мучить даже своихъ единовѣрцевъ. При всей жестокости, въ характерѣ Тимура однако замѣтна была своего рода кротость. Такъ, при разрушеніи города Алеппо, онъ велъ ученую бесѣду съ плѣннымъ муфтіемъ; во время разговора онъ замѣтилъ: „при взятіи города пало много моихъ и вашихъ воиновъ; которые изъ нихъ будутъ достойны рая?“ На этотъ щекотливый вопросъ муфтій уклончиво отвѣтилъ: „только тѣ, которые пали съ вѣрою въ Бога, получатъ блаженство“. Такая находчивость спасла муфтія отъ гибели.

Въ то время, когда Баязедъ отослалъ отъ себя монгольскихъ пословъ, прибывшихъ къ нему отъ Тамерлана съ гордымъ вызовомъ на бой, „великій ханъ“ находился въ Карабахской области, соприкасавшейся съ окрестностями нынѣшняго Карса, который принадлежалъ туркамъ и первый подвергнулся нападенію монголовъ. Карсъ палъ взятый штурмомъ. Отсюда онъ двинулся съ полчищами къ предѣламъ Евфрата. Взявъ Севасте (Сивашъ), Тимуръ велѣлъ похоронить заживо 4000 армянъ, храбро защищавшихъ городъ, замучилъ Эртогрула, сына султана, потомъ поворотилъ на западъ и остановился у Ангоры, занявшись осадою этого города. Здѣсь и должно было произойти столкновеніе двухъ великихъ владыкъ. Тамерланъ заранѣе старался взволновать татарское населеніе въ турецкихъ владѣніяхъ, собственно тѣ элементы, которые были родственны съ монголами. Чрезъ лазутчиковъ, благодаря которымъ онъ узнавалъ не только то, что дѣлается въ сосѣднихъ государствахъ Азіи, но даже въ христіанскихъ странахъ,—онъ имѣлъ свѣдѣнія о средствахъ противника. Такимъ образомъ Тамерланъ дѣйствовалъ навѣрное, чѣмъ и объясняется его успѣхъ. Къ тому же Тамерланъ безспорно выдавался какъ замѣчательный полководецъ; онъ первый раздѣлилъ армію на конполки, одѣтые въ однообразную форму, снабдилъ латами конницу, ввелъ нѣчто въ родѣ штаба; въ его войскѣ были искусные инженеры, которые во время Тамерлана пріобрѣли замѣчательную извѣстность. Баязедъ могъ выставить по храбрости армію несравненно лучшую, чѣмъ Тамерланъ, но въ его войскѣ не было той организаціи, тѣхъ вождей, какими обладала армія Тимура.

Ангорская битва 20 іюля въ 1402 году.

Въ кровопролитной битвѣ близъ Ангоры, гдѣ сражалось полмилліона воиновъ съ обѣихъ сторонъ, турецкое войско было разбито на голову, несмотря на геройскую храбрость сербовъ, сражавшихся подъ начальствомъ сына св. Лазаря,

зятя султана; самъ Баязедъ взятъ былъ въ плѣнъ; это случилось черезъ 6 лѣтъ послѣ Никопольской битвы, въ 1402 году. Одинъ очевидецъ записалъ величественную сцену свиданія послѣ битвы двухъ владыкъ Востока, изъ которыхъ одинъ былъ полновластнымъ побѣдителемъ, а другой обращенъ въ ничтожество. Баязетъ предсталъ передъ Тамерланомъ. При свиданіи Тимуръ сочувственными словами привѣтствовалъ своего врага: „Великій Аллахъ, говорилъ онъ, даровалъ полміра мнѣ хромцу, и полміра тебѣ кривому; да будетъ благословенно имя его". До конца жизни Тамерланъ, будто бы, оказывалъ расположеніе своему плѣннику и только послѣ неудавшейся попытки къ бѣгству со стороны Баязеда, велѣлъ сковывать его золочеными цѣпями по ночамъ, но раньше никогда не оскорблялъ своего плѣнника. Послѣ Ангорской битвы вся Малая Азія подпала подъ власть Тамерлана, который еще раньше покорилъ Кипчакскую орду и поставилъ надъ Русью Тохтамыша. Когда послѣдній захотѣлъ сбросить съ себя власть монголовъ, то Тимуръ (въ 1395 г.) сдѣлалъ одинъ походъ на Московское государство; но на половинѣ пути, дойдя до Ельца и взявъ этотъ городъ, остановился, чѣмъ и была спасена Россія отъ его нашествія. Во всякомъ случаѣ, власть его чрезъ Кипчакскую орду простиралась и на Русь. Сынъ Баязеда, Сулейманъ, который успѣлъ выйти живымъ изъ Ангорской битвы, невольно долженъ былъ подчиниться Тамерлану. Теперь Тимуръ не зналъ противниковъ. Но безграничное царство его, ничѣмъ не сплоченное, просуществовало не болѣе трехъ лѣтъ послѣ разгрома турецкаго султана. Когда завоеватель умеръ въ Самаркандѣ, во время приготовленій къ походу на Индію, то немедленно всѣ народы, имъ покоренные, отдѣлились одинъ отъ другаго. Воспоминаніемъ о страшномъ человѣкѣ, этомъ бичѣ народовъ, оставались долго пирамиды череповъ, а теперь только гигантская могила въ Самаркандѣ, увѣнчанная куполомъ, напоминаетъ о завоевателѣ, которому тѣсно было въ этомъ мірѣ и который не оставилъ ничего на память о себѣ кромѣ разрушенія.

Уничтоженіе Сербіи.

Сербскій сподручникъ во время великой восточной борьбы остался вѣренъ своему султану, съ которымъ соединяли его узы родства. Извѣстно что въ ангорской битвѣ участвовало 40 тысячъ сербовъ. Но это не облегчило положенія несчастной страны. Туркофильство св. Стефана ни къ чему не привело. Черезъ 20 лѣтъ послѣ ангорской битвы Мурадъ II, сынъ Баязета и сербской княжны Милевы, осадивъ Царь-

градъ и взявъ съ императора дань, бросился на Венгрію, думая черезъ нее проникнуть на соблазнительный Западъ. Спутавшись въ своихъ политическихъ разсчетахъ, Стефанъ не выдержалъ и сталъ помогать венграмъ. Этимъ онъ только повредилъ своему народу. Его преемникъ, Юрій Бранковичъ, прежній намѣстникъ западной Македоніи, былъ послѣднимъ номинальнымъ властителемъ Сербіи. Вскорѣ послѣ его смерти султанъ Мурадъ II сдѣлалъ Сербію своимъ пашалыкомъ, т. е. провинціею. Это было въ 1459 году.

Опытъ ничтожныхъ сербскихъ ставленниковъ долженъ былъ убѣдить южныхъ славянъ, что они не могутъ разсчитывать на поддержку западныхъ государей. Но этому не внимали сербы Холма и Босны. Холмскій воевода Стефанъ Вукчичъ въ 1448 году испросилъ у Римскаго императора титулъ „херцега“ (т. е. герцога), почему его земля стала съ тѣхъ поръ называться Герцоговиной. Страна эта была уже на половину потурчена, такъ какъ населявшіе ее богомилы приняли мусульманство и стали злѣйшими врагами и притѣснителями христіанъ, болѣе ненавистными „райямъ“, чѣмъ сами турки. Въ 1483 году Холмъ и Боснія совершенно подчинились султанамъ. Венгерцы были безсильны защитить Босну. Она пала подъ ударами турокъ въ 1463 году. Король Босны, Стефанъ Домичъ былъ разбитъ турками, взятъ въ плѣнъ и казненъ. Босна сдѣлалась также турецкимъ пашалыкомъ. Герцоговина.

Теперь Сербія лишилась своей самостоятельности. Только въ отдаленномъ углу славянской земли, въ старой Зетѣ, въ отрогахъ Балканъ, въ горной глуши, часть храбрѣйшихъ сербовъ отстояла свою независимость (¹). То была Черная гора. Въ Зетѣ, послѣ гибели Балшичей, владѣтелями съ XV вѣка были Црновичи. Здѣсь, въ неприступныхъ ущельяхъ и горахъ, гдѣ каждая тропинка была хорошо знакома туземному ребенку и въ тоже время недоступна изъ страха гибели храбрѣйшимъ воинамъ,—собрались тѣ эмигранты и патріоты, всѣ тѣ сербы, которые не хотѣли склониться подъ турецкое ярмо. Здѣсь въ слѣдующіе вѣка складывались всѣ элементы, могущіе повести къ освобожденію южныхъ славянъ. Впрочемъ высоко поучительная исторія маленькой Черногоріи и ея умныхъ дѣловитыхъ государей, у которыхъ дѣло не расходилось съ словомъ, всецѣло относится къ новому времени. Черногорія.

(¹) Милаковичь. Исторія Црне горе, Задр. 1856.

7) Паденіе схоластики и развитіе поэзіи въ XIV вѣкѣ въ Италіи. Петрарка и Боккачіо. Признаки Возрожденія. Кентерберійскіе разсказы.

XIV вѣкъ въ духовной сферѣ былъ временемъ въ такой же степени переходнымъ, какъ и въ области политической. Онъ не представилъ собою явленій на столько самостоятельныхъ и типичныхъ, какими были труды Ѳомы Аквинскаго въ схоластикѣ и великое произведеніе Данте, — это цѣлостное и высоко художественное отраженіе средневѣковаго міра. Прежніе идеалы, созданные наслоеніями девяти вѣковъ исторической жизни, уже поколебались, а новаго пока не создавалось. Это наблюдается и въ схоластической философіи и въ поэзіи. Схоластика, сомнѣвавшаяся въ силѣ своихъ доводовъ, рѣшительно раздѣляетъ сферы разума и вѣры, отдавая преимущество наблюденію надъ умозрѣніемъ; поэзія, становясь лирическою, предпочитаетъ воспѣвать личное чувство, скептически относясь въ общемъ къ идеаламъ и къ вѣрованіямъ прошлаго. И схоластика и поэзія въ одинаковой степени отрицаютъ незыблемость средневѣковаго основнаго представленія о преобладаніи церковнаго авторитета надъ свѣтскимъ и довольно рѣшительно становятся на сторону послѣдняго.

Новые взгляды на богословіе.

Высшее развитіе тѣхъ или другихъ историческихъ явленій всегда совпадаетъ съ началомъ ихъ паденія. Этотъ законъ съ полнымъ основаніемъ можно примѣнить и къ области духовной жизни. Въ „Богословіи“ Ѳомы схоластика достигла своего всесторонняго и полнаго развитія. Дальнѣйшее движеніе ея могло направляться только по наклонной плоскости. Она постепенно проявляетъ отрицаніе самой себя, подрывая силу тѣхъ началъ, которыя обусловили ее существованіе. Схоластики сознавали, что философія находится въ служебномъ отношеніи къ богословію. Ѳома особенно горячо отстаивалъ незыблемость этого положенія, которое составляло основу средневѣковаго воззрѣнія и точку научныхъ отправленій.

Онъ полагалъ, что вѣра убѣдительнѣе для человѣка, чѣмъ разумъ, ибо она внушаетъ сознаніе въ томъ, что для разума непостижимо. Богословіе, по его мнѣнію, даетъ истины еще болѣе достовѣрныя, чѣмъ философія, опирающаяся на кичливыя соображенія человѣческаго ума. Это зависитъ во

первыхъ оттого, что богословіе опирается на авторитетъ божества, а во вторыхъ, оттого, что методъ ея изслѣдованія напоминаетъ процессъ божественнаго познанія; какъ Богъ сперва познаетъ себя, а потомъ все матеріальное,—такъ и богословіе начинаетъ съ познаванія божественныхъ свойствъ, а потомъ переходитъ къ опредѣленію отношенія вещей къ Богу.

Дунсъ Скоттъ († 1308 г.).

Теперь, въ концѣ XIII и въ началѣ XIV вѣка, англичанинъ Дунсъ Скоттъ заявляетъ совершенно убѣжденно, что у богословія одинъ методъ, а у философіи другой, что богословіе даже не есть наука, такъ какъ въ основѣ его лежитъ вѣра, не поддающаяся изслѣдованію, и такъ какъ истинное для богослова можетъ не подтвердиться научными соображеніями. Эта плодотворная мысль не привилась сразу, не дала непосредственныхъ результатовъ, но въ ней лежитъ начало новой философіи и новой науки. Теперь могло выясниться положеніе вещей. Этотъ смѣлый францисканецъ въ молодые годы занимался математикой и только послѣ сталъ изучать философію, сдѣлавшись профессоромъ въ Оксфордѣ, Парижѣ и Кельнѣ. Онъ писалъ очень много. Его сочиненія обнимаютъ 12 массивныхъ печатныхъ фоліантовъ, хотя онъ умеръ ранѣе 40-лѣтняго возраста (¹). Изъ многочисленныхъ трудовъ его можно извлечь рядъ новыхъ мыслей. Опредѣляя прямыя задачи богословія, считая его наукой практической, данной въ руководство нашему спасенію, Дунсъ положилъ начало разложенію схоластики. Вѣра явилась актомъ свободной воли, а созерцаніе божества стало не чѣмъ либо обязательно присущимъ человѣку, а проявленіемъ стремленія человѣка къ наслажденію. Въ этомъ смыслѣ справедливо сужденіе Швеглера объ историческомъ значеніи Дунса Скотта. „Разумность догмата, единство вѣры и знанія были подразумѣваемымъ основнымъ предположеніемъ схоластики; но это предположеніе падало, почва для разсудочной схоластической метафизики совершенно исчезала, какъ только стали смотрѣть вмѣстѣ съ Дунсомъ Скоттомъ на задачу богословія съ точки зрѣнія практической. Съ раздѣленіемъ практическаго и теоретическаго направленія и еще болѣе съ раздѣленіемъ мышленія и бытія въ номинализмѣ (а Дунсъ придерживался номинализма), философія отдѣлилась отъ богословія, знаніе отъ вѣры, наука

(¹) Opera omnia. Lyon. 1639, 12 f. Монографіи: Ferchi (1622, Bol.), Guzman (1671, Madr.), Baumgarten-Crusius (Prop. de theologia Scoti, Iena, 1826).

стала выше вѣры и авторитета, а религіозное сознаніе порвало связь съ догматомъ, который держался только на одномъ преданіи ([1])".

Все это признаки новаго времени, знаменующіе наступленіе перелома въ воззрѣніяхъ. Дальнѣйшее развитіе этихъ взглядовъ должно было повести къ развитію самостоятельной философіи съ одной стороны и къ реформѣ Церкви съ другой.

Дунсъ Скоттъ смѣло констатировалъ свободу человѣческой воли, проводя параллель ея съ свободой Бога, Который по собственному произволенію сотворилъ изъ ничего міръ видимый и невидимый, потомъ вочеловѣчился въ Словѣ, пострадалъ, умеръ на крестѣ и воскресъ. Изъ всѣхъ истинъ вѣры можно при помощи философіи доказать, полагаетъ Дунсъ, только бытіе Бога; все остальное воспринимается одною вѣрою. Нельзя отрицать нѣкоторую аналогію съ будущимъ протестантскимъ ученіемъ въ толкованіяхъ Скотта, а признаніе свободной воли, окрыляя мысль, давало широкій просторъ дѣятельности человѣка.

Вильгельмъ Оккамъ († 1347 г.).

Его ученикъ Вильгельмъ Оккамъ, профессоръ въ Парижѣ, произвелъ реформу въ номинализмѣ. Дѣло въ томъ, что чистый безусловный номинализмъ въ послѣднее время отошелъ въ область преданія. Явился смягченный номинализмъ, нѣчто среднее между реализмомъ и номинализмомъ прежняго направленія. Общее не существуетъ отвлеченно; оно есть продуктъ мысли, реальность же оно имѣетъ въ самыхъ вещахъ, отъ которыхъ не было бы отвлечено, если бы въ нихъ не содержалось. Это измышленіе послѣднихъ схоластиковъ, относящееся къ половинѣ XIV вѣка, выражалось формулой — universalia in re. Въ сущности это было отрицаніе схоластики, которая всегда стремилась увѣрить, что все составляющее предметъ логическихъ доказательствъ и силлогизмовъ существуетъ въ дѣйствительности. Затронувъ вѣрность этого положенія и, поколебавъ его авторитетность, схоластика перестала имѣть какой либо смыслъ и потеряла право на существованіе, какъ методъ и какъ наука.

Въ этомъ отношеніи много сдѣлалъ Вильгельмъ Оккамъ. Онъ развилъ новый номинализмъ въ такомъ направленіи, что примѣненіе этого ученія къ богословскимъ вопросамъ устра-

---

([1]) А. Швеглеръ. Исторія философіи, пер. Юркевича (М. 1864); I, 163.

няло возможность объясненія основныхъ догматовъ, которые становились объектомъ вѣры. Бытіе Бога по этимъ формуламъ не можетъ быть доказано и, будучи предметомъ вѣры, не подлежитъ философскому познаванію. Знаніе получается только путемъ эмпирическаго наблюденія, только оно представляетъ интересъ для философа, отрѣшающагося теперь отъ богословія.

Мистика въ Германіи. Эккартъ († 1327 г.).

Все это дышало чѣмъ-то новымъ въ царствѣ мысли, все это подрывало вѣрованія и разрушало прежніе идеалы. Усилившееся стремленіе къ мистикѣ, носившей поэтическій характеръ, также было отраженіемъ возраставшаго торжества духа и наступавшаго отвращенія къ схоластикѣ. Мистики жили сердцемъ; схоластики искусственными хитросплетеніями мысли. Мистики полагали постичь Божество въ непосредственномъ духовномъ созерцаніи, въ сліяніи сердца съ Божествомъ, при чемъ вовсе обязательно не требовались внѣшнія дѣла благочестія, которыя могли служить приготовленіемъ къ соединенію съ Богомъ, но не имѣли цѣны сами по себѣ (¹). Какъ извѣстно, это ученіе доминиканца Эккарта, уроженца Страсбурга, современное первой половинѣ XIV вѣка, было формулировано съ бо̀льшей опредѣленностью Лютеромъ. Проповѣдь „сліянія съ Богомъ“, логическаго развитія которой не могъ допустить католицизмъ, не даромъ ожесточила правящую Церковь, преслѣдовавшую этого монаха даже до могилы. Онъ умеръ на пути въ Авиньонъ, куда онъ шелъ чтобы оправдаться предъ куріей въ обвиненіяхъ, которыя на него были взведены. Надо прибавить, что обаяніе Эккарта, котораго называли божественнымъ учителемъ, было тѣмъ сильнѣе, что онъ проповѣдывалъ бо̀льшею частью на нѣмецкомъ языкѣ.

Благодаря этому, мистицизмъ упрочился съ невѣроятною быстротою на берегахъ Рейна отъ Кельна до Базеля. Пантеистическихъ умозрѣній Эккарта толпа не понимала, но все что было сердечнаго и назидательнаго, что было преисполнено любви, прививалось къ массѣ, тѣмъ скорѣе что Эккартъ касался и соціальнаго строя, возбуждая желаніе улучшенія быта угнетенныхъ и обездоленныхъ поселянъ.

(¹) Jundt. Hist. du panthéisme populaire au moyen-âge.

Таулеръ († 1361 г.).

Его ученикъ Таулеръ (1290 — 1361 г.) дѣйствовалъ въ томъ же духѣ еще съ большимъ успѣхомъ. Онъ старался сдѣлать изъ богословія кодексъ нравственнаго ученія, дабы имъ исправлять заблудшихъ и смутившихся. Главнымъ мотивомъ его проповѣдей была нищета Спасителя, которой слѣдуетъ подражать. Въ „Страданіяхъ Іисуса Христа“ онъ доказываетъ что истинная мудрость постигается не въ школахъ, не въ книгахъ и трактатахъ, а въ Евангеліи, при изученіи искупительнаго подвига Богочеловѣка. Эта идея породила ученіе объ экстазѣ въ трудахъ Генриха Сузо (т. е. „Сладкаго“) и Іоанна Рейсбрука († 1381 г.) изъ Брюсселя.

Ѳома Кемпійскій (1380-1471 г.).

Наибольшею извѣстностью, упроченною рядомъ слѣдующихъ вѣковъ, пользовался нѣмецкій мистикъ XV столѣтія Ѳома Гамеркенъ изъ Кемпена (1380—1471 г.), котораго прославило „Подраженіе Христу“, — послѣ Библіи популярнѣйшая книга на закатѣ среднихъ вѣковъ и въ новое время для милліоновъ христіанъ. Монахъ Цвольскаго монастыря, долго работавшій прежде надъ перепиской рукописей, онъ сразу прославился своимъ знаменитымъ твореніемъ, первое изданіе котораго было напечатано въ 1470 году въ Аугсбургѣ, а слѣдомъ за нимъ въ теченіе 30 лѣтъ появилось 70 изданій. Съ XVI же вѣка до настоящаго времени вышло въ подлинникѣ и въ переводахъ 10 тысячъ изданій — нѣсколько десятковъ милліоновъ экземпляровъ ([1]).

Въ этой книгѣ излились всѣ помышленія и назиданія мистиковъ. Жизнь Спасителя—это великое поученіе для христіанъ. Все, помимо любви къ Богу и служенія Ему Единому, —есть vanitas vanitatum.—„Презирая міръ“, взирать на царство небесное—вотъ въ чемъ состоитъ верховная мудрость.... Суета гоняться за почестями и поднимается на высоту. Суета желать долгой жизни, а о доброй жизни мало имѣть попеченія.... Суета возлюбить, что скоро проходитъ и не спѣшить туда, гдѣ пребываетъ вѣчная радость. Попекись же отвлечь

([1]) Лучшее новѣйшее изд. Hirsche—Imitation de Iesus Christ, Reproduction en facsimile du manuscrit autographe (L. 1879). Издатель доказалъ, что Ѳома истинный авторъ знаменитой книги, тогда какъ прежде онъ считался только переписчикомъ анонимнаго оригинала, относящагося по однимъ къ 1441 г., по другимъ можетъ быть къ XIII вѣку. Превосходный русскій переводъ съ латинскаго по вновь открытой рукописи сдѣланъ К. П. Побѣдоносцевымъ (Спб. 2 изд. 1880).

сердце свое отъ любви къ видимому, ибо кто повинуется своимъ чувственнымъ желаніямъ, тотъ оскверняетъ совѣсть и теряетъ благодать Божію".—Конечно, назиданія Ѳомы Кемпійскаго не имѣютъ исключительно средневѣковаго характера.

Братство общежитія.

Всѣ послѣдователи мистицизма именовали себя „друзьями Божіими". Они разбились на множество кружковъ, имѣвшихъ практическія цѣли. Главными очагами мистицизма были Страсбургъ и Кельнъ. Долго дѣло друзей Божіихъ страдало недостаткомъ организаціи и отсутствіемъ солидарности между отдѣльными обществами. Съ возникновеніемъ въ Голландіи „Братства Общежитія" въ концѣ XIV вѣка, мистики стали сплачиваться. Это братство обязано своей организаціей энергичному и самоотверженному утрехтскому канонику Гергарду ванъ-Гроту (1340—84 г.), который отказался отъ большей части богатствъ отца, нажитыхъ торговлей, принялъ священство и на оставшіяся небольшія средства, при дальнѣйшемъ содѣйствіи аббата Флоренція Радевинса, основалъ въ Девонтерѣ, своемъ родномъ городѣ, мужское и женское общежитія. Это было не орденское братство, а филантропическое и просвѣтительное; оно руководилось самыми симпатичными цѣлями. Члены его хотя давали обычные обѣты нищеты, цѣломудрія и послушанія, но могли во всякое время выйти изъ братства. Главнымъ дѣломъ этихъ братчиковъ и сестеръ было обученіе въ многочисленныхъ школахъ и переписка рукописей. И то и другое принесло большую пользу распространенію просвѣщенія въ Нидерландахъ. Просвѣтительная миссія братства упредила успѣхи Возрожденія наукъ. Самъ Гротъ былъ свидѣтелемъ преуспѣянія своего полезнаго дѣла. Въ Цволлѣ была открыта братствомъ школа для бѣдныхъ мальчиковъ, въ которой превосходно обучали языкамъ родному и латинскому. По примѣру этой образцовой школы открылись училища въ сосѣднихъ городахъ съ программой болѣе широкой. Изъ этихъ-то школъ вышли славные вожди голландскаго и германскаго гуманизма: Іоаннъ Вессель и Эразмъ Роттердамскій.

Въ нихъ Возрожденіе и Реформація связуются съ средневѣковой мистикой внутреннимъ процессомъ развитія.

Бегарды въ Германіи.

Въ свою очередь пантеистическая секта „братьевъ и сестеръ свободнаго духа", возставшая противъ Римской Церкви, исходившая изъ того же мистицизма, вела непосредственно

къ протестантизму. Заблужденія т. н. бегардовъ и бегиновъ, навѣянныя отдаленными преданіями пантеизма и метемпсихозы, придавали необычайно пестрый и отвлеченный характеръ всему ученію, лишая возможности сдѣлать изъ него что либо пригодное къ дальнѣйшему развитію (¹).

Страсбургскій епископъ Іоаннъ Оксенштейнъ въ своемъ окружномъ посланіи первый обнародовалъ фактъ распространенія ереси среди духовенства, сдѣлавъ распоряженіе, чтобы въ двухъ-недѣльный срокъ еретическія книги были сожжены, угрожая отлученіемъ тѣмъ, которые не отрекутся отъ ереси. При этомъ епископъ подробно изложилъ догматику и обычаи бегардовъ, которые полагали, что человѣкъ благочестивой жизни можетъ сравниться съ Христомъ и даже стать выше Его. Отрицая большую часть Таинствъ, и между прочимъ Таинство Евхаристіи, считая присутствіе Тѣла Христова во всякомъ хлѣбѣ, они не видѣли надобности въ священникахъ, полагая что священнослуженіе доступно всякому міряпину, тѣмъ болѣе что грѣшить предоставляется всякому. Обличитель увѣряетъ, что бегарды отрицаютъ Страшный Судъ, адъ, рай и чистилище, прибавляя что они опасны какъ соціальные агитаторы, ибо проповѣдуютъ, что всѣ вещи составляютъ общую собственность и что воровство не есть грѣхъ.

Характеръ поэзіи

Обращаясь къ характеру и направленію поэзіи въ XIV вѣкѣ, слѣдуетъ остановиться прежде всего на лирикѣ и ея выдающихся явленіяхъ, а затѣмъ на новомъ родѣ эпическихъ произведеній, повѣсти, изображающей современность, т. н. новеллѣ. Эта преобладающая по своему значенію форма литературнаго творчества имѣетъ важное историческое значеніе, являясь характернымъ знаменіемъ времени.

Въ развитіи лирики въ XIV вѣкѣ наблюдаемъ ея одновременные успѣхи на Западѣ, благодаря обаянію трубадуровъ Прованса. Послѣдніе разнесли свои пѣсни по сосѣднимъ странамъ Запада. Тогда могла появиться самостоятельная поэзія чувства въ Италіи, Франціи и Германіи. Что касается до Пиринейскаго полуострова и Англіи, то тамъ лирика носила строго національный характеръ, заимствуя сюжеты изъ на-

(¹) Рукописные, неизданные и неразработанные матеріалы для исторіи бегардовъ находятся въ Національной Парижской библіотекѣ, въ той же коллекціи Doat, которую мы цитировали, говоря объ исторіи альбигойцевъ.

родныхъ преданій. Лирика въ другихъ странахъ началась слѣдовательно тогда, когда она отцвѣтала въ Провансѣ, измѣнившись изъ сердечной cansos въ сирвенту съ обличительнымъ характеромъ.

Лирика въ Италіи.

Особенное развитіе получила лирика въ Сициліи и въ Италіи вообще. Король Сициліи, онъ же и императоръ, Фридрихъ II, былъ трубадуромъ. Петръ Винейскій оставилъ нѣсколько стихотвореній, которыя по содержанію и по выраженнымъ въ нихъ чувствамъ подходятъ къ поэзіи трубадуровъ. Органомъ итальянской поэзіи служило сицилійское нарѣчіе. Палермо въ XIII вѣкѣ стало любимымъ прибѣжищемъ трубадуровъ, жонглеровъ и фокусниковъ всякаго рода. Подъ небомъ Сициліи вкусъ къ поэзіи коренился въ глубинѣ народнаго духа. Не менѣе того поэзія стала процвѣтать въ остальной Италіи. Гвидо Гвиничелли, Гвидо Кавальканти, Гвиттоне изъ Ареццо заслужили похвалы самого творца Божественной Комедіи. Но ихъ стихотворенія не могутъ идти въ сравненіе съ „rime“, стихотвореніями Петрарки, хотя послужили къ нимъ переходной ступенью. Самъ Петрарка воспитался на поэзіи трубадуровъ Прованса.

Петрарка (1304-74 г.).

Франческо Петрарка родился въ Ареццо въ 1304 году. Его отецъ, ревностный гибеллинъ и другъ Алигіери, подобно послѣднему, былъ изгнанъ изъ Флоренціи. Въ самую ночь рожденія Франческо, партія Бѣлыхъ произвела волненіе, разсчитывая вернуться во Флоренцію. Петрарка-отецъ вмѣстѣ съ другими принималъ участіе въ экспедиціи, кончившейся неудачно. Печальный, онъ возвратился въ Ареццо къ своей семьѣ. Лишившись родины, онъ отправилъ своего подросшаго сына въ Монпелье, предназначая его къ духовному званію и предполагая, что тотъ сосредоточится на каноническомъ правѣ. Но молодой человѣкъ отдался со всѣмъ рвеніемъ изученію памятниковъ классической древности. Это повело къ важнымъ послѣдствіямъ и перемѣнамъ въ характерѣ европейской образованности. Поэтъ такъ изливаетъ свою душу по этому поводу: — „Мое прямодушіе не допускаетъ меня отдаться наукѣ, изученіе которой, при настоящей испорченности нравовъ, сдѣлалось вреднымъ. Большинство людей желаетъ знать законы для того, чтобы самимъ отъ нихъ увертываться или — научать другихъ безнаказанно нарушать ихъ.

Я чувствовалъ себя неспособнымъ къ подобнаго рода ухищреніямъ и въ то же время сознавалъ какъ трудно было дѣлать честное употребленіе изъ законовъ въ тотъ вѣкъ, когда добродѣтель и невинность служили предметомъ насмѣшекъ. Юристы обратили свое дѣло въ постыдный торгъ. Ихъ языкъ, умъ, честь, репутація, убѣжденія — все было продано (1)".

Отецъ сперва хотѣлъ силою принудить сына къ нелюбимымъ занятіямъ. Найдя у него небольшое, но драгоцѣнное собраніе классическихъ рукописей, онъ безжалостно бросилъ ихъ въ огонь, оставивъ только нѣкоторыя сочиненія Виргилія и Цицерона.— „Возьми Виргилія, сказалъ онъ сыну, для развлеченія въ рѣдкія минуты, а Цицерона въ пособіе твоимъ юридическимъ занятіямъ".— Онъ перевелъ сына въ Болонью. На 20-мъ году жизни, лишившись отца и ставъ совершенно самостоятельнымъ человѣкомъ, Франческо переселился въ Авиньонъ, куда привлекали его трубадуры, допѣвавшіе свои лебединыя пѣсни въ эти годы упадка провансальской литературы. Здѣсь вполнѣ сказались поэтическіе порывы юноши. Разъ онъ посѣтилъ Воклюзскій фонтанъ, живописная обстановка котораго произвела на него неизгладимое впечатлѣніе, послужившее источникомъ прелестныхъ поэтическихъ вдохновеній. Авиньонъ былъ тогда единственнымъ городомъ Юга, не тронутымъ разгромомъ минувшихъ альбигойскихъ войнъ. Тутъ жили папы и кардиналы; духовенство сдѣлало изъ Авиньона вертепъ разврата; но здѣсь, рядомъ съ грубостью и безнравственностью, можно было встрѣтить проявленія утонченной

(1) Лучшимъ изд. соч. Петрарки (первое въ 1496 г. въ Базелѣ, второе въ 1501 г. въ Венеціи) до сихъ поръ считается Базельское (Opera omnia, 4 f. 1554), а для его Epistolae de rebus familiaribus et variae — изд. Fracasetti и Attilio Hortis. Онъ же Hortis издалъ по поводу юбилея 500-лѣтней кончины поэта: Catalogo delle opere di Fr. Petrarca esistenti nella Petrarchesca Rossettiana di Trieste (Tr. 1874). Для «Rime» мы пользовались изданіемъ съ комментаріями G. Leopardi (Fir. 1854, 4 ed.). — Изъ огромнаго количества монографій самая ранняя составлена извѣстнымъ литературнымъ дѣятелемъ Возрожденія L. Aretino (Le vite di Dante e del Petrarca, Fir. 1672); обширный трудъ Jacques de Sade (3 vls. Amst. 1764—67) устарѣлъ. Лучшія: G. B. Baldelli (Del. Petrarca l. IV, Fir. 1797), Mezières (P. 1868, 2 ed.), De-Sanctis (Saggio critico sul Petr. Nap. 1869) L. Heiger (L. 1874), Körting (Petrarca's Leben und Werke, L. 1878). Въ русской литер. очеркъ Пинто (Ж. М. Н. П. 1867).—Много цѣннаго о Петраркѣ въ книгѣ Voigt (Die Wiederbelebung d. class. Alterthums; 2 Ausg. 1880, въ рус. пер. М. 1884; I, 23—150).

цивилизаціи. Въ образованномъ классѣ населенія былъ развитъ художественный вкусъ, какъ нигдѣ въ Европѣ. Вотъ обстоятельства, породившія блестящій талантъ Петрарки, этого царя лирическаго искусства. Суды любви были передъ глазами; красавицы выслушивали жалобы влюбленныхъ и устанавливали ихъ взаимныя права и отношенія. Молодые люди, присутствуя на этихъ зрѣлищахъ и принимая въ нихъ участіе, плѣнялись красотою дамъ и воспѣвали ихъ звучными стихами, имѣвшими цѣлью тронуть сердца красавицъ и открыть пѣвцамъ доступъ въ таинственные покои замковъ. Однажды, —это было въ страстную пятницу 1327 года—Петрарка въ церкви увидѣлъ красивую даму, француженку, которую послѣ обезсмертилъ подъ именемъ Лауры, посвятивъ ей свои чудные стансы (rime). Она была замужемъ за нѣкіимъ Гуго де-Садъ, но это не мѣшало поклоненію поэта и платоническому обожанію. Случайная встрѣча породила любовь, а это чувство дало возможность появленія перловъ всемірной поэзіи. До сихъ поръ Петрарка писалъ по-латыни; теперь искреннее чувство искало болѣе сердечныхъ звуковъ для своего выраженія непремѣнно на родномъ языкѣ. И вотъ онъ рѣшился послѣдовать примѣру Данте, разорвалъ связь съ рутиной, чтобы воспользоваться богатой родной рѣчью по крайней мѣрѣ для выраженія личнаго настроенія. Его сонеты производятъ впечатлѣніе прежде всего мелодичной звучностью стиха, уловимой лишь въ подлинникѣ. Но въ этой музыкѣ трогаетъ если не вездѣ, то въ большей части сонетовъ искреннее чувство. Отъ сердечности его стихъ кажется иногда подслащеннымъ, когда поэтъ пускается въ восторженныя похвалы и приторныя нѣжности все относительно той же неизмѣнной Лауры. Но вообще внѣшняя форма доведена до поразительнаго совершенства. Языкъ у Петрарки выработанъ тщательнѣе, чѣмъ у Данте. Никто изъ итальянцевъ такъ не владѣлъ стихомъ. Конечно содержаніе въ исторической оцѣнкѣ художественнаго произведенія должно занимать существенное мѣсто. Въ этой области у Петрарки преобладаетъ личное чувство, но есть оды, которыя имѣютъ общественное и политическое значеніе.

Сонеты.

Сперва остановимся на чисто лирическихъ произведеніяхъ. Въ нихъ всякое слово было голосомъ примиренія и любви. Его сонеты и канцоны воспѣваютъ любовь, трактаты

проповѣдуютъ любовь и видятъ въ ней цѣль человѣческаго существованія и средство къ водворенію на землѣ порядка и счастья. Его „rime“ дѣлятся на нѣсколько группъ, на сонеты, написанные при жизни Лауры, послѣ ея смерти, затѣмъ Trionfo d'amore,—della castità,—della fama,—del tempo и 20 сонетовъ написанныхъ на разные случаи. Петрарка любитъ иногда щегольнуть въ сонетахъ изысканными фразами и натянутой игрой словъ тамъ, гдѣ слѣдовало бы просто отдаться чувству и ни чѣмъ не стѣснять его свободное теченіе. Но за то въ малѣйшихъ подробностяхъ грація и изящество. Каждый сонетъ въ цѣломъ—это законченное художественное произведеніе. Въ каждомъ порознь приходится удивляться какъ чистотѣ рисунка, такъ и живости красокъ. Какъ обаятельно, напримѣръ, описаніе красоты Лауры: — „кто не видалъ ея очей и плѣнительно нѣжнаго взгляда, тотъ напрасно сталъ бы искать на землѣ столь стыдливой красоты“. Даже смерть безсильна измѣнить прелесть Лауры. Поэтъ обливаетъ слезами ея могилу и любитъ ея образъ, который сталъ еще свѣтлѣе и возвышеннѣе.

— „Я чувствую дуновеніе знакомаго вѣтерка; я снова взираю на сладкіе холмы, гдѣ впервые явился міру тотъ свѣтъ, который нѣкогда составлялъ радость моихъ очей, а теперь вызываетъ изъ нихъ горькія слезы. О, обманчивыя надежды, о безумныя мечты (o caduche speranze, o pensier folli!)! Осиротѣла долина, помутились воды, непривѣтливо стало то мѣсто, гдѣ покоилась она, и гдѣ нынѣ я живу, но гдѣ въ былое время желалъ умереть отъ восторговъ. Я думалъ что она, проходя по долинѣ, легкою ногою коснется моей могилы; я ждалъ утѣшенія отъ милыхъ очей и думалъ что послѣ столькихъ страданій должна настать пора отдохновенія. Жестокому богу служилъ я: тлѣлъ и таялъ, пока свѣтъ мой горѣлъ предо мной, а теперь я плачу надъ его остывшимъ пепломъ“ (¹).

Петраркѣ представляется, что Лаура, какъ воплощеніе красоты и добродѣтели, получитъ мѣсто между блаженными душами Рая. Этотъ мотивъ послужилъ поводомъ къ тому, чтобы создать одинъ изъ удачнѣйшихъ сонетовъ (²).—Ангелы встрѣчаютъ Лауру:

(¹) S. 52. Rime, 267 (in morte di Madonna Laura).

(²) S. 74. Rime, 294 (in morte di Madonna Laura). Переводъ А. Н. Майкова самъ по себѣ прелестное художественное произведеніе.

. . . «Кто это? шопотомъ другъ друга вопрошали
Давно ужъ изъ страны порока и печали
Не восходило къ намъ въ сіяньи чистоты
Столь строго дѣвственной и свѣтлой красоты?»

И тихо радуясь, она въ ихъ сонмъ вступаетъ
Но, замедляя шагъ, свой взоръ по временамъ
Съ заботой нѣжною на землю обращаетъ

И ждетъ—иду ли я за нею по слѣдамъ....
Я знаю, милая! я день и ночь на стражѣ:
Я Господа молю! молю и жду: когда же?...

Поэзія Петрарки глубоко идеальная; во всѣхъ сонетахъ не найдется ни одного образа, ни одного стиха, который могъ бы смутить самаго строгаго пуриста. Петрарка умѣлъ быть граціознымъ, сохраняя скромность. Подъ его перомъ самыя матеріальныя мысли преображаются, очищаются и принимаютъ благородныя формы, свойственныя болѣе возвышеннымъ явленіямъ нравственнаго міра.

Петрарка не ограничился воспѣваніемъ одной Лауры. Его Trionfi изображаютъ рядъ видѣній,—напр. „Торжество любви". Это разсказъ о томъ, какъ любовь возбуждаетъ въ человѣкѣ непреодолимыя желанія, торжествуетъ надъ его волей, пока цѣломудріе, являясь на помощь разсудку, въ свою очередь не одерживаетъ верхъ надъ любовью. Затѣмъ возстаетъ грозная смерть, которая, уравнявъ побѣдителей и побѣжденныхъ, одинаково торжествуетъ надъ любовью и цѣломудріемъ. Является слава и на своихъ крыльяхъ переноситъ черезъ бездну вѣковъ имена героевъ, сраженныхъ смертью, тогда какъ время спѣшитъ изгладить ихъ былую и громкую исторію, въ которую они внесены рукою славы. Наконецъ, божество, принимая души праведниковъ въ лоно вѣчности, даруетъ имъ безсмертіе, и тѣмъ самымъ упрочиваетъ окончательное торжество неба надъ землею.

Поэзія Петрарки касалась и политическихъ вопросовъ. Оды.
Поэтъ былъ всегда одушевленъ возвышеннымъ патріотизмомъ. Онъ томится желаніемъ видѣть свою родину свободною, счастливою, благоустроенною; она возбуждаетъ въ немъ глубокое состраданіе. Такова его ода къ Италіи:

— „О моя Италія, хотя слава не въ силахъ залѣчить смертельныя раны, въ изобиліи покрывающія твое прекра-

свое тѣло, я тѣмъ не менѣе хочу излить мою печаль въ звукахъ достойныхъ Тибра, Арно и По, на берегахъ которыхъ я обрѣтаюсь нынѣ въ печали и глубокомъ раздумьи". Затѣмъ слѣдуетъ мольба къ Всевышнему, чтобы Онъ снизошелъ къ народамъ Италіи и даровалъ ей миръ. Сильные аккорды ростутъ; слышны боевые звуки.—„О вы, которымъ судьба ввѣрила власть надъ прекрасными странами, вы не питаете къ нимъ, кажется, ни малѣйшаго состраданія. Скажите, что творятъ здѣсь столько иноземныхъ мечей? Къ чему кровью варваровъ орошаются зеленыя пажити (намекъ на кондотьеровъ). Горько мнѣ то, что безпощадный народъ, гнетущій васъ теперь,—тотъ самый, который прежде былъ покоренъ и побитъ Маріемъ. Сжальтесь надъ слезами несчастнаго народа, который послѣ Бога на васъ однихъ возлагаетъ свои надежды. Сжальтесь и пробужденное мужество воспрянетъ и вооружится противъ иноземнаго гнѣва. И не долго будетъ длиться борьба: воинственный духъ древнихъ героевъ еще не угасъ въ итальянскихъ сердцахъ. Синьоры, смотрите какъ время летитъ! Жизнь быстро течетъ и смерть уже за плечами. Вы подумайте, что, пройдя долину жизни, вы ощутите бремя гнѣва и ненависти. Труды и усилія, что нынѣ направлены ко вреду ближняго, обратите въ нѣчто болѣе похвальное и великое. Это усладитъ вашу жизнь и откроетъ путь на небо". — Поэтъ въ заключеніе проповѣдуетъ миръ.

Той же энергіей, полной искренней ненависти и благороднаго гнѣва, дышетъ его сонетъ, направленный противъ авиньонскаго двора. Но это было минутное чувство. Гораздо постояннѣе было въ Петраркѣ восторженное поклоненіе Риму, выразившееся въ ободреніи Ріенци, которому онъ посвятилъ оду, также какъ и Стефану Колоннѣ.

Петрарка вообще не оставался чуждъ явленіямъ политической и общественной жизни тогдашней Италіи и отзывался на всѣ живые вопросы современности, возбуждая новое направленіе въ умахъ и въ образованности. Въ Римѣ бредили тогда античными древностями, отыскивали старыя рукописи и въ литературѣ цѣнили только то, что освящено было латинскимъ языкомъ и напоминало пріемы Овидія и Виргилія. Такъ и въ произведеніяхъ Петрарки ученые и образованные люди придавали серьезное значеніе его „Африкѣ", извѣстной въ отрывкахъ, и другимъ подобнымъ поэмамъ, которыя теперь никто не читаетъ,—а его чудные сонеты считали ничтожнымъ до-

бавленіемъ къ его литературной дѣятельности. Собственно чествованія поэта были вызваны его латинскими гекзаметрами. Въ августѣ 1340 году въ Воклюзъ прибыла изъ Рима депутація къ Петраркѣ съ приглашеніемъ явиться въ вѣчный городъ, чтобы тамъ возложить на него лавровый вѣнокъ. Въ тотъ же день было получено поэтомъ приглашеніе отъ парижскаго университета увѣнчаться въ центрѣ тогдашняго просвѣщенія. Для Петрарки одного упоминанія Рима было достаточно, чтобы устранились всякія колебанія. Но онъ не рѣшился принять награду безъ публичнаго состязанія, которое должно было состояться при дворѣ короля Роберта, считавшагося знатокомъ поэзіи (II, 747). Всѣ извѣстные ученые, итальянскіе и французскіе, съѣхались въ Неаполь. Пріемъ, сдѣланный поэту, походилъ на древне-эллинскія чествованія талантовъ на играхъ. Онъ отличался пышностью и особенной торжественностью. Самъ король выѣхалъ встрѣчать поэта и сталъ его постояннымъ спутникомъ и собесѣдникомъ. Король и поэтъ вмѣстѣ посѣтили между прочимъ гробницу Виргилія по близости города и преклонили колѣна съ благоговѣніемъ передъ памятникомъ. Въ свою очередь неаполитанцы дали праздникъ въ честь Петрарки, при чемъ король лично предсѣдательствовалъ. Выслушавъ богатый запасъ произведеній поэта и убѣдившись въ красотѣ и достоинствахъ его латинскихъ стиховъ, конгрессъ средневѣковыхъ литераторовъ призналъ Петрарку достойнымъ лавроваго вѣнка. Съ дипломомъ въ рукахъ отъ короля покровителя, Петрарка отправился въ Римъ, гдѣ былъ торжественно вѣнчанъ въ Капитоліи 8 апрѣля 1341 года.— „Вѣнчаю въ тебѣ перваго изъ талантовъ, сказалъ поэту сенаторъ, надѣвая на него вѣнокъ". Петрарка всталъ и продекламировалъ сонетъ, написанный во славу древнихъ римлянъ. Народъ рукоплескалъ, восклицая: „да здравствуетъ поэтъ и Капитолій!" Изъ Рима Петрарку потянуло въ горы, въ Авиньонъ, къ дамѣ сердца. По дорогѣ, въ Пармѣ, онъ закончилъ „Африку", которая составила его славу въ глазахъ современниковъ. Въ Авиньонѣ Петрарка, въ контрастъ Данте, ведетъ чисто придворную жизнь. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ итальянскихъ дѣятелей, которые ходатайствовали о возвращеніи папской куріи въ Римъ. Нуждаясь въ средствахъ, онъ выпрашивалъ у папы приходъ. Потомъ онъ вмѣшался въ круговоротъ политическихъ бурь того времени. Въ Неаполѣ онъ принялъ сторону королевы Іоанны I, которую общественное

мнѣніе обвиняло въ убійствѣ ея мужа. Петрарка вмѣстѣ съ Боккачіо написалъ особый трактатъ въ ея защиту, стараясь устранить всякія улики въ злодѣяніи. Но когда дѣло заходило о Римѣ, то въ душѣ Петрарки загорались самыя восторженныя чувства. Такъ онъ спасъ жизнь Ріенци послѣ его первой неудачи. Вообще онъ горячо сочувствовалъ трибуну и его политической реформѣ. Онъ считалъ возможнымъ создать изъ Италіи единую республику съ столицею въ Римѣ: онъ расходился съ Данте, поборникомъ гибеллинизма, только въ формѣ правленія проектируемаго государства.

Скоро Петрарку постигло разочарованіе: къ патріотической тоскѣ присоединилась душевная скорбь. Лаура умерла въ 1348 году. Жизнь Петрарки съ этой минуты исключительно посвящена печали и наукѣ. Смерть возлюбленной какъ бы усилила поэтическіе порывы; она не произвела перемѣны въ его чувствахъ къ ней. Онъ по прежнему продолжалъ любить ее. Въ уединеніи, куда Петрарка удалился оплакивать Лауру, онъ принялся писать свою исповѣдь, которой далъ названіе „Тайна“. Это родъ философскаго сочиненія, имѣющаго разговорную форму. Авторъ бесѣдуетъ съ блаженнымъ Августиномъ о различныхъ свойствахъ и качествахъ любви и о вліяніи ея на человѣческое сердце. Въ послѣдніе годы Петрарка сосредоточился на классическихъ рукописяхъ и изученіи древности. Для большаго удобства онъ переселился въ Миланъ, отвергнувъ приглашенія другихъ европейскихъ государей, которые положительно надоѣдали ему своею навязчивостью.

Классицизмъ Петрарки.

Тогда онъ явился проводникомъ новаго направленія въ литературѣ и міровоззрѣніи вообще. Онъ обратилъ свои взоры къ отдаленному прошлому и посвятилъ себя отысканію памятниковъ классической древности, переселившись духовно въ міръ древнихъ грековъ и римлянъ. Виргилій и Цицеронъ плѣнили его сперва формой, а потомъ онъ невольно сталъ сыномъ другаго міра. „Красота ритмическихъ формъ и мелодичность классической латыни, говоритъ историкъ классицизма, очаровывали его тѣмъ болѣе, чѣмъ внимательнѣе прислушивалось къ нимъ его ухо и чѣмъ усерднѣе старался онъ подражать имъ. Уже это первое соприкосновеніе съ древностью подѣйствовало такъ сильно, что восторгъ совершенно оковалъ его; словно какая-то духовная сила влекла его все далѣе и

далѣе до тѣхъ поръ, пока онъ не вступилъ вполнѣ съ своими возвышеннѣйшими чувствами и стремленіями въ этотъ новый міръ и, влекомый сотнями чаръ въ его область, не сдѣлался мечтательнымъ поклонникомъ его величія. Читая своего Ливія, поэтъ мысленно жилъ въ общеніи съ Фабіями, Метеллами и Сципіонами, забывая тѣ бѣдственныя времена, въ которыя какая-то злополучная звѣзда перенесла его рожденіе. Онъ былъ убѣжденъ, что и до пришествія Христа было множество людей, выдающихся своимъ умомъ и добродѣтелями, но что умъ и добродѣтель выродились въ его время. Это явленіе было для него безспорно; онъ думалъ только о томъ, какъ его объяснить. То, что онъ воспринялъ отъ древнихъ, въ его глазахъ было, по крайней мѣрѣ, одинаковаго достоинства съ тѣмъ, что самостоятельно создавалъ его умъ; онъ даже часто не могъ отдѣлить одно отъ другаго (me nihil novum, nihil fere meum dicere, immo vero nihil alienum, замѣчаетъ онъ въ своихъ письмахъ къ друзьямъ). Петрарка чувствовалъ, что всѣмъ тѣмъ, чѣмъ онъ сталъ, онъ обязанъ древности, и легко смѣшивалъ такимъ образомъ величіе древности съ своимъ высокимъ мнѣніемъ о самомъ себѣ. Онъ долженъ былъ бы сдѣлаться мечтателемъ или безумцемъ, если бы его не освѣжало сильное сознаніе самого себя и не поддерживало его связи съ современниками. Такимъ образомъ съ одушевленіемъ, но въ то же время и съ разумной энергіею, повелъ онъ дѣло, которое казалось ему достойнѣйшей задачею его жизни, именно возрожденіе умершей и похороненной древности (¹)".

Онъ былъ счастливъ отыскать во время своихъ странствій нѣсколько затерянныхъ сочиненій Цицерона. Изучивъ ихъ, онъ наткнулся на Варрона, узналъ объ Энніи, Теренціи и др. Міръ великихъ покойниковъ все болѣе и болѣе расширялся; идеи обогащались. Прежде знали только четыре книги Тита Ливія; у Петрарки было 29 книгъ. Произведенія Квинтиліана, Катулла и Проперція и многія другія рукописи были открыты имъ для ученыхъ и для образованности (²).

Вражда къ схоластикѣ и аверроистамъ.

Преклоняясь передъ классическою древностью, высказывая при каждомъ случаѣ восторженное сочувствіе къ міру, въ которомъ жили греки и римляне, Петрарка не переста-

(¹) Фойгтъ. Возрожденіе класс. древности, пер. Рассадина; I, 37—38.
(²) Подробное перечисленіе латинскихъ и греческихъ классическихъ памятниковъ извѣстныхъ Петраркѣ, дѣлаетъ Körting. Petrarca's Leben, 481.

валъ быть католикомъ. Но его религіозныя убѣжденія не походили на вѣрованія массы. Онъ былъ заклятымъ врагомъ схоластики и признавалъ христіанское ученіе только въ книгахъ Новаго Завѣта, въ сочиненіяхъ Іеронима, Лактанція и Августина. Творенія же схоластиковъ онъ игнорировалъ, порицая при каждомъ случаѣ вредное вліяніе „болтливыхъ и никуда негодныхъ магистровъ“. Онъ скептически относился къ святымъ, къ мощамъ, къ чудесамъ, видѣніямъ. Это впрочемъ ему не помѣшало быть апологетомъ христіанства и страстнымъ противникомъ такъ называемыхъ аверроистовъ, тогдашнихъ матеріалистовъ и скептиковъ, отрицавшихъ въ своихъ кружкахъ Бога и загробную жизнь, проповѣдывавшихъ чувственность и эпикуреизмъ. Петрарка знавалъ ихъ въ Венеціи, гдѣ проживалъ въ послѣдніе годы. Тамъ во главѣ нѣсколькихъ свободномыслящихъ молодыхъ вельможъ, любившихъ пожить, стоялъ магистръ Гвидо де-Баньоло, уроженецъ Реджіо, придворный врачъ кипрскаго короля. Противъ него и другихъ вольнодумцевъ, этихъ проповѣдниковъ „тайной мудрости“, возсталъ Петрарка со всею силою убѣжденія и таланта. Онъ находилъ ихъ ученіе вреднымъ не потому только, что оно еретическое, а потому что оно идетъ въ разрѣзъ съ преданіями классической мудрости. Аверроисты издѣвались надъ Сократомъ, Пиѳагоромъ, Платономъ, Аристотелемъ, Цицерономъ и Сенекой; одно это вызывало негодованіе Петрарки и страстную ненависть. А когда одинъ изъ „новыхъ философовъ“, придя къ поэту, выразился, что Аверроэсъ выше апостола Павла и Августина, этихъ „невѣжественныхъ пустомелей“, то Петрарка, возмущенный такимъ цинизмомъ, схватилъ еретика за платье и вытолкалъ за дверь. Поэтъ впрочемъ преувеличиваетъ значеніе аверроизма, увѣряя что эти „бѣшеныя собаки, изрыгающія хулу на Христа и на католичество, кишатъ повсюду, подобно кучѣ муравьевъ“. Въ дѣйствительности ихъ было тогда очень немного, такъ какъ кромѣ Петрарки никто о нихъ не говоритъ. Плоды ихъ отрицанія сказались лишь въ слѣдующемъ XV столѣтіи, когда безвѣріе, оффиціально покровительствуемое, стало модою въ Италіи.

Собственно борьба съ аверроистами, не смотря на все вліяніе языческой литературы, удержала Петрарку на твердой почвѣ христіанства и, чѣмъ болѣе онъ раздражался въ этой борьбѣ, тѣмъ болѣе цѣнилъ католицизмъ.— „Чѣмъ бо-

лѣе я слушаю рѣчи противъ вѣры во Христа, тѣмъ горячѣе люблю я Христа,—сознается Петрарка—, и тѣмъ тверже я укрѣпляюсь въ Христовой вѣрѣ... Богохульство еретиковъ обращаетъ меня, вѣрующаго во Христа, въ самаго пылкаго христіанина. Вѣдь хотя древніе язычники и разсказываютъ много басенъ про божественныя дѣла, однако не богохульствуютъ, потому что не знаютъ истиннаго Бога и никогда не слыхали имени Христа". Все это важно какъ доказательство того положенія, что Возрожденіе классической древности не обусловливало само по себѣ вражды къ христіанству.

Изученіе древности сдѣлало изъ Петрарки стоика и поборника служенія активной добродѣтели.

— „Направляй свой умъ къ дѣламъ. Въ словахъ — тщеславное хвастовство, многотрудная борьба и пустой звукъ; въ дѣлахъ—спокойствіе, добродѣтель и счастіе". Таковы слова Петрарки, обращенныя къ Цицерону, котораго поэтъ, при всей любви къ знаменитому римлянину, укоряетъ за то, что у него слова расходятся съ дѣломъ. — „Что толку говорить великолѣпныя фразы о добродѣтели, когда слова несходятся съ дѣломъ?" Петрарка всегда сознавалъ, что и онъ лично заслуживаетъ такого же укора, въ виду непослѣдовательности въ поступкахъ, которую онъ часто проявлялъ.

— „На сколько краспорѣчіе дороже самой жизни, говоритъ онъ, для всѣхъ насъ вращающихся въ пыли литературной палестры, на столько усерднѣе мы стремимся къ славѣ, чѣмъ къ добродѣтели (¹)".

Подъ конецъ жизни Петрарка пріобрѣлъ славу міроваго авторитета. Его вліяніе и популярность можно сравнить съ обаяніемъ Вольтера. Его слово имѣло въ глазахъ всѣхъ могущественное значеніе. Куда бы онъ ни являлся, его встрѣчали какъ вѣнчаннаго государя, окружали царскими почестями, приготовляя на общественный счетъ помѣщенія, обильно украшенныя и убранныя золотомъ, серебромъ, пурпуромъ. При жизни Петрарки, граждане Ареццо признали общественнымъ достояніемъ домъ, гдѣ онъ родился; старцы, окруженные внуками, приходили издалека на поклоненіе къ нему, считая за счастіе поцѣловать его руку. Венеціанскій сенатъ декретомъ (отъ 4 сентября 1362 г.) объявилъ, что на памяти людей нѣтъ и не было между христіанами ни одного философа

(¹) De ignorantia. Цитата у Фойгта; I, 92.

и поэта, который былъ бы ему равенъ ([1]). Со всѣхъ концовъ Европы онъ получалъ почтительныя посланія, въ которыхъ юристы говорили, что они забыли своего Юстиніана, а поэты —Виргилія и Гомера. Повсюду привилась страсть къ писанію, къ сочиненію писемъ, наполненныхъ цитатами изъ классическихъ писателей съ претензіями на философскій характеръ. Между литераторами это писаніе обращалось въ инвективу, эту полемическую перебранку, которая упрочилась надолго, поддерживая влеченіе къ духовнымъ интересамъ.

Чѣмъ былъ Данте для XIII вѣка, тѣмъ Петрарка для XIV столѣтія. Себя, нѣсколько тщеславно, онъ считалъ выше Данте, но, какъ представитель переходнаго времени, онъ болѣе сочувственно смотрѣлъ на будущее, чѣмъ на прошлое. Оттого эпоха Возрожденія связана съ нимъ непосредственно.

Новелла въ Италіи.

Послѣ него итальянская литература измѣняется въ своемъ характерѣ. Никто не могъ соперничать съ Петраркой въ художественномъ воспроизведеніи личнаго чувства. Съ другой стороны нельзя было создать ничего подобнаго Божественной Комедіи, выразившей всѣ стремленія прошлаго. Но былъ еще одинъ родъ литературы, для котораго матеріалъ былъ подготовленъ послѣдовательнымъ развитіемъ такъ называемыхъ *contes* и *fabliaux*. То была новелла.

Католицизмъ палъ къ началу XIV столѣтія. Когда умиралъ Данте, папская система была осмѣяна, а послѣ этого повѣялъ новый духъ. Будущій поэтъ, обладающій самостоятельнымъ талантомъ, непремѣнно выразитъ это стремленіе; онъ станетъ осмѣивать католицизмъ и его представителей, т. е. духовенство, и для этого изберетъ особый, новый родъ литературы, а именно повѣсть, этотъ легкій для всѣхъ доступный разсказъ.

Такимъ — былъ Боккачіо, первый оригинальный авторъ повѣсти въ нашемъ современномъ смыслѣ, повѣсти, послужившей источникомъ вдохновеній Шекспира и выразившей въ свое время соціальныя стремленія. Эти повѣсти называютъ новеллами, такъ какъ издавна провансальцы называли

([1]) Цитаты у Фойгта; I, 93.

([2]) Это высказано въ стихотвореніи Саккети, оплакивающимъ его кончину. Оно начинается такъ:

Colui, che sempre avea co vizzi guerra,
Cercando i modi santi e il regno eterno....

„novas"—стихотворенія не лирическаго характера, какъ-то: религіозныя, дидактическія, а чаще всего эпическія. Во Франціи имъ продолжали соотвѣтствовать fabliaux и contes. Не было ничего удобнѣе этой формы поэзіи для изображенія соціальныхъ условій жизни. Новелла удовлетворяла итальянской склонности поболтать и фантазировать; она подходила и къ непосредственно поэтическимъ цѣлямъ и къ фарсу, годилась и для пустой шутки и для сатиры самой язвительной.

Итальянская новелла не оригинальна. Происхожденіе этого рода литературы коренится не въ Европѣ, а въ отдаленной Индіи. На санкритскомъ языкѣ издавна существовало: „Дружеское наставленіе", Гита-Падамъ,—сборникъ басенъ, распространенный на всемъ Востокѣ. Въ этомъ сборникѣ множество самыхъ интересныхъ и разнообразныхъ разсказовъ про людей и животныхъ, въ приключеніяхъ которыхъ слѣдуетъ подразумѣвать людскіе нравы и поступки. Въ нихъ тѣже элементы, какъ и въ новеллахъ: тутъ видимъ насмѣшку надъ духовенствомъ Индіи, нападеніе на лицемѣріе браминовъ и ханжество жрецовъ, въ среду которыхъ можетъ попасть всякій плутъ. Благодаря переводу, принадлежавшему Іоанну Капуанскому, Европа познакомилась съ этимъ сборникомъ. Новеллы пользуются имъ, устраняя только аллегорію. Знаменитый въ средніе вѣка, столь популярный романъ „о семи мудрецахъ" имѣетъ то же происхожденіе. Положенія, полныя интереса и жизни, переполняютъ этотъ романъ. Не менѣе знаменитый въ средніе вѣка сборникъ,—Gesta Romanorum, съ мистическими и нравственными наставленіями, принадлежитъ къ произведеніямъ той же категоріи, какъ и новеллы, т. е. къ области сатирическаго эпоса. Въ немъ разсказываются событія римской исторіи, перепутанныя съ христіанскими элементами. Можно сказать, что Gesta обусловили появленіе „Cento novelle antiche" (100 древнихъ новеллъ).

Что касается до новеллъ Боккачіо, то онѣ не были новостью. Боккачіо не могъ самъ выдумывать сюжеты; онъ только видоизмѣнилъ старые сообразно съ современностью. У него фигурируютъ преимущественно лица духовныя, которыхъ онъ бичуетъ безпощадно и въ конецъ колеблетъ ихъ авторитетъ. Средневѣковыя произведенія, предшествовавшія ему въ этомъ родѣ, доставили богатый матеріалъ. Во многихъ мѣстахъ трудъ Боккачіо чисто формальный. Его право на славу первоклас-

снаго писателя заключается не въ творчествѣ, а въ художественномъ воспроизведеніи готоваго матеріала, съ полнымъ отраженіемъ современной ему жизни. Пустымъ сказкамъ онъ придавалъ изящную отдѣлку; онъ освѣтилъ богатый матеріалъ личной идеей и тѣмъ составилъ художественное цѣлое. При этомъ Боккачіо былъ создателемъ итальянскаго прозаическаго языка.

Боккачіо (1312—74 г.). Джіованни Боккачіо—сынъ итальянскаго купца, родился въ 1313 году во Флоренціи, гдѣ получилъ хорошее воспитаніе и склонность къ поэзіи ([1]). Когда отецъ задумалъ приспособить юношу къ торговому дѣлу, Джіованни оказывалъ всяческое противодѣйствіе. Послѣ онъ выпросилъ позволеніе поступить въ университетъ для изученія каноническаго права. Будучи 17 лѣтъ, Боккачіо, по волѣ отца и по торговымъ дѣламъ, поселился въ Неаполѣ, гдѣ провелъ много лѣтъ, пока не получилъ самостоятельнаго, вполнѣ обезпеченнаго положенія. Здѣсь, еще до личнаго знакомства съ Петраркой, который возбудилъ живой интересъ въ тогдашнемъ обществѣ къ античнымъ памятникамъ, Боккачіо между прочимъ занимался изученіемъ капитальныхъ произведеній классической литературы. Если онъ въ этой области не могъ занять мѣста одинаковаго съ Петраркой, не сталъ „эрудитомъ", ученымъ въ строгомъ смыслѣ слова, то тѣмъ не менѣе прославился какъ знатокъ и усердный цѣнитель духовнаго наслѣдія античнаго міра. Личный характеръ, способности, симпатіи, обусловленныя обстоятельствами среды и воспитанія, влекли его къ иному роду литературной дѣятельности. Онъ началъ пробовать свои силы на стихотворномъ романѣ. Красивый собой, онъ на практикѣ познакомился съ тѣми удовольствіями и наслажденіями, которыя впослѣдствіи описывалъ съ такимъ талантомъ; но онъ не палъ и не сдѣлался развратникомъ. Та же высокая любовь, которая освѣщаетъ великое произведеніе Данте, облагораживаетъ и Боккачіо. Принцесса Марія, побочная дочь короля Роберта, была его идеаломъ, его Беатриче; онъ воспѣлъ ее въ своемъ романѣ „Fiametta", гдѣ себя выводитъ подъ именемъ Панфило. Античныя подробности показываютъ, что эпоха Возрожденія, эта манія подражанія клас-

([1]) Изъ монографій о Боккачіо лучшія: Baldelli (Fir. 1806) и Körting. Boccacio; Leben und Werken (L. 1884). Прежнія предположенія о происхожденія поэта, о его рожденіи въ Парижѣ, о бѣгствѣ отъ отца,—послѣ изслѣдованій Кёртинга,—оказываются неосновательными.

сическимъ образцамъ, уже близилась. Затѣмъ имъ написана была, въ честь Маріи, „Тезеида“, въ 9000 стиховъ, за которую онъ можетъ именоваться отцемъ стихотворнаго романа. Боккачіо вмѣстѣ съ Петраркою, съ которымъ познакомился въ 1350 году, способствовалъ къ пробужденію симпатій къ античнымъ произведеніямъ. Впрочемъ обстановка неаполитанскаго двора болѣе соотвѣтствовала эротическому направленію въ литературѣ. Въ Неаполѣ менѣе чѣмъ гдѣ нибудь подражали античной доблести; тамъ жили размашисто и любили наслажденія. Частію въ Неаполѣ, частію во время путешествія, Боккачіо сочинилъ знаменитый Декамеронъ, нѣкоторые разсказы изъ котораго съ успѣхомъ читалъ при дворѣ королевы Іоанны. „Декамеронъ“, написанный около 1349 г. на прекрасномъ итальянскомъ языкѣ, могъ возникнуть только на южно-итальянской почвѣ. Въ 1350 году Боккачіо, уже пользовавшійся извѣстностью, возвратился во Флоренцію. Здѣсь предпочитали эрудитовъ и римскія политическія традиціи, здѣсь поэтъ долженъ былъ стать ученымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ государственнымъ человѣкомъ. Во Флоренціи чрезъ 20 лѣтъ послѣ смерти Данте поклоняются его имени и настаиваютъ на открытіи особой каѳедры для объясненія „Божественной кемедіи“. Боккачіо дѣлается ея профессоромъ. Кромѣ этого ему даютъ дипломатическія порученія. Теперь онъ иначе смотритъ на жизнь, дѣлается серьезнѣе и даже впадаетъ въ благочестіе. Теперь онъ проникся мистическимъ уваженіемъ къ Данте, сталъ увлекаться богословіемъ, что видно изъ его словъ: „богословіе и поэзія одно и тоже“ (¹). Это обращеніе напоминаетъ Вольтера. Сатирическія выходки и нападки Боккачіо на духовенство заставили всѣ ордена принять мѣры къ укрощенію поэта. Ему очень внушительно разсказали, что одинъ капуцинскій монахъ Петръ предсказалъ гибель всѣмъ развратникамъ, вольнодумцамъ и т. п., а въ спискѣ ихъ будто бы значилось имя Боккачіо. Поэтъ испугался, сталъ вести монашескую жизнь, сдѣлался ханжей. Смерть Петрарки потрясла его. Онъ умеръ въ Чертальдо, не далеко отъ Флоренціи, всѣми любимый. Онъ самъ не повѣрилъ бы, что именно его Декамеронъ будетъ пользоваться огромною извѣстностію.

(¹) La teologia e la poesia quasi una cosa si possono dire, dove uno medesimo sia il subjetto, anzi dico più che la teologia niun'altra cosa è che una poesia d' Iddio.

Декамеронъ.

Боккачіо вполнѣ воспользовался удобствами новеллы. Въ своемъ пресловутомъ Декамеронѣ онъ сопоставляетъ пороки людей рядомъ съ ихъ добродѣтелями [1]. Онъ выводитъ на показъ и публичное осмѣяніе и обманщиковъ и обманутыхъ, скрягъ и мотовъ, евреевъ и мусульманъ, язычниковъ и христіанъ, дамъ и рыцарей, пилигримовъ и святыхъ, героевъ и разбойниковъ, лицемѣровъ и глупцовъ, королей и папъ, а больше всего монаховъ, бѣлыхъ и черныхъ, сѣрыхъ и коричневыхъ— цѣлый калейдескопъ монаховъ. Немногіе изъ итальянскихъ писателей такъ понимали человѣческое сердце; немного найдется такихъ знатоковъ его и въ другихъ литературахъ; немногіе такъ удачно подмѣчали его изгибы и немногіе обладали въ такой высокой степени силой комизма, которая можетъ заставить людей смѣяться надъ ихъ собственными слабостями, въ то же время дѣлая людей умнѣе и лучше на ихъ же собственный взглядъ При этомъ слѣдуетъ помнить, что Боккачіо жилъ во время всеобщей распущенности, проникшей всѣ слои общества, отъ папъ авиньонскихъ до пролетаріевъ. Напрасно думать, что онъ не дышалъ этимъ зараженнымъ воздухомъ. Онъ осмѣивалъ все окружающее потому, что слишкомъ хорошо зналъ жизнь.

Въ то время паденіе нравственныхъ идеаловъ дошло до крайнихъ предѣловъ. Дѣйствительно, изъ ста новеллъ Декамерона болѣе половины стоятъ на рубежѣ скабрезной литературы; соблазнительные разсказы разработаны въ неумѣстныхъ подробностяхъ, а потому большая часть новеллъ не можетъ быть доступна для всѣхъ читательницъ. Такъ (въ VII книгѣ въ 6 новеллѣ) поэтъ освѣщаетъ безнравственность женщинъ и называетъ развратницу: „gloriosa“. Большая часть новеллъ переполнена не совсѣмъ приличными и соблазнительными приключеніями. Авторъ даже придаетъ дидактическое значеніе своему Де-

(1) Это слово Боккачіо придумалъ изъ сочетанія δέκα (десять) и ἡμέρα (день),— такъ какъ каждая книга дѣлится на 10 дней, а въ каждый день разсказывается 10 повѣстей. Такъ вмѣсто «Dieci giornate» прозвалъ Боккачіо греческимъ именемъ свое знаменитое произведеніе, изъ модной страсти того времени ко всему античному. Полное заглавіе: «Il libro chiamato Decameron, cognominato principe Galeotto, nel quale si contengono cento novelle, in diece di dette da sette donne e da tre giovini uomini». Лучшее изданіе аббата M. Colombo въ Парижѣ, 1812, 8 v. Оно послужило основою всѣхъ позднѣйшихъ изданій и между прочимъ J. Moutier, Par. 1849, 2 v. и Fanfani (3 v. 1857—63).

камерону. Онъ хочетъ указать чему нужно подражать и чего должно избѣгать. Обращаясь къ читательницамъ, онъ говоритъ: женщины, которыя будутъ читать мои новеллы, могутъ получить пріятное впечатлѣніе, забаву и вмѣстѣ съ тѣмъ полезный совѣтъ (utile consiglio). Онъ всего больше желалъ раздражать чувственность, подобно Вольтеру въ его Pucelle d'Orléans. Очевидно, что Боккачіо смотрѣлъ на свой трудъ, какъ на развлеченіе, а не какъ на сатиру. Но сквозь грязь пробивается ядовитая насмѣшка и протестъ противъ существующихъ общественныхъ условій жизни, протестъ который опрокидываютъ господствующіе идеалы. Начало „Декамерона" не обѣщаетъ эротическаго содержанія. Среди страшной чумы 1348 года, этой черной смерти, отъ которой люди валились какъ мухи, небольшое общество изъ 7 дѣвушекъ и 3 юношей удаляется въ виллу, гдѣ наслаждаясь жизнью, по вечерамъ предается веселымъ бесѣдамъ съ цѣлью забыться отъ ужасовъ, наполняющихъ окрестности. Страшное по своему реализму описаніе заразы смѣняется сатирическими разсказами о святынѣ. Это дѣйствительно „пиръ во время чумы". Очередь за Пандульфо, подъ псевдонимомъ котораго скрывается авторъ. Онъ разсказываетъ о Чьапелетто, который ложною исповѣдью обманулъ духовнаго отца и прославившись какъ негодяй при жизни, послѣ смерти былъ признанъ святымъ. Одинъ еврей, побывавъ въ Римѣ и убѣдившись въ развратѣ тамошняго духовенства, принимаетъ католицизмъ, такъ какъ это ученіе видимо покровительствуетъ разнузданному образу жизни. Иронически удивляется Боккачіо, какъ самый тяжелый грѣхъ легко искупить исповѣдью у аббата; затѣмъ слѣдуетъ букетъ соблазнительныхъ разсказовъ о куртизанкахъ. Большею частью монахи и священники выводятся не иначе какъ плутами, мошенниками и развратниками, а женщина по мнѣнію поэта почти всегда нарушаетъ свой долгъ и создана быть безнравственной. Героини повѣстей питаютъ особенно нѣжныя чувства къ здоровымъ аббатамъ, которые не оставляютъ своимъ вниманіемъ и монахинь. Таковъ міръ Декамерона. Иногда авторъ высказываетъ свое презрѣніе къ этому обществу, но удерживается отъ лирическихъ изліяній, и изрѣдка сопровождаетъ свой разсказъ указаніемъ на благородные примѣры. У него та же цѣль, какъ и у современнаго романа—занять и поучить; по необходимости, какъ сатирикъ, онъ долженъ былъ изучать

порочную сферу и вращаться въ ней. По своимъ пріемамъ изложенія и по основнымъ воззрѣніямъ на литературныя задачи, онъ основатель современной повѣсти, незнакомой древнимъ. Въ этомъ его историческое значеніе.

Значеніе Боккачіо.

Но онъ оказалъ еще другую заслугу исторіи просвѣщенія. Во Флоренціи кромѣ каѳедры предназначенной для объясненія Данте, онъ основалъ каѳедру греческаго языка, содѣйствуя всѣми силами развитію интереса къ изученію античной литературы. Вообще къ этому побудило его вліяніе Петрарки, котораго онъ считалъ своимъ учителемъ и дружбой съ которымъ гордился. Плодомъ этихъ занятій была его обширная миѳологія (De genealogia deorum). Онъ самъ не считалъ себя поэтомъ въ тогдашнемъ смыслѣ слова и въ эклогахъ подражалъ Петраркѣ. По его собственному признанію, онъ на поприщѣ ученаго не чувствовалъ себя достаточно сильнымъ и, вступивъ съ великою отвагою на путь проложенный Петраркой, онъ смутился, „увидѣвъ издали вершины зданія, высящіяся къ небу“. За то въ повѣсти онъ не зналъ соперниковъ.

Интересно то, что западныя итальянскія новеллы проникли въ старинную русскую письменность. Въ XVII вѣкѣ на Руси ходило по рукамъ нѣсколько переводовъ, которыя конечно остались безъ всякаго вліянія на нашу литературу. Такъ напр. перешли къ намъ черезъ Польшу „Gesta Romanorum“. Черезъ этотъ сборникъ, пять вѣковъ спустя послѣ появленія его въ западной Европѣ, проникла къ намъ западно-европейская литература. Новеллы же Боккачіо производили впечатлѣніе даже на русскихъ женщинъ, въ которыхъ все живое было подавлено. Что въ XVII и XVIII вѣкахъ онѣ любили это фривольное чтеніе, видно изъ того, что въ одномъ изъ такихъ списковъ (принадлежащихъ библіотекѣ Царскаго), была приписка одной женщины, любознательной читательницы XVIII вѣка, въ которой она говорила шаловливо объ удовольствіи, доставляемомъ ей этимъ чтеніемъ въ отсутствіе мужа (¹).

(¹) Статья А. Н. Пыпина, Отеч. Зап. 1857, т. 110, стр. 458. «Переводныя новеллы Боккачіо появлялись у насъ въ маломъ количествѣ, потому что странно было бы видѣть скоромную новеллу подъ перомъ какого нибудь подъячаго. Онѣ были переведены съ польскаго языка и имѣли въ себѣ множество полонизмовъ, часто непонятныхъ для русскихъ». Заглавіе болѣе полнаго сборника было—«Смѣхотворныя повѣсти» (facetіes, шутки). Этотъ сборникъ былъ въ двухъ спискахъ. Наконецъ самыя усло-

Литературныя партіи.

Долго думали, что Возрожденіе послѣдовало непосредственно за Петраркой и Боккачіо, поглотивъ собою всѣ литературныя стремленія. Но теперь есть полное основаніе заключить, что рядомъ съ классическимъ подражательнымъ направленіемъ въ поэзіи продолжалось національное итальянское движеніе, выразившееся процвѣтаніемъ новеллъ ([1]). Дѣло такихъ писателей и сильныхъ талантовъ, какими были Петрарка и Боккачіо, поддерживалось перомъ позднѣйшихъ новеллистовъ со всей энергіей. Послѣдніе скептически относятся къ латинистамъ Возрожденія, и видятъ въ нихъ нѣчто чуждое. Борьба двухъ литературныхъ партій соотвѣтствовала движенію и борьбѣ партій политическихъ и общественныхъ на той же итальянской почвѣ. Распря шла между старыми и новыми преданіями, между упрочившимся республиканскимъ режимомъ и стремленіями князей, которые укрывались подъ знаменемъ народныхъ интересовъ, а въ сущности были Октавіанами. Въ литературѣ эта борьба проявилась въ состязаніи языковъ латинскаго и итальянскаго. Въ Данте и его великихъ послѣдователяхъ видѣли символическое выраженіе жизненности народнаго начала. Въ претензіяхъ итальянскаго

вія общественнаго быта слишкомъ не ладили съ московскимъ. Взятая изъ Декам. VIII, 8—повѣсть о друзьяхъ Маркѣ и Шпинелетѣ, основана на источникѣ заимствованномъ изъ Долопаты. Этотъ же сюжетъ снова развитъ въ похожденіяхъ Іоанна Гостинаго сына изд. 1785 г. «О женѣ и гостѣ» (II, 7). «О прекрасной Кассандрѣ и слугѣ Николаѣ» (VII, 7). Всѣ эти повѣсти взяты изъ «Декамерона». Самая же лучшая по идеѣ (II, 9): повѣсть «утѣшная о купцѣ, который держалъ закладъ съ другомъ о добродѣтели жены своей». Это сравнительно чистый сюжетъ изъ всего Декамерона. Что касается до пониманія Боккачіо, то объ этомъ можно судить потому, что изъ сочиненій его выбраны были только самыя фривольныя повѣсти, при чемъ тщательно старались не задѣвать духовенства. Эти «шутки» были просто «игрушками» въ русской литературѣ;—онѣ привились не историческимъ путемъ, а простымъ заимствованіемъ, внѣ процесса всякаго послѣдовательнаго развитія.

([1]) Такой взглядъ развитъ впервые русскимъ ученымъ, проф. А. Веселовскимъ, который во Флоренціи, въ Риккардіанской библіотекѣ, нашелъ рукопись безъ заглавія; онъ назвалъ ее: «Il Paradiso degli Alberti»,—и помѣстилъ въ Scelta di curiosità litterarie inedite o rare съ прим. и отдѣльно въ Болоньи въ 4 т. въ 1866—68 г. (2 т. текста и 2 т. изсл.). Это произведеніе дало матеріалъ для его магистерской диссертаціи,— Вилла Альберти (М. 1870). Содержаніе 9 новеллъ на стр. 269—296 и сопоставленіе их съ Панчатантрой.

языка на преобладаніе выразились силы народнаго духа. До тѣхъ поръ самъ народъ безмолствовалъ. Его мысль не находила себѣ выраженія, тогда какъ Церковь имѣла органъ въ латинскомъ, а феодализмъ въ старо-французскомъ языкѣ и въ своихъ пѣвцахъ (francigeni). У народа же долго этотъ органъ не былъ разработанъ; надъ нимъ потрудились Данте, Петрарка и Боккачіо, а за ними новеллисты конца XIV и первой половины XV вѣка.

Вилла Альберти.

„Вилла Альберти“ приписывается Джіованни ди-Герардо изъ Прато, который обработалъ ихъ около 1389 г. Это новеллы съ философскимъ характеромъ; содержаніемъ ихъ служатъ болѣе или менѣе серьезные вопросы, интересовавшіе позднѣйшихъ ученыхъ Возрожденія. Въ началѣ мая 1389 года веселое общество на крутыхъ высотахъ тосканскихъ Аппениннъ, а потомъ въ цвѣтущей долинѣ Арно, вело бесѣды о прошломъ и будущемъ Италіи, о формахъ правленія, о философіи и литературѣ. Стремленія и интересы литературныхъ и политическихъ партій передаются въ содержательныхъ бесѣдахъ, которыя лишены сатирическаго характера и вращаются болѣе около серьезныхъ вопросовъ. Всѣ постепенно принимаютъ участіе въ спорахъ, быстро переходя отъ одного вопроса къ другому, разсказывая иногда повѣсти восточнаго происхожденія Ставятся часто принципіальные вопросы: что лучше, хорошій правитель или хорошій законъ? Канцлеръ Колуччіо Салутати предлагаетъ итальянцамъ изгнать изъ своей среды виновниковъ междоусобій, объединиться и составить свободную федерацію, управляемую римскими сенаторами.—„Какою бы благоустроенною и сильною стала тогда Италія!..“ Такой серьезный характеръ приняла итальянская новелла.

Чаусеръ (1340-1400 г.)

Аналогичный характеръ съ творчествомъ Боккачіо получила повѣсть въ Англіи, гдѣ она служила отраженіемъ и зеркаломъ времени подъ перомъ Джофруа Чаусера, кровнаго нормандскаго рыцаря по происхожденію. Онъ былъ послѣдователемъ Виклефа и реформаторскаго направленія, страшно ненавидѣлъ господствующую Церковь и не скрывалъ своихъ чувствъ. При Ричардѣ II онъ бѣжалъ изъ Англіи, жилъ въ Италіи, видѣлся съ Петраркой и Боккачіо, а когда вернулся изъ за-границы, то заподозрѣнный въ ереси, былъ посаженъ въ Тоуеръ. Послѣ заключенія онъ отказался отъ своихъ ре-

лигіозныхъ убѣжденій, занялся писательствомъ и умеръ въ бѣдности. Живя на рубежѣ XV столѣтія, онъ порвалъ тѣ узы, которыя связывали его съ средними вѣками. Заплативъ дань своему времени переводомъ извѣстнаго намъ французскаго романа о Розѣ, онъ, подражая Боккачіо, но только не въ формѣ, а въ содержаніи и цѣляхъ, въ своихъ Canterbury Tales — Кентерберійскихъ разсказахъ — подвергаетъ злой и смѣлой насмѣшкѣ господствующее духовенство, католичество и общество. Со стороны виклефиста это было понятно, но популярность Tales, написанныхъ довольно доступнымъ англійскимъ стихомъ, сама по себѣ характерна для исторіи времени.

Общество богомольцевъ, состоящее изъ мущинъ и женщинъ, направляющихся въ Кентербери, собравшись въ гостинницѣ „Кольчуга въ Соутуоркѣ", проводитъ время въ послѣдовательной передачѣ личныхъ впечатлѣній и взглядовъ. Послѣдніе носятъ общественный и церковный характеръ, относясь отрицательно, и всегда съ ироніей, къ явленіямъ окружающей жизни. Въ большей части разсказовъ проявляется недовольство настоящимъ, стремленіе къ чему-то новому. Это недовольство высказывается въ сатирической формѣ, въ изображеніи разлагающейся семейной обстановки, безнравственности женщинъ, эксплуатировшихъ бракъ, и распущенности монаховъ, позорившихъ Церковь. Развратная жена ищетъ пятерыхъ мужей, съ охотой хоронитъ каждаго, разсчитывая тутъ же заручиться новымъ. Священникъ, а особенно монахъ — ханжа и весельчакъ, который любитъ болѣе трактиръ и удовольствія стола, чѣмъ больныхъ и бѣдныхъ. Исповѣдь для него средство проникнуть въ тайны семьи, держать ее въ своихъ рукахъ и въ то же время заработать. За „добрую трапезу" онъ слагаетъ эпитеміи, вполнѣ увѣренный, что „дающій бѣдной монастырской братіи, доволенъ исповѣдью". Монахи ходятъ изъ дома въ домъ съ сумой, собирая подаянія и перебивая исповѣдь у приходскихъ священниковъ, которые для того „через-чуръ небрежны и неповоротливы, а потому не могутъ обращаться деликатно съ чужою совѣстью". По этому поводу слѣдуетъ рядъ сатирическихъ выходокъ противъ духовенства, въ которыхъ скрывается много злой ироніи. Кентерберійскіе разсказы.

— „Помоги намъ, проситъ монахъ богатаго горожанина,

во имя Того, Кто попралъ адъ; иначе намъ придется продать свои книги, а тогда вы лишитесь всѣхъ нашихъ поученій и міръ окончательно погибнетъ".—Чаусеръ въ цѣломъ рядѣ народныхъ сценъ свидѣтельствуетъ то отвращеніе, какое вызывали монахи въ англичанахъ, собственно въ среднемъ и нисшемъ классѣ. Мелкій сутяга, осмѣянный патеромъ, указываетъ въ аду подобающее монаху мѣсто собственно пріуготованное для братіи.—„Католическіе монахи и черти, говоритъ онъ, родные братья!". Они послѣ смерти составляютъ достояніе сатаны. Къ одному монаху явился ангелъ и повелъ его въ адъ посмотрѣть сатану. Дьяволъ по просьбѣ ангела показалъ ему монашеское гнѣздо, которое было въ немъ самомъ. „Какъ пчелы изъ улья, посыпались тысячъ двадцать, а можетъ быть и больше монаховъ, разбѣжались по всему аду, а потомъ опять стали собираться, одинъ по одному, стараясь скорѣе юркнуть въ то мѣсто, откуда выползли" ([1]). Это наказаніе за поборы, за эксплуатацію населенія, преимущественно зажиточнаго, которое, по мнѣнію монаховъ, будто можетъ достигнуть блаженства потому только, что не жалѣетъ подаяній, „искренне раскаивается, хотя не публично, исповѣдуется, сокрушается и прилично наставляется". Глубокій, полный жизни реализмъ, радостное воззрѣніе на міръ, замѣчательная рельефность изображеній, наблюдательность, обрисовка пестрой жизни всѣхъ сословій, счастливыя характеристики выводимыхъ лицъ,—все это дѣлаетъ изъ Кентерберійскихъ разсказовъ такое произведеніе, которое и по формѣ и по содержанію болѣе принадлежитъ исторіи новой литературы. Какъ виклефистъ, Чаусеръ, помимо безпощаднаго порицанія господствующаго духовенства, высказываетъ иногда положенія, несогласныя съ католической догматикой, предупреждая тѣмъ на столѣтіе позднѣйшихъ реформаторовъ.

Итальянская поэзія XIV вѣка была художественнымъ прологомъ Возрожденія. Современные ей „Кентерберійскіе разсказы" предшествовали Реформаціи. Ими кончились средніе вѣка въ литературѣ.

([1]) Приведено у Тэна. Hist. de la littèr. anglaise (р. пер. Рябинина; I, 157). Подлинникъ написанъ пятистопнымъ ямбомъ.—Монографіи: Sandras. Etude sur Chaucer (1859). Ward. G. Chaucer (L. 1880) и этюдъ — Hertzberg при изд. нѣм. пер. Кентерб. разсказовъ (1866).

IX.

ПЕРЕХОДНОЕ ВРЕМЯ КЪ НОВОЙ ИСТОРІИ. УПРОЧЕНІЕ ГОСУДАРСТВЕННАГО НАЧАЛА ВЪ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ XV ВѢКА.

1) Конецъ англо-французской борьбы.—Карлъ VI и VII во Франціи. Ричардъ II и Ланкастеры въ Англіи. Торжество народности въ подвигѣ Орлеанской Дѣвы.

Характеръ XV столѣтія.

Потребность соединенія разрозненныхъ въ средніе вѣка элементовъ высказалась еще ранѣе XV вѣка, а именно во второй половинѣ XIV—повсюду, гдѣ была феодальная жизнь. Еще въ XIV столѣтіи мы замѣчали нѣсколько робкое отношеніе къ объединенію разрозненныхъ элементовъ на Западѣ, гдѣ дотолѣ ни государственные, ни національные интересы не обнаруживались, гдѣ все время историческая жизнь направлялась феодализмомъ и корпоративностью. Западная Европа инстинктивно такимъ образомъ вступала на путь цивилизаціи, сплачивая эти элементы и выставляя знамя государства и національности. Съ XV же вѣка наступаетъ торжество государственныхъ началъ вмѣсто феодализма, который игнорировалъ интересы національности и заботился только о сословныхъ выгодахъ. Въ средніе вѣка мы мало имѣли дѣла съ правительствомъ и народомъ; насъ занималъ болѣе всего феодализмъ, отстаивавшій свое господство повсюду, куда онъ ни проникалъ, его борьба съ королями и городами, феодализмъ, у котораго не было отечества, но у котораго были общіе интересы. Въ средніе вѣка все было разрознено, все разсыпано. Только религія, да еще латинскій языкъ были

общими въ Западной Европѣ. Съ этимъ единствомъ религіи борятся очень энергично ереси, провозглашавшія національный культъ; съ латынью вступили въ борьбу національные поэты, трубадуры, миннезингеры и мейстерзенгеры. Эти протестовавшіе еретики, эти національные поэты, боровшіеся въ одиночку, понимали значеніе національныхъ силъ; они состязались во имя своей національности, во имя будущаго государства; потому-то они и были передовыми факторами во всеобщей исторіи новаго времени.

Когда явилась потребность обособленія національностей и государства, то ею прежде всего воспользовались сами правительства, которыя въ XV вѣкѣ повсюду, во Франціи, Германіи, Англіи, Италіи, Испаніи, развиваютъ свои силы, притягивая къ себѣ все, ограничивая права феодаловъ, стѣсняя самоуправленіе городовъ, поддерживая національные интересы, но еще болѣе личныя выгоды королей. Съ каждымъ моментомъ, куда бы мы ни заглянули въ это столѣтіе, повсюду видимъ постоянное усиленіе государственныхъ интересовъ, введеніе централизаціи, уничтоженіе самоуправленія городовъ.

Въ Германіи, напримѣръ, послѣдовало упроченіе австрійской династіи; вмѣсто избирательнаго императорскій престолъ мало-по-малу дѣлается наслѣдственнымъ. Во Франціи короли сознаютъ свою силу и создаютъ централизацію въ государствѣ. Въ Англіи короли уничтожаютъ средневѣковыя привилегіи парламента, желая создать государство аналогичное съ Франціей. Такимъ образомъ усиленіе королевской власти, сопряженное съ ростомъ національности, возникаетъ на развалинахъ феодализма, республикъ и корпорацій.

Въ отношеніи духовномъ и просвѣтительномъ XV вѣкъ былъ вѣкомъ Возрожденія наукъ и искусствъ, философіи, вѣкомъ изобрѣтеній всякаго рода, начиная отъ удобствъ, примѣнимыхъ къ жизни и кончая открытіями разнаго рода, вѣкомъ изслѣдованій въ области научной, вѣкомъ по преимуществу философовъ. Говоря словами историка цивилизаціи Гизо, XV вѣкъ старается создать общіе интересы, общія идеи, уничтожить духовную замкнутость, возвысить ее на одинъ общій уровень, установить единство, образовать правительство и народъ, о чемъ не имѣла понятія средневѣковая Европа. Въ XV столѣтіи все это не было создано, а только подготовлялось; а въ слѣдующихъ—XVI-мъ и XVII вѣкахъ оно достигло пол-

наго осуществленія и поэтому-то XV вѣкъ справедливо считается преддверіемъ новаго времени. „Какую-бы часть исторіи мы ни разсматривали, вездѣ увидимъ, какъ въ учрежденіяхъ, такъ и въ территоріяхъ, конецъ прежнихъ элементовъ, прежнихъ формъ общества, борьбу умирающаго міра съ новымъ, который спѣшитъ народиться. Вѣковыя права, поддерживаемыя преданіями девяти столѣтій, исчезаютъ; возникаютъ новыя власти, болѣе грозныя, но за то болѣе правильныя и болѣе полезныя„. Такой переворотъ былъ не только неизбѣженъ, но даже полезенъ. Этимъ прежнимъ обществамъ не удалось дѣло общественной организаціи. Они ничего не сдѣлали рѣшительнаго въ смыслѣ государства, народности, слѣдовательно доказали свою безполезность въ этомъ отношеніи. Они не могли дать обществу ни безопасности, ни прогресса. Общество стало искать этого въ другой системѣ, гораздо болѣе плодотворной. Таково содержаніе политической исторіи XV вѣка, ея смыслъ и характеръ.—Наиболѣе ясною такая перемѣна представляется въ исторіи Франціи.

Значеніе англо-французской войны.

Говоря о началѣ и возобновленіи великой англо-французской борьбы, которой суждено было затянуться на столѣтіе, мы замѣтили, что французскія войска въ началѣ были одолѣваемы англичанами не только потому, что послѣдніе имѣли во главѣ короля Эдуарда и его сына, Чернаго Принца, но главнымъ образомъ потому, что англійскій король выставилъ народное войско противъ французскихъ рыцарей и наемниковъ. Необходимость заставила французскаго короля воззвать къ помощи народа, и вотъ, когда французскій король выдвинулъ національное войско противъ англійскаго, силы значительно уравнялись. Успѣхъ сталъ зависѣть только отъ талантовъ полководцевъ, отъ обученія и дисциплины „солдатъ“ т. е. оплачиваемыхъ воиновъ.

Горькимъ опытомъ научился воевать французскій король. Онъ былъ принужденъ взывать къ патріотизму всѣхъ своихъ подданныхъ, а не выводить въ бой противъ враговъ только однихъ рыцарей, какъ было прежде. Англичане со злобы жгли неукрѣпленные города и мѣстечки; зарево пожара доходило до самого Парижа, знаменуя слѣды движенія непріятеля. Король Карлъ V видѣлъ пламя изъ своего дворца. „Пусть ихъ жгутъ, такъ говорилъ онъ, этотъ дымъ не лишитъ меня Франціи“. Въ 1380 г. онъ умеръ, успѣвъ увидать признаки

сословнаго объединенія французовъ подъ вліяніемъ общественныхъ бѣдствій и испытаній. Это объединеніе французскихъ сословій, т. е. духовенства, рыцарей, горожанъ и виллановъ было несомнѣнно ускорено войною. Англійскія войны заставили сплотиться съ сѣверными, настоящими французами, остальное населеніе. Такимъ образомъ дѣло объединенія французскихъ земель началось при самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ.

Карлъ VI (1380-1422 г.).

Карлъ VI, преемникъ Карла V, былъ слабъ духомъ и тѣломъ; онъ не былъ способенъ на какое нибудь серьезное дѣло. Фруассаръ, записавшій съ наивною простотою Геродота все, что онъ слышалъ и что случилось на его глазахъ, самъ участникъ рыцарскихъ войнъ, турнировъ и праздниковъ, рисуетъ Карла VI такими чертами, которыя подходятъ къ нашему слабоумному Іоанну Алексѣевичу, брату Петра Великаго, съ тою разницею, что Карлъ VI страдалъ припадками умопомѣшательства, переходившими въ буйное состояніе ([1]). Эти припадки постигли молодого короля вскорѣ при его вступленіи на французскій престолъ. Тогда онъ лишился и того небольшаго ума, который имѣлъ. Онъ былъ подъ опекой герцоговъ Беррійскаго и Бурбонскаго, которые знакомили его въ дѣтствѣ со всякими непозволительными наслажденіями съ той цѣлью, чтобы разслабить его умъ, и тѣмъ сдѣлать его ничтожнымъ; онъ привыкъ къ пирамъ, продолжительнымъ празднествамъ и наслажденіямъ. Лишь только въ 1388 году онъ освободился изъ подъ опеки герцоговъ Беррійскаго, Бургундскаго и Бурбонскаго, какъ сталъ мотать деньги на празднества, длившіяся иногда болѣе недѣли. Слабый умъ короля совершенно притупился и съ 1391 году онъ обнаружилъ совершенную неспособность, такъ что герцогъ Бургундскій получилъ опять преобладающее вліяніе въ управленіи.

Безуміе короля.

Потерю разсудка у короля Фруассаръ объясняетъ случайностью; но эта случайность была только поводомъ. Умъ короля слабѣлъ отъ празднествъ, неподходящихъ къ условіямъ его слабой физической природы. Фруассаръ разсказы-

---

([1]) Изъ монографій обширнѣйшая: (Baudot de Juilly) Marg. de Lussan. Histoire de la vie et du règne de Charles VI (P. 1749—53, 9 v.). Duval Pineu. Hist. de France sous le règne de Charles VI (P. 1842. 2 v.).

ваетъ, что одинъ бретанскій феодалъ, Пьеръ де-Краонъ изранилъ королевскаго любимца Оливье де-Клиссона и укрылся у Бретанскаго герцога. Король, и безъ того слабоумный, потребовалъ его выдачи и послѣ отказа предпринялъ походъ въ Бретань лѣтомъ, въ самое жаркое время, одѣтый въ теплое бархатное платье и во всемъ боевомъ вооруженіи. На пути, въ лѣсу близъ Манса, короля сильно испугало нечаянное нападеніе сумасшедшаго. Съ королемъ сдѣлался сильнѣйшій припадокъ; его схватили, связали и отправили назадъ въ Мансъ. Походъ не состоялся. Хотя болѣзненные припадки и миновались, но по разнымъ признакамъ можно было заключить, что они возобновятся. Это оправдалось. Управленіе государствомъ перешло въ руки герцоговъ Бургундскаго и Беррійскаго. Такимъ образомъ регенство не прекращалось. На регентство претендовалъ братъ короля Людовикъ Орлеанскій, достигшій совершеннолѣтія, который хотѣлъ раздѣлить управленіе съ герцогомъ Бургундскимъ. Это породило раздоры вокругъ больнаго короля. Лишь только Карлъ VI оправился отъ перваго удара, какъ одна изъ придворныхъ забавъ вызвала снова припадокъ и едва не погубила короля окончательно. На маскарадѣ, устроенномъ послѣ какой-то свадьбы, король и пятеро придворныхъ нарядились медвѣдями, приказавши сковать себя съ придворными цѣпями. Шкуры были сдѣланы изъ осмоленаго полотна, покрытаго шерстью; къ нимъ было строго запрещено подходить. Кто-то изъ присутствующихъ неосторожно поджегъ медвѣдей. Четверо изъ придворныхъ погибли въ страшныхъ мученіяхъ. Пятый, оторвавшись отъ цѣпи, бросился въ чанъ; хотя король спасся, но окончательно помѣшался и равно семь мѣсяцевъ не приходилъ въ себя. Герцогъ Бургундскій Филиппъ пріобрѣлъ въ это время особенное вліяніе.

Къ счастію для Франціи, англійскій король Ричардъ II не думалъ о нападеніи на Францію. Занятый внутренними дѣлами, осуществленіемъ своихъ централизаторскихъ замысловъ, Ричардъ II старался жить дружно съ Франціей и даже послалъ сватать Изабеллу, которой въ это время было только семь лѣтъ [1]. Она была привезена въ Англію для воспитанія. Ричардъ получилъ за ней приданаго 800 тысячъ кронъ впередъ

Ричардъ II въ Англіи (1377—99 г.).

[1] Анонимныя соч. Life and reign of Richard II (Lond. 1715) и Life o Richard II (L. 1783).

и этимъ приданымъ Франція купила себѣ временное спокойствіе. Англійское правительство въ то время не могло быть опасно для Франціи, потому что король задумалъ уничтожить конституцію а съ нею и парламентъ, прерогативы котораго не давали ему покоя. Первый шагъ къ деспотизму былъ сдѣланъ оттуда, откуда его могли всего менѣе ожидать, именно изъ Англіи. Аналогичное положеніе Англіи съ Франціей объясняется тѣмъ, что Ричардъ II былъ долго подъ опекой регентовъ. Его опекали дяди, точно также, какъ и Карла VI. Эти дяди, три герцога, династіи которыхъ пріобрѣли значеніе въ исторіи Англіи XV вѣка, сохранили свое вліяніе на Ричарда и послѣ его выхода изъ подъ опеки. Перемиріе съ Франціей, состоявшееся благодаря Изабеллѣ, несмотря на сопротивленіе герцоговъ, продолжалось до 1398 г. Сверхъ того, нуждаясь въ деньгахъ, Ричардъ II продалъ Бретанскому герцогу Брестъ и Шербургъ, города на сѣверномъ берегу Франціи, завоеванные нѣкогда Эдуардомъ I. Король былъ страшно расточителенъ и не стѣснялся въ вымогательствахъ; онъ бралъ у каждаго, у кого только можно было взять. Конечно, все это было удобнымъ поводомъ для агитаціи со стороны герцога Глостерскаго, вступившаго въ борьбу съ своимъ племянникомъ. Король бралъ для того, чтобы мотать; по страсти къ наслажденіямъ онъ былъ подобенъ Карлу VI, но только съ той разницей, что эти наслажденія не были для него такъ губительны какъ для короля французскаго Карла VI. Празднества эти были устраиваемы въ болѣе широкихъ размѣрахъ и приданаго Изабеллы въ сущности не хватило даже на одно торжество, продолжавшееся болѣе недѣли. Нижняя палата въ виду этихъ безполезныхъ растратъ денегъ на удовольствія, вмѣшалась въ дѣло и обратилась къ палатѣ лордовъ съ просьбою убѣдить короля ограничить свои расходы. Ей отвѣчали, что не ея дѣло вмѣшиваться въ королевскій бюджетъ. Король чувствовалъ себя въ силахъ наказать дерзкихъ за ихъ смѣлость. Герцогъ глостерскій, который вступился за парламентъ, былъ арестованъ самимъ королемъ, высланъ въ Калэ, гдѣ скоро умеръ. Ричардъ II почувствовалъ себя настолько храбрымъ, что успѣлъ даже обратить парламентъ въ свое орудіе. Онъ чрезъ шерифовъ имѣлъ вліяніе на выборы въ странѣ и могъ удержать вліяніе на парламентъ. Это было первое въ исторіи Англіи давленіе на выборы, то давленіе, которое послѣ вошло въ обычай и су-

ществуетъ до сихъ поръ. Парламентъ, напуганный этимъ арестомъ, сталъ помогать королю во всемъ и проводилъ съ услужливостью всѣ просимые королемъ налоги и займы во всякое время. Съ этою же цѣлью 17 графствъ Англіи были поставлены внѣ закона ради того, что тамъ когда-то была оказана поддержка его врагамъ. Король изгналъ сына своего дяди, лорда Генриха Ланкастера, хотя тотъ прежде помогалъ королю и дѣйствовалъ въ его интересахъ. Генрихъ нашелъ покровительство при французскомъ дворѣ. Когда его отецъ умеръ, онъ заявилъ претензію на наслѣдство англійскаго престола, ссылаясь на то, что мать его принадлежала къ старшей линіи королей англійскихъ. Генеалогія была слишкомъ искусственна, чтобы можно было склонить общественное мнѣніе. Ланкастеръ хорошо понималъ, что онъ легко одолѣетъ Ричарда, потому что короля ненавидѣли во всей Англіи. Ланкастеръ началъ свои претензіи съ того, что потребовалъ возвращенія отцовскаго наслѣдства. Это требованіе было справедливо. Ричардъ согласился на то, чтобы лишить лорда Генриха, высланнаго изъ Англіи, права даже на наслѣдство своего отца. Герцогъ Іоркскій поддерживалъ короля; но враждебная партія съ архіепископомъ Кентерберійскимъ во главѣ уже давно вошла въ сношеніе съ Генрихомъ Ланкастеромъ.

Водвореніе династіи Ланкастеровъ.

Архіепископъ благословлялъ всѣхъ оказывать содѣйствіе претенденту. Съ небольшимъ отрядомъ Генрихъ высадился 4 іюля 1399 г. на берегъ Англіи и увидѣлъ, какъ къ нему съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе присоединялось бароновъ, недовольныхъ королемъ. Ричардъ въ это время былъ въ Ирландіи; государствомъ за него правилъ герцогъ Іоркскій. Собственно съ этого года (1399) нужно считать начало борьбы между Іоркскимъ и Ланкастерскимъ домами или въ сущности— борьбы Алой и Бѣлой Розы. Ненависть къ Ричарду была до того сильна, что недовольные тысячами теперь окружали Генриха. Герцогъ Іоркскій уступилъ Генриху и также присоединился къ нему. Ричардъ вздумалъ сопротивляться, но было уже поздно. Ричардъ долженъ былъ сдаться. Онъ видѣлъ, что, покинутый всѣми, онъ можетъ надѣяться только на снисходительность своего врага, Генриха Ланкастера. Когда Генрихъ Ланкастеръ торжественно вступалъ въ Лондонъ, то вышедшіе изъ города мэръ и синдики требовали казни Ричарда. Ричардъ отрекся отъ престола, чтобы сохранить свою жизнь.

Генрихъ предалъ его парламентскому суду. Парламентъ низложилъ его, передавъ корону Генриху, который и вступилъ на престолъ подъ именемъ Генриха IV съ 1400 года. Это было сдѣлано вопреки закону о престолонаслѣдіи, потому что если Ричардъ лишался престола, то его мѣсто долженъ былъ занять одинъ изъ малолѣтнихъ внуковъ герцога Ліонеля Кларенса. Низвернутый король былъ присужденъ къ пожизненному заключенію въ замкѣ Понтеррэктѣ.

Король Генрихъ IV (1399-1413 г.).

Перемѣна династіи въ Англіи въ свою очередь обусловливала возобновленіе войны съ Франціей. Генрихъ IV Ланкастеръ не имѣлъ права на престолъ, хотя не прочь былъ заявлять въ грамотѣ своей претензіи ([1]). Эта грамота начипалась такъ: „Во имя Отца и Сына и Св. Духа, я Генрихъ Ланкастеръ принимаю это англійское королевство и корону со всѣми частями и принадлежностями, такъ какъ я происхожу по прямой линіи и по крови отъ добраго господина короля Генриха III, и такъ какъ Богъ, по своей милости, помогъ мнѣ съ моими родными и друзьями воспользоваться моимъ правомъ на государство, которое почти погибло отъ дурного управленія и отсутствія хорошихъ законовъ“. Чтобы отстранить опасность, новый король арестовалъ законнаго наслѣдника. Онъ нашелъ въ парламентѣ преданныхъ слугъ и полную покорность. Правда, Генрихъ IV на словахъ возстановилъ свободу парламента, провозгласилъ свободу преній и право петицій, но при этомъ самъ же лично объявилъ предсѣдателю (спикеру) палаты общинъ, Томасу Чаусеру, что хотя свобода преній комонёровъ должна быть прежняя, но что онъ не допуститъ въ парламентѣ никакихъ нововведеній, желая сохранить за собою всѣ льготы и права, какими пользовались прежніе короли. Правда, были обѣщаны личныя гарантіи депутатамъ, приравнивавшія ихъ къ пэрамъ, но на дѣлѣ самъ король нарушилъ ихъ. Самый парламентъ набирался подъ вліяніемъ правительственныхъ агентовъ, такъ что въ борьбѣ съ феодалами, король могъ опираться на парламентъ и выдавать личное дѣло за народное.

Остановимся на одномъ изъ этихъ фактовъ, на борьбѣ съ Генрихомъ Перси (или Нортумберландомъ). Генрихъ Перси помогалъ королю при его воцареніи. Онъ былъ долгое время

([1]) Hayward e. Life and reign of Henry IV. L. 1599, 1627.

его сторонникомъ. Потомъ король, по обыкновенію, заподозрилъ его. Карлъ VI издалъ распоряженіе, отнимавшее у вассаловъ ихъ стародавнее право располагать участью взятыхъ на войнѣ плѣнныхъ, такъ какъ самъ желалъ располагать ими по произволу. Это было новое государственное стремленіе, неслыханное въ средніе вѣка. Заявленіе со стороны короля о такихъ рѣшительныхъ намѣреніяхъ было причиною разрыва его съ Перси. Все Нортумберландское рыцарство встало на сторону Перси. Къ нему же пристали валлійцы и шотландцы. 21 іюня 1403 г. при Шрьюсбери произошло сраженіе между королевской партіей и феодалами, причемъ на каждой сторонѣ было около 14 тысячъ человѣкъ. Король одержалъ побѣду. Перси былъ убитъ. Нѣсколько бароновъ было казнено. Все это усиливало монархическую власть въ Англіи, тогда какъ во Франціи въ это же самое время она ослабѣвала, благодаря интригамъ придворныхъ.

Бургундскіе герцоги.

Во Франціи верховная власть переходила поочередно изъ рукъ въ руки. Слабоумный король Карлъ VI рѣдко приходилъ въ себя; его заставляли тогда подписывать указы, въ которыхъ онъ часто послѣ, въ свѣтлыя минуты, раскаявался; проходили недѣли и онъ снова становился жертвою безумія и орудіемъ чужой воли. За власть въ государствѣ особенно энергично соперничали герцоги бургундскій и орлеанскій.

Въ пятнадцатомъ вѣкѣ усилилось могущество бургундскаго дома. Бургундскій дворъ задавалъ тонъ всей Европѣ всегда славился галантностью, комфортомъ, этикетомъ, а горожане богатствомъ. Бургундскіе обычаи и одежды сдѣлались обязательны для всѣхъ. Словомъ, Бургундія стала законодательницею модъ и свѣтскихъ приличій для всей Европы [1]. Первымъ изъ герцоговъ былъ Филиппъ Смѣлый, сынъ перваго короля дома Валуа, получившій Бургундію въ ленъ отъ

---

(1) Основной источникъ: G. Chastellain. Chronique de ducs de Bourgogne (до 1476; его продолжалъ Molinet до 1506 г.); изд. Buchon; collection; t. 42—43.—Лучшимъ пособіемъ для знакомства съ этимъ временемъ служитъ сочиненіе Barante—Histoire des ducs de Bourgogne—произведеніе довольно художественное, хотя нѣсколько устарѣлое въ виду изданныхъ новыхъ документовъ, но оно хорошо знакомитъ съ жизнью того времени, рельефно воскрешаетъ прошлое, благодаря пластичности изложенія. Изъ новыхъ соч. Winzelburger. G. der Niederlanden.—Sickel. Frankreich und Burgund im XV Jahrh.

брата своего Іоанна Добраго въ 1363 г. Въ началѣ XV вѣка (1404 г.) ему наслѣдовалъ герцогъ Іоаннъ, прозванный Безстрашнымъ (1404—19 г.). Онъ былъ богатѣйшимъ государемъ въ Европѣ, хотя номинально и считался вассаломъ французскаго короля. Онъ приходился племянникомъ Карлу VI. По наслѣдству, благодаря брачнымъ связямъ, онъ получилъ Голландію и Фландрію.

Іоаннъ прославился на Западѣ своимъ участіемъ въ крестовыхъ походахъ противъ турокъ; онъ сражался съ Баязедомъ I при Никополѣ (II, 826), но несчастливо, и спасся случайно, благодаря тому, что захватилъ лодку на берегу Дуная. Рядомъ съ герцогомъ бургундскимъ выдавался братъ короля Луи орлеанскій, который велъ пышную, но грязную жизнь на государственныя средства. Онъ женился на дочери миланскаго герцога, Валентинѣ Висконти, которая одна могла имѣть благотворное вліяніе на короля, но, къ сожалѣнію, сама служила часто видамъ своего развратнаго мужа.

Убійство герцога Орлеанскаго.

Всѣ заботы герцога орлеанскаго были посвящены корыстолюбивымъ цѣлямъ. Онъ придумывалъ налоги, управлялъ государствомъ самовластно, усердно опустошалъ государственное казначейство, и, къ довершенію всего, завелъ сношенія съ фальшивыми монетчиками и дѣлилъ съ ними барыши. Бургундскій герцогъ предпринялъ походъ на Калэ, а Луи похитилъ деньги, которыя были назначены на это предпріятіе. Іоаннъ не могъ вести экспедицію; между тѣмъ къ довершенію всего, герцогъ орлеанскій громко заявлялъ о своей связи съ его женой. Оскорбленный мужъ поклялся убить своего дядю. Однажды вечеромъ, когда герцогъ Орлеанскій возвращался отъ королевы, замаскированные люди напали на него и изрубили въ куски. Это были убійцы, нанятые герцогомъ бургундскимъ, въ количествѣ 13 человѣкъ. Этотъ случай едва не погубилъ французское королевство. Образовались двѣ партіи — Бургундская и Орлеанская; приверженцы послѣдней въ послѣдствіи назвалась Арманьяками. Іоаннъ Безстрашный не отпирался отъ своего преступленія. Вдова герцога орлеанскаго, Валентина потребовала у короля наказанія убійцы, и король, обладавшій еще въ то время разсудкомъ, обѣщалъ исполнить ея просьбу, не думая о томъ, будетъ-ли въ состояніи сдержать слово.

Іоанна потребовали къ суду, позволивъ ему защищаться. Онъ явился съ 1000 вооруженныхъ людей, но не съ повин-

ною, а для оправданія своего поступка передъ судомъ, въ которомъ дофинъ заступилъ мѣсто короля. Францисканецъ Жанъ Пти публично, съ цинизмомъ защищалъ убійство, сначала въ королевскомъ совѣтѣ (8 марта 1408 г.), а потомъ вторично передъ народомъ, доказывая, что герцогъ орлеанскій былъ тиранъ, и что убіеніе тирановъ не только не преступленіе, но великая заслуга. Замѣчательно, что епископъ аррасскій и все бургундское духовенство возвело ученіе Пти въ догматъ. Напротивъ, парижскій университетъ, въ лицѣ своего знаменитаго канцлера Жана Жерсона, осудилъ это ученіе, какъ еретическое и пагубное для народа. Это вызвало одновременно съ борьбою бургундскаго и орлеанскаго домовъ горячія ученыя препиранія между приверженнымъ къ той и другой сторонѣ духовенствомъ. Интересно, что многіе богословы парижскаго университета стояли за теорію Пти, а нѣмецкій доминиканецъ Іоаннъ Фалькенбергъ агитировалъ въ этомъ же смыслѣ въ Польшѣ противъ короля Владислава Ягелло. Онъ утверждалъ, что убивать политическихъ враговъ—такая же хорошая заслуга, какъ и война противъ невѣрныхъ. Этотъ вопросъ пресерьезно обсуждался послѣ на Костницкомъ соборѣ, гдѣ опредѣлено было сжечь сочиненія Фалькенберга, а его самого заключить. Но этотъ приговоръ не былъ на самомъ дѣлѣ исполненъ. Французскому королю пришлось выслушивать дерзкія рѣчи смѣлаго монаха. Дворъ бѣжалъ въ Туръ.

Бургиньоны и арманьяки.

Іоаннъ, освобожденный отъ суда, сталъ властвовать въ Парижѣ. Не довольствуясь этимъ, онъ захватилъ опеку надъ дофиномъ, сдѣлался фактическимъ государемъ Франціи и, сильный своимъ положеніемъ во Фландріи, сталъ злоупотреблять властью. Тогда возникла противъ него оппозиція. Во главѣ этой оппозиціи всталъ энергическій графъ д'Арманьякъ, на дочери котораго, Боннѣ, женился молодой герцогъ орлеанскій, сынъ убитаго герцога Луи. Вся рыцарская Франція раздѣлилась на двѣ партіи: бургиньоновъ, отличительнымъ признакомъ которой были красные шарфы, и оппозиціонную ей—арманьяковъ, по имени ея вождя Арманьяка, у которой шарфы были бѣлые. Арманьяки нанесли особенно много вреда Франціи. Представители орлеанской партіи, преимущественно провансальскіе бароны,—разбойники изъ титулованныхъ фамилій,—грабили по большимъ дорогамъ. Даже принцы крови не гнушались открыто заниматься грабежомъ. Въ разбойничьей шайкѣ Арманьяка

особенно свирѣпствовалъ архіепископъ сапскій Монтагю. Вмѣсто мантіи онъ носилъ шлемъ, вмѣсто креста—копье. Въ 1412 г. Парижъ нѣсколько разъ былъ въ осадномъ положеніи, и входъ во всѣ улицы его, въ то время чрезвычайно узкія, запирался цѣпями. Наконецъ парижане, не спрашиваясь короля, передали главное начальство надъ городомъ графу де Сен-Полю, ревностному приверженцу герцога Бургундскаго. Онъ немедленно образовалъ революціонную банду изъ 500 мясниковъ и другихъ рабочихъ, и назвалъ этихъ головорѣзовъ совершенно развязно королевской милиціей. Предводителями этой милиціи были цеховые хозяева, мясники, въ то время самый отчаянный народъ въ Парижѣ. Они жестоко раздѣлывались со всякимъ, кто считался арманьякомъ. Между тѣмъ въ провинціи вспыхнула крестьянская война со всѣми ея ужасами. Получивъ разрѣшеніе защищаться отъ арманьяковъ, поселяне бросились рѣзать своихъ помѣщиковъ. Это переходное время,—признакъ разрушенія прежнихъ политическихъ формъ и отсутствіе новыхъ,—со всею рѣзкостью сказалось во Франціи въ половинѣ XV вѣка. Бургундскій герцогъ принудилъ дофина отъ имени короля издать декретъ, которымъ присвоивались ему, Іоанну, верховныя права. Между тѣмъ партія Арманьяка, недовольная этимъ, направила на Парижъ свои войска, которыя заняли ужъ Сен-Клу и Сен-Дени. Тогда герцогъ бургундскій обратился за помощью къ англійскому королю Генриху IV, который снабдилъ его вспомогательнымъ войскомъ, состоящимъ изъ 6 тысячъ стрѣлковъ. Чтобы переманить себѣ эти силы, арманьяки заключили съ Генрихомъ договоръ въ Буржѣ 18 мая 1412 г., по которому возвращались англійскому королю всѣ укрѣпленныя мѣста въ Гіенни, а Генрихъ былъ провозглашенъ сюзереномъ Франціи. Равнымъ образомъ герцоги орлеанскій и беррійскій признавали себя торжественно вассалами англійскаго короля. Вѣсть объ этомъ привела въ негодованіе всю націю, даже Партизановъ Арманьяка. Король и вся Франція были проданы для удовлетворенія личной мести. Въ это время полуумный Карлъ пришелъ въ себя. Онъ развернулъ государственное знамя Франціи и повелъ своихъ рыцарей противъ Арманьяка, но королевская армія дѣйствовала слабо, между тѣмъ какъ англійскія вспомогательныя войска высадились на берегъ и начали опустошать Нормандію, Анжу, Мэнъ, округи Орлеанэ и Блуа. Кончилось тѣмъ, что самъ герцогъ орлеанскій и король дали англичанамъ деньги (240 тысячъ лив-

ровъ) съ тѣмъ, чтобы они удалились изъ Франціи. Между обоими герцогами былъ заключенъ миръ въ Оксеррѣ.

Согласіе между принцами не могло быть продолжительнымъ, тѣмъ болѣе, что бургундскій герцогъ оставилъ въ своей службѣ по найму часть горячихъ парижскихъ демагоговъ. Орлеанисты же составили заговоръ съ цѣлію увезти дофина, стоявшаго тогда во главѣ управленія и бывшаго подъ вліяніемъ герцога Іоанна. Узнавъ объ этомъ, Іоаннъ Безстрашный пустилъ въ дѣло своихъ грозныхъ парижскихъ демагоговъ: хирурга, или точнѣе, фельдшера Жана де-Труа и скорняка Кабеша. Они возбудили чернь къ мятежу. Толпа жестоко избила придворныхъ короля и дофина, разграбила ихъ дома, съ оружіемъ ворвалась въ комнаты дофина и заставила его надѣть красную шапку, — отличительный знакъ парижскихъ приверженцевъ бургундской партіи. Затѣмъ изъ толпы вышелъ кармелитскій монахъ Юсташъ Павильи и сказалъ принцу, что болѣзнь его отца есть наказаніе Божіе за грѣхи, за дѣла разврата, и что тоже постигнетъ дофина, если онъ пойдетъ по слѣдамъ отца. Однимъ словомъ, въ Парижѣ вспыхнула революція. Всякаго рода насилія противъ мущинъ и женщинъ продолжались даже послѣ того, какъ король обнародовалъ новое постановленіе. Этимъ рыцарскія чувства Бургундскаго герцога, главнаго виновника революціи, были задѣты. Онъ отрекся отъ услугъ своей партіи. Его солдаты стали унимать чернь, возбужденную самимъ же герцогомъ. Но Арманьякъ не давалъ своему врагу покончить дѣло такимъ образомъ. Онъ снова требовалъ суда надъ герцогомъ Бургундскимъ, по дѣлу убійства Луи Орлеанскаго. Здѣсь опять начали разыгрываться личныя страсти и заговорила зависть, что отмѣчаетъ и современный историкъ событій, Pierre Fènin (par envie, que chacun avoit de gouverner le royaume, la chose se remit dedans le trouble plus fort qu' auparavant). Ходъ событій опять принялъ мятежный характеръ. Бургундскій герцогъ сталъ опять набирать войска. Раздоръ снова вспыхнулъ. Арманьякъ, подъ фирмою королевы и дофина, снова началъ войну противъ герцога бургундскаго, назвавъ его лжецомъ, измѣнникомъ, убійцею. Королевское войско, со знаменемъ,—на которомъ былъ изображенъ гербъ не супруги дофина, принцессы бургундской, а одной изъ фрейлинъ королевы, любимицы дофина,—выступило противъ Іоанна Безстрашнаго. Положеніе герцога бургундскаго на этотъ разъ было затруднительно, потому что фламандцы не хотѣли вое-

вать противъ короля. Тогда герцогъ брабантскій, братъ Іоанна, предложилъ свое посредничество въ распрѣ между нимъ и дофиномъ. Іоаннъ былъ обязанъ отказаться отъ союза съ Англіей и не пріѣзжать въ Парижъ. Это было въ началѣ 1415 г. Въ это время англійскаго короля Генриха IV уже не было въ живыхъ; онъ умеръ 20 марта 1413 года.

Генрихъ V въ Англіи (1413—22 г.).

Ему наслѣдовалъ Генрихъ V, прославившійся своею грязною частною жизнью, которая рельефно изображена Шекспиромъ одной изъ его, историческихъ драмъ. При этомъ честолюбивомъ государѣ вновь началась война между Англіей и Франціей ([1]).

Возобновленіе англо-французской войны въ XV вѣкѣ находится въ связи съ внутренней междоусобной борьбой политическихъ партій во Франціи. Мы не имѣемъ серьезныхъ основаній называть эти партіи политическими: ихъ цѣли были ограничены; ихъ вожди искали только личныхъ выгодъ, ради которыхъ они готовы были принести въ жертву все благо и будущее государства.

Арраскій миръ только видимо примирилъ партіи, и то не всѣ. Іоаннъ, герцогъ Бургундскій, этотъ двигатель тогдашнихъ событій, могущественный владѣтель, номинальный вассалъ французскаго короля, богатѣйшій изъ государей Европы, который болѣе другихъ могъ содѣйствовать примиренію,— не подписалъ договора. Дофинъ же, какъ и прежде, продолжалъ оскорблять свою жену, дочь бургундскаго герцога; въ королевскомъ дворцѣ семейные раздоры проявись именно теперь. Избѣгнуть войны было нельзя, при всемъ желаніи дофина, который былъ весьма храбръ дома, а къ внѣшнимъ предпріятіямъ не чувствовалъ никакого влеченія. Между тѣмъ молодой англійскій король Генрихъ V тѣснилъ Францію съ самаго вступленія своего на престолъ. Управившись съ сектаторами лоллардами, которые причиняли большое безпокойство правительству (II, 890), новый король созналъ свою силу. Видя нежеланіе французскаго правительства начинать войну, онъ объявилъ свои притязанія на французскій престолъ, въ замѣнъ котораго требовалъ уступки Нормандіи, Анжу и Мена. Пока тянулись переговоры, онъ вторгнулся въ королевскія провинціи, вос-

---

([1]) Goadwin. Life and the reign of king Henry V (L. 1864). Tytler. Henry of Monmouth (L. 1638, 2 vls).

пользовавшись неурядицами во Франціи, и объявилъ войну. Въ то время территорія земель, принадлежащихъ французской коронѣ, была несплошная. Правда, была разница между владѣніями французскихъ королей въ XV столѣтіи и таковыми же землями въ XII вѣкѣ, но все таки эти земли прерывались сильными коммунами, стоявшими внѣ всякой зависимости отъ французскихъ королей, и вассальствами, которыя еще не склоняли головы передъ королями; да притомъ земли королевскія были незначительны, сравнительно съ землями герцога бургундскаго или англійскаго короля.

Высадка въ Нормандіи.

14 августа 1415 года Генрихъ V съ 30 тысячами хорошо обученнаго войска, къ ужасу Франціи, высадился въ Нормандіи и осадилъ укрѣпленный замокъ Арфлеръ. На первыхъ порахъ, во французскомъ рыцарствѣ, произошелъ раздоръ, хотя большинство рыцарей и явилось помогать королю. Герцогъ бурдгунскій первый не захотѣлъ защищать Францію и короля; онъ запретилъ это также своему сыну, графу Шароле. Тѣмъ временемъ англичане взяли Арфлеръ и двинулись далѣе. Но Генрихъ, сверхъ ожиданія, встрѣтилъ преграду при переправѣ черезъ рѣку Сомму: убѣдившись въ боевыхъ приготовленіяхъ непріятеля, онъ началъ сворачивать къ проливу, чтобы пробраться въ Калэ, который былъ не только важнымъ пунктомъ для англичанъ на материкѣ, но считался тогда ключемъ къ Англіи. Французы могли бы погубить англійскую армію, если бы держались оборонительнаго положенія, опустошая страну; но, всегда увлекающіеся, французскіе вожди, забывая уроки прошлаго, захотѣли попытать счастія почти на томъ же мѣстѣ, гдѣ когда - то ихъ отцы были разбиты англичанами, и близъ Кресси загородили путь непріятелю.

Битва при Азенкурѣ въ 1415 г.

Битва произошла 25 октября 1415 г. Повторилось въ началѣ ея то же самое, что было съ Эдуардомъ при Кресси и Чернымъ принцемъ при Пуатье, даже съ тѣми же подробностями; опять англичане, стѣсненные, чувствуя себя въ меньшинствѣ, оробѣли съ перваго раза и готовились отступать. Въ контрастъ англичанамъ, французы, какъ истые потомки галловъ, полагаясь на свою многочисленность, настойчиво домогались сраженія, увѣренные, что они уничтожатъ англійскую армію. Они послали англійскому королю рыцарскій вызовъ, назначая день и часъ битвы. Французскимъ констаблемъ былъ д'Альбре; онъ сдѣлалъ массу ошибокъ, расположилъ войско, состоявшее большею

частію изъ конницы, на вязкой и крайне неудобной мѣстности, гдѣ лошади не могли тронуться съ мѣста, гдѣ нельзя было производить никакихъ передвиженій, такъ что англійскимъ стрѣлкамъ, которые считались тогда лучшими въ мірѣ, оставалось прицѣливаться на выборъ въ густую массу людей и коней, стоявшую неподвижно. Всѣ французскія диверсіи не удались, и рыцарство, за нѣсколько часовъ предъ тѣмъ разсчитывавшее на побѣду, было уничтожено. По англійскимъ свѣдѣніямъ, французы потеряли до 8 тысячъ человѣкъ; по французскимъ,—нѣсколько меньше. У французовъ погибло множество знатныхъ и бароновъ рыцарей. Самъ конетабль былъ убитъ, а съ нимъ вмѣстѣ пало 100 бароновъ, 7 графовъ и 3 герцога. Въ каждомъ знатномъ домѣ носили трауръ; многія дворянскія фамиліи прекратили свое существованіе за гибелью своихъ представителей на поляхъ Азенкура. Въ плѣнъ попались герцоги орлеанскій и бурбонскій—главные ненавистники англійскаго короля. Побѣдитель, играя роль императора, укорялъ герцога орлеанскаго за позорное поведеніе его партіи, выставляя себя орудіемъ Провидѣнія, человѣкомъ призваннымъ умиротворить Францію. Разстрѣлявъ большую часть плѣнныхъ и отпустивъ за выкупъ и на честное слово людей состоятельныхъ, Генрихъ возвратился въ Англію.

Положеніе Франціи.

Франція нашла болѣе злобныхъ враговъ, чѣмъ англійскіе стрѣлки; собственные дѣти стали терзать ее. Герцогъ бургундскій, обрадовавшись пораженію, пошелъ на Парижъ, чтобы смутой докончить разстройство государства, но это ему не удалось. Въ тоже время умеръ Луи орлеанскій. Чтобы разбить молодаго дофина, Іоаннъ вошелъ въ сношенія съ англійскимъ королемъ; онъ имѣлъ съ нимъ свиданіе въ Калэ. Здѣсь, если вѣрить документу, помѣщенному въ сборникѣ Реймера (Rymer), герцогъ призналъ англійскаго короля своимъ сюзереномъ и законнымъ королемъ Франціи, обязуясь дѣйствовать противъ его враговъ[1]. Если даже этого договора не существовало

[1] Лингардъ, писавшій въ 1820 году, въ свое время пользовавшійся авторитетомъ, слѣдуя ученымъ бенедиктинцамъ, считаетъ этотъ договоръ только проектомъ. Паули, у котораго эта эпоха изложена наиболѣе удачно, тоже отвергаетъ договоръ, въ силу котораго будто бы одинъ изъ могущественнѣйшихъ вассаловъ французскаго короля, при отсутствіи національнаго принципа и всякаго сознанія государственныхъ интересовъ, признавалъ англійскаго короля своимъ сюзереномъ. Дѣйствительно, ни Pierre Fénin, ни Iuvenal des Ursins не упоминаютъ о таковомъ договорѣ.

на дѣлѣ, то все таки знаменательно уже самое представленіе о такомъ документѣ въ проектѣ. Подобные факты объясняются остатками средневѣковыхъ отношеній вассаловъ къ государямъ. Бароны каждой страны считали для себя болѣе близкими интересы чужеземныхъ феодаловъ, чѣмъ интересы національные. Самаго свиданія Іоанна Безстрашнаго съ Генрихомъ V историки не отвергаютъ, хотя находятъ, что тогда не могло быть и рѣчи о добровольномъ подчиненіи. То обстоятельство, что на обратномъ пути герцогъ бургундскій имѣлъ тайное свиданіе съ дофиномъ, не даетъ возможности заключить, чтобы онъ заранѣе подписалъ актъ, который по существу былъ документальнымъ свидѣтельствомъ его измѣны.

Вскорѣ послѣ этого (въ 1417 г.) умеръ и второй дофинъ; мѣсто его занялъ третій дофинъ, будущій Карлъ VII. Онъ оставался подъ опекой Арманьяка, который своимъ поведеніемъ вызвалъ на борьбу герцога бургундскаго. Арманьякъ очень жестоко обращался съ королевою Изабеллою, обвиняя ее въ связяхъ съ бургундской партіей. Королева оставила Парижъ и поселилась въ Венсенѣ; здѣсь она своимъ мотовствомъ только раздражала народъ. Чтобы окончательно отдѣлаться отъ нея, Арманьякъ обвинилъ ее въ любовной связи съ однимъ придворнымъ Бурдономъ, котораго послѣ жестокихъ пытокъ зашили въ кожаный мѣшокъ и бросили ночью въ Сену, а королеву сослали въ Туръ.

Бургиньоны въ Парижѣ.

Послѣ этого герцогъ бургундскій въ 1418 году вошелъ въ открытый союзъ съ Генрихомъ V, который страшно опустошилъ сѣверныя французскія провинціи. Понятіе о государственной измѣнѣ тогда весьма было условно; идея національныхъ интересовъ тогда только еще зарождалась: никакой баронъ еще нигдѣ не считалъ постыднымъ дѣйствовать вмѣстѣ съ врагомъ его народа. Герцогъ бургундскій обѣщалъ всѣмъ городамъ и мѣстечкамъ, которые примутъ его сторону, освобожденіе отъ разныхъ пошлинъ и налоговъ, какъ то отъ налоговъ, десятины, барщины, соляного (gabelle) и др., которыя лежали тяжелымъ бременемъ на низшемъ классѣ. Такое воззваніе въ чисто демократическомъ духѣ склонило народную массу на сторону измѣнника: партія бургундскаго герцога усилилась; на ее сторону перешли цѣлыя провинціи, какъ Пикардія, Нормандія и др. Теперь онъ сильнѣе въ Парижѣ [illegible]

въ Турѣ. Когда онъ подошелъ къ Парижу, множество парижскихъ гражданъ также перешло на его сторону. Партія Арманьяка была стѣснена; въ маѣ 1418 г. измѣна отворила ворота герцогу; королева была освобождена и провозглашена регентшей; резеденцію свою она перенесла въ Труа. Дофинъ былъ заключенъ въ Бастилію, откуда скоро успѣлъ убѣжать. Арманьяка, не смотря на его укрывательство, схватили. Папскіе легаты и многіе прелаты вмѣстѣ съ Арманьякомъ, черезъ мѣсяцъ, именно 12 іюня, пали жертвою народной злобы. Началась страшная рѣзня: въ первый день отъ руки герцога бургундскаго пало болѣе 1500 человѣкъ, а всего за это время 3000. По улицамъ, по словамъ хронографа, текла кровь потокомъ, такъ что въ ней омывали обувь. Герцогъ и королева вступили въ столицу и провозгласили свою власть.

Убійство герцога бургундскаго.

Вскорѣ герцогъ бургундскій убѣдился, какъ опасно содѣйствіе черни; въ то время, какъ англичане терзали сѣверныя провинціи, онъ воззвалъ къ примиренію; но враги не могли забыть обиды. Арманьяка, интригана-старика, не было, но за дофина стоялъ дю-Шатель, который управлялъ Франціею. Слѣдовательно, переговариваться герцогъ бургундскій могъ только съ нимъ. Дѣйствительно, герцогу было назначено свиданіе на Іоннскомъ мосту. Здѣсь Дю-Шатель убилъ его самымъ коварнымъ образомъ.

Убійство герцога бургундскаго вызвало сильное негодованіе провинцій сѣверной и средней Франціи; онѣ открыто приняли сторону жертвы, особенно потому что убійцы были изъ южныхъ областей. Это показываетъ, какъ памятна была впродолженіе цѣлыхъ 200 лѣтъ вражда между Сѣверомъ и Югомъ, вражда, служившая отраженіемъ долгой борьбы съ альбигойствомъ.

Соглашеніе въ Аррасѣ и договоръ въ Труа въ 1420 г.

Всѣ недовольные нашли опору въ лицѣ сына убитаго, Филиппѣ Добромъ (1419—67 г.), который соединился съ англійскимъ королемъ. Онъ усилилъ гарнизонъ Парижа и почти торжествовалъ. Дворянство, духовенство и администрація, придерживавшаяся бургундской партіи, клятвенно рѣшились мстить. Между тѣмъ Генрихъ V, покоряя одинъ городъ за другимъ, просилъ руки принцессы Екатерины, желая тѣмъ упрочить свои права на французскій престолъ. Для англійскаго короля не представлялось болѣе удобнаго случая захватить французскую корону. Тогда во Франціи ни ктоне зналъ: кого и какой партіи держаться, такъ какъ одна надъ другой чуть не каждый день

торжествовали поочереди. Наконецъ бургундская партія, истощенная борьбой, хотя все-таки владычествовавшая, и всѣмъ управлявшая, желая избавиться отъ Генриха V, уступила. Въ Аррасѣ начались переговоры между бургундскимъ правительствомъ и англійскимъ королемъ, кончившіеся принятіемъ слѣдующихъ условій: англійскій король женится на принцессѣ Екатеринѣ, а Карлъ VI остается французскимъ королемъ до смерти; затѣмъ слѣдовала оговорка, что и теперь, вслѣдствіе сумасшествія короля, Генрихъ будетъ регентомъ Франціи, а государственные чины должны присягнуть ему, съ тѣмъ что, по смерти короля, они признаютъ его законнымъ государемъ Франціи. О дофинѣ не было упомянуто; онъ былъ въ рукахъ Дю-Шателя, врага бургундской партіи; изъ мести къ послѣднему его лишили законныхъ правъ на французскій престолъ.

Въ Труа, гдѣ жилъ король, былъ заключенъ окончательный миръ. Соглашаясь на такой предательскій и постыдный договоръ, король отдавалъ врагу все государство, лишая родного сына наслѣдства. По договору въ Труа, Франція присоединялась къ Англіи и прекращала свое самостоятельное существованіе. Такъ было сдѣлано на бумагѣ, на дѣлѣ же вышло иначе.

1-го декабря 1420 г. Генрихъ V имѣлъ торжественный въѣздъ въ Парижъ, какъ регентъ и будущій король Франціи. Англійскіе пэры и совѣтники короля стали править Франціею. Оказалось, что Генрихъ вовсе не намѣренъ былъ играть комедію, какъ думали бургиньоны, разсчитывавшіе за него управлять страною. Англійское правительство рѣшилось понизить цѣнность серебряной монеты, что доставило въ руки его около шестой части всего обращавшагося во Франціи серебра. Видимо, англичане не шутили въ странѣ, такъ легко имъ доставшейся, и распоряжались, какъ дома. Англійскій король приказалъ прежде всего осудить убійцъ бургундскаго герцога. Между тѣмъ дофинъ не думалъ отказываться отъ своихъ правъ; онъ протестовалъ противъ договора, предавшаго Францію, его наслѣдіе. Затѣявъ волненіе въ южныхъ провинціяхъ, онъ отвлекъ вниманіе Генриха заключеніемъ союза съ Шотландіей. Часть шотландскихъ рыцарей и стрѣлковъ прибыла во Францію, чтобъ защитить права дофина, имѣя въ виду общаго врага. Генрихъ V возвратился въ Англію, гдѣ и умеръ 31 августа 1422 г. Скоро скончался Карлъ VI (въ октябрѣ того же года). Тогда (т. е. въ 1422 г.) былъ провозглашенъ королемъ Франціи Карлъ VII, по праву на-

слѣдства, хотя сынъ Генрихъ V, Генрихъ VI нисколько не отказывался отъ своихъ правъ на французскій престолъ ([1]).

([1]) Источниками для Карла VII, короля французскаго и Генриха VI, короля англійскаго, которые въ одинъ и тотъ же 1422 годъ вступили на престолъ, служитъ большое латинское сочиненіе епископа Базена. Онъ родился въ 1412 г. въ Нормандіи и пережилъ самыя бурныя событія; ему было почти 20 лѣтъ, когда подвизалась Орлеанская Дѣва. Онъ лично зналъ короля Карла VII и имѣлъ съ нимъ постоянныя сношенія, о чемъ говоритъ въ началѣ своего обширнаго сочиненія (illustris Francorum rex, quem ipsi et saepe vidimus et cum quo plures collocutiones familiariter habuimus). Его свѣдѣнія, слѣдовательно, основаны на близкомъ знакомствѣ съ дѣятелями этой эпохи. Его родина была покорена и разорена англичанами; его родители лишились состоянія, и онъ посвятилъ себя духовному служенію, чему много способствовала его занятіе каноническимъ правомъ и поѣздка въ Италію, гдѣ примѣръ популярности одного нищенствующаго монаха увлекъ и Базена, который послѣ своихъ университетскихъ занятій совершенно внезапно надѣлъ рясу и сдѣлался монахомъ. Онъ скоро выдвинулся среди французскаго духовенства и 33-хъ лѣтъ сдѣлался епископомъ. Это сблизило его съ королемъ; впослѣдствіи же онъ былъ заподозрѣнъ королемъ Луи XI въ измѣнническихъ сношеніяхъ съ англичанами и долженъ былъ бѣжать. Онъ переселился въ Голландію, гдѣ получилъ титулъ епископа Кесаріи и скончался въ глубокой старости въ Утрехтѣ въ 1492 году. Въ этомъ же городѣ онъ написалъ свой трудъ: «De rebus a Carolo VII (et Ludovico XI) Francorum rege et suo tempore in Gallia gestis». Онъ начинаетъ свою исторію съ 1407 г., для чего пользуется письменными свѣдѣніями, ибо, какъ онъ говоритъ, «нельзя понять настоящихъ бѣдствій безъ знанія прошедшаго». Онъ участвовалъ въ дипломатическихъ сношеніяхъ между Франціей и Англіей послѣ гибели Орлеанской Дѣвы. Его обширное твореніе прежде приписывалось ліонскому священнику Амельгарду, вслѣдствіе надписи на манускриптѣ Парижской Національной Библіотека имени этого священника. Это сочиненіе издано въ 1854—59 годахъ французскимъ ученымъ Кишера, въ четырехъ томахъ иждивеніемъ «Истор. Общества Франціи». Кромѣ множества источниковъ и актовъ непосредственно для исторіи Орлеанской Дѣвы, важны позднѣйшіе мемуары, напр., «Journal d'un Bourgeois de Paris ou d'un prêtre, qui a écrit les choses advenues en la dite Ville» въ которомъ изложены событія отъ 1409 до 1449 г., а особенно мемуары Оливье де ла Маршъ, образованнаго бургундскаго рыцаря, родившагося въ 1426 году и описавшаго событія отъ 1435 до 1489 г.; замѣчательна первая часть, отдѣльная и связная, затѣмъ изложеніе — безпорядочно. Упомянутые мемуары авторъ началъ писать 45-ти лѣтъ отъ роду; онъ многое перезабылъ, но онъ хочетъ говорить только о томъ, что видѣлъ, зналъ и испыталъ въ прошломъ—qu'il a vu, su et experimenté au passe-temps de sa vie. Записки, написанныя весьма интересно по-французски, читаются живо, причемъ авторъ поступаетъ благоразумно, не упоминая о себѣ; онъ

Карлъ VII (1422-61 г.) и борьба за престолъ.

Французское государство болѣе не существовало. Англійскій король, девятилѣтній Генрихъ VI считался королемъ Франціи, но такъ какъ онъ былъ малолѣтенъ, то одинъ его дядя, Бедфордъ управлялъ Франціей а другой Глостеръ—Англіей. Хотя пэры, недовольные распоряженіемъ короля Генриха V, измѣнили завѣщаніе, но сущность осталась та же самая; намѣстникомъ Франціи продолжалъ быть тотъ же Бедфордъ, который учредилъ совѣтъ регенства. Между тѣмъ Карлъ VII, прирожденный король Франціи, не отказывался отъ своихъ правъ. Впрочемъ, это былъ ничтожный человѣкъ; онъ всегда былъ въ зависимости отъ приближенныхъ, а всего болѣе отъ своей фаворитки, знаменитой Агнесы Сорель, которая умѣла поддерживать въ королѣ твердость въ минуты самыя тяжелыя;

не любитъ говорить подробно о битвахъ, за то онъ драгоцѣненъ при описаніи нравовъ и внутренней жизни, вообще для культуры того времени. Въ его сочиненіи описаны всѣ мелкія подробности о рыцарскихъ турнирахъ, о жизни рыцарей. Кто хочетъ изучить бытъ XV вѣка, тотъ не обойдется безъ этого памятника. Таково же его описаніе двора Карла Смѣлаго, который превосходилъ въ блескѣ и роскоши всѣ тогдашніе европейскіе дворы:—Estat de la maison du duc Charles de Bourgogne, издано у Michaud et Poujoulat въ 3 томѣ первой серіи.—Записки чисто фактическія для того же времени, помимо Gestes de Charles VII, принадлежатъ бургундцу Жану дю-Клеркъ, родившемуся въ 1424 году. Онъ былъ совѣтникомъ и приближеннымъ Филиппа Добраго. Разсказы его въ пяти небольшихъ книгахъ обнимаютъ періодъ отъ 1448 до 1467 г.,—исторію Филиппа Добраго. Не смотря на свою краткость, записки Жана дю-Клерка имѣютъ значеніе по воззрѣніямъ автора; его взгляды близки къ нашимъ представленіямъ. Это философъ—историкъ; между прочимъ мы у него читаемъ слѣдующія слова: «Не желая никого хвалить, никого порицать по своему желанію, я хочу только пояснить совершившіяся событія; если же я скажу что нибудь такое, что не понравится, то я прошу всякаго—князя, рыцаря, сеньёра,—чтобы не приписывали мнѣ, что я хотѣлъ отозваться дурно о комъ-нибудь, ибо я не имѣю никакого намѣренія вредить или порицать какое либо лицо изъ личной ненависти, а равно, если здѣсь сказано что нибудь лестное для кого, то пусть не считаютъ это вынужденнымъ, ибо я говорилъ это не по лицепріятію къ кому либо, не ради выгоды». Jean Chartier-Hist. de Charles VII roi de France (P. 1594); авторъ служилъ въ причтѣ монастыря св. Діонисія. Jean Chartier——Les croniques du feu roy Charles depuis l'an 1402—1461 (P. 1528 и новое Vallet de Virriville); авторъ былъ секретаремъ Карла VII и потому его сообщенія въ фактическомъ отношеніи существенно важны.—Новыя сочиненія о Карлѣ VII: Dausin, Vallet de Viriville и Du—Fresne de Beaucourt.

она болѣе своимъ характеромъ походила на мущину, чѣмъ ея возлюбленный, въ которомъ вовсе не было энергіи и который былъ лишенъ силы воли. Бедфордъ жилъ въ Парижѣ. Кромѣ столицы ему повиновались: Иль-де-Франсъ, Нормандія, Бри, Шампань, Пикардія, Понтье, вся Аквитанія до Пиринеевъ и океана. За королемъ оставались только: Берри, Дофинэ, Овернь, Бурбоннэ, Пуату, Сентонжъ, Туррень, Орлеанэ и часть Анжу, т. е. болѣе или менѣе центральныя провинціи. По городу Буржу (главный городъ провинціи Берри) Карлъ VII былъ прозванъ королемъ Буржа. Такимъ образомъ Бедфордъ былъ гораздо сильнѣе Карла VII; но онъ имѣлъ неосторожность поссориться съ бургундскимъ герцогомъ Филиппомъ. Онъ допустилъ своего брата Глостера жениться на Жаклинѣ Геннегауской, женѣ Іоанна Брабантскаго, который былъ двоюроднымъ братомъ Филиппа. Такъ какъ послѣдній надѣялся получить земли, принадлежавшія Жаклинѣ, то, понятно, его долженъ былъ раздражить неожиданный бракъ наслѣдницы, ибо этотъ бракъ лишалъ его наслѣдственныхъ земель. Филиппъ Добрый поспѣшилъ вступиться въ права брата. Между тѣмъ, не желая уступить Глостеру, онъ разорвалъ дружескія сношенія съ Бедфордомъ и Англіей, а безъ его поддержки англичане съ трудомъ могли держаться во Франціи, ибо успѣхами своими они были обязаны раздорамъ въ самой Франціи. Понятно, это должно было испугать англійское правительство. Кончилось тѣмъ, что бургундскій герцогъ восторжествовалъ; но эта борьба отвлекла отъ Франціи силы англичанъ на цѣлыя пять лѣтъ.

Англичане во Франціи.

Такимъ образомъ Глостеръ долженъ былъ отказаться отъ своихъ притязаній; только въ 1428 году война возобновилась съ новой силой. У Карла VII были шотландскіе и итальянскіе союзники. Во главѣ итальянскихъ союзниковъ стоялъ Филиппъ-Марія Висконти, миланскій герцогъ, родственникъ французскаго королевскаго дома по брачнымъ связямъ герцога Орлеанскаго. Онъ прислалъ во Францію 1500 опытныхъ воиновъ. Однако при первомъ столкновеніи французы были разбиты. Англійское правительство умѣло отвлечь шотландцевъ отъ французскаго союза, но это не мѣшало остаться во Франціи нѣсколькимъ шотландскимъ баронамъ. Тогда Карлъ VII снова заключилъ союзъ съ Шотландіей, уступивъ Сентонжъ Іакову I шотландскому и обручивъ сына своего Людовика съ шотландской принцессой Маргаритой.

Въ 1428 году графъ Сольсбери съ 6000 войскомъ пошелъ на Орлеанъ и осадилъ его. Тогда со всѣхъ сторонъ истинные французы устремились къ берегамъ Лауры; все, что любило родину, бѣжало сложить головы за Орлеанъ, ибо это былъ послѣдній укрѣпленный пунктъ, послѣдняя надежда патріотовъ. Франція, казалось, погибала; съ паденіемъ Орлеана пала бы французская народность. Одинъ только король продолжалъ плясать и пировать со своими фаворитками, забывая о будущемъ, придумывая забаву за забавой, праздникъ за праздникомъ.

Нужно замѣтить, что Орлеанъ сдѣлался цементомъ, на которомъ упрочилась новая французская нація, вмѣсто средневѣковыхъ французовъ. Французская народность, вызванная къ жизни патріотизмомъ, можно сказать, зародилась только подъ Орлеаномъ. Туда стремились не только мущины, но и женщины. Доселѣ сами бароны и феодалы не имѣли патріотическихъ идеаловъ; средніе вѣка складывали общества не по націямъ, а по сословіямъ. Теперь же гордый и могучій духъ патріотизма сталъ проявляться не только въ мущинахъ, но и въ женщинахъ. Ихъ экстазъ нашелъ себѣ здѣсь богатое поле. Не одна Орлеанская Дѣва отличалась на поляхъ битвы. Хроники упоминаютъ о другихъ женщинахъ. Поэтому исторія знаменитой Дѣвы въ сущности показываетъ только, какъ возраждался національный типъ людей, жившихъ болѣе сердцемъ и чувствомъ, нежели умомъ. Жанна д'Аркъ изъ лотарингской деревни Домъ-Реми была полной выразительницей этого переворота въ исторіи Франціи. Французы уже прошли всевозможныя степени испытаній впродолженіи цѣлаго ряда столѣтій; въ нихъ давно было принижено и было заглушаемо патріотическое чувство. Они убѣдились послѣ продолжительнаго опыта, что рыцарство стало не только безсильно, но даже послужило причиной паденія Франціи; это доказывало предательство національныхъ интересовъ вельможами королю Англіи. Тогда-то сказался голосъ народа и вмѣстѣ съ тѣмъ совершился переворотъ въ самой исторіи; мало-по-малу падаютъ сословныя формы; онѣ перерождаются, а съ ними вмѣстѣ Франція получаетъ другую національную оболочку.

Патріотизмъ и національность.

Франція переживала самый тяжелый кризисъ; уныніе сказывалось вездѣ; нищета и раззореніе были повсюду. Страна обезлюдѣла и находилась въ рукахъ солдатчины; французскіе

и англійскіе воины, шотландцы, итальянскіе наемники, нѣмцы, — одни отъ другихъ не отличались. Мишле въ исторіи того времени вспоминаетъ объ ужасномъ вязѣ, на которомъ висѣли трупы мущинъ и беременныхъ женщинъ, привязанныхъ солдатами въ одну зимнюю ночь на съѣденіе волкамъ; но это былъ далеко не исключительный случай. Довольно сказать что цѣлыя области Франціи обезлюдѣли; на мѣстѣ деревень значительной восточной полосы не встрѣчалось ни одного человѣческаго жилья и вся мѣстность стала обильна волками.

Общество жило въ ожиданіи чего-то необыкновеннаго. Тогда почти не существовало духовныхъ интересовъ, да и не могло существовать, такъ какъ люди должны были заботиться о кускѣ хлѣба, а въ разоренной странѣ этимъ несчастнымъ не представлялось, конечно, никакой будущности. Наука и искусство были достояніемъ весьма немногихъ; литература рыцарская была истощена. Готическая архитектура пришла въ упадокъ, сосредоточиваясь лишь на деталяхъ. Если предъ этимъ парижскій университетъ побѣдилъ папство принципіально, то эта побѣда не принесла никакой пользы. Обездоленная Франція томилась въ печальномъ уныніи, которое такъ мрачно отразилось въ сочиненіи Жерсона, ректора парижскаго университета. Этотъ писатель въ своемъ „Подражаніи Іисусу Христу" говоритъ: „ни ученые, ни знатные, ни короли, ни рыцари не въ состояніи обновить міра, дать ему жизнь". Онъ убѣжденъ, что для переворота нужны героизмъ и чистота сердца. Дѣйствительно, только эти качества могли спасти Францію, а съ нею весь западный міръ. Въ самыхъ темныхъ краскахъ изображаютъ положеніе Франціи ея историки, а особенно рельефно Мишле, которому особенно удавались такіе критическіе моменты изъ прошлаго его отечества.

Тогда-то выступаетъ на сцену Орлеанская Дѣва.

Жанна д'Аркъ и ея историческое значеніе.

Больная психически съ дѣтства, Жанна съ самыхъ молодыхъ лѣтъ, съ тринадцатилѣтняго возраста, видѣла видѣнія, бесѣдовала съ пустынниками, слышала пѣніе какихъ-то неземныхъ существъ; она сама не отдавала себѣ отчета, какимъ міромъ, какой фантазіей жила. Ея нервная система была совершенно разстроена. Архангелъ Михаилъ сообщилъ ей, что неподалеку отъ одной церкви зарытъ рыцарскій мечъ, которымъ она спасетъ Францію; она нашла этотъ мечъ. Какія-то не-

вѣдомыя силы направляли ее въ ту самую годину, когда Франція была въ отчаяніи, а Орлеанъ сталъ послѣднимъ прибѣжищемъ патріотовъ. Несомнѣнно, что она не была подневольнымъ орудіемъ. Когда она явилась ко двору короля, то даже развратники, окружавшіе Карла VII, при видѣ ея смутились. Король послѣ бесѣды съ нею объявилъ, что она надѣлена божественнымъ откровеніемъ. Голосъ народа призналъ это за нею и король ввѣрилъ ей начальство надъ арміей. Но женская свита короля подвергла ея тогда же грязнымъ оскорбленіямъ. Во всякомъ случаѣ Жанна способна была фанатизировать королевскую армію и повести ее съ королемъ во главѣ на Орлеанъ. Мало того; она, бѣдная дѣвушка, съ небольшимъ числомъ плохо вооруженныхъ воиновъ, заставляетъ англійскую армію по какимъ-то необъяснимымъ причинамъ, — вѣроятнѣе всего по недостатку у послѣдней съѣстныхъ припасовъ, — снять осаду Орлеана. Съ этого дня и совершился переворотъ къ лучшему въ судьбахъ Франціи ([1]).

([1]) Разбирая источники для эпохи Карла VII, мы оставили открытымъ вопросъ о матеріалѣ, относящемся непосредственно къ исторіи героини. Взглядъ на личность Жанны д'Аркъ и ея заслуги въ исторіи Франціи измѣнялся сообразно съ настроеніемъ общества и съ характеромъ лицъ, писавшихъ о ней. Первыя свѣдѣнія о Жаннѣ д'Аркъ находимъ у бургундскаго лѣтописца Enguerrand de Monstrellet, который описалъ событія съ 1400—1453 года и слѣдовательно былъ современникомъ героини. Продолжая Фруассара, онъ довелъ свой разсказъ до 1444 г. (изд. въ Пар. 1467, 2 f. и Buchon. Choix des chroniques. 1836—38; 17 v. t. II). Монтрелэ находился въ войскѣ бургундскаго герцога и участвовалъ при осадѣ города Компьена,—когда Жанна д'Аркъ при вылазкѣ изъ этого города была взята въ плѣнъ. Какъ человѣкъ, принадлежавшій къ бургундской партіи, онъ былъ нерасположенъ къ Жаннѣ д'Аркъ; не смотря на это, его свидѣтельство, какъ современника, хотя и пристрастное, имѣетъ въ общемъ значительную цѣну.— Другое свидѣтельство находится у цитованнаго выше, епископа Базена (изд. Quicherat), который со словъ современниковъ зналъ руководителей событій и питалъ симпатію къ Жаннѣ д'Аркъ. Въ своей лѣтописи онъ помѣстилъ много бумагъ и актовъ, относящихся къ этому дѣлу; ихъ онъ прямо списывалъ съ оригиналовъ. Епископъ говоритъ о томъ обаяніи, которое производила Жанна д'Аркъ, и о томъ страхѣ, который она внушала англичанамъ. «Одно имя ея, говоритъ онъ, устрашало англичанъ; звукъ ея голоса приводилъ ихъ въ уныніе; появленіе ея наводило на нихъ трепетъ; они теряли внезапно всю свою силу, мужество и храбрость; оружіе переставало дѣйствововать въ ихъ рукахъ; всѣмъ этимъ въ нихъ вселялось убѣжденіе, что имъ не одолѣть французовъ и не

Взятіе Орлеана.

Побѣда Жанны д'Аркъ подъ Орлеаномъ совершенно измѣнила взаимное положеніе воюющихъ сторонъ; прежде перевѣсъ былъ на сторонѣ англичанъ, а теперь они терпятъ рядъ пораженій, тѣмъ болѣе удивительныхъ, что французами предводительствуетъ простая дѣвушка.

побѣдить дѣву, которую они несправедливо назвали кудесницей». Третій —современникъ Жанны д'Аркъ и очевидецъ событій Жанъ Шартье, историкъ Карла VII, цитованный выше считается наиболѣе безпристрастнымъ изъ всѣхъ лѣтописцевъ того времени (изд. Vallet de-Viriville, P. 3 v. 1858). Въ ряду историческихъ источниковъ, — «Journal d'un bourgeois», доведенный до 1449 года и представляющій хронологическое и сухое изложеніе фактовъ, также уже цитованный памятникъ,—важенъ потому что представляетъ отношеніе народа къ подвигамъ «дѣвы» и характеризуетъ то положеніе, которое занимала Жанна д'Аркъ. Интересна стихотворная хроника Марціала Овернскаго, автора Les vigiles de la mort du roi Charles VII, (изд. въ Пар. 1490, 1493, 1505, 1724 гг. въ 2 f.) Марціалъ считается однимъ изъ выдающихся и талантливѣйшихъ писателей этого времени; онъ писалъ какъ разъ послѣ казни Орлеанской дѣвы. Марціалъ говоритъ, что она была мила и любезна, безъ гордости и зависти, и вела прекрасную, безукоризненную жизнь (et qui menoit belle vie); вообще онъ даетъ самую теплую характеристику героини.—Впослѣдствіи англійскіе лѣтописцы и историки старались развѣнчать Жанну д'Аркъ и отнеслись къ ней очень враждебно; они старались увѣрить всѣхъ, что Жанна была авантюристика и дѣйствовала изъ личныхъ интересовъ. Шекспиръ отнесся къ ней также очень враждебно (въ драматич. хроникѣ «Король Генрихъ Шестой», ч. I, дѣйствіе III и особенно V), а Вольтеръ съ цинизмомъ. Болѣе всего въ дѣлѣ изслѣдованія документовъ и освѣщенія личности Жанны сдѣлалъ Quicherat, изд. Procés de condamnation et de réhalitation de Jeanne d'Arc (P. 5 vls. 1840—49); въ первыхъ трехъ томахъ: документы обоихъ процессовъ 1431 и 1452 годовъ, въ IV—хроники и мемуары, въ V—письма, поэмы и пр. (между прочимъ его Aperçus nouveaux sur l'histoire de J. d'Arc. P. 1850). До него было написано до 70 монографій о Жаннѣ, всѣ большею частью одностороннія, или восторженныя или исполненныя ненависти, начиная съ Valerandus (De Gestis Johannae libri IV versu heroico, P. 1516). Изъ нихъ выдавались Fr. Schlegel (G. der Jungfrau von Orleans aus allen französichen Quellen, nebst einem Anhange von David Hume. B. 1802), Barthelemy de Beauregard (H. de J. d'Arc, d'après les croniques contemporaines, les recherches des modernes et plusieurs documents nouveaux. P. 2. v. 1847) съ обширнымъ указателемъ 1200 крупныхъ и мелкихъ статей о Жаннѣ. Послѣ Кишера писали Desjardins (1854), Renzi (1855), но лучшія монографіи дали Wallon (P. 1860, 2 v.), Eisell (J. d'Arc, genannt die Jungfrau von Orleans) и Michelet (въ Hist. de France). По Валлону составилъ свой очеркъ Порошинъ въ Р. Вѣстн., а по Мишле и Валлону проф. Петровъ, болѣе художественно, тамъ же и отдѣльно въ Очеркахъ (X. 1882, стр. 223—256). Разборъ разныхъ мнѣній сдѣлалъ Sickel въ Hist. Zeitschrift (B. IV, S. 273).

Въ маѣ 1429 году Жанна привела французовъ въ Орлеанъ, а въ непродолжительномъ времени послѣ этого она предприняла движеніе на Реймсъ съ цѣлью короновать тамъ короля; англійскіе полководцы, загородившіе ей дорогу, были разбиты на голову и попались въ плѣнъ. Намѣстникъ англійскаго короля во Франціи, Бедфордъ не рѣшился принять боя—а прежде онъ думалъ о защитѣ Парижа—и отступилъ. Реймсъ былъ очищенъ (въ іюлѣ) и хотя королевскія регаліи находились въ рукахъ англичанъ, тѣмъ не менѣе коронація Карла VII удалась. Это произошло на второй мѣсяцъ появленія героини въ рядахъ войска. Послѣ совершенія коронаціи короля, Жанна считала миссію свою оконченною. Она просила Карла, чтобы онъ отпустилъ ее, но король не согласился, надѣясь, что ея присутствіе въ рядахъ войска, возбудивъ патріотизмъ, будетъ приносить постоянныя побѣды. Жанна согласилась; какъ и прежде, она находилась во главѣ арміи и дралась какъ простой солдатъ; французы подвигались впередъ и наконецъ подступили къ Парижу. Карлъ VII расположился съ войскомъ, численность котораго доходила до 12 тысячъ, на Монмартрѣ. Во главѣ воиновъ, въ день Рождества Богородицы, Орлеанская героиня при пѣніи гимновъ сдѣлала приступъ, но штурмъ Парижа кончился неудачей. Тогда впервые поколебался авторитетъ непобѣдимой дѣвы, которая прежде въ самое короткое время имѣла такіе грандіозные успѣхи. Весной 1430 года Жанна д'Аркъ присутствовала при защитѣ города Компьена, осажденнаго бургундцами. Жанна взялась предводительствовать отрядомъ, назначеннымъ для вылазки, но вылазка кончилась несчастливо. Французы должны были отступить. Жанна прикрывала отступленіе и осталась позади воиновъ, которые, простодушно думая, что она обладаетъ даромъ чудотворенія, заперли ворота. Она была окружена бургундцами и взята въ плѣнъ. Уже одно то, что военныя власти не озаботились принять мѣръ къ охранѣ героини, показываетъ, что она лишилась прежняго значенія. Сама же она потеряла вѣру въ свое призваніе послѣ взятія Орлеана, для спасенія котораго чувствовала себя призванной. Если она и продолжала находиться во главѣ войска, то не по собственной волѣ, а по принужденію.

Плѣнъ, судъ и казнь Жанны.

Теперь произошло нѣчто неожиданное; для спасенія героини, король и его придворные не сдѣлали ничего. Можно думать, что ея политическіе бездарные враги, ревнуя ее къ

власти и видя ее безусловное вліяніе на короля, нарочно устроили всю катастрофу. Не безъ основанія полагаютъ, что пустой и развратный король, благодаря счастью и побѣдамъ Жанны напменовавшій себя „le Victorieux",— въ послѣднее время слишкомъ подпалъ вліянію своей фаворитки, властолюбивой Агнесы Сорель, которая, видя въ Жаннѣ д'Аркъ соперницу по вліянію, не хотѣла уступить ей свое мѣсто ([1]). Какъ извѣстно, Шекспиръ въ своей драматической хроникѣ „Генрихъ VI", въ концѣ первой части, заставляетъ Жанну въ довольно откровенныхъ выраженіяхъ признаваться передъ казнью, что она была очень близка королю Рене и вообще французскому двору. Конечно, эта клевета со стороны великаго драматурга. Но очень можетъ быть, что Жанна, пользовавшаяся во французскомъ войскѣ громадной популярностью, оттѣсняла Сорель († 1450 г.) на второй планъ.

Англичане были обрадованы плѣномъ героини Франціи; теперь они боялись одного, какъ бы Жанна не ускользнула изъ ихъ рукъ. Жанна сперва находилась во власти одного бургундца, который, взявъ ее въ плѣнъ, не придавалъ особаго значенія своему подвигу. Но черезъ три дня инквизиція, по наущенію англичанъ, потребовала плѣнницу у герцога бургундскаго. Парижскій университетъ, какъ и слѣдовало ожидать отъ ученыхъ богослововъ Сорбоны, поддержалъ требованіе инквизиціи. Вассалъ герцога, движимый личными выгодами, уступилъ плѣнницу Бедфорду за громадную сумму.

Бедфордъ, чтобы разрушить вѣру въ божественное посланіе Жанны, нарядилъ надъ ней церковный судъ; онъ пашелъ духовныхъ, готовыхъ служить ему орудіемъ, и бѣдной плѣнницѣ пришлось вытерпѣть страшныя страданія. Въ іюлѣ епископы потребовали ее къ себѣ на судъ; въ октябрѣ ее привезли въ Руанъ, бросили въ смрадную тюрьму, заковавъ не только по рукамъ и ногамъ, но даже въ поясѣ, и только въ слѣдующемъ, т. е. 1431 году, передали духовнымъ судьямъ. Противъ нея предъявили четыре обвинительные пункта: 1) она заключила союзъ съ дьяволомъ, чтобы получить значеніе въ свѣтѣ, вывѣдывала отъ него тайны, а также и будущее, и съ его помощію заставила вѣрить себѣ; 2) обманула народъ и возбуждала его противъ англичанъ; 3) позволяла чтить себя святой и потому стала еретичкой; 4) пренебрегая чувствомъ стыда и обязанностями женщины, носила мужское платье, сражалась и обагряла руки кровью.—Обвиненную допраши-

([1]) Delort. Essai critique sur l'histoire de Charles VII, d'A. Sorel et de Jeanne d'Arc. P. 1824.

вали сначала въ судѣ въ присутствіи чуть не полсотни богослововъ, потомъ въ тюрьмѣ, гдѣ были только инквизиторы, которые, разумѣется, писали все, что хотѣли, выключая все, служившее къ оправданію. Ее нарочно сбивали неясными для нея вопросами и діалектическими ухищреніями добывали отъ простой крестьянки требуемыя показанія. Такимъ путемъ число обвинительныхъ пунктовъ дошло до двѣнадцати. Ихъ предложили 58 членамъ суда и руанскому капитулу, которые приговорили Жанну къ тяжкому пожизненному заключенію. Но англичане этимъ не удовлетворились и потребовали смертной казни. Судьи согласились,— благовидный предлогъ найти было не трудно. Жанну, вѣровавшую въ свое вдохновеніе, заставили высказать прежнія убѣжденія, потомъ во время ея болѣзни подложили къ ней мужское платье и вслѣдъ за тѣмъ объявили, что она нераскаянная еретичка, такъ какъ продолжаетъ носить мужскія одежды. За это она должна быть казнена и для этой цѣли передана свѣтской власти. 30 мая 1431 года ее сожгли въ Руанѣ.

Казнь Жанны послужила ко вреду англичанъ; только съ этого времени стало замѣтно, какъ возросло у французовъ чувство патріотизма; ея смертью укрѣпилась увѣренность народа въ торжествѣ короля; самое ея имя стало священно и народъ поднялся отомстить за нее. Англичанамъ теперь приходилось имѣть дѣло не только съ войсками, но и съ народомъ. Франція все болѣе и болѣе усиливалась. Французы всевозможными средствами старались вредить англичанамъ, не давали имъ припасовъ, рѣзали и истребляли ихъ. Война стала принимать какъ-бы характеръ мести за Орлеанскую дѣву, особенно въ тѣхъ областяхъ, которые прославились громкими подвигами Жанны. Эти подвиги были нравственнымъ знаменемъ, водившимъ французовъ къ побѣдѣ. Во французской арміи не было организаціи, не было опредѣленнаго плана,— каждый дѣйствовалъ по своему, но энтузіазмъ всюду одушевлялъ, всюду возбуждалъ, проявляясь въ тяжелыя минуты испытаній.

Конецъ войны.

Наконецъ чувство стыда пробудилось и въ герцогѣ бургундскомъ Филиппѣ. Онъ оставилъ раздоры и сошелся съ Карломъ VII. Миръ между ними былъ заключенъ въ 1435 году; важнѣйшею статьей договора были территоріальныя уступки со стороны Карла. Не задолго до этого мира умеръ герцогъ Бедфордъ. Уже съ весны англичане терпѣли неудачи и теряли одинъ городъ за другимъ, но смерть Бедфорда была для нихъ самою тяжкою потерею. Все могущество англичанъ во Франціи держалось этимъ человѣкомъ.

Послѣ его смерти война еще тянулась 12 лѣтъ. Французы отняли Нормандію, а черезъ три года Бордо освободился отъ вѣковаго владычества англичанъ. Вскорѣ потомъ англичане приступили къ переговорамъ, которые кончились перемиріемъ и бракомъ англійскаго короля Генриха VI съ даровитой Маргаритою, дочерью Рене анжуйскаго; ему по завѣщанію достался престолъ Неаполя и Сициліи. Рене недавно возвратился изъ неудачнаго похода, въ которомъ лишился всѣхъ своихъ родовыхъ владѣній во Франціи. Генрихъ VI уступилъ теперь своему тестю герцогства Менъ и Анжу, принадлежавшія дотолѣ коронѣ. Такимъ образомъ Маргарита принесла съ собой въ Англію духъ примиренія. Она стала добрымъ геніемъ Франціи. Тогда явилась возможность прекратить столѣтнюю войну между Франціей и Англіей.

Значеніе столѣтней борьбы.

Когда Бордо, послѣдній оплотъ англичанъ въ западной Франціи, палъ передъ французскимъ оружіемъ въ 1453 году, —былъ заключенъ миръ. По условіямъ договора въ рукахъ англичанъ остался только городъ Калэ. Однимъ словомъ, долгая борьба кончилась ничѣмъ. Эта борьба, изъ которой Франція вышла если не побѣдительницей, то счастливо, имѣла благодѣтельныя послѣдствія на дальнѣйшую судьбу ея. Теперь Франція почувствовала себя единой и крѣпко сплотилась; благодаря этой борьбѣ, властители Франціи сознали недостатки въ организаціи тогдашнихъ государствъ, средневѣковыя формы начали переходить въ новыя, болѣе соотвѣтствовавшія измѣнившемуся направленію исторіи. Здѣсь можно за каждымъ годомъ прослѣдить постепенныя перемѣны. Въ 1444 году во Франціи окончательно сформировалось постоянное конное войско — gens d' armes. Оно состояло изъ 15 регулярныхъ частей во 100 копейщиковъ каждая, кромѣ опредѣленнаго числа командъ, состоявшихъ при этихъ „compagnies“. Какъ существенная форма переходнаго времени было преобразовано законодательство, для чего были обнародованы и собраны въ одно всѣ мѣстные судебные обычаи, которымъ была придана сила закона. Вообще при Карлѣ VII было произведено много радикальныхъ измѣненій и установленій, которыя впослѣдствіи очень помогли дальнѣйшему росту и историческому развитію Франціи.

Преобразованія совершались сами собой и не въ одной Франціи. Они коснулись и Англіи; это въ сущности была борьба стараго государства съ новымъ, феодализма съ народной монархіей.

Что касается до Карла VII, то онъ не одолѣлъ сопротивленія, которое организовалось противъ него. Его сынъ, дофинъ, будущій Луи XI, составилъ противъ него заговоръ и бѣжалъ къ бургундскому герцогу. Трусливый отецъ, такъ много претерпѣвшій въ своей несчастной жизни, теперь совершенно потерялся. Онъ уморилъ себя голодною смертью въ 1461 году.

2) Славянскій протестантизмъ въ области вѣры. Янъ Гусъ и его дѣло. Костницкій соборъ. Расколъ въ папствѣ. Гуситскія войны. Табориты. Чашники. Общинники Хельчицкаго. Новое государство Юрія Подѣбрада.

Схизма въ папствѣ.

Мы оставили Римскую Церковь въ самую критическую пору ея исторіи. Схизма, раздѣлившая ее, была самымъ тяжелымъ для нея испытаніемъ. Надѣялись, что кто либо изъ первосвященниковъ добровольно сложитъ тіару, но этого не случилось. Послѣ смерти Иннокентія VII его мѣсто занялъ венеціанецъ Григорій XII (1407—1410 г.). Тогда трудно стало разсчитывать на прекращеніе раскола, который какъ бы сжился съ идеею католицизма. Кардиналы клялись по прежнему, что готовы на всякія жертвы для прекращенія гибельныхъ раздоровъ, а на самомъ дѣлѣ не приносили ни одной. Они совершенно овладѣли Григоріемъ XII, который безъ дозволенія куріи не могъ посвящать новыхъ кардиналовъ, а въ ихъ прямыхъ интересахъ было не допускать прекращенія римскаго преемничества. Впрочемъ и самъ Григорій XII былъ строгихъ убѣжденій по этому вопросу. Онъ славился своимъ аскетизмомъ, своею суровою, святою жизнію. Онъ хотѣлъ единенія, но никогда не согласился бы уступить хотя что нибудь изъ своихъ историческихъ правъ. До смѣшнаго доходили его претензіи, его придирки, когда, по настоянію французскаго короля, онъ переговаривался съ своимъ соперникомъ, Бенедиктомъ XIII. Уполномоченные двухъ папъ выказали туже посольскую практику, которая хорошо извѣстна дипломатамъ Китайской имперіи. Уже городокъ Савона (на берегу Генуезскаго залива), послѣ долгихъ переторжекъ, былъ выбранъ мѣстомъ свиданія двухъ папъ, уже онъ былъ разсѣченъ на двѣ части самою тонкою математическою линіею, уже папы съѣзжались съ равнымъ конвоемъ изъ 8 галеръ и 200 солдатъ, уже они подвигались торжественнымъ шагомъ на своемъ шествіи изъ Авиньона и изъ Рима, уже казалось, все устроено было для обоюднаго

соглашенія, — но ничего нельзя было сдѣлать тамъ, гдѣ, по мѣткому замѣчанію Аретина, одинъ, „какъ морское животное боялся приблизиться къ берегу, а другой, какъ сухопутное, на оборотъ, боялся отстать отъ берега“. Обѣ стороны вдругъ сдѣлали рѣшительный шагъ назадъ и, если кто этому былъ радъ отъ всей души, то только развѣ неаполитанскій король Владиславъ. Ему опасно было допустить перевѣсъ Рима. Тогда французскіе сторонники легко могли удержаться на папскомъ престолѣ и конечно могли поддерживать принципы анжуйцевъ.

Впрочемъ дѣло разрѣшилось само собою весьма рѣшительнымъ образомъ. Правительство Карла VI каждымъ распоряженіемъ болѣе и болѣе обнаруживало непреклонность своего взгляда на схизму. За годъ до Пизанскаго собора были имъ изданы указы, въ которыхъ объявлялось, что правительство запретитъ повиновеніе папамъ, если тотъ и другой къ будущей Пасхѣ не откажутся отъ тіары. Бенедиктъ XIII въ отвѣтъ на это разразился отлученіями и угрозами церковнаго проклятія. Тогда окончательно порвались всѣ связи между Авиньономъ и Парижемъ. Король съ согласія Сорбоны и своего парламента издалъ декретъ, которымъ французскій папа объявлялся самозванцемъ, еретикомъ, схизматикомъ, нарушителемъ церковнаго спокойствія; ему, какъ возмутителю и врагу Церкви, запрещалось повиновеніе подъ страхомъ наказанія. Такія предложенія были разосланы всюду, гдѣ только прежде признавалась власть Авиньона. Кардиналы авиньонскіе, получивъ королевское разрѣшеніе, оставили своего владыку и удалились въ Ливорно. Римскіе кардиналы, слѣдуя готовому примѣру, покинули Григорія XII. Прелаты теперь по собственному почину съ конца 1408 г. съѣзжались на соборъ въ Пизу, гдѣ въ мартѣ 1409 года объявили свои засѣданія открытыми.

Пизанскій соборъ 1409 года.

Пизанскій соборъ отличался блестящей обстановкой [1]. Кромѣ 24 кардиналовъ, на немъ участвовали 4 патріарха, 26 архіепископовъ, 41 пріоровъ, 288 аббатовъ, 300 докторовъ богословія и каноническаго права, представители европейскихъ государей, множество депутатовъ отъ различныхъ мѣстъ и учрежденій, наконецъ, какъ эксперты права, избранные профессоры университетовъ: парижскаго, тулузскаго, орлеанскаго, монпельерскаго, болонскаго, флорентійскаго, вѣнскаго, пражскаго, краковскаго, оксфордскаго и кембриджскаго. Въ

[1] Для исторіи соборовъ вообще — классическое и обширное сочиненіе Hefele. Conciliengeschichte (B. VII), а для соборовъ XV и XVI вѣковъ Wessenberg. Die grossen Kirchenversammlungen des XV und XVI Jahrh.— Срв. Raumer (Hist. Tasch. 1849).

Пизѣ всего насчитывали до 15 тысячъ иностранцевъ. Здѣсь, въ первый разъ въ республиканскомъ городѣ Италіи, съѣхались люди всевозможныхъ политическихъ убѣжденій, представители различныхъ государствъ европейскихъ. Отсутствіе обоихъ папъ не могло помѣшать собранію провозгласить соборъ вселенскимъ (въ римско-католическомъ смыслѣ); оно, напротивъ, побудило впослѣдствіи объявить окончательное низложеніе и того и другаго папы (5 іюня 1409 года).

Папа Александръ V (1409-10 г.).

Теперь престолъ первосвященническій послѣ тридцатилѣтней смуты становился вакантнымъ. Оставалось только выбрать новаго папу, который бы совершилъ важный подвигъ внутренняго примиренія. Въ томъ же іюнѣ тіару возложили на голову архіепископа миланскаго, минорита строгой жизни, отшельника по характеру, ученаго богослова, даровитаго оратора, но плохаго администратора, уже престарѣлаго Александра V. Обладая большимъ богатствомъ, онъ оказалъ полное препебреженіе къ прелестямъ и наслажденіямъ міра; на своемъ же островѣ Кандіи онъ сталъ просить милостыню, пошелъ въ монахи, достигъ за свою ученость епископскаго, архіепископскаго, кардинальскаго сана и никогда бы не надѣлъ тіары на свою сѣдую голову, если бы не настоятельныя требованія избирателей и энергичныя убѣжденія его любимца, кардинала Косса. Этотъ послѣдній, честолюбивый и распутный неаполитанецъ, былъ правою рукою и довѣреннымъ человѣкомъ у Александра V, мѣсто котораго было въ конфессіоналѣ, но никакъ не въ государственномъ кабинетѣ. Бальтазаръ Косса желалъ возвышенія своего патрона уже потому, что при немъ онъ былъ бы вторымъ лицемъ, или скорѣе первымъ во всемъ католическомъ мірѣ, что въ эту смутную эпоху онъ могъ руководить судьбами Римской Церкви, что его честолюбію открывалась широкая дорога, что въ скоромъ времени и ему судьба могла улыбнуться тіарою и его, простаго солдата, возвысить на ту недосягаемую ступень, высшую цѣль жизни, которая всегда такъ ласкаетъ мечты католическаго духовнаго. Не бѣда, что у Бальтазара (по словамъ его біографа Теодора Ніемскаго) въ одной Болоньи насчитывались десятки фаворитокъ, что ему приписывалось множество самыхъ разнообразныхъ преступленій, начиная отъ взятокъ и кончая убійствами. Дѣйствительно, его предчувствія и ожиданія сбылись. Чрезъ 10 мѣсяцевъ послѣ избранія, покровитель Бальтазара, Александръ V умеръ. Тогда Косса сдѣлался папою подъ именемъ Іоанна XXIII.

Папа Іоаннъ XXIII (1410-19 г.).

Въ то время, когда засѣдалъ пизанскій соборъ съ цѣлью преобразованія, когда свергнутые претенденты предъявляли свои права, когда возникали церковныя неурядицы, когда въ то же время громко раздавались смѣлыя требованія полной реформы духовенства, на папскомъ уже объединенномъ престолѣ является циникъ и развратникъ, врядъ ли способный къ чему кромѣ буйныхъ оргій. Тогда смѣлѣе, чѣмъ когда нибудь могли возвысить свой голосъ и Григорій XII, и уже свыкшійся съ властью Бенедиктъ XIII. Первый жилъ въ Римини подъ покровительствомъ кондотьера Карла Малатеста, второй въ Испаніи подъ защитою аррагонскаго короля. Каждый изъ нихъ, опираясь на свои права, сзывалъ соборъ. Григорій XII назначалъ Равенну, Бенедиктъ XIII Перпиньянъ. Іоаннъ XXIII сыпалъ отлученіями и на нихъ и на тѣхъ немногихъ кардиналовъ, которые слѣдовали за ними. Но ему никто не хотѣлъ повиноваться. Противники не признавали его власти, какъ онъ не признавалъ ихъ правъ. Такимъ образомъ вмѣсто двухъ папъ явилось трое.

Въ эту минуту католическій церковный міръ былъ въ самомъ ужасномъ положеніи. Общее безпокойство овладѣло всѣми. Никто не зналъ, кто правъ, кого должно считать истиннымъ папой. Къ тому же реформаторскія броженія явились въ народѣ и, грозно наростая, тревожили будущее католицизма. Достаточно вспомнить, что въ эту критическую минуту являются Гусъ и Іеронимъ Пражскій.

Лолларды.

Эпоха авиньонскаго плѣненія,— конецъ XIV и начало XV вѣка,—была временемъ наиболѣе сильнаго паденія теократической идеи, подавленія ея въ умахъ и нарожденія оппозиціи католицизму, выразившейся въ попыткахъ протестантизма. Заглушить негодованіе въ разныхъ странахъ Запада было невозможно. Протестъ, направленный противъ іерархіи Римской Церкви, касался не только обрядовъ, но даже и принциповъ. Тѣ страны, которыя болѣе всего терпѣли отъ теократіи, вступили въ открытую борьбу съ папствомъ. Мы говорили, какъ еще въ XII и XIII вѣкахъ проявилась эта борьба въ Провансѣ, который нѣкогда жилъ самостоятельною политическою жизнью. Подобная же оппозиція явилась въ XIV вѣкѣ въ Англіи. Въ этомъ смыслѣ дѣятельность Виклефа служитъ связью между средними вѣками и эпохой Возрожденія классической древности, представляющей отрицаніе прежнихъ порядковъ [1].

[1] Послѣднія изслѣдованія о Виклефѣ ставятъ его дѣятельность въ связь съ позднѣйшей Реформой. Таковы труды Lechler (Vorgesch. der Reformation, L. 2 B. 1873) и Buddensieg (G. 1885).

Было сказано (II, 718), что Виклефъ въ 45 положеніяхъ рѣшительно задѣлъ католическую догматику. Онъ не признавалъ тайны пресуществленія, говорилъ, что хлѣбъ и вино не есть истинное тѣло и кровь Христа, а только ихъ изображеніе. Виклефъ кромѣ того отрицалъ законность претензій папъ па первенство предъ патріархами и возставалъ противъ свѣтской власти римскихъ епископовъ. Онъ имѣлъ смѣлость перевести библію на англійскій языкъ, что̀ было безусловно порицаемо въ средніе вѣка папствомъ и что̀ было вновь воспрещено въ 1409 году помѣстнымъ соборомъ въ Оксфордѣ.

При всемъ томъ Виклефъ былъ первый реформаторъ, котораго взяла подъ защиту свѣтская власть, такъ что легаты папскіе должны были сносить оскорбленія, наносимыя открыто римской куріи. Виклефъ не только не былъ сожженъ, но умеръ спокойно, оставивъ множество послѣдователей своего ученія, извѣстныхъ подъ именемъ лоллардовъ. Ихъ въ XIV вѣкѣ насчитывали сотни тысячъ и только въ 1400 году Римская курія убѣдила короля Генриха IV Ланкастера преслѣдовать еретиковъ, за что обѣщала королю поддержку въ борьбѣ съ противной партіей. Тогда-то былъ сожженъ священникъ Вильямъ Саутри, послѣдователь Виклефа, первый мученикъ за вѣру въ Англіи. Затѣмъ сожгли портного Джона Вэдби въ присутствіи королевской фамиліи. Этотъ еретикъ говорилъ, что по католическимъ толкованіямъ въ каждомъ полѣ можно найти чуть не 20 тысячъ боговъ. Также погибъ лордъ Кобгэмъ, глава лоллардовъ, называвшій папу антихристомъ. Онъ былъ повѣшенъ, а трупъ его сожженъ. Такимъ образомъ открытый протестъ прошелъ чрезъ всѣ сословія.

Несмотря на эти упорныя гоненія, церковная оппозиція перешла за предѣлы Англіи. Что касается до Франціи, то тамъ послѣдователи Виклефа не могли найти мѣста. Франція не была расположена къ церковному протесту. Здѣсь рыцарство уже 150 лѣтъ назадъ ревностно истребляло провансальскихъ еретиковъ, и, поживившись грабежемъ, скорѣе склонно было душить ересь, чѣмъ покровительствовать реформѣ. Много искренняго сочувствія встрѣтили ученики Виклефа въ Германіи, страдавшей не менѣе Англіи отъ папскаго гнета, а еще большее движеніе произвелъ протестъ въ Чехіи, гдѣ для того была подготовлена почва.

Мы убѣдимся, что начало просвѣтительнаго и религіознаго движенія позднѣйшаго времени надо искать среди славянской народности, подобно тому какъ фактическое начало

оппозиціи противъ Римской Церкви, коренившееся въ ереси альбигойцевъ, исходило изъ среды болгаръ (II, 103).

Чехія послѣ Премыслидовъ.

Предъ нашими глазами даровитое славянское племя изнемогаетъ въ борьбѣ съ германскою стихіею. Напомнимъ факты чешской исторіи. Въ 1306 году со смертью короля Вячеслава III, убитаго въ Польшѣ наемнымъ злодѣемъ во время похода, прекращается въ Чехіи знаменитая династія Премысла, давшая этому государству силу и блескъ. Тогда Чехія не ограничивалась своими настоящими предѣлами, но обнимала бо́льшую часть нынѣшней Австріи. Лишенная національной династіи, Чехія должна была сблизиться съ Германіей и нѣмцы явились на тронѣ ея государей. Тогда-то подъ вліяніемъ императора германскаго чешскимъ королемъ былъ избранъ австрійскій принцъ Рудольфъ хорутанскій. Но чехи не признавали его, а равно и преемника его, Генриха Хорутанскаго. Они выбрали Яна Люксембургскаго, потомство котораго правило въ Чехіи съ 1311 до 1437 года и было невольной причиной паденія чешской народности. Братъ новаго короля былъ женатъ на Елизаветѣ чешской, дочери Вячеслава III; такимъ образомъ династія Премысла была связана съ нѣмецкой. Чешскія сословія при этомъ поставили обязательныя условія новому королю, какъ чужеземцу. Онъ обязывался особою грамотою держать войско въ опредѣленномъ количествѣ, необходимомъ лишь для охраненія границъ; подати поступали ему впредь въ извѣстномъ размѣрѣ и то лишь въ случаѣ замужества королевскихъ дочерей и на издержки по коронаціи; онъ не могъ пользоваться выморочными имуществами и долженъ былъ оберегать права наслѣдованія въ дворянскихъ и рыцарскихъ имѣніяхъ, какъ они были до него; онъ обязывался не допускать иностранцевъ до государственныхъ должностей и даже до пріобрѣтенія и управленія имѣніями въ предѣлахъ королевства. Всѣ эти условія были обязательны и для его преемниковъ. Несмотря на все это, Янъ былъ чуждъ Чехіи. Онъ подвизался на турнирахъ, участвовалъ въ англо-французской войнѣ, носился во всѣхъ концахъ міра, но не зналъ своей страны. Онъ готовъ былъ уступить Чехію баварскому королю за прирейнскія земли. Его сынъ Карлъ, увѣнчанный императорской короной, предпочелъ поддержать былое могущество Чехіи. Нельзя сказать, чтобы онъ былъ поборникъ чешской народности, но онъ былъ на столько самолюбивъ, что, будучи чешскимъ королемъ, считалъ обязанностью поддерживать усыновившее его отечество. Нѣмцы не напрасно называли его

отцемъ Чехіи и вотчимомъ Германіи. Съ цѣлью освободиться отъ нѣмецкаго духовенства, онъ основалъ особое пражское архіепископство съ національною іерархіей.

Пражскій университетъ.

Имъ же былъ основанъ въ 1360 году пражскій университетъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ и славныхъ въ Европѣ. Этотъ фактъ имѣетъ значеніе въ развитіи протеста. Съ открытіемъ университета чехи получили въ немъ высшій авторитетъ въ области умственныхъ вопросовъ и поддержку въ борьбѣ за религію, за національность. Дѣло въ томъ, что пражскій университетъ, по своему географическому положенію, сталъ центромъ умственной жизни не только для чеховъ и окрестныхъ славянъ, но и для нѣмцевъ. Нѣмцы не могли оставить въ славянскихъ рукахъ это сильное орудіе. Они вмѣшивались въ управленіе университетомъ и нѣмецкая національность пріобрѣла право отдѣльнаго голоса. Этотъ голосъ касался не только управленія университетомъ, но также примѣнялся къ студенческимъ дѣламъ. Выборъ профессоровъ опредѣляли магистры, при чемъ было въ обычаѣ голосовать кандидатовъ, но—не отъ лицъ, а отъ національностей, которыхъ было четыре, а именно національности: чешская, саксонская, баварская и польская. Къ польской національности принадлежали и силезцы. Естественно, что три послѣднихъ голоса были всегда противъ четвертаго. Такимъ образомъ задача Карла на практикѣ приняла другой характеръ, и въ университетѣ возобладало нѣмецкое направленіе, тѣмъ болѣе что должность высшаго главы университета, канцлера, всегда соединялась съ архіепископствомъ пражскимъ; канцлеръ же раздавалъ степени магистерскую и докторскую и этимъ путемъ держалъ въ рукахъ всѣ выборы. Чехи были подавлены большинствомъ, благодаря искусной баллотировкѣ, отчего подборъ вліятельныхъ лицъ въ университетѣ былъ на сторонѣ нѣмцевъ. Самоуправляющаяся община учащихъ и учащихся избирала ректора на полгода, а по четыремъ факультетамъ избирали на годъ декановъ, экзаменаторовъ, будущихъ бакалавровъ и учителей, которые также допускались къ преподаванію въ своихъ факультетахъ. Важное значеніе въ развитіи чешской національности имѣло также покровительство Карла славянскимъ монахамъ и проповѣдникамъ. До сихъ поръ въ новой части Праги показываютъ остатки монастыря, въ стѣнахъ котораго было слышно когда-то славянское пѣніе католическихъ молитвъ.

Эмаусскій монастырь.

Эмаусскій монастырь былъ обязанъ своимъ существованіемъ Карлу. Онъ пригласилъ сюда монаховъ изъ славянъ. Надо замѣтить, что эта мѣра не соотвѣтствовала взглядамъ Карла IV. Онъ былъ нѣмецъ, и казалось бы не въ его интересахъ было подерживать славянское богослуженіе. Нѣкоторые изъ русскихъ ученыхъ, а именно Елагинъ, Новиковъ и др. видѣли здѣсь доказательство существованія національнаго направленія чешской Церкви, которая была въ оппозиціи съ Римомъ. Покойный Палацкій, лучшій историкъ чешскій, усматривалъ въ этомъ одну изъ мѣръ католической пропаганды; онъ полагалъ, что такой мѣрою имѣлось въ виду достигнуть уніи между православными славянскими землями и Чехіей. Король домогался будто сближенія Стефана Душана и сербовъ съ чехами. Это предположеніе опирается на слабое основаніе. Если подобная мысль и была у чешскаго короля, то не съ этою цѣлью онъ приглашалъ славянскихъ монаховъ.

Православный обрядъ.

Эмаусскій монастырь, гдѣ молящіеся понимали всю службу, посѣщался массою народа. Скоро онъ сталъ любимымъ храмомъ чеховъ и возбудилъ зависть въ патерахъ Замѣчательно, что папа, разрѣшая основаніе славянскаго католическаго монастыря, самъ проговорился о существованіи православной Церкви въ Чехіи. Самую необходимость открытія монастыря онъ мотивировалъ слѣдующими соображеніями: „Такъ какъ въ Богеміи жители принадлежатъ къ славянской народности и религіи, то существуетъ много схизматиковъ, которые проповѣди на латинскомъ языкѣ слушать не хотятъ, потому не могутъ быть удобно обращаемы въ христіанскую (т. е. въ католическую) вѣру“. Въ силу того проповѣдь на народномъ языкѣ въ своемъ королевствѣ онъ признавалъ настоятельною и полезною. Является вопросъ, кто же были нежелающіе принимать латинскую вѣру? Не были-ли они приверженцы греко-русскаго обряда? Объ этомъ можно говорить гадательно по католическимъ и протестанскимъ памятникамъ. Извѣстно, что христіанство было возвѣщено въ 863 году Меѳодіемъ въ Моравіи (I, 350) по греческому обряду, спустя 40 лѣтъ послѣ крещенія Мойміра. Отсюда проповѣдь была перенесена въ Чехію, гдѣ ее заглушила римская пропаганда. Но уничтожить въ конецъ восточный ритуалъ Римъ не могъ. Реакція стараго обряда проявилась въ обрядѣ причащенія. Въ Чехіи кое-гдѣ причащались подъ двумя ви-

дами, чего не было ни въ одной католической странѣ. Гуситъ Странскій въ 1634 году пишетъ, что въ IX вѣкѣ латиняне насильно вторглись въ Чехію, что до XII вѣка здѣсь были послѣдователи восточнаго обряда, что приверженцы греческой Церкви имѣли іерархію, и что Гусъ слѣдовалъ древнѣйшему обряду. Другой историкъ, Коменскій, говоритъ, что чехи только въ позднѣйшее время усвоили „неистовый" католическій обрядъ и причащеніе подъ однимъ видомъ. Этому введенію новаго обряда способствовали нѣмецкіе богословы, а также и студенты-иностранцы, завлекавшіе своимъ примѣромъ другихъ.

Въ силу этихъ доказательствъ, Гильфердингъ полагалъ, что греческій обрядъ имѣлъ въ Чехіи за собою приверженцевъ, и что ради уніи было допущено славянское богослуженіе. Эмаусскій монастырь имѣлъ много славянскихъ хартій, написанныхъ глаголицей, но большинство ихъ до насъ не дошло, ибо масса памятниковъ была истреблена во время католической реакціи. Вотъ почему мы не знаемъ, былъ ли въ монастырѣ греческій обрядъ. Вообще изложенная теорія можетъ считаться только гипотезой. Странскій говоритъ еще о вліяніи на Чехію вальдензовъ, которые будто очистили обрядъ и затѣмъ въ XIII вѣкѣ не имѣли уже послѣдователей. Вообще чешскіе ученые отвергаютъ православное вліяніе въ Чехіи. Тѣмъ не менѣе нельзя игнорировать русскую теорію, которая, проливая свѣтъ на исторію православія въ Чехіи, объясняетъ въ то же время самые загадочные факты.

Миличъ изъ Кромерижа.

Какъ бы то ни было, публичное чешское національное богослуженіе—было ли оно православное или какое другое—не понравилось римскимъ монахамъ, потому что вь 1347 году, послѣ сооруженія монастыря и допущенія греко-восточнаго обряда, настояли на королевскомъ указѣ, въ силу котораго Римская Церковь объявлена была господствующей и всѣмъ ея ослушникамъ назначалась смертная казнь. Между тѣмъ оппозиція назрѣла и не ограничилась однимъ богослуженіемъ на славянскомъ языкѣ. Это ясно выразилось уже тѣмъ, что, когда обнародованъ былъ этотъ актъ нетерпимости, народился церковный протестъ.

Проповѣдникъ, близкій къ королю, каноникъ Миличъ изъ Кромерижа, вдругъ въ 1363 году покидаетъ придворное мѣсто вмѣстѣ съ богатствомъ, отрекается отъ всего прошлаго, начина-

ётъ проповѣдывать покаяніе, говоритъ, что въ лицѣ императора народился антихристъ, возстаетъ противъ пражскаго архіепископа и даже самого папы. За это Миличъ попалъ въ тюрьму. Онъ аппелируетъ къ Урбану V. Его вызываютъ въ Римъ. Пріѣхавъ въ столицу первосвященника, Миличъ не нашелъ папы. Не желая оправдываться передъ кардиналами, онъ прибиваетъ на дверяхъ собора св. Петра объявленіе о бывшемъ ему божественномъ откровеніи, возвѣщая что антихристъ уже появился и сидитъ въ этомъ храмѣ. Верховный инквизиторъ арестовалъ Милича въ самой церкви и препроводилъ его въ тюрьму къ нищенствующимъ францисканцамъ. Послѣдніе заранѣе торжествовали и предсказывали гибель своего врага. Но съ прибытіемъ Урбана V положеніе Милича улучшилось. Папа немедленно по пріѣздѣ въ Римъ велѣлъ привести его къ себѣ. Неизвѣстно, о чемъ шла рѣчь, но папа кончилъ тѣмъ, что отпустилъ заключеннаго, который не говорилъ болѣе объ антихристѣ. Возвратившись въ Прагу, Миличъ явился отчаяннымъ демагогомъ и разорвалъ связь съ обрядностью. Онъ кормилъ нищихъ, былъ ходатаемъ за бѣдныхъ. Онъ изучилъ нѣмецкій языкъ, чтобы имѣть возможность проповѣдывать по-нѣмецки. Въ короткое время онъ сдѣлалъ то, что впослѣдствіи Савонарола во Флоренціи. Продажныя женщины, тронутыя его пылкими рѣчами, бросали свое ремесло и дѣлались послушницами монастырей. Особенно обрушился Миличъ на нищенствующихъ монаховъ. Тѣ, видя его страшную силу въ городѣ, послали новый доносъ къ папѣ, въ которомъ говорили, что Миличъ снова проповѣдуетъ и объ антихристѣ, и о причащеніи подъ обоими видами, унижаетъ духовныхъ, называетъ грѣховными занятія искусствами, вооружается противъ имущества духовныхъ и толкуетъ о мнимомъ угнетеніи народа.

Миличъ являлся борцемъ столько же противъ папскаго честолюбія, сколько противъ матеріальнаго направленія въ жизни. Папа велѣлъ мѣстному епископу и властямъ принять мѣры и просилъ должнаго содѣйствія у императора Карла IV. Вѣроятно, послѣдній не оказалъ желаемаго содѣйствія, потому собственно, что продолжалъ любить Милича и видѣлъ въ немъ по прежнему преданнаго себѣ человѣка. Такъ какъ Миличъ получилъ право аппелировать къ папѣ, то онъ, игнорируя угрозы, смѣло отправился въ Авиньонъ, гдѣ тогда была резиденція папы. Онъ снова оправдался, но въ Авиньонѣ заболѣлъ и умеръ спокойно, непреслѣдуемый властями. Современные цер-

ковные лѣтописцы проклинаютъ его память, но нѣкоторые болѣе безпристрастные называютъ его святымъ дѣятелемъ, равнымъ апостоламъ. Несомнѣнно, что онъ допускалъ причащеніе подъ обоими видами, sub utraque, и это даетъ основаніе вводить его ученіе въ тѣсную связь съ пропагандой греко-восточнаго культа въ Чехіи. При этомъ Миличъ допускалъ даже ежедневное принятіе св. Таинъ, послѣ надлежащаго покаянія въ грѣхахъ (¹).

Должно замѣтить, что нѣсколько ранѣе—за проповѣдь менѣе смѣлую—погибъ монахъ Конрадъ Вальдгаузенъ, писавшій противъ августинцевъ и доминиканцевъ и обличавшій ихъ за жестокости. Миличъ же умеръ спокойно. Онъ не задѣвалъ церковной іерархіи, не касался католической догматики, но его преслѣдовали потому, что онъ поддерживалъ старый обычай пріобщать мірянъ подъ обоими видами, т. е. отдѣльно хлѣбомъ и отдѣльно виномъ изъ чаши, какъ прежде дѣлалось у всѣхъ христіанъ, а теперь осталось у православныхъ священнослужителей. Духовная оппозиція, навѣянная духомъ Милича, все болѣе крѣпла. Явилось желаніе слушать проповѣдь на родномъ языкѣ, для чего протестанты собирались обыкновенно въ потаенныхъ мѣстахъ. Подъ вліяніемъ проповѣдей Милича и его „libellus de Antichristo“ въ литературѣ возникло обличительное направленіе жизни и нравовъ духовенства.

Матвѣй изъ Янова.

Послѣ Милича выступаетъ на сцену его ученикъ Матвѣй, получившій въ Парижѣ степень магистра. Въ своемъ большомъ богословскомъ сочиненіи „de regulis Veteris et Novi Testamenti“, Матвѣй защищаетъ преимущество св. Писанія противъ церковныхъ преданій и ставитъ Евангеліе превыше всего. Его за это предали инквизиторскому суду за ересь. Но обстоятельства дали ему возможность избѣгнуть дальнѣйшихъ гоненій. Матвѣй служилъ каноникомъ въ пражскомъ соборѣ. Онъ не былъ громкимъ дѣятелемъ и не имѣлъ славы своего знаменитаго ученика. Онъ жилъ внутреннею жизнью и его

(¹) Іезуиты въ родѣ Balbinus исказили біографію Милича, тщательно устраняя всякую связь его ученія съ православіемъ. Новиковъ—Православіе у чеховъ, 57 и слѣд.—Articuli domini Milleczii,—эти 12 положеній, считавшіеся потерянными,—отысканы Палацкимъ (G. von Böhmen; III, 171). Они изложены у Jordan. Die Vorläufer der Husitenthums in Böhmen (L. 1846), 40.

извѣстность заключается въ его богословскихъ трудахъ. Указывая на одновременное папствованіе двухъ первосвященниковъ, Матвѣй видитъ въ этомъ явное попущеніе за грѣхи людей и за проступки католическаго духовенства. Онъ призываетъ народъ къ покаянію, убѣждая мірянъ къ ежедневному причащенію, и непремѣнно подъ обоими видами. Что Матвѣй понималъ значеніе греческой Церкви и обряда, что онъ предпочиталъ послѣднее, это видно изъ его слѣдующихъ словъ: „Первый жезлъ владычества римскаго сокрушился, когда греки отдѣлились отъ Римской Церкви за дарованіе папѣ свѣтской власти; другой— когда франки вмѣстѣ съ другими народами Запада отпали отъ римскаго первосвященника. Тогда-то совершилось окончательное раздѣленіе двухъ Церквей раньше суднаго дня, какъ предсказывалъ апостолъ Павелъ. Всѣ бѣдствія Римской Церкви начались съ того времени, когда папа сталъ раздавать духовныя должности и требовать поклоненія отъ всѣхъ частей Церкви помимо ихъ непосредственныхъ владыкъ; тогда-то совершилось отторженіе грековъ". Не смотря на это Матвѣй, который шелъ далѣе своего учителя и рѣшительнѣе его возставалъ противъ церковной іерархіи, не позволялъ себѣ задѣвать догматическую сторону. Матвѣй страдалъ не столько, сколько можно было ожидать. Онъ спокойно умеръ въ 1394 году [1]. Во всякомъ случаѣ высказанныя имъ мысли, все болѣе и болѣе проникавшія въ народъ, явно выказывали предпочтеніе греко-восточному обряду передъ католическимъ, вслѣдствіе чего заставляли церковныя власти преслѣдовать національное богослуженіе. Мы видѣли, что тѣ, которые допускались къ церковному богослуженію на старо-славянскомъ языкѣ, которые говорили проповѣдь по чешски, рано или поздно задѣвали авторитетъ папы. Потому-то архіепископъ пражскій, всѣ епископы, аббаты и духовныя власти вообще избѣгали чешскихъ проповѣдниковъ. Они распорядились прекратить чешскую проповѣдь.

Янъ изъ Мюльгейма.

Тогда чешскій рыцарь Янъ изъ Мюльгейма въ 1394 году выпросилъ у папы позволеніе выстроить и обезпечить въ Прагѣ особую часовню для проповѣди слова Божія на чешскомъ языкѣ. Въ этой часовнѣ должно было проявиться все оппозиціонное направленіе противъ католическаго культа.

---

[1] Подр. Jordan. Die Vorläufer der Husitenthums; 47 etc.

Одно позднѣйшее протестанское преданіе разсказываетъ, что греческихъ православныхъ проповѣдниковъ изгнали изъ Вышеграда, и что слѣдомъ за ними изъ всѣхъ чешскихъ храмовъ стали выгонять и энертично преслѣдовать исповѣдниковъ греческаго обряда. Ненавистная литература на славянскомъ языкѣ, а равно и проповѣдь могла держаться лишь въ замкахъ магнатовъ, или гдѣ нибудь въ глуши лѣсовъ, куда стекались толпы. Монахи и священники преслѣдовали, грабили людей, подвергали ихъ пыткѣ, уводили въ неволю, бросали въ рудники. До насъ дошла грамота по поводу открытія Виѳлеемской часовни. Въ ней точно указывается цѣль и задача дѣятелей часовни. „Хотя въ Прагѣ, говоритъ папская грамота, много храмовъ, но въ ней нѣтъ церкви, гдѣ бы исключительно раздавалась проповѣдь евангельская. Проповѣдники же, особенно говорящіе на чешскомъ языкѣ, должны скрываться въ глуши домовъ истинно вѣрующихъ, а потому эта часовня устраивается для блага христіанскихъ душъ, дабы христіане могли наслаждаться безпрепятственно пищею духовной“. Какъ патронъ и сторонникъ часовни, Янъ Мюльгеймскій, имѣлъ полное право выбрать по собственному желанію настоятеля. Онъ указалъ на молодого профессора университета, Яна Гуса. Это было въ 1402 году.

А тогда трое папъ, Бонифацій XII, Бенедиктъ XIII, Іоаннъ XXIII, одинъ изъ Авиньона, другой изъ Испаніи, третій изъ Рима—ссорились и пререкались между собой, возбуждая недовѣріе къ самой Церкви, которая была поставлена въ такое положеніе, что не могла найти себѣ главы. Особенно печально было положеніе Германіи.

Король Вячеславъ IV (1363-1419 г.).

Ничего не было ничтожнѣе тогда бездарнаго короля чешскаго, сына Карла IV, Вячеслава IV. Онъ былъ въ одно время и императоромъ и королемъ Чехіи. Единственнымъ отличительнымъ его свойствомъ была страсть къ пьянству. Современники небезосновательно прозвали его этимъ именемъ. Грубый Вячеславъ IV всегда дѣйствовалъ подъ вліяніемъ своихъ низкихъ страстей. Онъ обобралъ въ пражское возстаніе до трехъ тысячъ евреевъ, далъ загрызть охотничьимъ собакамъ свою жену, а доктора правъ Яна изъ Помука, который не призналъ его перваго распоряженія, бросилъ въ Молдаву. Янъ и до сихъ поръ признается всѣмъ чешскимъ народомъ мученикомъ. Подобный король не могъ имѣть никакого значе-

нія. Германія слагалась въ союзы изъ отдѣльныхъ государствъ и городовъ, служа живымъ доказательствомъ упадка духовнаго вліянія. Эти союзы еще болѣе ослабили Германію.

Его императорство (1378-1400 г.) и битва при Земпахѣ въ 1386 г.

Тогда сильнымъ союзомъ былъ швабскій, въ составъ котораго входило 34 города, а послѣ 41. Съ другой стороны образовались рыцарскіе союзы, между которыми не было недостатка въ соперничествѣ. Въ этомъ союзѣ участвовали большіе и малые города, маленькія княжества, союзы городовъ съ рыцарствомъ и т. д. Но интересно было то, что въ эти нѣмецкіе союзы входили города и другихъ государствъ. Такъ напр. сѣверная Швейцарія (II, 483), говорившая нѣмецкимъ языкомъ, благодаря единству, стала впослѣдствіи оказывать давленія на австрійскіе города и тянуть ихъ къ себѣ. Это вызвало негодованіе и мѣры стороны австрійскаго герцога Леопольда, такъ какъ швейцарцы снимали таможни и лишали герцога косвенныхъ доходовъ. Борьба между австрійскими рыцарями и свободными швейцарцами отличалась упорствомъ и отчаяніемъ съ той и другой стороны. Сраженіе произошло при Земпахѣ въ 1386 году. Это былъ военный турниръ, на которомъ былъ рѣшенъ разъ навсегда споръ о превосходствѣ легкаго строя надъ латниками. Въ началѣ рыцари уже торжествовали побѣду, но Арнольдъ Винкельридъ изъ Унтервальдени рѣшился пожертвовать собою для спасенія независимости родины.—„Друзья, я пробью вамъ дорогу, воскликнулъ онъ, кидаясь на копья австрійскихъ всадниковъ; не забудьте жену и дѣтей моихъ!“ Онъ схватилъ устремленныя копья руками и вонзилъ ихъ въ свою грудь. По его трупу прошли швейцарцы, пользуясь роковымъ мгновеніемъ. Тогда произошло смущеніе въ рядахъ австрійцевъ. Бердышъ побѣдилъ мечъ рыцарей. Леопольдъ погибъ, а съ нимъ пало 700 рыцарей. Послѣ битвы подъ Нейфельсомъ, швейцарцы принудили Австрію просить мира въ 1389 году. По этому миру швейцарцы удержали свои завоеванія. Они съ гордостью говорили о побѣжденномъ врагѣ: „Богъ сотворилъ свой судъ надъ рыцарями за ихъ высокомѣріе“.

Рыцарскіе идеалы теперь уже исчезали; благородное сословіе разбойничало. Потому въ Швабіи горожане зачастую казнили рыцарей совершенно законно. Хотя въ 1389 году былъ заключенъ общій земскій миръ въ западной Германіи, но тѣмъ не менѣе тяжело было жить тогда въ Баваріи, Шва-

біи и на верхнемъ Рейнѣ. Въ это время, говорятъ хроники, погибло народу болѣе, чѣмъ въ сотню лѣтъ. Деревенскіе жители отъ дикой разнузданности рыцарей укрывались въ замки и города. Хижины поселянъ опустѣли; жизнь ушла въ города и крѣпости. Все было опустошено огнемъ и мечемъ. На императора Вячеслава или—какъ его называли нѣмцы—Венцеля, никто не обращалъ вниманія. Онъ къ тому же рѣдко бывалъ въ Германіи. Упрямецъ, сумасбродъ, лѣнивый, онъ не имѣлъ никакой политической системы. Онъ дождался того, что его сами чехи посадили въ заключеніе, отъ котораго его освободилъ лишь младшій братъ Іоаннъ. Въ 1400 году Венцель былъ лишенъ наконецъ императорской короны приговоромъ князей. Это былъ актъ свободной воли князей. Тамъ прямо сказано слѣдующее: „Онъ Венцель ничего не сдѣлалъ во время междоусобій, такъ что никто не зналъ, гдѣ искать справедливости и защиты. Всѣ увѣщанія были безполезны и ничего другаго нельзя было заключить какъ то, что императоръ не желаетъ прилагать какихъ бы то ни было попеченій, а потому онъ низводится съ престола, какъ человѣкъ безпечный и вслѣдствіе того недостойный управлять государствомъ". Это первый примѣръ протеста во имя спокойствія, во имя порядка противъ анархіи. Рупрехтъ Пфальцскій былъ выбранъ королемъ римскимъ церковной германской партіей, подъ условіемъ возстановленія имперской власти въ Миланѣ. Вячеславъ IV остался только на чешскомъ престолѣ. Но въ слѣдующемъ году его едва не лишили и чешской короны. Сигизмундъ, его братъ, захвативъ его, возилъ изъ замка въ замокъ, какъ какую нибудь вещь, и привезъ его наконецъ въ Вѣну, гдѣ продержалъ въ заключеніи подъ домашнимъ арестомъ полтора года. Когда одинъ изъ вассаловъ освободилъ Вячеслава, Сигизмундъ опять сдѣлалъ попытку захватить короля, пока наконецъ не удовлетворила его и не отвлекла императорская корона, которую онъ получилъ въ 1410 году и держалъ въ своихъ рукахъ 27 лѣтъ въ самое трудное время. Понятно, что не Вячеславъ призванъ былъ руководить Чехіей въ періодъ предстоящей борьбы. — Вотъ тѣ условія, въ которыхъ находилась Чехія при началѣ великаго религіознаго движенія.

Янъ Гусъ (6 іюля 1369—6 іюля 1415 г.).

Мы говорили о томъ, что церковному протесту въ Чехіи благопріятствовало политическое положеніе этой страны. То

состояніе, въ какомъ находилась тогда Чехія, отсутствіе сильной королевской власти, постоянныя столкновенія съ нѣмцами. все это благопріятствовало появленію церковнаго протеста. Король Вячеславъ IV не пользовался значеніемъ; притомъ, лишенный императорской короны, исполненный столько же ненависти къ папѣ, столько и къ нѣмцамъ,—хотя самъ онъ былъ нѣмцемъ по происхожденію и симпатіямъ,—онъ дѣйствовалъ противъ германскаго авторитета въ Чехіи. Направляемое недовольствомъ и чисто религіозными элементами, національное движеніе въ Чехіи быстро созрѣвало и тѣмъ въ свою очередь взаимно содѣйствовало росту церковнаго протеста. Національное направленіе короля, вторившее духу общественнаго мнѣнія чеховъ, выразилось, между тѣмъ, въ его отношеніи къ пражскому университету, гдѣ высшія должности занимали чехи, а профессоръ Янъ Гусъ, недавно выбранный деканомъ, одно время былъ ректоромъ. При началѣ столкновенія Гусу было около 35 лѣтъ.

Знаменитый поборникъ славянства, Гусъ родился 6 іюля 1369 года въ пограничномъ чешскомъ мѣстечкѣ Гусинцѣ, принадлежавшемъ тогда баварскому герцогу. Это мѣстечко, какъ приписанное къ герцогскому двору, окрестными нѣмцами называлось Haus, что по баварскому произношенію выговаривалось какъ „Hus“. Янъ или Іоаннъ сдѣлалъ изъ названія мѣстечка свое прозвище ([1]). Происхожденіе Гуса мало извѣстно ([2]). Онъ вышелъ вѣроятно изъ крестьянъ или ремесленниковъ и всѣмъ былъ обязанъ самому себѣ. Гусъ началъ свою профессорскую дѣятельность съ 1396 года, когда возведенъ былъ въ мистры (доктора) „свободныхъ наукъ“. Онъ преподавалъ на богословскомъ и философскомъ факультетахъ.

([1]) Современники писали иногда: Ioannes Husinetz, I. de Husenitz, I. de Husin. Самъ реформаторъ подписывался Johannes Hus.

([2]) Источники для исторіи Чехіи въ Scriptores rerum Bohemicarum съ тѣми значительными дополненіями, которыя представилъ Палацкій въ своемъ спеціальномъ изданіи, не вполнѣ законченномъ Archiv Česky Čili staré pismené pemátky Česke i morawske (w. Praze, 29 sw. 1840—73) и ранѣе въ 3 томѣ Scriptores rerum Bohemicarum (Pr. 1829). Позднѣе Höfler издалъ памятники въ Fontes rerum Austriacarum (W. 1865). Непосредственно для Гуса: — латинскія соч. реформатора: Palacky. Documenta mag. I. Hus (Pr. 1869) и чешскія—Erben. Husovy české sebrané spisy (Pr. 3 v. 1865); о послѣднихъ см. статью Воцеля въ Слав. Ежегодникѣ (IV, 298 и слѣд.). Памятники для исторіи гуситскихъ

Въ 1399 году, будучи 30 лѣтъ, онъ сдѣлался священникомъ. Въ семестръ 1401—2 года онъ былъ деканомъ философскаго факультета. Тогда же онъ занялъ важный постъ

войнъ будутъ указаны ниже. Старыя исторія Чехіи въ іезуитскомъ духѣ E. S. Piccolomini (Hist. Boh. 1609) и Balbinus (Epitome, 1677). Классическая исторія Чехіи Палацкаго, только предъ смертію автора переведенная на чешскій языкъ, даетъ обширный матеріалъ для дѣятельности Гуса, при чемъ историкъ склоняется на сторону того мнѣнія, что Гусъ былъ послѣдователемъ Виклефа,—что̀ недавно развилъ Losert. Палацкій въ рѣзкихъ словахъ клеймитъ ту славянофильскую теорію, которая хочетъ видѣть въ Гусѣ приверженца православія, указывая на обрядъ причащенія Гуса подъ обоими видами. Сколько недостаточны доказательства славянофильской теоріи, столько же недостаточны опроверженія Палацкаго. Вѣрнѣе всего что Гусъ, пользуясь матеріаломъ виклефистовъ, сожалѣлъ о раздѣленіи Церквей, что онъ болѣе симпатизировалъ греческой Церкви, неимѣвшей папы, сохранившей причащеніе подъ обоими видами, нежели той Римской Церкви, которая отрѣшилась отъ старыхъ традицій. Много новаго въ трудѣ професссора Томка (томъ II), посвященнаго исторіи Праги, которая будетъ исторіей всей Чехіи, такъ какъ историческая жизнь Чехіи сосредоточена была въ Прагѣ. Здѣсь Томка и слѣдующіе за нимъ изслѣдователи гусизма даютъ очень много важныхъ свѣдѣній, опирающихся на чешскіе архивы. По-русски сжатая статья Томки о Гусѣ въ Слав. Ежегодникѣ 1880 г. (т. IV. 288) изъ т. III «Научнаго Словника»—Для костницкаго собора до сихъ поръ имѣютъ значеніе старыя соч. Lenfant (H du concile de Constance, 1727. H. du concile de Basles et les guerres des Hussites, 1731). Весьма популяренъ трудъ Bonnechose. Les réformateurs avant la Rèforme (2 v. 3 ed. 1845).—Cervenka. G. der evang. Kirihe in Böhmen 1869. Къ той же категоріи: Krummel. G. der böhm. Ref. 1866.—Utraquisten und Taboriten, 1881.—Bezold, König Sigismund und die Reichskriege gegen die Hussiten, 1871. —Zur Gesch. des Hussitenthums, 1874.—Denis. Husse et la guerre des Hussites, 1878.—Losert. Hus und Wicleff, 1884,—по обработкѣ лучшая монографія, но тенденціозная, что видно изъ самаго заглавія; авторъ считаетъ Гуса пропагандистомъ готоваго ученія Виклефа. Послѣднее изсл. H. Haupt. Husitische Propaganda in Deutschland (Hist. Tasch. 1888).—Русская ученая литература также обладаетъ изслѣдованіями о Гусѣ популярными и научными. Таковы статьи о Гусѣ въ изданіи В. А. Бильбасова по поводу юбилея Гуса (Чехъ Янъ Гусъ изъ Гусинца, Пет. 1869 г.), цѣнномъ своими приложеніями, а именно 4 письмами Гуса изъ темницы и статьею самого Лютера по поводу нихъ, пер. рѣдкой брошюры, изд. въ Виттенбергѣ въ 1536 г. въ разгаръ реформаціоннаго движенія и пом. въ соч. Лютера (Fr. 1855, B. LXV). Изданіе Лихачевой (Реформаторы, 1872 г.) пригодно для чтенія въ классахъ. Что касается до трудовъ Гильфердинга въ его Сочиненіяхъ (т. 2) и его отдѣльной брошюры, то мы уже о нихъ упоминали. Весьма солидное значеніе имѣютъ труды

проповѣдника въ Виѳлеемской часовнѣ, что̀ приблизило его ко двору. Онъ прославился своими проповѣдями и былъ приглашенъ королевой Софьей въ ея духовники. Съ октября 1402 по aпрѣль 1403 года онъ былъ ректоромъ университета и тогда же написалъ свой трактатъ „О субстанціаціи". Въ немъ Гусъ высказался за ученіе Виклефа. Надо было имѣть много смѣлости, чтобы въ то время, когда обрушились преслѣдованія на англійскаго богослова, проповѣдывать его ученіе, запрещенное Церковью. Но умственная дѣятельность въ средніе вѣка обусловливалась принадлежностью къ одной изъ философскихъ школъ реалистовъ и номиналистовъ. Споръ шелъ о томъ: существуетъ ли въ идеяхъ что либо реальное, или же эти идеи, представленія, суть только слова, звуки, названія (nomina), какъ думали номиналисты. Но въ предметахъ отвлеченныхъ, интеллектуальныхъ стоило только одной сторонѣ держаться извѣстнаго мнѣнія, какъ другая становилась въ противоположный лагерь по вопросамъ церковнаго характера. Потому, когда чехи заняли высшія должности въ пражскомъ университетѣ, то преобладалъ реализмъ, а нѣмцы, будучи въ оппозиціи, стали придерживаться номинализма. Вмѣстѣ съ реализмомъ въ университетѣ получило широкое развитіе ученіе Виклефа, которое не долюбливали нѣмецкіе профессоры, при всякомъ случаѣ оппонировавшіе изъ національнаго чувства. Но въ концѣ 1403 года ректоромъ университета сталъ нѣмецъ и восторжествовала нѣмецкая партія; тогда усилились нападки на виклефизмъ и въ университетѣ стали требовать удаленія послѣдователей Виклефа. Должно замѣтить, что въ тоже время началась религіозная борьба въ другомъ мѣстѣ, а именно въ Виѳлеемской часовнѣ. Мы говорили, что эта часовня носила не только національный харак-

---

Елагина, «Объ Исторіи Чехіи Палацкаго»—въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древност. Росс. за 1848 годъ», Новикова. «Гусъ и Лютеръ» (М. 1859, 2 ч.) часть котораго была помѣщена въ Русской Бесѣдѣ за 1858 годъ. Труды Гильфердинга, Новикова и Елагина проводятъ связь ученія Гуса съ православіемъ. Сюда же относится статья В. И. Ламанскаго (Видные дѣятели слав. міра въ Слав. Сб. т. III) и Васильева (Причины чешскаго рел. движенія въ Ж. М. Н. П. въ 1876 г.). Срв. изсл. В. К. Надлера (Причины и первыя проявленія оппозиціи католицизму въ Чехіи и въ западной Европѣ. Х. 1864), Клеванова (Ист. чешскаго движенія, 2 т. М. 1876) и Пальмова (Вопросъ о Чашѣ въ гуситскомъ движеніи, Пет. 1881).

теръ, но иногда возвращалась къ старымъ обрядамъ. Сюда Гусъ былъ приглашенъ проповѣдовать, и онъ не только поучалъ здѣсь по-чешски, но и пріобщалъ подъ обоими видами, придерживаясь въ тоже время стараго богослужебнаго обряда. Гусъ, не стѣсняясь въ обличеніи господствовавшаго католическаго духовенства, говорилъ смѣло. Архіепископомъ пражскимъ въ то время былъ кровный чехъ, Збинекъ Заицъ (котораго нѣмцы называли обыкновенно—von Hasenburg). Онъ первое время любезно относился къ Гусу. Заицъ даже просилъ Гуса лично передавать ему письма о всѣхъ отступленіяхъ отъ церковнаго устава, а въ случаѣ отсутствія его и письменно. Но потомъ, когда Гусъ смѣло задѣлъ папство, эти отношенія должны были измѣниться. Отъ архіепископа всегда могло выйти распоряженіе прекратить проповѣдь Гуса и съ тѣмъ вмѣстѣ стѣснить свободу его личности и дѣятельности. Хотя Гусъ сразу высказался за Виклефа, но конечно въ католическомъ храмѣ не отстаивалъ извѣстныхъ статей ученія Виклефа. Поэтому, можно сказать, что церковное движеніе шло изъ университета, являясь вопросъ науки, а не церковной каѳедры. Вотъ почему новые взгляды на католицизмъ, не получивъ прочныхъ корней въ массѣ народа, должны были подчиняться часто чисто случайнымъ условіямъ. Воззванія Гуса относились не къ массѣ народа, а къ ученымъ. Когда нѣмецкая партія въ университетѣ, по предложенію магистра Гюбнера, потребовала удаленія сторонниковъ Виклефа, то Гусъ рѣшился лишь косвенно защищать Виклефа. Онъ говорилъ, что тѣ 45 постановленій, которыя нѣмцы приписываютъ Виклефу, въ сущности не принадлежатъ ему, а суть измышленія и фантазія ихъ самихъ. На самомъ дѣлѣ это была боязнь высказать правду. Гусъ, очевидно, не рѣшился прямо стать на сторону Виклефа. Но не взирая на то, совѣтъ большинствомъ голосовъ опредѣлилъ: „что отнынѣ всякій членъ пражскаго университета долженъ отказаться отъ всѣхъ 45 положеній Виклефа и подъ страхомъ смерти никто не долженъ пропагандировать ученія англійскаго ересіарха“. Это было въ 1403 году. Черезъ пять лѣтъ встрѣчаемъ подтвержденіе этого постановленія. Это доказываетъ, что распространеніе идей Виклефа не прекратилось и что по требовались вторичныя насильственныя мѣры. Но при вторичномъ узаконеніи чешскіе новаторы выиграли въ томъ именно, что оговорили запрещеніи толковать Виклефа лишь не въ ортодоксальномъ смыслѣ.

Тогда-то вмѣшалась мѣстная католическая іерархія. Архіепископъ Заицъ собралъ синодъ, который постановилъ, что всякій, имѣющій какія бы то ни было рукописи Виклефа, обязанъ представить ихъ на разсмотрѣніе духовной цензуры, для изслѣдованія не заключается ли въ нихъ чего либо еретическаго? Дѣло въ томъ, что Римская Церковь осуждала не всѣ сочиненія Виклефа, а лишь только тѣ, на основаніи которыхъ онъ вывелъ свои 45 положеній. Ясно, что такое распоряженіе архіепископа исключало оговорку чеховъ такъ какъ, въ силу ея, допускалось толковать тѣ сочиненія Виклефа, кои не имѣли соблазнительнаго смысла....

Гусъ въ силу этого протестовалъ въ своей часовнѣ противъ рѣшенія синода и въ первый разъ осмѣлился напасть на архіепископа лично. Тогда же въ университетѣ возгорѣлась борьба между чехами и нѣмцами, борьба, движимая патріотическими чувствами и философскими стремленіями. Вопросъ о Виклефѣ смѣшивался съ дѣломъ чешской политической самостоятельности и съ широкими философскими задачами. Въ сущности вопросъ казался такимъ: быть или не быть пражскому университету исключительно чешскимъ? Если онъ будетъ чешскимъ и если удастся выгнать нѣмцевъ, то онъ будетъ опорой для пропаганды идей Виклефа.

Мы говорили, что среди студентовъ и профессоровъ были четыре корпораціи, изъ коихъ одна была чешская, а три съ нѣмецкимъ направленіемъ, что при всѣхъ выборахъ, какъ у студентовъ, такъ и у профессоровъ, голоса подавались не по личностямъ, а по корпораціямъ, вслѣдствіе чего обыкновенно нѣмецкіе кандидаты выигрывали, такъ какъ всегда противъ одного голоса чешскаго было три нѣмецкихъ, ибо такъ называемая польская нація состояла преимущественно изъ урожепцевъ Силезіи, Пруссіи и онѣмеченной славянской Помераніи (Поморье).

Благодаря придворнымъ связямъ, — Гусъ былъ духовникомъ королевы, — въ 1409 году Гусу удалось выхлопотать у короля Вячеслава измѣненія состава корпорацій въ пользу чеховъ. Всѣ нѣмцы отнынѣ составили одну корпорацію, а чехи сложились въ три корпораціи. Теперь дѣло представлялось наоборотъ, ибо три чешскихъ голоса выходило противъ одного нѣмецкаго. Нѣмецкіе профессоры и студенты, конечно, обидѣлись и въ первые дни ушло 2.000 студентовъ, а затѣмъ постепенно выселилось изъ Праги 20.000 человѣкъ. Покидая Прагу,

они старались разнести по всей Европѣ нерасположеніе къ чешской націи и къ ея вождямъ. Тогда-то узнали въ Европѣ впервые про Гуса. Въ томъ положеніи, въ какомъ находилось тогда папство, или точнѣе, трое католическихъ первосвященниковъ,—появленіе смѣлаго реформатора во всякой другой странѣ могло бы навести паническій страхъ на католицизмъ; но чеховъ мало знали и не придавали особеннаго значенія начавшемуся движенію. Когда же въ 1410 году Гусъ въ своей часовнѣ усилилъ нападки на духовенство и папство, то архіепископъ Заецъ не могъ не принять противъ него рѣшительныхъ мѣръ. Говорятъ, что Гусъ сталъ разсказывать съ амвона о порокахъ и дѣяніяхъ католическаго духовенства. Въ жалобахъ, поданныхъ духовенствомъ архіепископу Заецу, значится, что Гусъ не стыдится публично восхвалять еретика Виклефа, что онъ возбуждаетъ народъ противъ лицъ духовнаго званія, чеховъ противъ нѣмцевъ, что онъ открыто-де высказываетъ неуваженіе къ Церкви, а Римъ называетъ мѣстомъ рожденія антихриста. Хотя вслѣдствіе этихъ донесеній Гусу приходилось познакомиться съ пражской инквизиціей, но ему удалось избѣжать наказанія: на этотъ разъ онъ отписался отъ инквизиторовъ. Но папа, по настоянію архіепископа, издалъ буллу, имѣвшую цѣлью искоренить ересь Виклефа. Въ отвѣтъ на это Гусъ аппелировалъ весьма осторожно и почтительно отъ папы, не знающаго положенія дѣлъ въ Чехіи, къ тому папѣ, который будетъ хорошо и обстоятельно съ нимъ ознакомленъ (ad papam melius informandum).

Отлученіе Гуса.

Несмотря на это, отъ Гуса потребовали всѣ рукописи Виклефа, которыя находились у него. Это было исполненіе давнишняго распоряженія, обязывавшаго всѣхъ представлять рукописи Виклефа духовной цензурѣ. По мнѣнію архіепископа всѣ эти рукописи были еретическія и потому ихъ надлежало сжечь. Это была уже явная придирка къ Гусу. Затѣмъ послѣдовало запрещеніе публичной проповѣди во всѣхъ пражскихъ церквахъ. Это уже не могло не отозваться тяжело на всѣхъ сословіяхъ чешскихъ. Ясно, что распоряженіе имѣло въ виду Виѳлеемскую часовню Гуса и чрезъ него народъ лишалъ возможности назиданія и поученія. Прежде всѣхъ за магистра вступился самъ король Вячеславъ. Гусъ, опираясь на раздраженное состояніе народа, прямо жалуется папѣ Іоанну XXIII на пражскаго архіепископа. Заручившись еще прежде поддержкой со стороны римской куріи, архіепи-

скопъ въ отвѣтъ на это 16 іюля 1410 года сжегъ у себя на дворѣ всѣ конфискованныя рукописи Виклефа, въ томъ числѣ и рукописи, принадлежавшія Гусу. Уличивъ такимъ образомъ Гуса въ чтеніи еретическихъ книгъ, черезъ два дня, архіепископъ своею властью отлучилъ его отъ Церкви, оповѣстивъ объ этомъ все епархіальное духовенство. Такимъ образомъ вмѣсто какой либо сдѣлки съ королемъ послѣдовалъ рѣшительный разрывъ, который заставилъ Гуса волей-неволей защищать особые обряды. Разрывъ этотъ разроссся въ озлобленіе противъ латинства и нѣмцевъ; въ силу этого, движеніе гуситовъ приняло національный характеръ. Мало того, это распоряженіе вооружило чешскую націю противъ нѣмецкой. Вотъ причина тѣхъ дальнѣйшихъ явленій и той упорной національной борьбы, которой ознаменовалась чешская исторія первой половины XV вѣка.

По прежнимъ примѣрамъ за отлученіемъ слѣдовали инквизиціонные розыски, затѣмъ и казнь; тоже угрожало и Гусу; этого ожидали въ тотъ самый день, когда архіепископъ отлучилъ его. Гусъ однако не оробѣлъ, а поддерживаемый королевскимъ дворомъ, по прежнему открыто проповѣдовалъ въ часовнѣ, не обращая вниманія на архіепископа; онъ на университетскомъ актѣ говоритъ рѣчь въ защиту ученія Виклефа о Святой Троицѣ. Между тѣмъ Гуса, по причинѣ отлученія, потребовали къ папѣ въ Римъ для допроса: король былъ обиженъ этимъ. Каждый рѣшительный шагъ католической іерархіи возстановлялъ и его. Король писалъ папѣ, что несогласно съ личнымъ достоинствомъ короля отправить на судъ чужеземцамъ своего вѣрнаго слугу и духовника королевы.

Въ это время скончался архіепископъ Заицъ, а новый папа Іоаннъ XXIII воззвалъ за помощію къ государямъ и разослалъ со сборщиками за деньгами индульгенціи во всѣ католическія страны. Вотъ два обстоятельства, которыя дали отдохнуть Гусу. Скоро сборщикъ итальянецъ съ индульгенціями появился въ Прагѣ. Онъ привезъ съ собой двѣ папскихъ буллы; въ одной изъ нихъ провозглашалось отлученіе короля неаполитанскаго и всѣхъ потомковъ его до четвертаго колѣна, а въ другой граждане приглашались къ участію лично или посредствомъ денежныхъ пожертвованій въ крестовомъ походѣ, который папа хотѣлъ предпринять противъ врага своего Владислава, короля неаполитанскаго. Гусъ обрушился на монаха сперва съ насмѣшкой, а потомъ съ накипѣв-

шей на гонителей ненавистью. Гусъ выставилъ дѣло въ настоящемъ свѣтѣ. Онъ назвалъ сбытъ индульгенцій обманомъ; мало того, онъ сталъ говорить языкомъ Арнольда Брешіанскаго и Виклефа. „Если папа, восклицалъ онъ, хочетъ побѣдить своихъ недруговъ, то пусть слѣдуетъ примѣру Христа, пусть молится за враговъ своихъ, пусть благословляетъ проклинающихъ его; тогда Богъ дастъ ему такой языкъ и мудрость, противъ которыхъ не въ силахъ будутъ устоять враги". Но, не ограничившись этимъ, Гусъ, по тогдашнему обычаю, предложилъ диспутъ съ легатомъ папы. Диспутъ этотъ состоялся съ большимъ успѣхомъ для Гуса; рядомъ съ нимъ выступилъ и его ученикъ Іеронимъ Пражскій. Имъ обоимъ предстояла одинаковая участь. Увлеченные горячими рѣчами, особенно Іеронима, пражскіе студенты сожгли обѣ папскія буллы. Этимъ обнаружился полный разрывъ въ господствовавшей Церкви, а вмѣстѣ съ тѣмъ вражда чеховъ съ нѣмцами.

Когда чешскіе студенты въ Прагѣ рѣшились на такой смѣлый шагъ, движеніе обнаружилось не въ однихъ церковныхъ предѣлахъ. Этимъ въ одинаковой степени затрогивались интересы чешской національности: шелъ вопросъ о преобладаніи чешскаго національнаго элемента надъ чужеземнымъ германскимъ. Уже прежде проявлялась борьба между чехами и нѣмцами; теперь же въ виду обострившагося религіознаго раздора партій, нѣмцы сказались ревностными партизанами католическихъ традицій, а чешскіе патріоты и новаторы встали за Гуса. Но тогда и въ университетѣ и въ городскомъ управленіи преобладали нѣмцы. Такъ какъ честолюбіе заставляло дѣйствовать въ интересахъ партій, то религіозному движенію не доставало на этотъ разъ необходимаго для него — искренности и энтузіазма, а безъ энтузіазма не назрѣваетъ реформа, потому что только увлеченіе даетъ твердость, необходимую для преобразованій въ вопросахъ религіозныхъ. Когда папа отлучилъ Гуса, то нѣмцы, засѣдавшіе въ ратушѣ, рѣшили взять еретика силой изъ Виѳлеемской часовни во время проповѣди. Конечно, имъ это не удалось; они задумали тогда разрушить часовню. Гусъ узналъ объ этомъ. „Вотъ образчикъ нѣмецкой наглости, писалъ онъ по этому поводу; другіе бы, не посмѣли сломать печь у сосѣда безъ королевскаго приказа, а они дерзнули покуситься на храмъ Господень".

Когда одна опасность была устранена, то появились болѣе угрожающіе симптомы. Въ 1411 году архіепископъ пріостановилъ богослуженіе и наложилъ интердиктъ на всю Прагу, за то, что Гусъ, вопреки повелѣнію, не покидалъ города и, какъ отлученный, оскверняль Прагу своимъ присутствіемъ. Интердиктъ на этотъ разъ сопровождался обыкновенными въ подобныхъ случаяхъ явленіями. Тогда новый римскій король Сигизмундъ прибылъ въ Прагу навѣстить своего брата, короля Вячеслава. Архіепископъ, доложивъ Сигизмунду о положеніи дѣлъ, предоставилъ ему быть третейскимъ судьею. Будущій императоръ понималъ, но чувство сердечной религіозности было слишкомъ сильно, чтобы можно было отказать массѣ въ исполненіи необходимыхъ для нея религіозныхъ обрядовъ. Въ свою очередь единомышленники Гуса не могли выносить долѣе этой кары, этого отчужденія отъ религіозныхъ потребностей, ради увлеченія и образа мыслей отступника. Гусъ сознавалъ, что онъ причина этого угнетеннаго состоянія народа; тогда онъ аппелировалъ на папу земнаго истинной главѣ Церкви, Іисусу Христу, и по личной просьбѣ короля удалился изъ города, чтобы этою жертвою облегчить положеніе своихъ соотечественниковъ. Съ его отсутствіемъ интердиктъ былъ снятъ съ города. Гусъ въ декабрѣ 1412 года переѣхалъ изъ Праги въ Козій городокъ. Тутъ въ уединеніи онъ написалъ свой трактатъ о „Церкви", въ которомъ выразился, что папа считающій себя главой единой, т. е. Римской Церкви, не имѣетъ ничего общаго съ каѳолическою, истинной Церковью, ибо таковую составляетъ только общество лицъ достойныхъ. „Кто не вѣритъ должнымъ образомъ, тотъ не можетъ быть въ истинной Церкви: папа не вѣритъ, слѣдовательно онъ не можетъ быть въ ней. Отпавши отъ вѣры, онъ самъ отлучаетъ себя отъ Церкви, и никто не обязанъ повиноваться обнародованному имъ отлученію". Это опять таки не новость въ исторіи церковнаго протеста. Подобное же говорилъ не только Виклефъ въ Англіи, но еще ранѣе альбигойцевъ—Генрихъ, Петръ де-Брюи во Франціи. Въ силу таковой теоріи простой священникъ становился рядомъ съ папой, а истиннымъ источникомъ познанія христіанскихъ истинъ признавалось только св. Писаніе. Но этотъ кличъ не встрѣтилъ поддержки въ пражскомъ университетѣ. Новый архіепископъ Конрадъ фонъ-Фехтеръ воспользовался такимъ настроеніемъ и сталъ принимать строгія мѣры противъ Гуса.

Іеронимъ Пражскій.

Однимъ изъ рѣшительныхъ приверженцевъ и сотрудниковъ Гуса по диспуту былъ Іеронимъ пражскій; онъ только вернулся изъ путешествія въ Литву и Русь. Онъ былъ въ свитѣ литовскаго князя Витовта и вмѣстѣ съ послѣднимъ посѣтилъ Витебскъ при тожественной обстановкѣ. Это было въ апрѣлѣ 1413 года. О путешествіи молодаго Іеронима,— у котораго было очень много общаго съ Гусомъ, и который былъ еще страстнѣе и энергичнѣе Яна,—впослѣдствіи инквизиторъ на Костницкомъ соборѣ при обвиненіи говорилъ слѣдующее: „Когда витебскіе францисканцы, докладывалъ инквизиторъ, вышли на встрѣчу литовскому князю Витовту, а съ ними рядомъ—схизматики, т. е. русскіе священники и монахи, съ ихъ превратными мощами и иконами, то Іеронимъ, презрѣвши католическое духовенство, подошелъ къ процессіи русскихъ схизматиковъ и преклонилъ колѣна“. Надо замѣтить, что въ Витебскѣ католическихъ церквей и монастырей было несравненно больше чѣмъ православныхъ, но большинство населенія тѣмъ не менѣе было греко-восточнаго исповѣданія; чешскій священникъ не стѣснился публично, по словамъ инквизитора, оказать сочувствіе православію. „Въ присутствіи 5000 людей обоего пола, продолжалъ инквизиторъ далѣе, Іеронимъ сталъ покланяться превратнымъ мощамъ и образамъ схизматиковъ, явно и публично обращаясь къ сектѣ тѣхъ невѣрныхъ схизматиковъ, нисколько не отвращаясь отъ исповѣданія тѣхъ лживыхъ христіанъ. И послѣ, въ бытность въ Витебскѣ, онъ утверждалъ, что означенная секта русскихъ схизматиковъ и ихъ вѣра будетъ и есть самая совершенная. Онъ гласно и публично старался отвратить князя Витовта отъ католичества, къ которому его склоняли католическіе монахи и будто только онъ убѣдилъ его оставаться въ восточной вѣрѣ. Виленскій епископъ отечески увѣщевалъ его, но онъ пребылъ въ своихъ заблужденіяхъ, одобряя вѣру русскихъ. Затѣмъ онъ посѣтилъ Плесковъ (т. е. Псковъ), который лежитъ недалеко отъ Витебска, и вступилъ въ церковь или синагогу русскихъ во время службы для поклоненія ихъ превратнымъ таинствамъ. И тотъ же Іеронимъ, въ присутствіи нѣсколькихъ католиковъ, тамъ стоявшихъ, пренебрегая ключами св. Петра и явно поругая вѣру истинную, т. е. католическую, опять преклонивъ колѣна, повергался тамъ ницъ предъ мнимыми Дарами схизматиковъ явно, публично и гласно. Уподобляясь русскимъ въ обычаѣ, такъ же какъ и въ вѣрѣ, онъ, по обряду тѣхъ невѣрныхъ,

отпустилъ себѣ длинную бороду и волосы, отринувъ одѣяніе и тонзуру католическихъ клириковъ". Какъ бы ни былъ преувеличенъ этотъ разсказъ инквизитора, все-таки по существу онъ остается неопровержимымъ — Іеронимъ симпатизировалъ греческому обряду и греческой вѣрѣ. И въ послѣдствіи на Костницкомъ соборѣ, подъ страшными пытками, предъ костромъ, онъ не отпирался отъ существенныхъ фактовъ выставленныхъ обвиненіемъ.

По возвращеніи въ Прагу, Іеронимъ явился публично защитникомъ греческихъ обрядовъ. Онъ сталъ дѣйствовать единодушно вмѣстѣ съ своимъ другомъ и учителемъ Гусомъ. Услыхавъ теперь отъ самого путешественника о строгомъ характерѣ и обрядахъ русскихъ христіанъ, Гусъ получилъ новый взглядъ на дѣло, доселѣ незнакомое. Гусъ по всему вѣроятію одобрилъ поступокъ своего ученика, такъ какъ тогда же написалъ возраженіе одному вѣнскому профессору, нападавшему на восточное православіе и обличавшему Іеронима въ ренегатствѣ.

Посланіе Гуса. Въ этомъ письмѣ Гусъ открыто защищаетъ восточное православіе. Это почти единственное мѣсто, на которое могла бы опереться русско-славянофильская теорія, желающая видѣть въ Гусѣ борца за греко-восточные обряды, за восточное православіе.

„Мало того, пишетъ Гусъ, что ты хотѣлъ внезапно уязвить Іеронима, величайшаго борца, ты осмѣлился коснуться величайшихъ общинъ (communitates maximas). Тебѣ мало было Богеміи. Съ дьявольскою наглостью ты въ своихъ упражненіяхъ дерзнулъ обвинять въ ереси цѣлое царство славянъ (Slavorum regnum), и я полагаю лживо, по невѣжеству, присущему тебѣ". Здѣсь, конечно, подъ именемъ „Славянскаго царства" разумѣется Россія.—Дальнѣйшаго вліянія на Гуса восточное православіе врядъ-ли имѣло.

Скоро послѣ бесѣды съ Іеронимомъ о восточныхъ христіанахъ, Гусу пришлось разстаться съ своимъ другомъ [1]. Гуса лѣтомъ 1414 года вызвали въ Костницъ, гдѣ собрался блестящій соборъ по церковнымъ дѣламъ. Іеронимъ обѣщалъ

---

(1) Это было вѣроятно въ имѣніи Раковницкѣ, Генриха Лефле Лажанскаго, къ которому переселился Гусъ изъ Козьяго Городка, по смерти своего покровителя Яна Старшаго Устьинскаго.

отправиться слѣдомъ за нимъ. Онъ дѣйствительно поѣхалъ; но друзьямъ болѣе уже не удалось свидѣться. Бесѣда о положеніи Церкви на Востокѣ, объ обычаяхъ церковныхъ, слагавшихся въ обширномъ восточномъ царствѣ, о бóльшей чистотѣ Восточной Церкви, въ коей тщательнѣе хранились апостольскія преданія,—была послѣднею бесѣдою Гуса съ Іеронимомъ.

Приглашеніе Гуса на соборъ.

Теперь доказано, что на соборъ вызвалъ Гуса самъ римскій король. Сигизмундъ заранѣе предрѣшилъ предательство. Рядъ документовъ свидѣтельствуетъ объ этомъ. Можетъ быть Сигизмундомъ руководила вражда къ брату, который поддерживалъ Гуса, и который два раза ускользнулъ изъ его рукъ, удержавшись на чешскомъ престолѣ,—а можетъ быть готовность пожертвовать Гусомъ за тѣ мірскія выгоды, которыя предлагала ему высшая католическая іерархія. Выдача Гуса, успокоеніе Чехіи въ религіозномъ смыслѣ, обѣщало Сигизмунду не только корону чешскую, но самую корону Священной имперіи изъ рукъ избирателей курфюрстовъ и папы. Во всякомъ случаѣ мысль вызвать Гуса въ Костницъ и передать его непосредственно собору принадлежала самому Сигизмунду, а Гусъ вѣрилъ искренности римскаго короля. Доказательствомъ служитъ письмо Гуса къ Сигизмунду. Гусъ просилъ, чтобы ему позволено было публично излагать свои мысли и взгляды.—„Такъ какъ я, говорилъ онъ, ничему не училъ въ тайнѣ, то и желаю высказать все не тайно, не секретно, а въ публичномъ засѣданіи собора; проповѣдовать и отвѣчать я хочу такъ, какъ повелитъ мнѣ Духъ Святый“. Но слѣдомъ за тѣмъ въ душѣ Гуса появлялось сомнѣніе, которое омрачало иногда его настроеніе. Онъ точно предчувствовалъ мученическую смерть и изъявлялъ готовность пострадать за истинную заповѣдь Христову. Онъ прибылъ изъ своего уединенія въ Прагу, чтобы развѣдать о настроеніи здѣшняго духовенства. Онъ хотѣлъ оправдаться передъ пражскимъ національнымъ синодомъ, но здѣсь отказались выслушать его, хотя пражскій инквизиторъ далъ удостовѣреніе, что Гусъ постоянно въ своихъ рѣчахъ оставался добрымъ католикомъ, никогда не высказывалъ ничего новаго, ложнаго, худого и подозрительнаго противъ католической Церкви. Казалось, что могло быть болѣе удовлетворительнымъ доказательствомъ свидѣтельства, которое даетъ блюститель католицизма во всей странѣ, т. е. римскій иквизиторъ человѣку, подозрѣваемому

почему-то въ реформаторствѣ? Заручившись этимъ документомъ, Гусъ могъ разсчитывать по крайней мѣрѣ на то, что его выслушаютъ когда нибудь. Онъ не вѣрилъ злымъ и мрачнымъ предсказаніямъ: говорили, что его пражскіе враги подкупаютъ кардинала и сами спѣшатъ на соборъ въ Костницъ, запасшись лжесвидѣтельствами; но въ тоже время было извѣстно, что Сигизмундъ по убѣжденію чешскихъ магнатовъ согласился дать Гусу охранную грамоту. Дѣйствительно король римскій выдалъ просимый охранный листъ. Въ немъ говорится, что Гусъ берется подъ защиту Священной имперіи, что онъ можетъ жить въ Костницѣ и возвратиться оттуда свободно, причемъ для конвоя его и сопровождающихъ его лицъ предписывалось давать проводниковъ, „ради чести и уваженія къ Его Величеству“.

Клерикальные историки толкуютъ, что грамота относилась только къ путешествію Гуса туда и обратно, а не касалась пребыванія его въ Костницѣ, и что, слѣдовательно, если его и сожгли тамъ, то это не вина Сигизмунда который ручался только, что онъ проѣдетъ безопасно туда и обратно. Между тѣмъ въ грамотѣ говорится, „что Гусъ берется подъ охрану не одного императора и всей Священной Имперіи Римской, но и подъ охрану закона. „Въ ней было упомянуто не только о путешествіи туда и обратно, но и о безопасномъ пребываніи въ Костницѣ. Многіе ученики Гуса высказывали опасеніе за судьбу учителя Чехіи: „Господь да направитъ стопы твои, любезный учитель; но едва-ли ты уцѣлѣешь въ Костницѣ. Тогда да сохранитъ тебя Господь на служеніе тому истинному ученію, которое ты всегда высказывалъ, и которому ты всегда насъ наставлялъ“. Такъ говорилъ одинъ изъ его учениковъ. Самъ Гусъ, наконецъ, перестал довѣрять искренности приглашенія, хотя не могъ отказаться отъ даннаго имъ ранѣе обѣщанія.

Гусъ составилъ завѣщаніе предъ отъѣздомъ. Въ послѣдніе дни онъ прибилъ къ дверямъ церквей и монастырей пражскихъ вызовъ къ публичному диспуту на соборѣ, чтобы тѣмъ торжественнѣе доказать чистоту своего ученія. Весьма убѣжденно онъ желалъ связать свое дѣло съ судьбами всей Чехіи, предполагая сдѣлать изъ церковнаго вопроса вопросъ національный; потому онъ приглашалъ соотечественниковъ быть свидѣтелями диспута въ Костницѣ, такъ какъ для него была важна поддержка со стороны архіепископа. Но Конрадъ фонъ-Фехтеръ не допу-

стилъ его до объясненій, какъ отлученнаго, хотя и заявилъ, подобно инквизитору, что не знаетъ за нимъ никакой особенной ереси. Мы говорили, что о томъ же заявлялъ пражскій инквизиторъ, который далъ даже Гусу формальный документъ, удостовѣрявшій что и „въ рѣчахъ своихъ Гусъ поступалъ согласно съ католической вѣрой“. Въ этомъ документѣ видимъ не одно только намѣренное желаніе инквизитора идти въ разрѣзъ съ мѣстнымъ духовенствомъ. Вѣрнѣе всего, что Гусъ въ это время не высказывалъ ничего подозрительнаго не только въ области догматики, но и въ отношеніи обрядовъ, и что съ нимъ совершенно примирилась мѣстная іерархія, но тѣ, которые стояли во главѣ собора, не могли простить Гусу того, что онъ позволилъ себѣ когда-то вооружиться противъ индульгенцій. Индульгенціи были опорой римской куріи; безъ нихъ папа никогда не могъ удерживать свѣтскую власть; пока папы располагали индульгенціями, до тѣхъ поръ они были государями. Папы прощали нарушеніе обрядовъ, преданій, вѣры, но никогда не прощали покушенія на ихъ свѣтскую власть.

Во всякомъ случаѣ, Гусу грозила плачевная участь за его смѣлый протестъ какъ относительно свѣтской власти папы, такъ и относительно индульгенцій.

Когда онъ уѣзжалъ изъ Праги, то всѣ были убѣждены въ его ортодоксальности. Предъ отправленіемъ въ Костницъ, Гусъ, самъ такъ сильно и усердно хлопотавшій о своемъ оправданіи, былъ одушевленъ самыми примирительными намѣреніями. Его путешествіе было рядомъ торжествъ и овацій, онъ вездѣ вызывалъ желающихъ съ нимъ состязаться; толпы выходили къ нему на встрѣчу; въ городѣ Нюренбергѣ была особенно трогательная встрѣча. Всѣ удивлялись, начиная съ мѣстнаго епископа, кончая послѣднимъ прихожаниномъ, судилищу собравшемуся въ Костницѣ. Такъ безупречно было его исповѣданіе, какъ католика. Тѣмъ болѣе казалось было странно, что дѣло Гуса будетъ поставлено рядомъ съ папскимъ.

На соборѣ, созванномъ въ 1414 году въ Костницѣ, должно было установить поколебавшійся папскій престолъ. Потому можно было ожидать, что Іоаннъ XXIII будетъ возсѣдать не въ качествѣ первосвященника, а на скамьѣ подсудимыхъ. Въ Костницѣ съѣхалось больше 100 тысячъ иностранцевъ, которые едва могли размѣститься въ небольшомъ городѣ, теперь мало посѣщаемомъ, расположенномъ въ прелестной мѣстности на берегу Боденскаго озера. Тутъ съѣхались всѣ

курфюрсты, 700 рыцарей, князья, графы, послы всѣхъ державъ, 4 патріарха, 29 кардиналовъ, 47 архіепископовъ, 160 епископовъ, 700 аббатовъ. Іоаннъ XXIII пріѣхалъ послѣ всѣхъ. Гуса еще не было. Точно сознавая, что на него а не на папу обращены будутъ взоры всего собора, Гусъ прибылъ послѣдній. Съ его пріѣздомъ засѣданія открылись.

Прибытіе Гуса въ Костницъ и арестъ его.

По просьбѣ друзей и сторонниковъ Гуса, папа въ первые дни обѣщалъ даже защищать Яна, въ виду охранной грамоты, данной Сигизмундомъ.—„Еслибы Гусъ убилъ моего роднаго брата, сказалъ Іоннъ XXIII, то я тогда бы не позволилъ никому причинить ему ни малѣйшей обиды“. Эти слова были сказаны одному чешскому пану, который хлопоталъ за Гуса. Но когда папа почуствовалъ личную опасность, то рѣшился пожертвовать Гусомъ для своего спасенія. Въ Костницѣ Гусъ написалъ свое знаменитое сочиненіе: De sanguine Christi, sub specie vini a laicis sumendo т. е. „о Крови Христовой, принимаемой мірянами подъ видомъ вина“. Когда одинъ экземпляръ этого сочиненія проникъ въ Прагу, то тамъ многіе стали публично совершать причащеніе подъ обоими видами, вопреки католическому обряду и согласно съ обычаемъ апостольскихъ временъ. Появленіе этого трактата дало оружіе личнымъ врагамъ Гуса. Къ числу наиболѣе опасныхъ изъ нихъ принадлежалъ бывшій продавецъ индульгенцій, Вячеславъ Тимъ. Онъ имѣлъ сильное вліяніе на членовъ собора. Послѣдніе, по его усиленному настоянію, потребовали отъ чешскаго новатора отреченія. Опять раздались обвиненія Гуса въ ереси и стали распространяться несправедливые слухи о томъ, что онъ сперва открыто проповѣдывалъ даже въ Костницѣ въ еретическомъ смыслѣ, а потомъ испугался и сдѣлалъ попытку бѣжать. Ни того, ни другого не было ([1]). Сперва Гусъ не соглашался идти за Костницкимъ бургомистромъ и двумя посланными епископами, требовавшими, чтобы каноникъ немедленно явился предъ папой и кардиналами. Онъ отвѣчалъ, что пріѣхалъ на соборъ, а не къ кардиналамъ. Однако онъ долженъ былъ уступить настояніямъ посланныхъ, которые, конечно, могли бы поддержать свое требованіе силой. Такъ какъ Сигизмунда еще не было, то гости хотѣли ознаменовать свой пріѣздъ какимъ нибудь гром-

([1]) Это разъяснилъ Палацкій въ своей «Исторіи» т. III, ч. I.

кимъ, торжественнымъ дѣломъ. Магистръ Джерардо, одинъ изъ знаменитѣйшихъ богослововъ Ломбардіи и провинціалъ ордена миноритовъ, притворившись простымъ францисканскимъ монахомъ, хотѣлъ было сбить Гуса, но потерпѣлъ пораженіе. Но это не спасло Гуса. Его задержали и отправили въ домъ одного соборнаго пѣвчаго. Рыцарь Янъ изъ Хлума, по настоянію котораго Сигизмундъ далъ охранную грамоту, а папа обѣщалъ неприкосновенность Гуса, бросился къ папѣ и сталъ уличать его въ нарушеніи слова. Іоаннъ отговаривался тѣмъ, что онъ въ этомъ дѣлѣ не причемъ, что ему навязали попеченіе о Гусѣ. Такая наивность папы была притворная. По этому поводу справедливо замѣчаетъ старый біографъ Гуса: „папа Іоаннъ, справедливо опасаясь лишенія сана, хотѣлъ предательствомъ праведника подслужиться къ предателямъ, къ епископамъ и кардиналамъ“. Судьба Гуса была рѣшена на соборѣ заранѣе.

Сигизмундъ узналъ объ арестѣ Гуса на дорогѣ въ Костницъ. Онъ сначала было возмутился, но потомъ разсчелъ примкнуть къ духовной іерархіи, отъ которой самъ много зависѣлъ. Напрасно рыцарь Янъ возлагалъ надежды на Сигизмунда. Черезъ 8 дней Гуса отвели въ доминиканскій монастырь, расположенный на берегу Рейна, нынѣ обращенный въ блестящій отель. Здѣсь и теперь показываютъ въ нижнемъ этажѣ яму, окруженную рѣшеткой, гдѣ сидѣлъ Гусъ въ холодную зиму 1414 года. Та церковь, въ которую водили Гуса для допросовъ, въ настоящее время оглашается веселыми голосами пирующихъ путешественниковъ и обращена въ столовую гостинницы. Доминиканцы всегда считали себя защитниками вѣры; изъ нихъ выбирались инквизиторы, и потому они не хотѣли выпустить Гуса изъ своихъ рукъ.

Обвиненія Гуса.

Обвиненіе началось съ восьми статей, представленныхъ пражскимъ духовенствомъ. Въ первой статьѣ говорилось о причащеніи мірянъ подъ обоими видами. При этомъ предъявлено было обвиненіе будто бы Гусъ училъ, что хлѣбъ, даже по освященіи его на престолѣ, по прежнему остается вещественнымъ. Это была главная статья обвиненія. Второй тезисъ гласилъ, что служители Церкви, по мнѣнію Гуса, не могутъ совершать таинствъ и низводить благодать, если повинны въ смертномъ грѣхѣ; и что наоборотъ міряне могутъ вязать и рѣшить по произволу, если только не совершили смертнаго грѣха.

Этому давно слѣдовали ученики Гуса въ Прагѣ, которые собственными руками снимали съ престола дары и пріобщали себя, когда находились подъ запрещеніемъ. Далѣе (въ 3-мъ): Гусъ отвергаетъ значеніе Церкви въ смыслѣ папы, кардиналовъ, епископовъ и духовенства, имъ подчиненнаго, и утверждаетъ, что Церковь не должна владѣть временными имуществами, которыя составляютъ собственность исключительно свѣтской власти. Прибавляли, что будто бы въ силу этого ученія Гуса, въ Чехіи уже давно разграблялись церкви. (Въ 4-мъ) Гусъ не признаетъ степеней въ церковной іерархіи и отрицаетъ необходимость папскаго сана. (Въ 5-мъ) Гусъ отрицаетъ у представителей Церкви право разрѣшать отъ грѣховъ и отлучать отъ Церкви тѣхъ, кои находятся въ смертномъ грѣхѣ. (Въ 6-мъ) Гусъ пренебрегаетъ церковными отлученіями и не подчиняется имъ, что онъ доказалъ самъ, неоднократно преступая папскія буллы. (Въ 7-мъ) Гусъ не соблюдаетъ постановленій Церкви объ инвеститурѣ, приписывая всякому право облекать въ священство для спасенія душъ. (Въ 8-мъ) Гусъ говоритъ, что однажды посвященные въ діаконы или пресвитеры, никакой церковной властью не могутъ быть устранены отъ проповѣди. Послѣднее обвиненіе было совершенно неосновательно, такъ какъ Гусъ никогда не раздѣлялъ подобнаго мнѣнія.—Однимъ словомъ, Церковь сочла еретикомъ католическаго богослова, который позволилъ себѣ отрицаніе папскаго авторитета и потребовалъ отъ Церкви возвращенія къ старому обычаю причащенія мірянъ подъ обоими видами. Гуса обвиняли также въ удаленіи нѣмецкихъ студентовъ изъ Праги, а равно въ томъ, что онъ защищалъ 45 положеній Виклефа, что оскорблялъ католическое духовенство въ Прагѣ и давалъ свѣтскимъ властителямъ коварные совѣты объ отнятіи у духовенства церковныхъ имуществъ и десятинъ. Все это говорили тѣ, которые нѣкогда были сторонниками Гуса.

Нѣтъ враговъ болѣе непримиримыхъ, чѣмъ прежніе друзья. Таковъ былъ Палечъ, прежній виклефистъ и сторонникъ Гуса. Онъ былъ редакторомъ всѣхъ этихъ обвиненій. Не наблюдается ли здѣсь тотъ же раздоръ, тотъ же духъ партикуляризма, который повсюду встрѣчается въ славянской исторіи?

Судъ. Послѣ обвиненія соборъ назначилъ комиссію изъ Константинопольскаго патріарха и двухъ епископовъ для слѣдствія надъ Гусомъ. Ждали прибытія Сигизмунда. Онъ при-

ѣхалъ предъ Рождествомъ и въ первое время было вступился за Гуса. Но скоро онъ перемѣнился. Матеріальныя соображенія въ немъ взяли верхъ надъ чувствомъ долга и чести. Сигизмундъ самъ объясняетъ въ своихъ письмахъ свое поведеніе относительно Гуса. — „Богъ видитъ, какъ терзала меня участь Гуса, пишетъ король, но иначе быть не могло. Всѣ присутствующіе чехи—свидѣтели, какъ ходатайствовалъ я за него, какъ я неоднократно во гнѣвѣ выходилъ изъ засѣданій и даже грозилъ выѣхать изъ города; но мнѣ грозили распущеніемъ собора, и я разсудилъ, что мнѣ нечего дѣлать. Скажи я въ пользу его еще одно слово, соборъ разошелся бы немедленно“. Вотъ мотивъ, которымъ хотѣлъ оправдаться предъ историками будущій императоръ.

Тезисы Гуса.

Сигизмунду внушили мысль, что онъ не обязанъ держать слово, данное имъ Гусу, что только соборъ можетъ дать какія либо гарантіи еретику, но не свѣтская власть. Соборъ просилъ короля представить ему право безусловнаго распоряженія участью еретика. Сигизмундъ уступилъ и отказался отъ прежняго своего образа дѣйствій. Онъ постановилъ только одно условіе, чтобъ Гуса судили полнымъ и публичнымъ засѣданіемъ собора. Изъ тюрьмы Гусъ имѣлъ возможность писать своимъ друзьямъ. Сохранилось 14 его писемъ. Они служатъ источникомъ для изученія его внутренней жизни въ эти тяжелыя для него минуты. Еще прежде слѣдственной комиссіи Гусъ аппелировалъ на папу Христу. Теперь снова, возмущенный несправедливостями членовъ слѣдственной комиссіи, онъ переноситъ свое дѣло на судъ Христа. Онъ заранѣе предвидѣлъ свою участь. Его неожиданный арестъ, вѣроломное нарушеніе обязательствъ, данныхъ королемъ, поведеніе куріи и членовъ собора,—все это пролило достаточный свѣтъ на будущее. Онъ обдумываетъ послѣднее средство, въ которомъ думаетъ найти спасительный исходъ. Онъ разсчитываетъ опереться на свѣтскую власть, указавъ ей ту пользу, какую она можетъ извлечь изъ его ученія. Въ этомъ смыслѣ онъ рѣшился отстаивать три тезиса Виклефа. Во 1-хъ)—объ отнятіи церковныхъ имуществъ у духовенства; во 2-хъ)—о незаконности присвоенія Церковью свѣтской власти и въ 3-хъ)—о томъ, что десятины, платимыя церквамъ, суть чистая милостыня, въ которой податели, т. е. свѣтскіе владѣльцы всегда могутъ отказать духовенству. Но у Сигизмунда не было на

столько сообразительности, чтобы понять всѣ выгоды для свѣтской власти отъ этихъ тезисовъ. Онъ воспользовался лишь отчасти внушеніями Гуса,—что одобрило реформатора и дало ему возможность поднять тонъ.—„Внушите королю, писалъ Гусъ, что если мой тезисъ объ отнятіи церковныхъ имуществъ будетъ осужденъ, то и онъ, король, отнявшій имѣнія у многихъ епископовъ, равно и отецъ его, императоръ и король чешскій, подпадутъ осужденію, какъ еретики. Берегись, государь, чтобы тебя не лишили твоего права законнымъ порядкомъ; догадаешься, когда уже будетъ поздно". Въ благодарность за это, Сигизмундъ былъ настолько великодушенъ, что приказалъ перевести Гуса изъ одной ямы въ другую, болѣе теплую. Между тѣмъ Іоаннъ XXIII, угрожаемый соборомъ, который смѣло началъ разоблачать всѣ возмутительныя подробности его предшествующей жизни, бѣжалъ изъ Костница въ Шафгаузенъ къ своему покровителю Фридриху, герцогу австрійскому. 24 марта, въ Вербное Воскресенье, темничные стражи, удаляясь къ папѣ въ Шафгуазенъ, отдали ключи отъ Гусовой темницы королевскимъ тѣлохранителямъ, а кардиналы, пораженные бѣгствомъ своего владыки, одно время совершенно забыли о существованіи Гуса и занялись болѣе важными для себя дѣлами. Былъ моментъ, когда Сигизмунду предстоялъ случай поступить съ Гусомъ по-человѣчески. Гусъ уже ждалъ своего освобожденія. Но король въ эту роковую минуту для Гуса счелъ нужнымъ выдать чешскаго новатора его заклятому врагу, костницкому епископу, Оттону Гохбергу. Обрадованный епископъ немедленно заковалъ Гуса въ кандалы и перевезъ въ замокъ Готлибенъ, лежащій на самомъ берегу Боденскаго озера, гдѣ заключилъ его въ высокую, уединенную башню. Здѣсь Гусъ, лишенный причастія, часто томимый голодомъ, провелъ послѣдніе мѣсяцы своихъ земныхъ страданій.

Къ его дѣлу приступили лишь въ маѣ 1415 года. Было слишкомъ ясно для всѣхъ, что его участь была рѣшена заранѣе. Смертный приговоръ былъ подписанъ на первомъ засѣданіи собора и нѣкоторые чехи видѣли его. На Гуса клеветали въ глаза, обвиняли его въ такихъ увлеченіяхъ, о которыхъ онъ никогда и не помышлялъ. Его приводили на соборъ 5, 7 и 8 іюня (1415 года). Онъ успѣлъ уже опровергнуть существенныя обвиненія, но упорно стоялъ на томъ, что кардиналы, не живущіе жизнью апостоловъ, не суть ихъ преемники. Этого одного, по мнѣнію судей, было достаточно, чтобы осудить

Гуса на смерть. Замѣчательнѣе всего, что Сигизмундъ въ эту роковую минуту первый подалъ голосъ за сожженіе Гуса. Его слова, сказанныя въ монастырской трапезѣ доминиканцевъ, откликнулись на всю Чехію и навлекли на него большія бѣдствія. Они стоили Сигизмунду чешской короны и продолжительной, несчастной для него войны (¹).

Предсмертныя письма.

Изъ своей смрадной темницы, великій мученикъ написалъ къ своей чешской паствѣ четыре трогательныхъ прощальныхъ посланія. Незлобивая душа его прощала враговъ. Сознавая близость смерти, Гусъ давалъ мудрыя назиданія чехамъ (²):

«Васъ, начальствующихъ надъ другими, надъ богатыми и бѣдными, возлюбленныхъ о Господѣ и вѣрныхъ, я прошу и увѣщаю, чтобъ вы были послушны Господу, слушали бы охотно Его слово и доказывали бы то дѣлами своими. Я прошу васъ прилѣпиться къ истинѣ Божіей, о которой я писалъ и которую я проповѣдывалъ, взявъ ее изъ Священнаго Писанія и изъ поученій св. Отцевъ. Я прошу также, чтобы всякій, кто слышалъ отъ меня, въ публичной-ли проповѣди или въ частномъ разговорѣ, или же прочелъ въ сочиненіяхъ, что либо противное истинѣ Господа, не слѣдовалъ бы тому, хотя я и не сознаю, чтобъ я что нибудь подобное когда либо сказалъ или написалъ.

«Я прошу также, чтобы всякій кто замѣтилъ легкомысліе въ моихъ словахъ или сочиненіяхъ, не слѣдовалъ бы въ этомъ отношеніи за мною, но молилъ бы Бога за меня, чтобъ Господь отпустилъ мнѣ грѣхъ такого легкомыслія. Я прошу васъ любить набожныхъ благочестивыхъ священниковъ и почитать ихъ преимущественно передъ другими, особенно же тѣхъ, которые трудятся по слову Божію. Я прошу васъ, чтобы вы остерегались коварныхъ людей, особенно же безбожныхъ патеровъ, о которыхъ нашъ Спаситель говоритъ, что они ходятъ въ овечьей одеждѣ, внутренно же суть хищные волки.

«Я прошу государей, чтобъ они разумно обходились со своими подданными и справедливо управляли бы ими.

«Я прошу гражданъ, чтобъ они добросовѣстно поступали въ своемъ сословіи.

«Я прошу ремесленниковъ, чтобъ они старательно занимались своимъ ремесломъ и доходы его проживали бы со страхомъ Божіимъ.

«Я прошу слугъ, чтобъ они вѣрно служили господамъ своимъ.

(¹) Palacky. G. von Böhmen; III, 357.

(²) Пер. В. А. Бильбасова. Чехъ Янъ Гусъ, стр. 11—17, 39—41.

«Я прошу мастеровъ, чтобъ они вели себя благопристойно, и наставляли бы своихъ учениковъ хорошо и добросовѣстно; чтобъ они учили ихъ прежде всего бояться Бога, затѣмъ, изучать свободныя искусства во славу и къ чести Господа, на пользу міра и для ихъ собственнаго спасенія, а не для корысти или земнаго великолѣпія.

«Я прошу студентовъ, воспитанниковъ высшей школы, и всѣхъ другихъ учениковъ, чтобъ они во всѣхъ частныхъ дѣлахъ были бы послушны своимъ магистрамъ, слѣдовали бы ихъ примѣру и учились бы какъ можно прилежнѣе, чтобы такимъ образомъ были людьми полезными, и тѣмъ прославили бы честь Господа и спасли бы самихъ себя и другихъ.

«Я прошу васъ также, чтобы вы молились за римскаго короля, который вмѣстѣ съ тѣмъ есть теперь и вашъ король, и за его супругу, вашу королеву, да милосердый Господь пребудетъ съ ними и съ вами, нынѣ и затѣмъ въ вѣчной жизни.

«Это письмо я написалъ въ темницѣ и въ кандалахъ, такъ какъ я долженъ назавтра ожидать приговора суда о моей смерти. И я не сомнѣваюсь о Господѣ, что онъ меня не покинетъ и не попуститъ, чтобъ я отрекся отъ его истины или чтобъ отказался отъ ложныхъ статей, которые они измыслили противъ меня при помощи лжесвидѣтелей....

«Какъ милостиво поступаетъ со мною мой Господь Богъ и пребываетъ со мною, въ совершенно странныхъ соблазнахъ, вы узнаете, когда мы съ радостію возсоединимся при помощи Христа въ будущей жизни.

«Господь даетъ намъ время, чтобъ мы тѣмъ лучше обдумали наши грѣхи и чистосердечнѣе покаялись въ нихъ. Онъ даетъ намъ время, чтобъ великое и продолжительное мученіе искупило бы великій грѣхъ и принесло бы намъ утѣшеніе. Онъ даетъ намъ время, чтобъ мы познали страшныя оскорбленія нашего царя Господа Іисуса Христа, подумали о его горькой смерти и тѣмъ легче перенесли бы страданія; чтобъ мы помнили, что вѣчная радость будущей жизни не дается послѣ радости этой жизни, но что святые достигали царствія небеснаго путемъ многихъ истязаній.

«Ибо нѣкоторые изъ святыхъ четвертованы, нѣкоторые прокoлоты, нѣкоторые замучены огнемъ, съ нѣкоторыхъ заживо снята кожа, нѣкоторые заживо погребены, побиты камнями, распяты, разбиты мельничными жерновами, колесованы, утоплены, сожжены, повѣшены, разорваны на части, передъ смертію оскорблены, мучены въ темницѣ и въ оковахъ.

«И кто можетъ разсказать всѣ мученія и страданія всѣхъ святыхъ, которыя они перенесли за божескую истину въ вѣтхомъ и новомъ завѣтѣ, въ особенности же тѣхъ святыхъ, которые наказывали злобу духовныхъ лицъ и проповѣдовали противъ нихъ?

Поэтому было бы чудомъ, еслибы въ настоящее время тотъ не подвергся бы мученіямъ, кто такъ горячо противустоялъ злобѣ, и особенно злобѣ духовныхъ лицъ, которые хотятъ оставаться ненаказанными. И я радуюсь, что они должны теперь читать мои книги, въ которыхъ злоба ихъ достаточно обрисована; и я знаю, что они читаютъ ихъ старательнѣе чѣмъ святое евангеліе, и ищутъ, желая найти въ нихъ заблужденіе....»

Казнь Гуса.

Когда Сигизмундъ подавалъ голосъ за сожженіе Гуса, онъ не подозрѣвалъ, что этимъ возстановляетъ противъ себя цѣлое славянское королевство. Отъ Гуса для проформы потребовали дать отреченіе, но онъ воскликнулъ: „люблю истину и ненавижу неправду!" Тогда торжественно былъ осужденъ тезисъ о причащеніи подъ обоими видами. Интересно, какъ соборъ объяснилъ свое рѣшеніе. Соборъ не отрицалъ, что подобный обрядъ существовалъ въ апостольскія времена, что такого рода причащеніе честное и правое; но послѣ этотъ обрядъ вышелъ-де изъ употребленія и сдѣлался излишнимъ. Потому теперь „вѣрнымъ" приходится довольствоваться только однимъ хлѣбомъ. Ясно, что такое толкованіе никогда не могло убѣдить „чашниковъ", какъ прозвали себя сторонники причащенія подъ обоими видами; они продолжали настаивать на толкованіи своего учителя и ради этого обряда обагрили кровью горы и долины чешской земли. 6 іюля Гуса привели въ засѣданіе собора для торжественнаго обряда осужденія. Здѣсь его разстригли, объявили несуществующимъ для Церкви, надѣли на его голову бумажный колпакъ въ родѣ митры съ надписью „Eresi Archa", который Гусъ тогда же сравнилъ съ терновымъ вѣнцомъ Спасителя, и отдали въ распоряженіе свѣтской власти. Епископъ, по окончаніи церемоніи, обратившись къ Гусу, сказалъ: „Церковь не знаетъ тебя болѣе; она передаетъ твое тѣло свѣтской власти, а душу дьяволу". Того требовало Швабское Зерцало, на которое сочли нужнымъ сослаться. Сигизмундъ обратился къ герцогу баварскому и пригласилъ его въ свою очередь распорядиться еретикомъ какъ онъ хочетъ, а этотъ послѣдній приказалъ своимъ людямъ взять Гуса и сжечь живымъ на заранѣе приготовленномъ мѣстѣ. Люди герцога баварскаго, такимъ образомъ, были палачами Гуса. Даже фанатическій католикъ, Эней Сильвій удивлялся мужеству Гуса. „Онъ шелъ на смерть, какъ на веселый пиръ, говоритъ Эней Сильвій, ни одинъ вздохъ не вылетѣлъ изъ груди его; нигдѣ не обнаружилъ онъ

ни малѣйшаго признака слабости. Среди пламени онъ до послѣдняго издыханія возносилъ молитву къ Богу..." Народъ, тысячами покрывавшій улицы, видя спокойствіе мученика, пришелъ въ волненіе... „Онъ молится, какъ истинный праведникъ", кричали въ толпѣ. Шествіе двигалось тихо. Гусъ продолжалъ молиться. Подойдя къ костру, который начиналъ тлѣть, онъ хотѣлъ сказать нѣсколько словъ. Палачи этого не позволили. Они раздѣли мученика до пояса, привязали руки его мокрою веревкой къ столбу, поставили лицомъ къ Западу и обложили дровами (¹). Когда пламя стало медленно лизать его тѣло, Гусъ запѣлъ — „Господи Іисусе Христе, помилуй мя грѣшнаго"...

Мѣсто, гдѣ былъ костеръ Гуса, стало священнымъ для чеховъ и славянъ. Гусъ не былъ реформаторомъ Римской Церкви. Онъ не трогалъ, какъ мы видѣли, ея догматики, а, напротивъ, хотѣлъ обратить католицизмъ къ его источнику. Его новшество въ дѣлѣ причащенія въ сущности было реакціей католическому обряду, стремленіемъ возвратиться къ обычаю, освященному со временъ апостольскихъ. Другое значеніе его чисто политическое. Онъ первый провозгласилъ солидарность славянъ въ томъ письмѣ, цитату изъ котораго мы приводили. Въ этомъ отношеніи онъ глядѣлъ дальше своихъ современниковъ. Онъ заявлялъ, что онъ не только чехъ, но и членъ великой славянской семьи, или, какъ онъ называлъ, — „regni Slavorum".

Ея послѣдствія.

Не было примѣра въ исторіи, чтобы насиліе, совершенное въ области мысли, достигало желаемой цѣли и приносило пользу дѣлу, во имя котораго оно предпринималось; обыкновенно такое насиліе приводило къ отрицательнымъ послѣдствіямъ. Такъ случилось и по отношенію къ Гусу. Чешскій каноникъ не имѣлъ желанія сокрушить католичество. Онъ настаивалъ только на томъ, чтобы повсюду принимали причащеніе подъ обоими видами и условно не признавалъ заносные папскіе вымыслы. При правильномъ, безпристрастномъ изслѣдованіи его дѣла, не послѣдовало бы вооруженнаго сопротивленія со стороны чеховъ, потому что выяснилось бы отсутствіе всякой особой системы вѣроисповѣданія. Объ этой особой си-

(¹) «Sancta simplicitas» — будто имъ сказанное одной женщинѣ, — Палацкій отрицаетъ по многимъ соображеніямъ.

стемѣ вѣроисповѣданія не думалъ ни Гусъ, ни кто либо изъ его послѣдователей. Но тѣ обстоятельства, при которыхъ совершилась смерть Гуса, его мученичество, это гнусное нарушеніе Сигизмундомъ королевскаго слова, это низкое поведеніе кардиналовъ, это ожесточеніе, оказанное ими по отношенію къ страдальцу — все это произвело неожиданное вооруженное возстаніе среди соотечественниковъ великаго чеха. Народное раздраженіе проявилось въ Чехіи еще задолго до извѣстій о казни Гуса, полученныхъ изъ Костница въ Прагѣ. Послѣднія извѣстія дали неожиданное обаяніе нѣкоторымъ формуламъ ученія Гуса (1).

(1) Воцель перечисляетъ въ такомъ порядкѣ *чешскія* сочиненія Гуса. Чешскія сочиненія Гуса.

1. *Чешская орфографія* содержитъ краткія, писанныя по-латыни, правила, какъ при помощи надстрочныхъ (*діакритическихъ*) знаковъ писать правильно и точно по-чешски.

2. Provázek třipramenný z viry, lásky a naděje, kterého se má každý křestan držeti, kdo chce do věčného blahoslavenstvi přijótó. Единственная рукопись этого трактата находится въ Чешскомъ Народномъ Музеѣ; его издалъ въ 1545 году священникъ Павелъ Быджовскій. Въ этомъ сочиненіи нѣтъ никакихъ уклоненій отъ догматовъ католической вѣры.

3. Dcerka, aneb poznáni viry pravé k spaseni, — рукопись XV вѣка, находится въ Чешскомъ Народномъ Музеѣ; напечаталъ ее В. Ганка въ 1825 году. Десять обязанностей возлагаетъ Гусъ на христіанскую дѣвицу и, сообразно имъ, раздѣляетъ свое сочиненіе на десять главъ. Содержаніе сочиненія строго моральное, даже аскетическое, только во II главѣ находится одно мѣсто, гдѣ Гусъ горячо обвиняетъ главу католической Церкви, но оно выброшено въ изданіи Ганки.

4. Traktat o sedmi smrtelných hřišich. Рукописи этого трактата нѣтъ; находимъ его только при Постиллѣ, напечатанной въ Нюренбергѣ въ 1563 году. О характерѣ каждаго грѣха (гордость, зависть, гнѣвъ, лѣность, плотоугодіе и пр.) говорится подробно, приведены свидѣтельства Св. Писанія и Отцовъ Церкви; въ богословскомъ отношеніи сочиненіе безупречно.

5. Zrcadlo člověka hřišného větši. Рукопись въ Чешскомъ Народномъ Музеѣ 1411 г. (неполная), другая полная, сходная съ музейною, находится въ Пражской университетской библіотекѣ. Трактатъ этотъ, составленный въ строго-христіанской системѣ, не содержитъ въ себѣ ничего вреднаго и противнаго ученію католической Церкви. Между тѣмъ въ дѣйствительности Зерцало, напечатанное при Постиллѣ, нисколько не сходится съ первоначальнымъ текстомъ Зерцала Гуса и, будучи поддѣльнымъ, существенно отличается отъ него, такъ какъ содержитъ чрезвычайно грубые и невѣжественные нападки на католическое духовенство. Это подложное сочиненіе написано вѣроятно во время Лютера.

Въ концѣ 1414 г., когда Гусъ сидѣлъ еще въ тюрьмѣ, въ пражскомъ университетѣ магистръ Якубка изъ Стжибра сталъ публично проповѣдывать въ смыслѣ идей Гуса Онъ возвѣ-

---

6. Zrcadlo člověka hříšného menši. Сочиненіе это говоритъ о жалкомъ состояніи человѣка и о превратностяхъ жизни.

7. Traktat o šesti bludich, содержащійся въ рукописи Ческаго Народнаго Музея; вторая рукопись въ Будишинѣ напечатана при Постиллѣ. Это съ многочисленными добавленіями переводъ сочиненія de sex erroribus, которое Гусъ въ 1413 году послалъ изъ Козьяго Городка въ Прагу и велѣлъ помѣстить въ Виѳлеемской часовнѣ.

8. Devět artikulóv aneb kusóv slatých, одна рукопись въ Дитрихштейнской библіотекѣ въ Микуловѣ; другая — въ пражской библіотекѣ; напечатаны при Постиллѣ 1563 году. Трактатъ этотъ, несмотря на свою краткость, важенъ тѣмъ, что въ немъ ясно высказаны нѣкоторые догматическіе взгляды Гуса.

9. Výklad na desatero přikázáni. Объясненія на десять заповѣдей, находящіяся въ библіотекѣ пражскаго университета. Сравнивая впрочемъ одну рукопись съ другою, Воцель находитъ, что, какъ по объему такъ и по содержанію, онѣ совершенно несходны одна съ другою, и весьма вѣроятно, что Гусъ не сочинялъ ни того, ни другаго трактата.

10. Výklad větši na Páteř. Трактатъ напечатанъ не былъ.

11. Výklad menši na Páteř, тотъ и другой содержитъ религіозныя размышленія на Молитву Господню; рукопись находится въ Чешскомъ Народномъ Музеѣ.

12. Výklad článků viry, напечатанный въ 1563 г. при Постиллѣ, объясненіе символа вѣры. Сомнительна принадлежность Гусу.

13. Tractat odúmrti. Напечатанъ при Постиллѣ, затѣмъ при книгѣ Hospodář Brtvina z Ploskovic въ 1587 году. Въ сочиненіи этомъ Гусъ старается разрѣшить вопросъ, прилично-ли господамъ брать mortuarium со своихъ крѣпостныхъ и оканчиваетъ приговоромъ, что помѣщики, если хотятъ уберечься отъ казни вѣчной, не должны брать никакого mortuarium.

14. Постилла, заключающая въ себѣ проповѣди мистра Яна Гуса, т. е. объясненія на евангелія, которыя читаются втеченіе цѣлаго года въ воскресные дни, отличается своею обширностью сравнительно съ остальными сочиненіями Гуса. Рукопись пражской библіотеки, несомнѣнно, автографъ Гуса. Вторая и третья рукопись находится въ Чешскомъ Народномъ Музеѣ. Въ Постиллѣ выражены ясно не только догматическіе взгляды Гуса, но въ ней также находится обильный матеріалъ для его біографіи, равно какъ многія важныя извѣстія о тогдашнихъ историческихъ событіяхъ. Сочиненіе это свидѣтельствуетъ о вдохновенномъ популярномъ краснорѣчіи его автора, тѣмъ не менѣе оно не равно сочиненіямъ Ѳ. Щитнаго, далеко выдѣляющимся глубиною и оригинальностью мыслей и блестящею выразительностью слога предъ всѣми

стилъ, что причащеніе Св. Таинъ должно принимать подъ обоими видами, потому что такъ требуетъ Св. Писаніе. Одновременно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣкогда было посѣяно сѣмя

сочиненіями той эпохи. Во второй части Monumenta Гусу принадлежатъ также проповѣди подъ заглавіемъ: Historia gestorum Christi, ex quatuor evangelistis in unum collecta atque secundum tres annos praedicationis ejus distincta per M. I. H. Судя по этому можно бы думать, что это переводъ проповѣдей, находящихся въ Постиллѣ, Monumenta Husi содержатъ нѣкоторыя статьи, которыя Гусъ, говорятъ, написалъ въ Костницской тюрьмѣ, по требованію своихъ тюремныхъ стражей, а именно: De mandatis Domini. Это латинское сочиненіе, содержащее въ печати всего одинъ столбецъ, заключаетъ въ себѣ только объясненіе на первый членъ символа вѣры. и, кажется, составлено по чешскому тексту того же объясненія, находящагося въ Герсдорфской рукописи. Monumenta Husi вмѣщаютъ краткое поясненіе на Символъ вѣры (credo in Deum Patrem) и затѣмъ на молитву Господню (de oratione Dominica); но латинскіе тексты обоихъ не сходятся съ вышеупомянутыми чешскими объясненіями символа вѣры и молитвы Господней.

15. Tractatus M. J. H. de sacramento corporis et sanguinis Domini, который Гусъ написалъ для Роберта, стража или хозяина своего въ Костницѣ, находится отчасти въ чешскомъ переводѣ въ разсужденіи Павла Быджовскаго, въ которомъ Быджовскій доказываетъ, что хлѣбъ и вино претворяются въ дѣйствительныя тѣло и кровь Сына Божьяго.

16. Чешскій трактатъ Гуса o manželstvi оказывается точнымъ переводомъ съ первоначальнаго латинскаго текста. Рукописи его находятся въ императорской вѣнской библіотекѣ и въ Чешскомъ Народномъ Музеѣ; напечатанъ онъ при Постиллѣ.

17. O svatokupectvi.

18. O panenstvi.

19. O pravé povinnosti človĕka?

20. Výklad na pisničky, jenž slovú Šalamúnovy.

21. O zkáze pocházejici z ustanoveni lidských?

22. O pravém potupeni tohoto svĕta.

23. Traktát o poznáni a milovani Boha?

24. O cirkvi takové jakové latinské?

25. Knihy o modlitbĕ?

26. Proč přijimáme pod dvojim spůsobem telo a krev Krista.

27. Páteř dobrých lidi, Páteř zlých lidi.

28. Napomenuti Plzĕnikých k svornosti a opřeni se bludóm. Письмо это сохранилось единственно въ рукописи Пражской университетской библіотеки; мы изъ него знакомимся съ тѣмъ, какъ Гусъ бросался на всѣ средства, чтобы удержать Пльзень на своей сторонѣ. Это важное письмо не было напечатано, а равно и не переведено по-латыни. Одно лишь при-

проповѣдей Гуса, раздалась критика многихъ, доселѣ неприкосновенныхъ богослужебныхъ обрядовъ; стали доискиваться, почему эти обряды установлены такъ, а не иначе. Стремленіе критически относиться къ обрядамъ легко можетъ примѣняться и къ самымъ догматамъ. Потому, тотъ самый соборъ, который предалъ казни Гуса, поспѣшилъ признать еретическимъ обрядъ причащенія подъ обоими видами. Но послѣдователи Якубки Стжибрскаго не отступали отъ своего ученія. Понятно, что сожженіе Гуса только усилило это враждебное настроеніе. Общій крикъ мести огласилъ самыя отдаленныя мѣстечки Чехіи. Тѣ, которые прежде никогда не рѣшились бы открыто заявить свою близость къ еретику, теперь, какимъ-то общимъ дуновеніемъ сочувствія, приняли явно сторону Гуса. Мѣстные католическіе священники, которые доселѣ были любимы, теперь стали предметомъ ненависти, потому что молва ставила ихъ о бокъ съ палачами чешскаго проповѣдника. Священники, которые не хотѣли причащать подъ обоими видами, были выгоняемы и ихъ мѣста замѣщались сторонниками новаго, апостольскаго обряда. Движеніе шло изъ массы народа. Многіе магнаты оказывали содѣйствіе этому движенію; ими можетъ быть руководили при этомъ и корыстолюбивыя соображенія. Католическая Церковь имѣла массу недвижимыхъ имѣній, коими выгодно было теперь воспользоваться. Такъ, у епископа Литомышля, находившагося въ Костницѣ, сосѣдніе помѣщики отняли имѣніе, ссылаясь на участіе его въ дѣлѣ осужденія Гуса. Епи-

---

бавленіе къ нему помѣщено въ Monumenta Husi, подъ заглавіемъ Replica contra praedicatorem Plznensem.

29. List pro vypovědění z Prahy.

30. List odvolání lat. slove appellatio t. od papeže na nejvyššího sudího.

31. List M. J. Husa, jímž jisté panny klášterní k setrvání v jejich stavu napomíná.

Посланія, которыя Гусъ писалъ своимъ послѣдователямъ и друзьямъ изъ Констанцской тюрьмы. Въ числѣ рукописей крижовницкой библіотеки въ Прагѣ такихъ посланій находится девять, и ихъ издалъ Воцель въ «Музейникѣ» 1848 году. Многія письма Гуса, переведеныя съ чешскаго на латинскій—правда дурно,—находятся въ Monumenta Husi, а также въ книжкѣ, напечатанной въ Витенбергѣ: Epistolae quaedam piissimae et eruditissimae Johannis Husi etc., которыя перевелъ Бильбасовъ въ своей книжкѣ по поводу юбилея Гуса, о чемъ было сказано у насъ на стр. 903. Списокъ Воцеля пер. въ Слав. Ежегодникѣ за 1880 г. IV, 298—303.

скопъ пытался оправдаться письменно, но это было для него невозможно, потому что всѣ знали, что онъ болѣе другихъ клеветалъ на мученика, и что ему, какъ страстному и личному врагу, Гусъ обязанъ своею гибелью. Соборъ пробовалъ было послать его въ Чехію съ порученіемъ изложить панамъ и рыцарямъ дѣло Гуса съ соборной точки зрѣнія. Но узнавъ на дорогѣ о томъ, что творится въ его владѣніяхъ, оробѣвшій епископъ не смѣлъ явиться въ Чехію и счелъ за лучшее воротиться назадъ.

Это общее раздраженіе привело къ сейму въ Прагѣ, на который собралось около 450 чешскихъ и моравскихъ пановъ. То были рыцари и землевладѣльцы. Они составили жалобу къ собору на осужденіе Гуса, которое было, какъ предполагали они, сдѣлано съ цѣлью опозорить чеховъ а съ ними и весь славянскій народъ. Въ этомъ манифестѣ сквозитъ основная мысль, что всѣ происки противъ Гуса, всѣ нападенія на него—дѣло нѣмцевъ, исконныхъ враговъ не только чеховъ, но и всего славянскаго племени. Это особенно ясно высказывается во второмъ воззваніи—1420 года. „Нѣмцы", говорится въ этомъ второмъ манифестѣ, „которые безъ всякой явной причины злятся на нашъ народъ, и которые прогнали славянъ съ Лабы и изъ Пруссіи, хотятъ и съ нами поступить также, чтобы самимъ занять мѣста выгнанныхъ". То былъ фактъ славянской взаимности. Съ той поры на чеховъ, какъ бы освѣщенныхъ багровыми лучами Гусова костра, были устремлены взоры всего міра. Слѣдомъ затѣмъ въ Прагѣ же образовалась лига изъ пановъ и рыцарей, направленная противъ постановленій Костницкаго собора. Отклоняя верховенство собора, не получившаго санкціи папы, лига опредѣлила управляться мѣстными епископами до избранія будущаго папы, а въ дѣлахъ вѣры слѣдовать ученію магистровъ пражскаго университета.

Казнь Іеронима (30 мая 1416 г.).

Безъ славянской розни не обошлось даже въ эту торжественную минуту. Меньшинство, конечно, наперекоръ большинству, высказалось ни съ того, ни съ сего, за соборъ, составило особый актъ и послало его въ Костницъ. Изъ Костница въ отвѣтъ послѣдовалъ вызовъ епископовъ и всѣхъ дворянъ, подписавшихъ протестъ. Они, понятно, не явились на судъ собора. Но изъ мести соборъ вскорѣ сжегъ Іеронима Пражскаго, друга Гуса. Іеронимъ, какъ было сказано, съ

самоотверженіемъ послѣдовалъ въ Костницъ за своимъ учителемъ. Его никто не вызывалъ. Его пребываніе на Руси, его дружба съ православными, именовавшимися схизматиками, еще не огласились. Но его тянуло въ Костницъ сознаніе служенія общему дѣлу. Онъ смутно думалъ, что поможетъ защитѣ учителя, его оправданію; онъ готовился своимъ личнымъ самоотверженіемъ подтвердить и засвидѣтельствовать невинность Гуса.

Инквизиторъ составилъ обвинительный актъ, который мы въ отрывкѣ привели ранѣе, и Іеронима постигла казнь, ровно черезъ годъ послѣ сожженія Гуса. Онъ встрѣтилъ смерть такъ же спокойно и гордо, какъ и Гусъ; но его болѣе страстная натура заставила бросить слова проклятія палачамъ, отъ которыхъ воздержался Гусъ. Соборъ полагалъ этимъ вторымъ актомъ насилія, столь же ужаснымъ, запугать чеховъ, но вышло на оборотъ. Напрасно соборъ предписывалъ энергическія дѣйствія мѣстнымъ властямъ, какъ напримѣръ пражскому архіепископу Конраду. Послѣдній долженъ былъ возобновить интердиктъ, но церковное отлученіе не имѣло теперь никакой силы. Архіепископъ требовалъ отъ вновь посвященныхъ духовныхъ лицъ отреченія отъ заблужденій Виклефа и только тѣмъ давалъ бенефиціи, кто явно и открыто заявлялъ о своемъ отреченіи отъ ереси. Послѣдователи Гуса отнимали у таковыхъ священниковъ и аббатовъ земли, требуя соблюденія новаго обряда sub utraque. Отъ этого утраквистами стали теперь называть принимающихъ причащеніе подъ обоими видами; сами себя они чаще называли чашниками.

Такимъ образомъ все чешское духовенство находилось между двухъ огней,—съ одной стороны подъ угрозами мѣстныхъ епархіальныхъ властей, съ другой стороны, подъ давленіемъ мѣстныхъ дворянъ и феодаловъ. Большинство стало за реформу.

Папство на соборѣ.

Между тѣмъ пражскіе магистры совершенно овладѣвали общественнымъ мнѣніемъ, окончательно пренебрегая папскими громами. Они издали рекламу, въ которой признавалось причащеніе подъ обоими видами необходимымъ для спасенія души; при этомъ они признали торжественно Гуса мученикомъ за вѣру и назначили 6 іюля днемъ праздиества въ честь его. Дошло до того, что пражскій викарный епископъ Германъ, пользуясь

отсутствіемъ архіепископа Конрада, склонился самъ на сторону лиги и рукоположилъ священниковъ, которые исполняли обрядъ утраквистовъ. Могли ли чехи, такъ осмѣянные, такъ оскорбленные, уважать санкцію собора и того жалкаго главу Церкви, который бѣжалъ изъ Костница еще до казни Гуса и долго скрывался гдѣ-то въ Германіи? Что это былъ за соборъ, чехи о томъ уже ранѣе имѣли точное понятіе со словъ самого Гуса. Въ третьемъ своемъ письмѣ, передъ казнію, онъ писалъ имъ:—„Если бы вы были въ Костницѣ, то вы увидали бы всю мерзость и срамность этого собора, который однако же желаетъ быть названъ всесвятымъ и немогущимъ заблуждаться. Даже швабы, т. е. нѣмцы, говорятъ по этому поводу, что ихъ городъ Костницъ никакими покаяніями не смоетъ съ себя въ теченіи 30 вѣковъ тѣхъ грѣховъ, что были совершены въ немъ соборомъ самымъ постыднымъ образомъ. Члены собора разлетятся во всѣ стороны, какъ порхающія бабочки, а приговоръ и рѣшеніе останутся на томъ же мѣстѣ, какъ паутина“ ([1]). Такъ понимали въ Чехіи Костницкій соборъ, соборъ, оставшійся безъ главы. Іоаннъ XXIII хотѣлъ пробраться въ Авиньонъ, но его не пропустилъ туда герцогъ бургундскій. Ему приходилось вернуться въ Костницъ, потому что Фридрихъ Гогенцоллернъ, бургграфъ нюренбергскій, которому поручено было наблюдать за папой, строго слѣдилъ за нимъ. Іоаннъ XXIII пробовалъ отдѣлаться двумысленнымъ отреченіемъ, но его не приняли и назначили надъ нимъ судъ въ присутствіи Сигизмунда. Въ первый разъ пришлось представителямъ свѣтской власти судить высшее духовное лицо, видимаго главу католической Церкви. Ясно, что такая степень паденія папской власти имѣетъ существенное и громадное значеніе. Доселѣ никогда не было такого рѣшительнаго вмѣшательства свѣтской власти въ дѣла Церкви, и никогда императорскіе агенты не являлись такими безпощадными судьями первосвященника. На соборѣ былъ составленъ обвинительный актъ, сущность котораго была предана гласности вывѣшенными на дверяхъ соборными постановленіями. Въ этихъ рекламахъ говорилось, что папа Іоаннъ XXIII долженъ въ теченіи извѣстнаго времени явиться для оправданія во взводимыхъ на него обвиненіяхъ въ ереси, въ покрови-

---

(1) Бильбасовъ. Чехъ Янъ Гусъ; письмо III, стр. 33.

тельствѣ расколу и въ другихъ преступленіяхъ. Если же папа не явится въ назначенный срокъ, то, несмотря на его отсутствіе, онъ и его приверженцы будутъ преданы заочному суду. Такимъ образомъ соборъ, осудивъ за ересь Гуса, въ тоже время обвинилъ въ ереси и бывшаго первосвященника [1]. 20 мая 1415 года, еще до казни Гуса, Іоанну объявили о низложеніи и онъ передалъ знаки папскаго достоинства. Его посадили сначала въ замокъ Готлибенъ, гдѣ сидѣлъ Гусъ, а потомъ отправили въ Гейдельбергскій замокъ, гдѣ онъ весело провелъ два года. Тѣмъ временемъ принялись за конкуррентовъ его, французскаго тіариста, Григорія XII и испанскаго—Бенедикта XIII.

Первый, имѣвшій опору кромѣ Франціи въ нѣкоторыхъ мѣстечкахъ Италіи, и поддерживаемый самимъ Сигизмундомъ, отрекся отъ папскаго сана и снизошелъ на степень перваго кардинала и папскаго викарія. Но Бенедиктъ противодѣйствовалъ энергично. Сигизмундъ требовалъ безусловнаго отреченія, для чего долженъ былъ предпринять большое путешествіе. Это путешествіе требовало денегъ и денегъ большихъ, потому что Сигизмундъ любилъ путешествовать пышно и съ большой свитой. Нуждаясь въ средствахъ, Сигизмундъ обратился къ Фридриху Гогенцоллерну, которому онъ и безъ того долженъ былъ 150.000 дукатовъ. За этотъ долгъ была заложена Фридриху Бранденбургская марка. Разбогатѣвшій, но скупой Фридрихъ далъ еще 250.000 дукатовъ, но съ тѣмъ, чтобы ему выдали грамоту на потомственное владѣніе Бранденбургскимъ маркграфствомъ. Это требованіе было исполнено, но въ грамотѣ было помѣчено, что Бранденбургское маркграфство принадлежитъ Фридриху и что Сигизмундъ можетъ во всякое время выкупить его у Фридриха. Такъ какъ требуемой суммы у Сигизмунда и у его преемниковъ никогда

---

(1) Документы у Mansi (Concilia) и въ Monum. conc. gener. saeculi XV (изд. Вѣнской истор. ком.). Современные событіямъ труды—Theodoricus de Niem, епископа въ Камбрэ: Historiae libri IV,—запрещенное Римомъ за свободомысліе и его же: De necessitato ref. Ecclesiae in capite et membris (неправильно приписываемое Петру Айльи) и Hist. et vita Iohannis XXII,—изд. у Hardt (Hist. conc. Const.).—Кромѣ соч. Lenfant, Tosti и Raumer о соборѣ и общихъ пособій Hefele, Weissenberg, Christoph (Papsthum im XV Jahrh.),—спец. изсл. Hübler (Die Konstanzer Ref. und die Concordate, L. 1867).

не находилось, то съ тѣхъ поръ Бранденбургъ остался во владѣніи нюренбергскихъ Гогенцоллерновъ.

Попытки Реформы.

Сигизмундъ между тѣмъ свидѣлся въ Перпиньянѣ съ Бенедиктомъ, по нашелъ въ немъ непреклоннаго честолюбца. Когда Бенедикта покинули короли аррагонскій и кастильскій, доселѣ его поддерживавшіе—папа бѣжалъ, но не отрекся отъ папскаго достоинства. Поѣздка во Францію, а потомъ въ Англію, предпринятая Сигизмундомъ, имѣла цѣлью поправить скудныя финансовыя средства имперіи. На пути его вездѣ угощали и дарили; онъ не пренебрегалъ и маленькими суммами, принимая по 3000 флориновъ отъ попутныхъ городовъ; безъ такихъ подаяній нельзя было проѣхать съ громадной свитой въ 1500 венгровъ и нѣмцевъ. Отсутствіе Сигизмунда продолжалось полтора года. Въ это время соборъ усилился многими новыми отцами, которые стали проводить мысль о необходимости реформъ въ Церкви, впрочемъ не существенныхъ, а чисто внѣшнихъ. Въ этомъ сказалось вліяніе проповѣди Гуса. Гусъ напомнилъ лучшимъ представителямъ католицизма о ихъ призваніи. Однимъ этимъ онъ пріобрѣлъ бы право на существенное мѣсто въ исторіи реформаціи. Въ этомъ ему вторили канцлеръ парижскаго университета Іоаннъ Жерсонъ и профессоръ Петръ Айльи, тотъ самый, который лично былъ жестокимъ врагомъ и оппонентомъ Гуса, какъ послѣдователь номинализма. Самъ Сигизмундъ, можетъ быть подъ вліяніемъ чешскаго проповѣдника, предложилъ на разсмотрѣніе членовъ собора проектъ о преобразованіи духовенства. Этотъ проектъ былъ совершенно во вкусѣ Сигизмунда потому, что онъ обѣщалъ ему современемъ пріобрѣтеніе большей части церковныхъ имѣній подъ условіемъ уплаты жалованья духовенству, содержанія церквей, и веденія войны съ турками. Ясно, что кардиналы, задѣтые за живое, должны были воспротивиться такому проекту, а увидавъ къ чему онъ клонится, они съ тѣхъ поръ стали относиться къ нему подозрительно и осторожно. Въ тоже время они воспротивились всякимъ реформамъ, всякимъ проектамъ Сигизмунда до избранія папы и впредь стали всѣ вопросы сводить къ одному, а именно къ необходимости избрать какъ можно скорѣе верховнаго владыку для католической Церкви.

Папа Мартинъ V (1417—31 г.).

Нѣмецкіе князья со своими сторонниками, по указанію императора, представили такъ называемыя Gravamina, т. е. сборникъ изъ многихъ параграфовъ, заключавшій въ себѣ множество жалобъ на духовенство. Затѣмъ они предъявили свои Avvisamenta, въ которыхъ излагаются способы ограниченія папскаго произвола, разсчитывая все это произвести до избранія новаго папы. Соборъ отклонилъ и то и другое, что было совершенно естественно. Кардиналы въ числѣ 23 вмѣстѣ съ 30 свѣтскими депутатами спѣшили собраться въ конклавъ и избрали наконецъ папой одного изъ представителей знатной римской фамиліи Колонна, подъ именемъ Мартина V(1). Онъ получилъ тіару преимущественно потому, что представлялъ собою выраженіе крайняго папскаго консерватизма. Онъ былъ врагомъ всякихъ уступокъ мірскимъ требованіямъ. Онъ былъ борцомъ древнихъ традицій. Онъ готовъ былъ даже на крестовый походъ, безразлично, и противъ чеховъ и противъ мусульманъ. Чтобы избавится отъ всякихъ уступокъ и реформъ, Мартинъ V, подъ предлогомъ показавшейся въ городѣ заразы, 22 апрѣля 1418 года распустилъ соборъ съ тѣмъ, чтобы онъ собрался черезъ 5 лѣтъ въ итальянскомъ городѣ Падуѣ, а потомъ послѣдовательно собирался каждыя 10 лѣтъ для разрѣшенія церковныхъ вопросовъ. Результатомъ костницкаго собора было упроченіе въ умахъ идеи о преобладающемъ значеніи соборныхъ рѣшеній передъ единичною волею папы. Всѣ члены собора, въ присутствіи императора, признали правильнымъ взглядъ Жерсона, что соборъ вообще изображаетъ собою католическую Церковь, получившую свою силу, власть и значеніе отъ самого Іисуса Христа. Слѣдовательно, всякій католикъ, не исключая и папы, обязанъ подчиняться соборнымъ постановленіямъ и безусловно во всемъ, что касается догматовъ, ихъ толкованія, могущихъ быть преобразованій и порядка церковнаго управленія. — Впрочемъ, прелаты не считали этотъ взглядъ собора для себя безусловно обязательныхъ и если послѣ соборъ вновь собрался, то не черезъ 5, а спустя 12 лѣтъ, притомъ по совершенно особымъ побужденіямъ. Прелаты видѣли только одно, что авторитетъ папства не пошатнулся несмотря, на грѣхи прежнихъ первосвященниковъ, если самъ императоръ смиренно велъ за поводъ коня, на которомъ возсѣдалъ Мартинъ V, покидавшій Костницъ.

---

(1) Contelori. Vita Martini V. Roma. 1641.

Императоръ Сигизмундъ (1411—37 г.).

Въ началѣ XV вѣка Священная Римская имперія находилась въ такомъ же положеніи, какъ и папство, т. е. сколько было императоровъ, столько же и папъ. Чешскій король Вячеславъ былъ лишенъ императорской короны, но нѣкоторые и послѣ того продолжали считать его императоромъ. На послѣдовавшихъ затѣмъ выборахъ явились два кандидата на императорскій престолъ: Сигизмундъ, младшій братъ Вячеслава, маркграфъ Бранденбургскій и король Венгріи, и Іовъ, его двоюродный братъ, макграфъ Моравскій; но вслѣдствіе конкурренціи оба кандидата не были избраны. Когда же умеръ Іовъ Моравскій, Сигизмундъ могъ надѣяться на достиженіе императорскаго престола (1). Въ этомъ случаѣ его расчеты были вѣроятны: онъ оказалъ услуги на соборѣ въ дѣлѣ уничтоженія раскола; притомъ онъ обладалъ многими хорошими личными качествами. Его умъ былъ хотя не глубокъ, но многосторонен; онъ могъ считаться даже ученымъ, потому что говорилъ на шести языкахъ. Во всемъ его существѣ много было такого, что привлекало къ нему людей. Но при этихъ достоинствахъ онъ имѣлъ и много значительныхъ недостатковъ, вовсе не гармонировавшихъ съ его саномъ, какъ короля и будущаго императора. Онъ былъ слабаго характера, въ немъ не было твердой воли и рѣшительности; онъ всегда довольствовался только полумѣрами и какими нибудь сдѣлками; при этомъ онъ былъ плохимъ хозяиномъ, не только въ дѣлахъ государственныхъ, но и въ своихъ собственныхъ, домашнихъ. Онъ вѣчно нуждался въ деньгахъ и, подъ вліяніемъ этого, продавалъ свои родовыя земли. Какъ было уже сказано, онъ заложилъ Бранденбургъ за 400 тысячъ марокъ.

Будучи поставленъ такъ высоко, Сигизмундъ не удовлетворилъ возлагавшимся на него надеждамъ и не оказался на высотѣ своей задачи. Онъ не воспользовался своимъ вліяніемъ на соборъ, дабы принудить его членовъ къ проведенію реформъ. Теперь отъ папы Мартина V трудно было требовать какихъ бы то ни было преобразованій. Сигизмундъ вполнѣ сознавалъ это, и говорятъ, что онъ однажды сказалъ французскимъ богословамъ: „Вы желали реформъ, но только по избраніи новаго папы; теперь ступайте къ нему и требуйте ихъ". Эти слова Сигизмунда помѣщены въ запискахъ его секретаря, Эбергарда Виндека. Сигизмундъ не воспользовался тою властью, какую имѣлъ на соборѣ. Если бы ему удалось настоять на своемъ, то индуль-

(1) Aschbach. Gesch. Kaiser Siegmund's. Hamb. 3 B. 1838.

генціи и другія церковныя злоупотребленія вызвали бы должныя мѣропріятія, а вмѣстѣ съ тѣмъ не было бы почвы для появленія Реформаціи въ слѣдующемъ столѣтіи. Все это можно было бы получить отъ собора. Но когда такой случай былъ упущенъ, то папы болѣе не принимали никакихъ заявленій и не хотѣли входить ни въ какія сдѣлки. Три года засѣданій собора, который могъ дать теченію событій другое направленіе, прошли даромъ; а Сигизмундъ оказывалъ вліяніе тамъ, гдѣ оно было вреднымъ, и дѣлалъ то, что не было въ интересахъ Европы и религіи. Сожегши Гуса, онъ чешскій вопросъ сдѣлалъ европейскимъ; все время своего царствованія онъ принужденъ былъ бороться съ чехами и вести противъ нихъ продолжительную войну. Чехи подняли противъ него возстаніе и въ своемъ религіозномъ движеніи пошли несравненно дальше, чѣмъ Гусъ. Якубка, ученикъ Гуса, старался прекратить такое движеніе и поддерживалъ только то, чего хотѣлъ Гусъ. Но движеніе уже сошло съ правильнаго пути и возвратить его на старую дорогу было трудно. Гуситы стали защищать не одно только причащеніе подъ обоими видами, но стали отвергать почти всѣ обряды, оставивъ только крестное знаменіе; они отвергали молитвы за умершихъ, чистилище, посты и вскорѣ уничтожили всѣ монашескіе ордена. Напрасно пражскіе богословы убѣждали гуситовъ въ истинности того, что они отвергали; напрасно эти богословы говорили, что только то̀ преданіе слѣдуетъ отвергать, которое противорѣчитъ св. Писанію. Послѣдователи Гуса сошли съ ортодоксальной почвы. Этого было достаточно, чтобы они были объявлены отщепенцами. Въ глазахъ папы, не терпѣвшаго никакихъ сдѣлокъ, они дѣйствительно всѣ оказались еретиками. Съ папою соглашался и соборъ. Не имѣя противъ нихъ другихъ средствъ, папа объявилъ на нихъ крестовый походъ, какъ нѣкогда былъ возбужденъ подобный же походъ противъ альбигойцевъ.

Борьба съ гуситами.

Въ это время положеніе чешскаго королевства напоминало положеніе несчастныхъ альбигойцевъ и ихъ покровителя, Раймунда Тулузскаго, съ тою только разницей что Вячеславъ и не думалъ помогать своимъ подданнымъ въ борьбѣ съ папствомъ, какъ это дѣлалъ Раймундъ. Когда соборъ потребовалъ отъ Вячеслава присяги въ исполненіи соборныхъ распоряженій, то король поспѣшилъ дать эту присягу и

обѣщался помогать католикамъ. Вячеславъ былъ въ критическомъ положеніи. По своему характеру онъ склоненъ былъ болѣе къ той партіи, которая была враждебна папству; между тѣмъ соборъ поступалъ совсѣмъ иначе; кромѣ того и братъ Вячеслава, Сигизмундъ, требовалъ отъ него повиновенія опредѣленіямъ собора, угрожая, въ противномъ случаѣ, силою вмѣшаться въ его дѣла. Чешскій народъ находился также въ самомъ жалкомъ состояніи. Чешскій историкъ Томка говоритъ объ этомъ слѣдующее: „Народъ чешскій добровольно принялъ христіанскую вѣру и, добровольно покорившись Церкви, передалъ представителямъ ея заботу и своемъ духовномъ благосостояніи. Осмѣливался ли онъ отступить отъ этой покорности и уволить себя отъ благодѣяній, приходившихъ къ нему ради соединенія со вселенской Церковью, если онъ ихъ считалъ недостаточными; или осмѣливался ли онъ положить этой покорности какія бы то ни было условія и покуситься сохранить за собою эти благодѣянія на другомъ основаніи, чѣмъ до сихъ поръ?—это былъ важный вопросъ, о которомъ разсуждали въ то время. Ясно было, что не отдѣльныя личности возставали противъ бывшаго до сихъ поръ порядка въ дѣлахъ церковныхъ, но сама земля, въ лицѣ большинства своего населенія и главныхъ представителей своихъ, стала противодѣйствовать католической Церкви. Законы, по которымъ сжигались еретики, были законами свѣтскими, а не церковными; развѣ законодательная власть народа, принявшая ихъ, не могла ихъ уничтожить, если они противорѣчили народному мнѣнію? Мартинъ V не хотѣлъ знать ни одного такого права. Вся сила католичества заключалась въ отрицаніи народныхъ правъ и мнѣній“. Вячеславу приходилось выбирать одно изъ двухъ, и онъ открыто рѣшился принять сторону папства. Не смотря на это, протестантизмъ распространялся болѣе и болѣе и дѣлался всеобщимъ; католическія церкви пустѣли и народъ собирался въ тѣ немногіе храмы, гдѣ Вячеславомъ дозволено было совершать богослуженіе не по католическому обряду. Когда же эти храмы по малочисленности не могли удовлетворять народа, то вѣрующіе для совершенія богослуженіи стали собираться въ горахъ, куда ежедневно направлялись торжественныя процессіи. Въ этихъ процессіяхъ принимали участіе и многіе изъ придворныхъ. Одинъ изъ нихъ, Николай Гусъ, во время одной процессіи подошелъ къ королю и сталъ тре-

бовать увеличенія количества церквей, въ которыхъ причащеніе совершается подъ обоими видами и въ которыхъ вообще богослуженіе совершается не по католическому обряду; вмѣсто отвѣта король изгналъ его изъ Праги. Тогда Николай отправился на гору Ѳаворъ и сталъ собирать вокругъ себя единомышленниковъ, имѣя въ виду поднять открытое возстаніе. Въ новый городъ, получившій наименованіе Табора собралось до 42 тысячъ разнаго парода изъ близкихъ и отдаленныхъ городовъ, мѣстечекъ, деревень и даже изъ Моравіи. Съ утра до вечера тутъ говорились проповѣди, совершались исповѣдь, причащеніе и другіе религіозные обряды. Эти вооруженные фанатики, готовые пролить свою кровь, назвались по имени города „таборитами". Ихъ начальники вели тайныя бесѣды о средствахъ исполненія своихъ замысловъ. Разнеслись слухи, что они задумали сдѣлать нападеніе на Вячеслава, и ходила молва объ избраніи новаго короля. Вячеславъ оробѣлъ и хотѣлъ бѣжать, когда на улицахъ Праги увидѣлъ возстаніе и свалки. Но скоро онъ могъ убѣдиться, что мятежники не покушаются на его жизнь. Тогда онъ остался въ столицѣ своего королевства.

Возстаніе въ Прагѣ и смерть Вячеслава въ 1419 г.

Во время возникшихъ волненій одна религіозная процессія направилась къ городской ратушѣ, гдѣ были заключены утраквисты, и отъ ненавистныхъ городскихъ совѣтниковъ стала требовать освобожденія заключенныхъ. Когда процессіи въ этомъ было отказано и когда изъ оконъ зданія стали кидать каменья, тогда народъ бросился на ратушу. Янъ Жижка, когда-то простой солдатъ, одноглазый, при нападеніи на ратушу явился во главѣ черни. Двери были выломаны; толпа народа ворвалась въ ратушу, все переломала и истребила, захватила, кого только нашла, и выбросила изъ оконъ бургомистра, судью, двухъ совѣтниковъ и 6 судейскихъ слугъ. Чернь, стоявшая внизу около ратуши, докапала ихъ копьями, а одинъ совѣтникъ былъ казненъ въ застѣнкѣ ратуши. Извѣстіе объ этомъ привело Вячеслава въ такое озлобленіе, что съ нимъ сдѣлался нервный ударъ; онъ, конечно, не посмѣлъ вступить въ борьбу съ возставшими и когда тѣ приготовились къ вооруженному отпору, онъ заключилъ съ ними мирный договоръ. Для ихъ усмиренія онъ призывалъ императора Сигизмунда. Но еще до прибытія послѣдняго король былъ пораженъ вторичнымъ ударомъ и умеръ 16 августа 1419 года.

Провозглашеніе Сигизмунда королемъ Чехіи.

Какъ только разнеслась молва о смерти короля, населеніе Праги, ожесточившись, бросилось на монастыри, церкви, монаховъ, уничтожая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ образа, органы и церковную утварь. Въ страхѣ бѣжало изъ города все высшее духовенство, за нимъ слѣдомъ многіе богатые граждане, а въ особенности нѣмцы, къ которымъ простой народъ питалъ ненависть, какъ къ противникамъ новаго ученія. Паны и магнаты, въ видахъ прекращенія неистовствъ, рѣшились просить Сигизмунда, какъ наслѣдника престола, чтобы онъ какъ можно скорѣе взялъ на себя управленіе Чехіей; при этомъ было поставлено условіемъ, чтобы онъ сохранилъ за сословіями и населеніемъ свободу проповѣди и причащенія подъ обоими видами, и чтобы позаботился уничтожить жестокія постановленія собора и папы противъ народа чешскаго. Сигизмундъ принялъ предложеніе, назначивъ временною правительницею Чехіи вдову умершаго короля, Софію. Онъ увѣдомлялъ что не можетъ прибыть немедленно, такъ какъ занятъ дѣлами въ Венгріи, вслѣдствіе опасности со стороны турокъ; относительно же просьбы пановъ и магнатовъ объ удовлетвореніи чешскихъ интересовъ умолчалъ. Несмотря на такое молчаніе короля, партія чашниковъ или „подобоевъ“ утѣшало себя надеждою, что съ Сигизмундомъ можно достигнуть религіознаго примиренія. Но предводители народныхъ сборищъ не раздѣляли съ ними этой надежды, по справедливости видя въ Сигизмундѣ своего врага. Поэтому, пользуясь отсутствіемъ императора, они хотѣли упрочить свою безопасность и обезпечить, на сколько возможно, свое дѣло. Съ этою цѣлью они рѣшились взять въ Прагѣ королевскій замокъ, Градчинъ, расположенный на горѣ по другую сторону рѣки Молдавы; владѣть этимъ Кремлемъ, въ виду возвышеннаго его положенія, значило господствовать надъ всѣмъ городомъ. Табориты начали окружать Градчинъ; королева въ испугѣ бѣжала. Но магнаты и паны вмѣстѣ съ наемниками взялись защищать замокъ. Такимъ образомъ уже съ этихъ поръ въ средѣ утраквистовъ стали проявляться несогласія, которыя весьма вредно отозвались на ихъ дѣлѣ. Узнавъ о страшныхъ смутахъ въ Чехіи, Сигизмундъ оставилъ намѣреніе идти противъ турокъ и въ декабрѣ 1419 г. отправился въ Чехію. Но было уже поздно. Табориты заняли Градчинъ, а Прага была покрыта баррикадами.

Новому королю не удалось на этотъ разъ вступить въ свою столицу [1].

Табориты.

Сигизмундъ съ своими нѣмецкими крестоносцами, осѣняемый благословеніями папы, привелъ стотысячное войско на чешскихъ протестантовъ, но на первый же разъ потерпѣлъ неудачу и долженъ былъ думать о переговорахъ. Въ чемъ же заключалась тайна успѣховъ возстанія? Конечно, прежде всего въ религіозномъ энтузіазмѣ и въ томъ одушевленіи, которое было вызвано ученіемъ и несчастной судьбой Гуса. Этотъ же энтузіазмъ поддерживало и національное стремленіе чеховъ, такъ какъ дѣло, за которое страдалъ и умеръ Гусъ, касалось столько же національныхъ сколько и религіозныхъ интересовъ. Вожди таборитовъ явились въ одно и тоже время и духовными и свѣтскими главами, что придавало имъ огромную силу и вліяніе. Со всѣхъ сторонъ чешской земли населеніе текло на Таборъ. Тутъ были и крестьяне, и торговцы, и дворяне, владѣльцы богатыхъ имѣній: всѣ продавали свои имущества и шли на Таборъ со своими дѣтьми. Такимъ образомъ сюда стеклись пришельцы съ разныхъ концовъ Чехіи, представители всѣхъ сословій; соединенные однимъ духомъ, они образовали духовно-соціальную общину. Въ виду неуступчивости католическаго духовенства крайняя партія приняла рѣшительное направленіе.

Обрядность и всякая церковная внѣшность были уничтожены, потому что ту и другую считали несогласнымъ съ соотвѣтственными обычаями первобытной Церкви. Священники совершали службы въ простыхъ одеждахъ; всѣ украшенія были сняты; латинскій языкъ замѣненъ чешскимъ. Это многочисленное братство было столько же духовной, сколько и воинственной общиной. Всѣ члены общества обучались воинскому дѣлу, такъ какъ свои убѣжденія должны были отстаивать кровью. Оружіе ихъ было оригиналь-

---

[1] Для исторіи таборитовъ, подобоевъ и вообще гуситскихъ воинъ служатъ латинскія весьма тенденціозныя сочиненія, а именно: A. Silvius Piccolomini, Hist. Bohemiae. Cochlaeus, Hist. Hussitarum 1549. Theobaldus, Bellum Hussiticum, 1621. Въ XVII вѣкѣ была популярна между протестантами франц. книжка: I. B. Rocoles. Ziska, avec l'hist. des guerres et troubles par la religion (Leyd. 1685). На чешскомъ Arnold. Deje Husitu (Pr. 1848). Изъ русскихъ пособій компилятивное цитованное соч. Клеванова. Чешское вѣроисповѣдное движеніе. М. 1876, 2 т.

ное: табориты пугали рыцарей своими цѣпями, молотами, копьями; изъ ручныхъ пращей они мѣтко кидали камни во враждебный станъ. Дисциплина и религіозное воодушевленіе дѣлали чудеса; пѣшіе, они, несравненно въ меньшемъ числѣ, разгоняли тяжелый строй рыцарей, сидѣвшихъ на коняхъ.

Свержeніе Сигизмунда.

Ошибки Сигизмунда, обнаружившіяся въ самомъ же началѣ, обусловливались образомъ его дѣйствій. Дѣйствительно, онъ былъ тогда еще плохимъ дипломатомъ; уже впослѣдствіи онъ проявилъ политическое искусство и значительную долю хитрости. Онъ ничего не хотѣлъ уступить и не сошелся заблаговременно съ рыцарской партіей, предлагавшей ему свои услуги; напротивъ, онъ даже оскорбилъ магнатовъ и тѣмъ заставилъ ихъ перейти на сторону возставшихъ. Послѣ неудавшихся переговоровъ, табориты издали прокламаціи, призывавшія всѣ сословія чешскаго народа къ возстанію. Сверженіе Сигизмунда было провозглашено повсюду, гдѣ только не стояли нѣмецкія войска. Скоро была снаряжена депутація въ Краковъ съ предложеніемъ Владиславу, польскому королю,—править Чехіей.

Между тѣмъ война разразилась страшными жестокостями и съ той и съ другой стороны. Католическіе папы, пользуясь смутами, притѣсняли простой народъ; а тѣ, слыша, что на Таборѣ не знаютъ ни господъ, ни рабовъ и что всѣмъ руководитъ Жижка, воевода избранный народомъ, массами устремились сюда, — понятно, не изъ религіозныхъ только побужденій, но и по соображеніямъ чисто экономическимъ, съ цѣлью наживы въ предстоящей рѣзнѣ. Табориты съ особеннымъ удовольствіемъ разрушали богатые монастыри и церкви, не оставляя камня на камнѣ; они уничтожали замки богатыхъ феодаловъ, а тѣхъ, кто хотѣлъ укрыться въ нихъ, сжигали живьемъ. Когда же королевскія войска стали подходить къ Прагѣ, Жижка вздумалъ предупредить нѣмцевъ и загородилъ имъ дорогу при Сазавѣ. Здѣсь въ первый разъ были разбиты королевскія войска, и съ этихъ поръ побѣда стала сопутствовать т. н. чашникамъ и ихъ вождю Жижкѣ.

Тогда Сигизмундъ, съ цѣлію выручить Градчинъ, самъ подошелъ къ Прагѣ и хотѣлъ штурмомъ взять валы города; но стоило только защитникамъ Праги сдѣлать диверсію, и вся храбрость нѣмцевъ пропала. Сигизмундъ отступилъ и могъ отмстить лишь тѣмъ, что утопилъ въ Эльбѣ

17 человѣкъ утраквистовъ. За это въ свою очередь мстили ему воины Жижки и безпощадно избивали и жгли католическихъ священниковъ и монаховъ. Король не могъ взять Табора, хотя и успѣлъ овладѣть Градчиномъ и замкомъ, стѣснивъ самый городъ Прагу, окруженный валами. Уже болѣе побѣда не сопутствовала Сигизмунду и его нѣмцамъ.

Пражане, потерявъ замокъ, готовы были идти на сдѣлку и предлагали слѣдующія четыре условія, которыя послѣ были названы пражскими статьями. Это былъ тотъ компромиссъ, при которомъ Сигизмундъ, если бы онъ только дѣйствовалъ тактичнѣе, могъ бы удержать корону. Требованія были слѣдующія: 1) чтобы Слово Божіе свободно проповѣдывалось и католическими и гуситскими священниками безразлично; 2) чтобы во всей Чехіи было допущено причащеніе подъ обоими видами и притомъ свободное, т. е. чтобы народъ могъ пріобщаться св. Таинъ, гдѣ ему лучше; 3) чтобы духовенство отказалось отъ владѣнія недвижимыми имуществами; наконецъ, 4) чтобы все, противное Божескому закону, было искоренено въ чешской землѣ.

Сигизмундъ не сообразилъ качественной стороны этихъ вопросовъ и, надѣясь на свое стотысячное войско, цѣликомъ отвергъ статьи. Онъ думалъ легко справиться съ своими врагами, но на первыхъ же порахъ въ схваткѣ въ предмѣстьѣ Праги легко вооруженные пражане своими пращами одержали верхъ надъ соединеннымъ австрійскимъ, венгерскимъ и хорутанскимъ рыцарствомъ. Нѣсколько тысячъ нѣмецкаго сброда погибло въ этотъ день. Сигизмундъ, видя общее недовольство въ своемъ станѣ, палъ духомъ. Онъ долженъ былъ обратиться въ бѣгство, когда чехи, тайкомъ пробравшись въ нѣмецкій лагерь, произвели въ немъ переполохъ и пожаръ. Съ этого времени возникла та заклятая, непримиримая ненависть между двумя партіями, слѣды которой уже на національной почвѣ продолжаютъ проявляться и по сіе время. Не одни только католическіе писатели, но даже и протестантскіе, какъ напримѣръ кальвинистъ Шлоссеръ, не могутъ простить чехамъ ихъ успѣховъ надъ нѣмцами. Такъ Шлоссеръ сравниваетъ гуситовъ, по ихъ жестокости и страсти къ разрушеніямъ, съ дикими ордами Азіи, съ монголами Чингиза и Тамерлана. Чешскіе историки, даже католическіе, въ свою очередь съ одинаковымъ недружелюбіемъ относятся къ нѣмцамъ.

Послѣ перваго своего успѣха пражане стали лишать нѣмцевъ ихъ имуществъ. Лишь только Сигизмундъ оставилъ Прагу, магистратъ объявилъ собственностью народа всѣ имущества церквей. Тогда, какъ выражается пражскій историкъ Томка, однимъ ударомъ было уничтожено все, что добыли нѣмцы въ теченіе двухъ вѣковъ. Всѣ нѣмецкія позиціи въ странѣ, за удаленіемъ Сигизмунда, были сбиты и не существовали. Градчинъ сдался на капитуляцію. Сигизмундъ пробовалъ вернулся назадъ, но потерпѣлъ сильное пораженіе. Градчинъ пострадалъ: соборъ и дворецъ были разрушены. Теперь уже не могло быть никакого примиренія; всѣ связи Сигизмунда съ Чехіей были порваны; теперь онъ не могъ болѣе быть чешскимъ королемъ.

Анархисты и Жижка. († 11 окт. 1424 г.).

Такимъ образомъ революціонное движеніе, въ началѣ чисто религіозное, обратилось въ политическое. Еще въ первыхъ воззваніяхъ гуситовъ было сказано: „берегитесь, братья, тѣхъ, которые противодѣйствуютъ нашей религіи; особенно бойтесь нѣмцевъ. Боритесь съ ними непрестанно, какъ дѣлали наши предки, древніе чехи, которые съ охотою брались за оружіе не только для защиты Бога, но и для защиты самихъ себя. Намъ, братья, желающимъ общаго блага и почитающимъ Бога, необходимы большія усилія: кто можетъ владѣть мечемъ, кто можетъ махать дубиной, тотъ долженъ стоять въ рядахъ войска. Вы должны заставлять вашихъ священниковъ возбуждать народъ въ проповѣдяхъ и готовить всѣхъ для святой войны“. Позднѣйшія же воззванія, вышедшія изъ таборитскаго лагеря, написанныя радикальными демагогами, ясно дышутъ соціальнымъ направленіемъ.

Теперь въ Прагѣ вмѣсто Сигизмунда вздумали избрать въ короли Николая Гуса, одного изъ агитаторовъ, послѣ того какъ все движеніе приняло демократическій характеръ. Теперь уже не довольствовались въ религіи однимъ уничтоженіемъ обрядовъ. Упрощеніе принимало все большіе размѣры. Таинство евхаристіи толковали какъ только воспоминаніе Тайной Вечери. Явились пророчества о необходимости полнаго измѣненія соціальнаго устройства. Предполагалось, что судъ Божій грянетъ надъ землею и всѣ чешскіе города погибнутъ, подобно Содому и Гоморрѣ, кромѣ тѣхъ пяти, которые остались вѣрны истинѣ, т. е. Пильзена, Лауне, Жатицы, Слана и Кладова. Эти пророчества поддерживались и

распространялись людьми ожесточенными, недовольными современнымъ положеніемъ дѣлъ. Они начали уже проникать въ массу народа а оружіе, бывшее въ рукахъ, побуждало осуществить возможно скорѣе эти соблазнительныя предсказанія. Стали провозвѣщать, что всѣ злые люди, враги Божіи, должны быть истреблены, и что этотъ долгъ возложенъ на таборитовъ;— наступитъ время, когда Іисусъ станетъ представляться не какъ Богъ милости, но какъ Богъ мститель—Богъ грозы. По этимъ же пророчествамъ, Церкви чешской предстоитъ быть болѣе святой, чѣмъ сама первобытная апостольская Церковь. Не будетъ болѣе надобности ни въ крестѣ, ни въ писаніи, такъ какъ всѣ люди будутъ мудрыми, ибо рождаться будутъ безъ грѣха, и божественный законъ будетъ начертанъ въ ихъ сердцахъ. Не будетъ тогда ни мірянъ, ни священниковъ, ни господъ, ни подчиненныхъ; недвижимая собственность перестанетъ принадлежать кому либо; все будетъ общее и во всякомъ случаѣ нераздѣльное въ семьѣ.

Вотъ какими фантазіями занималась крайняя протестантская партія въ Прагѣ. Эта партія именно такимъ образомъ, т. е. въ смыслѣ соціальномъ, понимала настоящее политическое движеніе. Понятно, протестантскіе чешскіе историки должны приписывать неудачу возстанія разрозненности, лишившей возстаніе надлежащей силы и прочности. Преобладаніе крайней партіи совершенно извратило прямое направленіе и первоначальную цѣль движенія. Разрозненность, проистекшая изъ увлеченій, проявилась на самомъ Ѳаворѣ. Нѣсколько сотъ фанатиковъ серьезно вообразили себя ангелами-мстителями и начали приводить въ исполненіе свои пророчества. Они бѣгали по лѣсамъ и повсюду убивали мнимыхъ враговъ Божіихъ. Мало того, они раздѣлись и не стѣснялись являться нагими. Какая-то вакханалія, пахнувшая кровью, заразила собою окрестности Праги. Фанатики эти были прозваны за свое наивное подражаніе Адаму—адамитами. Нѣкоторые старались доказать, что вообще нѣтъ надобности въ какихъ либо церковныхъ обрядахъ: другіе утверждали, идя уже дальше, что нѣтъ ни Бога на небѣ, ни чорта въ аду, а что Богъ—въ добрыхъ, а чортъ—въ злыхъ. При такомъ поворотѣ дѣла Жижкѣ пришлось прибѣгнуть къ войнѣ, чтобы водворить порядокъ и спокойствіе въ своемъ лагерѣ (1).

(1) Одно изъ старыхъ сочиненій о Жижкѣ—Martin Kuthen (Kronica o rytiri Zizkovi, Pr. 15 — 64) Кромѣ цитованной на стр. 940 книжки Rocoles,—соч. Eckardt (Pr. 1784), Milauer (Pr. 1824), G. Sand (Par. 1843, Br. 1845).

Жижка началъ тогда отчаянную борьбу съ латинскимъ духовенствомъ и съ нѣмцами. Городъ за городомъ сдавались ему. Самъ пражскій архіепископъ, видя себя одинокимъ, перешелъ на сторону гуситовъ и началъ рукополагать священниковъ изъ чашниковъ. Еслибы не было раздоровъ, столь свойственныхъ славянамъ, то, несомнѣнно, чешскій протестантизмъ XV вѣка принесъ бы болѣе значительные результаты. Здѣсь можно наблюдать характерную черту славянскихъ движеній, не отличавшихся прочностью и постоянно страдавшихъ разрозненностью. Благодаря энергическимъ усиліямъ Жижки, водворился нѣкоторый порядокъ и единство въ лагерѣ, хотя на короткое время. Пражскія статьи были приняты даже и таборитами. Жижка думалъ объединить возставшихъ и прибѣгалъ для этой цѣли къ жестокимъ мѣрамъ: онъ безпощадно жегъ и вѣшалъ адамитовъ, а проповѣдниковъ ихъ заставлялъ подчиняться пражскимъ статьямъ. Онъ достигъ своего. Было назначено регентство до прибытія польскаго короля, которое нѣсколько замедлилось, потому что чешское посольство было перехвачено Сигизмундомъ. Тѣмъ временемъ Жижка, восторжествовавъ въ Чехіи, сталъ дѣлать набѣги на Моравію и безпощадно истреблять нѣмцевъ и тѣхъ феодаловъ, которые не хотѣли перейти на его сторону. Надо замѣтить, что Моравія принадлежала въ то время герцогу Альбрехту Австрійскому. Въ послѣднее время Сигизмундъ, желая упрочить императорскій престолъ въ своемъ домѣ, помолвилъ свою малолѣтнюю дочь Елизавету съ Альбрехтомъ Австрійскимъ. Въ своихъ планахъ Сигизмундъ дошелъ даже до того, что готовъ былъ продать родную дочь турецкому султану. Начался торгъ. Альбрехтъ грозилъ Сигизмунду войной, если только тотъ не отдастъ ему свою дочь. Такъ какъ Сигизмундъ оставался давно должникомъ Альбрехта, то онъ рѣшился примириться и согласился отдать Елизавету ея жениху. Съ ней посѣтили Альбрехта всякія несчастія. Ему пришлось вмѣшаться въ дѣло гуситовъ и стать главнымъ вождемъ Сигизмундова войска. У Жижки же, послѣ счастливыхъ побѣдъ въ Моравіи, являются грандіозные планы: онъ хочетъ водворить протестантизмъ въ сосѣднихъ земляхъ: въ Моравіи, въ Силезіи (у лужичанъ) и въ Польшѣ. Нѣсколько уже разъ онъ разбивалъ Альбрехта и проникалъ до его родовыхъ австрійскихъ владѣній; габсбургамъ теперь приходилось отказываться отъ своихъ наслѣдственныхъ земель. Когда Сигизмундъ съ

вновь набраннымъ войскомъ попробовалъ ударить на Чехію съ другой стороны, а именно съ востока, то Жижка въ сентябрѣ 1421 года нанесъ ему подъ Жатецомъ такое пораженіе, что послѣдствіемъ его была гибель 30 тысячъ нѣмецкаго войска. Это заставило Сигизмунда отступить изъ Чехіи и вымаливать помощь у нѣмецкихъ князей. Но рядъ предшествовавшихъ неудачъ разохотилъ германскихъ князей отъ участія въ дѣлѣ Сигизмунда, и онъ долженъ былъ взять съ собою итальянскихъ наемниковъ. Итальянцы и нѣмцы достигли Праги и расположились лагеремъ на ближайшей горѣ. Жижку не ждали. Онъ, узнавъ объ опасномъ положеніи Праги, быстро устремился сюда и, внезапно пробравшись въ непріятельскій лагерь, разбилъ и обратилъ въ бѣгство нѣмцевъ. Бѣглецы, какъ и Жижка, догоняя ихъ и перейдя границу Чехіи, ознаменовали свой путь страшнымъ пожаромъ. Оба года—1421 и 1422—были временемъ общаго разрушенія и варварства съ обѣихъ сторонъ. Въ 1423 году былъ съѣздъ нѣмецкихъ князей въ Нюренбергѣ. Сюда нѣмцы пригласили Сигизмунда и рѣшили составить общее ополченіе, но изъ совѣщанія ихъ ничего не вышло впродолженіе 1423 года.

Къ счастію для нѣмцевъ, передъ началомъ войны, уже ослѣпшій, Жижка умеръ въ октябрѣ 1424 года, во время одного изъ своихъ походовъ въ Моравію, въ лагерѣ подъ Пржибиславомъ. Фанатики, въ ознаменованіе смерти страшнаго слѣпца, совершили кровавую тризну, взявъ городъ приступомъ и истребивъ населеніе. Сначала Жижка былъ погребенъ въ Кёнигсгрецѣ, а потомъ перенесенъ въ Чаславль. Страшная палица, повѣшенная у гроба, служитъ его памятникомъ. Что касается до тѣхъ жестокостей, какими ознаменованы его походы, то обвинять его за нихъ нельзя. Жижка, на сколько могъ, сдерживалъ фанатизмъ своихъ воиновъ, но тотъ желѣзный, суровый вѣкъ требовалъ безпощадной мести врагамъ вѣры и врагамъ родины.

Со смертью Жижки не окончились гуситскія войны; онъ оставилъ свое дѣло въ рукахъ не менѣе энергичныхъ людей, хотя большая часть его послѣдователей, недовольныхъ существовавшимъ порядкомъ, отдѣлилась и составила особое общество подъ именемъ „сиротокъ". Жижка однимъ своимъ именемъ производилъ обаяніе столько же на нѣмцевъ, сколько на своихъ послѣдователей, которые при немъ и не думали о разъединеніи. Какой страхъ производило на нихъ имя Жижки,

видно изъ легенды, сложившейся по поводу его смерти. Говорятъ, что онъ не велѣлъ себя хоронить, завѣщавъ бросить свое тѣло на съѣденіе дикимъ звѣрямъ, а кожу отдать на отдѣлку барабана, чтобы звуками этого барабана устрашать нѣмцевъ. И дѣйствительно, какъ увидимъ впослѣдствіи, достаточно было одного имени Жижки, чтобы обратить въ бѣгство десятки тысячъ нѣмцевъ и крестоносцевъ.

Прокопы.

При жизни Жижка всегда надѣялся на своихъ учениковъ по военному дѣлу—двухъ Прокоповъ, Большаго (иначе Высокаго) и Малаго. Первый былъ когда-то монахомъ и потому назывался иногда Стриженымъ, второй наызвался Голымъ. Оба они были фанатическіе послѣдователи Гуса и принадлежали къ демократамъ, но ихъ политическія мечтанія сглаживалась практическими условіями; они никогда не позволяли себѣ увлекаться фантастическими теоріями. Оба Прокопа были на виду у своихъ единовѣрцевъ когда выдѣлились такъ называемые сиротки, требовавшіе себѣ нѣсколькихъ городовъ. Прокопъ Малый принялъ надъ ними фактическое начальство. Надъ таборитами же въ это время начальствовалъ Янъ Гвезда; центромъ послѣднихъ по прежнему оставался еще Таборъ. Демократическая партія, хотя и раздѣленная, продолжала преобладать надъ умѣренными „подобоями", состоявшими изъ пражскихъ горожанъ и дворянъ. Напрасно эта умѣренная партія, руководимая панами, сдѣлала попытку нанести ударъ демократамъ. Случилось наоборотъ. Прокопы разбили пановъ и подступили къ самой Прагѣ, хотя взять её не могли. Здѣсь смертельно былъ раненъ Янъ Гвезда, мѣсто котораго заступилъ Бугуславъ. Вскорѣ, когда Фридрихъ австрійскій хотѣлъ вторгнуться въ Чехію, между всѣми подобоями, умѣренными и крайними, былъ заключенъ союзъ. Общими силами они бросились на австрійскія земли и взяли австрійскій городъ Житецъ; при этомъ Бугуславъ былъ убитъ. Тогда огромное вліяніе получилъ любимецъ Жижки Прокопъ Большой. Онъ, хотя по женѣ былъ связанъ съ пражской буржуазіей, однако принадлежалъ къ крайнему гуситскому толку; при немъ табориты стали еще грознѣе. Подъ его предводительствомъ усилились вторженія чеховъ въ Моравію, Австрію, Саксонію и другія страны. Саксонскій герцогъ въ это время занималъ одинъ чешскій городъ Усти, подаренный ему Сигизмундомъ. Весной 1426 г. табориты и сиротки,

имѣя во главѣ обоихъ Прокоповъ, соединились и рѣшились отбить этотъ городъ у нѣмцевъ. Нѣмецкіе вожди имѣли неосторожность напасть на обозъ, но потерпѣли полную неудачу. Нѣмецкая кавалерія налетѣла на обозъ какъ на каменную стѣну, а чехи изъ за него, какъ изъ за крѣпости, били своихъ враговъ всѣмъ, что попадало подъ руку, колотили даже молотильными цѣпами, а длинными баграми удачно стаскивали нѣмцевъ съ коней. Наконецъ, нѣмцы отступили въ безпорядочномъ бѣгствѣ, и чехи захватили нѣмецкій лагерь изъ четырехъ тысячъ фуръ и телѣгъ. Эта битва была одной изъ кровопролитнѣйшихъ въ теченіи всѣхъ гуситскихъ войнъ. Нѣмцевъ въ ней пало до 15 тысячъ. На другой день былъ взятъ и сожженъ самый городъ. Въ слѣдующемъ 1427 году Прокопъ Великій вторгнулся въ Австрію и разбилъ австрійскаго герцога Фридриха, который потерялъ въ битвѣ съ нимъ до шести тысячъ нѣмецкихъ воиновъ. Теперь стоило только показаться гуситамъ передъ нѣмцами, какъ паническій страхъ овладѣвалъ послѣдними; бросая оружіе, они бѣжали безъ оглядки.

Среди этихъ громкихъ побѣдъ вожди гуситовъ все таки не достигли главнаго—установленія твердой правительственной власти. Въ ихъ движеніи, какъ было сказано, участвовало три партіи: табориты, сиротки и подобои вообще, считая тутъ и пражскихъ горожанъ и магнатовъ. На католической сторонѣ также не было единодушія: многіе изъ католиковъ, подобно таборитамъ, были недовольны существовавшимъ порядкомъ; одни не хотѣли Сигизмунда, другіе шли съ нимъ на соглашенія, требуя, чтобы богослуженіе было совершаемо на чешскомъ языкѣ; наконецъ многіе признавали прежній порядокъ легальнымъ, и ревностно отстаивали, вмѣстѣ съ папистами, безусловное право духовенства имѣть недвижимыя имѣнія. Понятно, что крайніе католики въ борьбѣ съ большинствомъ потерпѣли неудачу, такъ какъ они высказались слишкомъ рьяно. Но все-таки можно было предсказать, что окончательный перевѣсъ останется на сторонѣ реакціонной партіи уже по тому одному, что въ ней не было духа разъединенія, какое было въ лагерѣ гуситовъ. Невыгодное положеніе послѣднихъ, обусловливаемое раздорами, не обѣщало гарантіи какого либо успѣха. Раздоры среди воинственныхъ гуситовъ доходили до того, что нѣкоторые изъ нихъ готовы были скорѣе соединиться съ ка-

толиками, чѣмъ примириться съ сиротками или таборитами. Если бы было у гуситовъ единство, они были бы непобѣдимы, и католицизмъ въ Чехіи подвергся бы большой опасности. Но непобѣдимые при единствѣ, гуситы не могли не поддаться духу розни и братской вражды, которая лежитъ позоромъ на славянскомъ племени.

Еще восемь лѣтъ славы предстояло гуситамъ на поляхъ битвъ, въ которыя на своихъ знаменахъ они разнесли чешское имя въ отдаленнѣйшіе концы Австріи, Венгріи, Бранденбурга и другія сосѣднія страны. Папа Мартинъ V и его легатъ кардиналъ Генрихъ Винчестерскій, употребляли всѣ усилія, чтобы крестовой войной одолѣть ересь. Они набрали полчища кретоносцевъ. Въ іюлѣ 1431 года 150-тысячная армія крестоносцевъ, подъ предводительствомъ Фридриха Гогенцоллерна, герцога бранденбургскаго, вступила чрезъ Пильзенъ въ Чехію. Въ этомъ походѣ принялъ участіе и самъ легатъ Генрихъ. Казалось, что часъ гуситовъ пробилъ, но они не оробѣли, хотя у обоихъ Прокоповъ было войска не болѣе 16 тысячъ пѣшихъ и 4 тысячъ конницы. На этотъ разъ счастье имъ улыбнулось. При одномъ слухѣ о наступленіи таборитовъ, при одномъ звукѣ знаменитаго барабана Жижки, нѣмцами овладѣлъ паническій страхъ и они разбѣжались, не смотря на увѣщанія папскаго легата, который во время всеобщаго бѣгства, потерялъ хоругвь, крестъ и шляпу. Чехи, настигнувъ крестоносцевъ, избили ихъ нѣсколько тысячъ. Послѣ этого Прокопъ Большой пошелъ далѣе, знаменуя свой путь огнемъ и мечемъ; онъ подчинилъ своей власти большую часть нѣмецкихъ князей, сидѣвшихъ на исконныхъ славянскихъ земляхъ и, наконецъ, разбилъ въ Силезіи подъ Лигницемъ тѣхъ, которые рѣшились сопротивляться ему. Въ дальнѣйшихъ своихъ походахъ онъ доходилъ до Дуная. Отдѣльные же отряды гуситовъ вторглись въ Моравію, Австрію, Венгрію, всюду разрушая и сожигая нѣмецкіе селенія, города и богатые замки. Изъ этихъ походовъ гуситы принесли громадную добычу, массы фуража и провизіи, разные предметы роскоши и комфорта, множество разнаго рода драгоцѣнностей. Золотыя и серебряныя вещи, вслѣдствіе обилія ихъ, въ лагерѣ гуситовъ сильно понизились въ цѣнѣ.

Не смотря на эти блистательные успѣхи гуситовъ, самъ великій полководецъ ихъ Прокопъ Большой не льстилъ себя

обманчивыми надеждами. Онъ предвидѣлъ, что военное счастье можетъ покинуть его сподвижниковъ, если только въ рядахъ ихъ вселится духъ раздора. На этотъ разъ онъ подавилъ въ себѣ всякія личныя чувства и готовъ былъ идти на сдѣлку; онъ первый изъ крайнихъ рѣшился заговорить съ Сигизмундомъ, требуя отъ него только полной вѣротерпимости. Но Сигизмундъ и теперь упрямо стоялъ на своемъ; онъ предлагалъ созвать для гуситскаго дѣла соборъ въ Базелѣ. Отклонивъ это предложеніе, оба Прокопа продолжали войну и одержали новыя побѣды. Но уже согласія и прежняго единодушія въ лагерѣ гуситовъ не было. Между тѣмъ папа Мартинъ V, сознававшій необходимость созыва собора, въ февралѣ 1431 года умеръ. Преемникомъ его былъ выбранъ Евгеній IV. Этотъ папа, занятый реформою Церкви, собралъ соборъ въ Базелѣ (1).

Базельскій соборъ въ 1431 г.

Большинство чешскихъ утраквистовъ, утомленныхъ долгою борьбою, встрѣтили Базельскій соборъ сочувственно. Они надѣялись, что, благодаря ихъ военнымъ успѣхамъ, на соборѣ будетъ утверждено право причащенія подъ обоими видами. Они собрались въ Прагѣ и положили отправить на соборъ пословъ, чтобы объявить на немъ о своей готовности принять всѣ рѣшенія собора. Но на соборѣ, по достаточномъ обсужденіи дѣлъ еретиковъ, было отложено окончательное рѣшеніе до результатовъ новаго крестоваго похода. Противъ чеховъ снова шли огромныя силы въ 130 тысячъ, между тѣмъ какъ у Прокоповъ было всего 50 тысячъ пѣхоты и тысячъ пять конницы. Всѣ чешскіе протестанты, какъ и прежде, соединились и рѣшились дѣйствовать сообща. Результатъ новаго крестоваго похода былъ не лучше перваго. При первомъ звукѣ знаменитаго барабана Жижки крестоносцы бросились бѣжать. Чехи ихъ преслѣдовали и подъ Дамажлицами нанесли имъ окончательный ударъ, истребивъ нѣсколько тысячъ католиковъ и захвативъ 3 тысячи повозокъ. Соборъ заговорилъ болѣе мягкимъ тономъ; во всей Чехіи тоже желали мира, что было естественно, такъ какъ вся страна отъ продолжительной войны была разорена. Поля оставались незасѣянными, про-

---

(1) Источники и пособія указаны выше на стр. 932. Прибавимъ, что есть въ русской литературѣ статья проф. Надлера о значеніи Базельскаго собора въ журналѣ «Духовный Вѣстникъ» за 1865 г.

мышленность ослабѣла, торговля остановилась, царила солдатчина со всѣми послѣдствіями ея, пагубными для развитія государственной и экономической жизни. Военные начальники стали истинными злыми геніями страны и горожанъ, покорно повиновавшихся суровымъ ихъ требованіямъ; никто не былъ гарантированъ въ своей собственности отъ проходившихъ воиновъ. Поэтому-то всѣ желали мира, но только подъ условіемъ вѣротерпимости. Между тѣмъ Прокопъ Большой дѣйствовалъ по прежнему энергично. Онъ побывалъ вездѣ, на востокѣ, западѣ и югѣ, только еще не заглядывалъ на сѣверъ. Въ тѣхъ видахъ, чтобы заставить Базельскій соборъ быть сговорчивѣе, онъ предпринялъ свою военную прогулку и туда. Здѣсь онъ прошелъ, наводя повсюду трепетъ, до самого берега Балтійскаго моря. Разорять на сѣверѣ болѣе было нечего; страна, заселенная полудикарями, была чрезвычайно бѣдна. Забравъ все, что было можно, Прокопъ вернулся назадъ. Но этимъ онъ не удовольствовался; для побужденія собора къ сговорчивости, Прокопъ сдѣлалъ экспедиціи въ Венгрію и вторичную въ Силезію.

Между тѣмъ еще въ іюлѣ 1425 года въ Краковѣ польскій король заключилъ съ Чехіей наступальный союзъ противъ Сигизмунда, при чемъ чехи согласились на возведеніе на чешскій престолъ сына его Владислава, тогда еще малолѣтняго. Теперь, въ 1431 году, Прокопъ, напугавъ своими походами католиковъ, съ внушительнымъ конвоемъ поѣхалъ въ январѣ въ Базель на соборъ. Прежде всего на соборѣ стали толковать о четырехъ пражскихъ статьяхъ. Соборъ, давая чехамъ право на свободу причащенія подъ обоими видами (sub utraque), никакъ не соглашался исполнить требованіе третьей статьи, которая была самою серьезною и отъ рѣшенія которой зависѣло все остальное. Третья статья, какъ было сказано, касалась воспрещенія церковной собственности и полнаго невмѣшательства духовенства въ дѣла гражданскія. Такимъ образомъ, черезъ десять лѣтъ послѣ блистательныхъ побѣдъ гуситовъ, пришли къ тому, съ чего слѣдовало бы начать. Но утраквисты не могли удовлетвориться исполненіемъ одной статьи, которая, надо замѣтить, на соборѣ ставилась не такъ, какъ желали побѣдители. Теперь подобои стали отказываться отъ того, чего требовали прежде; теперь они стали требовать сдѣлать обязательнымъ для всѣхъ причащеніе подъ обоими видами въ Чехіи и Моравіи, а въ Польшѣ и Силезіи—для желающихъ.

Базельскіе компактаты.

Прокопъ на соборѣ упорно отстаивалъ свои требованія. Онъ говорилъ не отъ себя, а какъ бы отъ лица всѣхъ славянскихъ народностей. Соборъ, послѣ разныхъ колебаній, въ отвѣтъ на требованія постановилъ, чтобы причащеніе подъ обоими видами было установлено въ Чехіи и Моравіи только для взрослыхъ. Послѣ долгихъ споровъ сошлись на слѣдующихъ четырехъ статьяхъ, которыя, въ сущности, были уступками противъ Пражскихъ статей. Эти статьи были названы Базельскими компактатами. *Первая* статья дозволяетъ причащеніе подъ обоими видами. *Вторая* установляетъ, что духовенство можетъ быть судимо свѣтскими судьями, но только при духовныхъ депутатахъ. *Третья* дозволяетъ свободу проповѣди слова Божія лицамъ на то поставленнымъ, но не во всѣхъ католическихъ храмахъ. *Четвертая* статья говоритъ, что духовенство не должно вмѣшиваться въ гражданское управленіе. Слово „владѣть“ замѣнялось другимъ— „управлять“, что, въ сущности, было одно и тоже. Базельскими компактатами было сдѣлано много уступокъ, но они не привели ни къ чему. Пока происходили переговоры, табориты цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ осаждали безуспѣшно Пильзенъ. Долговременная стоянка разстроила дисциплину и вызвала рядъ волненій. Къ этому присоединился недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Чтобы добыть необходимое для лагеря, ихъ „гетманы“ съ небольшимъ отрядомъ вторгнулись въ Баварію и потерпѣли пораженіе. Это первая и притомъ неожиданная неудача поселила недовѣріе къ вождямъ. Возстаніе пришлось усмирять самому Прокопу Большому, при чемъ онъ былъ раненъ однимъ гуситомъ на столько тяжело, что долженъ былъ ѣхать въ Прагу лѣчиться. Сигизмундъ, только что коронованшійся императорской короной, поспѣшилъ воспользоваться этою смутой, происшедшей въ рядахъ гуситовъ. Временное правительство, за болѣзнію Прокопа Большаго, стало исподоволь распускать грозные полки таборитовъ и сиротокъ. Панская партія тогда же предложила Сигизмунду явиться въ Прагу съ войскомъ. Это оскорбило обоихъ Прокоповъ, никогда не скрывавшихъ своихъ намѣреній относительно будущаго, такъ какъ дѣло было кончено безъ ихъ разрѣшенія.

Реакція гусизму.

Между тѣмъ реакція стала сказываться очень рѣшительно. Самъ Прокопъ Большой, страдавшій отъ раны, видимо усталъ и изнемогъ въ борьбѣ съ враждебными въ лагерѣ элементами и не протестовалъ, когда въ Прагѣ на его глазахъ подготовлялась аристократическая оппозиція движенію, которое начинало запугивать. Онъ даже далъ свое согласіе на учрежденіе временнаго правительства, во главѣ котораго былъ поставленъ панъ Алексѣй изъ Розенберга; членами земскаго совѣта были избраны 12 мужей изъ всѣхъ сословій. Это были люди умѣреннаго направленія. Но истиннымъ руководителемъ правительства былъ ревностный католикъ Менгардъ изъ Градца, знатный и вліятельный панъ, который хотя и признавалъ „компактаты", но предпочиталъ въ душѣ полное возстановленіе прежнихъ политическихъ и церковныхъ порядковъ. Онъ велъ дѣятельныя сношенія съ послами базельскаго собора, самъ скрывался за правительствомъ, но въ сущности руководилъ имъ. По его мысли въ апрѣлѣ 1433 году организовался тайный политическій союзъ, куда вошли сторонники прежняго строя, преимущественно богатые и знатные вельможи. Они скоро стали вербовать открыто приверженцевъ на свою сторону, скрывая истинныя цѣли и указывая только на грозную опасность со стороны таборитовъ. Почти весь т. н. Старый городъ, цѣлая половина населенія столицы, была привлечена къ союзу, который тогда пересталъ уже скрываться и, обладая большими денежными средствами, началъ открыто вербовать войско даже изъ таборитовъ, изъ коихъ одни перебѣгали за деньги, другіе изъ желанія добычи, а очень немногіе даже по убѣжденію. Изъ Пильзена политическій центръ тяжести перешелъ въ лагерь у Качина, подъ Кутной горой. Въ началѣ мая эта новая армія пришла въ столицу и силою заставила населеніе новаго города присоединиться къ союзу. Вожди союза все еще продолжали обманывать своихъ приверженцевъ въ истинной цѣли лиги, но когда католическіе паны, бывшіе ненавистники Гуса, привели свои силы на помощь союзу, то не могло быть сомнѣнія въ томъ, къ чему приведетъ реакція. Тогда было получено въ Прагѣ извѣстіе, что старый Сигизмундъ (ему было тогда 65 лѣтъ) короновался, наконецъ, въ Римѣ императорской короною (31 мая 1433 г.) и возвращается изъ Италіи, гдѣ онъ провелъ два года. Менгардъ подготовилъ возстановленіе люксембургскаго трона въ Чехіи. Сигизмундъ не обѣщалъ своимъ

приверженцамъ земель и доходовъ, но выразилъ словесное согласіе на компактаты, а сдѣлавъ уступки утраквистамъ, вполнѣ обставилъ возможность реставраціи прошлаго въ будущемъ.

Битва подъ Липанами въ 1434 г.

Когда стало извѣстнымъ предстоящее прибытіе Сигизмунда, и когда истинные планы земскаго союза раскрылись, Прокопъ Старшій бѣжалъ изъ Праги, а Прокопъ Младшій соединилъ свои отряды съ оставшимися гуситскими воинами въ лагерѣ и снявъ осаду Пильзена, бросился на Прагу. Паны уклонились отъ боя. Оба Прокопа кликнули кличъ къ соотечественникамъ; 23 города отозвались на ихъ зовъ. Но теперь противники, предводительствуемые Діонисіемъ Борекомъ (изъ Милетинка) ихъ не боялись. Недалеко отъ Колина, подъ Липанами, 30 мая 1434 года произошло рѣшительное и роковое для таборитовъ и вообще для гуситовъ побоище. Въ началѣ сраженія табориты мощнымъ ударомъ опрокинули непріятеля, и пустились преслѣдовать его и конные и пѣшіе; обозные оставили свои фуры и бѣжали за врагами. Затѣмъ произошло нѣчто неожиданное, повторилось то, что случилось 24 годами ранѣе въ битвѣ подъ Танненбергомъ (II, 981). Легкая конница ударила съ фланга на преслѣдующихъ, разстроила ихъ и окружила, отрѣзавъ отъ обоза. Тогда въ свою очередь преслѣдуемые остановились, перестроились, бросились на таборитовъ, начали стрѣлять и рѣзать ихъ безпощадно. Въ этомъ бою погибли оба Прокопа и всѣ храбрые гетманы; 13 тысячъ таборитовъ было убито; въ плѣнъ взяли не болѣе 700 человѣкъ, которыхъ тогда же сожгли живыми въ срубахъ, по приказанію Менгарда. Изъ всего, прежде грознаго, таборитскаго войска остался небольшой конный отрядъ, съ которымъ Янъ Чанекъ укрылся въ Колинѣ.

Послѣдствія ея.

Теперь реакція пошла быстрыми шагами. Прежде отцы базельскаго собора торговались съ гуситами и дѣлали свои предложенія осторожно, видя передъ собою грозную силу таборитовъ. Теперь, когда ихъ не стало, роли перемѣнились [1]. Они стали предписывать условія и заговорили инымъ тономъ, замѣчая между прочимъ, что самые компактаты явля-

---

(1) Palacky. Urkunddliche Beiträge zur Geschichte des Husitenthums in den Jahren 1419—1436 (Pr. 2 B. 1872—73).—Peschek. Gesch. der Gegenreformation in Böhmen.

ются теперь лишними, и что все должно быть по старому. Весь вопросъ заключался въ томъ, удастся ли Сигизмунду водвориться въ королевствѣ? Опытный старецъ, посѣдѣвшій въ политической борьбѣ, употребилъ всю свою изворотливость, чтобы достигнуть цѣли. Онъ не скупился на уступки и всякаго рода обѣщанія, пока былъ безсиленъ, и отказывался отъ тѣхъ и другихъ, когда его положеніе упрочивалось.

Сплоченіе разрозненныхъ религіознымъ движеніямъ элементовъ шло столько же снизу, сколько сверху. Сиротки и табориты сошлись съ утраквистами, которые продолжали составлять подавляющее большинство въ Чехіи. На соборѣ въ Прагѣ, созванномъ вскорѣ послѣ Липанской битвы, для устройства церковныхъ дѣлъ, было формулировано ученіе утраквистовъ въ 19 статьяхъ министромъ Яномъ Рокичаною, который вскорѣ па сеймѣ былъ избранъ архіепископомъ пражскимъ, съ правомъ допускать публичное причащеніе подъ обоими видами и посвящать священниковъ - утраквистовъ. Сигизмундъ охотно согласился хлопотать за Рокичану передъ папой,—когда будетъ избранъ королемъ. При этомъ императоръ, такъ усердно добивавшійся чешскаго трона, 6 іюля 1435 года далъ чехамъ грамоту, въ которой впередъ обѣщалъ согласиться на всѣ желанія мѣстныхъ соборовъ и сеймовъ по церковнымъ дѣламъ, между прочимъ на всѣ обряды утраквистовъ, на недопущеніе иноземцевъ въ духовные суды, обязавшись не препятствовать льготамъ, которыя выговорятъ себѣ чехи и мораване въ церковныхъ дѣлахъ. Онъ склонялъ и отцовъ Базельскаго собора къ уступкамъ, намекнувъ, что таковыя будутъ временными и что вся суть вопроса заключается въ пріобрѣтеніи чешскаго трона. Благодаря общей склонности къ соглашенію, въ слѣдующемъ 1436 году (5 іюля) чехи признали компактаты, а черезъ нѣсколько недѣль, 23 августа 1436 г., Сигизмундъ, избранный королемъ, имѣлъ торжественный въѣздъ въ Прагу. Хотя король, передъ вступленіемъ на престолъ издалъ грамоту (маестатъ), въ которой подтверждалъ земскія льготы, но теперь ничто не мѣшало ему дѣйствовать въ интересахъ католицизма и Рима. Искренній католикъ, онъ считалъ такую политику даже своимъ нравственнымъ долгомъ по отношенію къ высшему для него авторитету, къ папѣ. Онъ не придавалъ значенія тому обстоятельству, что во всей Чехіи только два города (Пильзенъ и Будвейсъ) съ окрестными селами придерживаются католическихъ обрядовъ;

для него достаточно было того, что за католицизмъ нѣмцы и знатные паны. Два послѣднихъ года его царствованія прошли въ энергичной борьбѣ за возстановленіе прежняго порядка. Онъ роздалъ вліятельныя мѣста католикамъ, а городскимъ головою Праги посадилъ того самого Менгарда, который жегъ живьемъ гуситовъ. Оффиціально Сигизмундъ хлопоталъ въ Базелѣ объ утвержденіи Рокичаны, но секретно писалъ въ Римъ чтобы это ходатайство было отклонено. Потому Рокичана долженъ былъ идти на новыя уступки.

Какъ бы то ни было, Сигизмундъ употребилъ всѣ усилія на успокоеніе страны и достигъ въ значительной степени своей цѣли. Число таборитовъ и утраквистовъ уменьшалось, а католиковъ увеличивалось. Теперь религіозное движеніе въ Чехіи проявилось въ другой формѣ; оно отрѣшилось отъ связей съ политикой и сразу стало чуждымъ всякаго воинственнаго и наступательнаго характера. Но вмѣстѣ съ тѣмъ погромъ, нанесенный гусизму подъ Липанами, обусловилъ и другія интересныя явленія.

Хельчицкій въ Чехіи и его ученіе.

Въ борьбѣ католицизма съ гусизмомъ въ концѣ концовъ торжествовалъ монархическій принципъ. Подавленіе радикальныхъ, протестантскихъ стремленій привело само собою къ торжеству монархической власти и вмѣстѣ съ тѣмъ къ усиленію въ этой славянской землѣ германизма. Примѣръ Гуса, нужно замѣтить, не былъ единоличнымъ. Одновременно съ нимъ являлись и другіе учители народа съ протестантскимъ направленіемъ. Изученіе такихъ направленій—хотя бы въ сферѣ отвлеченной, литературной—важно для ознакомленія съ идеями времени. Эти идеи мы узнаемъ изъ литературныхъ произведеній, какъ изъ богословскихъ, такъ и изъ политическихъ. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ указать на сторонника Гуса, Петра Хельчицкаго, ученіе котораго было распространено въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XV столѣтія и отъ котораго по прямой линіи ведутъ свое происхожденіе гернгутеры, впервые получившіе извѣстность въ общинѣ Григорія (Řehoř), племянника Рокичаны. Для насъ интересно то, насколько проникли въ массу радикальныя тенденціи и насколько онѣ противодѣйствовали духу времени, тогда строго государственному (¹).

(¹) О Хельчицкомъ въ исторіи Палацкаго и трудахъ Hindely (Geschichte der Böhmischen Brüder), Krummel (Gesch. der böhm. Reformation,

Хельчицкій происходилъ изъ бѣдной шляхты и получилъ очень скудное образованіе въ Пражскомъ университетѣ, гдѣ не кончилъ курса; онъ даже не зналъ по-латыни. Хельчицкій исходилъ изъ одного Евангелія, въ которомъ видѣлъ источникъ богословскихъ знаній и даже житейской мудрости. Все свое вниманіе онъ сосредоточилъ на устройствѣ первоначальной христіанской общины и полагалъ воскресить тѣ условія, въ которыхъ она развивалась. Въ теоріи Хельчицкій не могъ быть силенъ по недостатку знаній и потому сосредоточился на практической дѣятельности. Христіанство, по ученію Хельчицкаго, есть любовь къ ближнему. Слѣдовательно оно не требуетъ никакой внѣшней формы; оно не нуждается во внѣшней церкви, ея служителяхъ и обрядахъ; оно есть непосредственное чувство. „Къ чему государство? къ чему законъ? спрашивалъ онъ, они не могутъ заставить человѣка любить своего ближняго. Не нужно никакого строя, чтобы быть истиннымъ христіаниномъ“. Вообще, по его мнѣнію, Богъ никого не желаетъ принуждать къ добродѣтели, и та добродѣтель, которая проявляется по принужденію, неугодна Богу. Тоже говорилъ Гусъ, но лишь по поводу свѣтской власти папы, такъ какъ государства онъ не касался. У Хельчицкаго, же вопросъ ставится шире: онъ отвергаетъ потребность въ самыхъ писанныхъ законахъ. Въ этомъ смыслѣ и нужно отличать направленіе Хельчицкаго отъ дѣятельности Гуса. Въ сочиненіи Хельчицкаго объ антихристѣ, которое по-чешски называется—O šelmè a obrazu jejim,—проводится свѣтскій взглядъ на папскую власть. Онъ говоритъ, что истина въ христіанствѣ господствовала только до Константина Великаго. Когда императоры приняли христіанство, они усвоили его только внѣшнимъ образомъ, а содержаніе осталось языческое; языческій pontifex maximus совершенно обособился въ папѣ. Языческіе императоры обязались защищать христіанство; отъ этого обѣ власти поддерживаютъ одна другую, властители же преслѣдуютъ свои личныя цѣли. Требуя разрушенія существующей Церкви, Хельчицкій вмѣстѣ съ тѣмъ, вопреки Гусу, открыто не признавалъ никакой государственной власти.

1866). Сочиненія Хельчицкаго—даже его знаменитая «Сѣть вѣры»—доселѣ не изданы и извѣстны только въ отрывкахъ, благодаря извлеченію Сабины (Dejepis literatury československe, Pr. 1866, стр. 734—7). См. также изсл. проф. Кочубинскаго. Братья Подобои. Харьковъ, 1863.

Всякая власть—будетъ ли то правительственная, или даже муниципальная—направлена къ неисполненію христіанскаго догмата; она—остатокъ язычества, потому что только для язычества требовалось понужденіе, а христіанство въ немъ не нуждается. Всякія гражданскія должности устроены для противодѣйствія грѣху; чѣмъ болѣе люди удалились отъ Бога, тѣмъ больше потребности во властяхъ. „Будьте христіанами, взывалъ Хельчицкій, и вамъ не нужно будетъ ни короля, ни церкви". Петръ, не терпя насиліе, совѣтовалъ покоряться и терпѣть; христіанинъ долженъ страдать, а не преслѣдовать, повиноваться, а не повелѣвать; христіанинъ не долженъ поднимать оружіе на ближняго. Это ученіе раздѣлило послѣдователей Гуса и Хельчицкаго. Послѣдній осуждалъ гуситовъ за рѣзню и обвинялъ Гуса, какъ сектатора новой вѣры. Конечно, Хельчицкій отвергалъ и всѣ аттрибуты власти; онъ отрицалъ сословныя привилегіи, судъ, право государственной власти присуждать къ смертной казни. Таково было это анархическое ученіе—смѣсь мистицизма и политическаго радикализма, ученіе, высказанное въ центрѣ Европы, въ одной изъ славянскихъ земель, въ которой проявилась теперь мимолетная реакція противъ новыхъ государственныхъ стремленій. Такія ученія имѣли нѣкоторый успѣхъ потому, что въ глазахъ чеховъ прикрывались національными интересами. Но религіозный пылъ уже значительно охладился послѣ побѣды утраквистовъ, за которой должно было послѣдовать возстановленіе всего стараго порядка, а слѣдовательно и онѣмеченіе. Извѣстно, что въ религіозныхъ движеніяхъ заправляетъ чувство, энтузіазмъ, а не разумъ: чѣмъ больше энергіи, смѣлости и энтузіазма, тѣмъ болѣе успѣха. Всякія соглашенія ведутъ здѣсь къ возстановленію старыхъ порядковъ. Утраквисты не были людьми, которыми управлялъ бы религіозный энтузіазмъ; они сами были продуктомъ извѣстнаго соглашенія; утраквисты должны были уступить, когда имъ пришлось дѣлить власть съ католиками, имѣвшими твердыя преданія. Можно привести много фактовъ неискренности, лицемѣрія даже наиболѣе выдающихся изъ утраквистовъ. Примѣромъ можетъ служить архіепископъ Янъ изъ Рокичанъ. Всѣ знали, что онъ потому только остался на сторонѣ утраквистовъ, что папа Евгеній IV отказалъ ему въ санѣ архіепископа. Этотъ агитаторъ забывалъ, что вчера еще готовъ былъ присоединиться къ

католической Церкви, которую теперь позоритъ, отвергаетъ, называя ее блудницею. „Народъ оскопился, говоритъ онъ, и столько же сталъ похожъ на христіанъ, сколько размалеванный Петръ похожъ на апостола Петра“. А между тѣмъ онъ былъ крупнымъ дѣятелемъ между утраквистами, и въ немъ Сигизмундъ усматривалъ главное препятствіе къ реставраціи.

Король Альбрехтъ (1438—39 г.).

Еще при Сигизмундѣ, не считавшемъ себя связаннымъ никакими обязательствами, католическая Церковь стала возвращать въ Чехіи прежнія позиціи. Больной Сигизмундъ еще при жизни передалъ свои права на чешскій престолъ зятю своему Альбрехту. Противъ этого были многіе вліятельные папы, которые предпочитали видѣть на престолѣ супруга цезаря, императрицу Варвару, родомъ англичанку. Возмущенный этимъ, Сигизмундъ подвергнулъ домашнему аресту свою жену, и увезъ ее изъ Праги въ Зноимъ, гдѣ продолжалъ настаивать на признаніи правъ своего зятя. Здѣсь онъ скончался 11 декабря 1437 г. Утраквисты были не противъ Альбрехта,—они теперь требовали исполненія всѣхъ Базельскихъ постановленій, а наиболѣе энергично отстаивали только одно,—причащеніе виномъ и хлѣбомъ порознь. Самые вліятельные изъ утраквистовъ, регенты государства, не хотѣли и этихъ ограниченій, а добровольно отдавали себя въ рабство католикамъ и нѣмцамъ; изъ числа ихъ выдавался Менгардъ изъ Градца. Раздраженные этимъ, наиболѣе ревностные изъ утраквистовъ, въ союзѣ съ таборитами, пригласили на чешскій престолъ польскаго короля. Такъ какъ тотъ самъ не хотѣлъ принять трона, то выбрали брата его, и 4000 поляковъ пришли для поддержки его въ Чехію. Если бы Владиславу польскому удалось завоевать чешскій престолъ, то послѣдствія соединенія двухъ славянскихъ государствъ были бы весьма серьезны: повторились бы крупныя славянскія монархіи Болеслава Храбраго и Святополка Моравскаго. Но, конечно, нѣмцы не могли допустить соединенія двухъ славянскихъ народовъ. Австрійскіе и вообще нѣмецкіе рыцари массами стекались на помощь Альбреху. Альбрехтъ былъ зять Сигизмунда; онъ былъ женатъ на дочери его, Елизаветѣ, слѣдовательно, онъ выигрывалъ именемъ своей жены, а не личными достоинствами. Поляки расположились въ Таборѣ, гдѣ бились нѣкогда Прокопы. Здѣсь опять произошли битвы; воевали пять недѣль, но дѣло ограничивалось мелкими стычками, а до рѣшительнаго

сраженія не доходило. Когда разнесся слухъ, что самъ польскій король идетъ на помощь брату, тогда Альбрехтъ оставилъ высоты Табора и воротился въ Прагу. Владиславъ дѣйствительно пошелъ на нѣмцевъ, но война была непродолжительна: турки помѣшали соединенію славянъ. Въ виду движенія турокъ на Европу два кандидата на чешскій престолъ заключили между собой перемиріе.

Безкоролевье.

Когда король Альбрехтъ умеръ въ концѣ 1439 г., не оставивъ послѣ себя наслѣдника, то несогласія въ Чехіи еще болѣе усилились. Въ 1440 году у вдовы его Елизаветы, родился сынъ Владиславъ, по праву наслѣдникъ чешскаго и венгерскаго престоловъ. Венгры не приняли его и пригласили Владислава польскаго. Тогда въ Чехіи стали выбирать короля; этимъ дѣломъ заправляли ловкіе интриганы, собственно тѣ изъ утраквистовъ, которые хотѣли примириться съ католиками. Для избранія короля назначенъ былъ сеймъ въ Прагѣ; въ составъ избирателей вошли: 18 пановъ, 14 рыцарей и 14 горожанъ. Остановились на нѣсколькихъ кандидатахъ, и между прочимъ, на баварскомъ герцогѣ Альбрехтѣ. Но вдова Альбрехта, зятя Сигизмунда, вызывала такое сочувствіе, что чехи стали склоняться на сторону малолѣтняго князя. Когда Елизавета неожиданно умерла (въ 1442 г.), то возникъ вопросъ о регентѣ. На это мѣсто болѣе всего имѣлъ правъ Фридрихъ Штирійскій, но онъ отказался. Дошло до того, что чехи, нѣкогда боровшіеся съ нѣмцами подъ знаменемъ гусизма, теперь истомленные, сами просятъ нѣмцевъ принять ихъ подъ свою твердую руку. Къ сожалѣнію, главный кандидатъ на чешскій престолъ, Владиславъ король польскій и венгерскій былъ убитъ въ битвѣ съ турками подъ стѣнами Варны (1444 г.).

Юрій изъ Подѣбрадъ.

Народная партія, въ лицѣ 24-лѣтняго Юрія изъ Подѣбрадъ, снова появляется на сцену. Юрій Подѣбрадскій не принадлежалъ къ партіи утраквистовъ; скорѣе его симпатіи были на сторонѣ таборитовъ, но государственный умъ удерживалъ его отъ крайностей. Отецъ его разбилъ Сигизмунда въ битвѣ при Вышеградѣ, но Юрій выдвинулся вовсе не заслугами отца, а собственными достоинствами. Онъ извѣстенъ былъ не только государственными способностями, но также и опытностью. Однако самое присутствіе Юрія во главѣ національной

партіи не обѣщало еще успѣха. Заслуга Юрія Подѣбрадскаго состояла въ томъ, что онъ умѣлъ связать церковные интересы съ политическими и оживить уснувшія надежды и упованія чеховъ. Онъ понималъ, что въ гусизмѣ заключаются тѣ могучія орудія, которыя могутъ быть направлены въ пользу національнаго дѣла.

Подѣбрадъ сталъ настаивать предъ императоромъ Фридрихомъ, во первыхъ, на выдачѣ малолѣтняго Владислава государству въ опредѣленный срокъ и, во вторыхъ, на утвержденіи архіепископомъ Рокичаны. Подѣбрадъ сознавалъ, что радикальныя ученія таборитовъ, Хельчицкаго и всякія крайнія и анархическія стремленія только напрасно волнуютъ политическія страсти. Это заставило его примкнуть къ утраквистамъ, вслѣдствіе чего лагерь таборитовъ окончательно и навсегда опустѣлъ; послѣдніе табориты смѣшались съ утраквистами. Вмѣсто таборитовъ образовалась братская община— послѣдователей Хельчицкаго, не отличавшаяся многочисленностью своей, но имѣвшая будущее. Вскорѣ Юрій сталъ во главѣ городскихъ и народныхъ стремленій противъ аристократической и папистской партіи. Юрій Подѣбрадъ возстановилъ въ Чехіи народное управленіе, въ которомъ перевѣсъ получили утраквисты. Чехія опять начинаетъ играть роль въ исторіи и возбуждать надежды и въ другихъ славянскихъ земляхъ. Это обусловливалось тогдашнимъ положеніемъ религіознаго вопроса въ Чехіи.

Когда въ 40-хъ годахъ XV столѣтія гусизмъ потерялъ значительную долю силы, то сталъ сближаться съ католическою церковью. Съ перваго взгляда кажется страннымъ, какъ могъ чешскій протестантизмъ, получившій въ Базельскихъ компактатахъ самостоятельное положеніе, отречься отъ выгодъ, имъ пріобрѣтенныхъ. Гильфердингъ объясняетъ это тѣмъ, что въ это время въ положеніи гусизма была существенная фальшь. „Гуситское исповѣданіе хотѣло опираться на авторитетъ Церкви католической и, ссылаясь на освященіе, данное ему Базельскимъ соборомъ, считало себя вѣрнымъ этому авторитету; а тотъ, въ комъ сосредоточивался весь авторитетъ церкви католической, папа, предавалъ это самое гуситское исповѣданіе проклятію, какъ ересь, требуя отъ послѣдователей его безусловнаго повиновенія. Это внутреннее противорѣчіе томило, обезсиливало, гуситовъ и оставаться въ такомъ положе-

нія долго было невозможно" ([1]). Все это совершенно вѣрно; дѣйствительно гусизмъ ослабѣлъ отъ того, что вступилъ въ сдѣлку съ католицизмомъ. Но, прибавимъ, что гусизмъ ослабѣлъ и отъ того, что не былъ поддержанъ энтузіазмомъ, что въ немъ не было вѣры въ самого себя. Во всякомъ религіозномъ движеніи только истинный энтузіазмъ поддерживаетъ успѣхъ и окрыляетъ дѣло; пока энтузіазмъ былъ у таборитовъ, пока они дѣйствовали подъ вліяніемъ фанатизма, счастье имъ улыбалось, но когда появились на Таборѣ несогласія, они стали терпѣть неудачи. Гусъ и гуситы оказались безсильными сдѣлать протестантизмъ достояніемъ Запада, предоставивъ эту великую миссію другой народности. Сами чехи потомъ сдѣлались учениками Лютера и Кальвина. Было весьма оригинально то явленіе, что они въ XVI вѣкѣ пошли въ ученики, когда за столѣтіе передъ тѣмъ были учителями. Но причина коренилась въ томъ, что Гусъ никогда не проповѣдывалъ протеста въ общепринятомъ смыслѣ этого слова и, не разрывая связи съ Церковью, искалъ идеала болѣе близкаго къ Церкви апостольской. Вмѣсто Запада онъ нашелъ этотъ идеалъ на Востокѣ, но, неудовлетворенный вполнѣ имъ, онъ опять вернулся къ Западу. Гусъ убѣжденно стремился возстановить древнюю вселенскую Церковь. Когда оказалось невозможнымъ возвратиться къ временамъ апостольскимъ, явилась реакція, и тѣ, которые хотѣли сохранить свои религіозныя убѣжденія, разорвали всякую связь съ Церковью и стали искренними протестантами, напр. табориты и братчики Хельчицкаго, эти истинные предшественники Лютера; прочіе, т. е. утраквисты, преобладавшіе численностью, или чашники, вступившіе въ сдѣлку съ папой, стали возвращаться назадъ. Эти чашники были гуситами только по виду, а въ сущности были безусловно подчинены авторитету римскаго первосвященника. Базельскіе компактаты остались бумажной сдѣлкой; въ нихъ не было внутренняго смысла, они не вызывали довѣрія. Правда, гусизмъ оказалъ услугу въ политическомъ и гражданскомъ отношеніи; онъ пробудилъ національное чувство и уничтожилъ тѣмъ господство нѣмцевъ въ городахъ и селахъ. Чехи сами стали себѣ господами. Нѣмецкое населеніе въ городахъ чешскихъ погибло или разсѣялось, но культура нѣмцевъ осталась. Послѣ гуситскихъ

([1]) Гильфердингъ. Очеркъ исторіи Чехіи. Сочиненія, I, 368.

войнъ обозначилось раздвоеніе между высшимъ классомъ и городскими сословіями съ одной и крестьянами съ другой стороны. Къ первымъ принадлежали: магнаты, рыцари, торговые люди и мѣщане; въ противномъ лагерѣ была толпа, изъ которой нѣкогда вербовалъ свои отряды Жижка. Первые восторжествовали и, хотя они говорили по-чешски, но вполнѣ симпатизировали нѣмцамъ. Торжество аристократическаго элемента было въ сущности торжествомъ католической религіи и оно-то привело къ междоусобіямъ. Тогда Юрій Подѣбрадъ произвелъ государственный переворотъ; онъ самъ происходилъ изъ этого сословія, но умѣлъ возвыситься надъ нимъ.

Сперва Юрій господствовалъ съ титуломъ земскаго правителя, потомъ сдѣлался регентомъ Владислава. Хотя Юрій возвысился насиліемъ, но тѣмъ не менѣе онъ, сперва какъ регентъ, а послѣ, въ отсутствіе Владислава, какъ его намѣстникъ, дѣйствовалъ безукоризненно. Исторія представляетъ мало случаевъ, чтобы человѣкъ, имѣя возможность удержать за собою неограниченную власть, не злоупотреблялъ ею. Юрій слагалъ ее къ ногамъ народа, всегда обращаясь къ нему за совѣтами и содѣйствіемъ. Онъ сталъ своего рода Вашингтономъ Чехіи. Когда юноша Владиславъ короновался въ Прагѣ, онъ оставилъ Юрія правителемъ Чехіи. Въ то время турки угрожали всему Западу. Николай V призывалъ всю христіанскую Европу къ крестовому походу. Въ Германіи собирались сеймы. Даже Чехія, несмотря на религіозную вражду, протянула дружественную руку римскому первосвященнику,—что однако не было оцѣнено надлежащимъ образомъ. Юрій объявилъ, что у него готово 40-тысячное войско на службу Христу. Но въ Римѣ не особенно довѣрялись любезности Юрія Подѣбрада, и хлопоты его предъ папской куріей объ утвержденіи конкордата были напрасны.

Избраніе Юрія королемъ чешскимъ (1459—71 г.).

Въ это время умеръ король чешскій Владиславъ, на 19-мъ году жизни, какъ разъ передъ свадьбой съ дочерью французскаго короля Карла VII. Чехи опять остались безъ государя. По наслѣдственному договору съ габсбургскимъ домомъ престолъ долженъ былъ перейти къ императору Фридриху III, но его въ Чехіи не любили; послѣ него серьезнымъ кандидатомъ на чешскій престолъ былъ польскій король Казиміръ. Но государственныя заслуги Юрія были слишкомъ очевидны и онъ единогласно былъ избранъ чешскимъ королемъ. Однако въ

нѣмецкихъ окраинахъ, въ Силезіи и Лужицкихъ земляхъ, заявили протестъ противъ такого избранія; тамъ князья не хотѣли его признавать; тогда ихъ принудили къ тому силой. Скоро моравскія сословія, бароны, рыцари и мелкіе феодалы также подали голосъ за Юрія. Одновременно съ этимъ венгерскій вельможа Матвѣй Корвинъ, находившійся въ плѣну, былъ избранъ королемъ на венгерскій престолъ; такимъ образомъ въ той и другой странѣ правилъ національный властитель. Юрій Подѣбрадъ получилъ престолъ слишкомъ дорогой цѣной; онъ отрекся отъ многаго, что прежде цѣнилъ выше всего въ жизни. Довольно того, что на коронаціи онъ далъ клятву безпрекословно повиноваться папѣ и преслѣдовать всѣ ереси. Пользуясь стѣснительнымъ положеніемъ Подѣбрада, папа хотѣлъ истребить всѣхъ утраквистовъ и таборитовъ, дабы окончательно уничтожить ересь, такъ чтобы на чешской землѣ дѣйствительно не осталось ни одного еретика. Когда Юрій на дѣлѣ подтвердилъ свою преданность католической Церкви, сдѣлавъ походъ на Моравію, то императоръ встрѣтился съ нимъ на Дунаѣ, близь Вѣны, и затѣмъ послѣ этого свиданія оказывалъ ему всевозможную поддержку. Такъ какъ Юрій былъ гораздо умнѣе, способнѣе и тактичнѣе императора, то послѣдній подпалъ его вліянію. Тогда голосъ чешскаго короля возвысился надъ всѣми нѣмецкими государствами и сталъ авторитетенъ для всего Запада; не разъ европейскіе государи обращались къ Юрію за совѣтами, какъ къ болѣе опытному. Въ этомъ смыслѣ можетъ быть славянство продолжало оказывать вліяніе на ходъ событій. Есть нѣкоторое основаніе думать, что самъ Луи XI не разъ тайно сносился съ Юріемъ Подѣбрадомъ и спрашивалъ его совѣтовъ относительно государственной централизаціи.

Успокоивъ страну, Юрій посвятилъ всѣ свои усилія упроченію государственной организаціи въ потрясенной и разстроенной Чехіи; онъ вполнѣ выказалъ свое искусство въ дѣлахъ государственныхъ. Форма управленія, усвоенная имъ, есть нѣчто среднее между ограниченной и абсолютной монархіей. Это была удачная организація, въ которой народъ безъ различія сословій призывался къ управленію; за нимъ правда былъ только голосъ совѣщательный, но князья не позволяли себѣ игнорировать волю народа, такъ что въ сущности этотъ голосъ изъ совѣщательнаго становился рѣшающимъ. Что касается сословнаго начала, то оно воз-

никло не на славянской почвѣ, а было занесено отъ нѣмцевъ. Въ XIV вѣкѣ, при Карлѣ IV наблюдалось сильное нѣмецкое вліяніе; при немъ-то и былъ перенесенъ на чуждую ему славянскую почву этотъ нѣмецкій принципъ. Карлъ, хотя былъ однимъ изъ даровитѣйшихъ славянскихъ государей и дорожилъ національнымъ чувствомъ чеховъ, но онъ слишкомъ любилъ нѣмцевъ и ихъ порядки. Сеймъ временъ Карла IV, по существу былъ представительствомъ отъ всѣхъ сословій. Во время бурь гусизма и послѣ нихъ приходилось не разъ обращаться къ созыву сеймовъ; это конституціонное учрежденіе получило тогда вполнѣ національный характеръ, будучи чужеземнымъ по своему происхожденію. Юрій лучше всѣхъ понималъ властительное вліяніе сейма, который пріобрѣлъ прочность въ Чехіи. Онъ всегда приглашалъ къ себѣ для совѣтовъ представителей народа и сословій и такимъ образомъ положилъ основаніе конституціонному строю въ своей странѣ, по своему глубокому убѣжденію, не вынуждаемый никѣмъ. Онъ находилъ возможнымъ и умѣстнымъ давать привилегіи народу и избранному его представительству, сейму, въ то время, когда Европа только вступала еще въ періодъ абсолютизма [1]. Юрій не имѣлъ личныхъ интересовъ; онъ былъ чуждъ эгоизма. Увеличивая свою власть, онъ увеличивалъ ее не для себя, а для пользы государства; въ этомъ отношеніи онъ стоялъ въ тотъ вѣкъ на замѣчательной высотѣ. Такъ онъ усилилъ коронныя земли своими родовыми владѣніями, а свои собственныя богатства отдавалъ на пользу государства для того, чтобы будущіе короли не нуждались въ новыхъ налогахъ и не обременяли народъ. О личныхъ интересахъ онъ въ этомъ случаѣ не заботился, зная, что его династія не упрочится въ Чехіи. Народъ понималъ добрыя намѣренія короля; горожане и среднее дворянство ока-

---

[1] Объ организаторской дѣятельности Юрія Подѣбрада въ первую половину его правленія имѣются три солидныхъ сочиненія: Iordan. «Das Königthum Georgs von Podebrad». (L. 1861). — Palacky. Urkundliche Beiträge zur G. Böhmens und seiner Nachbarländer im Zeitalter Georgs von Podebrad (Fontes rer. austr. XX).—Saint-René-Taillandier «Le roi George de Podebrade», помѣщенное въ «Revue des deux mondes» въ 1861 г. Послѣднее сочиненіе несамостоятельное; оно заимствовано изъ IV тома исторіи Палацкаго, но тѣмъ не менѣе заслуживаетъ вниманія по тому сочувствію, съ которымъ отнесся французскій ученый къ дѣятельности Юрія.

зывали ему дѣятельную поддержку и на сеймѣ стояли на королевской сторонѣ. Не такъ поступало высшее сословіе, которое было недовольно новыми порядками и пользовалось каждымъ удобнымъ случаемъ къ возмущеніямъ.

Юрій, какъ представитель новаго порядка, преслѣдовалъ всякое уклоненіе въ церковной сферѣ отъ Базельскихъ компактатовъ, которые дозволены были папой, но которые также каждый папа старался уничтожить, какъ напримѣръ поступалъ папа Пій II. Этотъ первосвященникъ, прославившійся какъ замѣчательный писатель и въ то же время государственный человѣкъ, хорошо знакомый съ дѣлами чеховъ, такъ какъ былъ секретаремъ на Базельскомъ соборѣ, убѣждалъ Юрія стараться о возвращеніи еретиковъ на лоно католицизма и о приведеніи чеховъ къ покорности папѣ. Съ годами Юрій все болѣе и болѣе склонялся на сторону папы. Прежде всего онъ запретилъ богослуженіе по гуситскимъ обрядамъ и началъ преслѣдовать таборитовъ; въ своей странѣ онъ не терпѣлъ никого, кромѣ утраквистовъ и католиковъ; ревнитель государственныхъ интересовъ, онъ мало по малу сталъ врагомъ вѣротерпимости. Юрій поднялъ гоненіе на братчиковъ Хельчицкаго, во главѣ которыхъ стоялъ бывшій рыцарь Григорій. Послѣдній былъ схваченъ и посаженъ въ тюрьму, откуда онъ былъ выпущенъ искалѣченный. Наконецъ у папы возникло явное желаніе совершенно уничтожить компактаты и когда Юрій не согласился на это, то римская курія постаралась поселить смуту въ государствѣ и нашла исполнителей своей воли: аристократія пришла въ волненіе и кромѣ того, помимо враговъ внутри, явился внѣшній врагъ—это былъ новый венгерскій король Матвѣй Корвинъ. Онъ долго былъ другомъ Юрія, потому что Подѣбрадъ оказалъ ему большую услугу въ свое время, но потомъ отношенія перемѣнились и Матвѣй, породнившись съ Юріемъ, сталъ его врагомъ, всегда стараясь увеличить Венгрію на счетъ Чехіи. Случай представился. Когда Юрій отказался исполнить требованіе папы относительно уничтоженія чашниковъ въ Чехіи, курія не замедлила произвести мятежъ въ странѣ. Самъ король въ 1466 г. отлученъ былъ отъ Церкви и проклятъ. Хотя Подѣбрадъ пользовался уваженіемъ на Западѣ, но папское обаяніе было сильнѣе. Папа объявилъ противъ него крестовый походъ и престолъ его отдалъ Корвину. Въ 1468 г. сформировалось ополченіе противъ Подѣбрада, въ тоже время Корвинъ на-

палъ на Чехію, и хотя народъ, т. е. сельчане и мелкое дворянство, былъ на сторонѣ короля, но ему трудно было справиться съ венгерскимъ нашествіемъ и внутреннимъ мятежомъ. Вслѣдствіе неравномѣрности въ силахъ, Подѣбрадъ терпѣлъ одно пораженіе за другимъ. Чехи не имѣли теперь той стойкости, которой они недавно прославились; они обращались въ бѣгство. Не стало болѣе того религіознаго фанатизма, руководясь которымъ они прежде совершали чудесные подвиги; въ средѣ ихъ не было таборитовъ, которые всегда оставались побѣдителями въ битвахъ. Самъ король Юрій лишился должной энергіи, такъ какъ неудачи преслѣдовали его всюду. Ему приходилось бороться съ многочисленными врагами, а тамъ гдѣ его не было, чехи терпѣли пораженія. Сознавая всю трудность борьбы, которую онъ велъ за родину, зная, что его династія не можетъ быть прочной въ Чехіи, уже чувствуя близость своей смерти, онъ собралъ сеймъ и просилъ вѣрныхъ пановъ избрать послѣ своей смерти преемникомъ ему сына польскаго короля Казиміра—Владислава, на которомъ остановился его взоръ, какъ на единственномъ человѣкѣ, способномъ успокоить обезсиленную Чехію. Въ 1471 г. Юрій Подѣбрадъ умеръ, побѣжденный неравной внѣшней борьбой и внутренней неурядицей; онъ оставилъ страну изнуренною, но, не измѣнивъ обѣтамъ, которые положилъ въ основу своего дѣла; онъ умеръ честнымъ и незапятнаннымъ государственнымъ дѣятелемъ. Послѣ его смерти Матвѣй еще 8 лѣтъ продолжалъ войну, отнялъ Моравію и Силезію и, благодаря побѣдамъ, заключилъ выгодный миръ. Послѣ этой войны за Чехіей изъ всѣхъ завоеваній осталась только земля лужичанъ, и она изъ первокласснаго государства сдѣлалась третьестепеннымъ владѣніемъ, особенно когда перешла въ руки габсбургскаго дома. Она потеряла то историческое значеніе, которое она имѣла прежде, и лишилась того интереса, который такъ долго сосредоточивала на ней средневѣковая исторія.

---

3) Польша и Литовско-русское королевство. Послѣдніе язычники. Ядвига и Ягелло. — Скандинавскія земли; попытка національнаго союза.

Удѣльный періодъ въ Польшѣ.

Во второй половинѣ XV вѣка, послѣ Юрія Подѣбрада, чешская исторія вступаетъ въ связь съ польской, благодаря династіи Ягеллоновъ, которая правитъ обоими народами въ продолженіе 50 лѣтъ въ лицѣ двухъ своихъ представителей.

Здѣсь мы должны бросить бѣглый взглядъ на судьбы Польши, отлагая болѣе подробное изложеніе внутренняго быта и соціальныхъ явленій въ этой странѣ до того времени, когда Польша вновь оказала активное вліяніе на ходъ европейской исторіи, что произошло лишь въ XVI вѣкѣ. На этотъ разъ мы ограничимся нѣсколькими словами [1].

Мы оставили Польшу (I, 408) на рубежѣ XII вѣка. Это столѣтіе было временемъ политическаго разчлененія Польши, внутренняго и внѣшняго ея безсилія. Если Мечиславъ II

[1] Источниками для средневѣковой Польши служатъ лѣтописцы: Martinus Gallus (до 1143 г.), Kadlubko (до 1203 г.), Boguchwal (до 1253 г.), Baschko (до 1271 г.), всѣ одинаково пристрастные къ легендамъ и мало заслуживающіе довѣрія (изданія и анализъ у Zeissberg—Die polniche Geschichtsschreiber des Mittelalters, L. 1873—и въ Очеркѣ средн. историогр. 86—90). Этого же качества не чуждъ знаменитый каноникъ краковскій Лонгинъ или Янъ Длугошъ, писавшій около 1480 года (Hist. Polonica libri XIII, лучшее изд. Przezdzieck'аго въ Краковѣ), который послужилъ основой для неумѣренно восторженныхъ и сантиментальныхъ польскихъ историковъ дальнѣйшаго времени, довѣрявшихъ наивно каждому слову Длугоша, несмотря на основательную критику этого источника, сдѣланную еще въ половинѣ XVIII вѣка данцигскимъ синдикомъ Готфридомъ Ленгнихомъ (въ его Hist. Pol. a Lecho etc.). Столь извѣстный въ Польшѣ обширный и солидный трудъ Naruszewicz'а, вышедшій въ концѣ XVIII вѣка, остался чуждъ критическихъ выводовъ Ленгниха; онъ весь исполненъ довѣрія къ Длугошу. За Нарушевичемъ слѣдовали: Bandtkie и Lelewel, придерживаясь того же направленія, полагая что патріотизмъ требуетъ не смотрѣть въ глаза истинѣ. Только нѣмецкіе историки Röppel и Caro (G. Polens), Zeissberg (анализомъ источниковъ), а за ними послѣдователи новой критической школы: Калинка, Шайноха (особенно замѣчательна его монографія Jagello i Jadwiga, р. пер. Коневича, Спб. 1879), Стадницкій (Synowie Gedymina. Bracie Wladyslawa Jagielly и др.) и Бобржинскій (Исторія Польши; 1 т. р. пер. Н. И. Карѣева, Спб. 1888) освѣтили истиннымъ свѣтомъ прошлое Польши и заставили разстаться съ призраками. За это соотечественники преслѣдовали ихъ наговорами и безпощадными порицаніями.

лишился Моравіи, Галиціи, Хорватіи и Мильченія, то тѣмъ ничтожнѣе стала Польша при его слабыхъ преемникахъ. Послѣ смерти Болеслава III Кривоустаго, имѣвшаго несчастіе раздѣлить королевство между своими сыновьями, а именно съ 1139 года, упрочилась на долго удѣльная система со всѣми ея послѣдствіями. Подобно одновременной борьбѣ русскихъ удѣльныхъ князей за кіевскій столъ, польскіе князья борятся за сидѣнье въ первенствующемъ Краковѣ (1). Такъ какъ право первенства можно было добывать только при поддержкѣ сильныхъ князей и пановъ, то короли должны были дѣлать рядъ послѣдовательныхъ уступокъ родовой аристократіи, которая не преминула наложить руку на королей. Послѣдніе скоро потеряли ту неограниченную власть, которою пользовались, и въ концѣ XII вѣка, Казиміръ II предоставилъ епископамъ и папамъ ограничить себя сенатомъ. За это умаленіе правъ короны онъ получилъ отъ благодарной аристократіи прозвище „Справедливаго". Высшее духовное и свѣтское сословіе тѣмъ временемъ подчинило себѣ шляхту, т. е. среднее сословіе и поселянъ, которые постепенно теряли свою земельную собственность и переходили въ полукрѣпостное состояніе. Въ сенатѣ, въ которомъ предсѣдательствовалъ гнѣзненскій архіепископъ, примасъ королевства и гдѣ сосредоточилась вся законодательная власть, главнымъ образомъ поддерживались, конечно, интересы Церкви и аристократіи.

Польшѣ кромѣ внутренней анархіи грозила борьба за политическую самостоятельность. Когда-то сильная Польша, теперь ослабленная удѣлами, столкнулась съ новымъ нѣмецкимъ нашествіемъ болѣе опаснымъ, потому что оно было освящено тою же католической Церковью, вѣрными дѣтьми ко-

---

(1) Королевскій титулъ носили послѣ него: Владиславъ II (1139—46 г.), его братья Болеславъ IV (1146—73 г.), Мечиславъ III Старый (1173—77) и Казиміръ II Справедливый (1177—94 г.). За отказомъ Лешка Бѣлаго (отъ брака Казиміра II съ русской княжной Еленой),—Владиславъ III Тонконогій (1194—1207 г.), сынъ Мечислава III. Затѣмъ въ разныхъ областяхъ правятъ удѣльные князья, изъ которыхъ выдѣляется Генрихъ Бородатый (въ 1228 г.), прогнавшій Конрада Мазовецкаго изъ Краковскаго удѣла. Впрочемъ болѣе или менѣе титулярными королями были: Лешко V Бѣлый (1207—27 г.), Болеславъ V (1227—79 г.), умершій безъ потомства; затѣмъ его племянникъ (отъ брата его Казиміра) Лѣшко VI Черный (1279—89 г.). Тогда началось безкоролевье, которое продолжалось до Пржемыслава II, именно до 1295 года.

торой считали себя поляки. Все XIII и частію XIV столѣтіе прошло не въ борьбѣ, а въ оборонѣ отъ нѣмецкихъ духовно-рыцарскихъ орденовъ, которые, явившись просвѣщать язычниковъ, тѣснили Польшу съ сѣвера и запада, пріобрѣтая Германіи и католицизму славянъ, поморянъ и лужичанъ, уже давно подчинившихся польской коронѣ. Прошло нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ приглашенія меченосцевъ и тевтоновъ (II, 182—284), — изъ которыхъ первые дѣйствовали противъ ливовъ, куровъ и латышей, а вторые противъ пруссовъ, — какъ Балтійское Поморье обратилось въ Померанію, а страна лужичанъ еще ранѣе въ Силезію. Замѣчательнѣе всего то, что сами поляки, въ лицѣ мазовецкаго князя Конрада, накликали на себя тевтоновъ, пригласивъ ихъ противъ язычниковъ—пруссовъ. Энергичнѣе и безпощаднѣе всѣхъ великихъ магистровъ дѣйствовалъ Генрихъ Басска, который предпринялъ систематическое завоеваніе прусской земли и блестяще осуществилъ свой планъ. Быстро, благодаря хорошо организованной и дѣятельной колонизаціи, языческая Пруссія обратилась въ нѣмецкую страну, покрылась городами, управлявшимися самостоятельно по т. н. магдебургскому праву, которое проникло вмѣстѣ съ нѣмецкими піонерами и въ Польшу. Это городское право повліяло на Польшу въ томъ отношеніи, что внушило мелкопомѣстной гордой шляхтѣ сознаніе ея подчиненнаго положенія и побудило ее оказать поддержку королю, войти съ нимъ въ союзъ, чтобы общими силами одолѣть высшее сословіе. Въ концѣ XIII вѣка, послѣ вѣковыхъ раздоровъ вновь водворяется единовластіе. Пржемыславъ II, короновавшійся въ 1295 году, возстановилъ королевскій титулъ ([1]). Но его правленіе продолжалось не болѣе года. Послѣ него началось опять безкоролевье, которое продолжалось до 1330 года.

Опираясь на шляхту, въ концѣ первой четверти XIV столѣтія, королевская власть вновь возстановляетъ свое былое значеніе, когда-то обусловившее блескъ государства. Владиславъ V Локетокъ (1320—33 г.) успѣлъ сдержать напоръ нѣмцевъ и литовцевъ, которые со временъ Гедимина, основавшаго около того времени Вильно, и подчинившаго себѣ западно-русскія области до Оки, стали крайне безпокойны

([1]) Онъ происходилъ въ пятомъ колѣнѣ отъ Мечислава III и правилъ отъ 1295 до 1296 года.

для поляковъ. Постоянныя опасности отъ внѣшнихъ враговъ заставили поляковъ сплотиться около престола короля. Отдѣльные владѣтельные князья подчинились Владиславу, который съ 1289 года владѣлъ княжествомъ Сандомірскимъ, потомъ около 1305 года сѣлъ въ Краковѣ, въ 1310 г. упрочился въ Познани и въ Калишѣ, съ 1320 года принялъ титулъ короля и такимъ образомъ мало по малу соединилъ т. н. Малую Польшу (земли по Вислѣ) съ Великой Польшей (земли по Вартѣ). Въ этомъ великомъ дѣлѣ главное участіе принимала масса шляхтичей, которые за то получили право засѣдать въ сенатѣ, чѣмъ нанесенъ былъ непоправимый ударъ аристократіи, принужденной въ силу этого подчиниться новому порядку. Его сынъ Казиміръ III (1333—70 г.), прозванный Великимъ, изданіемъ Вислицкаго статута оказалъ существенныя услуги отечеству, водворивъ порядокъ и равноправіе общественныхъ элементовъ. Самоуправство и насилія хищныхъ пановъ, доселѣ непризнававшихъ власти закона, преслѣдовались безпощадно новымъ статутомъ. Въ замѣнъ онѣмеченныхъ поморянъ. Казиміръ III присоединилъ вновь къ Польшѣ Червонную Русь или Галицію, гдѣ въ то время было полное безначаліе отъ раздоровъ бояръ и отсутствія крѣпкой княжеской власти (¹). Въ дѣятельности Казиміра III, чрезвычайно порывистой и энергичной, рядомъ съ благотворными мѣропріятіями были мѣры неудачныя и недостаточно обдуманныя. Такъ ему собственно обязана Польша еврейской колонизацией, которую онъ допустилъ въ неограниченныхъ размѣрахъ. Онъ по своимъ благороднымъ воззрѣніямъ стоялъ безконечно выше современныхъ ему государей и, видя въ евреяхъ, тогда всюду гонимыхъ, прежде всего людей, гостепріимно открылъ имъ ворота Польши. Но при этомъ онъ не обставилъ ничѣмъ условія поселенія евреевъ и не озаботился объ экономическихъ гарантіяхъ массы польскаго народа, отдавъ горожанъ и поселянъ въ косвенную кабалу пришельцамъ.

(¹) Галицкій Истор. Сборникъ, изд. Общ. Галицо-русской Матицы (главнымъ образомъ трудами каноника Антонія Петрушевича; Львовъ, 3 т. 1854 — 60). — Зубрицкій. Исторія галицко-русскаго княжества (3 т. 1852—55) — Шараневичъ. Исторія галицко-володимірской Руси (Львовъ, 1863).—Дашкевичъ. Княженіе Даніила Галицкаго (К. 1873) и его-же: — Замѣтки по исторіи литовско-русскаго госуд. (К. 1885). См. также Разсказы Щебальскаго и Лекціи Кояловича.

Польско-венгерское королевство.

Казиміръ III былъ послѣднимъ изъ Пястовъ. Умирая бездѣтнымъ, онъ въ 1370 году завѣщалъ престолъ племяннику своему, сыну старшей сестры Елизаветы, бывшей съ 1320 года въ замужествѣ за Каробертомъ, королемъ венгерскимъ,—Людовику венгерскому, который соединилъ на своей головѣ обѣ короны. Впрочемъ этотъ фактъ не отразился на судьбахъ Польши и Венгріи. Польскіе магнаты, опасаясь усиленія королевской власти, тогда же поспѣшили ограничить Людовика особыми условіями, т. н. pacta conventa, въ силу которыхъ высшее сословіе сохранило за собою вліятельныя государственныя должности и выговорило разныя привилегіи, между прочимъ отъ налоговъ. Когда Людовикъ въ 1386 году умеръ, то, согласно его завѣщанію, польскій престолъ должна была занять его дочь Ядвига. Впрочемъ мать ея Елизавета, дочь бана Босніи, не согласилась отпустить Ядвигу въ Польшу и разсчитывала отдать польскій тронъ другой дочери Маріи.

Ядвига († 1399 г.).

Женщина не могла править Польшей. Если для многихъ честолюбцевъ власть женщины при тогдашнихъ условіяхъ была желательной, то въ глазахъ большинства таковая по справедливости представлялась опасной для блага государства. Необходимо было найти мужа для юной королевы. Сама Ядвига была нерасположена къ Ягелло. Еще ребенкомъ, будучи семи лѣтъ, она была обручена съ Вильгельмомъ, княземъ Ракузскимъ; характерна была оговорка сдѣланная при обрученіи, въ силу которой сторона, нарушившая договоръ, обязана была уплатить 200 тысячъ венгерскихъ золотыхъ. Ядвига съ дѣтства обожала своего жениха. Затѣмъ, значительная партія интриговала за Земовита, князя мазовецкаго, который готовъ былъ добывать Ядвигу оружіемъ и все устроилъ для похищенія. Его замыселъ не удался. Польскіе магнаты остановили свой выборъ на могущественномъ литовскомъ великомъ князѣ Ягелло, который властвовалъ между прочимъ и въ Западной Руси. Впрочемъ существовало серьезное препятствіе: Ягелло былъ язычникъ ([1]).

([1]) Для исторіи Литовскаго княжества и Западной Руси: Акты Южной и Ю. З. Россіи, Документы по исторіи Западной Руси, изд. лат. хроники Danilowicz, Kojalowicz, Strijkowski и др., документы изд. Prochaska (Codex epistol. Vitoldi). Пособія,—кромѣ обширнаго труда Narbut'a (Dzieje starožytne narodu litewskiego. W. 9 v. 1835—41) — новѣйшее сочиненіе кіевскаго проф. Антоновича (Очеркъ исторіи Великаго княже-

Ядвига отнеслась къ литовскому князю съ нескрываемымъ нерасположеніемъ. Молодой дѣвушкѣ представляли его некрасивымъ, злымъ старикомъ, а она продолжала любить своего Вильгельма. Она употребляла всѣ усилія, чтобы разстроить этотъ бракъ, въ которомъ скрывалось сѣмя будущихъ роковыхъ несчастій Польши. Ядвига какъ бы чувствовала все зло, которое принесутъ съ собою Польшѣ эти воинственные литовцы, которые увлекали за собою милліоны русскихъ на жертву иновѣрнымъ полякамъ, для того чтобы поставить послѣднихъ въ вѣковыя враждебныя отношенія къ восточной Руси. Ядвига готова была пожертвовать даже репутаціей своей, чтобы достигнуть завѣтной цѣли и избавиться отъ Ягелло. Сама мать дала уже свое согласіе на бракъ ея съ Вильгельмомъ. А между тѣмъ въ торжественной аудіенціи послы великаго князя литовскаго обѣщали отъ его имени, что если Ядвига отдастъ ему свою руку, то онъ вмѣстѣ съ своимъ народомъ приметъ католическую вѣру, на вѣчныя времена соединитъ съ Польшею Литву и Русь, освободитъ польскихъ плѣнниковъ, захваченныхъ литовцами въ прежнія войны и заплатитъ неустойку въ 200 тысячъ золотыхъ ракузскому князю за нарушеніе обязательства при обрученіи съ Вильгельмомъ. Но сердечная склонность была сильнѣе всякихъ политическихъ соображеній. Разыгрался романъ, который долженъ былъ сильно скандализировать польскій дворъ.

Ядвига рѣшилась на смѣлый поступокъ. Она послала отъ себя въ Вѣну пословъ за Вильгельмомъ, который жилъ тамъ; послы выдавали себя за представителей польскаго народа. Снабженный казной въ счетъ будущихъ благъ, сопровождаемый блестящею свитою, Вильгельмъ поѣхалъ въ Краковъ. Но каштелянъ не допустилъ его въ королевскій замокъ. Вильгельмъ остановился въ гостиницѣ. Онъ скоро узналъ, что у него нѣтъ сторонниковъ и что его положеніе крайне неловко. Впрочемъ онъ имѣлъ доказательства личнаго расположенія королевы. Онъ получалъ не разъ приглашенія на свиданія, которыя происходили въ столовой францисканскаго монастыря. Казалось, они должны были кончиться бракомъ. Между влюбленными условленъ былъ день и часъ вѣн-

ства Литовскаго К. 1885) и цитованное соч. Дашкевича. Кромѣ названной образцовой монографіи Шайнохи, для Ягелло русское изслѣдованіе Смирнова (Яковъ-Владиславъ Ягелло).

чанья. Вильгельмъ долженъ былъ ночью проникнуть въ замокъ. Пылкій женихъ исполнилъ свое обѣщаніе, но охранители королевы выпроводили незванаго гостя. Ему пришлось совершить обратное путешествіе въ корзинѣ по стѣнѣ замковой ограды. Надъ королевой было усилено наблюденіе; ей запрещено было оставлять замокъ. Вильгельмъ, спасая жизнь свою отъ озлобленныхъ пановъ, потерялъ прежнюю храбрость и бѣжалъ изъ Кракова. Ядвига въ отчаяніи хотѣла наложить на себя руки; ее не допустили до самоубійства.

Договоръ въ Вильковишкахъ 1386 г.

А между тѣмъ въ декабрѣ 1385 года пышное посольство, снаряженное сенатомъ, отправилось въ Литву съ приглашеніемъ къ Ягелло занять польскій престолъ и съ согласіемъ Ядвиги отдать ему свою руку. Въ Вильковишкахъ, 12 января 1386 года былъ заключенъ роковой свадебный союзъ, по которому корона польская соединялась съ литовско-русскою, а 2 февраля Ягелло явился въ Люблинъ на съѣздъ. Епископы энергично взялись за дѣло и, пользуясь довѣріемъ Ядвиги, наконецъ достигли своей цѣли. Королева отъ посланныхъ не безъ удовольствія узнала, что Ягелло не страшенъ, не старъ и не уродливъ, что, напротивъ, онъ отличается мужественной красотой и храбростью. Она имѣла возможность убѣдиться въ этомъ, когда 12 февраля женихъ торжественно въѣзжалъ въ Краковъ, окруженный блестящей свитой магнатовъ, князей и бояръ русскихъ. Черезъ три дня послѣ того надъ Ягелло былъ совершенъ торжественный обрядъ крещенія; крестились также его родные братья: Вигундъ, Коригелло, Свидригайло и двоюродный—Витольдъ, приступавшій къ этому таинству уже въ третій разъ.

Въ это время Литва выдвигается на историческую сцену.

Литва

Литовцы пришли одновременно съ славянами изъ глубины Азіи въ Европу, если не раньше ихъ. Это племя дѣлилось на нѣсколько народовъ, которые заняли частію балтійское побережье, частію берега рѣкъ, изливающихся въ юговосточную часть Балтики. Плоское, бѣдное природой, унылое пространство между низовьями Вислы и Западной Двины, было населено этимъ племенемъ, не отличавшимся многолюдствомъ. Куры, пруссы, жмудь, ливы, литовцы собственно, всѣ они, будучи на низшей ступени общественной организаціи, жили замкнутою, никому неизвѣстною жизнью, пока не сгруппировались въ одно внушительное цѣлое, пока не были объ-

единены воинственными вождями, вступившими въ борьбу съ меченосцами и западно-русскими князьями. Такимъ объединителемъ былъ Рингольдъ, первый великій князь литовскій, начавшій княжить въ 1230 году. Онъ въ 1235 году разбилъ подъ Дзитвой нѣсколькихъ русскихъ князей, заставилъ ихъ подчиниться Литвѣ, а въ слѣдующемъ году показалъ надъ нѣмцами силу своего меча. Въ 1240 году его государство досталось двумъ его сыновьямъ: Миндовгу и Эрдзивиллу; послѣдній черезъ два года сложилъ голову на Волыни, въ битвѣ съ татарами. Миндовгъ съ 1242 года становится полновластнымъ государемъ Литвы; своимъ племянникамъ: Товцивиллу, Довмунту и Тройнату онъ предоставилъ удѣлы. Русскіе князья, подчинившіеся монголамъ, пытались одолѣть его при помощи татаръ, но въ 1260 году были разбиты. Когда родные племянники возстали противъ него, Миндовгъ усмирилъ ихъ и изгналъ. Они обратились за помощью къ князю Даніилу Галицкому, а потомъ къ нѣмецкимъ рыцарямъ. Меченосцы побѣдили Миндовга и онъ обѣщалъ возвратить всѣ завоеванія и принять католицизмъ. За это папа Иннокентій IV даровалъ ему титулъ короля, приказавъ торжественно короновать его въ Новогродкѣ, что и свершилось 8 сентября 1252 года. Но полудикіе литовскіе князья не считали необходимостью держать разъ данное слово. Миндовгъ ни во что ставилъ свое крещеніе. По новому договору съ рыцарями онъ даже завѣщалъ ордену свое королевство, если умретъ безъ потомства; подобныя обязательства ничего не стоили князю. Когда рыцари вздумали оружіемъ настоять на исполненіи договора, то Миндовгъ (въ іюлѣ 1261 года) нанесъ имъ жестокое пораженіе подъ Дурбою. Черезъ 10 лѣтъ послѣ коронаціи, совершенной по католическимъ обрядамъ, Миндовгъ вернулся къ своимъ языческимъ богамъ. Не зная границъ своимъ страстямъ, онъ насильственно удерживалъ при своемъ дворѣ жену князя Довмунта. За это племянники Тройнатъ и Довмунтъ подговорили убійцъ погубить его вмѣстѣ съ сыновьями (въ 1263 г.). Намѣченныя жертвы погибли, но одинъ изъ сыновей Миндовга, Войселкъ остался живъ. Тройнатъ, прославившійся жестокостью, былъ убитъ въ 1265 году; таже участь черезъ два года предстояла Войселку; его убилъ собственноручно на пиру галицкій князь Левъ Даниловичъ. Свинторогъ, а вскорѣ и сынъ его Гермунтъ, наслѣдовавъ власть, должны были вступить въ борьбу съ нѣмцами. Эта борьба, которую энергично

вели сыновья Гермунта—Трабусъ, Наримунтъ и Тройденъ, а послѣ нихъ избранный князь Лютоворъ и его сынъ Витинесъ,—потрясла силу ордена. Рыцари не разъ терпѣли пораженіе и, что было знаменательнѣе всего, противъ нихъ вмѣстѣ съ литовцами дѣйствовалъ рижскій архіепископъ.

Гедиминъ (1315-39 г.). Сынъ Витинеса Гедиминъ открываетъ новую эру въ исторіи Литвы. Тогда настала пора могущества этого отважнаго молодаго народа. Литовцы, прежде бывшіе предметомъ нападеній нѣмецкихъ рыцарей, становятся страшны для всѣхъ сосѣдей. Въ 1320 году, послѣ сраженія съ рыцарями при Бержуляхъ, Гедиминъ возвратилъ Жмудь, которая въ послѣднее время была отторгнута отъ Литвы и заставилъ нѣмцевъ просить перемирія. Тогда же, возстановивъ Троки, онъ основалъ Вильно, въ 1322 году (¹). Завязавъ дружескія сношенія съ рижскимъ архіепископомъ и съ королемъ польскимъ Владиславомъ IV Локеткомъ, и обѣщая на словахъ принять христіанство, Гедиминъ въ дѣйствительности окрестилъ свою дочь Альдону и отдалъ ея руку сыну короля—Казиміру. Но это не подѣйствовало на нѣмецкихъ рыцарей. Считая свое дѣло и призваніе священнымъ, а войну крестовою, они напрягали всѣ усилія чтобы одолѣть литовцевъ, точно предвидя въ нихъ самыхъ ужасныхъ враговъ. Въ войнѣ съ ними погибъ Гедиминъ.

Его преемники. Два его сына Явнутъ (до 1345 года) и Ольгердъ (съ 1345 до 1377 года) были послѣдовательно великими князьями Литвы; но въ дѣйствительности правилъ Кейстутъ, одинъ изъ старшихъ братьевъ,—человѣкъ надѣленный военными и гражданскими талантами. Несмотря на всю храбрость и искусство Кейстута, крестоносцы одолѣвали и вносили смуту въ великокняжескую семью. Недовольные находили у нихъ защиту; такъ бѣжали къ рыцарямъ двое сыновей Ольгерда: Бутавъ и Оригелло.

Ольгердъ оставилъ 12 сыновей. Кейстутъ, бывшій охраной государства, возвелъ на престолъ наиболѣе способнаго изъ нихъ, Ягелло, которому суждено было играть великую роль въ судьбахъ своего отечества. Новый князь, не разбиравшій средствъ, вообще не отличался чувствомъ благодарности, а его къ тому

(¹) Проф. Василевскій. Исторія г. Вильно.

же старались вооружить противъ дяди, который будто имѣетъ въ виду лишить его власти и изъ опекуна сдѣлать государемъ. Одинъ изъ самыхъ близкихъ къ нему людей, его зять Войдылло старался склонить его на сторону крестоносцевъ. Горячій патріотъ Кейстутъ, провѣдавъ объ этомъ и желая предупредить измѣнническія сношенія въ самомъ началѣ, бросился на Вильно (осенью 1381 года), взялъ городъ, повѣсилъ Войдылло, арестовалъ Ягелло съ его матерью, а затѣмъ свергнулъ его съ престола, не смотря на то, что самъ былъ женатъ на его племянницѣ Маріи. Въ осиротѣлой вдовѣ Кейстутъ и его сынъ Витольдъ нашли непримиримаго врага. Увлекаемая местью, Марія, дѣйствуя на своего брата Ягелло, которому Кейстутъ далъ удѣлъ въ Крево,—довела дядю до гибели. Ягелло выгналъ Витольда изъ Вильно, черезъ посредство своего брата Свидригайло сошелся съ рыцарями, обѣщалъ, конечно на словахъ, принять католицизмъ и когда Кейстутъ явился, то приготовился отразить его въ случаѣ надобности силою.

Ягелло (1377-1434 г.).

Ягелло вообще предпочиталъ хитрость, если только она скорѣе и вѣрнѣе вела къ цѣли. Подъ Троками расположились враждебныя войска дяди и племянника. Ягелло обманомъ заманилъ въ свой лагерь Кейстута съ Витовтомъ, давъ имъ клятву въ безопасности. Здѣсь схватили ихъ обоихъ и посадили въ тюрьму. Витольдъ бѣжалъ при помощи жены въ Мазовію. Кейстутъ былъ перевезенъ въ Крево, которымъ когда-то наградилъ своего племянника и былъ убитъ (въ августѣ 1382 г.). Ягелло снова становится великимъ княземъ.

Витовтъ обратился тогда за содѣйствіемъ въ лагерь крестоносцевъ. Съ обычной своею развязностью, онъ снова изъявилъ желаніе креститься, если ему помогутъ противъ Ягелло. Но не задолго передъ этимъ, рыцари получили такого же рода предложеніе отъ самого Ягелло. Великій князь литовскій давалъ обѣщаніе не только креститься черезъ 4 года, вмѣстѣ со всѣмъ народомъ, но подчиниться немедленно ордену, на вассальныхъ условіяхъ помогать ему во всѣхъ войнахъ и уступить всю Жмудь. Витольдъ постарался, конечно, разстроить соглашеніе, посѣять раздоры и возбудить вражду между нѣмцами и Ягелло. Сдѣлка съ Ягелло не состоялась. Крестоносцы, поддерживаемые жмудинами Витольда, вторглись въ Литву, разрушили Ковно и сожгли Вильно въ іюлѣ 1383 г. Ягелло ушелъ въ лѣса. Витольдъ вступилъ тогда въ формаль-

ныя соглашенія съ нѣмцами. Черезъ полгода (въ январѣ 1384 года) онъ крестился и обязался, если останется княземъ, уступить рыцарямъ Жмудь и половину Литвы, оставивъ за собою другую половину на вассальныхъ условіяхъ. Но Литву, а тѣмъ болѣе Русь во всякомъ случаѣ надо было брать силою.

Тогда гроссмейстеръ ордена Кольнеръ собрался нанести послѣдній ударъ Ягелло. Онъ двинулся во главѣ 60-тысячнаго воинства, коннаго и пѣшаго. Вся эта сила предназначалась къ устройству новой крѣпости Маріепвердеръ на мѣстѣ разрушеннаго Ковно. Когда укрѣпленія были сооружены, Кольнеръ ушелъ обратно. Тѣмъ временемъ Витовтъ одумался, устыдился своей измѣны, отозвался на дружескій призывъ Ягелло, удовольствовался троцкимъ удѣломъ и бросилъ нѣмецкую службу. Съ своими жмудинами онъ оставилъ нѣмецкій лагерь; о немъ услыхали уже тогда, когда получились вѣсти о взятіи и разрушеніи Юрбурга, что было дѣломъ Витовта. Приходилось вновь собирать войска, но теперь счастіе оставило крестоносцевъ. Витовтъ былъ на сторонѣ своихъ соотечественниковъ, раздоры въ литовскомъ лагерѣ прекратились, а Ягелло улыбалась польская корона. Мы говорили о томъ, какъ это случилось.

Крещеніе Ягелло и Литвы (1386-81 г.).

Теперь великій князь крестился уже не на словахъ, а въ дѣйствительности; крестился и его бывшій врагъ Витольдъ. Гроссмейстера Кольнера звали на крестины, но онъ не явился. 18 февраля 1386 года состоялась свадьба Ягелло и Ядвиги. Вновь нареченный Владиславъ II (V) въ день вѣнчанія обнародовалъ pacta conventa, въ силу которыхъ обязывался раздавать всѣ должности въ областяхъ мѣстнымъ землевладѣльцамъ, не иначе какъ съ согласія земскаго, а должности каштеляновъ и старостъ только лицамъ высшаго класса; размѣръ податей былъ точно опредѣленъ и пониженъ; ненавистные „оправцы", назначаемые королевскими чиновниками, судившіе по мелкимъ преступленіямъ, были уничтожены и замѣнены выборными лицами. Все это было вновь и болѣе торжественно подтверждено на коронаціи.

Сдѣлавшись польскимъ королемъ, Владиславъ не переставалъ оказывать бо̀льшее вниманіе родной Литвѣ. Витольдъ, лишенный управленія княжествомъ, тайкомъ сошелся съ нѣмцами и опять направилъ ихъ оружіе на отечество. Кресто-

носцы не сдѣлали ничего, а Витольдъ лишился своихъ владѣній. Отъ него были отобраны города Полѣсья (между прочимъ Брестъ-Литовскъ) и Гродно, бывшіе его удѣломъ (въ 1390 году). Ягелло воевалъ теперь во главѣ польскаго рыцарства; его соединенныхъ военныхъ силъ нѣмцы стали бояться.

Обязавшись крестить свой народъ, онъ приступилъ къ исполненію этой трудной задачи обдуманно, посовѣтовавшись съ представителями на сеймѣ въ Вильно, направляемый опытными польскими прелатами и патерами. Его многочисленные русскіе подданные не нуждались въ крещеніи. Надо замѣтить, что русскія области составляли главную силу и мощь Литвы. Пріобрѣтаемыя послѣдовательно воинственными князьями, онѣ составили впослѣдствіи $^{9}/_{10}$ всей территоріи великаго княжества литовскаго или точнѣе русско-литовскаго. Уже въ первой половинѣ XIII вѣка подчинилась Литвѣ Черная Русь съ городами: Новгородкомъ, Гродно, Слонимомъ, послѣ нея—Полоцкое княжество, въ XIV столѣтіи: княжества Пинское, Туровское, области Кіевская, Смоленская и Витебская. Слабая культурой Литва подчинилась побѣжденнымъ, какъ всегда бываетъ при подобныхъ условіяхъ. Литовцы, начиная съ князей, усвоивали все русское, кромѣ вѣры. При великокняжескомъ дворѣ говорили и писали по-русски, придерживались русскихъ обычаевъ, а обычное западно-русское право, проникнувъ въ литовскую жизнь, стало регулировать ее. Вся законодательная дѣятельность литовскихъ государей въ сущности была санкціонированіемъ и подтвержденіемъ русскихъ исконныхъ, существовавшихъ до завоеванія, обычаевъ. Тѣ юридическіе акты, которые закрѣпляли своею подписью литовскіе князья, были повтореніемъ законодательныхъ формулъ, по большей части уже давно дѣйствовавшихъ въ русскихъ областяхъ. То были или привилегіи или уставныя грамоты, которыя жаловали князья (1). Эти грамоты регламентировали различныя стороны мѣстной общественной жизни и опредѣляли отношенія областей къ правительству.

Такимъ образомъ по поводу соединенія Литвы съ Польшей являлся рядъ очень сложныхъ и обострившихся вопросовъ по

---

(1) Новѣйшее изслѣдованіе М. Ясинскаго (Уставныя земскія грамоты литовско-русскаго государства. Кіевъ, 1889) разбираетъ 10 сохранившихся таковыхъ грамотъ, изъ коихъ по двѣ были даны Кіевской, Волынской и Витебской землѣ, по одной—Полоцкой, Смоленской, Бѣльской и Жмудской.

отношенію къ будущей судьбѣ многочисленныхъ русскихъ подданныхъ. Имъ было предоставлено оставаться въ православіи; но отступники получали имущественныя льготы и важныя привилегіи (20 марта 1387 года). Таковые были освобождаемы отъ личныхъ повинностей, вели войну на собственный счетъ, выдавали дочерей замужъ по своему усмотрѣнію, имѣли преимущество на скорѣйшее разбирательство ихъ дѣлъ въ судахъ. Католики не могли вступать въ бракъ съ иновѣрцами и если одинъ изъ супруговъ исповѣдовалъ католичество, то и другой долженъ былъ принять эту вѣру. Простой народъ завлекали въ католичество подарками и бѣлыми одеждами; иногда прибѣгали и къ насильственнымъ мѣрамъ.

Въ Вильно поспѣшили открыть епархію и семь костеловъ. Объяснивъ народу главныя основанія христіанства, начали обращеніе язычниковъ массами; только зажиточныхъ лицъ крестили сепаратно и давали отдѣльное имя. Обыкновенно же большое количество мущинъ или женщинъ кропили святою водой и давали всѣмъ одно имя. Вездѣ, въ столицѣ, въ городахъ и въ селеніяхъ разрушали языческіе храмы, топили и жгли идоловъ, рубили священныя рощи, уничтожали чествуемыхъ язычниками животныхъ. Энергичными мѣрами Владислава, или вѣрнѣе его польскихъ руководителей, обращеніе литовцевъ, этихъ послѣднихъ язычниковъ, совершилось замѣчательно быстро; потребовалось для того лишь нѣсколько мѣсяцевъ. Только Жмудь осталась языческою.

Ягелло въ душѣ оставался язычникомъ, но его потомки стали не только искренними, но фанатичными католиками. Владиславъ заручился симпатіями поляковъ и всѣхъ славянъ, вступивъ въ борьбу съ тевтонскими рыцарями, которые въ послѣднее время стали бичемъ польскаго государства. Онъ, пользуясь польскими и литовскими силами, въ 1409 году ворвался во владѣнія ордена. Тогда произошло роковое для ордена побоище, имѣвшее огромное историческое значеніе ([1]).

Битва подъ Танненбергомъ въ 1410 г.

Ягелло велъ около 150 тысячъ войска, состоявшаго изъ поляковъ, литовцевъ, русскихъ, татаръ и чеховъ. Противъ него воинственный великій магистръ Ульрихъ фонъ-Юнгин-

---

([1]) Барабашевъ. Битва подъ Танненбергомъ (Ж. М. Н. П. 1887). Его же — монографія о Витовтѣ.

генъ могъ выставить не болѣе 80 тысячъ. Сраженіе произошло подъ Танненбергомъ 15 іюля 1410 года. Это была кровопролитнѣйшая изъ битвъ, извѣстныхъ исторіи. Въ началѣ рыцари одолѣли; поляки и литовцы бросились бѣжать; нѣмцы ихъ преслѣдовали и въ порывѣ торжества двинулись грабить и разсѣялись. Тогда полководцы Ягелло собрали разрозненные отряды своихъ, выстроили ихъ снова и бросились на рыцарей. Битва возобновилась, но уже съ большимъ отчаяніемъ. Обѣ стороны рѣзались безпощадно. Къ вечеру половины тевтонскаго воинства не существовало; великій магистръ и рядомъ съ нимъ 600 рыцарей были убиты; 40 тысячъ нѣмецкихъ воиновъ покрывали окрестные поля и луга. Можно сказать, что съ ними погибла вся сила ордена. Остальные поспѣшно отступили. Побѣдители купили свое торжество, правда, дорогою цѣною; 60 тысячъ литовцевъ и поляковъ пали подъ Танненбергомъ, но Ягелло могъ бы теперь, если бы пожелалъ, располагать судьбами ордена, который, казалось, пересталъ существовать. Города и замки сдавались безъ боя. Надо было пользоваться обстоятельствами, но для этого у Ягелло не доставало искусства; храбрый въ бою, онъ не обладалъ находчивостью и позволилъ своимъ воинамъ грабить цѣлую недѣлю нѣмецкій лагерь, когда дорогъ былъ каждый часъ. Лишь на десятый день подошли поляки къ стѣнамъ Маріенбурга, гдѣ отважный и дѣятельный Генрихъ фонъ-Плауэнъ, избранный вскорѣ великимъ магистромъ, собралъ послѣднихъ защитниковъ когда-то непобѣдимаго ордена. Героическій духъ Генриха сказался въ эти тяжелыя минуты испытаній. Онъ вдохновилъ послѣднихъ рыцарей своимъ высокимъ мужествомъ. Ягелло два мѣсяца напрасно осаждалъ Маріенбургъ. Всѣ его усилія разбились о стойкость защитниковъ. Недостатокъ съѣстныхъ припасовъ, нестерпимый зной и порожденныя имъ болѣзни, заставили его отступить. Къ тому же имъ было получено извѣстіе, что венгерцы, вѣрные своимъ союзникамъ рыцарямъ, ворвались въ предѣлы Польши. Орденъ былъ спасенъ на этотъ разъ, но дни его были сочтены.

Прервемъ не надолго этотъ очеркъ, чтобы досказать послѣднія судьбы ордена.

Паденіе тевтонскаго ордена.

Рыцари не оцѣнили героизма и заслугъ своего новаго великаго магистра. Генрихъ хотѣлъ поднять упавшую дисциплину изнѣжившихся и развратившихся орденскихъ рыцарей,

а они заподозрили его въ затаенныхъ честолюбивыхъ замыслахъ. Онъ распорядился отобрать у рыцарей деньги, согласно орденскому уставу, запретивъ имѣть на рукахъ каждому болѣе трехъ марокъ, велѣлъ на нужды государства расплавить даже церковные сосуды, — а его обвиняли въ корыстолюбіи, даже хищничествѣ и грабежѣ. Ожесточеніе противъ Генриха было такъ сильно, что въ 1413 году онъ былъ отрѣшенъ, арестованъ и присужденъ къ пожизненному заключенію, въ которомъ онъ провелъ остальныя 15 лѣтъ своей жизни. Одно изъ выставленныхъ противъ него обвиненій указывало на сношеніе его съ чешскими послѣдователи Гуса, которыхъ тогда продолжали смѣшивать съ лоллардами.

Главная причина неминуемаго паденія ордена заключалась въ разрозненности между интересами правящаго рыцарскаго сословія и горожанъ съ закрѣпощенными поселянами. Для устраненія той глубокой пропасти, которая лежала между обѣими сторонами надлежало образовать представительное учрежденіе, которое было бы выраженіемъ желаній всѣхъ общественныхъ элементовъ. Города требовали настойчиво участія въ управленіи; они могли указать на свободныя, самоуправляющіяся общины, которыми давно была покрыта западная Европа, на тѣ городскіе союзы, которые давно несли историческую службу въ Германіи. Преемникъ Генриха, Павелъ фонъ-Руссдорфъ думалъ удовлетворить этой назрѣвшей государственной потребности созваніемъ въ 1430 году земскаго великаго совѣта, въ составъ котораго самъ назначилъ, кромѣ старшинъ ордена, по 6 представителей отъ высшаго духовенства, рыцарства и городовъ. Такая полумѣра ни къ чему не привела, вооруживъ капитулъ противъ магистра и возбудивъ въ городахъ живые порывы къ самоуправленію и къ ограниченію власти орденскаго начальства. Дѣйствительно, въ отвѣтъ на это, земскіе чины и городскіе головы прусской земли собрались на съѣздъ въ Маріенвердерѣ, гдѣ заключили т. н. прусскій союзъ. Великій магистръ призналъ совершившійся фактъ. Онъ понималъ, что представительство, освѣтивъ нужды страны и изыскавъ мѣры къ ихъ удовлетворенію, вольетъ новыя силы въ жизнь ордена. Этотъ же взглядъ раздѣлялъ его преемникъ, Конрадъ фонъ-Эрлихсгаузенъ, успѣвшій снискать довѣріе сословій. Но послѣ его смерти въ 1449 году, его родственникъ, великій магистръ Людвигъ фонъ-Эрлихсгаузенъ сталъ противодѣйствовать сейму и постарался насильственно

разрушить образовавшіеся городскіе союзы и самый сильный изъ нихъ—Ящерицу (Eidechsen-Gesellshaft), во главѣ котораго стоялъ энергичный земецъ Гансъ фонъ-Банзенъ, когда-то состоявшій на службѣ ордена. Не взирая на приказаніе императора Фридриха, признавшаго въ 1453 году противозаконнымъ дѣломъ образованіе союзовъ, члены Ящерицы начали борьбу и вскорѣ (въ февралѣ 1454 года) торжественно изъявили готовность подчиниться польскому королю Казиміру III, къ которому отправили посольство съ просьбою принять Пруссію въ подданство на условіяхъ сохраненія мѣстнаго самоуправленія. Польскія войска скоро вступили во владѣнія ордена. Тевтонцамъ война была не подъ силу. Тогда ордену оставалось погибнуть.

Торнскій миръ 1466 г.

По миру, заключенному въ Торнѣ въ 1466 году, орденъ уступилъ Польшѣ половину своихъ владѣній: Померанію, Кульмъ, города Маріенбургъ, Штумъ, Эльбингъ, Христбургъ съ ихъ территоріями и епископство Эрмландское. Это было основное ядро будущей Пруссіи, которое однако не погибло подъ польскимъ господствомъ и сохранило свою упругую національность, чтобы перейти послѣ въ руки Гогенцоллерновъ обновленнымъ и съ запасомъ свѣжихъ силъ, которыя точно нарочно поляки вырастили противъ самихъ себя. Остальныя земли подчинились королю польскому на вассальныхъ условіяхъ, но изъ цвѣтущихъ и обработанныхъ онѣ дошли до крайней степени обѣдненія, вслѣдствіе вѣковыхъ постоянныхъ войнъ, неумѣнья управлять, преслѣдованія жалкимъ правительствомъ узкихъ, всегда эгоистическихъ и сословныхъ цѣлей. Изъ 21 тысячи селеній, которыя покрывали земли ордена, послѣ войны осталось не болѣе трехъ тысячъ, а города пришли въ полный упадокъ.

Историческая жизнь перешла въ Польшу.

Владиславъ III 1434-44 г.

Сынъ Ягелло, Владиславъ III (VI), занятый Венгріей и Турціей и вступившій вскорѣ на венгерскій престолъ, оставилъ въ покоѣ рыцарей. Ему не посчастливилось въ войнѣ съ турками и онъ палъ въ битвѣ подъ стѣнами Варны въ 1444 году во главѣ союзнаго христіанскаго ополченія. Но это бѣдствіе доставило ему и польскому оружію громадную славу на Западѣ. Польскіе историки не даромъ гордятся Варной, считая это несчастное дѣло европейскимъ крещеніемъ поля-

ковъ, основаніемъ политическихъ и духовныхъ симпатій романо-германскаго Запада къ Польшѣ (1).

Казиміръ IV (1445-92 г.). Братъ погибшаго, Казиміръ IV, менѣе увлекавшійся, вернулся къ осуществленію задачъ національной политики. Онъ не задавался обширными предпріятіями, а сосредоточилъ вниманіе на нѣмецкихъ рыцаряхъ. Онъ овладѣлъ большею частью орденскихъ земель и заставилъ рыцарей просить мира. По договору Гданскъ съ областью былъ присоединенъ къ Польшѣ, а остальныя владѣнія тевтонцевъ встали въ вассальныя отношенія къ королю Казиміру IV. Польша такимъ образомъ снова пріобрѣла свои позиціи на берегу Балтійскаго моря. Оставалось соединить польскую землю неразрывной полосой съ Поморьемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ подчинить меченосцевъ.

Послѣдніе Ягеллоны. Это выпало на долю послѣднихъ королей этой династіи, жившихъ въ реформаціонную эпоху Ягеллоновъ. Сигизмундъ I подчинилъ себѣ прусское герцогство на ленныхъ условіяхъ, воспользовавшись секуляризацией тевтонскаго ордена, члены котораго изъ монаховъ стали свѣтскими феодалами. Великій магистръ ордена Готгардъ Кетлеръ, не чувствуя себя въ силахъ сохранить самостоятельность, безъ покровительства сильнаго польскаго короля, сталъ его ленникомъ. Сигизмундъ II Августъ, подчинивъ на такихъ же условіяхъ меченосцевъ, округлилъ границы королевства, простиравшагося отъ Варты до Днѣпра и отъ Балтійскаго моря до южнаго склона Карпатъ. Ему суждено было довести королевство своихъ предковъ до высшей степени могущества, съ которымъ Польша вступила въ новую исторію.

Замѣчательно то обстоятельство, что параллельно съ возрастаніемъ политическаго могущества Польши, росла сила мелкаго дворянства, шляхты,—которая, казалось бы, должна была служить препятствіемъ государственному развитію страны. Но на исторіи Польши повторился общій законъ боренія внутреннихъ силъ. Такое бореніе, полное жизни, возбуждая энергію, обладаетъ присущей ему творческой силой. Борьба между аристократіей и шляхтой въ Польшѣ до извѣстной поры отличалась значительной жизненностью. Это была борьба внутри правящаго класса. Шляхта имѣла въ виду сдержать и обуздать аристократію; она не давала магнатамъ захватить въ свои руки исключительную власть. Она

(1) Описаніе битвы подъ Варной и исторія Владислава III разсказаны въ слѣдующей главѣ.

старалась раздѣлить съ ними управленіе государствомъ, имѣя сенатъ своимъ выразителемъ. Это не была борьба средняго сословія съ высшимъ, но бореніе двухъ неравныхъ элементовъ одной фракціи. Въ XV вѣкѣ тѣ горожане, которые прежде дѣйствовали вмѣстѣ съ мелкимъ дворянствомъ, даже лишились права представительства въ сеймѣ и волей-неволей отказались отъ прежде пріобрѣтенныхъ выгодъ. Добывъ себѣ выгодное политическое и соціальное положеніе, дворянская шляхта не думала дѣлить его съ городской и вмѣстѣ съ магнатами угнетала и закрѣпощала несчастныхъ обезземеленныхъ хлоповъ черезъ посредство шляхетскихъ сеймиковъ, откуда посылала депутатовъ на общіе сеймы. Такимъ образомъ въ сущности и магнаты и шляхта, несмотря на взаимную вражду, имѣли одну цѣль,— господство надъ массой городскаго и сельскаго населенія, а равно и тѣ выгоды, которыя доставляло это господство. Шляхта, если не побѣдила магнатовъ, то добилась тѣхъ же правъ политическихъ и гражданскихъ, коими обладала аристократія. Энергія, которая была положена на это дѣло, содѣйствовала политическому величію Польши впродолженіи двухъ столѣтій, но угнетеніе массы населенія, какъ всякая историческая несправедливость, отозвалось отрицательно на дальнѣйшемъ ходѣ польской исторіи.

Католическая Церковь и феодализмъ стремились усыновить польскій народъ Западу цѣною разложенія и подавленія основныхъ началъ славянскаго общественнаго строя — равенства земскихъ элементовъ. Католицизмъ и феодализмъ создали средневѣковую исторію Польши. Когда авторитетъ этихъ вліяній былъ повсюду потрясенъ и уничтоженъ въ новое время, Польша не могла найти въ себѣ болѣе внутреннихъ силъ для возрожденія къ самостоятельной политической жизни.

Скандинавскія земли.

Общія историческія законы для средневѣковья одинаково примѣнимы не только къ западнымъ, но и къ сѣвернымъ, скандинавскимъ странамъ Европы, хотя послѣднія жили особою, частною жизнью и не являлись никогда орудующею силою. Печальная природа сѣвера сковывала духъ человѣка и всякія идеальныя стремленія, заставляла сосредоточиваться на добываніи средствъ къ существованію, принижала помыслы и сдерживала порывы. Данія, Швеція, Норвегія, послѣдовательно выступая въ исторіи Сѣвера, стояли въ углахъ исторической сцены и не искали себѣ болѣе виднаго мѣста.

Но общія историческія явленія повторились и здѣсь. Древняя языческая жизнь Скандинавіи, послѣ утвержденія въ ней германцевъ, миѳическая эпоха ея выразилась въ богатой, полной молодой силы, могучихъ чаръ и волшебствъ поэзіи Исландіи, запечатлѣнной въ ранней и поздней Эддѣ. О ней нѣтъ историческихъ свѣдѣній, такъ какъ эти сказанія есть плодъ вымысла, въ которомъ трудно уловить действительность. Героическій періодъ, выразившійся въ подвигахъ германскихъ пиратовъ, также захватываетъ послѣднее время языческой поры. Христіанство явилось здѣсь чѣмъ-то чуждымъ; оно безсильно было укротить хищничество и насилія и прививалось очень долго, встрѣченное крайне несочувственно. Городская жизнь развивалась съ трудомъ и до второй половины XIII вѣка города въ Швеціи не обносились стѣнами. Промышленность и торговля почти не существовали. Даже крестовые походы не могли пробудить жизнь въ этихъ бѣдныхъ, обиженныхъ природою странахъ. Если нѣкоторые города Даніи и Швеціи вошли въ Ганзейскій союзъ, то въ немъ они играли подчиненную роль ([1]).

([1]) Для начальнаго періода скандинавской исторіи служатъ общегерманскія лѣтописи, уже цитованныя, какъ то: Адамъ Бременскій (Gesta Hamb. Ecclesiae до 1072 г.), Гельмольдъ (Chronicon Slavorum, съ прод. до 1170), Арнольдъ Любекскій (Chronica Slavorum 1171—1209); затѣмъ Датскіе анонимы (Chr. Daniae съ 980—1330 даже до 1410 г. въ разныхъ редакціяхъ), помѣщенные въ сборникѣ Langebek (Script. rerum Danicarum medii aevi, 8 f. 1834; II, 169—176: III, 240—256, 627 etc. IV, 225—230; V, 571 etc.) и Ludewig (Reliquiae manuscr. 20 f. 1720, t. XI), изъ коихъ нѣкоторые представляютъ извлеченіе изъ древнѣйшихъ Annales Ryenses, доведенныхъ до 1208 въ одномъ изъ монастырей Шлезвига и неправильно приписанныхъ датскому королю Эриху VII, жившему въ XV вѣкѣ (Langebek, I, 148—170; Pertz, XVI, 392—410). Затѣмъ Saxo Grammaticus (Hist. Danicae l. XVI, изд. Мюллера въ 1839 и въ 1858) одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ лѣтописцевъ средневѣковья, умершій въ 1204 г.; Ericus Olai, профессоръ въ Упсалѣ ум. въ 1486 г. (Hist. Svevorum Gothorumque ad a. 1464) составилъ обширный, но къ сожалѣнію небрежный и компилятивный трудъ, лишенный всякихъ критическихъ пріемовъ. Олай затемнилъ пустыми сказками и безъ того скудную исторію Сѣвера (изд. Messenius, 1615; Loccenius, 1654). — Сборникъ лѣтописцевъ для исторіи Швеціи Fant (Ups. 2 f. 1812) и Rietz (Lund. 3 v. 1842), для Норвегіи: Lindenbrog (Scrp. rer. German. sept. Fr. 1609).—Пособія, кромѣ стараго труда Gebhardy (Allg. Gesch. der Kön. Dannemark und Norwegen): Dahlman (G. Dänemark's, 3 B.). Rüghs (G. Schwedens), Geyer (Schwedens Gesch.).

Данія.

Изъ всѣхъ скандинавскихъ земель только Данія принимала нѣкоторое участіе въ общей исторіи. Изъ королей дома Эстритсонова въ XII вѣкѣ прославился Вальдемаръ I, другъ знаменитаго Генриха Льва (Вельфа), прекратившій разбой на южномъ берегу Балтики и упрочившійся въ Мекленбургѣ и Помераніи послѣ занятія Рюгена въ 1168 году. Его политику продолжали его сынъ Канутъ VI, а особенно внукъ Вальдемаръ II, удачно прозванный Побѣдителемъ. Вступивъ на престолъ въ 1203 году, онъ совершенно подчинилъ себѣ славянскихъ князей въ Помераніи, которые присягнули ему въ Любекѣ, какъ королю славянъ и повелителю Голштиніи, носившей тогда названіе Сѣверной Албингіи. Пользуясь разрѣшеніемъ императора Фридриха II, уступившаго ему уже онѣмеченныя земли на нижней Лабѣ и Эйдерѣ, онъ двинулся на прусскихъ и ливонскихъ язычниковъ, значительную часть которыхъ покорилъ своей власти. Далѣе этихъ завоеваній Данія не пошла. То были годы ея высшаго могущества. Противъ Вальдемара возстали его вассалы, опасаясь усиленія его власти. Онъ былъ захваченъ ночью (6 мая 1233 г.) предательскимъ образомъ въ своей палаткѣ на охотѣ, вмѣстѣ съ сыномъ. Свои же вассалы силою заставили его отказаться отъ большей части завоеваній, отъ Голштиніи и славянскаго Поморья по Рюгенъ, взявъ съ него 65 тысячъ марокъ серебра и обязательство не мстить за свой плѣнъ. Онъ согласился на все чтобы получить свободу, а, освободившись, предпринялъ было походъ противъ феодаловъ, но недалеко отъ Киля (1227 г.) былъ разбитъ графами Голштинскимъ и Шверинскимъ и ихъ союзникомъ герцогомъ Саксонскимъ. Послѣ этой битвы кончилось мимолетное владычество датчанъ надъ славянами, которые впрочемъ ничего не выиграли, такъ какъ перешли подъ болѣе тяжелую нѣмецкую руку. Графъ Адольфъ IV возвратилъ себѣ Голштинію. Вальдемаръ II, принужденный ограничиться только частью своего государства увѣнчалъ свою дѣятельность изданіемъ судебника. Въ 1241 году, по завѣщанію, его старшій сынъ Эрихъ IV водворился въ Даніи, а младшій Абель въ Шлезвигѣ. Послѣдній убилъ брата въ 1250 г. и былъ избранъ королемъ. Но его насилія надъ трудолюбивымъ и мирнымъ населеніемъ Фрисландіи были таковы, что даже эти поселяне вышли изъ себя и убили его. Христофоръ I, младшій изъ братьевъ, вступивъ на престолъ, напрасно старался водворить порядокъ среди буйной, духов-

ной и свѣтской аристократіи, не признававшей никакой власти. Прелаты особенно возненавидѣли его и извели ядомъ въ 1259 году. Та же участь предстояла его сыну Эриху V въ 1296 году. Данія распалась на удѣлы. Уже спустя полвѣка, при Вальдемарѣ III Аттердагѣ (1340—75 г.), водворился нѣкоторый порядокъ и страна вновь вернулась къ единовластію. Этого Аттердагъ достигъ своею тактичностью, осторожностью и послѣдовательностью [1]. Рѣшительный ударъ непокорнымъ князьямъ онъ нанесъ въ битвѣ при Гламбергѣ въ 1357 году. Онъ могъ тогда возвратить отъ шведовъ захваченныя ими области.

Швеція и Норвегія. Въ Швеціи исторія шла тѣмъ же путемъ. Это государство создано было двумя народами: шведами и голландцами. Вліяніе переходило по очереди то къ тѣмъ то къ другимъ выдающимся родамъ. Въ 1130 году прекратилась династія Стенкилей. Ихъ смѣнилъ домъ Бонде, который съ 1250 году замѣстили Фолькунги. Первымъ и славнѣйшимъ изъ нихъ былъ Биргеръ, министръ послѣдняго изъ Бонде. Биргеръ обнесъ Стокгольмъ стѣнами и озаботился укрѣпленіемъ столицы. Шведы привыкли не опасаться феодаловъ, которые жили мирно рядомъ съ другими сословіями. При Биргерахъ было закончено покореніе Финляндіи, гдѣ только что къ концу XIII столѣтія было введено христіанство, которому очень медленно подчинялось финское населеніе этой суровой страны, послѣ всѣхъ народовъ Европы примкнувшее къ христіанству, чѣмъ оно получило право на участіе въ исторической жизни.

Магнусъ, второй сынъ основателя династіи Фолькунговъ, устранивъ своего брата въ 1275 году, организовалъ и вооружилъ регулярное, всегда готовое войско, для чего раздавалъ льготы отъ податей и повинностей тѣмъ, кто былъ въ силахъ содержать коня и вооруженіе. Его старшій сынъ Биргеръ (въ 1317 г.) уморилъ голодомъ младшихъ братьевъ. Это вызвало возмущеніе. Малолѣтній сынъ погибшаго Эриха, Магнусъ Смекъ былъ возведенъ на престолъ, подъ опекой матери, норвежской принцессы Ингебурги. Эта дочь Гакона VI,—послѣдняго изъ потомства Гаральда Гарфагера,—сына Магнуса VI Законоисправителя, лучшаго изъ норвежскихъ ко-

---

[1] Прозвище Аттердагъ было дано ему за его любимое выраженіе: «завтра опять будетъ день». Король любилъ очень долго обдумывать дѣла.

ролей, вручила корону Норвегіи малолѣтнему королю шведскому, своему сыну, который однако не умѣлъ удержать ее за собой, когда выросъ, вслѣдствіе бездѣятельности и расточительности. Норвежцы настояли на передачѣ престола младшему изъ сыновей Смека еще при его жизни, Гакону VII. Шведы тогда же провозгласили королемъ другаго сына, Эриха. Пользуясь этими раздорами, Вальдемаръ III датскій отнялъ у шведовъ островъ Готландъ. Это не прошло безнаказанно. Ганзейскій союзъ вступился за Готландъ и составилъ коалицію, куда вошли кромѣ Швеціи: Норвегія, Голштинія и Мекленбургъ. Вальдемаръ III поспѣшилъ отклонить отъ коалиціи прежде всего Норвегію, отдавъ королю Гакону VII руку своей дочери, принцессы Маргариты, а съ ганзейцами вступилъ въ соглашеніе, сдѣлавъ имъ всевозможныя уступки.

Правленіе Маргариты датской (1387-1412 г.).

Послѣ смерти Эриха шведскаго, Гаконъ VII вновь соединилъ на своей головѣ двѣ короны. Но шведы не могли простить ему брака съ датчанкой Маргаритой, такъ какъ издавна ненавидѣли все датское. Изъ за этого только шведы свергнули Гакона и избрали Альбрехта герцога Мекленбургскаго, который принадлежалъ норвежской династіи по женской линіи. Вальдемаръ вступился за зятя; ганзейскіе города дали средства, и самъ Магнусъ смѣло выступилъ противъ Альбрехта. Но послѣдній въ 1365 году разгромилъ союзниковъ, взялъ въ плѣнъ Магнуса и прогналъ Гакона изъ Норвегіи. Датскій король поспѣшилъ примириться съ Ганзою и только этимъ сохранилъ свое маленькое королевство отъ подчиненія шведамъ, во главѣ которыхъ стоялъ счастливый мекленбуржецъ Альбрехтъ. Послѣ смерти Вальдемара III (въ 1375 году), въ Даніи былъ провозглашенъ королемъ пятилѣтній Олафъ. Маргарита, которая держалась съ замѣчательнымъ тактомъ, легко добилась назначенія себя регентшей въ Даніи. Когда умеръ спустя пять лѣтъ ея мужъ, то съ 1380 года она стала регентшей и въ Норвегіи. Смерть сына въ 1387 году открыла ей дорогу къ престолу и она была провозглашена королевой Даніи и Норвегіи.

Маргарита оказалась на высотѣ своей задачи. Она была одушевлена высокими помыслами. Идя за вѣкомъ, она сознавала что интересы государства выше сословныхъ и дѣятельно заботилась объ устройствѣ военной народной силы, нѣсколько ранѣе, чѣмъ къ сознанію таковой потребности пришли короли

и ихъ правительства на германскомъ и романскомъ Западѣ. Враги называли ее „королемъ въ юбкѣ“, но она скоро доказала на сколько превосходитъ умомъ, энергіею и возвышеннымъ патріотизмомъ не только своихъ ничтожныхъ скандинавскихъ соперниковъ, но и гораздо болѣе могущественныхъ властителей Запада. Феодализмъ не представлялъ ей какихъ либо препятствій; онъ вообще не игралъ видной роли въ скандинавскихъ земляхъ. Маргариту болѣе занимала другая чисто политическая задача, стоявшая на исторической очереди. Королева стремилась къ созданію единаго національнаго скандинавскаго государства, состоящаго изъ Даніи, Норвегіи и Швеціи. Въ этомъ отношеніи она слишкомъ опередила свое время; для XIV вѣка она намѣтила такое дѣло, которое не осуществилось вездѣ въ концѣ XIX столѣтія, которымъ управляетъ въ политической сферѣ національная идея. Мы не знаемъ возникла-ли эта грандіозная мысль въ головѣ самой Маргариты или была подсказана ей совѣтниками. Въ памятникахъ нѣтъ достаточныхъ указаній на послѣднее предположеніе, а послѣдующія событія подтверждаютъ мнѣнія о высокихъ и разнообразныхъ способностяхъ этой замѣчательной женщины.

Кальмарская Унія 1397 г.

Въ то время какъ заклятой врагъ ея, король Альбрехтъ шведскій опочилъ на легко добытыхъ лаврахъ и, предавшись праздности и удовольствіямъ, перессорился съ дворянствомъ, Маргарита, рѣшившись во что бы то ни стало подчинить себѣ Швецію, незамѣтно подготовила армію и во главѣ ея осенью 1389 года вторглась въ западную Готландію. Король Альбрехтъ, не покидая своей нѣги и смѣясь надъ неожиданной храбростью королевы, послалъ ей брусокъ для точенія иголокъ. Онъ не придавалъ никакого значенія ея угрозамъ и считалъ ее ничтожною соперницей. Скорѣе чѣмъ можно было ожидать, онъ былъ наказанъ за свою гордость. При Фальченингѣ (сент. 1389 г.) онъ былъ разбитъ на голову войсками Маргариты и взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ со своимъ сыномъ. Но шведы не покорились. Маргарита осадила Стокгольмъ. Мекленбургскіе города снарядили эскадру для нападенія на датскіе берега. Маргарита вела войну еще долго и наконецъ прибѣгнула къ другому образу дѣйствій. Вынудивъ отреченіе отъ плѣннаго Альбрехта, она вступила въ переговоры съ чинами и, отказываясь отъ собственной кандидатуры на шведскій престолъ, каковая была невозможна въ

Швеціи,—указала на своего внучатнаго племянника Эриха, передавъ ему же троны Даніи и Норвегіи. Въ 1397 году въ Кальмарѣ она короновала Эриха IX и здѣсь же была провозглашена т. н. скандинавская унія, въ силу которой всѣ три королевства отнынѣ должны были имѣть одного короля, причемъ каждое государство управляется особо по своимъ законамъ, имѣетъ свою отдѣльную армію и помогаетъ одно другому въ случаѣ войны (1).

Распаденіе союза.

Широкая идея, положенная въ основу Кальмарской уніи, не принесла желаемыхъ результатовъ. Прошлые счеты сильно раздѣляли единомысленный союзъ. Унія не просуществовала и столѣтія. Шведы были недовольны болѣе всего тѣмъ что резиденція короля осталась въ Даніи. Только энергія Маргариты, которой за ея великодушіе и несомнѣнные государственные таланты симпатизировали даже шведы,—удерживала части союза отъ распаденія. Лишь только королева закрыла глаза (1412 г.), какъ Швеція высказала явную враждебность къ Даніи. Эрихъ сталъ совершенно бездѣятеленъ и обратился въ ничтожество, когда умерла его руководительница и супруга, Филиппа, дочь короля англійскаго Генриха IV, которую избрала ему въ жены сама Маргарита и руководству которой она завѣщала судьбы государства. Швеція отложилась въ 1435 году, избравъ временно своими государственными маршалами сперва Энильбрехта, а потомъ Карла Кнутсона, уже съ титуломъ короля. Когда спустя четыре года, Эрихъ, изнемогшій въ борьбѣ, отказался отъ престола и поселился частнымъ человѣкомъ на островѣ Готландѣ, датчане призвали на престолъ чужеземца, его племянника по женской линіи, баварскаго герцога Христофора. Этотъ выборъ былъ удаченъ. Христофоръ, дѣйствуя на шведское духовенство, уже подготовилъ возстановленіе союза, но онъ вскорѣ умеръ (въ 1448 г.). Тогда въ Даніи и въ Норвегіи былъ избранъ въ короли герцогъ Ольденбургскій Христіанъ (1448—81 г.), котораго шведское духовенство послѣ сверженія Карла, пригласило въ Стокгольмъ. Союзъ возстановился, но не на долго. Попытка Христіана, къ сожалѣнію, была мимолетною. Стоило только Христіану изъ за назначенія податей разойтись съ шведскими

(1) Münchberg. Historia pragmatica pacti Calmariensis. H. 1749.—Для послѣдующихъ событій новѣйшее изслѣдованіе датскаго ученаго: Zarsen. Kalmarkrigen. Et Bidragtil de nordiske Rigers Krigshistorie (1 вып. Kjobenhavn, 1889).

прелатами, и онъ былъ свергнутъ [1]. Когда же, упорно домогаясь возрожденія уніи, Христіанъ сталъ дѣйствовать съ оружіемъ въ рукахъ, и съ этою цѣлью снова высадился въ Швеціи, то былъ жестоко разбитъ въ окрестностяхъ Стокгольма (въ 1478 г.).

Стенъ Стуръ.

Въ этомъ кровавомъ сраженіи шведами предводительствовалъ искусный вождь Стенъ Стуръ Старшій [2]. Его дому предстояла историческая будущность. Надо замѣтить, что Стуръ состоялъ намѣстникомъ датскаго короля въ Швеціи. Сперва онъ пользовался его довѣріемъ, хотя всегда ратовалъ за чисто шведскіе интересы. Въ борьбѣ общественныхъ элементовъ въ Швеціи онъ дѣйствовалъ противъ аристократіи, держался высшаго духовенства, защищалъ города и крестьянъ, по возможности выдвигая значеніе послѣднихъ. Онъ первый пригласилъ на государственный сеймъ представителей не только городовъ, но и земледѣльческаго люда. Основанный имъ въ Упсалѣ университетъ служитъ лучшимъ памятникомъ благотворной дѣятельности этого мудраго правителя. Онъ не домогался королевскаго вѣнца, да и не имѣлъ въ немъ надобности. Онъ стоялъ на стражѣ самостоятельности Швеціи, не допуская мысли объ уніи, можетъ быть потому что не считалъ ее выраженіемъ народныхъ интересовъ и порожденіемъ народной воли. При жизни онъ устранялъ возможность всякаго соглашенія. Того же взгляда держался его сынъ, Стенъ Младшій.

Кальмарская мировая грамота.

Когда Христіанъ I убѣдился въ невозможности склонить Швецію на свою сторону, онъ, желая оправдать себя въ глазахъ потомства, сознавая всю отвѣтственность, которая лежала на немъ, взялъ отъ государственнаго совѣта Даніи документъ, въ которомъ было изложено что король съ своей стороны сдѣлалъ всевозможное, чтобы возстановить унію. Его сынъ Іоаннъ былъ счастливѣе (1481—1531 г.). Онъ прибѣгнулъ къ дипломатическимъ переговорамъ и такъ какъ шведы все еще не избирали короля, то онъ, успѣвъ склонить на свою сторону дворянство самыми широкими льготами, временно

---

(1) Hille. Registrum König Christian des Ersten.—I. Schlegel. G. der Königen von Dänemark aus dem Oldenburgischen Stamme, Kop. 1769.

(2) О немъ старая шведская монографія Geiger (St. 1803).

возстановилъ союзъ и издалъ т. н. „Кальмарскую Мировую грамоту“, которой подтверждалась унія. Дѣйствіе этой грамоты было непродолжительно. Преемникъ Іоанна Христіанъ II (1513—1523 г.) своею жестокостью способенъ былъ возстановить противъ себя не только шведовъ, но и датчанъ. Послѣ перваго столкновенія съ шведскимъ намѣстничествомъ, онъ двинулся съ войсками на мятежниковъ. Тогда въ Швеціи правилъ Стенъ Младшій. Онъ загородилъ королю дорогу, но былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ. Затѣмъ послѣдовали истязанія и казни. Тогда возстаніе, проникнувъ въ народъ, охватило всю Швецію. Во главѣ народнаго движенія всталъ Густавъ Ваза, родственникъ дома Стура, излюбленный герой шведской исторіи. Онъ жилъ уже въ началѣ новой исторіи, но его біографія украшена легендами. Онъ свергнулъ въ 1523 году датское владычество и, провозглашенный королемъ, открылъ свою династію въ Швеціи.

Кальмарская унія обратилась къ началу новаго времени въ союзъ двухъ государствъ Даніи и Норвегіи. Судьба грандіознаго кальмарскаго замысла еще разъ подтвердила историческое положеніе, въ силу котораго не можетъ осуществиться то, что не выходитъ непосредственно изъ народныхъ потребностей и что болѣе или менѣе искусственно и преждевременно насаждается сверху.

---

4) Южная Италія при Іоаннѣ II. Эпоха кондотьеровъ. Борьба за обладаніе неаполитанскимъ королевствомъ. Аррагонія и Альфонсъ V Мудрый. Венеція и Карманьола. Миланское герцегство и Франческо Сфорца.

Неаполь послѣ смерти Владислава.

Излагая исторію южной Италіи, мы остановились на смерти неаполитанскаго короля Владислава. Какъ только разнеслась вѣсть о кончинѣ Владислава, — все пришло въ смятеніе. Государство, такъ долго сооружаемое, разсыпалось и строитель его унесъ свои планы въ могилу. Всѣ пріобрѣтенія потерялись. Громадныя арміи стали расходиться. Ихъ предводители или искали другихъ господъ или обратились съ искательствами и съ услугами къ новой властительницѣ, чтобы получить долю участія въ правленіи. Новая королева легкомысленная Джіованна встревожилась, когда увидѣла сколько надо заботъ и труда, чтобы умиротворить разрозненные, разлагавшіеся элементы. Ея фаворитъ и первый министръ, бывшій придворный поваръ, молодой Пандольфелло Алопо, былъ плохимъ помощникомъ въ эту минуту. Но кромѣ его, ей не на кого было положиться.

Скоро въ Неаполѣ вспыхнула революція; сдержать ее было трудно. Кондотьеры искали только собственной наживы; они пользовались общею сумятицей. Аттендоло Сфорца, одинъ изъ талантливѣйшихъ наемниковъ, вышедшій изъ народа, которому Владиславъ поручилъ осаждать Тоди, вдругъ встрепенулся. Онъ понялъ, что ему открывается государственное поприще, что онъ можетъ много сдѣлать въ это смутное время. Онъ собралъ свой отрядъ и пошелъ на Неаполь. Онъ разсчитывалъ овладѣть королевою и правленіемъ. Вдругъ великій сенешалъ, въ лицѣ Алопо, хитрымъ образомъ овладѣваетъ имъ самимъ. Храбрый кондотьеръ, искавшій богатствъ и власти, очутился въ неаполитанской крѣпости....

Іоанна II.

Дочь Карла III Дураццо, послѣдняя въ родѣ старой династіи, старшая сестра Владислава, родившаяся въ 1370 году, Джіованна вступила на престолъ скорѣе въ почтенныхъ, нежели въ среднихъ лѣтахъ. При всемъ томъ, она сохранила замѣчательную красоту, такъ что заставила современниковъ заподозривать себя въ излишнемъ вниманіи къ своей особѣ.

Говорили напримѣръ, что она каждый день принимала ванну изъ ослинаго молока, для чего сотня ослицъ содержалась на дворцовой конюшнѣ. Джіованна не думала нисколько стѣсняться въ своихъ увлеченіяхъ, когда выдали ее безъ всякихъ личныхъ привязанностей за австрійскаго принца Вильгельма, сына Леопольда III. Открыто измѣняя мужу, безъ всякаго стыда отдаваясь фаворитамъ всѣхъ состояній и возрастовъ, она, благодаря своей удивительно сохранившейся красотѣ, никогда не теряла его любви, всегда и вездѣ оскорбляемой. Когда уже совѣсть говорила, что развратъ превосходитъ всякую мѣру, всякое чувство приличія, то Джіованна не останавливалась напримѣръ передъ такими мѣрами, чтобы убить своего любовника и тѣмъ зарыть въ могилу какой нибудь особенно пасквильный скандалъ. Очень часто неизвѣстно куда исчезали красавцы изъ придворной молодежи. Подставной, безгласный мужъ, не перестававшій любить свою развратную жену, умеръ не задолго до Владислава, предоставивъ Джіованнѣ полную свободу. Она тотчасъ же усилила штатъ своихъ оффиціальныхъ любовниковъ, между которыми особенное предпочтеніе стала оказывать наглому и невѣжественному повару, Пандольфелло Алопо; ему тогда же были выхлопотаны важныя должности. Алопо пріобрѣлъ безграничное вліяніе на принцессу, относившуюся къ нему уже съ нѣкотораго рода уваженіемъ и страхомъ. Онъ сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ ревниваго стража королевы. Ревнуя къ Аттендоло Сфорцѣ, онъ передъ самою смертью Владислава, окончательно увѣрилъ Джіованну въ безграничномъ честолюбіи Сфорцы, намекнувъ только на то обстоятельство, что сильная армія кондотьера можетъ помѣряться со всѣми средствами неаполитанскаго королевства и что Аттендоло думаетъ не шутя прибѣгнуть къ ней, если королева откажетъ ему въ своей рукѣ. Пандольфо кончилъ тѣмъ, что принимая на себя личину добраго друга, совѣтовалъ королевѣ слѣдить за опаснымъ смѣльчакомъ, а главное позаботиться о томъ, какъ бы отвратить бѣду. Поступокъ Сфорцы послѣ смерти Владислава какъ нельзя болѣе подтвердилъ навѣты Алопо. Онъ заставилъ ее вполнѣ довѣриться клеветнику, который въ силу указа новой королевы, не замедлилъ самолично арестовать перваго полководца королевства.

Такой деспотическій поступокъ возмутилъ даже сторонниковъ королевской партіи, или, какъ она называлась тогда,

партіи Дураццо, въ противоположность Анжу, представителя французскихъ претензій. Избранная депутація изъ дворянъ отправилась къ королевѣ просить за Сфорцу. Цѣлью демонстраціи было желаніе избавиться отъ господства временщика, который въ будущемъ грозилъ принести еще бо́льшее зло государству. Эта мысль явно сквозила въ рѣчи, которую депутаты держали передъ королевою. Многіе изъ нихъ были безкорыстно преданы интересамъ Дураццо и отъ всей души желали добра и счастливаго царствованія новой государынѣ.

Вообще Іоанна, при всѣхъ непростительныхъ слабостяхъ и порокахъ, пользовалась общею любовью всѣхъ сословій. Дворянство, и крупное и мелкое, любило ее за мягкость характера, за царственное величіе ея личности. На Іоаннѣ II отражается типъ общій для женщинъ съ ея слабостями. Она по своему образованію принадлежала къ передовому кружку современнаго общества. Между чтеніемъ и музыкой проходила бо́льшая часть времени, остававшагося ей отъ любовныхъ похожденій и романическихъ грезъ. Она читала все, что только можно было тогда читать; она знала латынь въ совершенствѣ и еще шестнадцати лѣтъ писала любовныя письма языкомъ Цицерона. Она въ научномъ отношеніи была знакома со всѣмъ тѣмъ, что было доступно тогда. Здравое развитіе не сдѣлало ея индифферентною въ области вѣры, какъ многихъ женщинъ ея образованія. Она была замѣчательно добродушна, дѣлая благодѣянія при всѣхъ представлявшихся случаяхъ. Она оказывала тысячу мелкихъ добродѣтельныхъ поступковъ, которыми не только не гордилась, а напротивъ держала въ тайнѣ. Добрая ко всѣмъ, она особенно была внимательна къ своимъ приближеннымъ, которые были въ восторгѣ отъ ея царственнаго величія. По замѣчанію современныхъ лѣтописей, она глядѣла истинною королевою.

Бракъ Іоанны II съ Жакомъ де-Бурбонъ и борьба партій.

Первое время власть ея, колеблемая постояннымъ вмѣшательствомъ дворянства не только въ государственныя, но даже въ домашнія дѣла, казалась непрочною. Личные враги Алопо не могли примириться съ мыслью о его господствѣ. Еще болѣе возмущалось ихъ чувство, когда они удачно проникнули въ тайныя мысли фаворита, въ тихомолку домогавшагося руки королевы, такъ слѣпо довѣрившейся ему. Новая депутація рѣшилась просить Іоанну о немедленномъ бракѣ съ какимъ нибудь изъ извѣстныхъ европейскихъ принцевъ, такъ какъ

въ противномъ случаѣ, за смертью бездѣтной королевы, должна будетъ прекратиться законная династія. Джіованнѣ указывали на французскій королевскій домъ, родственный союзъ съ которымъ могъ бы доставить неаполитанской династіи большія выгоды въ политическомъ отношеніи. Тамъ былъ одинъ принцъ, именно Жакъ Бурбонъ, графъ де-ла-Маршъ, который почелъ бы за счастье быть мужемъ неаполитанской королевы. Жакъ приходился родственникомъ неаполитанской титулярной династіи. Потому-то бароны и выбрали его, какъ болѣе надежнаго и болѣе сильнаго, разсчитывая что его всегда поддержитъ французское правительство. Іоанна должна была согласиться на убѣдительныя просьбы аристократіи, ссориться съ которою было опасно при настоящихъ обстоятельствахъ. Дано было знать въ Парижъ и бурбонскій принцъ съ величайшимъ удовольствіемъ устремился въ свое будущее королевство, въ которомъ онъ, по своему суровому характеру, не безъ основанія разсчитывалъ играть далеко не пассивную роль. Онъ готовился быть королемъ, со всѣми правами его, а не тою куклою, какою думала сдѣлать изъ него его будущая супруга. Съ радостью спѣшилъ изъ Венеціи молодой Жакъ къ своей 45-лѣтней невѣстѣ, не зная тѣхъ интригъ, которыя строила противъ него Іоанна, дѣятельно руководимая и поддерживаемая своимъ Алопо, возведеннымъ теперь въ достоинство графа и оберъ-каммергера, съ должностью котораго были сопряжены обязанности министра финансовъ.

Въ брачномъ контрактѣ была сдѣлана оговорка, что Жакъ не будетъ называться неаполитанскимъ королемъ, а только княземъ тарентскимъ и герцогомъ калабрійскимъ. Но Джіованна знала, что ея суровый мужъ не уступитъ даромъ своихъ правъ, что добровольно не согласится на ограниченіе власти. Ко всему этому можно будетъ принудить его только силою. Потому-то теперь для интимнаго кружка королевы необходима была прежде всего крѣпкая поддержка войска. Сфорца въ этомъ отношеніи могъ быть лучшимъ союзникомъ.

Фаворитъ самъ отправился въ тюрьму Сфорцы, уже отчаявшагося въ спасеніи, и предложилъ ему не только свободу, но даже санъ великаго конетабля и 8 тысячъ дукатовъ (176 тысячъ лиръ) въ мѣсяцъ ему и его бандамъ жалованья, —если онъ, Аттендоло, согласится во всемъ содѣйствовать лич-

нымъ видамъ королевы, если онъ будетъ способствовать ограниченію власти Жака и его партіи, если онъ, наконецъ, въ случаѣ надобности обязуется прибѣгнуть къ оружію, для поддержанія ихъ отнынѣ общаго дѣла (1).

Аттендоло Сфорца былъ освобожденъ, но только для того чтобы снова попасть въ тюрьму. Бароны королевства при встрѣчѣ принца Жака постарались выставить Сфорцу въ самомъ черномъ свѣтѣ, и онъ по приказанію будущаго супруга королевы, былъ снова подвергнутъ заключенію. Іоанна скоро узнала, что родовая аристократія, а за нею уже и все рыцарство, присягаетъ ея будущему супругу, не какъ герцогу калабрійскому, а какъ законному, равноправному королю Джьакомо. Благоразумно покоряясь необходимости, она приказала городскому муниципалитету привѣтствовать принца, какъ короля (13 августа 1415 г.). Когда Жакъ прибылъ во дворецъ, то и здѣсь, въ присутствіи всего двора, она, потерявъ отъ стеченія обстоятельствъ окончательно всякую энергію, при представленіи своего жениха, сама назвала его королемъ Джьакомо. Понятно, что придворные должны были отвѣчать крикомъ „да здравствуетъ король Джьакомо и королева Джіованна“ (2).

Чувство страха овладѣло и правительствомъ и народомъ, когда, на другой же день послѣ свадьбы, новый король отдалъ приказъ арестовать и пытать Алопо. Пытка была безпощадна (fu atrocissimamente tormentato) и происходила въ присутствіи самого Джьакомо. Павшій временщикъ, обвиненный въ государственной измѣнѣ, былъ осужденъ на

(1) Испанскій хроникеръ Çurita, — Anales de la corona de Aragon (III, 140) ошибочно относитъ къ 1420 году полученіе Сфорцою сана великаго конетабля, смѣшивая его съ подтвержденіемъ церковнаго гонфалоньерскаго достоинства. Упоминая случайно объ избраніи костницкаго папы, Цурита прибавляетъ: «del qual esperava, que seria coronado; y salio a la empresa Sforça fu capitan general; al qual hizo eran Condestable del reino (l. 13, c. 5)».—Срв. Muratori. Annali d' Italia (XIII, 29) и Corio (613, 621).

(2) Giannone. Istoria civile del regno di Napoli; III, 237. — Испуганная королева, представляя двору своего угрюмаго жениха, должна была говорить такія слова: «Voi vedete questo Signore, a cui ho dato il dominio della persona mia, ed hor dono pel Regno: chi ama me, ed é aflezionato di casa mea, voglia chiamarlo, tenerlo, e servirlo da Re». — Подробное описаніе пріема Жака сдѣлалъ Platen, 51.

публичную смертную казнь. Приговоръ читали въ вечерню 1 октября (1415 г.) и въ тотъ же день Пандолфо выдали на растерзаніе черни, которая такъ страшно ненавидѣла фаворита. Долго таскали его по улицамъ, тиранили самымъ безчеловѣчнымъ образомъ, пока не отрубили голову на торговой площади. Изуродованный, окровавленный трупъ потащили снова и при ликованіяхъ и хохотѣ толпы повѣсили за ноги (1). Королева была въ отчаяніи (con intenso dolore); она, уже отказавшаяся добровольно отъ всякой власти, опасалась за собственную безопасность. И ея предчувствіе оправдалось очень скоро. Она оказалась рабынею своего мужа, плѣнницею въ собственномъ дворцѣ. Можно сказать, что она была арестована домашнимъ образомъ, будто подозрѣваемая въ политическомъ преступленіи. За нею присматривалъ старый Жанъ Берленжье, французъ, который поселился на ея половинѣ; ее окружали французскія же женщины, слѣдившія за нею неотступно. Что касается короля, то онъ, нисколько не интересуясь своею женою, весь отдался государственнымъ дѣламъ. Надо замѣтить, что онъ былъ мало способенъ къ чему нибудь серьезному; если же и дѣйствовалъ, то очень безрасудно и потому всегда неудачно. Пользуясь жестокостью и грубоватостью короля, имъ во всемъ руководили его французскіе приближенные. Какъ нѣкогда при венгерскомъ узурпаторѣ, такъ теперь при французскомъ, страна, наполненная чужеземцами, приняла иной видъ. Снаружи французское чиновничество, внутри проявилось хищническое лихоимство.

Скоро національная партія возмутилась насиліями французовъ въ Неаполѣ и чужеземной администраціи. Это заставило Жака нѣсколько облегчить положеніе королевы. Присмотръ былъ значительно смягченъ; ей позволялось располагать собою по произволу, хотя ее и не пускали за черту города.

---

(1) Большая часть писателей передаетъ эту казнь иначе,—какъ напр. Paolo Giovio (La vita di Sforza, Mil. 1558, p. 58). Но мы болѣе довѣряемъ кропотливымъ подробностямъ такой лѣтописи, какъ Giorn. nap. (Muratori, scrp. XXI, 1077). Тамъ читаемъ слѣдующее и видимо сочувственное описаніе казни: «Il primo di Ottobre Pandolfello fu menato a la Vicaria, e si lesse lo processo ad hora de Vespero; fu mandato a lo mercato, dove fu talamo, li fo tagliata la testa. Il corpo poi fu trascinato a Porto, e lá fu appiccato per li piedi».

Когда богатый флорентійскій банкиръ давалъ народу обѣдъ и просилъ королеву удостоитъ праздникъ своимъ присутствіемъ, то она могла свободно отправиться съ своею свитою, не задерживаемая никѣмъ. Очень вѣроятно, что теперь въ числѣ ея приближенныхъ были люди, искренно ей преданные. Такъ былъ допущенъ къ ней между прочимъ одинъ красивый пажъ, впослѣдствіе искренно полюбившій ее, — Серджіанни Караччіоло. Подъ надежнымъ прикрытіемъ преданныхъ друзей, королева отправилась на пиръ (13 декабря 1416 года).

Изгнаніе короля Жака.

Во всякомъ случаѣ комедія, разыгравшаяся въ началѣ праздника, была условлена заранѣе. Порядокъ не былъ нарушенъ до конца обѣда. Вдругъ Джіованна, собравъ всю свою рѣшимость, выходя изъ за стола, обратилась къ народу и воскликнула: „Друзья мои, во имя самого Господа, не покидайте меня!“ Электрическая искра пробѣжала по волнамъ народа, когда раздался этотъ голосъ мольбы. Неудержимое, подхваченное порывомъ общаго сочувствія: „да здравствуетъ королева Джіованна, долой Джьакомо“ — загудѣло въ толпѣ; народъ однимъ разомъ смѣло сбрасывалъ съ себя вериги. Въ одно мгновеніе Караччіоло и его друзья кидаются къ королевѣ, хватаютъ ее и бѣгутъ съ нею въ епископскій дворецъ. Порядокъ былъ нарушенъ; чернь рѣшительнымъ ударомъ сорвалась съ цѣпи, на которой до сихъ поръ держалъ ее страхъ французскаго имени. За неимѣніемъ наготовѣ сильныхъ регулярныхъ войскъ трудно было унять эту массу или даже сколько нибудь сдержать ея разрушительную силу. Въ исторіи Неаполя лазарони всегда играли роковую роль. Могучая сила ихъ не терялась никогда, хотя въ средніе вѣка она и была часто придавлена. Подъ тѣмъ же гнетущимъ вліяніемъ, въ извѣстную сторону направлялись и событія въ Неаполѣ послѣ знаменитаго обѣда. Уже къ вечеру того же дня положеніе дѣлъ радикально измѣнилось. Джьакомо съ 500 французовъ заперся въ своемъ Castel-nuovo, спустилъ подъемные мосты и готовился къ оборонѣ. Ему предстояло окончательно отказаться отъ всякой надежды на власть, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что наемники Сфорцы заняли городъ и провозгласили владычество королевы Іоанны (¹). Просидѣвъ 9 мѣся-

(¹) Giorn. nap. 1078.—Cribellus (De vita Sfortiae ducis); Muratori; XIX, 572.—Giannone; III, 239.—Crivelli. Giovanna, 128—130 etc.

цевъ въ Castel-nuovo, онъ сдалъ его и перешелъ въ другой, болѣе надежный замокъ Castel d'uovo, гдѣ его снова осадили наемники (22 сентября 1417 г.). Комендантъ этого замка былъ французъ и крѣпко стоялъ за Жака. Потребовалось болѣе трехъ мѣсяцевъ, чтобы одолѣть храбреца и при всемъ томъ, заключая условіе, онъ выговорилъ себѣ и своему гарнизону право свободнаго удаленія во Францію, выторговавъ 8 тысячъ флориновъ (6 января 1418 г.). Затрудненіе стало изъ за короля. Комендантъ хотѣлъ везти его съ собою. Іоанна не соглашалась, желая имѣть его своимъ плѣнникомъ. Комендантъ стоялъ на своемъ. Іоанна велѣла снова приступить къ осадѣ съ суши и съ моря. Наконецъ помирились на 3 тысячахъ флориновъ; за нихъ французъ продавалъ своего принца, котораго судьба ставила такимъ образомъ опять на старую дорогу. Роли перемѣнились. Караччіоло, получившій, по примѣру Алопо, титулы графа, оберъ-камергера и даже великаго сенешала, могъ по прежнему управлять всѣми гражданскими дѣлами. Сфорца, освободившійся изъ заточенія, въ дополненіе къ прежнимъ роскошнымъ помѣстьямъ и владѣніямъ, блистательно награжденный городами Троя, Аріано и нѣсколькими замками въ ихъ окрестностяхъ, удержавшій сверхъ того за собою санъ великаго коннетабля, получилъ высшую военную власть въ государствѣ (¹). Оба правителя, или точнѣе сказать министра, пользовались неодинаковою любовью королевы. Положеніе Караччіоло было всегда прочнѣе, нежели Сфорцы, уже потому, что послѣдній не совсѣмъ довѣрялъ королевѣ, которая съ своей стороны платила ему тою же монетою. Караччіоло же, безгранично владѣя Джіованною, могъ распоряжаться въ государственныхъ дѣлахъ по произволу. Онъ имѣлъ слабость считать себя призваннымъ къ политической дѣятельности, но его способности были не изъ выдающихся. Хорошій придворный, Караччіоло былъ не государственный человѣкъ. А между тѣмъ онъ своимъ пагубнымъ вліяніемъ вовлекъ королеву и страну въ раздоры и междоусобія. Довольно смѣлый, предпріимчивый, дѣятельный, Караччіоло не имѣлъ ни хитрости, ни положительности, ни сдержанности, всего того,

(¹) Giovio; 56, 59. — Crib. 683, 684. — Giorn. nap. 1078, 1079. — Corio, 611. — Raymo (R. n. I, 114). Bonincontrius (Annales Miniatensis a. 1360—1458) Muratori; XXI; 112—113.

что такъ необходимо было для итальянскаго государственнаго человѣка, захваченнаго бореніемъ самыхъ противоположныхъ элементовъ.

Новое правительство, съ Караччіоло и Сфорца во главѣ, дѣйствовало несравненно умѣреннѣе французскаго; оно даже не мстило ничему старому. Королю предоставлена была относительно очень широкая свобода. Если Іоанна не хотѣла выпускать его изъ королевства, то потому, что опасалась вооруженной поддержки его соотечественниковъ. Но Жакъ былъ не выдержаннаго характера; несчастія могли круто ломать его. Теперь онъ горько раскаявался въ своемъ честолюбіи; вся прежняя суровость исчезла. Онъ готовъ былъ съ покорностью переносить все, что ни послала бы ему судьба, а съ нимъ къ тому же обходились очень снисходительно. Его даже согласились отпустить на родину, когда за него сталъ хлопотать Мартинъ V, который прибѣгнулъ къ содѣйствію кондотьера Браччіо ди-Монтоне.

Браччіо въ Перуджіи и его тактика.

Этотъ кондотьеръ имѣетъ важное значеніе въ военной исторіи. Онъ удачнѣе другихъ ставилъ непріятеля въ критическое положеніе, то запутанными маршами, то внезапными диверсіями. Онъ умѣлъ какъ нельзя лучше отрѣзывать дороги противнику, быстро и смѣло обходить его; онъ часто даже раздѣлялъ его колонны на части и послѣ каждую разбивалъ порознь. Онъ первый ввелъ въ дѣло батальонныя построенія; такими отдѣльными колоннами онъ всегда выигрывалъ дѣла; его сплошныя, не широкія, но длинныя колонны шли впередъ и ломили всѣ преграды, не останавливаясь на пути. Знатокъ дѣла итальянскій тактикъ такъ характеризуетъ стратегическія способности перуджіанскаго генерала, превосходившаго современниковъ и своимъ талантомъ и своимъ счастьемъ:

„Браччіо первый ввелъ въ Италіи употребленіе боевыхъ колоннъ. Устроеніемъ резервовъ онъ сдѣлалъ важный шагъ въ военномъ искусствѣ; въ этомъ смыслѣ онъ положилъ прочное основаніе дальнѣйшему развитію тактики. Искусное введеніе резерва въ моментъ самаго разгара битвы окончательно рѣшало побѣду, конечно, если кто двигалъ имъ съ толкомъ. Браччіо постоянно примѣнялъ эту теорію, сообразуясь съ мѣстностью и обстоятельствами. По словамъ біографа (Cam-

panus), онъ не сражался по старинному, двумя массами (corna), а ввелъ съ большимъ успѣхомъ новый пріемъ въ сраженіяхъ, родъ битвы, которому впослѣдствіи подражали всѣ прочіе полководцы, — онъ строилъ своихъ солдатъ въ отдѣльныя колонны (батальоны). Каждую колонну онъ поручалъ особому капитану. Обыкновенно колонна шла за колонною. Часто только одна передовая, врѣзавшись въ непріятельскій фронтъ, нѣсколько поддерживаемая по сторонамъ кавалеріею, рѣшала бой однимъ разомъ" ([1]).

Какъ бóльшая часть кондотьеровъ, Браччіо заботился главнымъ образомъ о пріобрѣтеніи земель и замковъ. Можно догадываться, что ему очень хотѣлось составить самостоятельное княжество въ Тосканѣ. Смерть Владислава, освободившая города Романьи и Тосканы, освободила между прочимъ и Перуджію, которой однако трудно было надѣяться на свободу и внутреннее самоуправленіе въ виду честолюбія и мстительности изгнанника. Браччіо, своими побѣдами сильно возвысившійся въ послѣднее время, не могъ отказаться отъ желанія утвердиться въ родномъ городѣ. Съ этою цѣлью онъ пригласилъ къ себѣ Тарталлію, у котораго было 600 всадниковъ. Быстро переправившись черезъ Аппенины, онъ подступилъ къ Перуджіи въ то время, когда его тамъ ожидали менѣе всего. Уже пикеты его перешли черезъ тибрскій мостъ, уже они расположились у воротъ города, а жители не вѣрили, чтобы Браччіо могъ поспѣть такъ скоро. Однако они успѣли приготовиться къ оборонѣ. Первыя нападенія непріятеля были отражены. Но скоро Браччіо овладѣлъ однимъ изъ предмѣстьевъ господствующихъ надъ городомъ, и оттуда сталъ сыпать тучи стрѣлъ и мортирныхъ камней на Перуджію. Но и это не поколебало стойкій народъ. Не надѣясь болѣе на свои средства, перуджіанцы послали депутацію просить помощи флорентійцевъ, но тѣ отказали имъ, не желая ссориться съ Браччіо, содѣйствіе котораго было для нихъ всегда важно на будущее время. Между тѣмъ окрестности Перуджіи наемники жгли и раззоряли. Браччіо удачно достигъ обладанія замками, составлявшими для него цѣль экспедиціи. Уже 120 замковъ и 80 деревень признавали его власть.

([1]) Canestrini, § 31. (Статья составленная по Ricotti, — Storia delle compagnie di ventura in Italia, — помѣщена въ Archivio storico italiano, t. XV, nuova ser. Fir. 1851).

Кромѣ Паоло Орсино, который и погибъ въ этой войнѣ, на сторонѣ Перуджіи были извѣстнѣйшіе капитаны, какъ Карлъ Малатеста и Анджело делла-Пергола, У нихъ вмѣстѣ было около 4000 кавалеріи. Съ такими силами они столкнулись съ Браччіо, который смѣлымъ обходомъ отрѣзалъ ихъ отъ соединенія съ отрядомъ Орсино, оставшимся слѣдовательно у него въ тылу. Битва произошла на берегахъ Тибра, недалеко отъ Ассизи (7 іюля 1416 года). Силы были равныя; одинаково опытные капитаны и одинаково храбрые солдаты готовились превзойти другъ друга. Своею кавалеріею Браччіо однимъ мигомъ охватилъ съ фланговъ разстроенные ряды непріятелей; съ фронта подоспѣла пѣхота. Малатеста былъ притѣсненъ къ рѣкѣ; только Пергола ускользнулъ изъ этой широкой цѣпи и прорвался съ 4000 человѣкъ. Малатестѣ оставалось выбирать одно изъ двухъ,—или сдаться или тонуть; черезъ глубокую и широкую рѣку переправиться было нельзя; къ тому же тогда плѣнъ не страшилъ никого. На тогдашнія битвы надо смотрѣть, какъ на шахматную игру въ обширныхъ размѣрахъ. Такимъ образомъ, черезъ нѣсколько минутъ послѣ начала битвы, интересная картина представилась бы наблюдателю. Вся непріятельская кавалерія, покорно стоявшая у берега въ самомъ критическомъ положеніи, просила пощады; безпрекословно сдалась она вмѣстѣ съ своимъ начальникомъ [1]. Такъ было плѣнено 3000 человѣкъ. Слава Малатесты, нѣкогда страшнаго кондотьера, считавшагося достойнымъ покровителемъ нѣсколькихъ тіаристовъ, затмилась навсегда; онъ заплатилъ 60 тысячъ золотыхъ флориновъ (aureorum) чтобы откупиться отъ плѣна,—сумма громадная (350 тыс. рублей на наши деньги). Между тѣмъ слава Браччіо упрочилась; его военному искусству стали подражать, его бойкой находчивости удивляются современные воители. Перуджія не могла и думать продолжать борьбу съ побѣдоноснымъ противникомъ. Она готова была покориться ему и отворить свои ворота. Браччіо достигнулъ своей завѣтной цѣли; онъ провозглашался синьоромъ своего роднаго города. Изгнанникъ, онъ являлся теперь государемъ изгнавшихъ его. Вотъ какого рода трактатъ онъ заключилъ съ перужіанцами, на дѣлѣ утрачивавшими всякую государственную самобытность.

---

(1) Cribellus (De vita Sfortiae ducis; Muratori, XIX) 672. — Campanus (Brachii Perusini vita Mur. XIX, 519 et sqq).—Bonincontrius, 111.

Мы передадимъ его цѣликомъ, такъ какъ онъ даетъ понятіе и о политическомъ значеніи наемниковъ, и объ отношеніи тогдашнихъ синьоровъ къ своимъ городамъ.

„Народъ перуджіанскій сдаетъ Браччіо свои поля, дороги, храмы, воды и самого себя (se ipsum). Граждане должны повиноваться ему и называть его своимъ господиномъ. По дѣламъ города они относятся къ нему безпрекословно, обязуясь съ своей стороны ни созывать совѣтовъ, ни устраивать никакихъ сходокъ безъ его разрѣшенія. Кто отнынѣ не повинуется ему, считается бунтовщикомъ и всякій можетъ безнаказанно убить такого. Однако изгнанникамъ, которые возвратились или имѣютъ возвратиться, дозволяется безъ запрета жить подъ своею кровлею. Во всемъ да будетъ миръ между гражданами и имъ, Браччіо. Кто осмѣлится возбуждать возстаніе, будетъ повѣшенъ (mala cruce) или казненъ какимъ либо другимъ образомъ. Но при этомъ синьоръ не касается общественныхъ доходовъ, никогда не обращаетъ ихъ въ свою пользу. Впрочемъ Браччіо и замѣщаетъ и выбираетъ всѣхъ городскихъ властей, кромѣ квестора и претора, избраніе которыхъ предоставляется народу. Онъ имѣетъ право голоса во всѣхъ случаяхъ; на его имя подается аппеляція даже по важнѣйшимъ дѣламъ и всякій, кто сопротивляется ей, уже тѣмъ самымъ обличаетъ свою неправоту. Синьоръ не будетъ никого изгонять изъ государства противъ воли народной (invito populo).... Лица, избранныя народомъ, обязаны исполнять все, что ни повелятъ имъ избиратели и повинуются только имъ. Синьоръ не имѣетъ права осуждать децемвировъ; онъ обязуется, напротивъ, исполнять всѣ декреты правителей. Онъ не уничтожаетъ произвольно тѣхъ учрежденій, которыя постановлены народомъ“ (¹).

Этотъ договоръ, написанный испорченною латынью, сколокъ со всѣхъ договоровъ, какіе для вида заключали синьоры съ своими будущими подданными; ими побѣдители нѣсколько освящали свое узурпаторство. Замѣчательно, что военные тираны относились гораздо мягче къ побѣжденнымъ и часто, — какъ напр. тотъ же Браччіо, тотъ же Сфорца, — аккуратно исполняли условія трактатовъ. Они знали, что только тѣмъ можетъ удержаться ихъ случайная власть. Не то надо сказать про гражданскихъ тирановъ, въ родѣ Ви-

(¹) Campanus. Brachii Perusini vita. Muratori; XIX, 537, 538.

сконти или многихъ ихъ послѣдователей, наводнявшихъ Ломбардію; тѣ, черезъ какой нибудь годъ, дѣлали изъ республиканской общины абсолютную монархію. Можно угадать, что не такого крайняго характера были намѣренія Браччіо, когда онъ, во главѣ молодыхъ перуджіанскихъ эмигрантовъ и своей побѣдоносной арміи, вступалъ въ покоренный городъ.

Браччіо могъ быть совершенно доволенъ въ эту минуту. Не одна перуджіанская территорія подчинялась ему. Послѣ тибрской битвы страхъ его имени прошелъ далеко. Сполета и Норчіа платили ему дань. Цѣлая Умбрія признавала его власть. Браччіо сильнѣе Сфорцы казался и для современниковъ, когда, не удовлетворенный своими побѣдами, бросился на новые подвиги и, желая упрочить свое политическое вліяніе въ дѣлахъ полуострова, началъ съ самаго виднаго пункта, съ Рима. Тамъ, во время кризиса англо-французской борьбы и засѣданій Костницкаго собора, не существовало почти никакого правительства; папы не было, по крайней мѣрѣ какъ власти. Всякому гражданину открывалось обширное поле для внутренней государственной дѣятельности, всякому полководцу просторъ для политическаго преобладанія. Браччіо, пользуясь случаемъ, и здѣсь задумалъ получить если не синьорство,—такъ какъ рано или поздно папа долженъ былъ занять свою столицу,—то хотя богатства, которыя очень удобно можно было добыть при такомъ случаѣ. Кардиналъ Джакопо Изолани, засѣвъ въ замкѣ св. Ангела, допустилъ Браччіо занять городъ и провозгласить себя временнымъ правителемъ на томъ пепелищѣ, гдѣ нѣкогда дѣйствовалъ Ріенци. Онъ оффиціально назвался защитникомъ Рима (іюнь 1417 года). Какъ легко было пріобрѣсть тріумфъ, такъ трудно было удержать за собою его результаты. Сфорца, поддерживаемый еще нѣсколькими капитанами, именемъ королевы неаполитанской шелъ освобождать Римъ отъ узурпатора. Напрасно говорить, что въ груди его кипѣла сильная злоба на Браччіо, который такъ недружелюбно обошелся съ нимъ, пользуясь его заточеніемъ.

Аттендоло Сфорца въ Римѣ въ 1447 г.

Какъ только Браччіо услыхалъ, что Сфорца приближается, то добровольно оставилъ Римъ и возвратился въ свою Перуджію, не желая вступать въ сраженіе съ Аттендоло, которое было и рискованно и во всякомъ случаѣ безполезно. Онъ хотѣлъ торжественно заявить, что не имѣетъ дерзкаго

честолюбія владѣть столь великимъ и славнымъ городомъ, и что если онъ занялъ Римъ, то съ цѣлью только устранить безпорядки, которые легко могутъ произойти въ анархической странѣ. Въ Перуджіи же онъ всегда могъ быть самовластнымъ повелителемъ; этотъ городъ легко могъ допустить узурпаторство и даже самовластіе такого славнаго солдата, — „leale e valente“, какъ толковали о немъ. Прибавимъ, что кромѣ Перуджіи ему подчинялось семь городовъ и множество окрестныхъ мѣстечекъ и замковъ. Однако его воины не могли утерпѣть, чтобы не попытать счастья съ сфорческами; мелкія банды схватывались, но обстоятельства всегда были таковы, что сфорчески побѣждали (1). Между тѣмъ солдаты обѣихъ сторонъ дружно поживлялись на счетъ третьей; они жестоко грабили и безъ того небогатую область и отъ такихъ насилій не могла удержать ихъ никакая дисциплина. Окрестности Рима и земли Романьи были положительно раззорены. Жители прятались въ укрѣпленныя мѣстности. Аттендоло, занявши Римъ, учредилъ новое правительство; въ этомъ ему содѣйствовалъ кардиналъ Изолани, прежде такъ сопротивлявшійся Браччіо. Съ этого времени Сфорца утвердился въ Римѣ именемъ королевы Іоанны II. Когда же онъ слѣдующею весною (1418 г.) уѣхалъ въ Неаполь, то городъ продолжалъ считать Іоанну своею покровительницею, а Сфорцу ея намѣстникомъ. Если бы дѣло обошлось безъ интригъ, то такое высокое положеніе неаполитанской короны, издавна оказывавшей покровительство Риму,—право весьма важное на глаза современниковъ,—могло бы возбудить серьезную оппозицію западныхъ государей. Но призрачное господство Неаполя продолжалось не долго, по его же винѣ. Сфорцы опасались при дворѣ неаполитанскомъ. Караччіоло и ревновалъ его и вмѣстѣ съ тѣмъ очень побаивался его возвышенія.

Скоро королева, желая заручиться поддержкою Мартина V, приказала Сфорцѣ очистить Римъ и сдать его папѣ. Мало того; королева все выискивала случаевъ угодить папѣ. По наслѣдству она продолжала именоваться въ титулѣ римскою королевою (regina Romae), а на дѣлѣ уступала Мартину всѣ завоеванія Владислава въ Церковной области; изъ нѣкоторыхъ городовъ она составила отдѣльныя княжества, кото-

(1) Paolo Giovio. La vita di Sforza, che fu padre del conte Francesco; p. 64.

рыя и раздавала папскимъ родственникамъ въ независимые лены [1]. Всѣ главные пункты теперь же сдавались Мартину черезъ посредство Джьордано Колонна, считавшагося папскимъ довѣреннымъ. Со стороны королевы уполномоченнымъ былъ посланъ самъ Караччіоло, въ этотъ моментъ (январь 1419 г.) по видимому лишившійся своего прежняго могущества. Караччіоло, сдавши городъ папскимъ коммиссарамъ, поѣхалъ на личное свиданіе съ Мартиномъ V, который остановился и зажился во Флоренціи. Здѣсь было рѣшено наконецъ коронованіе Іоанны II, на которое, какъ видимъ, папа согласился только тогда, когда достигъ всего, чего только можно было достичь отъ неаполитанскаго правительства. Обрядъ коронаціи совершился 18 октября 1419 года. Спокойствіе было кратковременно. Скоро, вслѣдствіе пагубнаго вліянія фаворита, папа открыто поссорился съ Іоанною II и сманилъ на свою сторону Браччіо и Аттендоло. Мартинъ V вооружилъ противъ королевы недовольную анжуйскую партію, оказалъ ей всевозможныя пособія для поддержанія внутренней междоусобной распри и въ то же время пригласилъ 15-лѣтняго Луи III Анжу явиться въ Италію воевать съ его благословленія неаполитанскую корону.

Коалиція противъ Іоанны II.

Оппозиціонный союзъ составился изъ четырехъ могущественныхъ членовъ, — Луи III, Мартина V, Браччіо и Аттендоло. Каждый изъ нихъ приступилъ къ дѣлу въ одно время, съ одними намѣреніями, но съ разными пріемами. Въ этихъ пріемахъ удачно обрисовался характеръ каждаго изъ нихъ. Луи III, быстро согласившійся на союзъ, тотчасъ же отправилъ во Флоренцію пословъ для переговоровъ, тотчасъ же началъ готовиться къ походу и съ неудержимымъ увлеченіемъ летѣлъ за приключеніями въ страну, которая фатально губила и его отца, и его дѣда. Онъ пренебрегалъ и своими обязанностями къ дофину и несчастнымъ положеніемъ Франціи, которая готовилась подчиниться англійскимъ коро-

---

[1] Напрасно Giannone (III, 242) пытается перетолковать простой и ясный смыслъ «Regina Romae», принимая букву *a* вмѣсто *o*. Для него Rama часть Далмаціи, входившей тогда въ предѣлы Венгріи, а слѣдовательно и въ титулъ неаполитанскихъ государей. Все натянутое объясненіе не имѣетъ ни цѣли, ни смысла. Не было ничего предосудительнаго для средневѣковаго времени хранить титулъ, когда утерялось право на владѣніе.

лямъ, достигнувшимъ короткаго торжества послѣ долгой соперническской войны. Англичане давали въ Парижѣ законы странѣ, а ближайшій принцъ крови не только не думалъ оказать содѣйствіе, но даже рѣшился отнять у родины чуть не послѣднія средства къ оборонѣ. Онъ уводилъ за собою цвѣтъ французскаго рыцарства, искавшаго добычи и славы, увлекалъ лучшія силы французскаго наемничества. Такою отвагою онъ составлялъ полный контрастъ своему покровителю Мартину V, который въ душѣ имѣлъ враждебные замыслы противъ трона королевы, между тѣмъ какъ на дѣлѣ совершалъ надъ нею обрядъ корнованія. За то поведеніе Сфорцы были искреннее; оно даже отличалось рыцарскимъ характеромъ. Уже стоило большихъ трудовъ одно то, чтобы уговорить его измѣнить Іоаннѣ и поднять на нее оружіе. Когда же чувство обиды и мщенія одержало верхъ, то онъ хотѣлъ по крайней мѣрѣ извѣстить королеву и, прощаясь съ ней навсегда, какъ другъ и государственный дѣятель, хотѣлъ возвратить ей все то, что имѣлъ отъ нея въ пору своего вліянія. Говорятъ, что когда во главѣ своей арміи онъ направился на Неаполь, то не прежде открылъ военныя дѣйствія, какъ вручивъ королевѣ знаки своего конетабльскаго достоинства, которое онъ покидалъ теперь такъ торжественно.

Если вѣрить Джьанноне, то Іоанна II, видя безвыходное положеніе королевства, призвала на помощь государственные чины и обратилась къ нимъ за совѣтомъ (¹). Послѣ долгихъ преній ей предложили отправить довѣренное лицо къ папѣ, все еще жившему во Флоренціи и попытаться убѣдить св. отца отказаться отъ лиги, а если это не удастся, то просить содѣйствія герцога миланскаго и венеціанской республики. Королева согласилась и выбрала въ послы человѣка опытнаго, — проницательнѣйшаго и хитраго дипломата Антонію Караффу, который имѣлъ полное основаніе, не хвастая, сказать, что можетъ всегда обманывать, но никогда не обманывается (²).

(¹) Giannone. Istoria civile del regno di Napoli; III, 245.

(²) Muratori,—Annali (XIII, 58) называетъ Караффу «uomo accortissimo».—Sismondi (VI, 200), слѣдуя его примѣру,—«esprit délié et dissimulé».—Giannone (III, 246) просто благоразумнымъ человѣкомъ, «prudenza di molto stima».

Мы болѣе однако вѣримъ указаніямъ современниковъ, приписывающихъ инпціативу переговоровъ папѣ, который, надѣясь на преданность союзниковъ, и не желая вмѣстѣ съ тѣмъ затѣвать рискованной борьбы, не прочь былъ бы выговорить для себя хорошія условія ([1]). Какъ бы то ни было, но Мартинъ V допустилъ переговоры и былъ очень внимателенъ къ посланнику королевы, хотя съ другой стороны можно объяснить это понятнымъ желаніемъ выиграть время до прибытія галеръ Луи. Такъ какъ папа не склоненъ былъ на уступки, то дѣло должно было кончиться ничѣмъ. Караффа продолжалъ убѣждать его святѣйшество „бросить снисходительный взоръ на неизмѣнную покорность такой вѣрной овцы, какъ его неаполитанскій ленъ и не поднимать оружія на него, не допуская до того другихъ“. На все это папа продолжалъ толковать посланнику, что интересы Церкви нарушены оскорбленіемъ и удаленіемъ такихъ преданныхъ коронѣ лицъ, какъ его родственники или Сфорца. Изъ этого Караффа заключилъ, что папа приметъ совсѣмъ иной тонъ, если прибудетъ изъ Франціи его креатура.

Замыселъ Караффы.

Посланникъ королевы сошелся въ это время съ однимъ испанцемъ, представителемъ короля аррагоно-сицилійскаго Альфонса при папскомъ дворѣ. Это былъ валенсійскій дворянинъ донъ Гарсія Каванильа, человѣкъ предпріимчивый и дипломатъ довольно искусный, проживавшій во Флоренціи нарочно для переговоровъ съ Мартиномъ V. Однако Каванильа не рѣшился первый говорить за своего государя или тѣмъ болѣе предложить его услуги Джіованнѣ. Караффа же былъ смѣлѣе и рѣшительнѣе его. Онъ очень удачно сообразилъ государственную комбинацію, на которую рѣшался самовольно, съ удивительною смѣлостью, безъ всякихъ полномочій, но которой тѣмъ не менѣе суждено было осуществиться и сдѣлаться причиною важныхъ политическихъ переворотовъ въ Европѣ. Караффа сказалъ, что молодой Альфонсъ, государь отважный, умный, ученый, могъ бы быть достойнымъ

([1]) «Martinus Pontifex, ut erat mitis, et pius, nihil subesse fraudis ratus, cum et mulieris levitatem, et consulentium fraudes prius reprehendisset, cordi tamen sibi ejus salutem, et Regni quietem fore respondit, velleque se, si Regina acquevisset, omnem eam controversiam honestis conditionibus componet» (Crib. 704). См. также Sismondi; VI, 200 etc.

сыномъ его бездѣтной королевы, которая теперь властна располагать неаполитанскимъ престоломъ, какъ собственностью, и которая теперь, болѣе чѣмъ когда нибудь, нуждается въ защитникѣ въ виду своихъ многочисленныхъ враговъ. Понятно, что донъ Гарсія пришелъ въ восторгъ отъ такого неожиданнаго предложенія; онъ понималъ, что его государю представляется случай прибавить къ своей Аррагоніи, Сициліи, Сардиніи еще такое роскошное пріобрѣтеніе, какъ Неаполь, что Альфонсу предстоитъ со временемъ сдѣлаться могущественнѣйшимъ изъ монарховъ европейскихъ.... Дипломаты были основательно увѣрены, что ихъ повелителямъ не будетъ причины сердиться на ихъ находчивость и искусство. Караффа забылъ и Миланъ и Венецію, а слѣдуя совѣтамъ Каванильа, отправился къ Альфонсу. Такъ какъ экспромтомъ бросить Флоренцію было не совсѣмъ удобно, то Караффа пустилъ слухъ, что возвращается въ Неаполь послѣ своего неудачнаго ходатайства передъ папою (1). Между тѣмъ, доѣхавъ до Піомбино, онъ сѣлъ вмѣстѣ съ Каванильа на купеческое судно и пустился въ море искать счастья своей королевѣ....

Связь съ новой исторіей.

Въ этотъ моментъ на сцену итальянской исторіи выступаетъ Пиринейскій полуостровъ съ типичнымъ характеромъ своего населенія. Первый шагъ выпалъ на долю симпатичнѣйшаго изъ монарховъ, лучшаго представителя вѣка въ его духовномъ смыслѣ. Нельзя не согласиться съ тою мыслью, что этотъ же моментъ послужилъ исходною точкою будущихъ политическихъ треволненій, неразлучныхъ съ понятіемъ о XVI столѣтіи, съ понятіемъ о міровомъ абсолютизмѣ Габсбургскаго дома. Какъ Іоанна I приглашеніемъ Луи анжуйскаго послужила невольною причиною знаменитыхъ французско - итальянскихъ войнъ, — такъ Іоанна II приглашеніемъ Альфонса аррагонскаго положила основной камень въ фундаментъ будущаго громаднаго могущества габсбурговъ. Слѣдовательно корень событій того и другаго порядка, событій, озарившихъ своимъ яркимъ свѣтомъ все XVI столѣтіе, кроется въ судьбахъ неаполитанскаго королевства и временемъ зарожденія этихъ явленій можно принять переходные годы отъ среднихъ вѣковъ къ новымъ.

---

(1) Bonincontrius; XXI, 122.

Аррагонія и Сицилія въ XIV и въ началѣ XV вѣка.

Въ то время, когда аррагонской коронѣ предстояло сплотиться съ неаполитанскою, ея положеніе было очень представительно снаружи, хотя не совсѣмъ обезпечено внутри,— что довольно часто случалось на Пиринейскомъ полуостровѣ. Четыре христіанскія державы, на которыя распалась сѣверная часть полуострова,—Наварра, Португалія, Кастилія, Аррагонія,—продолжали во всю среднюю исторію вести отдѣльную и самостоятельную политическую жизнь, развивавшуюся подъ вліяніемъ борьбы съ арабами. Наварра постоянно находилась въ тѣсныхъ отношеніяхъ съ Франціею и часто судьбы обоихъ государствъ сливаются вмѣстѣ; на ней потому не лежитъ чистаго отпечатка испанской крови. Португалія, несмотря на даровитость своихъ „побочныхъ бургундцевъ", въ XIV и XV столѣтіяхъ не играла особой роли. Что касается до Кастиліи и Аррагоніи, съ принадлежавшими къ послѣдней Каталоніею и Валенсіею, то оба эти государства, различаясь географическимъ положеніемъ, тѣсно сближались въ гражданской и политической жизни,—и потому могли образовать впослѣдствіи одно цѣлое безъ всякой насильственной ломки, если пренебречь такимъ частнымъ явленіемъ, какъ личною борьбою родовитыхъ грандовъ той и другой страны.

Мартинъ старшій († 1409).

За десять лѣтъ до тѣхъ сценъ, которыя готовились совершиться въ Неаполѣ, именно въ 1409 году, въ Аррагоніи смертью Мартина Старшаго прекратилась старая барселонская династія, господствовавшая еще съ 1137 года. Надо замѣтить, что барселонцы обогатили аррагонскій престолъ двумя пріобрѣтеніями. Когда донъ Петро III, король аррагоно-сицилійскій, по завѣщанію далъ только что пріобрѣтенной имъ Сициліи (1282 г.) особую династію, добровольно выдѣливъ островъ изъ своей короны (II, 490, 529), то его сынъ Іаковъ II, король аррагонскій, вознаградилъ себя покореніемъ Сардиніи, принадлежавшей до того времени пизанцамъ (до 1325 года). Этимъ пріобрѣтеніемъ Аррагонія была поставлена во враждебныя отношенія къ генуэзской республикѣ, владѣтельницѣ Корсики; потому то короли аррагонскіе, побуждаемые изъ стратегическихъ видовъ непреодолимымъ желаніемъ овладѣть сосѣднимъ островомъ, должны были вступить такимъ образомъ въ невольное и весьма естественное столкновеніе съ Италіею.

Но Сардиніею и хотя даже Корсикою не могли ограничиться намѣренія сарагосскаго кабинета; Сицилія, уже разъ подчинившись аррагонцамъ, не могла и впредь миновать ихъ рукъ. Родственныя отношенія являются въ такихъ случаяхъ лучшимъ средствомъ. Мартинъ старшій, послѣдній барселонецъ, успѣлъ обвѣнчать своего сына Мартина младшаго на послѣдней представительницѣ сицилійской династіи—Маріи. Островомъ страшно раздираемымъ и междоусобіями и хищными феодалами, управлять въ то время было чрезвычайно трудно, даже положительно невозможно. Достаточно того, что супруги должны были 12 лѣтъ жить въ Аррагоніи, чтобы не погибнуть среди этой кровавой анархіи. Когда Марія вскорѣ по пріѣздѣ на островъ умерла, то Мартинъ остался единодержавнымъ королемъ. Онъ женился на Бланкѣ наваррской, думая оставить потомство и тѣмъ продлить самостоятельное бытіе Сициліи. Но онъ умеръ бездѣтнымъ, поручивъ въ завѣщаніи своей женѣ управлять государствомъ до дальнѣйшаго распоряженія его отца, короля аррагонскаго (1409 г.). Мартинъ Старшій теперь положительно убѣдился, что престолъ сицилійскій въ его рукахъ и потому, прикрываясь законностью, смѣло могъ оставить за своею невѣсткою пожизненное обладаніе островомъ. Но ему не суждено было надѣть на свою голову вѣнецъ сицилійскій. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя онъ умеръ и 1410 годъ застаетъ Аррагонію, Каталонію, Валенсію, Сицилію, Сардинію въ страшномъ волненіи.

Совѣтъ ученыхъ.

Теперь аррагонцамъ надо было выбирать себѣ новаго короля, которому предстояло вмѣстѣ съ тѣмъ получить и сицилійскій престолъ. На такое богатое наслѣдство явилось три претендента; между прочимъ предъявлялъ свои права вѣчный претендентъ Луи III анжуйскій. Пользуясь обыкновеннымъ въ такихъ случаяхъ броженіемъ, сословія начали отчаянную междоусобную рѣзню; распри залили кровью аррагонскія земли. Врядъ ли бы чѣмъ кончилось дѣло, если бы кортесы не придумали слѣдующую, очень дѣйствительную мѣру. Въ Аррагоніи, Каталоніи и Валенсіи было выбрано по три ученѣйшихъ представителя изъ духовенства каждой страны. Такимъ образомъ составился совѣтъ девяти ученыхъ; всѣ они принадлежали къ числу лучшихъ знатоковъ отечественнаго, римскаго и каноническаго правъ,

и, безъ сомнѣнія, никому лучше нельзя было ввѣрить рѣшеніе такого важнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ запутаннаго государственнаго дѣла.

Фердинандъ III, король Аррагоніи (1412-1416 г.) и подчиненіе Сициліи аррагонской коронѣ.

Учепые съѣхались въ городкѣ Каспе на рѣкѣ Эбро; туда же всѣ три претендента прислали своихъ уполномоченныхъ. Послѣ мѣсячнаго разбирательства правъ каждаго кандидата, сдѣлана была 28 іюня 1412 года окончательная балотировка. Шесть голосовъ оказалось за Фердинанда, инфанта и регента кастильскаго, внука извѣстнаго Генриха Трастамаре. Фердинандъ, за малолѣтствомъ своего племянника управлявшій Кастиліею, принадлежалъ къ числу даровитыхъ правителей. Въ немъ было много того такта, какой былъ особенно необходимъ въ сношеніяхъ съ такимъ бурливымъ народомъ, съ такими гордыми грандами, какими были кастильцы и ихъ рыцари. Онъ умѣлъ поладить и пріобрѣсти рѣдкую популярность въ Кастиліи, управляя ею за неспособнаго Іоанна II. Принимая приглашеніе избирателей и вступая на аррагонскую землю, новый король Аррагоніи вносилъ на нее тотъ же духъ умѣренности, то же искусство, хотя нельзя было не предвидѣть, что здѣсь ему придется выдержать много непріятныхъ столкновеній съ учрежденіями болѣе свободными. Дѣйствительно дворянство, подъ конецъ его четырехгодичнаго правленія, встало къ нему во враждебныя отношенія, хотя не рѣшалось приступать къ рискованной борьбѣ. Фердинандъ III сдѣлался впрочемъ достаточно сильнымъ вслѣдствіе пріобрѣтенія Сициліи. Тамъ, съ самой смерти Мартина Старшаго, Бланка продолжала бороться съ неперестававшими революціями. Одинъ изъ знатныхъ бароновъ, нѣкто Карпера, имѣвшій титулъ верховнаго судьи, вздумалъ даже объявить себя королемъ острова. Честолюбивый старикъ сталъ не шутя добиваться руки молодой и красивой Бланки; конечно та съ презрѣніемъ отвергла его предложенія. Карпера взялся за оружіе, началъ войну съ правительницею, но безуспѣшно старался захватить ее въ свои руки, употребляя то хитрость, то силу. Онъ былъ такъ несчастливъ, что послѣ формальной войны самъ попался въ плѣнъ къ Бланкѣ, которая поспѣшила выдать его Фердинанду королю аррагонскому. Тогда послѣдній не замедлилъ украсить Сициліею свой королевскій титулъ. Впрочемъ Фердинандъ не сталъ лично управлять островомъ, а

оставилъ Бланку своею намѣстницею, снабдивъ ее довѣреннымъ совѣтникомъ. Сицилія лишилась такимъ образомъ своей самостоятельности; она уже была не отдѣльное цѣлое, а скорѣе часть аррагонскаго государства; ею начинаютъ управлять намѣстники, называемые обыкновенно вицероями, вицекоролями. Когда Альфонсъ, послѣ долгой борьбы, утвердился наконецъ на неаполитанскомъ престолѣ, то Сицилія примкнула къ родному итальянскому материку и составила съ нимъ по прежнему нераздѣльное цѣлое.

Личность Альфонса Мудраго (el Sabio), безъ сомнѣнія, самая блестящая между всѣми государями XV вѣка. Альфонсъ представляетъ рѣдкое явленіе въ ряду монарховъ уже однимъ тѣмъ, что необыкновенно гармонично совмѣщалъ въ себѣ военныя и гражданскія достоинства государственнаго дѣятеля съ гуманными и просвѣщенными стремленіями гражданина. Великодушный государь былъ царственнымъ меценатомъ той эпохи, которой обязано современное человѣчество своимъ развитіемъ, своимъ пробужденіемъ къ новой жизни. Онъ не только способствовалъ зависящими отъ него средствами, поступательному движенію мысли и знанія, но и самъ вдался въ эту обаятельную жизнь. Всесторонне образованный мыслитель, онъ счастливо соединялъ съ богатымъ духовнымъ развитіемъ и доброе сердце и поэтическую восторженность. Это Фридрихъ II гогенштауфенъ безъ его рыцарскихъ аттрибутовъ. Изъ современниковъ не только его присяжные поклонники, какъ Бекателли и Фачіо, но даже писатели безпристрастные, какъ генуэзецъ Брачелли и сициліецъ Фазелло, наполняютъ цѣлые десятки страницъ восторженнымъ описаніемъ его гражданскихъ подвиговъ, его государственной и практической мудрости, его правосудія, его религіозности, его образованности, мягкости его характера ([1]). Благодѣяніями онъ старался

Альфонсъ V Мудрый (1384-1458 г.), король Аррагоніи и Неаполя (съ 1418 г.).

([1]) Сочиненія Бекателли или Antonius Panormita. De dictis et factis Alphonsi, libri IV, cum respondentibus principium illius aetatis, ab Aeneo Silvio collectis et scoliis Jacobi Spiegelii, Vitt. 1585; 19—20 и Фачіо. (De rebus gestis ab Alphonso libri X, Lugd. 1560) написаны въ духѣ рѣшительнаго восхваленія; однако это нисколько не препятствуетъ намъ принять за истину большую часть ими сказаннаго; строгая провѣрка источниковъ другой партіи не даетъ повода для отрицательнаго отношенія къ личности Альфонса Мудраго. —Для исторіи тогдашней Испаніи см. Çurita, Blancas, Mariana и другія пособія, цитованныя у насъ выше, на стр. 520.

смягчать своихъ враговъ, говоритъ про него Фазелло, а ихъ было такъ много у Альфонса, что онъ рисковалъ обѣщать многое тамъ, гдѣ не было средствъ привести обѣщанное въ исполненіе. „Онъ прощалъ даже тѣхъ изъ своихъ заклятыхъ ненавистниковъ, которые употребляли всѣ мѣры, чтобы сгубить его. Правосудіе было для него святое дѣло; весь отдаваясь ему, онъ полагалъ всѣ усилія къ тому, чтобы своихъ министровъ заставить подчиняться тому же чувству. Когда перечитываешь его письма и суровые наказы президентамъ сицилійскихъ судовъ, то видишь передъ собою живаго Альфонса [1]". При разнообразныхъ качествахъ ума и дѣятельности этого философа—короля и человѣка, въ немъ не было только одного,—военнаго героизма. Испанецъ родомъ, посвятивъ себя на служеніе Италіи изъ возвышенной любви къ ея духовнымъ богатствамъ, онъ — изъ желанія обладать ими — вступилъ въ борьбу съ коалиціею государствъ, борьбу, во всякомъ случаѣ тяжкую и не безопасную. Терпѣливо вынося неудачи, стоически выдерживая характеръ, онъ несмотря на все достигнулъ своей завѣтной цѣли,—обладанія неаполитанскою короною и неразлучнаго съ нею политическаго вліянія на весь полуостровъ,—цѣли, удовлетворявшей главнымъ образомъ его духовное честолюбіе, взлелѣянное идеальнымъ обожаніемъ Италіи. Онъ, не задумываясь, промѣнялъ на нее родину, выдѣлилъ пиринейскія земли изъ своего громаднаго государства, и завѣщалъ своему любимому сыну только одну Италію.

Вступивъ на престолъ аррагонскій въ очень молодые годы, Альфонсъ уже успѣлъ выказать свой правительственный талантъ умѣренностью и сдержанностью, какъ во время церковныхъ раздоровъ и костницкаго собора, такъ и по отношенію къ аррагонскимъ и каталонскимъ грандамъ, злоупотреблявшимъ своими привилегіями. Въ послѣднемъ случаѣ онъ

---

(1) Tomaso Fazello. Dell'historia di Sicilia (Ven. 1514); 870.—Этотъ безпристрастный монахъ такъ начинаетъ свою характеристику Альфонса. «Alphonso ne'primi anni della sua gioventù dette saggio di quanta grandezza d'animo, e ingegno doveva essere; imperoche, in sin allhora si vedeva rilucer iu lui una gran prudenza con tutte l'altre doti dell'animo era vivace d'ingegno, accompagnato da tanta grandezza d'animo, che pareva veramente nato per governo tutte le cose humanė, ma sopra sutte l'altre a reggere state, si illustre per molte virtù (869)».

слѣдовалъ примѣру своего отца Фердинанда III. Зная характеръ рыцарственнаго народа, молодой Альфонсъ, обвѣнчавшись на своей двоюродной сестрѣ Маріи кастильской, предоставилъ ей взять на себя всѣ сношенія и сдѣлки съ гордыми дворянами и горожанами Аррагоніи, Каталоніи и Валенсіи. Онъ зналъ, что въ странѣ каталонской пѣсни, этой „gaya ciençia" тогдашнихъ испанцевъ, почтеніе къ женщинѣ могло сдѣлать гораздо болѣе, чѣмъ всякое оружіе, чѣмъ страхъ зыбкаго королевскаго авторитета. Каталонцы же первые и начали волненія. Лишь только Альфонсъ вступилъ на престолъ и поселился по обычаю предшественниковъ со всѣмъ дворомъ въ Валенсіи, какъ къ нему явилась депутація отъ каталонскихъ сословій, протестовавшихъ на лихоимство и пристрастную раздачу должностей. Этотъ протестъ послужилъ сигналомъ для Аррагоніи и Валенсіи. Обѣ страны такимъ же порядкомъ снарядили своихъ депутатовъ и поручили имъ нести такую же жалобу. Королю было представлено общее требованіе отъ трехъ столицъ,—Саррагосы, Барселоны и Валенсіи, — удалить изъ администраціи и отъ двора всѣхъ кастильцевъ и дать полный перевѣсъ національному элементу. Альфонсъ не намѣренъ былъ уступать не потому, чтобы не раздѣлялъ желанія и убѣжденій своихъ народовъ, но потому, что не могъ допустить назойливаго отношенія грандовъ и вообще насильственнаго образа дѣйствій со стороны подданныхъ. Онъ не далъ аудіенціи депутатамъ и велѣлъ передать имъ, что устроилъ свой дворъ по образцу прежнихъ королей; если же теперь его окружаютъ кастильцы, то они преданнѣйшіе и вѣрнѣйшіе его слуги, отказывать которымъ потому онъ не имѣетъ причинъ, да и не хочетъ. Отвѣтъ оканчивался тѣмъ, что король вообще не намѣренъ допускать вмѣшательства сословій въ дѣла посторонніяя для нихъ, что онъ не намѣренъ также слѣдовать никакимъ непрошеннымъ совѣтамъ а будетъ управлять по законамъ страны и по своимъ собственнымъ соображеніямъ. Депутаты оскорбились, когда вигуэръ (государственный судья) передалъ имъ эти слова; они между прочимъ дерзко замѣтили ему, что король нарушаетъ стародавнее право народа открыто выражать свои желанія и требованія, право, сдѣлавшееся основнымъ закономъ королевства. Вигуэръ имѣлъ полномочіе арестовывать безъ суда тѣхъ, кто дерзаетъ оскорблять въ его присутствіи величество; пользуясь этимъ, онъ

арестовалъ тотчасъ же самихъ дерзкихъ депутатовъ. Между тѣмъ Альфонсъ, понимая, что въ виду недовольства народнаго опасно доводить сопротивленіе до крайностей, теперь же сдѣлалъ необходимыя и разумныя уступки. Кастильцевъ, занимавшихъ высшія государственныя должности, онъ удалилъ и немедленно замѣстилъ ихъ популярными аррагонцами. Уже однимъ этимъ угодивъ народу, онъ устранилъ возможность появленія всякой революціи. Онъ очень хорошо сознавалъ, что кастильцу занимать такую важную государственную должность, какъ напр. хустисіи, не слѣдуетъ безъ оскорбленія аррагонскаго патріотизма. Обязанность justicia состояла въ разбирательствѣ споровъ сословій съ королемъ и между собою. Съ 1390 года хустисія долженъ былъ отдавать отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ каждому собранію кортесовъ, для чего послѣдними назначалась всякій разъ коммисія, провѣрявшая всѣ распоряженія этого лица отъ одного собранія до другаго. Мы говорили уже, что постъ этотъ былъ очень важенъ и замѣщеніе его иностранцемъ должно было по справедливости вызвать волненіе народное, какъ вообще всякое преобладаніе чужеземнаго элемента. Потому исполненіемъ подобныхъ требованій сословій, Альфонсъ могъ съ первыхъ же дней не только задушить волненіе въ самомъ началѣ, но даже пріобрѣсти популярность въ народѣ.

Таково было положеніе дѣлъ у Альфонса въ Испаніи, когда готовилось столкновеніе его съ Италіею.

Первыя сношенія Альфонса съ Неаполемъ открылись по поводу супружества Іоанны II съ его братомъ Хуаномъ. Это было при ея вступленіи на престолъ, во время неограниченнаго тогда господства Алопо. Фаворитъ сопротивлялся замужеству своей королевы и успѣлъ очень ловко и искусно разстроить бракъ. Альфонсъ въ маѣ 1419 года осадилъ съ моря и съ сухаго пути столицу Корсики, Санъ-Бонифачіо, въ которой засѣли генуезцы. Городъ геройски сопротивлялся въ продолженіе 9 мѣсяцевъ и не сдался, не смотря на всю хитрость и искусство аррагонцевъ. Между тѣмъ генуезское правительство прислало вспоможеніе своимъ войскамъ, стѣсненнымъ въ Корсикѣ. При такихъ обстоятельствахъ Альфонсъ долженъ былъ отступить и отправиться въ Сардинію. Здѣсь-то засталъ его Караффа, вручившій ему неожиданное

и самовольное предложеніе будто отъ лица Іоанны II, усыновлявшей его и дѣлавшей своимъ наслѣдникомъ (1).

Напрасно прибавлять, что Альфонсъ былъ въ восторгѣ отъ такого предложенія (que estuviesse de buen animo). Случилось такъ, что незадолго передъ тѣмъ Луи анжуйскій у него же просилъ содѣйствія къ покоренію Неаполя. Альфонсъ отказалъ ему, ссылаясь на его союзъ съ генуезцами. Переговоривъ съ Караффою, Альфонсъ тотчасъ же послалъ необходимую помощь королевѣ, а о подробностяхъ усыновленія и наслѣдія повелъ особую рѣчь съ полученіемъ положительныхъ инструкцій изъ Неаполя. Понятно, что королева совершенно одобряла находчивость Караффы, ни въ чемъ не прекословя ему; лучшаго дипломата нечего было и искать для переговоровъ съ такими опытными казуистами, какими были аррагонскіе политики. Караффа перехитрилъ всѣхъ; его прозвали за то „malis“—передѣланное послѣ въ „Malizia“, слово, обратившееся въ его родовое имя (2).

Военныя дѣйствія между двумя конкуррентами на неаполитанскій престолъ открылись почти въ одно время. Девять галеръ анжуйца приплыли въ Италію 23 августа; 12 галеръ и 3 галіота Альфонса, подъ начальствомъ адмирала Перильоса, 6 сентября (1420 г.). Перильосъ присталъ въ Неаполѣ, гдѣ былъ торжественно принятъ королевою, вручившею ему изъ своихъ рукъ золотую цѣпь, и тотчасъ же уступившею ему въ видѣ залога оба замка, Castel-nuovo и Castel-d'uovo (utramque maritimam). На другой день по улицамъ Неаполя герольды провозглашали Альфонса, Божіею милостію короля аррагонскаго и сицилійскаго,—сыномъ королевы Іоанны II и наслѣдникомъ неаполитанскаго престола (3).

---

(1) Çurita. Anales de Aragon; III, 141.—«Con el embaxador Garcia Aznar a Cerdena; y hallo al Sey en el Alguer, antes que la ciudad de Sacer se pusiesse en su obediencia».—Schlosser Weltgeschichte; (IX, 304) ограничивается довольно удачнымъ предположеніемъ въ томъ же родѣ, при чемъ слѣдуетъ однимъ итальянскимъ источникамъ.

(2) Что дѣйствительно въ Испаніи Караффа получилъ прозваніе Малиція,—это видимъ изъ слѣдующихъ словъ аррагонскаго исторіографа: «Para esto suo buen ministro a quel Antonio Carraffa, que los Catalones llamavan Malis Carraffa, y con mucha dissimulacion se despidio del Papa» (Çurita. III, 141; l. 13. c. 5).

(3) Crib. 705.—Costanzo; 306—308.

Черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ полномочный представитель Альфонса въ сопровожденіи знатныхъ аррагонцевъ и каталонцевъ; 19 сентября онъ объявленъ былъ намѣстникомъ Калабріи, которая теперь же отдавалась подъ управленіе короля аррагонскаго, до того времени, когда, послѣ смерти королевы, онъ будетъ обладателемъ всѣхъ неаполитанскихъ земель (1). Съ блестящею свитою, весь въ золотѣ и пурпурѣ, въ гербахъ церковныхъ, неаполитанскихъ и аррагонскихъ, торжественною процессіею проѣхалъ новый намѣстникъ калабрійскій по улицамъ столицы. Народъ былъ доволенъ праздниками, пирами и играми, которые были предложены ему именемъ его будущаго короля Альфонса (2).

Лишь только Альфонсъ, находившійся тогда въ Сициліи, узналъ о ходѣ своего дѣла и о томъ, что храбрый и счастливый Браччіо на его сторонѣ, то собрался въ Неаполь, окруженный цвѣтомъ испанскаго и сицилійскаго дворянства. На островѣ Искіа его поджидалъ Караччіоло и съ нимъ нѣсколько знатныхъ бароновъ; Альфонса привѣтствовали отъ имени королевы, какъ будущаго государя. Браччіо уже занялъ Неаполь, являясь какъ бы авангардомъ испанцевъ. Въ сопровожденіи большой флотиліи, наполненной аррагонскими рыцарями и солдатами, на галерахъ, украшенныхъ разноцвѣтными флагами, въ полномъ блескѣ, среди пышныхъ испанцевъ и итальянцевъ, подъѣхалъ король къ своей будущей столицѣ. Тамъ его ожидалъ торжественный пріемъ. Іоанна приняла Альфонса съ искреннимъ восторгомъ; она публично поднесла ему ключи замка. Альфонсу оставалось только оружіемъ подтвердить свои права на Неаполь. Всегда предпочитая худой миръ хорошей войнѣ, онъ прибѣгнулъ къ переговорамъ съ своими врагами. Впрочемъ иниціатива въ этомъ случаѣ принадлежала скорѣе папѣ, нежели ему. Въ то время, когда Браччіо задержанъ былъ стычками и незначительными столкновеніями съ Сфорцою, Альфонсъ съ одной стороны и Караччіоло съ другой осадили Ачерру, занятую папскими наемниками, предводительствуемыми Пьетро Орилліа. Мартинъ, не надѣясь удержаться въ городѣ, послалъ двухъ кардиналовъ въ лагерь для переговоровъ съ ко-

(1) Çurita; III, 141.... «y despues de su muerte obedecerian al Rey de Aragon su hijo, por verbadero Rey y legitimo sucessor».

(2) Giorn. nap. 1084.

ролемъ. Альфонсъ принялъ ихъ, выслушалъ нѣсколько разъ ихъ условія, но съ намѣреніемъ не давалъ рѣшительнаго отвѣта и не только не прекращалъ осады, но напротивъ продолжалъ ее въ еще болѣе сильныхъ размѣрахъ. Почти со слезами упрашивали кардиналы короля остановить губительное дѣйствіе осадныхъ машинъ, пощадить жителей и приступить къ серьезнымъ переговорамъ (¹). Вызнавъ такимъ образомъ слабость врага, Альфонсъ потребовалъ общаго отступленія союзниковъ изъ предѣловъ королевства. Мартинъ согласился, убѣдивъ къ тому же анжуйца. Казалось все должно было успокоиться, но ревность Караччіоло нарушила миръ.

Интриги наемниковъ.

Фаворитъ представилъ королевѣ, что вѣроломный Альфонсъ имѣетъ намѣреніе теперь же овладѣть престоломъ, что съ этою цѣлью онъ вооружалъ подданныхъ противъ нея, что онъ рѣшилъ взять ее подъ стражу и плѣнницею отправить въ Каталонію, и что все это онъ думаетъ привести въ исполненіе въ самомъ скоромъ времени. На взволнованную и уже настроенную къ тому королеву эти слова произвели желанное дѣйствіе. Она стала выказывать равнодушіе къ своему наслѣднику, а потомъ рѣшительную враждебность. Когда весною этого года страшная чума посѣтила Неаполь и разогнала жителей, то дворъ переѣхалъ въ Castellamare, но королева и тутъ держалась далеко отъ Альфонса. Въ это время столица опустѣла; только морскіе солдаты, составлявшіе гарнизонъ, бродили по улицамъ. Тысячи народа или умерли или бѣжали въ болѣе безопасныя мѣстности.

Они радовались тому, что Аттендоло Сфорца, который былъ на сторонѣ короля Альфонса, съ повинною головою являлся въ лагерь Браччіо, раскинутый на огромномъ пространствѣ и наполненный рыцарями и наемниками разныхъ націй. Послѣ часоваго разговора, недавніе соперники стали совершенными друзьями. Подобныя примиренія были въ ту пору дѣломъ очень обыкновеннымъ и нисколько не оскорбительнымъ для самолюбія побѣжденнаго. Наемники выигрывали побѣды обыкновенно не столько своимъ искусствомъ либо талантомъ, сколько богатствами своего патрона. Проигрышъ дѣла безъ всякихъ разсужденій сваливался обыкновенно на

(¹) Giannone; III, 247—248. — La-Bret; IV, 148—155.

недостатокъ золота, нисколько не компрометируя полководца. Побѣжденный не считалъ себя униженнымъ; онъ винилъ только своего нанимателя, у котораго нѣтъ средствъ, а слѣдовательно и лучшихъ солдатъ. Потому-то богатый потребитель военнаго товара могъ всегда разсчитывать, что его капиталъ принесетъ хорошіе проценты; бѣдный же могъ только предсказать себѣ положительный убытокъ. Потому такой первоклассный кондотьеръ, какъ Аттендоло, нисколько не замѣчалъ неловкости своего положенія, когда королева Іоанна II вновь привлекла его на свою сторону; она теперь крайне нуждалась въ талантливомъ полководцѣ. На Браччіо уже нельзя было разсчитывать, во первыхъ потому что онъ занялся своими дѣлами, открывъ непріязненныя дѣйствія въ Тосканѣ съ цѣлью приращенія доменовъ, во вторыхъ потому, что онъ болѣе симпатизировалъ Альфонсу нежели ей, и въ случаѣ возобновленія войны непремѣнно присталъ бы къ аррагонцамъ. Сфорца предъявилъ не малыя требованія; уполномоченные торговались съ нимъ. Остановка стала за формою клятвы. Сфорцѣ не хотѣлось подчиняться общей мѣркѣ, принятой въ такихъ случаяхъ. Онъ заупрямился и дѣло перешло на рѣшеніе королевы.

—„Пусть его дѣлаетъ какъ хочетъ, сказала Джіованна; ему столько приходилось на своемъ вѣку клясться и мнѣ, и моимъ врагамъ, что никто лучше его не знаетъ, какъ надо присягать и какъ отпираться (1)“.

Эти слова рельефно характеризуютъ положеніе наемниковъ и ихъ отношенія къ государямъ, выражая вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственность тогдашнихъ правителей, очень близко походившихъ въ моральномъ отношеніи на кондотьеровъ, испорченныхъ казармами и деньгами. Сфорца доставилъ королевѣ легкую побѣду надъ Альфонсомъ, но когда каталонская эскадра показалась передъ Неаполемъ, онъ бѣжалъ вмѣстѣ съ Джіованной. Альфонсъ, благодаря помощи прибывшей своевременно, утвердился въ Неаполѣ и взялъ въ плѣнъ Караччіоло.

Это поразило королеву; теперь она готова была отдать за Серджіанни всѣ свои города, все будущее. Сфорца, какъ ни ненавидѣлъ Караччіоло, не могъ однако оставаться равнодушнымъ къ просьбамъ королевы. Онъ согласился возвратить

---

(1) «Sat enim, quo modo iuretur et quo modo dicatur». Boninc. 127.

20 знатныхъ грандовъ, находившихся у него въ плѣну за промѣнъ одного Караччіоло. Альфонсъ согласился, такъ какъ равнодушіемъ къ плѣннымъ вельможамъ боялся вооружить противъ себя аррагонскіе чины. Во всякомъ случаѣ Альфонсъ проигралъ въ этомъ обмѣнѣ. Онъ дарилъ королевѣ опаснѣйшее оружіе, какое только могло быть обращено противъ него. Плѣнъ еще болѣе усилилъ въ Караччіоло непримиримое чувство ненависти къ Альфонсу. Теперь, изъ заточенія вернувшись въ объятія своей могущественной заступницы, онъ обдумывалъ новый планъ, который, казалось, долженъ былъ окончательно разрушить комбинацію, придуманную Караффою.

Приглашеніе Луи анжуйскаго.

Караччіоло присовѣтовалъ королевѣ формально лишить Альфонса престола и навсегда отказаться отъ союза съ Аррагоніею. Вмѣсто него онъ предлагалъ усыновить другаго претендента—Луи анжуйскаго. Джіованна безусловно согласилась, совершенно довольная выдумкою своего фаворита. Послали предложеніе Луи, который теперь, безъ всякихъ средствъ, оставленный всѣми союзниками, жилъ въ Римѣ. Этотъ столь счастливый поворотъ въ жизни французскаго авантюриста совершился 22 іюня 1423 года. Тѣмъ чѣмъ прежде былъ король аррагонскій, теперь сдѣлался принцъ анжуйскій. Точно такимъ же образомъ его провозгласили сыномъ королевы, принцемъ калабрійскимъ и наслѣдникомъ неаполитанскаго престола.

Альфонсъ не думалъ уступать свои права. Онъ привлекъ на свою сторону Браччіо; тогда за королеву выступилъ Сфорца.

Браччіо уже десять мѣсяцевъ осаждалъ Аквилу; около нея онъ собралъ многочисленную армію изъ лучшихъ своихъ полковъ. Всѣ усилія противниковъ были направлены къ тому, чтобы поразить Браччіо именно на этомъ пунктѣ. Ихъ побуждали къ этому и стратегическія соображенія и ужасное положеніе осажденныхъ, которые, рискуя скоро перемерѣть съ голоду, всюду кидались съ мольбою. Сфорца получилъ приказаніе, слѣдуя адріатическому прибрежью, двинуться на сѣверъ, миновать Абруццо, вступить въ Умбрію и зайти въ тылъ Браччіо. Онъ долженъ былъ или вызвать противника въ поле или разбить его подъ самыми стѣнами осажденнаго города. Время было самое неудобное для экспедиціи. Наступалъ январь 1424 года; онъ грозился простоять страшно холоднымъ. Горы Абруццо съ адріатической стороны бываютъ

мало доступны и лѣтомъ, а теперь ихъ покрывалъ глубокій снѣгъ, занесшій всѣ тропинки, а въ мѣстахъ болѣе высокихъ образовавшій груды льда, расположенныя почти отвѣсно къ поверхности моря. Съ величайшимъ трудомъ, подвергаясь ежеминутной опасности, карабкались сфорчески по страшнымъ тропинкамъ, будучи хорошо знакомы съ мѣстностью. Наконецъ они перебрались черезъ горы и, утомленные до нельзя, вышли къ устью рѣки Атерно или иначе Пескары, нѣсколькими лагунами изливающейся въ Адріатическое море.

Гибель Аттендоло Сфорцы (въ 1424 г.)

Предстояло переправиться черезъ эту рѣку. Аттендоло уже переплывъ на своемъ боевомъ конѣ готовъ былъ сойти на противоположный берегъ, какъ, оглянувшись назадъ, увидѣлъ, что его отрядъ переправился далеко не въ полномъ составѣ. Чтобы ускорить переправу, онъ поспѣшилъ обратно вплавь и утонулъ.

Неописанно было (fu incredibile) отчаяніе Франческо, когда онъ узналъ о гибели отца. Онъ былъ искренно привязанъ къ нему, какъ къ своему военному наставнику, какъ къ лучшему другу. Ему было уже 23 года, но онъ еще продолжалъ ходить на помочахъ отца и привыкъ во всемъ слѣпо повиноваться ему. Онъ получилъ роковую вѣсть въ моментъ разгара штурма замка, занятаго солдатами Браччіо. Какъ ни старались скрыть происшедшее отъ сфорческовъ, однако печальная новость пронеслась по всѣмъ рядамъ. Мгновенно пала энергія солдатъ (¹). Ихъ разбили и преслѣдовали. Франческо нельзя было долго бездѣйствовать и предаваться безсильному отчаянію.

Онъ удержалъ при себѣ воиновъ, а черезъ нѣсколько дней былъ уже у королевы, которой одинъ изъ первыхъ принесъ вѣсть о гибели великаго конетабля королевства.

Джіованна, подъ вліяніемъ скорби и сочувствія къ положенію Франческо, оставила за нимъ всѣ права, должности и владѣнія отца, утвердивъ въ его родѣ также имя „Сфорца“, скоро вытѣснившее во всей фамиліи крестьянское „Аттендоло“. Теперь же королева поручала Франческо собрать разсѣянныя войска отца и готовиться идти на Браччіо, могущество котораго надо было уничтожить во что бы то ни стало, такъ какъ оно дѣлалось серьезно опаснымъ для мно-

(¹) Corio, 635—636.

гихъ государствъ итальянскихъ. Но прежде должно было удовлетворить болѣе насущной потребности; слѣдовало отбить Неаполь, который съ цитаделью все еще стоялъ за Альфонса, почему и былъ оцѣпленъ съ моря галерами союзника королевы, миланскаго герцога Филиппа-Маріи.

Франческо собралъ на скоро все, что было у Джіованны подъ руками и обложилъ Неаполь съ сухаго пути. Изъ Аррагоніи не явилось помощи осажденнымъ. Въ Италіи въ то время считали дѣло Альфонса уже проиграннымъ; его уже не признавали королемъ неаполитанскимъ. Кальдора былъ не такой человѣкъ, чтобы могъ стѣсниться словомъ или даже клятвою. При первомъ серьезномъ натискѣ со стороны Франческо Сфорцы, Кальдора отворилъ ему ворота, а намѣстникъ Альфонса, братъ его донъ-Педро, долженъ былъ оставить городъ и съ небольшимъ числомъ вѣрныхъ испанцевъ запереться въ Castel-nuovo. Теперь, подъ вліяніемъ первой побѣды, можно бы было безъ большаго труда овладѣть и замкомъ и намѣстникомъ, но Караччіоло запретилъ Франческо вести осаду (1). Въ интересахъ фаворита было поддерживать борьбу враждебныхъ партій и въ этихъ видахъ Альфонсъ былъ полезенъ какъ пугало для Людовика; чтобы держать въ страхѣ послѣдняго, слѣдовало по возможности щадить перваго.

Плѣнъ Браччіо и смерть.

Караччіоло сосредоточилъ всѣ усилія противъ Браччіо, опасаясь его солдатъ. Въ этой борьбѣ Браччіо былъ побѣжденъ молодымъ Сфорцей подъ Аквилой и взятъ въ плѣнъ. Израненнаго Браччіо (1 іюня 1424 г.) привели въ палатку начальника неаполитанскихъ войскъ. Напрасно Франческо окружалъ его вниманіемъ и попеченіемъ, напрасно ласками старался заставить его забыть о своемъ пораженіи,—ни одного слова, ни одного стона не вырвалось изъ груди Браччіо. Онъ не поднималъ глазъ на окружавшихъ его; онъ не отвѣчалъ врачу, приставленному къ нему; онъ не принималъ даже пищи, предлагаемой изъ вражескихъ рукъ. Ему оставили собственную охрану. Предчувствуя близкую смерть, онъ наединѣ дружески прощался съ ними, видимо стараясь оправдаться въ позорѣ, нанесенномъ его имени и такъ жестоко мучившемъ его въ послѣдніе дни жизни, — но онъ за-

(1) Crib. 729.—Giorn. nap. 1091—1092.

молкалъ, лишь только въ комнату входило постороннее лицо. Врачи запретили ему пить и ѣсть впродолженіе трехъ дней, которые должны были быть рѣшительнымъ кризисомъ для больнаго. Но ничто не могло помочь раненому, страдавшему невыносимо, но не испускавшему даже звука. Спустя четыре дня Браччіо умеръ (15 іюня 1424 г.).

Черезъ нѣсколько дней послѣ смерти Браччіо, составленныя имъ владѣнія разсыпались. Перуджія отворила ворота папскимъ наемникамъ и покорилась Мартину V, сдѣлавъ нѣсколько оговорокъ касательно своей свободы. Ея примѣру послѣдовали и другіе города, доселѣ подчинявшіеся Браччіо.

Гибель Караччіоло.

Восемь лѣтъ спустя настаЛъ конецъ и Караччіоло, тиранію котораго не могла больше сносить королева. Враги фаворита воспользовались удачнымъ моментомъ. Джіованна дала согласіе арестовать дерзкаго и до нельзя забывшагося временьщика, обѣщая примѣрно наказать его (che in ogni modo voleva abbassarlo). Ей подали мысль, нельзя ли совсѣмъ отдѣлаться отъ Караччіоло и теперь же убить его тайнымъ образомъ. Королева возстала однако противъ такого предложенія, прибавляя, что не хочетъ на старости лѣтъ брать тяжелаго грѣха на душу. Она позвала къ себѣ главнаго изъ заговорщиковъ, Оттино Караччіоло (приходившагося даже родственникомъ Серджіанни), просила его принять мѣры къ тому, чтобы какъ можно тише, безъ всякой огласки, захватить виновнаго и посадить подъ стражу (trovar il modo di porlo in carcere). Оттино обѣщалъ, но нисколько не раздѣляя въ душѣ состраданія къ временщику, приказалъ убить его ночью (17 авг. 1432 г.).

Возобновленіе претензій Альфонса.

Еще съ 1426 года, слѣдовательно три года спустя послѣ перваго отступленія изъ Италіи, Альфонсъ началъ снова добиваться неаполитанскаго престола. Съ этою цѣлью онъ началъ переговоры съ Миланомъ. Но когда Филиппъ-Марія потерялъ Генуюи не могъ оказать ему помощи на морѣ, тогда оставалось согласиться на предложеніе неаполитанской аристократіи, исходившее главнымъ образомъ отъ лица князя тарентскаго. Такъ какъ необходимо было личное присутствіе Альфонса на мѣстѣ дѣйствій, а показаться ему въ Неаполѣ при настоящихъ обстоятельствахъ было неудобно,—то онъ, подъ предлогомъ похода на Тунисъ,

поплылъ въ Сицилію съ сильнымъ флотомъ изъ 22 галеръ и нѣкоторыхъ другихъ судовъ, и уже оттуда направился къ берегамъ Африки (іюнь 1432 г.). Одержавъ значительный успѣхъ надъ тунисцами, отнявъ у нихъ островъ Джербе, Альфонсъ въ октябрѣ того же года направился къ Мессинѣ, немедленно открывъ свои сношенія съ Неаполемъ. Это было ровно черезъ два мѣсяца послѣ убійства Караччіоло. Временщица, герцогиня сесская, искренно дѣйствовала въ пользу аррагонскаго короля. Ради него она изъ всѣхъ силъ клеветала на анжуйца и энергично настаивала на усыновленіи Альфонса. Между тѣмъ претендентъ занялъ уже островъ Искію, но во время одумался и уѣхалъ въ свою Аррагонію, заключивъ десятилѣтнее перемиріе. Онъ опытомъ убѣдился, что вооруженный образъ дѣйствій, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, чаще всего мѣшаетъ успѣху предпріятія, между тѣмъ какъ благоразумное выжиданіе событій, не истощая силъ, само приводитъ дѣло къ счастливымъ результатамъ.

Съ удаленіемъ Альфонса, его анжуйскій соперникъ заболѣлъ и умеръ.

Смерть Іоанны II 2 февр. 1435 г.

Королева, столь слабая и безхарактерная въ послѣднее время, стала пѣнять на себя, когда услыхала о смерти своего пріемыша. Она съ живымъ сожалѣніемъ припоминала его уваженіе, его послушаніе къ ней, его покорную, сдержанную въ себѣ личность, его спокойствіе, невозмутимость при всѣхъ пошлыхъ интригахъ со стороны ея двора. Съ горечью Джіованна готовилась къ мысли о скорой смерти; мучительная подагра (una muy larga dolencia de gota) не давала ей покоя (1). Много пожившая, 64-лѣтняя королева уже смотрѣла въ могилу, хотя прощаясь съ жизнью, и теперь бы была готова на новыя наслажденія. Джіованна была полнѣйшею представительницею возрождавшагося эпикуреизма вѣка, эпикуреизма, явившагося первымъ результатомъ знакомства съ древностью, и подъ вліяніемъ Валлы, Бекателли, Филельфо и другихъ матеріалистовъ Италіи, готовившагося всецѣло охватить собою итальянцевъ Возрожденія.

Только тремя мѣсяцами Джіованна пережила Людовика, который въ минуту смерти казался ей единственнымъ уко-

(1) Çurita; iii, 227. (l. 14, c. 23).

ромъ проснувшейся совѣсти. Она думала примириться съ его тѣнью, оставляя свой престолъ его брату Ренэ Анжу, написавъ по этому поводу подробное завѣщаніе. Въ немъ между прочимъ говорилось, что ея величество не можетъ никому лучше завѣщать свое королевство, какъ одному изъ братьевъ блаженной памяти Людовика III калабрійскаго, а именно принцу Ренэ, герцогу беррійскому, что она не желаетъ неаполитанской землѣ никакихъ другихъ государей, какъ только представителей благороднѣйшей французской крови (ad suum clarissimum Francorum sanguinem), какъ только членовъ славнаго анжуйскаго дома ([1]). Надо замѣтить впрочемъ, что Джіованна нисколько не знала своего наслѣдника, котораго современники считали за человѣка хитраго, пронырливаго и злаго ([2]). Когда на его долю выпадала неаполитанская корона, то онъ, нисколько не мечтая о ней, велъ жизнь авантюриста и въ арміи французскаго короля воевалъ противъ англичанъ. Его жена Изабелла,—женщина даровитая, дѣятельная, глубоко нравственная, во всемъ далеко опередившая мужа,—получивъ въ Марсели извѣстіе о кончинѣ Іоанны II, сѣла на галеры и отправилась въ Неаполь въ ожиданіи супруга, который прибылъ въ королевство уже гораздо позже (май 1438 г.).

Джіованна сильно страдала въ послѣднее время,—и физически и нравственно. Успокоивая мученія совѣсти, королева много молилась и каялась передъ смертью ([3]). Она

([1]) Въ завѣщаніи между прочимъ говорилось: «Serenissimus et Illustrissimus Princeps Dominus Renatus Dux Bari etc. ipsius Majestatis Reginalis consaguineus, praefatique quondam Domini Ludovici germanus frater ab inclita, et Christianissima Regia stirpe domus Franciae, sicut ipsa Reginalis Majestas, suam claram trahit originem; volens praefatis futuris scandalis tacite providere, et salubriter obviare, et per consequens votis, et desideriis dictorum suorum Regnicolarum satisfacere, cupiensque praeterea, quod hoc Regnum potius perveniat ad suum clarissimum Francorum sanguinem, et inclitam progeniem, quam ad quamvis aliam nationem». Въ извлеченіи это завѣщаніе напечаталъ Giannone; III, 257 (Ven, 1574).

([2]) Tomaso Fazello. Dell'historia di Sicilia, 875. Ven. 1574.

([3]) Guijot (hist. des Jeannes) слѣд. словами кончаетъ свой разсказъ: «Замѣчательно то обстоятельство, что подобно тому, какъ Карлъ Анжу братъ Луи Святаго, утвердился въ Неаполѣ жестокими средствами, такъ всѣ преемники его могли держаться на тронѣ только тѣми же средствами,—и сами должны были пасть жертвами своей системы (220)».

умерла 2 февраля 1435 года, на шестьдесятъ пятомъ году жизни, послѣ двадцати-лѣтняго царствованія, завѣщавъ похоронить себя безъ всякой торжественности, въ самомъ бѣдномъ гробѣ.

Борьба за наслѣдство престола.

Теперь Неаполь и все королевство стали предметомъ раздора двухъ партій: французской и аррагонской. Законнѣе были права анжуйцевъ, обусловленныя завѣщаніемъ Іоанны II. Изабеллу многіе знали, какъ добрую, довольно даровитую, энергичную, и вообще рѣдкую женщину для того развращеннаго времени. Дѣйствительно, она совершенно оправдывала такую лестную молву; своимъ благороднымъ характеромъ она представляла отрадное исключеніе въ ряду нравственно испорченныхъ дѣятелей XV вѣка. Шлоссеръ насчитываетъ только трехъ порядочныхъ правителей въ XV вѣкѣ,—Козьму Медичи, Альфонса Мудраго и Изабеллу; онъ называетъ ихъ „благороднѣйшими людьми“. Альфонсъ, по своей государственной дѣятельности и просвѣщенному уму, безъ сомнѣнія, совершенно заслуженно награжденъ симпатіею взыскательнаго и суроваго историка. Этотъ государь съ дѣтства вскормился любовью къ знаніямъ, къ искусству, и вмѣстѣ съ ними къ Италіи, которая только одна могла разсыпать все это щедрою рукою. Образъ этого „великодушнаго“ (magnanimus) для современниковъ государя живо врѣзался въ памяти хроникеровъ. Этотъ симпатичнѣйшій изъ правителей откровенно говорилъ, что дворъ безъ ученыхъ походитъ на небо безъ звѣздъ, что монархъ безъ образованія тотъ же коронованный глупецъ (1). Потому то его дворъ былъ всегда наполненъ передовыми и даровитѣйшими людьми эпохи. Онъ понималъ, что въ наградахъ эти тщеславные люди нуждались тогда болѣе, чѣмъ кто нибудь. Онъ требуетъ у Лоренцо Валлы, Филельфо, Поджіо переводовъ Геродота, Ѳукидида, Ксенофонта, Плутарха; отъ Георга Трапезунтскаго—цѣлаго Аристотеля,—но за то онъ каждому дарилъ крупныя суммы денегъ и по два драгоцѣнныхъ перстня. Онъ самъ надѣваетъ

---

(1) Platen; 359. — О подробностяхъ жизни Альфонса съ особенною любовью говоритъ Mazella въ своихъ Vite de' re di Napoli. N. 1594—962 v. in. 4.—О мѣрахъ неаполитанской аристократіи см.—Giannone; III, 258.—Сборникъ анекдотовъ объ Альфонсѣ: Meri di la Canorgue. Le génie d'Alphonse V; Par. 1765 (составлено по Facio).

на ученыхъ алмазныя и золотыя цѣпи съ разными аллегорическими фигурами истины, славы и т. п., вѣрно угадывая, что это послужитъ для нихъ побудительнѣйшимъ средствомъ къ дальнѣйшему совершенствованію и къ ученой дѣятельности....

Битва у Понца въ (1438 г.).

При всѣхъ такихъ блестящихъ качествахъ даровитаго, привлекательнаго короля Аррагоніи и Сициліи, неаполитанскій народъ не оказывалъ никакой симпатіи къ нему и, если кто пользовался популярностью въ массѣ, то это Изабелла, ожидавшаяся съ видимымъ нетерпѣніемъ. Однако Альфонсъ, съ своей стороны, нисколько не расположенъ былъ играть спокойную роль наблюдателя. Онъ снарядилъ большой флотъ и отправился въ походъ съ своимъ союзникомъ, королемъ наваррскимъ, съ братьями донъ-Енрике (maestro de San-Iacobo), донъ-Педро и съ блестящею свитою первыхъ владѣтельныхъ вельможъ и рыцарей Аррагоніи, Каталоніи, Валенсіи. Его сопровождали также значительнѣйшіе изъ неаполитанскихъ эмигрантовъ, его старые неизмѣнные партизаны. Альфонсъ осадилъ Гаэту. Понятно, что безначаліе овладѣло городомъ; граждане не хотѣли покоряться насилію. Они скорѣе согласились бы на этотъ разъ принять подданство Висконти и дѣйствительно обратились къ Филиппу Маріи. Тотъ, опасаясь каталонцевъ, велѣлъ генуезцамъ идти на выручку Гаэты и далъ имъ десантныя войска. Генуя была могущественна на морѣ; испанцевъ же, какъ своихъ соперниковъ, республиканское правительство никогда не любило. Альфонсъ отошелъ отъ Гаэты, вышелъ въ море и столкнулся съ генуэзскимъ флотомъ у острова Понца, гдѣ 5 августа 1438 года произошло кровопролитнѣйшее изъ морскихъ сраженій XV вѣка. У Альфонса флотъ состоялъ изъ 14 большихъ кораблей и 13 галеръ; десантъ, превышавшій 10 тысячъ человѣкъ, былъ обильно снабженъ всѣми запасами. Завязался горячій абордажный бой; враги не щадили другъ друга. Странно, что послѣ такого жаркаго рукопашнаго дѣла, продолжавшагося десять часовъ сряду, отъ восхода до заката солнца, послѣ гибели столькихъ галеръ, остались невредимы: король, его братья и вся знатная аррагонская свита. Генуэзцы наконецъ одолѣли; полный тріумфъ былъ ихъ наградою. Альфонсъ, король наваррскій, братъ его донъ-Енрике, князь тарентскій, герцогъ сесскій и всѣ вельможи аррагонскіе, каталонскіе,

сицилійскіе были взяты въ плѣнъ; короля со всею свитою отвезли въ Миланъ въ распоряженіе Висконти [1]. Только донъ-Педро успѣлъ спастись съ своимъ кораблемъ, и уплылъ въ Искію. Казалось, все дѣло было проиграно, но теперь-то и началось торжество Альфонса. Онъ искусно вкрался въ довѣренность обыкновенно подозрительнаго и мрачнаго Филиппа и представилъ ему, какъ опасно французское вліяніе въ Италіи, какъ гибельно оно подѣйствуетъ на его собственное герцогство. Быстро измѣнились политическіе планы Филиппа. Безъ всякаго выкупа, съ королевскими почестями, отпустивъ и Альфонса, и его брата, и свиту, онъ послалъ приказъ генуезскимъ властямъ снаряжать флотъ на помощь королю аррагонскому Альфонсу I, котораго теперь же призналъ королемъ неаполитанскимъ.

Изобелла анжуйская въ Неаполѣ (въ 1438 г.).

Между тѣмъ Изабелла на четырехъ галерахъ, съ двумя малолѣтними дѣтьми, Жаномъ и Луи, прибыла изъ Прованса. Въ началѣ октября (1438 г.) ее съ энтузіазмомъ встрѣтили въ Гаэтѣ, которую она тутъ же одарила за оказанную вѣрность многими привилегіями, а 18 октября имѣла торжественный въѣздъ въ столицу, гдѣ была въ тотъ же день провозглашена правительницею. Баронамъ и байльи не хотѣлось отказываться отъ власти, но всѣ послѣдовали примѣру графа Нола и присягнули Изабеллѣ и ея мужу. Самого Ренэ нельзя было скоро ждать. Онъ сидѣлъ покорнымъ плѣнникомъ у герцога бургундскаго, который не выпускалъ его, вѣроятно, въ угоду Альфонсу. Причиною вражды Ренэ съ герцогомъ былъ споръ за наслѣдство, въ которомъ герцогъ поддерживалъ его личнаго врага. Въ этихъ мелкихъ войнахъ, или лучше большихъ турнирахъ, обычныхъ во Франціи, роль кондотьеровъ играли такъ называемые bastardes, незаконные дѣти вельможъ; они, съ своими солдатами-разбойниками, развратничали хуже итальянцевъ; впрочемъ, дальше разбоя они не шли въ своихъ войнахъ. Ренэ освободился только въ 1437 году за громадную сумму въ 300 тысячъ дукатовъ и то при посредничествѣ французскаго короля. Весь въ долгахъ, онъ только въ маѣ 1438 года на 13

---

[1] Çurita. Anales de la corona de Aragon; III, 229 (l. 14. c. 27).— Срв. Giorn. nap. XXI, 1100.

галерахъ могъ прибыть въ свою столицу, гдѣ съ такимъ успѣхомъ дѣйствовала его энергичная супруга. Въ Неаполѣ его встрѣтили также восторженно, какъ прежде жену. Съ маленькимъ сыномъ на рукахъ, проѣхалъ король по улицамъ города, оглушаемый криками и рукоплесканіями толпы. Онъ вооружилъ неаполитанскую молодежь и двинулъ ее на Абруццы унимать отложившихся бароновъ и отбивать города, уже покоренные Альфонсомъ. Наемниковъ было нанять не на что; притомъ въ эти годы, когда рѣшительно на всѣхъ пунктахъ полуострова кипѣла война, кондотьеры дошли до послѣдней степени безсовѣстности, пошлости и вмѣстѣ съ тѣмъ дороговизны. Однако Ренэ успѣлъ перехватить сына умершаго ветерана Джакопо Кальдоры, Антоніо, но надѣяться на этого капитана, готоваго всегда измѣнить, было безразсудно. Надо было разсчитывать на личную храбрость, на преданность народа. Впрочемъ, и тѣмъ, и другимъ Ренэ могъ гордиться совершенно основательно, хотя ни тѣмъ ни другимъ нельзя было пособить дѣлу. Недоставало главнаго двигателя тогдашнихъ политическихъ событій,—денегъ: у Альфонса же были собственные коронные солдаты; въ кассахъ аррагонскихъ кортесовъ, въ богатыхъ муниципіяхъ Каталоніи и Валенсіи можно было найти въ рѣшительномъ случаѣ щедрую поддержку. Къ тому же Альфонсъ былъ изъ способныхъ и благоразумныхъ государей; самое счастье покровительствовало его планамъ. Испанцы, пользуясь чумной паникой охватившей населеніе, овладѣли Гаэтой и Капуей. Изабелла (тогда еще не было Ренэ) пробовала обратиться за помощью къ папѣ, но дипломатическое искусство Евгенія было слишкомъ слабо. Впрочемъ, папа собралъ на свой счетъ 3000 всадниковъ и послалъ ихъ Изабеллѣ. Генуезцы, раздраженные внезапною милостью Висконти къ Альфонсу, тогда же выгнавшіе миланскихъ властей и провозгласившіе свою самостоятельность, также старались помочь анжуйской партіи изъ ненависти къ Филиппу, но ничего не могли сдѣлать, такъ какъ война происходила на материкѣ. Изабелла могла опираться только на нравственныя силы, на симпатію народа; войска у ней почти не было. Альфонсъ велъ осаду нѣсколькихъ городовъ; война грозила затянуться на долго. Въ одной изъ осадъ измѣннически пушечнымъ выстрѣломъ былъ убитъ дѣятельный помощникъ Альфонса, его лучшій другъ, донъ Педро; подозрѣваютъ, что неизвѣстный убійца мстилъ принцу за его отказъ дать ему

какое-то придворное мѣсто. „Да будетъ благословенно имя Господне“, воскликнулъ Альфонсъ, оплакавъ трупъ любимаго брата и облегчивъ сердце искренними слезами. Когда беретъ, упавшій съ головы убитаго былъ доставленъ Изабеллѣ, то и она заплакала, отъ всей души сожалѣя покойника. — „Хотя онъ былъ врагъ мой, но настало бы время, когда бы мы стали съ нимъ друзьями“, отвѣчала добрая женщина, на утѣшенія, раздавшіяся вокругъ нея (1). Она предложила Альфонсу похоронить донъ-Педро въ королевскомъ родовомъ склепѣ и прислать все, что необходимо для погребенія. Эти сцены характеризуютъ двухъ симпатичныхъ личностей того времени, столь бѣднаго людьми въ истинномъ смыслѣ этого слова....

Ренэ видѣлъ, что самыя напряженныя его усилія не вели ни къ чему. Онъ заподозрилъ Антоніо Кальдору въ замышляемой измѣнѣ и засадилъ своего капитана въ тюрьму. Этимъ онъ самъ лишилъ себя единственнаго полководца. Между тѣмъ, по совѣту Висконти, Альфонсъ бросился на богатыя помѣстья Франческо Сфорцы,—Беневенто, Манфредонію, и другія, — овладѣлъ ими и нашелъ тамъ рѣдкія сокровища, доставившія ему значительныя средства. При такихъ обстоятельствахъ Ренэ предложилъ Альфонсу годовое перемиріе, рекомендуя оставить спорные городскіе замки въ рукахъ французскихъ посланниковъ, которые къ тому времени прибыли отъ короля Карла IV съ цѣлью принять участіе въ посредничествѣ между соперниками. Альфонсъ не согласился, хорошо понимая плохое состояніе силъ въ непріятельскомъ лагерѣ. Онъ предпочелъ лучше пожертвовать Castel-nuovo и d'uovo, находившимися въ критическомъ положеніи. Аррагонскіе дипломаты разсчитывали хорошо. Ренэ ослабѣлъ окончательно. Въ 1441 году были взяты Аверса и Ачерра, и Ренэ поспѣшилъ отправить жену съ семействомъ въ Провансъ, не надѣясь удержать за собою престолъ и не рѣшаясь подвергать ихъ опасностямъ войны (2). Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ поспѣшилъ отказаться отъ престола въ

---

(1) «Dio tu perdoni frate caro: io aspettava da te altro piacere, che vederte a questo modo morto. Dio sia laudato» (Giorn. nap. 1111).

(2) Подробности войны между Ренэ и Альфонсомъ у Çurita; III, 233, (l 14. c. 30) въ главѣ: La guerra que se hizo contra las fuerças que se teniar etc.

пользу сына Джіованни, который долженъ будетъ царствовать послѣ Альфонса, но Альфонсъ предложилъ вознагражденіе несчастному, но стойкому противнику въ 10 тысячъ червонцевъ (alfonsini d'oro) за военныя издержки подъ условіемъ его удаленія изъ предѣловъ королевства.

Взятіе Неаполя Альфонсомъ въ 1442 г.

Сдѣлавъ нѣсколько завоеваній въ Апуліи, Калабріи и на островахъ, Альфонсъ въ началѣ 1442 года серьезно осадилъ Неаполь. Городъ былъ стѣсненъ со всѣхъ сторонъ; непріятель расположился подъ самыми стѣнами, но не стрѣлялъ. Альфонсъ, щадившій столицу, и будучи увѣренъ, что голодъ возьметъ свое, никакъ не соглашался на штурмъ. Однако граждане оказывали героическое упорство. Осада продолжалась уже полгода; между тѣмъ о сдачѣ еще не заговаривали. Альфонсъ отправилъ часть войска на Искію, а съ остальнымъ продолжалъ занимать свою позицію. Наконецъ у осажденныхъ почти не осталось припасовъ; стражамъ выдавалось ежедневно только по шести лотовъ хлѣба. Но вотъ въ городѣ оказалась измѣна. Какіе-то каменьщики указали испанцамъ подземный водопроводъ, тотъ самый, чрезъ который нѣкогда Велизарій проникнулъ въ Неаполь. Ренэ впрочемъ узналъ объ этомъ; онъ велѣлъ засыпать водопроводъ, оградить его и охранять. Но всѣ его старанія были напрасны. Аррагонцы быстро разлились по Неаполю (2 іюня 1442 года). Солдаты, наскучившись долгою стоянкою, бросились на грабежъ. Одинъ испанскій кирасиръ едва не захватилъ самаго Ренэ, который отбиваясь скакалъ въ замокъ. Альфонсъ, окруженный группою своихъ приближенныхъ, носился по улицамъ города, унимая алчныхъ и озлобленныхъ солдатъ. Съ трудомъ онъ успѣлъ остановить кровопролитіе и грабежъ, свирѣпствовавшій потому не болѣе четырехъ часовъ (¹). Чрезъ нѣсколько дней Альфонса I провозглашали королемъ неаполитанскимъ, — прежде знать, а потомъ и народъ, снова ликовавшій....

Ренэ нельзя было болѣе думать о Неаполѣ. Онъ писалъ къ Альфонсу, что лучше готовъ сдаться ему, достойному сопернику, нежели допустить, „чтобы какой-нибудь графъ Франческо (Сфорца) или другой предводитель разбойничьей шайки торговалъ его именемъ“ (²). Эти слова характеризуютъ

(¹) Bartholommeo Facio 186, l. 7).—Fazello, 878—880.

(²) Giorn. nap. 1115—1119.—Hist. nap. (Mur. XXIII, 231).—Çurita; III, 278 (l. 15. c. 16).—Panormita; 94—101 (тріумфальный въѣздъ Альфонса I въ Неаполь).

и благородный характеръ Ренэ и безнравственность жадныхъ кондотьеровъ.

Онъ плылъ во Флоренцію на свиданіе съ Евгеніемъ IV. Здѣсь онъ съ насмѣшкою отвергнулъ новое предложеніе услугъ со стороны папы и черезъ три мѣсяца (въ октябрѣ 1442 г.), навсегда простившись съ Италіей, побѣжденнымъ, но гордымъ рыцаремъ вернулся во Францію....

Значеніе наемничества въ Италіи.

Намъ слѣдуетъ теперь ознакомится съ одновременнымъ династическимъ переворотомъ въ сѣверной Италіи. Уже Данте сказалъ: „Le terre d' Italia tutte piene son di tiranni“,—земля итальянская переполнена тиранами,—а при жизни великаго патріота еще только начинало развиваться принципатство (¹). Наемники, за исключеніемъ развѣ чужеземцевъ, мерченари, послужили главнѣйшимъ органомъ образованія этого безотраднаго явленія. Безошибочно можно заключить, что *усиленіе абсолютизма и паденіе средневѣковыхъ общинъ было непосредственнымъ результатомъ возникновенія военнаго наемничества.* Это же съ грустью высказывалъ послѣ Макіавелли, хотя прибавлялъ, что для будущаго республики необходимо, чтобы всѣ итальянцы сдѣлались воинами, лично участвуя въ боевыхъ тягостяхъ. Мелкіе тираны, раздѣлившіе между собою Ломбардію и часть средней Италіи, были кондотьеры по преимуществу; всѣ они начинали свое возвышеніе съ небольшой дружины, если не получали по наслѣдству сильныхъ армій. Процессъ ихъ возвышенія Франческо Сфорца повторилъ на себѣ, но довелъ его до крайней высоты; его владѣнія сдѣлались виднымъ и крѣпкимъ государствомъ въ Европѣ. Изученіе этого факта даетъ понятіе о силѣ военнаго узурпаторства въ ту эпоху, силѣ случайности и меча (²).

(¹) Purgatorio VI. 124.

(²) Но для такого изученія нельзя слѣдовать ритору и льстецу Джіованни Симонетта, про котораго нельзя сказать вмѣстѣ съ Гассе, чтобы онъ писалъ, «какъ прекрасно, такъ и вѣрно». Simonetta, de vita Fr. Sfortiae (Muratori XXI, 167; s.) такъ отзывается о своемъ героѣ: «Majestate quadam supra mortalem, facie serena atque hilari, sermone mira suavitati condita.»—Срв. P. Candidus Decembrio. V. Fr. Sf. per epitomen scripta ab 1401—1462. (Mur. XX, 1023—1046).—Fr. Aleardus. Oratio in lau-

Утвержденіе этой династіи тѣсно связано съ судьбами послѣдняго изъ Висконти,—Филиппа-Маріи, о которомъ мы говорили выше (II, 735).

Филиппъ Марія.

Этотъ второй сынъ Джіованни-Галеаццо во многомъ походилъ на отца и по личному характеру и по своимъ политическимъ цѣлямъ. Онъ одинаково былъ жестокъ, двуличенъ, коваренъ, малодушенъ въ рѣшительныхъ случаяхъ и это послѣднее качество было развито въ немъ даже сильнѣе, нежели въ отцѣ. Подобно Джіованни-Галеаццо, онъ дѣйствовалъ съ извѣстнымъ тактомъ абсолютнаго централизатора. Онъ хотѣлъ неограниченно закрѣпить свою власть, расширить свои владѣнія, утвердиться въ большей части сѣверной и средней Италіи, уничтожить остатки старой республики и такимъ путемъ пріобрѣсти роль протектора надъ всѣмъ полуостровомъ,—роль перваго лица въ Италіи.

Онъ обладалъ большими матеріальными средствами, распоряжался лучшими полководцами времени. Франческо Бузо, иначе называемый графомъ Карманьолою и Франческо Сфорца были на его сторонѣ. Прежде деньги казненной имъ Беатриче ди-Тенда, а послѣ искусство избранныхъ полководцевъ доставили ему, если не абсолютно первое, то почетнѣйшее мѣсто на полуостровѣ и рѣшительное протекторство если не во всей Италіи, то по крайней мѣрѣ въ бо̀льшей части Тосканы, Умбріи и во всѣхъ частяхъ Ломбардіи, съ того времени лишившейся de facto старой гражданской свободы.

---

dem Fr. Sf. habita Veronae a. 1449 (Mur. XXV, 375—418.—См. Hasse III' 132. (Die Gesch. der Lombardei, 1826). Мы, напротивъ, предпочитаемъ лѣтописное изложеніе Пьетро Кандидо, не имѣвшаго ничего общаго съ своими героями. Тогда какъ Симонетта, находясь постоянно при дворѣ Франческо, былъ его лучшимъ другомъ и довѣреннѣйшимъ секретаремъ,—республиканецъ Кандидо эмигрировалъ изъ Милана тотчасъ же, какъ воцареніе Сфорцы дѣлалось видимо неизбѣжнымъ. Онъ занялъ мѣсто апостолическаго секретаря у папы Николая V и посвятилъ себя литературѣ, явившись однимъ изъ видныхъ сотрудниковъ Возрожденія древности. При этомъ Кандидо лично былъ всегда такого убѣжденія, что возстановленіе древней римской литературы (въ подражательной формѣ) неразлучно съ возстановленіемъ древней римской республики. Извѣстно, какъ жестоко ошибались бойцы новыхъ идей, какъ осязательно они убѣждались, что жизнь несетъ совершенно иныя государственныя формы.

Генуя и Романья были истощены и разслаблены кондотьерами и революціями. Только Венеція и Флоренція, блестящимъ образомъ развивавшія свои экономическія силы, и потому стоявшія на высокой степени гражданской свободы, могли геройски и съ большимъ искусствомъ обороняться отъ деспота; онѣ отстояли свою самостоятельность. Но, если эти республики, защищая себя, не дошли до истощенія, то во многомъ насильственно надорвали нормальное положеніе своихъ силъ. Онѣ лишились, подъ непосредственнымъ вліяніемъ Филиппа-Маріи, многихъ своихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній, что вознаградилось только впослѣдствіи. Флоренція, поддерживаемая своею даровитою аристократіею, сдѣлала къ тому времени значительныя пріобрѣтенія въ Аппеннинахъ, а Венеція на греческихъ островахъ Архипелага и на славянскихъ берегахъ Далмаціи и Иллиріи. Такія владѣнія были соблазнительны для Висконти; онъ не намѣренъ былъ допускать при жизни никакого посторонняго усиленія. Самъ не солдатъ и не полководецъ, онъ прекрасно воспользовался талантами знаменитаго Карманьолы...

Карманьола.

Этотъ кондотьеръ только одинъ имѣлъ право стоять на ряду съ Браччіо. Онъ былъ замѣчательно храбръ и вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчательно счастливъ, хотя не создалъ ничего новаго въ дѣлѣ военномъ. Его жизнь, полная самыхъ драматическихъ приключеній, совершенно основательно обратила на себя вниманіе Манцони, который избралъ судьбу Карманьолы сюжетомъ для своей лучшей трагедіи (¹). Прежде пастухъ, потомъ простой латникъ въ рядахъ Фачино Кане, этотъ человѣкъ достигъ высочайшихъ степеней, какихъ только можетъ желать подданный въ монархическомъ государствѣ. Онъ сдѣлался графомъ, обладателемъ огромныхъ богатствъ и земель, приносившихъ 40 тысячъ дукатовъ еже-

---

(¹) Il conte Carmagnola di Manzoni,—трагедія (въ 1820 г.), служащая образцомъ того рода поэтическихъ произведеній, которымъ достаточный интересъ даетъ уже одно движеніе политическихъ страстей, безъ всякаго романическаго элемента, — принадлежитъ къ числу классическихъ произведеній итальянской литературы. По красотѣ слога и отдѣлкѣ подробностей, она стоитъ выше другой трагедіи Манцони, — Adelchi (сынъ лангоб. короля Дезидерія), хотя ни та ни другая одинаково неудобны для сцены, за недостаткомъ дѣйствія.

годно, наконецъ полководцемъ до того сильнымъ и страшнымъ, что впослѣдствіи своимъ участіемъ могъ опредѣлять политическое счастіе даже могучихъ государствъ.

Военная дѣятельность Карманьолы началась тотчасъ по вступленіи на престолъ Филиппа-Маріи. Въ усмиреніи мелкихъ ломбардскихъ городовъ и въ возвращеніи ихъ подъ „ехидну“, ясно обозначилось будущее значеніе и могущество. Карманьола покорилъ всѣ города между рѣками Тичино, и Аддою, и Альпами (1416 г.) Оставалось взять только Лоди. Вѣрный исполнитель воли своего государя, истый наемникъ по характеру, Бузо прибѣгнулъ къ коварству. Онъ заключилъ притворный миръ съ синьоромъ города Джіованни ди Виньате, между тѣмъ какъ самъ держалъ войска не вдалекѣ и наготовѣ. Герцогъ, хитростью заманивъ сына Виньате къ себѣ въ Миланъ, велѣлъ взять его, заковать и въ такомъ положеніи привести въ лагерь Карманьолы. На глазахъ отца обѣщали удавить сына, если только Лоди не сдастся герцогу. Въ то время какъ отецъ со стѣны переговаривался съ непріятелемъ, съ другой стороны вошли миланскіе наемники и городъ былъ взятъ. Теперь попался и старый Виньате; и отецъ и сынъ были отправлены въ Миланъ, гдѣ обоимъ отрубили головы на площади (¹).

На слѣдующій годъ также обманомъ Карманьола завладѣлъ Піаченцей, а такъ какъ самая цитадель не сдавалась, то полководецъ Филиппа прогналъ всѣхъ жителей изъ города, чтобы имѣть болѣе простора въ дѣйствіяхъ. Однако это не помогло дѣлу; крѣпость можно было взять только деньгами. За нѣсколько тысячъ флориновъ Арчелли, синьоръ города, продалъ цитадель Карманьолѣ, а между тѣмъ Піаченца весь годъ не могла собрать своихъ прежнихъ обитателей и по прежнему оставалась ненаселенною. Истреблять прежнихъ владѣтелей городовъ сдѣлалось звѣрскою тактикою Филиппа; такъ были захвачены и казнены Беккаріа и многіе другіе. Большая часть побѣжденныхъ спасалась бѣгствомъ, какъ напр. Пандольфо Малатеста изъ Бергамо и Брешіи, Бенцона

(¹) Лучшимъ источникомъ для исторіи Филиппа-Маріи до 1441 года служитъ; Andreae de Billis, rerum Mediolanensium historiae ab 1402—1431 annum (XIX, 1. 3). Тутъ же вѣрный и лучшій очеркъ дѣятельности Карманьолы,—о которомъ спеціально писалъ Tenivelli въ изд. Biografia Piemontese.

изъ Кремы, Фондоло изъ Кремоны (1421 г.). Къ 1424 году большая часть монархіи Джіованни Галеаццо, благодаря оружію Карманьолы, была возстановлена. У Филиппа къ тому времени было уже 20 городовъ, частію пріобрѣтенныхъ женитьбою на несчастной Беатриче, частію покоренныхъ: Миланъ, Генуя (покоренная въ 1421 г. послѣ долгаго сопротивленія), Комо, Брешія, Бергамо, Лоди, Крема, Кремона, Піаченца, Парма, Фаэнца, Имола, Форли, Павія, Александрія, Тортона, Асти, Верчелли, Новара и Виджевано [1]. Впрочемъ для полнаго возстановленія могущества миланскаго государства надо было еще отбить 15 городовъ. Потерпѣвъ пораженіе отъ Гонзаго мантуанскихъ, покровительствуемыхъ Венеціею, герцогъ обратился на сѣверъ, разсчитывая пріобрѣсти вліяніе на республиканскихъ швейцарцевъ. Уже Карманьола, занявъ Беллинцону, Оссолу и всю ливанскую долину, сбирался овладѣть проходами Санъ-Готарда. Но швейцарцы не привыкли покорствовать чужому игу. Три тысячи республиканцевъ изъ кантоновъ Ури, Люцерна, Цуга и Унтервальдена спустились съ горъ и при Арбедо разбили на голову 24-тысячную миланскую армію, предводительствуемую такими военными знаменитостями, какъ Карманьола и Пергола. Послѣ неудачъ на сѣверѣ, герцогъ снова кинулся на югъ. Овладѣвъ романскимъ городомъ Форли, онъ вызвалъ противъ себя силы флорентійской республики, почуявшей нешуточную опасность. Синьорія поспѣшила составить лигу и заключила союзы съ Мантуею, Феррарою, Венеціею, Сіеною, Савойею, наконецъ съ могущественнымъ Альфонсомъ аррагонскимъ. Съ этого момента завязалась рѣшительная борьба падающихъ республиканскихъ началъ съ абсолютизмомъ, энергично наступавшимъ въ лицѣ Филиппа-Маріи. Судя по силамъ и средствамъ обоихъ лагерей, побѣда Милана была болѣе чѣмъ сомнительна. Она окончательно стала невозможною, когда Висконти лишился своей главной опоры,— Карманьолы.

Его измѣна миланскому герцогу.

Причиною измѣны графа считаютъ обыкновенно недовѣріе, какое оказалъ ему герцогъ во время его управленія Генуею. Филиппъ, повѣривъ клеветамъ и разнымъ слухамъ, распускаемымъ про графа его завистниками, отрѣшилъ его отъ генуезскаго намѣстничества. Карманьола просилъ только

[1] Verri. Storia di Milano. 1851; I, 433.

одного, — позволить ему лично объясниться съ герцогомъ. На это послѣдовалъ отказъ съ заявленіемъ порицанія. Тогда графъ, опасаясь дальнѣйшихъ результатовъ гнѣва Филиппа, что было такъ понятно тогда въ Миланѣ, рѣшился на смѣлый поступокъ. Публично протестовавъ и гласно высказавъ свою невинность, онъ бѣжалъ изъ замка Аббатеграссо, куда ему велѣно было удалиться, выбралъ 300 лучшихъ всадниковъ и съ ними отправился въ Венецію. Говорятъ, что, садясь на коня, онъ произнесъ: „можетъ быть скоро раскается герцогъ, что полѣнился выслушать меня". — Во всякомъ случаѣ, его измѣна принесла много горя и вреда Филиппу.

Служба Венеціи.

Въ Венеціи новый Алкивіадъ держалъ торжественную рѣчь предъ сенатомъ, въ которой сразу высказалъ и планы миланскаго кабинета, такъ хорошо извѣстные ему и личную неспособность герцога, опиравшагося болѣе на искусство своихъ помощниковъ, нежели на собственный умъ, страшнаго скорѣе наружнымъ безобразіемъ, нежели дѣйствительнымъ могуществомъ ([1]). Подобное же говорилъ и флорентійскій посолъ, пріѣхавшій просить содѣйствія венеціанскаго правительства въ предстоявшей войнѣ съ Филиппомъ. Благодаря этимъ вліяніямъ, сенатъ рѣшился объявить войну Милану и довѣрить Карманьолѣ предводительство надъ соединенными войсками лиги, въ которой на дѣлѣ участвовала пока одна Венеція. Карманьола, торжественно, предъ алтаремъ св. Марка, принялъ знамя республики и жезлъ главнокомандующаго.

Съ первыхъ же дней войны, Филиппъ убѣдился кого онъ лишился въ Карманьолѣ. Брешія и нѣсколько другихъ сильныхъ крѣпостей покорились немедленно Венеціи. Войско республики пошло бы на Миланъ, пользуясь замѣшательствомъ герцога, который дѣйствительно работалъ болѣе чужими руками, если бы не вмѣшался Мартинъ V, скоро примирив-

---

([1]) Эта рѣчь, съ видимымъ подражаніемъ классическому стилю, принадлежитъ Billius (XIX, 81—83: l. 5). У него не помѣщены всѣ пренія, веденныя по этому поводу въ сенатѣ, а равно и рѣчь флорентійскаго посланника, явившагося съ тою же цѣлью. Карманьола въ заключеніе сказалъ слѣд: Haec, ita Deum obtestor, primis belli intiis cognoscetis, meum nihil ultra censeo, quam, si quid deinceps Venetianae dignitati proferre possim, id vestro usui paratissimum cogitetis».

шій соперниковъ. Филиппъ уступалъ Венеціи не только всѣ свои завоеванія, но даже все уже пріобрѣтенное республикою въ Ломбардіи.

Такія унизительныя условія оскорбили миланцевъ. И народъ, и бароны теперь соединились вокругъ своего герцога и дали ему средства нанять 15 тысячъ латниковъ. Ими предводительствовали лучшіе кондотьеры того времени; между ними былъ и Франческо Сфорца, графъ котиньольскій, до того времени считавшійся по примѣру отца, церковнымъ гонфалоньеромъ, а теперь явившійся противникомъ прославленнаго венеціанскаго полководца.

Франческо Сфорца.

Франческо Сфорца, говоритъ Маколей, былъ рѣшительнымъ образцомъ итальянскихъ героевъ. Онъ и патроновъ и соперниковъ своихъ одинаково дѣлалъ своими орудіями. Сначала онъ одолѣвалъ явныхъ враговъ съ помощью вѣроломныхъ союзниковъ, потомъ вооружался противъ союзниковъ съ помощью добычи, отнятой у враговъ. Посредствомъ несравненной ловкости, онъ возвысился изъ шаткаго и зависимаго положенія военнаго авантюриста до перваго престола Италіи. Такому человѣку многое было прощено: и вѣроломная дружба, и неблагородная вражда и нарушенная вѣрность. „Въ такія противоположныя заблужденія впадаютъ люди, когда нравственность ихъ не наука, а мода, когда они покидаютъ вѣчныя начала ради случайныхъ обстоятельствъ“ (1).

Франческо былъ тиранъ, но тиранъ очень мягкій, умный, безспорно даровитый, замѣчательно образованный, и много способствовавшій духовнымъ стремленіямъ Возрожденія.

Вступая на миланскую службу, Сфорца не могъ тотчасъ же занять перваго мѣста въ герцогской арміи. Главнокомандующимъ былъ назначенъ Карлъ Малатеста. Энергичный тиранъ, но трусливый солдатъ, онъ не могъ бороться съ Карманьолою. Въ первомъ же сраженіи при г. Малако на рѣкѣ Олліо, Малатеста проигралъ дѣло. Карманьола загналъ его въ болото и взялъ въ плѣнъ болѣе 8 тысячъ кирассировъ. Но побѣдитель не воспользовался своею побѣдою; онъ не шелъ далѣе, почему-то замедлилъ и въ добавокъ распустилъ плѣнныхъ, не обративъ вниманія на протестъ коммиссаровъ республики. Такое поведеніе Карманьолы возбудило сильныя

(1) Маколей. Сочиненія; I, 80.

подозрѣнія венеціанской олигархіи, всегда отличавшейся своею недовѣрчивостью. Съ этой минуты положеніе Карманьолы стало очень опаснымъ; за нимъ зорко наблюдали ревнивые и безпощадные патриціи, каждое движеніе его перетолковывалось и принималось за измѣну.

Франческо Сфорца между тѣмъ разными средствами сумѣлъ снискать расположеніе и даже особенную привязанность Филиппа, искусно избѣгнувъ вмѣстѣ съ тѣмъ непріятностей и ссоръ съ завистливыми придворными. При открытіи новой войны съ Венеціею, графъ Сфорца внезапно былъ назначенъ главнокомандующимъ герцогскихъ войскъ, сухопутныхъ и морскихъ.

Новая измѣна Карманьолы.

На рѣкѣ По, предводительствуя миланскими и генуезскими галерами, Сфорца разбилъ венеціанскую флотилію въ виду сильной кавалеріи Карманьолы, безцѣльно стоявшей на берегу, направился по брешіанской дорогѣ, къ замку Сончино на рѣкѣ Олліо, первому пункту тогдашней милано-венеціанской государственной границы. Жестоко отраженный, онъ отступилъ и далъ себѣ слово не дѣйствовать болѣе наступательно ([1]). Венеціанскіе Совѣты теперь окончательно убѣдились въ измѣнѣ своего главнокомандующаго. Имъ казалось даже, что Карманьола, чрезмѣрно усилившійся своими богатствами и войсками, принялъ будто равноправный, почти повелительный тонъ относительно республики. Рѣшено было погубить его. Хотя тогда еще не существовало знаменитыхъ „трехъ", однако и „десять" умѣли прекрасно управляться съ такъ называемыми государственными измѣнниками, доставляя своею вѣроломною политикою блескъ и могущество Венеціи. И Карманьола зналъ это лучше чѣмъ кто другой. Онъ имѣлъ слишкомъ нелестное понятіе о честности людей, съ которыми ему приходилось быть въ постоянномъ столкновеніи. Онъ догадывался, что даромъ ему не можетъ пройти ослушаніе, оказанное правительству. Положеніе его сдѣлалось въ высшей степени критическимъ. Надо было въ одно время принимать мѣры и противъ Филиппа, не перестававшаго покушаться отравить своего бывшаго наперсника, и противъ Венеціи, устами своихъ „десяти" приговорившей къ смерти мнимаго измѣнника. Находясь между двухъ огней,

---

([1]) Billius, 143—146.

онъ, казалось, достигъ до высшихъ ступеней могущества, до которыхъ только могъ дойти въ тѣ времена наемный полководецъ.

Обѣ стороны держались одна противъ другой въ наблюдательномъ положеніи,—но кажущіеся друзья на дѣлѣ были смертельными врагами. Вышло такъ, что „десять" перехитрили одного. Безъ сомнѣнія Карманьола предчувствовалъ свою гибель, когда ѣхалъ въ Венецію, приглашенный будто для переговоровъ о заключеніи мира. Онъ показывалъ видъ, что ничего не подозрѣваетъ, что твердо увѣренъ въ своемъ могуществѣ. Кондотьеръ направлялся въ Венецію въ сопровожденіи блистательной свиты. По приказанію сената, его по всей дорогѣ встрѣчали со всевозможнымъ тріумфомъ, принимали съ необыкновеннымъ почетомъ. Между тѣмъ особые „proveditori" назначены были замѣнить графа въ арміи. Слѣдуя инструкціямъ десяти, они умѣли такъ искусно вести дѣло и такъ сохранить тайну, что Карманьола сталъ невольно сомнѣваться въ вѣроломствѣ правительства и сдѣлался довѣрчивъ. У города, при самомъ въѣздѣ въ „Rio grande", парадная галера съ почетными депутатами встрѣтила полководца. По выходѣ изъ гондолы, торжественная процессія направилась въ дворецъ дожей. Здѣсь графъ былъ чрезвычайно ласково принятъ дожемъ и десятью. Въ честь его былъ данъ во дворцѣ парадный обѣдъ, который съ намѣреніемъ продлили до вечера. Когда Карманьола изъявилъ желаніе ѣхать домой, то его просили повременить; синьоры повели его будто прощаться съ дожемъ, а между тѣмъ пригласили спуститься внизъ по дворцовой лѣстницѣ. Догадываясь куда ведутъ его сообразивъ всю опасность, графъ хотѣлъ крикнуть свой вѣрный конвой, но никого не было подъ окнами; конвой былъ давно отпущенъ. Вмѣсто дожа Карманьолѣ показали темницу. Вступая въ узкій казаматъ, онъ понималъ, что скоро предстоитъ разстаться съ жизнію и что эшафота теперь не миновать. „Я знаю, за мною стоитъ смерть", тутъ же сказалъ онъ. Въ темницѣ его держали 20 дней, подвергая самымъ жестокимъ пыткамъ, чтобы добиться показаній, достаточныхъ для смертнаго приговора. Но въ такихъ случаяхъ десять не стѣснялись отсутствіемъ доказательствъ. Осужденному прочли сентенцію уголовнаго судилища, обвинявшаго его въ государственной измѣнѣ и обрекавшаго на казнь; ему тотчасъ же

Его казнь.

дали свиданіе съ семействомъ и повели... Однако на площади св. Марка не было сдѣлано никакихъ приготовленій; палачи обошлись и безъ нихъ (5 мая 1432 г.). Преступника поставили на самой дворцовой лѣстницѣ, между двухъ колоннъ, и еще разъ прочли приговоръ. Опасаясь, что онъ будетъ говорить съ народомъ, который зналъ его героизмъ, его щедрость и блескъ, — ему заткнули ротъ платкомъ ([1]). Смерть его была мучительна; только послѣ третьяго удара скатилась съ топора окровавленная голова его.

Эта внезапная катастрофа должна была во многомъ повліять на положеніе боевыхъ лагерей противныхъ сторонъ. Венеціанцы не могли болѣе надѣяться на успѣхъ своего дѣла. Если ничего нельзя было сдѣлать при Карманьолѣ, то безъ него тѣмъ болѣе. Венеція съ радостью согласилась на предложеніе Филиппа оставить все такъ, какъ было до объявленія войны, — in statu quo. Республика удержала пріобрѣтенія, утвержденныя за нею послѣднимъ миромъ, и каждая сторона возвратила то, что послѣ было покорено оружіемъ.

Миланъ и Венеція.

Но этимъ борьба далеко не окончилась. До самой смерти Филиппа, т. е. до 1447 года, происходила борьба между Миланомъ и лигою республики и мелкихъ синьоровъ, опасавшихся нарушенія равновѣсія на сѣверѣ Италіи. Франческо въ каждой изъ слѣдующихъ войнъ играетъ значительную и видную роль, хотя, надо замѣтить, мѣсто и образъ дѣйствій измѣняются съ каждымъ разомъ. Въ этомъ послѣднемъ единоборствѣ итальянцевъ, охватившемъ своимъ пламенемъ всю Венецію, Ломбардію, Савойю, Тоскану, Умбрію и Романью, рѣзко обнаружилось все зло наемничества. Франческо, напримѣръ, нѣсколько разъ измѣняетъ Филиппу, не потому, чтобы имъ двигали какія нибудь политическія соображенія, а просто потому, что постоянное колебаніе, безконечная медленность, все это было выгодно и для него и для его латниковъ. Вооружаясь противъ тестя, онъ повидимому рискуетъ перспективою престола; на дѣлѣ же онъ этимъ самымъ достигаетъ его ступеней. Филиппъ, волнуемый своею государственою идеею, старается заискать въ счастливомъ

([1]) Объ этой казни подробнѣе всего; Poggius. Hist. fiorentina (Muratori, scrp. XX, 376).

полководцѣ и съ каждою измѣною старается вновь привлечь его на свою сторону для будущаго. При такомъ порядкѣ рушилось все, что только оставалось нравственнаго въ эпохѣ, въ ея дѣятеляхъ, въ высшихъ слояхъ общество. Совершается тьма злодѣйствъ и насилій... Но что было важнѣе всего—извратились понятія о чести. Какъ нарочно, самыя обстоятельства покровительствуютъ дурнымъ, а не честнымъ поступкамъ...

Мы не будемъ остановливаться на изложеніи этихъ запутанныхъ междоусобій, этихъ безконечныхъ войнъ, что̀ вовсе не относится къ нашей задачѣ. Этотъ бурный эпизодъ, который продолжался около 30 лѣтъ (мы считаемъ до общаго мира, наступившаго лишь за два года до смерти Франческо, именно въ 1464 году), не имѣетъ ни малѣйшаго интереса. Можно порадоваться развѣ только тому, что имъ закончилась междоусобная война, отличающая средневѣковую исторію Италіи; за этою многовѣковою рѣзнею наступаетъ миръ между правительствами полуострова, наступаетъ новый порядокъ, рѣзко отличавшійся отъ минувшаго,—общимъ ослабленіемъ республиканскаго элемента, столь богатаго блестящею историческою жизнью [1].

Кончина Филиппа—Маріи.

Филиппъ-Марія, всѣхъ отвращавшій отъ себя своею безобразною и угрюмою личностью, какъ жилъ такъ и умеръ одинокимъ. Незадолго передъ смертью онъ ослѣпъ, но самолюбіе его доходило до того, что онъ старался скрывать даже этотъ физическій недостатокъ. Когда же таковыя усилія становились безполезными, то онъ краснѣлъ отъ злобы (coecitatem sibi erubuit, какъ говоритъ лѣтописецъ). Умирая, онъ оставлялъ жену Марію савойскую, которую не любилъ во всю жизнь и съ которою не жилъ. Вся привязанность его обращалась къ Агнесѣ и ея дочери, женѣ Сфорцы; за нихъ по-

---

(1) У старыхъ историковъ находимъ довольно отчетливое обозрѣніе исторіи Франческо отъ 1435 — 1447 г. напр. у Corio. 650 — 740. Между монографіями: Hoyer, Franz Sforza 1 Visconti,—исключительное изложеніе военной дѣятельности младшаго Сфорцы въ отдѣльныхъ, довольно картинныхъ очеркахъ. Такое же значеніе имѣетъ Steger, Gesch. Franz Sforza's und der italienischen Condottieri. Leipz. 1853. Менѣе важно Ratti. Memorie delle famiglie di Sforza.

стоянно молились въ церквахъ, какъ за членовъ герцогскаго дома, для чего была сочинена даже особая молитва. Объ этихъ-то двухъ женщинахъ думалъ Филиппъ въ минуту смерти, убѣжденный, что его Бланка сдѣлается герцогинею. Но обѣ онѣ не присутствовали при кончинѣ, а придворные, прежде трепетавшіе Филиппа, презрительно кинули герцога, когда убѣдились что смерть беретъ свои права (13 августа 1447 г.). Похороны, какъ и слѣдовало ожидать, пошли очень безпорядочно (tumultuariamente). Народъ не тянулся за гробомъ. а съ волненіемъ ожидалъ новыхъ событій, грозившихъ одной изъ многолюднѣйшихъ столицъ европейскихъ кровью и междоусобіями. Придворныхъ, слѣдовавшихъ за погребальною колесницею, было немного, но и тѣ скоро разошлись, не дойдя даже до собора. Городское духовенство поступило точно такимъ же образомъ. Всѣхъ занимало темное будущее; всѣ съ трепетомъ готовились оберегать и себя и свое имущество на случай анархіи, которая, какъ всѣ ожидали должна была разразиться вслѣдъ за смертью послѣдняго Висконти. Являлся просторъ для осуществленія самыхъ разнообразныхъ государственныхъ формъ. Правительства не было; никто не сдерживалъ никого, никто не былъ сдерживаемымъ никѣмъ.

Амвросіанская республика.

Тогда собрался государственный совѣтъ, составленный изъ представителей разныхъ фракцій. Съ перваго же засѣданія ясно выяснились три партіи. Одна подала голосъ за графа Сфорцу, какъ за супруга дочери умершаго герцога, прямой наслѣдницы,—и это не выходило бы изъ предсмертной воли Филиппа. Другая,—къ ней между прочимъ примкнули дѣти кондотьера Пиччинино,—за короля Альфонса аррагонскаго, войска котораго, приглашенныя на помощь еще Филиппомъ, занимали городъ и цитадель. Но четверо изъ знатнѣйшихъ миланскихъ вельможъ,—именно: Антоніо Тривульчіо, Теодоро Босси, Джьорджьо Лампуньани, Инноченцо Котта,—открыто и энергично высказались за старую республику. Молодежь и образованное дворянство,—все, что было воспитано классическою мыслью Возрожденія,—восторженно поддержало мнѣніе этихъ популярнѣйшихъ аристократовъ. Увлеченіе было до того сильно, что противныя партіи смолкли. Народъ, поднятый на ноги, вспомнилъ о минувшихъ временахъ похищенной у него свободы и взялся за оружіе, отъ котораго такъ старалась отучать его тиранія. Улицы мгновенно покрылись

баррикадами; вооруженыя толпы показались у цитадели съ явнымъ намѣреніемъ прогнать аррагонцевъ. Едва могли въ такую суматоху собрать народное собраніе. Здѣсь граждане провозгласили амвросіанскую республику и начертали статутъ будущаго правительства, оказавшійся во многомъ сходнымъ съ венеціанскимъ. Тѣ же самые аристократы, которые первые оказали сопротивленіе монархіи, были назначены управлять государствомъ. На случай войны заключили условіе съ наемниками, служившими послѣднее время у Филиппа. Воины Альфонса, свидѣтели такого неожиданнаго переворота, увидѣли себя совершенно лишними въ городѣ и потому сочли за лучшее удалиться добровольно, во избѣжаніе столкновенія съ народною толпою. Чернь бросилась уничтожать все, что продолжало напоминать о монархіи, съ которой, какъ казалось пламенному увлеченію народа, уже были покончены всякіе счеты. Между прочимъ были срыты укрѣпленные замки Висконти, настроенные въ разныхъ мѣстахъ съ цѣлью держать народъ въ полномъ страхѣ. Но воротить прошлое было немыслимо; въ эпоху Возрожденія республика могла существовать только въ теоріи и въ quasi-классической латыни ученыхъ.

Амвросіанская республика,—скорѣе олигархическая, нежели демократическая, старавшаяся съ свободою туземныхъ граждань примирить рабство другихъ, — не могла существовать сколько нибудь продолжительное время безъ того, чтобы не вызвать серьезной оппозиціи со стороны прочихъ городовъ бывшей герцогской территоріи.

Такъ прежде всего отдѣлилась Павія, попавшая въ руки Франческо, провозгласившаго себя ея графомъ (1). То же сдѣлали Парма и Тортона. Лоди и Піаченца приняли къ себѣ венеціанскій гарнизонъ. Всѣ прочіе крупные и мелкіе города ясно высказали такія же сепаратистическія наклонности. Но этого мало. Миланскому правительству предстояло выдержать жестокую борьбу съ цѣлою лигою враговъ. Противъ Милана соединились: венеціанская республика, генуэзская республика, герцогъ савойскій, маркграфъ д'Эсте, маркграфъ монферратскій. Наконецъ сюда же присталъ Альфонсъ, король аррагонскій и въ то время уже неаполитанскій, опиравшійся на завѣщаніе, которое сдѣлалъ въ его пользу по-

---

(1) Corio, 708.

слѣдній Висконти и которое чуть было не соединило большую часть Италіи въ однѣхъ рукахъ.

Находясь въ такой крайней опасности, миланское правительство рѣшилось обратиться за содѣйствіемъ къ Сфорцѣ. Ему обѣщали Брешію и Верону въ потомственное владѣніе на правахъ отдѣльнаго синьора и предлагали огромныя деньги. Кондотьеръ согласился на условія, далъ клятву въ соблюденіи ихъ, хотя въ душѣ думалъ совершенно иное. Зачѣмъ было довольствоваться двумя городами, когда безъ большаго труда можно было забрать цѣлую Ломбардію да еще съ Миланомъ во главѣ?....

Взятіе Піаченцы Сфорцею (въ 1447 г.).

Именемъ нанявшаго его правительства, Сфорца открылъ военныя дѣйствія. Быстро овладѣлъ онъ нѣсколькими важными пунктами, между прочимъ Пармою; легко онъ привлекъ на сторону Милана нѣсколькихъ даровитыхъ капитановъ, такъ какъ пользовался дружбою всѣхъ тогдашнихъ знаменитостей военнаго міра Италіи. Соединенныя миланскія войска должны были выступить теперь противъ новаго врага, который тѣмъ временемъ занялъ ломбардскую территорію. Герцогъ орлеанскій Карлъ, французскій принцъ крови, женатый на Валентинѣ Висконти, также предъявилъ свои права на наслѣдство послѣ вымершей династіи. Но войска Карла, высланныя для поддержанія этихъ претензій, были незначительны, такъ что Сфорца легко выгналъ французовъ изъ Ломбардіи. Теперь онъ приступилъ къ Піаченцѣ, сильно укрѣпленной въ послѣднее время венеціанцами. Осада не предвѣщала счастливаго исхода. Сфорца хотѣлъ однимъ ударомъ покончить дѣло и велѣлъ штурмовать богатый городъ своимъ солдатамъ (16 ноября 1447 г.). Здѣсь въ первый разъ серьезнымъ образомъ заявила себя итальянская артиллерія, открывшая передъ штурмомъ страшную пальбу изъ всѣхъ орудій. Часть крѣпостной страны была разрушена ядрами; наемники Сфорцы ворвались въ брешь, одолѣли гарнизонъ, истребили его и неистово бросились на грабежъ ([1]). Впродолженіи 40 дней этотъ богатый городъ былъ жертвою ярости солдатъ; расхищено и уничтожено было все, что только было возможно. Нисколько не преувеличивая

([1]) Candidus; XX. 1038. «Urbs praedae exposita, exercitum per multos menses ita aluit, ut stipendio non egeret».

можно сказать, что отъ Піаченцы остались только однѣ голыя стѣны. Истязанія женщинъ происходили во очію, па улицахъ. По замѣчанію оффиціальной лѣтописи, плѣнницъ было такъ много, что на нихъ играли въ кости; судьба несчастныхъ, какъ простаго товара, служила предметомъ забавы наемныхъ солдатъ (¹). При взятіи Піаченцы, Сфорца заявилъ себя возмутительнымъ поступкомъ; онъ приказалъ продать въ рабство 10 тысячъ гражданъ (²). Этотъ фактъ лучше всего характеризуетъ нравственность даже лучшихъ изъ кондотьеровъ, нравственность, такъ страшно дисгармонировавшую съ блескомъ образованности тогдашняго высшаго общества. На долю средняго, а тѣмъ болѣе нисшаго класса, какъ всегда бываетъ, не выпадало духовнаго богатства эпохи.

Битва при Караваджіо (въ 1448 г.).

Уничтоживъ венеціанскій флотъ, Франческо въ августѣ того же года осадилъ Караваджіо. Для спасенія этого города сенатъ приказалъ своимъ полководцамъ во что бы то ни стало дать битву. Она произошла у самого города (15 сентября 1448 года). Это было кровопролитнѣйшее изъ сраженій, происходившихъ въ Италіи въ XV вѣкѣ. У венеціанцевъ, предводительствуемыхъ Лоренцо Котиньольскимъ, было до 25 тысячъ человѣкъ; у Сфорцы меньше, но за то это были солдаты бывалые, перемѣшанные съ ветеранами знаменитаго отца. Здѣсь дядя былъ жестоко побитъ племянникомъ; войско республики разсѣялось къ тому же вечеру. Убитыхъ было болѣе чѣмъ когда нибудь, хотя по обыкновенію тріумфъ состоялъ изъ плѣнныхъ. Какъ всегда, плѣнныхъ почти всѣхъ распустили, отобравъ у нихъ оружіе и коней и предварительно искупавъ въ рѣкѣ, чего требовалъ военный обычай. За это пораженіе Котиньола былъ отрѣшенъ сенатомъ отъ командованія арміею и отправленъ въ ссылку,— что, конечно, было весьма слабымъ наказаніемъ сравнительно съ участью Карманьолы.

Союзъ Сфорцы съ Венеціей.

Послѣ побѣды при Караваджіо могущество Сфорцы достигло высшей точки; миланское правительство приняло

(¹) Hoyer; I, 152.—Подробное описаніе осады Піаченцы, сдѣланное по современнымъ источникамъ, см. I, 136—154. Авторъ, поклонникъ своего героя, не скрылъ самыхъ ужасныхъ картинъ, хотя онѣ сильно компрометируютъ Франческо. Срв. Capella. De rebus gestis Fr. Sf. Ven. 1535.

(²) Hasse; III, 30.

противъ него положительно враждебное положенie. Теперь оно радо было бы отдѣлаться отъ него, но это оказывалось невозможнымъ. Тогда Сфорца задумалъ измѣнить Милану. Онъ передался Венецiи и рѣшился самовольно сдѣлать мирныя предложенiя дожу въ полной увѣренности, что республика, замѣтно истощенная, не откажется отъ примиренiя. Цѣною своего содѣйствiя онъ ставилъ герцогскую корону Милана. Венецiя должна будетъ выставить 4000 всадниковъ, 2000 пѣхоты и сверхъ того платить ежемѣсячно 13 тысячъ дукатовъ (до 60 тысячъ нашихъ рублей), пока онъ не сдѣлается обладателемъ Милана (1).

Этотъ договоръ Франческо торжественно на смотру прочелъ всему войску. Солдаты готовы были слѣдовать за нимъ. „Миланъ неблагодаренъ и къ вамъ и ко мнѣ, взывалъ онъ своимъ ветеранамъ. У меня республика отнимаетъ Павiю и Кремону; у васъ, — плоды вашихъ трудовъ, вашихъ побѣдъ. За мной, за мной; накажемъ неблагодарный городъ! Венецiя за насъ!“ (2).

Напрасно теперь правительство стало выклянчиваться передъ нимъ; напрасно первые вельможи миланскiе прiѣхали извиняться, уговаривая его забыть прошлое и обѣщая сдѣлать всевозможныя уступки съ своей стороны (cercando con modi rispettosi di giustificare le cose passate, anzi offrendo ogni soddisfazione, salva sempre la repubblica). Непреклонный кондотьеръ, не считая нужнымъ болѣе скрываться, объявилъ рѣшительно, что можетъ примириться съ правительствомъ только тогда, если его назовутъ герцогомъ, а жену его Бланку герцогинею. Депутаты не были уполномочены трактовать о чемъ либо подобномъ. Они оставили лагерь Сфорцы и объявили въ Миланѣ роковую вѣсть объ измѣнѣ перваго полководца и о страшной опасности, которая грозитъ республикѣ съ его стороны.

---

(1) Verri; II, 20.—Странно, что историкъ считаетъ заключенiе трактата дѣломъ секретнымъ (segretamente stipulò un trattato), а послѣ прибавляетъ: «poichè il trattato fu concluso, il conte lo pubblicò nel suo esercito». На самомъ дѣлѣ Сфорца нисколько не старался держать втайнѣ свои переговоры, тѣмъ болѣе, что и скрыть ихъ было невозможно. Срв. Cusani St. di Mil. 1865.

(2) Hasse; III, 31.—Hoyer (II, 31) передаетъ ее нѣсколько иначе. Для исторiи Амвросiанской республики весьма важно изданiе L. Osio (Documenti diplomatici etc.), второй отдѣлъ котораго вышелъ въ 1867 году.

Сопротивленіе миланцевъ.

Здѣсь одинаково и народъ, и аристократія были противъ Франческо; все сплотилось и дружно поклялось мстить общему врагу, грозившему такъ нагло поработить только что возродившуюся свободу. Джьорджьо Лампуньани, старый вельможа, впослѣдствіи сдѣлавшійся измѣнникомъ, а теперь болѣе всѣхъ содѣйствовавшій одушевленію, — увлекательными рѣчами подстрекалъ народъ къ отчаянной битвѣ. Замки были поставлены въ оборонительное положеніе. Гражданъ вооружили въ первый разъ огнестрѣльнымъ оружіемъ; имъ дали мушкеты, тогда очень рѣдкіе и очень плохіе. Если вѣрить миланскимъ лѣтописямъ, то число такихъ стрѣлковъ доходило до 20 тысячъ, а кромѣ того 40 тысячъ было вооружено однимъ холоднымъ оружіемъ.

Не смотря на это, Сфорца имѣлъ основаніе въ близкомъ будущемъ разсчитывать на достиженіе своей цѣли. Его партія въ столицѣ возрастала значительно. Даже верховные члены правительства, какъ люди опытные и прозорливые, ясно видѣли, что герцогская корона не минуетъ головы Сфорцы и потому заранѣе старались снискать его благосклонность [1]. Они успѣли подобрать себѣ вліятельныхъ сторонниковъ во всѣмъ сословіяхъ. Но масса народа энергично стояла за свободу и внимательно слѣдила за измѣною, прорывавшеюся въ столицѣ. Карлъ Гонзаго, главнокомандующій арміями республики, былъ также противъ аристократіи, готовой къ измѣнѣ, но если Гонзаго по видимому держался народа, то никакъ не изъ любви къ свободѣ, а въ надеждѣ, пользуясь близкою сумятицею, самому захватить корону. Онъ предложилъ отправить Лампуньани и Босси, организовавшихъ заговоръ въ пользу приглашенія Сфорцы, къ императору для переговоровъ; самъ же неотступно слѣдилъ за посланными. Въ Комо онъ успѣлъ вызвать Лампуньани на откровенность, притворился его партизаномъ, далъ ему денегъ будто для достиженія общаго дѣла и, получивъ такимъ образомъ улики па лицо, безъ всякаго сношенія съ правительствомъ, велѣлъ солдатамъ схватить обоихъ пословъ и заковать. Въ Монцѣ онъ самовольно казнилъ Лампуньани, голову его послалъ въ Миланъ, а Босси началъ пытать. Не выдержавъ истязаній, Босси открылъ заговорщиковъ. Черезъ нѣсколько дней шестерымъ родовитымъ вельможамъ рубили головы па миланской торговой площади.

---

(1) Verri; II, 22. — Rosmini; Ist. di Milano (1830), II, 140.

Составъ правительства теперь радикально измѣнился. Демократическое начало восторжествовало. Чернь получила большій просторъ дѣйствій. Въ городѣ, предоставленномъ самому себѣ, открылись сильные безпорядки. Безнаказанно совершались убійства и грабежи. Коріо прямо называетъ новое правительство,—„нахальнымъ и разбойническимъ" (1). Но если аристократы не хотѣли видѣть Сфорцу своимъ властителемъ, то демагоги должны были выказать чувства, еще болѣе непріязненныя. Это однако ни мало не опечалило Франческо, вполнѣ увѣреннаго, что рано или поздно, побѣда будетъ непремѣнно на его сторонѣ. Когда Венеція, коварно измѣнивъ ему, заключила въ Брешіи отдѣльный договоръ съ миланскою республикою и отозвала изъ его лагеря свои войска, разсчитывая въ перспективѣ подчинить Миланъ св. Марку,—то Франческо все таки чувствовалъ себя на столько сильнымъ, что готовъ былъ бороться со всѣми своими врагами. Онъ кинулся на венеціанскую территорію, и однимъ ударомъ въ горахъ Бріанцы уничтожилъ обоихъ Малатеста, командовавшихъ войсками республики (ноябрь 1449 года).

Осада и занятіе Милана Сфорцею въ 1450 г.

Наказавъ Венецію и не обращая никакого вниманія на грозное положеніе, занятое Альфонсомъ неаполитанскимъ, Сфорца, нигдѣ не останавливаясь, пошелъ на Миланъ и обложилъ городъ, терзаемый внутри и смутами и голодомъ (декабрь 1449 года). Въ январѣ и февралѣ слѣдующаго 1450 года, недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ сдѣлался въ столицѣ до того ужаснымъ, что тысячи народа стали умирать съ голода. Но никто не думалъ о сдачѣ; на площадяхъ бушевали шумныя сходки; вездѣ говорили, что скорѣе сдадутся „турку или дьяволу", но никакъ не Сфорцѣ (2). Нѣтъ сомнѣнія, что господство Неаполя или Венеціи, миланцы, стѣсненные и истощенные до невозможности, лишенные вмѣстѣ съ тѣмъ всякихъ средствъ къ сопротивленію, безпрекословно бы признали при настоящихъ обстоятельствахъ,— но войскамъ этихъ претендентовъ нельзя было показаться у столицы, плот-

---

(1) Corio, 773.

(2) Verri; II, 24. Для подробностей см. Fr. Bertolini. Il conquisto di Milano per Fr. Sforza dietro i documenti raccolti dal Sickel, nell'archivio di s. Fedele in Milano (Arch. stor. it. XV, II, 30—47, nuova serie, Fir. 1862); впрочемъ эта статья не открываетъ ничего новаго.

но обложенной наемниками Сфорцы. Торжествовавшій Франческо могъ бы легко взять городъ штурмомъ, но онъ искренно щадилъ своихъ будущихъ подданныхъ и къ тому же для него въ сущности ничего не стоило подобное выжидательное положеніе, приближавшее его между тѣмъ лучшимъ путемъ къ желанной цѣли.

Нѣкоторыя изъ государствъ, прежде такъ враждовавшихъ съ Сфорцею, теперь подали ему руку помощи, вполнѣ прозрѣвая исходъ дѣла. Герцогъ савойскій заключилъ съ нимъ союзъ; флорентійская синьорія посылала ему деньги. Между тѣмъ стѣсненное положеніе осажденныхъ миланцевъ дошло до послѣдней крайности. Голодъ бралъ свое. Не только аристократы, но даже многіе изъ демагоговъ поговаривали о сдачѣ. Но большинство демократовъ, а оно всегда имѣло перевѣсъ надъ прочими слоями, по прежнему шумѣло, заправляло всѣмъ и жестоко карало измѣну. Но когда Сфорца успѣлъ склонить на свою сторону нѣсколько сотъ изъ нихъ, то фонды его поднялись значительно. Въ городѣ начался бунтъ; уличная толпа возстала противъ правительства. Мятежники ворвались въ ратушу, разогнали венеціанскихъ пословъ, возвысившихъ было голосъ. На слѣдующій день было назначено валовое народное сходбище въ каѳедральномъ соборѣ. Подъ мраморными стрѣльчатыми сводами открылись пренія довольно спокойныя, видимо сдержанныя. Положено было не расходиться до тѣхъ поръ, пока не рѣшится судьба города. Первое время никто не смѣлъ даже заикнуться о Сфорцѣ; имя страшнаго кондотьера, прослывшаго звѣремъ и безпощаднымъ грабителемъ, страннымъ образомъ было на душѣ у каждаго и ни у кого не дерзало сорваться съ языка. Довольно равнодушно предлагали отдаться Альфонсу, Венеціи, наконецъ папѣ, даже герцогу савойскому и будто совсѣмъ забыли про того, кто назойливо стоялъ подъ стѣнами, кого избѣгнуть было немыслимо. Наконецъ, одинъ изъ популярныхъ вельможъ (in primis dux, vir magnanimus, по словамъ Кандидо Дечембріо), нѣкто Гаспаро ди-Вимеркато, облегчилъ тяжесть, давившую всѣхъ гражданъ. Онъ убѣждалъ сдаться Сфорцѣ, выставляя это какъ горестную необходимость. Передъ гордымъ народомъ онъ являлся ходатаемъ за Франческо, который, по его словамъ, будетъ и на столько уменъ, и на столько умѣренъ, наконецъ на столько благороденъ, что власть его не будетъ слишкомъ обременительною.

Уже одинъ голодъ заставлялъ народъ торопиться и соглашаться на все, ибо иначе пришлось бы умирать страшною смертью....

Волновавшіяся массы головъ пріумолкли и грустно сознали свое жалкое положеніе.... Тотчасъ же нарядили депутацію и отправили ее въ непріятельскій лагерь. Сфорцу приглашали явиться въ столицу и короноваться; не было уже никакихъ оговорокъ. Обрадованный, совершенно счастливый кондотьеръ отправилъ возы хлѣба голодающимъ гражданамъ; въ лестныхъ выраженіяхъ онъ высказывалъ депутаціи свои восторгъ, не скупясь на обѣщанія. Во главѣ своихъ наемниковъ, онъ между тѣмъ спѣшилъ занять цитадель, немедленно приказавъ подвозить къ столицѣ хлѣбные запасы изъ всѣхъ концевъ Ломбардіи. Одинъ изъ главныхъ дѣятелей падшаго правительства, Амброзіо Тривульчіо, думалъ ограничить герцогскую власть предложеніемъ нѣсколькихъ условій. Но Франческо гордо отвергнулъ всякое ограниченіе; онъ не считалъ нужнымъ склоняться на уступки тѣмъ болѣе, что видѣлъ полнѣйшее безпрекословіе со стороны народа. Вечеромъ, 26 февраля 1450 года, Сфорца съ женою имѣлъ торжественный въѣздъ въ свою столицу и густыя толпы привѣтствовали новаго государя восторженными кликами....

---

5) Паденіе Византійской имперіи.—Венгерцы и поляки за Балканами. Битва подъ Варной и на Коссовомъ полѣ. Попытки церковной уніи. Взятіе Константинополя турками и упроченіе турецкой власти на Балканскомъ полуостровѣ.

Султанъ Мурадъ II (1421-51 г.).

Мы оставили турокъ во время самого рѣшительнаго наступленія ихъ на христіанскій міръ. Султанъ Мурадъ II уже упрочился на Балканскомъ полуостровѣ. Его столица была въ Адріанополѣ. Независимой Болгаріи, Сербіи и Босніи болѣе не существовало. Владѣнія императора византійскаго ограничивались только Пелопоннесомъ, Ѳессаліей и небольшой полосой земли около столицы. Входы и выходы въ проливы, благодаря укрѣпленіямъ на азіатскомъ берегу, были во власти турецкаго флота, который не отличался качествомъ, но былъ внушителенъ многочисленностью шлюпокъ и бригантинъ. Но Мурадъ II, сынъ Магомета I, вступившій на престолъ въ 1421 году, еще не рѣшался напасть на Византію, хотя съ перваго же года своего правленія всталъ во враждебныя отношенія къ грекамъ, благодаря заносчивой политикѣ императора Мануила I. При византійскомъ дворѣ проживалъ дядя молодаго султана Мустафа, который считалъ за собою право опоясаться мечемъ халифовъ послѣ своего брата Магомета. Онъ послужилъ орудіемъ интригъ императора. Мануилъ гордымъ тономъ потребовалъ отъ Мурада выдачи въ заложники двухъ его малолѣтнихъ братьевъ; въ противномъ случаѣ грозилъ выпустить Мустафу и произвести волненія. Когда Мурадъ II отказалъ, то императоръ исполнилъ свою угрозу. Подъ условіемъ возвращенія имперіи Галлиполи, въ случаѣ достиженія султанской власти, Мустафа получилъ свободу. Онъ быстро нашелъ приверженцевъ; власть Мурада II поколебалась. Султанъ отправилъ янычаръ изъ Азіи противъ Мустафы, но увидавъ передъ собою брата покойнаго властителя, янычары какъ одинъ человѣкъ передались претенденту и выдали своего вождя, который былъ немедленно обезглавленъ. Янычары — или по-турецки еничари (т. е. новые воины, набираемые изъ потурченныхъ христіанъ),—это счастливое созданіе Оркана,— съ половины XIV вѣка составляли главную силу султановъ. Мурадъ II, пораженный такою неудачею, растерялся на первое время и даже вступилъ въ переговоры съ императоромъ Мануиломъ, предлагая свой союзъ, но тотъ настоятельно требовалъ выдачи малолѣтнихъ братьевъ, разсчитывая этимъ впредь держать султана въ зависимости

отъ себя. На это Мурадъ не согласился и рѣшился продолжать борьбу съ дядей, затаивъ непримиримую злобу противъ императорскаго двора. Въ этой обострившейся ненависти, которую Мурадъ II передалъ своему сыну, скрывались обстоятельства, ускорившія паденіе Византіи.

Мустафа переправился въ Азію. Послѣднія удачи внушили ему увѣренность въ побѣдѣ и излишнее самомнѣніе. Онъ скоро убѣдился въ обманчивости своихъ надеждъ. Оба соперника сошлись вблизи Олимпа. Здѣсь воины Мустафы съ такою же легкостью передались султану, какъ прежде перебросились на сторону претендента. Лишь съ немногими дружинами Мустафа вернулся въ Европу. Мурадъ, энергично преслѣдуя его, переправился на генуезскихъ судахъ черезъ Дарданеллы, вновь занялъ Галлиполи, перерѣзалъ тамошній гарнизонъ, разбилъ и обратилъ въ бѣгство Мустафу, и сопровождаемый 2000 услужливыхъ генуезцевъ вступилъ побѣдителемъ въ Адріанополь. Мустафа былъ взятъ въ плѣнъ и повѣшенъ.

Осада Царьграда въ 1422 г.

Теперь султанъ спѣшилъ наказать императора. Напрасно Мануилъ засылалъ пословъ къ Мураду II, напрасно онъ отказывался отъ прежнихъ требованій и изъявлялъ готовность жить въ мирѣ съ султаномъ. Мурадъ отвѣтилъ, что онъ отвѣтъ принесетъ самъ. Скоро 20 тысячъ турокъ появилось у стѣнъ Византіи. Это былъ только передовой отрядъ. Населеніе было въ отчаяніи. Но часъ паденія Константинополя еще не пробилъ.

Мурадъ II сдѣлалъ серьезныя приготовленія къ покоренію Византіи, но онъ ошибся въ одномъ, самомъ существенномъ. Когда онъ привелъ главныя силы, окрестности столицы были уже опустошены его передовыми полчищами, которыя обезлюдили всю мѣстность своимъ дикимъ звѣрствомъ, истязаніями, грабежемъ, пожарами. Султанъ долженъ былъ спѣшить штурмомъ. Онъ устроилъ много осадныхъ метательныхъ машинъ, а прежде всего велѣлъ насыпать высокій валъ противъ городской стѣны со стороны материка. Надо замѣтить, что главная часть стараго Константинополя, омываемаго съ юга Мраморнымъ моремъ, съ востока водами Золотаго Рога, а съ запада обнесенная двойною стѣной, имѣла видъ треугольника, вершина котораго была на сѣверѣ. На углахъ высились укрѣпленные замки: на западномъ у моря Циклобіонъ

или Пентапиргіонъ (пятибашенный), тамъ гдѣ теперь Семибашенный замокъ, на сѣверномъ у гавани, — Синегіонъ (Влахерна), на юговосточномъ — Акрополь, замокъ св. Димитрія, гдѣ теперь расположены дворцы Сераля. Усилія турокъ на этотъ разъ были направлены на ворота св. Романа, т. е. среднія изъ пяти воротъ двойной крѣпостной стѣны со стороны материка.

Въ то время когда мусульмане, одушевленные надеждой на добычу, обѣщанную имъ султаномъ и фанатизированные своими муллами, готовились штурмовать крѣпостныя стѣны Византіи, императоръ Мануилъ былъ въ крайне болѣзненномъ состояніи. Слабость привязывала 75-лѣтняго старца къ постели; его отвыкли видѣть во главѣ войска. Дворецъ былъ погруженъ въ безграничную печаль, которая еще усиливалась печальными предчувствіями и опасеніями. Вельможи и приближенные оплакивали самихъ себя и близкихъ. Скоро неистовые крики мусульманъ, взывавшихъ къ Аллаху, огласили воздухъ и достигли до покоевъ дворца. Имъ отвѣчали возгласы христіанъ, призывавшіе Христа и Богоматерь. Отчаянная рѣзня уже началась на стѣнахъ столицы. Турки были опрокинуты. Они спѣшили возобновить усилія. Вдругъ послѣдовало приказаніе султана остановиться и готовиться къ отступленію. Мурадъ II получилъ извѣстіе, что въ Малой Азіи вновь появился его дядя Мустафа, который будто бѣжалъ отъ висѣлицы и теперь призывалъ къ бунту города Анатоліи. Почти чудомъ спаслась Византія отъ неминуемой гибели. Греки видѣли въ этомъ заступничество Богоматери, которая, какъ говорили, своимъ внезапнымъ появленіемъ въ роковую минуту смутила турокъ и обратила ихъ въ бѣгство. Удаляясь отъ стѣнъ Константинополя, султанъ заключилъ съ императоромъ соглашеніе, въ силу котораго имперія уплачивала небольшую ежегодную дань, уступала города по Стримону и послѣдніе прибрежные пункты на Черномъ и Мраморномъ моряхъ. Это соглашеніе стало обязательнымъ и для преемника Мануила, императора Іоанна II.

Турки въ Венгріи.

Теперь, кромѣ столицы и Пелопоннеса, только Силиврія, Деркосъ и Солунь принадлежали имперіи. Когда Мурадъ II уничтожилъ силы мнимаго Мустафы въ Азіи, и повѣсилъ самозванца, то онъ послѣ кровопролитнаго штурма отнялъ и Солунь, гдѣ давно стоялъ венеціанскій гарнизонъ. Лати-

пяне спаслись на галерахъ; греки были частію перерѣзаны, частію взяты въ плѣнъ, при чемъ церкви были или осквернены или обращены въ мечети, мощи, почивавшія въ нихъ истреблены, а городъ заселенъ мусульманами изъ Азіи. Тогда же Мурадъ II отнялъ отъ своего ставленника, сербскаго краля Григорія Бранковича (сына Стефана Лазаревича) Крушевацъ, наложивъ на него новую дань. Когда Георгій согласился выслать въ гаремъ султана свою дочь, то онъ получилъ позволеніе выстроить крѣпость Семендрію на Дунаѣ. Впрочемъ на любезности сербскаго вассала Мурадъ II мало обращалъ вниманія и свободно проходилъ черезъ его земли къ берегамъ Дуная. Здѣсь, подъ защитою той же Семендріи, онъ въ 1438 году переправился у Желѣзныхъ воротъ черезъ Дунай и въ первый разъ полчища турокъ появились въ предѣлахъ Венгріи, которую съ тѣхъ поръ не переставали посѣщать эти страшные въ то время гости. Турки на этотъ разъ проникли до Кронштадта, опустошили значительную часть Трансильваніи и увели оттуда 70 тысячъ плѣнныхъ. Георгій Бранковичъ, заподозрѣнный султаномъ въ тайномъ содѣйствіи венгерцамъ и пытавшійся скрыться бѣгствомъ, былъ схваченъ; ему выкололи глаза. Турки расположились въ Сербіи.

Тогда Венгрія нашла поддержку въ королѣ польскомъ Владиславѣ, которому скоро выпала на долю венгерская корона, а также въ императорѣ Сигизмундѣ. Оба государя уклонились отъ всякихъ переговоровъ съ Мурадомъ II, не смотря на всѣ заискиванія султана, который видимо смущался рискомъ войны въ средней Европѣ въ виду соединенныхъ силъ христіанства. Съ другой стороны личное самолюбіе побуждало султана покончить съ венгерцами. Послѣдніе нашли отважнаго защитника въ лицѣ геройскаго вождя Іоанна Гуніада. Когда турки въ 1442 году еще разъ попытались вторгнуться въ Трансильванію и осадили Германштадтъ, то Гуніадъ разбилъ ихъ подъ стѣнами этого города. Турецкая армія, потерявъ до 20 тысячъ человѣкъ, быстро отступила въ Валахію. На слѣдующій годъ султанъ отправилъ новыя войска въ Валахію, но Гуніадъ вторично разбилъ ихъ у Возага, взявъ 5000 плѣнныхъ, которыхъ венгерцы не щадили и большею частью перерѣзали. Побѣдители ликовали. Они рѣшились перейти въ наступленіе. Имъ казалось, что время турецкаго могущества миновало.

Между тѣмъ оно только что начиналось. Въ испытаніяхъ и неудачахъ въ началѣ 40-хъ годовъ этого вѣка, Мурадъ II какъ бы почерпалъ новыя силы.

Когда венгры и поляки, подъ начальствомъ Гуніада, который руководилъ дѣлами отъ имени короля Владислава, переправившись черезъ Дунай у Семендріи, вступили въ Сербію, то славянское населеніе поднялось и свергнуло турецкое владычество. Казалось, это грозило большою опасностью для турокъ. Мурадъ II двинулся впередъ и пытался остановить христіанъ у Ниша, но здѣсь 3 ноября 1443 года потерпѣлъ жестокое пораженіе и отступилъ за Балканы.

Переходъ Гуніада черезъ Балканы въ дек. 1443 г.

Начиналось зимнее время года. Снѣгъ покрывалъ скаты и вершины горъ, дѣлая крайне затруднительными всякія передвиженія. Венгерцы и поляки были въ первый разъ въ этихъ мѣстахъ, но сербы хорошо знали край и всѣ тропинки, которыя вели къ переваламъ. Ихъ проводники повели Гуніада, который рѣшилъ перевалить за Балканы, пользуясь паникой турокъ. Тѣмъ самымъ путемъ, которымъ спустя 434 года шли русскія отборныя войска на Софію черезъ засыпанныя снѣгомъ ущелья Балканъ,—тамъ, вздымаясь на крутизны и скользя въ глубокіе овраги, таща за повода своихъ коней, съ страшными лишеніями пробирались венгерцы и поляки въ концѣ ноября и въ декабрѣ 1443 года по указанію сербскихъ проводниковъ. Гуніадъ держался Ташкиссена, направляясь къ Златицкому перевалу, такъ какъ Ихтиманскій проходъ былъ запертъ крѣпкою стѣною. Хотя Златица была заграждена каменными завалами и цѣлыя ледяныя поля представляли непреодолимую преграду, но наканунѣ Рождества 1443 года Гуніадъ достигъ высотъ и, прорвавшись черезъ перевалъ, сталъ спускаться къ Софіи, которая послѣ горячей битвы въ Рождественскій сочельникъ была занята христіанами. Турки бѣжали, но вновь пытались сопротивляться у Яловицъ, предводимые самимъ султаномъ. Гуніадъ снова побѣдилъ, но вмѣсто того чтобы продолжать преслѣдовать ошеломленныхъ турокъ, повернулъ назадъ именно тогда, когда только шесть дней пути отдѣляло его отъ Византіи. Турецкое владычество, которое было близко къ гибели, благодаря такому неразгаданному поступку Гуніада, теперь могло вновь окрѣпнуть, а звѣзда Царьграда, который въ волненіи ожидалъ рѣшенія своей участи, стала близка къ закату.

Гуніадъ, не умѣя пользоваться обстоятельствами, являлся изъ врага спасителемъ турокъ.

Перемиріе и разрывъ.

Тогда счастье покинуло его и того государя Польши и Венгріи, котораго онъ опекалъ. Султанъ перемѣнилъ свою тактику. Онъ сталъ собираться съ силами и, нуждаясь въ отдыхѣ, заключилъ 10-лѣтнее перемиріе съ Гуніадомъ, предоставивъ венгерскому королю Владиславу Валахію, а Георгію Бранковичу Сербію и Герцеговину, подъ условіемъ платежа дани королю венгерскому и польскому. Для христіанъ не было ничего выгоднѣе этихъ условій. Оставалось твердо держаться договора, скрѣпленнаго клятвами на Евангеліи и Коранѣ, но настоянія кардинала Чезарини, сопутствовавшаго войску, легкомысліе молодаго короля и неумѣстное увлеченіе самого Гуніада погубили общее дѣло христіанъ.

Въ то самое время, когда венгерцы и поляки пожинали военные лавры за Балканами, произошло общее движеніе среди грековъ, которые напрягли послѣднія усилія въ надеждѣ свергнуть турецкое иго. Императоръ уже двинулся во Ѳракію, а итальянская флотилія поджидала побѣдителей на берегахъ Геллеспонта, чтобы принять ихъ на свои суда и разгромить берега Анатоліи. Узнавъ объ этомъ, кардиналъ Юліанъ Чезарини, высокообразованный гуманистъ, дѣятельный прелатъ, одушевленный ненавистью къ туркамъ, употребилъ всѣ усилія, чтобы разорвать соглашеніе и возобновить войну. Если онъ прежде былъ противъ мира, то тѣмъ болѣе теперь возставалъ противъ дружбы съ невѣрными, когда узналъ о движеніи среди грековъ и о дѣйствіяхъ союзниковъ. Клятву, данную невѣрнымъ, онъ считалъ недѣйствительною и именемъ первосвященника разрѣшалъ отъ нея. Въ то же время онъ съ благороднымъ порывомъ взывалъ къ возвышеннымъ чувствамъ христіанъ, которые не должны отдавать на жертву туркамъ своихъ греческихъ единовѣрцевъ. Первый разъ—уже на закатѣ среднихъ вѣковъ — католическій прелатъ не считалъ православныхъ схизматиками, хотя греки въ подавляющемъ большинствѣ, держась вѣры предковъ, не приняли уніи, проектированной на флорентійскомъ соборѣ. Гуніадъ, который королемъ Владиславомъ за великія заслуги христіанству былъ возведенъ въ санъ великаго воеводы Трансильваніи, вмѣсто того чтобы хладнокровно обсудить доводы прелата, далъ увлечь себя и своего короля. Есть извѣстіе,

что онъ разсчитывалъ быть болгарскимъ королемъ, ибо союзники имѣли въ виду прежде всего освободить Болгарію отъ турокъ.

А между тѣмъ въ это самое время Мурадъ II, утомленный послѣдними испытаніями, думая объ отдыхѣ, удалился въ Магнезію. Онъ намѣревался уже передать престолъ еще при жизни своему 14-лѣтнему сыну Магомету; съ этою цѣлью онъ приставилъ къ нему надежныхъ руководителей, чтобы ознакомить его съ положеніемъ государства. Прежде чѣмъ султанъ устроился въ своемъ уединеніи, онъ долженъ былъ спѣшить въ Европу. Гуніадъ съ небольшимъ, но отборнымъ войскомъ, въ рядахъ котораго были послѣдніе рыцари Венгріи, Франціи и Германіи, вмѣстѣ съ валахами, отличавшимися только разбоями, переправившись у Никополя, шелъ по правому берегу Дуная, намѣреваясь проникнуть самымъ удобнымъ проходомъ за Балканы, а именно между восточными отрогами хребта и моремъ. По пути рыцари раззоряли болгарскія церкви и жгли селенія, показывая тѣмъ сколь мало общаго между широковѣщательными фразами Чезарини и дѣйствительнымъ настроеніемъ католическаго воинства. Быстро двигался Гуніадъ, но еще быстрѣе спѣшили съ юга турецкія войска, во главѣ которыхъ внезапно явился самъ султанъ, покинувшій свое кратковременное отдохновеніе. Когда венгерцы приступомъ взяли Балчикъ и подошли къ Варнѣ, которую избрали своимъ операціоннымъ базисомъ,—то турки въ числѣ 40 тысячъ уже предупредили ихъ и загородили путь, расположившись въ укрѣпленномъ лагерѣ (1). Совершенно неожиданное появленіе Мурада, казавшееся невозможнымъ, разстроило всѣ планы Гуніада. Разсказываютъ, что султанъ велѣлъ нести впереди войска свертокъ договора, воткнутый на копьѣ, разсчитывая этимъ смутить совѣсть христіанъ. Онъ громко молился Аллаху, призывая не только Бога, но и пророка Іисуса противъ тѣхъ клятвопреступниковъ, которые позорятъ его святое имя.

Битва подъ Варной въ 1444 г.

Гуніада смущали не укоры совѣсти, а неравенство силъ, при которомъ приходилось принимать бой. Сравнительно опытныхъ воиновъ у христіанъ было менѣе, чѣмъ тѣлохра-

(1) Варна — колонія Милета—была основана около 750 г. до Р. Х. и прежде называлась Одессъ, въ честь Улисса.

пителей при особѣ султана. Гуніадъ готовъ былъ отступить, но король, увлеченный рѣчами кардинала, приказывалъ начинать бой, заявляя готовность умереть за дѣло Христово. Въ началѣ венгерцы имѣли успѣхъ. Отъ стремительнаго налета европейскихъ латниковъ, предводимыхъ Гуніадомъ, турецкіе ряды дрогнули и побѣжали, увлекая за собою Мурада. Смѣло одинъ старый янычаръ схватилъ за узды коня султана и насильно поворотилъ его противъ непріятеля. Янычары сплотились около Мурада и образовали непреоборимую живую стѣну. Тогда Владиславъ, увлеченный своею горячностью, пустился въ атаку во главѣ небольшой дружины венгровъ. Онъ былъ раненъ и упалъ съ коня; янычары отрубили ему голову и надѣли на копье. Тогда христіане смутились и обратились въ бѣгство. Гуніадъ, вернувшійся съ большими потерями послѣ преслѣдованія турецкой конницы, уже былъ не въ силахъ удержать своихъ и уравновѣсить условія боя. Онъ поспѣшилъ отступить съ валахами, пожертвовавъ лагеремъ, тяжестями и артиллеріей. Но храбрые венгерскіе рыцари не хотѣли отступать; потерявъ короля, они рѣшились лечь костьми, окружили себя повозками и продолжали сражаться на другой день. Они пали до послѣдняго человѣка; никто изъ нихъ не сдался. Султанъ гордился количествомъ рыцарскихъ доспѣховъ, которые покрывали поле сраженія и которые онъ велѣлъ собрать, чтобы показать азіатскимъ побѣдителямъ съ какими могучими воинами онъ сражался подъ Варной. Венгерцы потеряли около 10 тысячъ; турки столько же, если не болѣе, но для султана это количество павшихъ не имѣло никакого значенія (1). Кардиналъ Чезарини, виновникъ несчастія, этотъ высокодаровитый ораторъ и прелатъ, человѣкъ,

(1) Подробности хроникеровъ: Callimachus (настоящее итальянское имя его Philippo Buonacorsi). — II. de rege Vladislao IV seu clade Varnensi libri tres (Aug. Vind. 1519, Fr. 1573, y Bongars, rerum Hung scrp.), который († 1496 г.) слышалъ многое отъ участниковъ. Bonfinius Asculanus († 1502 г.) — Rerum Hung. decades 1. 45, — изложеніе доведено до 1502 г. (Виз. 1568). Оба они жили въ Польшѣ и Венгріи. Грекъ Chalcondilas жилъ во второй половинѣ XV вѣка и принималъ живое участіе въ современныхъ политическихъ движеніяхъ. Его—De rebus Turcorum et de imperii Graccorum interitu 1. X (лучшее изд. Par. 1650 и въ Нибуровскомъ Bonn, 1843 г.) доведено до 1462 года. Послѣдній былъ, какъ всѣ византійцы выдающимся историкомъ. Онъ существенно важенъ для времени распаденія Византійской имперіи и взятія Константинополя турками.

обладавшій высокимъ умомъ и симпатичнымъ характеромъ, одинъ изъ немногихъ людей, которыхъ цѣнятъ и друзья и враги,—былъ въ плѣну. Его кончина была мученическая; ею онъ искупилъ свое увлеченіе (¹).

Послѣдствія битвы подъ Варной были весьма существенныя. Мурадъ II въ послѣднее время почувствовалъ свою слабость и уже въ значительной степени сузилъ кругъ своей политики. Покореніе Византіи послѣ неудачъ въ Венгріи и погромовъ нанесенныхъ ему Гуніадомъ, было отложено на неопредѣленное время. Сербія, Герцеговина и Валахія сбросили мусульманское иго; то же улыбалось Болгаріи. Теперь все перемѣнилось. Султанъ потерялъ вѣру въ клятву христіанъ; всѣ договоры лишались своей силы. Предстояло покончить съ послѣднимъ оплотомъ имперіи,—ея древней столицею, этимъ вторымъ Римомъ. Это дѣло Мурадъ II, уда-

(¹) Прекрасно характеризуетъ этого глубоко симпатичнаго прелата проф. Падлеръ. «Изъ бѣднѣйшихъ условій жизни, благодаря только своему святому рвенію и желѣзному трудолюбію, онъ достигъ до высочайшей степени въ христіанствѣ. Но счастіе не сдѣлало его высокомѣрнымъ и рѣзкимъ въ отношеніи къ низшимъ. Рѣдкое смѣшеніе кротости и сознанія своего достоинства, чисто свѣтской тонкости обращенія и пламеннаго энтузіазма ко всему высокому, составляли основы его характера. Все, что онъ ни дѣлалъ, казалось прекраснымъ и достойнымъ удивленія; его манера говорить казалась всѣмъ блестящимъ образцомъ; многіе силились подражать ему, но ни у кого слова не шли такъ прямо отъ сердца, какъ у Чезарини. Онъ былъ основательнымъ знатокомъ каноническаго и папскаго права, но никто менѣе его не думалъ блистать этимъ знаніемъ въ безчисленныхъ и тяжелыхъ цитатахъ. Подобно д'Альи и Герсону, онъ чаще всѣхъ обращался къ Библіи, но онъ былъ далекъ отъ узкаго ригоризма, отъ страсти заподозрѣвать всякаго въ ереси; его гуманная человѣколюбивая натура съ отвращеніемъ отварачивалась отъ всякихъ инквизиторскихъ обязанностей. Добрая воля и христіанская любовь казались ему первѣйшими и существеннѣйшими обязанностями. Съ помощію ихъ онъ побѣдилъ упорство гуситовъ, съ помощію ихъ онъ надѣялся достигнуть желаемаго примиренія съ греками, ими онъ надѣялся предотвратить разрывъ между соборомъ и папою. Но когда это послѣднее не удалось ему, онъ, нисколько не колеблясь, покинулъ Базельское собраніе, отъ котораго такъ много ожидалъ, но которое не соотвѣтствовало теперь болѣе его надеждамъ и стремленіямъ. Съ такимъ же жаромъ ухватился онъ за новую дѣятельность: борьба съ турками занимала его до конца жизни и что онъ понималъ эту борьбу не такъ, какъ другіе кардиналы и папы, это доказываетъ его мученическая смерть на полѣ битвы». Баз. соборъ, 19—20.

лившійся снова на покой въ Магнезію, завѣщалъ своему сыну Магомету II. Онъ воспитывался на глазахъ отца, котораго продолжали отвлекать политическія событія, приближавшія паденіе имперіи.

Разрушеніе Коринѳа и вторженіе турокъ въ Пелопоннесъ.

Одинъ изъ семи сыновей императора Мануила, Константинъ, засѣлъ въ Пелопоннесѣ, который намѣревался обезопасить отъ турецкихъ владѣній прочной стѣной, заграждавшей Коринѳскій перешеекъ. Онъ уже владѣлъ самымъ Коринѳомъ, Спартой, Ѳивами. Историкъ тѣхъ событій, Халкондиласъ явился посломъ къ Мураду II, испрашивая отъ имени молодаго Константина согласіе султана на самостоятельное обладаніе Мореей. Султанъ отказалъ, а когда узналъ, что Константинъ, не взирая на его запрещеніе, продолжаетъ укрѣпляться, двинулся на него съ 60-тысячной арміей. Подойдя къ перешейку, Мурадъ II потребовалъ пропуска и покорности. Константинъ отказалъ. Турки подвезли къ стѣнамъ метательныя машины, заложили мины и провели подземныя галереи. Черезъ недѣлю они полѣзли на приступъ, проникли въ бреши и перерѣзали защитниковъ, которые всѣ пали мертвыми въ этихъ новыхъ Ѳермопилахъ. Немногіе предпочли бѣгство смерти. Турки разрушили Коринѳъ и наводнили Пелопоннесъ. Константинъ смирился и обѣщалъ платить дань. Послѣдствіемъ этой неравной борьбы было опустошеніе прекрасной страны и уводъ 60 тысячъ плѣнныхъ. Морея пользовалась номинальною независимостью до 1459 года, когда уже сынъ Мурада II, Магометъ II, послѣ новаго похода, ознаменовавшагося нечеловѣческими жестокостями, окончательно присоединилъ ее къ своимъ владѣніямъ.

Послѣдняя попытка Гуніада.

Этотъ урокъ не исправилъ Гуніада. Послѣ гибели Владислава, онъ назначенъ былъ намѣстникомъ королевства. Онъ не могъ простить Мураду своего пораженія и рѣшился возобновить войну. Его энергія и неутомимость не имѣли предѣловъ. Турецкіе ветераны говорили, что они всегда видятъ его передъ собою и не даромъ прозвали этого „бѣлаго рыцаря“ христіанъ „проклятымъ“,—„Янко-Лайнъ“. Чѣмъ большія опасности грозили его родинѣ, тѣмъ онъ крѣпче казался духомъ, тѣмъ большая самоувѣренность проявлялась въ его дѣйствіяхъ. Опять онъ не соразмѣрилъ свои слабыя силы съ громадными средствами противника.

Битва на Коссовомъ полѣ (29 окт. 1448 г.)

Онъ съ 20 тысячью венгровъ, валаховъ и нѣмцевъ вступилъ въ Сербію, вытѣснилъ мелкіе турецкіе отряды и расположился на знаменитомъ Коссовомъ полѣ. Мурадъ II двинулся противъ него съ 60 тысячами янычаръ, но остановился и повелъ рѣчь о мирѣ. Гуніадъ отвергъ переговоры. Мурадъ раздавилъ его массой своей пѣхоты, но герой оборонялся до третьяго дня и отступилъ съ ничтожнымъ остаткомъ, и то тогда только, когда валахи ему измѣнили и передались султану. Туркамъ дорого стоило эта побѣда, дороже чѣмъ когда-то здѣсь же падъ царемъ Лазаремъ; третьей доли арміи не существовало, но теперь Мурадъ II и его преемникъ могли не бояться Гуніада.

Защита Бѣлграда и смерть Гуніада.

Спасаясь въ лѣсахъ Валахіи, преслѣдуемый, онъ былъ захваченъ двумя разбойниками; ему предстояло погибнуть. Не теряя присутствія духа, пока злодѣи, уцѣпившись за его золотую цѣпь, спорили изъ за нея, онъ убилъ одного, а другаго обратилъ въ бѣгство. Его считали на родинѣ погибшимъ; потому появленіе его было совершенною неожиданностью. Оно было важно именно теперь, когда турецкія силы, двигаясь впередъ, грозили вторгнуться въ Венгрію. Но турки скоро повернули назадъ. Венгрія и Валахія могли вздохнуть свободнѣе. Старый султанъ искалъ успокоенія. Арабскій лѣтописецъ назидательно замѣчаетъ, что онъ умеръ легко, безъ страданій, потому что „любилъ бѣдныхъ и держалъ клятвы". Но когда честолюбивый сынъ Мурада II, Магометъ II покорилъ Византію, то, подчиняя своей власти всѣ народы Балканскаго полуострова, молодой воитель вошелъ въ 1456 году въ предѣлы Сербіи, служившей теперь передовою областью Венгріи. Тогда Гуніадъ организовалъ сопротивленіе и задержалъ султана надъ стѣнами Бѣлграда. Здѣсь при защитѣ города дѣятельно помогалъ осажденнымъ францисканскій монахъ Капистрано, проявившій замѣчательныя инженерныя познанія. Болѣе мѣсяца простояли турки подъ Бѣлградомъ; наконецъ искусство Гуніада и его сотрудника заставило ихъ отступить. Гуніадъ вернулся въ Венгрію и черезъ мѣсяцъ скончался. Признательные венгерскіе чины избрали королемъ его сына, высокообразованнаго Матвѣя Корвина, друга и ученика гуманистовъ. Магометъ II сожалѣлъ, что Аллахъ не далъ ему счастья отмстить самому непримиримому и самому страшному врагу его самого и его отца.

Скандербегъ (1403-66 г.).

Онъ вновь нашелъ неутомимаго и безпощаднаго соперника въ лицѣ Георгія Кастріота, сына эпирскаго деспота. Когда-то онъ вмѣстѣ съ тремя своими братьями, послѣ покоренія турками Эпира и Албаніи, былъ взятъ въ заложники ко двору султана. Мальчикъ Георгій особенно понравился падишаху; его обратили въ мусульманство, обучили военному искусству и по достиженіи совершеннолѣтія ввѣрили ему управленіе однимъ изъ санджаковъ. Братья его были замучены турками въ плѣну. Онъ обратилъ на себя вниманіе своею храбростью; турки прозвали его — Iskender-beg, Скандербегомъ (т. е. княземъ Александромъ). Ему довѣряли при дворѣ, но, не взирая на его просьбу, не возвратили наслѣдственнаго достоинства деспота. Тогда Георгій затаилъ мщеніе и при первомъ случаѣ бѣжалъ въ лѣса Албаніи, чтобы передаться христіанамъ, которые продолжали на берегахъ Дрины еще сопротивляться турецкой власти. Ставъ во главѣ ихъ, Георгій сдѣлался страшнымъ для турокъ. Онъ вновь принялъ христіанство, повелъ безпощадную партизанскую войну и впродолженіи 30 лѣтъ, начиная съ 1443 года, наводилъ трепетъ на самыхъ храбрыхъ янычаръ, которые считали его непобѣдимымъ и неуязвимымъ. Такимъ онъ былъ въ дѣйствительности. Его личность въ глазахъ турокъ разрослась во что-то необычайное и стала достояніемъ легенды. Онъ отличался, кромѣ изумительной храбрости и отваги, замѣчательною изворотливостью, находчивостью, которая выручала его въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ и замѣняла недостатокъ силъ и средствъ. Онъ сталъ грозою мусульманъ съ перваго дня своего успѣха. Его операціи на флангѣ турецкихъ силъ не разъ парализовали планы преемника Мурада II противъ Византіи и отдалили на нѣсколько лѣтъ взятіе Константинополя. Въ 1443 году онъ былъ уже обладателемъ всего Эпира. Онъ созвалъ всѣхъ окрестныхъ, еще независимыхъ владѣтелей, чтобы возбудить ихъ противъ турокъ. Между прибывшими былъ и черногорскій князь Степанъ Черноевичъ съ сыновьями. Тогда было созвано многочисленное христіанское ополченіе, наскоро набранное, не обученное, недостаточно дисциплинированное, но одушевленное однимъ геройскимъ духомъ и ненавистью къ невѣрнымъ. Оно содержалось на контрибуціи и на доходы съ соляныхъ копей въ Селинѣ, которыя захватилъ Скандербегъ. Въ рядахъ этого воинства встрѣчались авантюристы изъ Франціи и Германіи

рядомъ съ убѣжденными людьми, исполненными ненависти къ невѣрнымъ. Во главѣ этого воинства всталъ Скандербегъ, который разбилъ турокъ при первомъ столкновеніи. Съ тѣхъ поръ счастье не оставляло въ теченіе 20 лѣтъ бывшаго ренегата. Всѣ попытки турокъ вытѣснить Скандербега изъ Эпира оставались тщетными. Онъ наносилъ имъ пораженіе за пораженіемъ. Наконецъ самъ султанъ, еще разъ оставивъ свое уединеніе, выступилъ противъ него съ огромнымъ войскомъ.

Скандербегъ тогда прибѣгнулъ къ партизанской войнѣ; неожиданно по ночамъ онъ появлялся среди турокъ, производилъ панику въ лагерѣ, рѣзалъ враговъ гдѣ только могъ. Когда Мурадъ II, послѣ неудачной осады Кройя, столицы Скандербега, получивъ извѣстіе о смерти императора Іоанна II Палеолога, поспѣшилъ въ Адріанополь, то неутомимый противникъ, преслѣдуя его разсыпнымъ отрядомъ, въ горахъ нанесъ ему жестокое пораженіе. Съ тѣхъ поръ „проклятый" рыцарь, убившій своей рукой чуть не 3000 мусульманъ, сталъ предметомъ ужаса для турокъ, пока обстоятельства не заставили его укрыться на территоріи венеціанской республики. Его именемъ турчанки пугали своихъ дѣтей, а когда турки много лѣтъ спустя завладѣли Лиссой, гдѣ онъ былъ похороненъ, то враги, осквернивъ гробницу героя, по косточкамъ разобрали его скелетъ и изъ этихъ останковъ понадѣлали амулеты, которые будто обладали способностью дѣлать неуязвимымъ человѣка [1]. Христіане, долго находившіеся подъ обаяніемъ его подвиговъ, называли его то „Великимъ", то Александромъ Македонскимъ.

Императоръ Константинъ XI (1450-53 г.).

Мурадъ II рѣшилъ не обращать вниманія на набѣги Кастріото, пока не уладитъ отношенія съ Византіей. Іоаннъ II Палеологъ былъ „послѣднимъ" императоромъ, при которомъ имперія, хотя была при послѣднемъ издыханіи, еще не дѣлилась и представляла нѣчто единое. Его смерть открывала просторъ

---

(1) Біографы украсили легендами жизнь Кастріото. Еще въ 1524 году вышелъ въ Римѣ цѣлый фоліантъ, посвященный его памяти. Затѣмъ наиболѣе распространенныя біографіи: Barlesio (De vita et moribus ac rebus adversus Turcas gestis G. Castrioti, qui propter celeberrima facinora Scanderbegus, hoc est Alexander Magnus cognominatus fuit; 1537, Arg. 1743, Zagr., переведено на разные языки). — Pontanus von Breitenberg (Fr. 1609), S. Pufendorf (St. 1684). — Dupoucet (P. 1709). — Le grand Castrioto, roi d'Albanie (Fr. 1779).

интригамъ при византійскомъ дворѣ; въ нихъ приняла участіе вдовствующая императрица, которая непремѣнно желала видѣть на престолѣ любимаго сына своего Димитрія, а не старшаго Константина, находившагося въ отсутствіи. Димитрій указывалъ на свое рожденіе отъ вѣнчаннаго императора, но Ѳома, младшій изъ братьевъ, отстоялъ права Константина и обратился къ султану за содѣйствіемъ, отправивъ къ нему пословъ. Мурадъ II одобрилъ избраніе Константина, но это одно доказывало фактическую зависимость послѣднихъ императоровъ Византіи отъ султановъ. Константинъ отказался отъ Пелопоннеса въ пользу своихъ братьевъ и, воцарившись въ Византіи, приложилъ всѣ усилія къ сохраненію имперіи.

Спустя два года, Мурадъ II умеръ и султаномъ былъ провозглашенъ его сынъ Магометъ II, которому было всего 21 годъ и которому суждено было водворить луну на куполѣ св. Софіи.

Султанъ Магометъ II (1451-81 г.).

Памятники христіанскіе и мусульманскіе совершенно противоположно относятся къ личности Магомета II. Подъ перомъ однихъ — это кровожаднѣйшій изъ людей; со словъ другихъ — это великодушнѣйшій изъ властителей. Внезапно перенесясь изъ Азіи въ Адріанополь и безпощадно усмиривъ янычаръ, онъ началъ свое правленіе тѣмъ, что приказалъ задушить своего младшаго брата во избѣжаніе могущихъ возникнуть междоусобій. Сынъ христіанки, которая по однимъ была законной женой султана, а по другимъ оставалась простой невольницей гарема, Магометъ оказывалъ уваженіе къ христіанству, хотя это не препятствовало ему оставаться искреннимъ мусульманиномъ. Онъ получилъ превосходное образованіе, понималъ и даже говорилъ, кромѣ роднаго, на пяти языкахъ: греческомъ, латинскомъ, арабскомъ, персидскомъ и халдейскомъ. Онъ зналъ хорошо исторію и географію народовъ, подчиненныхъ его скипетру, читалъ съ восхищеніемъ жизнеописанія знаменитыхъ героевъ древности и приказалъ перевести Плутарха на арабскій языкъ. Онъ покровительствовалъ итальянскимъ художникамъ и знаменитый Джентиле Беллини, приглашенный ко двору султана, былъ осыпанъ самыми лестными знаками его вниманія и расположенія. Но вѣротерпимость и ученость не смягчили его характера. Можно игнорировать сказанія озлобленныхъ греческихъ историковъ о 14 пажахъ, у которыхъ были распороты желудки, чтобы

доискаться похитителя дыни, о красивой любимой невольницѣ, которой самъ султанъ отрубилъ голову съ цѣлью доказать янычарамъ, что ихъ падишахъ не можетъ влюбиться въ женщину, о рабѣ, который былъ обезглавленъ султаномъ, чтобы Беллини могъ ближе изучить игру мускуловъ,—все это можетъ быть выдумкой; но тѣмъ не менѣе безпощадность и кровожадность Магомета II подтверждаются фактами. Его страсти были свирѣпы и неумолимы; и во дворцѣ и во время походовъ онъ проливалъ потоки крови по самымъ ничтожнымъ поводамъ; часто самые знатные изъ его юныхъ плѣнниковъ бывали обезчещены его противоестественною склонностью ([1]).

Принявъ обычныя поздравленія и дары отъ византійскаго императора, Магометъ II не скрывалъ своего намѣренія покончить съ жалкими остатками Византіи. Мысль объ этомъ преслѣдовала его неотступно, и на яву и во снѣ, какъ разсказываетъ греческій современный историкъ Дука. Однажды, въ безсонную ночь, султанъ послалъ за великимъ визиремъ Галилемъ, который былъ на сторонѣ греческой партіи и всегда являлся заступникомъ грековъ передъ султаномъ. Визирь ждалъ смерти, но Магометъ II обратился къ нему съ мольбою взять Константинополь — „Мнѣ ничего не нужно отъ тебя, убѣждалъ султанъ; я дамъ тебѣ больше, чѣмъ ты имѣешь, но прошу у тебя одного: отдай мнѣ городъ — (τὴν πόλιν διδόναι μοι)“. — Подъ городомъ султанъ разумѣлъ столицу имперіи. Напрасно успокоивалъ Галиль своего повелителя, обнадеживая его, что Византія не минуетъ своей судьбы.

— „Посмотри на мое изголовье, продолжалъ султанъ! Лежа безъ сна, я не могъ сомкнуть глазъ ни на одно мгновенье. Умоляю тебя, оставайся неподкупнымъ и не отказывайся отъ своихъ словъ. Будемъ храбро сражаться съ греками; волею Аллаха и молитвами пророка мы овладѣемъ городомъ“. Такъ, городомъ городовъ— εἰς τὴν πόλιν (Ис-тинполинъ, отсюда можетъ быть турецкое Стамбулъ) — казался Царьградъ султану, который всѣми помыслами и всѣми

([1]) Гиббонъ, весьма часто пристрастный, далъ, сколько мы знаемъ, наиболѣе вѣрную характеристику Магомета II (Исторія упадка Виз. имп. пер. Невѣдомскаго; VII, 311 и сл.). Византійскіе историки долго и односторонне трактующіе о Магометѣ, кромѣ упомянутаго Халкондиласа, были: Франца, Дука. О нихъ см. ниже, прим. на стр. 1070.

силами своими домогался водвориться на престолѣ императоровъ [1].

А между тѣмъ въ столицѣ Константина усиленно боролись два теченія: національное и иноземное; поборники послѣдняго готовы были идти на сдѣлку съ папствомъ и соглашались на церковную унію.

Здѣсь мы должны вернуться къ событіямъ нѣсколько раннимъ, повліявшимъ на положеніе Царьграда въ самую критическую минуту его исторіи.

Попытки церковной уніи.

Еще императоръ Іоаннъ I Палеологъ (1341 — 91 г.), тѣснимый турками, рѣшился въ 1369 году искать помощи на Западѣ. Сынъ католички Анны Савойской, которая, вступая въ бракъ, только номинально приняла православіе, онъ

---

(1) Δουκᾶς, историкъ тѣхъ событій, записавшій этотъ разсказъ, принадлежалъ къ латинской партіи. Онъ не былъ очевидцемъ самой осады, но не за долго до того былъ въ столицѣ, имѣлъ точныя свѣдѣнія обо всемъ отъ участниковъ. На все онъ смотритъ съ западной точки зрѣнія. Византія, по его словамъ, была обречена гибели, потому что не умѣла и не хотѣла въ тяжелыя годины сблизиться съ Западомъ. Онъ одобрялъ и поощрялъ вѣроотступничество. Его «Византійская исторія» (Bonn. 1834) имѣетъ потому лишь условную цѣну. — Гораздо выше его Γεωργίος Φραντζῆς (1401—65). Онъ служилъ при дворѣ послѣдняго императора Іоанна II, былъ посломъ его у султана, за что получилъ званіе протовестіарія (камергера), затѣмъ пользовался особымъ расположеніемъ Константина XI, для котораго отыскивалъ невѣсту въ Грузіи и Трапезунтѣ, когда турки уже объявили войну имперіи. Онъ былъ очевидцемъ осады, попалъ въ плѣнъ, счастливо откупился и постригся въ монахи, чтобы подъ старость лѣтъ описать тѣ великія событія, которыхъ былъ свидѣтелемъ. Это вполнѣ національный историкъ; онъ оплакиваетъ, какъ патріотъ, свою родину. Хроника его лучше всего издана въ сборникѣ Нибура (ред. Bekker, Bonn, 1834).— Леонардъ Хіосскій и другіе пользовались обыкновенно Франтцемъ и Дукою. Въ турецкой исторіографіи прославилась: Тай-Уттеварикъ, т. е. Корона хроникъ, соч. муфти Коджіа-еффенди (Магометъ Саадъ-еддинъ), относящаяся къ половинѣ XVI вѣка; въ извлеченіи—у Michaud (Bibl. des Croisades, t. III). — Кромѣ цитованныхъ византологовъ и историковъ Турціи,—для того времени превосходное соч. Finlay о Греціи въ средніе вѣка и его же: On the causes of the rapid conquests of the Ottoman Turks in Europe (L. 1853). М. М. Стасюлевичъ. Осада и взятіе Византіи турками (Уч. Зап. II Отд. Академіи Наукъ, 1854, кн. 1). См. также «Повѣсть о Цареградѣ», изд. М. Срезневскаго (тамъ-же, стр. 107—133) — изъ Царств. Лѣтописца и Никоновской лѣтописи.

готовъ былъ войти въ лоно Римской Церкви. Онъ рѣшился пасть къ ногамъ папы Иннокентія VI и черезъ него получить поддержку западныхъ государей. Черезъ тайныхъ агентовъ онъ велъ сношенія съ Римомъ, послѣдствіемъ коихъ было обязательство со стороны Іоанна признать главенство первосвященника и его преемниковъ. Оно было написано красными чернилами и скрѣплено золотой печатью. Въ залогъ своего послушанія императоръ отдавалъ своего сына Мануила и обязывался принимать съ должнымъ почетомъ папскихъ легатовъ и отвести церковь для совершенія католическаго богослуженія. Это тайное соглашеніе пока не касалось догматики, которая оставалась неприкосновенною (1). Но полная уступчивость со стороны императора и готовность обратиться въ католичество обнаружились впослѣдствіи подъ вліяніемъ обстоятельствъ. Потеря Адріанополя и приближеніе турокъ къ Византіи до того смутили Іоанна I, что онъ рѣшился лично просить помощи на Западѣ. Онъ направился въ Венецію, а оттуда въ Римъ, гдѣ въ соборѣ св. Петра склонился въ прахъ передъ самымъ жалкимъ изъ первосвященниковъ, Урбаномъ V, который только что вернулся въ Римъ изъ Авиньона. Принужденный признать главенство папы и догматъ filioque, сознавая такимъ образомъ себя достаточно очищеннымъ, императоръ предсталъ передъ Урбаномъ V, который возсѣдалъ на тронѣ, предоставляя Іоанну цѣловать свои ноги, руки и уста (2). Императоръ отстоялъ католическую мессу и потомъ велъ за узду папскаго мула. Но это униженіе ни къ чему не повело. Папская курія не имѣла тогда никакого вліянія и могла располагать только обѣщаніями. Къ тому же у императора не было денегъ; въ Венеціи его задержали какъ несостоятельнаго должника, такъ что сынъ его Мануилъ прибылъ, чтобы выкупить отца и остаться за него заложникомъ. По возвращеніи домой, Іоаннъ тщательно скрывалъ свое вѣроотступничество, не имѣвшее никакихъ послѣдствій.

Его сынъ Мануилъ (1391—1425 г.) прибѣгалъ къ той же политикѣ заискиванья передъ Западомъ. Опытъ отца не научилъ его. Онъ въ 1400 г. ѣздилъ въ Венецію, Падую, Павію, Миланъ, но не захотѣлъ посѣтить Римъ, гдѣ по обычаю праздновался вѣковой юбилей. Обиженный этимъ, папа

(1) Raynaldi. Annales eccl. a. 1369.
(2) V a Urbani V. Muratori; scrpt. t. III, II; p. 623, 635.

предупредилъ всѣхъ западныхъ европейскихъ государей не оказывать грекамъ никакого содѣйствія. Потому дальнѣйшія странствія императора по Франціи и Англіи, гдѣ онъ являлся ходатаемъ за свой угнетенный народъ, оказались безплодны. Впрочемъ, изъ своего путешествія онъ вынесъ уваженіе къ силѣ Запада и къ тамошнему военному искусству. Онъ надѣялся только на одно, что Тимуръ-Ленкъ сокрушитъ Баязета, тѣмъ самымъ возвратитъ Византіи прежнее могущество, но и эти разсчеты оказались невѣрны. Мы говорили о тѣхъ испытаніяхъ, которыя суждено было вынести Мануилу въ послѣдній годъ его жизни во время осады 1422 года.

Западничество Іоанна II.

Мы знаемъ, что его сынъ Іоаннъ II вступилъ на престолъ при самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Онъ выросъ въ школѣ отца и сперва вѣрилъ въ политику угодничества передъ Западомъ, въ которой не разъ наставлялъ его отецъ. — „Необходимо беречь послѣдніе остатки нашего наслѣдственнаго достоянія, внушалъ Мануилъ. Наша послѣдняя надежда заключается въ томъ страхѣ, который внушаютъ туркамъ воинственные народы Запада, способные насъ защитить, а ихъ истребить. Потому когда невѣрные будутъ угрожать намъ, хлопочи о созваніи собора, но избѣгай такихъ соборовъ, которые не доставятъ намъ ни духовной, ни мірской пользы. Латиняне высокомѣрны; греки упрямы. Потому попытка полнаго объединенія упрочитъ расколъ, поселитъ вражду между двумя Церквами и оставитъ насъ на произволъ варваровъ безъ всякой надежды на спасеніе и безъ всякой защиты“. Такія слова влагаетъ въ уста Мануила историкъ Франтца.

Этимъ совѣтамъ счелъ необходимымъ послѣдовать новый императоръ лишь черезъ 17 лѣтъ по вступленіи на престолъ, когда уже былъ стѣсненъ врагомъ на узкомъ пространствѣ одного города. Тогда шли засѣданія Базельскаго собора. Одержавъ побѣду надъ гуситами, отцы собора надѣялись побѣдить и ересь грековъ. Объ этомъ они говорили открыто. Палеологъ получилъ приглашеніе вступить въ переговоры. Онъ опасался поѣздки въ Базель. Дѣло едва не разстроилось, какъ враждебное отношеніе членовъ собора къ папѣ привело къ низложенію Евгенія IV. Послѣдній поспѣшилъ укрыться въ Феррарѣ, куда приглашалъ императора для бесѣды по церковнымъ дѣламъ. Папа оформилъ и обставилъ свое бѣгство изъ

собора, а равно свое пребываніе въ Феррарѣ подложнымъ протоколомъ мнимаго постановленія о перенесеніи засѣданій изъ Базеля въ Феррару. Здѣсь вокругъ папы было очень немного прелатовъ, когда предъ нимъ предстали: жалкій повелитель Восточной имперіи, его братъ Димитрій, патріархъ, окруженные высшими духовными властями, между которыми блисталъ никейскій іерархъ Виссаріонъ.

Соборъ въ Феррарѣ въ 1438 г.

Императоръ ѣхалъ черезъ Венецію, гдѣ былъ встрѣченъ властями республики съ особеннымъ почетомъ. Такое же исключительное вниманіе было оказано ему въ Феррарѣ Евгеніемъ IV, котораго тщетно хотѣли лишить тіары отцы Базельскаго собора и который, смѣясь надъ ихъ угрозами, задумалъ грандіозное дѣло сліянія двухъ могущественныхъ Церквей. Начертана была подробная программа церемоніала, на чемъ настаивали греческіе іерархи. Императора не заставили колѣнопреклоняться передъ первосвященникомъ, который самъ встрѣтилъ его передъ дворцомъ, при чемъ папа, облобызавъ императора, далъ поцѣлуй и патріарху, энергично отстаивавшему свое достоинство. Грековъ смущала бѣдность папскаго двора. Было очевидно, что и Евгеній IV не можетъ ничего сдѣлать. Между тѣмъ онъ настаивалъ на уніи. Только подъ этимъ условіемъ онъ обѣщалъ выдавать греческимъ архіереямъ, монахамъ и священникамъ тѣ средства къ существованію на чужбинѣ, въ которыхъ они крайне нуждались. Изъ-за этой скудной подачки въ семьсотъ золотыхъ флориновъ въ мѣсяцъ на всю свиту, безъ чего приходилось умирать съ голода, греки явились на первое совѣщаніе. Вдругъ разнеслась громовая вѣсть, что въ городѣ показалась моровая язва и что миланскій герцогъ, который враждовалъ съ папой, стоитъ у воротъ Феррары. Папа рѣшился бѣжать окольными тропинками Апеннинъ во Флоренцію, увлекая за собою императора, предававшагося праздности въ окрестностяхъ Феррары, а съ нимъ и всѣхъ грековъ въ февралѣ 1439 года.

Соборъ во Флоренціи въ 1439 г.

Во Флоренціи засѣданія собора стали болѣе оживленными. Тутъ кромѣ папы присутствовали: 2 патріарха, 8 кардиналовъ, 8 архіепископовъ, 52 епископа, 45 аббатовъ. Греческому духовенству было объявлено, что только тѣ получатъ содержаніе, которые будутъ вотировать за унію. Засѣданій соборныхъ было 25 въ теченіи полугода. Изъ іерарховъ восточныхъ перешли въ папскій лагерь митрополиты никейскій Виссаріонъ и московскій Исидоръ; они явились самыми ревностными побор-

никами уніи и за это, презираемые своими, получили кардинальскія шляпы. Въ противоположность имъ, ефесскій митрополитъ Маркъ не соглашался ни на какія сдѣлки, и, надо замѣтить, своею твердостью внушалъ къ себѣ уваженіе противниковъ.

Унія 1439 г. По существу вопросъ сводился къ четыремъ пунктамъ: 1) признаніе догмата исхожденія св. Духа и отъ Сына, 2) главенство папы, 3) свойства чистилища, 4) употребленіе прѣснаго хлѣба въ Евхаристіи. Изъ нихъ серьезныя затрудненія возбудилъ первый основной вопросъ; относительно прочихъ не было продолжительныхъ споровъ. Главнымъ ораторомъ и руководителемъ католической стороны былъ извѣстный намъ кардиналъ Юліанъ Чезарини. Онъ могъ назваться украшеніемъ католической Церкви и производилъ обаяніе даже на враговъ своей вѣры. Поборовъ гуситовъ въ Базелѣ, онъ хотѣлъ доводами богословія, діалектикой и присущей ему сердечностью побѣдить „старую ересь“ грековъ. Свою преданность христіанству въ тотъ вѣкъ начинавшагося безвѣрія, когда католическіе прелаты показывали самый безнравственный примѣръ, онъ, какъ извѣстно, запечатлѣлъ черезъ пять лѣтъ на полѣ битвы подъ Варной. Въ сущности кардиналъ Юліанъ склонилъ огромное большинство православныхъ іерарховъ на принятіе трехъ послѣднихъ пунктовъ; по поводу перваго, чисто догматическаго, онъ выработалъ такую редакцію, которая допускала соглашеніе. Было принято, что Св. Духъ исходитъ отъ Отца и отъ Сына, какъ изъ одной сущности одно существо, и притомъ черезъ Сына, будучи одной съ нимъ субстанціи (1).

Когда послѣдовало одобреніе большинства (24 голоса противъ 12), то митрополитъ Маркъ отказалъ въ своей подписи. Всѣ знали, что голоса подбирались за деньги, что устраняли неподатливыхъ и между прочимъ не допустили голосовать хоругвеносцевъ Софійскаго собора. Въ глазахъ папы отказъ Марка имѣлъ особое значеніе.—„И такъ, мы ничего не сдѣ-

(1) Акты собора у Labbeus et Cossartius (Sacrosancta Concilia, t. XIII, P. 1672), Harduin (Acta, t. IX, P. 1714), Mansi (Collectio, t. XXXI, Ven. 1798). См. замѣчательную монографію проф. А. В. Горскаго. Исторія флорентійскаго собора. М. 1847. — Общее соч. греческаго ученаго Димитракопуло — Ἱστορία τοῦ σχίσματος (L. 1867).—О Виссаріонѣ превосходное изслѣдованіе H. Vast (Le card. Vissarion, P. 1878) и А. Садова, Виссаріонъ никейскій, его дѣятельность и значеніе въ исторіи гуманизма (Спб. 1883). Соч. Виссаріона изд. у Migne (Patrologia; series graeca, t. CLXI, P. 1866). Старое соч. Συρόπουλος (Vera hist. unionis, Haga, 1660). Повѣсть Симеона суздальскаго о Флорент. соборѣ; см. Павлова (Критич. опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ. (Спб. 1878, стр. 198 и сл.).

лали“, воскликнулъ Евгеній IV, когда увидѣлъ актъ соглашенія. За то Исидоръ подписался за себя и за патріарха антіохійскаго по уполномочію; за патріарха іерусалимскаго и александрійскаго также были заочныя подписи. Константинопольскій патріархъ Іосифъ умеръ до окончанія собора.

Какъ бы то ни было, соглашеніе было достигнуто, притомъ въ то самое время, когда Евгеній IV единогласно 25 іюня 1439 года былъ низложенъ Базельскимъ соборомъ по обвиненію въ симоніи, ереси, расколѣ и другихъ большею частію фантастическихъ преступленіяхъ. Надо замѣтить, что это охвостье Базельскаго собора состояло изъ лицъ, лишенныхъ всякаго авторитета; оно состояло большею частію изъ приходскихъ священниковъ, загоняемыхъ насильно. Когда это соборное опредѣленіе было получено во Флоренціи, на него не обратили вниманія. Дѣло говорило само за себя. Отрѣшенный папа могъ съ гордостью указать, что онъ даетъ Риму цѣлую половину христіанства. Отцы обоихъ соборовъ оказались въ очень затруднительномъ положеніи. Дѣло о низложеніи было замято. Избранный въ Базелѣ папа Феликсъ V скоро сложилъ съ себя свой громкій титулъ, а избраннаго тогда же схимника, герцога савойскаго Амедея VIII—и безъ того нигдѣ не признавали.

Тогда начались церемоніи, имѣвшія въ виду увѣрить всѣхъ въ прочности того соглашенія, которое не имѣло значенія.

Въ флорентійскомъ каѳедралѣ Santa Maria Maggiore, который и теперь поражаетъ красотою своей отдѣлки изъ чернаго и бѣлаго мрамора, 6 іюля 1439 года было торжественное засѣданіе. Преемникъ св. Петра и Константина Равноапостольнаго сидѣли на своихъ тронахъ. Кардиналъ Чезарини, а за нимъ кардиналъ Виссаріонъ прочли актъ соглашенія—одинъ по-латыни, другой по-гречески; затѣмъ оба прелата облобызались. Папа сталъ служить мессу. Тогда замѣтили, что греческіе архіереи отсутствуютъ. Обрядъ служенія былъ вполнѣ католическій; символъ вѣры былъ пропѣтъ съ filioque. Папа былъ недоволенъ. На другой день императоръ просилъ разрѣшить греческимъ архіереямъ совершить литургію по восточному обряду въ одной изъ католическихъ церквей. Папа отказалъ и требовалъ особаго предварительнаго служенія въ присутствіи кардиналовъ, ссылаясь на то, что не знаетъ греческихъ обрядовъ. Оказалось, что греки продали свою вѣру по очень дешевой цѣнѣ. Императоръ видѣлъ, что очутился въ подчиненномъ положеніи и покинулъ Флоренцію,

отказавъ папѣ въ немедленномъ выборѣ патріарха. Евгеній IV обѣщалъ давать ежегодную субсидію въ 12 тысячъ дукатовъ для содержанія 300 итальянскихъ наемниковъ, но подъ условіемъ, если унія дѣйствительно будетъ введена на Востокѣ.

Этого не случилось. Императора и отступниковъ-архіереевъ встрѣтило презрѣніе не только въ Византіи, но даже въ предѣлахъ венеціанской республики. Греки острововъ Корфу, Крита и др. предали унію анаѳемѣ, а въ Царьградѣ пришлось тщательно скрывать дѣянія, совершенныя во Флоренціи изъ опасенія возстанія. Императоръ Іоаннъ II и немногіе придворные въ душѣ остались вѣрными уніи. Онъ возвелъ на патріаршій престолъ митрополита Кизическаго Митрофана, одного изъ подписавшихъ соглашеніе, но среди духовенства не было явныхъ слѣдовъ уніи. Попытка Исидора провести унію въ Москвѣ едва не стоила ему жизни. Его титулъ апостольскаго легата въ „земляхъ литовскихъ, лифляндскихъ и русскихъ“ не имѣлъ смысла. Когда онъ на первой службѣ помянулъ папу римскаго, то былъ лишенъ сана и заточенъ въ Чудовъ монастырь; онъ успѣлъ бѣжать въ Литву, а оттуда поспѣшилъ въ Римъ. Здѣсь ему было дано порученіе содѣйствовать видамъ папства въ Константинополѣ. На московскомъ соборѣ 1448 года Исидоръ былъ осужденъ и впервые независимо отъ Византіи, гдѣ императоромъ былъ тогда уніатъ, поставленъ въ митрополиты московскіе рязанскій владыка Іона.

Византія въ послѣдніе годы.

Исидоръ явился глашатаемъ уніи въ Царьградѣ въ то время, когда слѣдовало собрать всѣ силы народныя во едино для борьбы съ врагомъ. Онъ долженъ былъ убѣдиться, что большинство православнаго населенія питало такую ненависть къ латинянамъ, что предпочитало лучше подчиниться туркамъ, чѣмъ поминать папу. Соборъ св. Софіи, гдѣ уніаты пробовали пріобщать грековъ и гдѣ была провозглашена унія, сталъ предметомъ отвращенія для православныхъ и считался оскверненнымъ. А изъ Рима писали, что только тогда Византія получитъ помощь отъ священной имперіи и государей Запада, когда склонится на унію. Большинство мыслящихъ грековъ сознавало, что съ уніей государство теряетъ господствующую вѣру, языкъ, и если сохранитъ тѣнь политической независимости, то это не искупитъ потери національной особности. Такой взглядъ отпечатлѣлся въ тогдашнихъ литературныхъ и историческихъ памятникахъ, а населеніе инстинктивно раздѣляло это воззрѣніе. Большинство чувствовало, что если не-

вѣрнымъ суждено побѣдить, то владычество ихъ будетъ лишь временное, и никогда не отразится на свободѣ вѣры; содѣйствіе же Запада, обусловленное водвореніемъ уніи и католицизма, равно обезличенію національности и своего рода духовной смерти.

— „Какъ въ древности царство ассирійское было разрушено вавилонянами, пишетъ одинъ современный византіецъ, вавилонское — персами, персидское — македонянами, македонское — римлянами, такъ и Римская имперія будетъ разрушена Османами (τῶν Ὀσμανλίδων); впрочемъ и ихъ конецъ придетъ въ назначенное время“ (1). Истинные патріоты предпочитали, чтобы ихъ потомки подпали турецкому господству, въ надеждѣ возрожденія хотя бы въ отдаленномъ будущемъ; они не желали обречь себя безъисходной духовной смерти. Въ народной массѣ установилось такое убѣжденіе, вмѣстѣ съ готовностью пострадать, при чемъ ходили толки, что владычество невѣрныхъ продлится около трехъ съ половиною вѣковъ (2).

Такъ готовилась Византія къ гибели, которая казалась начертанною для нея неумолимой судьбой.

Впрочемъ самъ Константинъ XI былъ виновникомъ обострившихся непріязненныхъ отношеній съ новымъ султаномъ. Слѣдуя легкомысленнымъ совѣтамъ латинянъ, которымъ онъ имѣлъ несчастіе довѣриться, онъ оскорбилъ султана, потребовавъ отъ него двойныхъ денегъ на содержаніе его родственника Орхана, проживавшаго въ Византіи въ качествѣ заложника. Эти взносы греки называли данью. Магометъ II, затаивъ злобу и не чувствуя себя готовымъ, просилъ времени подумать. Но когда онъ усмирилъ возстаніе въ Азіи, то прекратилъ выдачу всякихъ суммъ.

Враждебное и непримиримое настроеніе со всею очевидностью сказалось, когда онъ задумалъ построить такое же сильное укрѣпленіе на европейскомъ берегу Босфора, какое уже было сооружено на азіатскомъ въ самомъ узкомъ мѣстѣ пролива, тамъ гдѣ Дарій, вторгаясь въ Европу въ 513 году, приказалъ навести мостъ для переправы своихъ полчищъ (3).

(1) Φραντζῆς (Bonn, 1838), 314. У другихъ это развито подробнѣе. Такъ Δουκᾶς, 253, 274, 289, 318. Χαλκονδύλας, 397, 405 etc.

(2) Всѣ эти интересныя народныя гаданія и предсказанія, въ которыхъ главную роль играетъ народъ «Русовъ» (ξάνθον γένος) и «полуночный нѣкій самодержецъ», который сокрушитъ «иго агарянъ»,—собралъ Allatius (Vaticinium и Varia antiqua), не успѣвшій ихъ издать; въ извлеченіи у Banduri (Imperium Orientale; 1711. Ven. II, 872). См. также Повѣсть о Цареградѣ (Уч. Зап. II Отд. Ак. Наукъ, 1854, Памятники, 133—136).

(3) Понтонный мостъ строилъ грекъ Мандроклъ, глава самосскихъ техниковъ. Геродотъ; IV, 87.

Магометъ II лично заложилъ второе укрѣпленіе (нынѣшнее Румили Гиссаръ) съ очевидною цѣлью заградить доступъ въ Византію всѣмъ судамъ идущимъ съ Запада и лишить ее подвоза хлѣба. Будучи увѣренъ, что никто изъ союзниковъ не посмѣетъ придти помочь столицѣ съ сухаго пути, султанъ разсчитывалъ изолировать Византію со стороны моря.

Правительство Константина XI поняло опасность грозившую Царьграду. Близость строившагося укрѣпленія къ столицѣ отдавала ее въ руки султана. Не разъ императоръ посылалъ пословъ султана, не просилъ, а молилъ его самымъ покорнымъ образомъ, обѣщая платить дань и указывая на невозможность при такихъ порядкахъ вести торговлю съ Западомъ. Султанъ былъ неумолимъ и съ ироніей замѣчалъ грекамъ, что ихъ земля ограничивается стѣнами „города". Постройка продолжалась самымъ энергичнымъ образомъ. Камень свозили съ разрушенныхъ храмовъ и зданій; 6000 рабочихъ трудились неустанно; самъ султанъ наѣзжалъ на работы и торопилъ сооруженіемъ. Онъ назвалъ крѣпость Багазъ-Кессенъ (головорѣзъ). Черезъ четыре мѣсяца (въ августѣ 1452 года) три башни, соединенныя куртинами, были готовы; онѣ были вооружены дальнобойными пушками, изготовленными на пагубу христіанъ венгерцемъ Урбаномъ, перебѣжчикомъ изъ Византіи. Между прочимъ Урбанъ, по особому заказу султана, отлилъ въ Адріанополѣ громадной величины пушку, изъ которой стрѣляли 30-пудовыми ядрами на 4 версты. Это орудіе, чудо тогдашняго артиллерійскаго искусства, приготовлено было для предстоящаго бомбардированія Византіи; оно дѣйствительно наводило страхъ на непріятеля, но впослѣдствіи разорвалось и стоило жизни его изобрѣтателю.

Когда несчастный императоръ узналъ о грозныхъ приготовленіяхъ султана и о сооруженіи Багазъ-Кессена, онъ значительно понизилъ тонъ въ сношеніяхъ съ нимъ. Переговоры смѣнились мольбой. Прежде онъ настаивалъ на полученіи двойныхъ денегъ на содержаніе Урбана, называя эти выдачи данью, а теперь самъ соглашался платить дѣйствительную дань. Но султанъ, сбросивъ маску и сдѣлавъ послѣднія приготовленія, не скрывалъ, что хочетъ, во что бы то ни стало, овладѣть Константинополемъ. Тогда благородная гордость сказалась въ императорѣ.— „Ты желаешь войны, а не мира; я не могу успокоить тебя ни клятвами, ни повиновеніемъ; пусть будетъ по твоему. Теперь я прибѣгаю къ Богу. Если и Богъ опредѣлилъ и предназначилъ мой городъ пре-

дать тебѣ, то кто можетъ этому противорѣчить или противостоять? Если же онъ внушитъ тебѣ миролюбивыя намѣренія, то я буду тому радъ. Я освобождаю тебя отъ всѣхъ договоровъ и клятвъ и, запершись въ стѣнахъ города, буду защищать своихъ подданныхъ до послѣдней капли крови. Царствуй счастливо, пока Праведный Судья не призоветъ насъ обоихъ на судъ!“ (¹)

Тогда султанъ объявилъ войну императору, такъ какъ потерялъ всякую надежду, чтобы его гордый противникъ уступилъ свою столицу за какое либо вознагражденіе.... Отложивъ осаду до будущей весны, Магометъ II въ зиму 1453 года приказалъ тревожить городъ легкимъ отрядамъ, которые грабили и рѣзали окрестное населеніе безпощадно.

Осада Цареграда (2 апр. — 29 мая 1453 г.).

Когда настала рѣшительная минута, Константинъ согласился пожертвовать вѣрою предковъ, хотя понималъ всю практическую безполезность такой политики. Озлобленіе народа противъ латинянъ выразилось особенно сильно въ то время, когда турки готовились обложить столицу. Но императоръ напрасно разсчитывалъ на великодушіе западныхъ народовъ. Одни старались воспользоваться безъисходнымъ положеніемъ Византіи; такъ поступили венгерцы: самъ рыцарственный Гуніадъ требовалъ за содѣйствіе уступки Месамбріи и, когда на это согласилось правительство, онъ ограничился посылкой посольства къ султану, которое скорѣе повредило грекамъ, чѣмъ помогло. Другіе какъ венеціанцы, были явно враждебны, потому что недавно Константинъ отринулъ руку дочери дожа, чего еще не успѣли забыть въ Венеціи. Во всякомъ случаѣ, и тѣ, которые желали бы съ своей стороны оказать содѣйствіе и тѣ, которые только притворялись сочувствующими, — одинаково не могли проникнуть въ столицу послѣ окончанія укрѣпленій Босфора, особенно тогда, когда полчища Магомета въ числѣ 280 тысячъ человѣкъ окружили городъ со всѣхъ сторонъ. Флотилія изъ 420 военныхъ судовъ поддерживала эту громадную армію, доставляя ей припасы и матеріалы для осады.

Противъ турокъ Константинъ имѣлъ только 4973 человѣка, какъ явствовало изъ подробной переписи, и 15 судовъ. Даже тогда когда къ осажденнымъ присоединилось до 2000 итальянцевъ, они представляли всего $^1/_{40}$ долю силъ непріятеля. Притомъ осажденные должны были защищать каждый

(¹) Δούκας, 245.

пунктъ стѣнъ, которыя раскинулись на протяженіи 50 верстъ въ окружности. На самый опасный пунктъ, именно у Романовскихъ воротъ, поставили генуезца Джустиніани, демарха, на котораго особенно надѣялись и эгоизмъ котораго погубилъ оплотъ православія. Кардиналъ Исидоръ, никогда не державшій меча, защищалъ сѣверную часть берега Золотаго Рога. Самъ императоръ, готовый сражаться какъ простой солдатъ, появлялся всегда тамъ, гдѣ грозила опасность. Замѣчательно, что въ спискѣ защитниковъ столицы преобладали итальянцы и вообще наемники. Магометъ заложилъ 14 батарей, поставилъ свою гигантскую пушку противъ воротъ св. Романа и приступилъ къ блокадѣ 2 апрѣля 1453 года. Первыя двѣ недѣли была безпрерывная канонада, но она не устрашила несчастное населеніе, которое давно готово было ко всякимъ ужасамъ. Смерть Урбана при разрывѣ гигантской пушки смутила турокъ; впрочемъ венгерскій посолъ постарался замѣнить Урбана и самъ наводилъ орудія на христіанъ. Послѣдствіемъ его усилій было разрушеніе башни у воротъ св. Романа, черезъ развалины которой турки могли проникнуть въ городъ. Императоръ смутился и отправилъ парламентеровъ для переговоровъ. Онъ предлагалъ платить ежегодную дань султану, но Магометъ II требовалъ безусловно Константинополя.

— „Мнѣ нельзя отступить, говорилъ султанъ; или я возьму городъ, или городъ возьметъ меня живаго или мертваго. Если ты желаешь уступить мнѣ городъ добровольно, я отдамъ тебѣ Пелопоннесъ, а братья твои получатъ другія области, и мы останемся друзьями; если же меня не впустятъ добровольно, то я войду силою, убью тебя и вельможъ твоихъ, а все прочее предамъ на разграбленіе войску“ (¹).

Тогда Константинъ устыдился своего униженія и рѣшился погибнуть, защищаясь на сколько хватитъ силъ.

Турки были увѣрены въ успѣхѣ штурма. Ровъ передъ разрушенной башнею былъ засыпанъ, при чемъ янычары не жалѣли даже своихъ слабыхъ и больныхъ товарищей, толкая ихъ въ яму и заглушая ихъ стоны грудами земли и всякими тяжестями, которыя обильно метали туда. Все это было исполнено въ теченіе дня подъ выстрѣлами греческихъ орудій. Но ночью осажденные снова разчистили ровъ и когда турки приготовились къ штурму, онъ оказался невозможнымъ. Не удался

(¹) Δουκᾶς, 276.

также подкопъ, который повели турецкіе инженеры подъ стѣны. На византійской службѣ тогда состоялъ одинъ изъ лучшихъ инженеровъ того времени, нѣмецъ Іоаннъ Грантъ, благодаря искусству котораго, несмотря на крайнюю малочисленность гарнизона, долго всѣ усилія турокъ обращались въ ничто ([1]). Грантъ противъ турецкихъ минъ повелъ контрьмины и, дорывшись до линіи турецкаго подкопа, взорвалъ его снизу греческимъ огнемъ, при чемъ погибло множество турокъ. Тогда султанъ велѣлъ выстроить подвижную громадную башню въ уровень высоты городской стѣны и подкатилъ ее къ воротамъ. Джустиніани почью сдѣлалъ вылазку и зажегъ башню.

Обложивъ треугольникъ столицы съ двухъ сторонъ, съ сухаго пути, т. е. со стороны материка и Галаты, Магометъ II чувствовалъ себя недостаточно сильнымъ со стороны Мраморнаго моря и Босфора. Гавань Золотаго Рога, составляющая часть Босфора, была загорожена цѣпью, которую нельзя было разорвать. За этой преградой стояла греческая эскадра изъ 15 кораблей, которая помогала оборонѣ и была недоступна для турокъ, потому что турецкая батарея изъ 130 орудій, стоявшая на другомъ берегу, въ Галатѣ, не могла дѣйствовать по ней свободно; глубина гавани давала возможность помѣщать суда внѣ сферы турецкаго огня. Турецкій флотъ, въ которомъ большихъ кораблей было менѣе 50, долженъ былъ играть вообще пассивную роль во время осады, вслѣдствіе неповоротливости судовъ, отсутствія искусныхъ моряковъ и недостатка распорядительности. Надо замѣтить, что командиры судовъ были большею частію ренегаты, а адмираломъ болгаринъ Палда, который нигдѣ еще на морѣ не проявилъ своего искусства. Потому весь турецкій флотъ изъ 430 судовъ не могъ помѣшать 4 генуезскимъ кораблямъ, нагруженнымъ пшеницей, прорваться въ гавань Золотаго Рога безъ всякой потери. Турки, бросившись на абордажъ, были отбиты и даже отдали два корабля, по греческимъ извѣстіямъ, потерявъ 12 тысячъ убитыхъ. Тщетно султанъ, наблюдая съ берега, поощрялъ своихъ; самъ того не замѣчая, онъ на конѣ въѣхалъ въ море, и на его глазахъ была поднята цѣпь гавани, въ которую проскользнули генуезцы, побѣдоносно уводя два турецкихъ судна и плѣнныхъ. Магометъ II

([1]) Таково мнѣніе Finlay; II. 628. Въ новѣйшихъ соч. Mordtmann (Belagerung und Eroberung Constantinopels im J. 1453) и Krause (Die Erob. von Const. im XIII und XV Jahrh.) также оттѣняется участіе Гранта.

до того былъ возмущенъ позоромъ своего флота, что въ первомъ порывѣ гнѣва велѣлъ связать адмирала и собственноручно далъ ему сотню ударовъ золотымъ прутомъ. Озлобленные янычары едва не растерзали ренегата. Чтобы воспользоваться средствами своего флота и ускорить сдачу города, Магомету пришла въ голову смѣлая мысль: ввести часть эскадры, стоявшей противъ Рога въ самую гавань волокомъ, по примѣру Октавіана и русскаго князя Олега. Нѣсколько сѣвернѣе стѣны Галаты, у т. н. Святаго Устья быстро начались работы. Линія въ 8 верстъ между Устьемъ и сѣверной частью гавани была выровнена; на эту дорогу были положены деревянные рельсы смазанные саломъ. По этой настилкѣ, днемъ, съ музыкой и пѣснями, перетянули турки 80 судовъ, которые къ изумленію грековъ плавно скатились въ просторную гавань. Остается неразгаданнымъ—какъ могли допустить опытные генуезскіе моряки диверсію подобнаго рода, когда въ ихъ рукахъ была полная возможность устранить появленіе непріятеля.

Значеніе этой мѣры было роковое для Византіи. Надо знать, что издавна народная молва считала возможнымъ паденіе Царьграда только тогда, если вражескіе корабли переплывутъ сушу. Потрясающее впечатлѣніе, которое должно было произвести на населеніе это грозное исполненіе пророчества, само собою парализовало всѣ послѣднія отчаянныя усилія императора. Мрачныя опасенія, сознаніе безпомощности проникли въ душу каждаго и руки опускались у самыхъ стойкихъ и храбрыхъ защитниковъ. Помимо того, теперь уничтожалась всякая возможность получить хлѣбъ съ Запада, и столицѣ,—плотно обложенной и замкнутой въ довершеніе мостомъ, который выстроили турки въ сѣверной части Рога,—грозила съ теченіемъ времени голодная смерть. Казна истощилась. Впрочемъ Константинъ XI, нуждавшійся въ деньгахъ для удовлетворенія наемниковъ, съ разрѣшенія патріарха, взялъ золотыя и серебряныя церковныя сокровища, перелилъ ихъ въ монету, обѣщая въ случаѣ спасенія столицы, возвратить все въ храмы четверицею. Императоръ сулилъ большія богатства итальянскимъ морякамъ, если они уничтожатъ турецкій флотъ въ гавани, но всѣ попытки венеціанцевъ въ этомъ родѣ не удались. Въ свою очередь и турки не могли уничтожить греческую эскадру, не смотря на усиленный огонь съ судовъ и съ береговой батареи.

Султанъ, утомленный осадою, былъ вполнѣ увѣренъ, что теперь императоръ приметъ всякія условія. Онъ не жалѣлъ дальнѣйшихъ жертвъ; онъ привыкъ ни во что цѣнить человѣческую жизнь,— но его томило желаніе пріобрѣсти городъ какъ можно скорѣе и безъ риска. Если онъ чего опасался, то появленія флота франковъ, — какъ называли тогда латинянъ—, силу которыхъ онъ сознавалъ и къ которымъ питалъ страстную ненависть. Онъ предложилъ въ половинѣ мая свободный пропускъ императору Константину, предоставляя ему взять съ собою все что онъ пожелаетъ. Константинъ въ эту роковую для него минуту, когда гибель была неминуема, предпочелъ честь измѣнѣ своему долгу.

— „Мы будемъ благодарить Господа, отвѣчалъ императоръ султану, если ты пожелаешь заключить миръ съ нами на условіяхъ предшественниковъ нашихъ. Мы готовы даже уступить тебѣ наши области, неправильно тобою присвоенныя; наложи на насъ дань великую и тяжелую; приказывай намъ, но удались по заключеніи мира. Домогаясь добычи, ты и не предвидишь, что самъ впослѣдствіи можешь сдѣлаться добычею другихъ. Я не могу сдать тебѣ городъ; такъ не имѣетъ права поступить никто изъ гражданъ. Намъ дозволено только одно: продолжать умирать и не щадить своей жизни“ ([1]).

Получивъ этотъ благородный отвѣтъ, султанъ на военномъ совѣтѣ назначилъ штурмъ въ ночь на 29 мая.

Послѣдній штурмъ Византіи.

Послѣдній императоръ приготовился умереть вмѣстѣ съ своимъ народомъ. Пересчитали количество защитниковъ; оказалось только 4000, вмѣсто прежнихъ 7000; около 3000 уже погибло на стѣнахъ столицы. Спасенія не предвидѣлось; страшная неравномѣрность силъ,—когда приходилось одному защищаться противъ полсотни нападающихъ ([2]), — выгодныя позиціи, занимаемыя турками на сушѣ и на водѣ,—все предвѣщало несчастіе и смерть. Императоръ исповѣдался и пріобщился св. таинъ; тоже сдѣлали его приближенные и воины. Султанъ также назначилъ наканунѣ общественную молитву и семикратное омовеніе. Послѣдній вечеръ передъ штурмомъ христіане провели въ скорби и тишинѣ; турки пировали и веселились; лагерь и суда ихъ были иллюминованы безчисленными огнями.

([1]) Δουκᾶς, 280.

([2]) Франтца (271) ошибочно считаетъ 500 вмѣсто 50.

Чтобы ободрить духъ своихъ воиновъ, Магометъ, объѣзжая ряды ихъ, напоминалъ о наслажденіяхъ будущей жизни.

— „Кто изъ васъ падетъ въ бою, взывалъ султанъ, тотъ будетъ вкушать яствы и пить вмѣстѣ съ Магометомъ въ раю, и возлежать съ гуріями, совершивъ благовонныя омовенія. Тѣ же, которые останутся живы послѣ побѣды, будутъ получать двойное жалованье до конца ихъ жизни. Покоренный городъ я отдаю вамъ на три дня, кромѣ крѣпостныхъ стѣнъ и зданій: всякая добыча, золото, серебро, одежды, женщины — все это ваше“ (1).

Такой гордой увѣренности не слышалось въ словахъ императора, когда онъ обратился къ своимъ архонтамъ и гражданамъ съ послѣдними словами передъ роковой битвой. Это было скорѣе прощанье умирающаго съ окружающими. Константинъ высказывалъ полную покорность судьбѣ, которая хочетъ наказать народъ за грѣхи его.—„Подумайте, братья и товарищи, о томъ, говорилъ онъ, какъ надлежитъ пріобрѣсти свободу, вѣчную память и славу. Вамъ извѣстно, что султанъ, врагъ нашей вѣры, безъ всякой причины нарушилъ миръ и построилъ крѣпость для угнетенія насъ, опустошилъ наши поля, сжегъ сады и дома, умертвилъ нашихъ братьевъ.... Пусть на ихъ сторонѣ сила; за насъ Господь Богъ, Спаситель нашъ!“

Онъ обратился затѣмъ къ итальянскимъ наемникамъ, на которыхъ была послѣдняя надежда.—„Вы знаете, говорилъ онъ венеціанцамъ, что нашъ городъ былъ всегда вашимъ вторымъ отечествомъ; умоляю васъ оставаться въ эту тяжелую минуту друзьями, вѣрными союзниками и братьями“. Повторивъ тоже генуезцамъ, онъ, въ заключеніи, вновь обращаясь ко всѣмъ, воскликнулъ: — „Передаю мой скипетръ въ ваши руки; берегите его. На небѣ ждетъ васъ лучезарный вѣнецъ, а въ этомъ мірѣ пребудетъ о васъ славная и вѣчная память!“ (2)

Послѣднія слова дышали убѣжденностью. Императоръ былъ готовъ умереть. Штурмъ начался до разсвѣта при второмъ пѣніи пѣтуха. Самое важное мѣсто въ оборонѣ представляли Романовскія ворота, среднія въ стѣнѣ со стороны материка. Во всѣ осады турки били главнымъ образомъ эти ворота. Они были ввѣрены генуезцамъ Джустиніани, который былъ главнымъ совѣтникомъ и руководителемъ императора во все время войны. Около него стояли справа три брата:

(1) Φραντζῆς, 270.
(2) Idem, 271—277.

Павелъ, Антоній и Троилъ, за ними Іоаннъ Грантъ съ нѣмцами, и снова генуезцы, а слѣва математикъ Θеофилъ Палеологъ и Мануилъ съ итальянцами. На Джустиніани собственно сосредоточились всѣ аттаки турокъ, а вмѣстѣ всѣ надежды грековъ; свою вѣрность императору онъ имѣлъ случай доказать не разъ; по крайней мѣрѣ на него до штурма не было заявлено никакого подозрѣнія. Противоположная стѣна, обращенная къ Золотому Рогу, не имѣла серьезнаго значенія въ оборонѣ; ее охраняли Лука Нотара, кардиналъ Исидоръ и венеціанцы, а стѣна со стороны моря оставалась безъ защиты.

На Джустиніани обрушились потому всѣ усилія турокъ. Онъ располагалъ 3000 воиновъ изъ 4000, составлявшихъ къ началу штурма весь гарнизонъ Византіи. Самъ императоръ, обнаруживая полное хладнокровіе и распорядительность, смотрѣлъ отважно въ глаза смерти; онъ поспѣвалъ вездѣ гдѣ требовала опасность, и чаще всего появлялся въ этомъ опасномъ пунктѣ. Отборныя турецкія войска подъ начальствомъ самого султана расположились противъ Джустиніани. Ранѣе ихъ были двинуты на приступъ новобранцы, подгоняемые плетьми и палками; по трупамъ ихъ разсчитывали пробраться янычары, когда утомится противникъ.

Штурмъ начался при громѣ орудій береговой и корабельной артиллеріи, при ревѣ трубъ и тимпановъ, которымъ хотѣли подбодрить аттакующихъ. Осажденные въ продолженіе двухъ часовъ отбили нѣсколько приступовъ и истребили массу непріятеля. Θеофилъ сдѣлалъ удачную вылазку и заставилъ турокъ попятиться отъ стѣнъ. Императоръ былъ увѣренъ въ побѣдѣ. Вдругъ прошелъ слухъ, что Джустиніани, раненый, оставилъ свое мѣсто. Эта вѣсть лишила защитниковъ мужества. Слухъ оказался вѣрнымъ. Джустиніани былъ раненъ довольно легко: стрѣла задѣла ему колѣно; онъ могъ бы остаться на стѣнѣ послѣ перевязки. Императоръ умаливалъ его не покидать опаснаго поста; говорилъ, что отъ его присутствія зависитъ спасеніе города. Джустиніани отринулъ моленія императора и удалился въ Галату. Общее мнѣніе современниковъ объясняетъ этотъ поступокъ генуезца не столько измѣной, сколько преступнымъ самолюбіемъ и местью грекамъ за обиды ему нанесенныя (1).

---

(1) Только Дука, по понятной пріязни, принимаетъ сторону Джустиніани; мусульманскіе памятники также на его сторонѣ. Это показываетъ, что безъ злосчастнаго отступленія генуезца трудно было взять Византію.

Пользуясь наставшимъ смятеніемъ, турки повернули назадъ и снова бросились къ воротамъ. Какой-то великанъ Гассанъ съ 30 янычарами первый вскочилъ на стѣну. Его убили, но за нимъ хлынули цѣлыя массы. Магометанская луна взвилась надъ воротами св. Романа. Когда это знамя съ другой стѣны увидали критскіе стрѣлки, то бросили свои укрѣпленія и сѣли на корабли. Итальянцы, стоявшіе вправо отъ воротъ, также бросились бѣжать. Императоръ Константинъ, окруженный своими тѣлохранителями, кинулся къ воротамъ; онъ успѣлъ оттѣснить турокъ, но былъ охваченъ съ фланга новой толпою враговъ проникшихъ черезъ Керкопорту, ворота ближайшія къ Золотому Рогу. Спасенія не было. Константинъ кинулся въ толпу озлобленныхъ враговъ. Онъ искалъ смерти.—„Неужели нѣтъ ни одного христіанина, который бы отрубилъ мнѣ голову!“ воскликнулъ онъ. Въ это самое время надъ нимъ скрестились копья и ятаганы. Бездыханный императоръ палъ смертью героя. Его трупъ послѣ признали по обуви, украшенной золотыми орлами.

Турки въ Царьградѣ. Было 6 часовъ утра. Населеніе не спало, но женщины большею частію были въ домахъ или въ церквахъ. Массы турокъ, то тутъ то тамъ, врывались сквозь крѣпостные ворота. Началось страшное избіеніе въ домахъ и на улицахъ. Женщинъ и дѣтей хватали и истязали. Кто могъ, спасался на корабли. Тысячи народа укрылись въ св. Софіи. Здѣсь несчастные ждали чуда; по преданію ангелъ долженъ былъ снизойти съ неба и принести мечъ для защиты народа Божьяго. Турки ворвались въ храмъ и всѣхъ перевязали безъ различія пола, возраста и сословія, для дѣлежа добычи. Тутъ было множество знатныхъ дамъ, только что отстоявшихъ заутреню; онѣ тотчасъ же были разобраны по рукамъ простыми воинами. Насилія и дикія звѣрства происходили открыто повсюду впродолженіи страшныхъ шести часовъ, пока султанъ не въѣхалъ въ столицу. На стѣнахъ, по берегу Золотаго Рога, греки еще продолжали сражаться и даже отразили приступъ непріятельскій, когда защитники были обойдены съ тыла. Одни были перерѣзаны, другіе бросались со стѣнъ въ волны гавани. Населеніе этихъ кварталовъ подверглось еще большимъ истязаніямъ; сюда кинулись тѣ изъ турокъ, которые еще не насытились местью. Немногіе, спасшіеся на берегъ за стѣнами, надрывали себѣ грудь крикомъ, прося ихъ принять на гре-

ческіе корабли, которые быстро снимались съ якорей и удалялись въ виду бездѣйствовавшаго турецкаго флота. Несчастные не избѣгли своей участи. Историкъ Франтца, плѣненный турками, описываетъ неистовства побѣдителей, которыхъ самъ былъ жертвою. „Во многихъ мѣстахъ, говоритъ онъ, не видать было земли изъ за множества труповъ; повсюду слышались крики и стенанія почтенныхъ женъ и дѣвъ, посвятившихъ себя Богу. Турки извлекали ихъ за косы изъ храмовъ.... Здѣсь представлялась взорамъ божественная кровь Спасителя, разлитая по полу и тѣло Его, разбросанное по угламъ; переломанные священные сосуды валялись повсюду; тамъ—образа украшенные золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными камнями, были попираемы ногами или ставились вмѣсто столовъ. Священныя ризы, вытканныя шелкомъ и золотомъ, служили попонами для лошадей или клались подъ ноги, какъ ковры. Многое и другое, что возмутило бы душу каждаго и исторгло слезу, совершилось въ этотъ день руками предтечей антихриста.... Во храмѣ Премудрости Божіей, на алтаряхъ, бражничали турки и предавались неистовымъ страстямъ, окруженные женщинами, дѣвами и юношами.... Вездѣ плачъ и страданія, въ домахъ слезы, въ храмахъ стоны мужей, рыданія женщинъ, грабежъ, плѣнъ, оскорбленія. Нѣтъ ни одного угла, который бы не былъ ограбленъ“ (¹). Скоро послѣдовало распоряженіе: всѣхъ плѣнныхъ жителей выводить за городъ и загнать въ рогатки, какъ стадо, для дѣлежа живой добычи.

Во всемъ Константинополѣ не пострадало только предмѣстье Галата, населенное большею частію итальянскими моряками, безъ которыхъ не могло обойтись правительство султана. Магометъ II велѣлъ предупредить ихъ, чтобы они оставались спокойными и что сила прежнихъ договоровъ будетъ сохранена. Тѣмъ не менѣе многіе итальянцы уѣхали. Прочіе поднесли султану ключи города. Стѣны предмѣстья вскорѣ были разрушены.

Въ 12 часовъ дня, по улицамъ заваленнымъ трупами, Магометъ въѣхалъ въ столицу. Поѣздъ направлялся къ св. Софіи. Въ храмѣ, уже ободранномъ и оскверненномъ, продолжался грабежъ. Одинъ янычаръ безъ всякой надобности разбивалъ мраморный мозаичный полъ. Ударомъ меча сул-

---

(¹) Φραντζῆς, 288—9. Приведено у Стасюлевича; Осада 166.

танъ сразилъ злодѣя и приказалъ повсюду остановить насилія. Пораженный величіемъ св. Софіи, которое прельщало взоръ даже среди явныхъ слѣдовъ разрушенія, султанъ распорядился очистить храмъ, убрать кресты и иконы и, призвавъ муфтія, велѣлъ ему прочесть съ амвона молитву и объявилъ отнынѣ этотъ великолѣпный памятникъ христіанскаго зодчества мечетью. По выходѣ изъ храма, плѣнный Лука Нотара, одинъ изъ послѣднихъ защитниковъ столицы, распростершись передъ султаномъ, поднесъ ему всѣ свои сокровища. Магометъ II сперва хотѣлъ даровать ему жизнь, а потомъ приказалъ убить его съ двумя старшими сыновьями; младшаго же, который привлекъ его вниманіе красотою, взялъ къ себѣ. Были казнены также плѣнные итальянскіе и каталонскіе предводители; спасся одинъ Контарини. Послѣ всѣхъ былъ казненъ великій визирь Галиль-паша, котораго султанъ уличилъ въ предательскихъ сношеніяхъ съ греками.

Тѣло императора было отыскано и погребено съ почестями. Султанъ оказалъ полное вниманіе православному духовенству, открыто высказываясь противъ католическаго, такъ какъ ненавидѣлъ болѣе всего латинянъ, опасаясь силы западныхъ народовъ. Потому онъ объявилъ свое желаніе, чтобы всѣ возвращались въ свои дома и сохраняли бы по прежнему свою религію и обычай, (*καὶ βιῶναι ἕκα στον κατὰ τὴν τάξιν*) пользуясь полною свободою и неприкосновенностью (1). Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мудрый правитель, онъ, отказываясь отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла Церкви, предоставилъ духовенству выбрать себѣ патріарха. Избраннымъ оказался епископъ Георгій Схоларій, подъ именемъ Геннадія, заклятой врагъ уніи. Султанъ утвердилъ выборъ, пригласилъ патріарха къ своему столу, чествовалъ его съ особеннымъ торжествомъ, наградилъ подарками, самъ провожалъ его на глазахъ всего двора до подъѣзда дворца, велѣлъ своимъ министрамъ сопутствовать ему до его резиденціи и въ заключеніе даровалъ фирманъ, по которому патріархъ и его имущество были освобождены отъ всякихъ податей и налоговъ. Ему предоставлялось жить свободно, запрещалось притѣснять его и оскорблять. Такія же права распространялись на всѣхъ его преемниковъ, а также на всѣхъ подчиненныхъ епископовъ (2). Нельзя не замѣтить, что султаны честно соблюдали свое обѣщаніе цѣлые вѣка.

(1) Это свидѣтельствуетъ Франтца, крайне враждебный къ туркамъ, 304.
(2) Φραντζῆς, 308.

Очистивъ городъ и добившись своей завѣтной цѣли, Магометъ приказалъ доставить въ столицу изъ Анатоліи, преимущественно изъ Синопа, 5000 мусульманъ; 60 тысячъ грековъ въ свою очередь было разселено по азіатскимъ городамъ. Плѣнныхъ тогда же перепродали или выкупили. Впрочемъ впослѣдствіи много бѣжавшихъ вернулись въ столицу и спокойно поселились въ ней. Громадная добыча, состоявшая изъ множества драгоцѣнныхъ вещей, главнымъ образомъ расхищенныхъ въ церквахъ и монастыряхъ, была снесена за городъ и раздѣлена между воинами, которые особенно дешево цѣнили манускрипты, продавая десятокъ томовъ за одинъ дукатъ.

Незамѣнима была потеря литературныхъ памятниковъ классической древности, которые хранились издавна въ Византіи и которые погибли во время погрома; по предположеніямъ нѣкоторыхъ тогда исчезло до 120 тысячъ манускриптовъ ([1]). Впрочемъ многое ранѣе было перенесено въ Италію, благодаря просвѣтительной дѣятельности греческихъ ученыхъ, которые учили публично во Флоренціи, Венеціи и другихъ городахъ. Они содѣйствовали главнымъ образомъ развитію гуманизма. Если Петрарка и Боккачіо считали полезнымъ, а иногда и необходимымъ изученіе греческаго языка для образованнаго человѣка, то тѣмъ сильнѣе упрочилось сознаніе этой потребности въ XV вѣкѣ, что увидимъ при изложеніи начальныхъ явленій Возрожденія классической древности. Здѣсь турки—какъ это ни странно—явились невольной, косвенной причиной, повліявшей на развитіе европейской образованности.

Послѣдствія завоеванія.

Утвердившись въ Царьградѣ, Магометъ II считалъ себя властителемъ всей Восточной Имперіи. Онъ игнорировалъ безсильныя попытки папы Пія II (1458—64 г.) организовать противъ султана крестовый походъ ([2]). Когда послѣ собора

([1]) Таково мнѣніе Гиббона (VII, 352), основанное на Дукѣ и на письмѣ Квирина папѣ Николаю V.

([2]) Это былъ тотъ самый Эній Сильвіо Пикколомини, который подвизился на Базельскомъ соборѣ и который, заинтересовавшись чехами, написалъ ихъ исторію (II, 903, 940 прим.). Убѣдившись въ разладѣ европейскихъ государей, когда дѣло шло объ общихъ церковныхъ интересахъ, онъ выразился что тогдашняя Европа «это тѣло безъ головы, это республика, въ которой нѣтъ ни законовъ, ни должностныхъ лицъ».

въ Мантуѣ, папа прибылъ въ гавань Анконы съ воинственною цѣлью, то увидѣлъ вокругъ себя ничтожную кучку наемниковъ и нѣмецкихъ пилигримовъ. Съ чувствомъ стыда папа долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія. Что касается до Магомета II, то онъ не могъ оставить и тѣни самостоятельности народамъ въ предѣлахъ Балканскаго полуострова. Въ 1459 году онъ, несмотря на неудачу подъ Бѣлградомъ (II, 1065), уничтожаетъ послѣ смерти Гуніада существованіе Сербіи. Это было сдѣлано великимъ визиремъ Махмудъ-пашею Въ томъ же году самъ султанъ вступилъ въ Пелопоннесъ, гдѣ продолжали считать себя независимыми братья погибшаго Константина, Димитрій и Ѳома. Первый изъ нихъ даже носилъ титулъ императора, считая себя преемникомъ правъ Палеологовъ. Это вызывало постоянную непріязнь къ нему Ѳомы, который, симпатизируя католицизму, призналъ унію еще до взятія Царьграда. Ѳома носилъ титулъ деспота Патраса. Вмѣсто того чтобы примириться послѣ ужаснаго несчастія, обрушившагося на послѣднихъ Палеологовъ, достойные братья воевали одинъ съ другимъ. Пользуясь этимъ, Магометъ овладѣлъ сѣвернымъ берегомъ Мореи, посѣтилъ Аѳины, гдѣ любовался монументальными памятниками древности и, присоединивъ весь Пелопоннесъ къ своимъ владѣніямъ, назначилъ этотъ городъ резиденціей своего намѣстника ([1]). Когда султанъ удалился, вспыхнуло возстаніе. Потребовался второй походъ; Димитрій и Ѳома наперерывъ искали расположенія султана, обѣщая ему повиновеніе, съ тѣмъ чтобы имъ предоставлено было управленіе. Но Магометъ не вѣрилъ ни одному изъ нихъ. Димитрій явился съ повинной къ султану и былъ сосланъ въ Айносъ, гдѣ султанъ выдавалъ ему пенсію, а Ѳома бѣжалъ въ Римъ, гдѣ окончательно перешелъ въ католицизмъ. Города Мореи были страшно наказаны. Султанъ велѣлъ не щадить въ нихъ никого; ужасныя жестокости были совершены надъ ихъ храбрыми защитниками. Начальники крѣпостей и городовъ подвергались жестокимъ мукамъ; ихъ пилили пополамъ тупыми пилами, пока они не испускали духъ. Въ 1459

([1]) Gregorovius. G. der Stadt Athen im Mittelalter. St. 2 B. 1889. Прежнія изсл.—Finlay. (The hist. of Graece under Otoman and Ven. domination. Ed. 1856); Hopf (Griech. im Mittelalter: — Ersch und Gruber); Mendelssohn-Bartholdy (G. Griech. L. 1870); Hertzberg (G. Griech. vom Absterben des antiken Lebens bis zur Gegenwart, 2 B. H. 1876—79).

году Пелопоннесъ былъ присоединенъ къ владѣніямъ султана и заселенъ турками, которые тамъ перемѣшались съ греками.

Покореніе Валахіи.

Въ 1462 году Магометъ II двинулся въ Валахію противъ воеводы ея Влада, отказавшагося платить дань туркамъ и тиранившаго столько же своихъ подданныхъ какъ и враговъ. Влада прозвали сами валахи Дракуломъ, считая его за палача. Дракулъ прославился невѣроятными жестокостями и дикою страстью къ истязаніямъ. Это былъ маніакъ въ своемъ родѣ, помѣшанный на изобрѣтеніи мученій для людей. Самые безпощадные сподвижники Магомета, привыкшіе къ кровопролитіямъ, смущались отъ этой изобрѣтательности валашскаго палача. Владъ былъ счастливъ въ битвахъ. Онъ въ партизанской войнѣ наносилъ не разъ пораженія туркамъ, пока они добрались до Букарешта. По дорогѣ султанъ не могъ не содрогнуться, увидавъ до 20 тысячъ жертвъ Дракула, преимущественно болгаръ всѣхъ возрастовъ: сожженныхъ, распятыхъ и замученныхъ въ разныхъ положеніяхъ. Когда Владъ бѣжалъ въ Венгрію, гдѣ король Матвѣй посадилъ его въ тюрьму, султанъ поставилъ правителемъ его брата Радула. Въ слѣдующемъ 1463 году была покорена Боснія. Кралю ея была отрублена голова; его родственники были удавлены. Венгерскій король, пытавшійся вернуть Боснію, хотя и овладѣлъ Яйтце, но долженъ былъ отступить послѣ неудачной осады Зворника, преслѣдуемый самимъ султаномъ, который на крови сотенъ тысячъ жертвъ основалъ свою имперію. Послѣ смерти Радула, въ 1480 году Магометъ присоединилъ Молдавію и Валахію къ своимъ владѣніямъ. Страшный Владъ вырвался изъ тюрьмы, появился было снова, но былъ убитъ своимъ рабомъ.

Война съ Венеціей.

Попытка Венеціи отнять Морею отъ турокъ повела къ 16-лѣтней войнѣ, которая была неудачна для республики. Отъ нея пострадали только греческіе города вслѣдствіе страшной турецкой расправы за содѣйствіе, оказанное республикѣ. Венеціанцы, отброшенные отъ Коринѳа, должны были спасаться на корабляхъ, а турки въ 1474 году взяли островъ Негропонтъ послѣ пяти приступовъ, окруживъ его 300 судовъ. Послѣдніе поборники независимости Греціи скрывались въ развалинахъ древней Спарты, гдѣ потомки ихъ отбивались отъ турокъ впродолженіи двухъ столѣтій.

Теперь Магометъ II считалъ себя наслѣдникомъ былаго могущества византійскихъ императоровъ. Онъ думалъ уже о покореніи Италіи и о подчиненіи своей власти стараго Рима. Турецкій десантъ въ 1480 году взялъ и разграбилъ Отранто. Это былъ ключь къ утвержденію въ Италіи. Уже папа Сикстъ IV (1471—84 года) собирался бѣжать изъ своей столицы. Вся Италія трепетала. Но въ слѣдующемъ году (2 іюля) не стало Магомета II; онъ скончался въ Вифаніи.

Несчастіе не примирило покоренныхъ съ ихъ участью. Идея христіанской Восточной Имперіи не умерла въ вѣрованіяхъ современниковъ, видѣвшихъ гибель Царьграда, переживших страшный погромъ и великія событія того времени. Эта идея перешла въ ряды позднѣйшихъ поколѣній. По этому представленію, только христіанскій, притомъ православный государь можетъ унаслѣдовать тѣ права, носителями которыхъ были издревле императоры Византіи. Эта идея выразилась между прочимъ въ фактѣ родственнаго союза дочери Ѳомы, племянницы Константина XI Софіи Палеологъ, съ великимъ княземъ Московскимъ Іоанномъ III Васильевичемъ.

Бракъ Софьи Палеологъ съ великимъ княземъ московскимъ.

Къ этому браку особенно сочувственно относились въ Римѣ, гдѣ въ видахъ прозелитизма разсчитывали не столько на самую княжну (ея отецъ Ѳома скончался въ Римѣ въ 1465 году), сколько на тѣхъ прелатовъ, которыхъ намѣревались послать въ Москву въ ея свитѣ. Московскіе великіе князья еще ранѣе состояли въ родствѣ съ Палеологами. Извѣстно, что тетка Іоанна III Васильевича, Анна Васильевна († 1417 г.) была супругою старшаго брата Константина XI, Іоанна, который, сдѣлавшись послѣ императоромъ подъ именемъ Іоанна II Палеолога, желая получить помощь съ Запада, отправился въ сопровожденіи своего брата Димитрія къ папѣ Евгенію IV (II, 1073). Затѣмъ, на соборахъ въ Феррарѣ и во Флоренціи въ 1439 году, онъ униженно согласился на унію, главнымъ условіемъ которой было признаніе главенства папы и догмата filioque. Изъ всѣхъ братьевъ его, только Ѳома раздѣлялъ сочувствіе къ Риму. Софья была воспитана во взглядахъ своего отца и матери, а послѣдняя была искренней католичкой. Бывшій никейскій архіепископъ Виссаріонъ, а потомъ кардиналъ Римской церкви, — тотъ самый, который публично лобызался въ флорентійскомъ каѳедралѣ съ кардиналомъ Юліаномъ Чезарини и торжественно призналъ унію, за что былъ удостоенъ

высшихъ почестей,—подалъ мысль о брачномъ союзѣ Софьи съ московскимъ государемъ. Онъ велъ сношенія съ Русью черезъ итальянца Іоанна Фрязина, начальника монетнаго двора въ Москвѣ, нарочно два раза ѣздившаго въ Римъ по этому дѣлу. Великій князь, овдовѣвшій въ 1467 году, съ особеннымъ удовольствіемъ принялъ совѣтъ вступить въ бракъ съ греческой царевной. Въ 1469 году было назначено невѣстѣ отбыть въ Москву, послѣ обрученія; въ этой церемоніи особу великаго князя изображалъ тотъ же Фрязинъ. Съ своей стороны умная и энергичная царевна съ охотой стремилась въ Москву; ее сопровождала греческая свита, но все веденіе дѣла и верховное наблюденіе было предоставлено папскому легату кардиналу Антонію, который занялъ главное мѣсто въ свитѣ царевны. Извѣстно, что россіянъ смутилъ красный костюмъ легата, его перчатки, которыя онъ не снималъ даже въ церкви, его отвращеніе отъ православныхъ иконъ, а особенно, большое литое распятіе, которое носили передъ нимъ. Извѣстно, что московскій митрополитъ Филиппъ, узнавъ о желаніи кардинала съ торжественностью вступить въ Москву, передалъ великому князю, что если папскій легатъ вступитъ съ своимъ крестомъ въ одни ворота, то онъ выйдетъ въ другія. Распятіе отобрали отъ легата, несмотря на его сопротивленіе.

Бракосочетаніе Іоанна было совершено въ день пріѣзда невѣсты (12 ноября 1472 г.) въ присутствіи грековъ. Тогда Іоаннъ III, считая себя наслѣдникомъ греческихъ императоровъ, принялъ византійскій гербъ — бѣлаго двуглаваго орла. Софья была достойною своего новаго положенія. Она оказалась вѣрной православію и бросила, по крайней мѣрѣ повидимому, уніатскіе церковные обряды и обычаи. Она имѣла значительное вліяніе на политику Іоанна III и главнѣйшія событія его царствованія современники связывали съ именемъ Софьи. Тѣмъ не менѣе она не пользовалась популярностью. Въ глазахъ русскаго народа вообще самое паденіе Царьграда представлялось наказаніемъ Божіимъ за великій грѣхъ грековъ, за измѣну православію, за замыселъ флорентійской уніи, которую старые русскіе бытописатели не могли простить Византіи, забывая, что унія не имѣла значенія, осталась только на бумагѣ и не была допущена въ Константинополѣ. Родство московскаго государя съ Палеологами нисколько не породнило русскихъ съ греками; напро-

тивъ, оно уменьшило прежнія симпатіи, тѣмъ болѣе что Софья, прибывъ отъ „великаго Рима и нѣмецъ", имѣла несчастіе быть по отцѣ „христіанска, а по матери латынска". Потому - то современники отмѣтили, что когда на Москву пришла „великая княгиня Софья съ греки, такъ наша земля замѣшалася" (1).

Этотъ взглядъ сложился главнымъ образомъ подъ вліяніемъ желанія папскаго легата воспользоваться высокимъ положеніемъ Софьи Палеологъ въ интересахъ католицизма. Не безъ вліянія княгини былъ допущенъ диспутъ между легатомъ и высшимъ православнымъ духовенствомъ, хотя самъ государь не изъявлялъ никакого намѣренія сдѣлать какія либо уступки католикамъ. Митрополитъ пригласилъ къ состязанію начетчика Никиту, который будто заставилъ замолчать своею ученостью Антонія. Кардиналъ сослался на неимѣніе книгъ подъ руками и диспутъ прекратился. Легатъ прожилъ 11 недѣль въ Москвѣ и былъ отпущенъ вмѣстѣ съ греками съ богатыми дарами.

Такъ къ полному разочарованію папства, кончился этотъ эпизодъ.

Пророчества. Тѣмъ не менѣе родственная связь Рюриковичей съ Палеологами получила въ воображеніи народовъ Восточной Европы огромное обаяніе. Въ виду возрастающаго могущества Московскаго государства, всѣ предсказанія о сверженіи турецкаго ига и о возрожденіи Византійской имперіи къ новой исторической жизни примѣнялись къ русскимъ государямъ. Сложились цѣлыя повѣсти и сказанія о Царьградѣ, на основаніи разныхъ пророчествъ и предсказаній, пытавшихся съ точностью опредѣлить время освобожденія града Константинова отъ невѣрныхъ. Когда указанные сроки проходили, то народное воображеніе, нисколько не смущаясь, перетолковывало цифры и откладывало наступленіе желанной минуты до болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго. И видѣніе Даніила, которое подтвердилось во многихъ событіяхъ, и преданія Льва Мудраго, и предвѣщанія Меѳодія, и таинственная надпись изъ согласныхъ греческихъ буквъ, начертанная какими-то мудрецами на гробницѣ Константина Равноапостольнаго, — все это отраженіе работавшей и неспокойной народной мысли,

---

(1) Сборникъ князя Оболенскаго (М. 1828), 3.

имѣло одну цѣль обнадежить христіанскій Востокъ болѣе отраднымъ будущимъ [1]. Чѣмъ тяжелѣе былъ гнетъ, тѣмъ глубже народное чувство уходило въ поэтическую область этихъ идиллическихъ грезъ и упованій. Сами турки, — поспѣшившіе засыпать т. н. Золотые Ворота у Семибашеннаго замка, потому только, что по греческому народному преданію, черезъ нихъ побѣдно вступитъ христіанское воинство въ Стамбулъ, — придавали серьезное значеніе этимъ пророчествамъ.

---

(1) Чтобы ознакомить съ характеромъ этихъ пророчествъ, приведемъ одно изъ нихъ, наиболѣе разработанное. Это «Видѣніе монаха Даніила», о которомъ упоминаетъ Ліутпрандъ въ 968 г. Оно вошло въ славянскія «Повѣсти о Цареградѣ»:—«Взыдетъ огнь отъ моря, и землю живую зажжеть море, и нападеть надъ Седьмохлъмаго, и обратитъ лице свое на западъ солнцу. И горе тебѣ, Седьмохолмый, отъ таковаго гнѣва, еда окружишися вои многими... и красныя стѣны твоя падутъ ꙗко смоковное листвіе. И видетъ отрочя въ тя, и умилено скипьтро поставитъ; и въ немъ не пребудетъ.... И возстанеть змій спяи и поразитъ отрочя, діадиму же его облекъ, и возвеличитъ имя свое въ малѣ. И сынове же потыбельніи утвердившеся дадять лица своя къ западу слнцу. И тако дасть змін спяи смрть преподобному, и удръжитъ Седьмохолмаго. Русъ-же ꙗзыкъ шестыи и пятыи насадитъ въ немъ зеліе, и снѣдять отъ него мнози въ отмщеніе святымъ.... На западѣ же нѣкто промышляя восточною, и по сихъ воздвигнеться самозаконныи и со нимъ, и нимъ великъ дивіевиденъ, избіють Измаилты и поженуть ихъ.... и смутятся ꙗзыци сѣдящеи, и иже суть на сѣвернѣи странѣ, и вси сѣверніи поидуть съ лютѣйшимь гнѣвомь, и соидуть до великія рѣки.... тогда смутятся ꙗзыци сѣдящеи на южнѣмь углѣ. И востанетъ великии Филиппъ съ ꙗзыкы осьмнадесяте, и съберутся въ Седьмохолмомъ, и сразится бои иже не быть николи же, и потекуть по удоліямъ и по улицамъ Седьмохолмаго ꙗко рѣки крови человѣческыя, и возмутится море отъ крове до Тѣснаго Устія. Тъгда Въоусъ возопіеть, и Скерелафъ восплачеть, и Стафоринъ речеть: «Станите! миръ вамъ, и отмщеніе на непослушныхъ! Изъидѣте на десныя страны Седьмохолмаго, и обрящете человѣка у двою столпу стояща сѣдинами праведна и молитва носяща, взоромь остра, разумомъ же кротка, срѣдняго врѣстою, имѣюща на десной нозѣ посреди голени бѣлѣгъ. возъмѣте его, и вѣнчаите царя: то ѥсть вамъ владыка!....» И введутъ его во святую Софію, и вѣнчаютъ и царя, и дадять въ десную его руку оружіе, глаголюще ему: «мужаися и побѣждаи врагы своя». И восприімъ оружіе и поразитъ Измаилты, Ефіопы, Ѳруги, Татаре и всякъ родъ ихъ; и убо Измаилты раздѣлитъ на трое: первую часть погубить оружіемъ, вторую крстить, третью отженеть съ великою яростію.... И открыются сокровища земная и всѣ обогатѣють, и никто же нищь будеть, и земля дасть плодь свои седмирицею....» Повѣсть о Цареградѣ. Уч. Зап. II Отд. 1854, I, 135—136.

На государей Россіи переносилось такимъ образомъ то обаяніе, которое имѣла корона императоровъ византійскихъ. Народное пониманіе балканскихъ христіанъ высказало это въ одной сербской пѣснѣ о томъ: „Какъ отдаривалъ султанъ турецкій царя Московскаго" ([1]). Не желая уступить въ любезности и щедрости русскому государю, султанъ совѣщался съ любимымъ пашою, хаджи и кадіемъ. Всѣ они посовѣтовали обратиться къ патріарху, который знаетъ обычаи русскихъ. Патріархъ указалъ на такіе предметы, съ которыми было связано воспоминаніе о порабощенномъ на Балканахъ христіанствѣ. Это были вещи, которыя султану не пригодны, а Москвѣ будутъ весьма пріятны....

— «Посохъ есть отъ Нѣманича Саввы,
Златъ вѣнецъ царя есть Константина,
Іоанна Златоуста ризы,
Да съ святымъ крестомъ на древкѣ знамя,
Что держалъ въ бою царь сербскій Лазарь.

Султанъ согласился и поручилъ патріарху передать подарки посланцамъ московскимъ. Патріархъ, понимая высокое значеніе этихъ драгоцѣнныхъ предметовъ, наказалъ посламъ ѣхать окольными путями, чтобы сберечь святыню отъ погони турецкой. Онъ зналъ, что ему не сносить головы, когда растолкуютъ султану: что значатъ эти дары въ глазахъ христіанъ. Его предчувствіе оправдалось. Паша, узнавъ отъ султана о томъ, чего лишился Стамбулъ, воскликнулъ:

— «Царь-султанъ, пресвѣтлое ты солнце!
Если ты Царю послалъ святыни,
Выше коихъ нѣтъ для христіанства,
Приложилъ бы къ нимъ ужъ также кстати
И ключи отъ своего Стамбула!
Все равно — отдать пріидется послѣ
И съ великимъ для тебя позоромъ!

([1]) Гербель. Поэзія славянъ (Спб. 1871); 84—85, пер. А Майкова. Вѣроятно, поводомъ послужила злосчастная исторія печскаго патріарха Гавріила I, который далъ царю Алексѣю Михайловичу совѣтъ противъ султана. За это онъ былъ повѣшенъ.

6) Послѣдняя реакція во имя среднихъ вѣковъ. Война Розъ въ Англіи и историческое значеніе ея.

Въ то время, когда правительства на Западѣ стремились уничтожить средневѣковыя формы, не гарантировавшія обществу ни историческаго развитія, ни безопасности, когда вездѣ старались создать общіе интересы, установить единство, организовать власть, когда государственный принципъ на Западѣ проявилъ свою силу, въ то время, когда въ сѣверной и средней Италіи исчезалъ рядъ маленькихъ республикъ, постепенно обращавшихся въ княжества, —въ Англіи была сдѣлана попытка произвести реакцію противъ молодаго государственнаго начала во имя умиравшаго феодализма, во имя старыхъ традиціонныхъ началъ. Эта реакція выразилась въ Англіи, въ борьбѣ политическихъ партій Алой и Бѣлой Розъ. Трудно обобщить, трудно установить съ точностью явленія борьбы Розъ; все таки болѣе или менѣе ясный характеръ протеста имѣетъ это очевидное стремленіе возстать противъ государственнаго начала, поддержать средневѣковую анархію хотя на короткое время. Эта послѣдняя реакція—во имя отходившаго въ область вѣчности средневѣковья—по времени относится къ новой исторіи, а по смыслу руководящей идеи завершаетъ средневѣковую исторію.

Междоусобія при Генрихѣ VI.

Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ смерти короля Генриха V, при малолѣтнемъ сынѣ его Генрихѣ VI, для Англіи становится особенно гибельною вражда между обоими дядями короля, герцогомъ Глостеромъ и кардиналомъ Генрихомъ Винчестерскимъ. Около нихъ вращались приверженцы изъ среды пэровъ и второстепенной аристократіи. Пользуясь малолѣтствомъ короля, они ввергли Англію въ полный хаосъ; надо удивляться, какъ Англія находила средства продолжать вести борьбу съ Франціей. Самовольство этихъ людей было безграничное. Кардиналъ былъ алчный, скупой, высокомѣрный, властолюбивый человѣкъ. Какъ духовный, онъ имѣлъ большое вліяніе на слабаго, неспособнаго, суевѣрнаго Генриха. Онъ былъ непопуляренъ за свой чрезмѣрный папизмъ, за походъ противъ гуситовъ, а особенно за желаніе упрочить миръ съ Франціей. Онъ самъ зналъ за собой такъ много грѣховъ, что испросилъ у короля грамоту, которою ему проща-

лось все, что онъ когда бы то ни было сдѣлалъ. Противникомъ его былъ Глостеръ, который настаивалъ на продолженіи войны съ Франціей. По смерти герцога Бедфорда, намѣстника во Франціи, они горячо враждовали за назначеніе новаго правителя во Франціи. Кардиналу хотѣлось назначить туда своего племянника графа Бьюфорта Соммерсета, а Глостеръ имѣлъ въ виду герцога Ричарда Іорка, внука Эдмунда Іоркскаго (четвертаго сына покойнаго Эдуарда III). Пока соперники ссорились изъ за того, кто будетъ намѣстникомъ Англіи, Парижъ сдался королю Карлу VII и былъ навсегда потерянъ для Англіи. Вопреки проискамъ и интригамъ кардинала, Ричардъ вторично былъ назначенъ намѣстникомъ Франціи.

Такимъ образомъ въ Англіи образовалось двѣ враждебныхъ политическихъ партіи. Противники пользовались всякимъ удобнымъ средствомъ, чтобы вредить другъ другу. По интригамъ кардинала Генриха, за котораго было духовенство, жена Глостера, герцогиня Элеонора была обвинена въ колдовствѣ за то, что спрашивала у колдуньи: долго-ли проживетъ король Генрихъ VI. Партія кардинала Генриха женила короля на Маргаритѣ, дочери Ренэ анжуйскаго, носившаго титулъ короля неаполитанскаго и сицилійскаго, и только что возвратившагося изъ безуспѣшнаго похода въ южную Италію, во время котораго онъ лишился всѣхъ своихъ владѣній во Франціи. Новая королева, отличавшаяся рѣшительнымъ характеромъ, скоро завладѣла слабымъ мужемъ, а покровительствуемый ею Соффолькъ сдѣлался всемогущъ. Королева и ея любимецъ не замедлили начать интриги противъ Глостера. Они желали его гибели главнымъ образомъ потому, что, пока король не имѣлъ дѣтей, герцогъ считался наслѣдникомъ престола, и пользовался большою популярностью въ народѣ, называвшемъ Глостера добрымъ герцогомъ. Паденію Глостера содѣйствовалъ также герцогъ Ричардъ Іоркъ, вернувшійся въ 1446 году изъ Франціи и принятый при дворѣ милостиво. Въ то время его не считали опаснымъ. По интригамъ королевы, враги Глостера обвинили его въ государственной измѣнѣ, въ покушеніи на свободу короля. Чрезъ двѣ недѣли онъ умеръ въ заключеніи, вѣроятно насильственной смертью. Это не могло не раздражить народа, среди котораго герцогъ пользовался популярностью.

У жертвы нашелся замѣститель. Его роль взялъ на себя Ричардъ Іоркскій, который перешелъ на сторону нижней па-

латы. Ланкастерскій домъ былъ по прежнему на сторонѣ верхней палаты; во главѣ этой аристократической партіи стояла Маргарита, которая ввела девизомъ своей партіи алую розу; тогда Іорская партія лордовъ вмѣстѣ съ Ричардомъ сдѣлала своимъ девизомъ бѣлую розу. Эта послѣдняя партія борется съ аристократическими приверженцами, во главѣ коихъ стояли страннымъ образомъ король и королева, защищавшіе хаосъ и отрицавшіе потребность государственнаго порядка. Эта борьба принесла огромный вредъ Англіи. Она уничтожила аристократію въ Англіи и погубила многіе десятки тысячъ людей. Она началась въ 1455 году, ознаменовавшемся изобрѣтеніемъ книгопечатанія, и продолжалась 30 лѣтъ (1).

---

(1) Обращаясь къ изложенію событій исторіи Англіи во второй половинѣ XV столѣтія, слѣдуетъ отвести первое мѣсто хроникѣ Вурстера (Guillelmus Worcesterus) «Annales rerum Angliae». Разсказъ событій въ этой хроникѣ отъ 1324 года доведенъ до 1492 года. Самъ Вурстеръ жилъ только до 1480 года. Съ 1480 по 1492 годъ хронику составлялъ его сынъ. Эта хроника служитъ продолженіемъ лѣтописи—Joh. Whethamstade (1441—1461 года). Обычная оффиціальная хроника Сентъ-Альбанскаго монастыря доводитъ изложеніе до 1469 г. подъ редакціей аббата Ваврина. Хроника Варкворта излагаетъ событія отъ 1461—74 года. Затѣмъ слѣдуетъ отмѣтить другой трудъ, тоже современника. Это хроника Іоанна Старшаго (Johannes Major)—De historia gentis Scotorum seu historia Majoris Britanniae libri sex, usque ad a. 1495. Эта хроника наиболѣе авторитетна. Іоаннъ Старшій собиралъ свѣдѣнія отъ самихъ участниковъ. Но есть матеріалъ, въ который внесено много баснословнаго; это хроника Роберта Фабіана, лондонскаго шерифа. Робертъ Фабіанъ—писатель XVI вѣка († 1512 году). Онъ на англійскомъ языкѣ изложилъ анекдотическую исторію войны Алой и Бѣлой Розы и моментъ финала этой борьбы (Concordance of stories. Camb. 1740). Но нельзя отрицать достоинствъ этой хроники со стороны подробностей и характеристики нравовъ. Эти детали характеристичны впрочемъ для историка. Непосредственно для послѣдняго момента борьбы важна хроника Томаса Мура. «Исторія Эдуарда V въ его кратковременномъ царствованіи» Томасъ Муръ жилъ въ первой половинѣ XVI вѣка. Онъ пользовался сообщеніями позднѣйшихъ поколѣній. Хроника эта переведена въ 1689 году французомъ Лувэномъ. Томасъ Муръ составилъ еще исторію Ричарда, которою пользовался Рафаэль Голиншедъ (Holingshade); онъ былъ всегда компиляторомъ (Chronicles comprising the description and history of England, Irland and Scotland. L. 1577). Съ этой точки зрѣнія относится къ нему В. Шекспиръ. Моментъ замиравшей борьбы Алой и Бѣлой Розы былъ важенъ для Шекспира своимъ глубокимъ драматизмомъ. Характеръ Ричарда III для драматурга являлся исполненымъ трагическаго смысла. Человѣкъ, или,

Битва при Таунтонѣ; король Эдуардъ IV (1461—83 г.).

Въ началѣ борьбы герцогъ Ричардъ Іоркскій явился явнымъ врагомъ аристократіи, которая группировалась вокругъ короля и королевы Маргариты. Было очевидно, что партія королевы защищала хаосъ и отрицала государственный порядокъ, а такъ называемые мятежники воевали ради государственнаго порядка съ тѣмъ, чтобы своему вождю дать королевскій престолъ или, по крайней мѣрѣ, неограниченное вліяніе въ государствѣ. При началѣ войны Розъ, Ричардъ былъ побѣжденъ и убитъ; но его сынъ, будущій король Эдуардъ IV, занялъ мѣсто своего отца и отомстилъ за него. Королева Маргарита и Эдуардъ соперничали другъ съ другомъ въ звѣрствѣ. Обѣ стороны отдавали своимъ войскамъ приказаніе убивать знатнѣйшихъ враговъ, которыхъ прежде щадили ради выкупа: поэтому къ концу столѣтія древнія могущественныя фамиліи почти всѣ были истреблены; титулы ихъ и часть владѣній перешли въ новые роды, а феодальныя права, которыми они пользовались въ силу обычая, большею частію прекратились. Эдуардъ, или точнѣе его талантливый полководецъ Варвикъ, встрѣтившись (12 марта 1461 г.) съ правительственными войсками между мѣстечками Таунтономъ и Секстономъ, разбилъ ихъ на-голову, причемъ пало болѣе 30 тысячъ воиновъ изъ партіи Ланкастеровъ. Это было кровопролитнѣйшее сраженіе, въ которомъ люди дрались грудь съ грудью до самой ночи и пало столько же народу, сколько въ нашъ вѣкъ при Бородинѣ. Варвикъ послѣ побѣды пошелъ на Лондонъ, взялъ его и провозгласилъ Эдуарда IV королемъ. Палата общинъ, интересы которой поддерживалъ новый король, объявила низвергнутой прежнюю династію, какъ незаконную, ибо нашли возможность доказать съ натяжкой изъ генеалогіи, что новый король по женской линіи ведетъ свое происхожденіе отъ второго сына Эдуарда III, тогда какъ Ген-

---

лучше сказать, дьяволъ въ образѣ человѣка, который, ради достиженія престола, устраняетъ съ пути всѣхъ своихъ родныхъ, бывшихъ ему помѣхою, который испытываетъ душевныя терзанія и все таки продолжаетъ злодѣйствовать, — такой характеръ вполнѣ просился подъ перо Шекспира. Великій драматургъ началъ свою литературную дѣятельность съ историческихъ хроникъ; иногда онъ буквально опирался на лѣтописный матеріалъ. Поэтому-то для тѣхъ, кто не можетъ читать хроникъ, чтеніе историческихъ трагедій Шекспира, въ особенности его трилогіи: «Генрихъ VI», «Ричардъ III» и «Генрихъ VII», будетъ поучительно.

рихъ VI происходитъ отъ третьяго его сына. Король Генрихъ VI былъ схваченъ и посаженъ въ Тоуэръ. Маргарита успѣла уѣхать во Францію. Іоркскій домъ съ 1461 года воцарился, а вмѣстѣ съ нимъ восторжествовали общины надъ аристократіей. Но борьба этимъ не кончилась. Сторона Алой Розы не могла забыть своего пораженія. Французскій король Луи XI принялъ подъ свое покровительство Маргариту, ибо въ его интересахъ было поддерживать въ Англіи борьбу партій: онъ стремился отнять у англичанъ всѣ завоеванія во Франціи. Сильныя аристократическія фамиліи были всегда за Маргариту, потому что послѣдняя искреняя дружина съ феодалами. Все правленіе Эдуарда IV прошло въ мятежахъ, возбужденыхъ агентами Маргариты. Онъ безнаказанно преслѣдовалъ лордовъ, казнилъ ихъ безъ разбору, конфисковалъ имѣнія или раздавалъ ихъ владѣнія своимъ приверженцамъ.

Разсчитываютъ такимъ образомъ, что имѣнія, конфискованныя королемъ въ различные періоды его царствованія, за дѣйствительную или кажущуюся измѣну владѣльцевъ, составляли по крайней мѣрѣ $^1/_5$ часть всего государства. Затѣмъ отняты были всѣ награды, пожалованныя въ три послѣднія царствованія, и всѣ семейства, оказавшія услугу Ланкастерскому дому, были обвинены въ государственной измѣнѣ. Палата была къ услугамъ короля, котораго она прозвала милостивымъ. Эдуардъ IV однажды похвастался своей мягкостью и держалъ такую рѣчь къ депутатамъ: „Благодарю васъ отъ всей души, и съ помощью Всемогущаго Бога буду для васъ столь же добрымъ и милостивымъ неограниченнымъ властелиномъ, какъ едвали кто изъ моихъ предшественниковъ былъ для своихъ подданныхъ и вассаловъ. Благодарю васъ отъ глубины сердца за вѣрность и любовь ко мнѣ, доказанныя вами тѣми усиліями, которыя вы употребили, чтобы возвратить мнѣ мои права и престолъ, которымъ я нынѣ обладаю“.

Сверженіе Эдуарда IV въ 1471 г.

Королю Эдуарду IV все удавалось пока онъ былъ въ дружбѣ съ Варвикомъ, но послѣдній вскорѣ поссорился съ Эдуардомъ, такъ какъ король, вступивъ въ морганическій бракъ, былъ поставленъ въ такія обязательства, которыя никакъ не могли соотвѣтствовать дружескимъ отношеніямъ къ Варвику. Король женился на Елизаветѣ, женщинѣ незнатнаго происхожденія. Свадьба до тѣхъ самыхъ поръ

сохранялась въ тайнѣ, пока въ сентябрѣ 1464 г. партія Ланкастерскаго дома была совершенно уничтожена и можно было пренебречь людьми, возведшими Іоркскій домъ на престолъ. Елизавета далеко не принадлежала къ числу талантливыхъ женщинъ; безъ образованія, недальновидная и честолюбивая, она злоупотребляла довѣріемъ короля. Друзья и приверженцы Елизаветы, слѣдовательно союзники и родственники Ланкастерскаго дома, стали получать мѣста и имѣнія и пользоваться вліяніемъ при дворѣ. Король осыпалъ всѣхъ родственниковъ своей жены милостями. Пять сестеръ королевы были выданы за знатнѣйшихъ графовъ государства и богатѣйшаго герцога; два брата ея женились на богатыхъ невѣстахъ; между прочимъ одинъ 20-ти лѣтній женился на 80-ти лѣтней вдовѣ ради ея наслѣдства. Вліяніе, пріобрѣтенное ланкастерскою партіею при дворѣ Іорка, возбудило въ графѣ Варвикѣ непримиримую ненависть къ королю. Варвикъ пользовался громадною популярностью среди народа, которому подслуживался подарками. Разрывъ между королемъ и Варвикомъ произошелъ тогда, когда король помолвилъ свою сестру Маргариту за бургундскаго герцога Карла Смѣлаго и при этомъ заключилъ съ нимъ союзъ на 30 лѣтъ, который доставилъ герцогу опору противъ французскаго короля. Варвикъ питалъ личную вражду къ Карлу Смѣлому и не формальнаго желалъ допустить утвержденія союза короля съ бургундскимъ герцогомъ. Это послѣднее вооружило Варвика противъ короля. Онъ воспылалъ такою же сильною ненавистью къ королю, какую питалъ прежде къ ланкастерскому дому. Варвикъ готовъ былъ совсѣмъ перейти на сторону ланкастерской партіи. Тогда онъ уѣхалъ во Францію и здѣсь въ 1470 году въ Амбуазѣ заключилъ договоръ съ королевой Маргаритой; младшая дочь Варвика должна была выйти за мужъ за сына Генриха VI, котораго предполагали вновь посадить на тронъ; а Варвикъ во время малолѣтства его, долженъ былъ неограниченно управлять Англіей, именемъ Генриха и Маргариты.

Старый и изворотливый честолюбецъ достигалъ такимъ образомъ своихъ цѣлей; недаромъ онъ назывался „дѣлателемъ королей“ въ Англіи. Варвикъ высадился на англійскій берегъ и пошелъ на Лондонъ, въ который вступилъ съ торжествомъ 6 октября 1471 года. Королева Елизавета, оставшаяся въ столицѣ, укрылась въ Вестминстерскомъ соборѣ, гдѣ родила сына Эдуарда, будущаго короля, а 13 октября того же года Ген-

рихъ VI былъ снова провозглашенъ королемъ и проѣхалъ съ короною на головѣ по улицамъ города. Въ страхѣ Эдуардъ IV бѣжалъ въ Бургундію, но онъ не отчаявался въ успѣхѣ своего дѣла.

Битвы при Бернетѣ и Тьюксбери въ 1471 г. и возстановленіе Эдуарда IV.

Благодаря умѣренности Варвика, въ Лондонѣ не было совершено никакихъ жестокостей. Карлъ Смѣлый, которому теперь угрожала война со стороны Франціи и Англіи, не переставалъ поддерживать короля Эдуарда значительными денежными суммами и побуждать англійское рыцарство пристать къ королю, если тотъ сдѣлаетъ попытку возвратить себѣ престолъ. Въ мартѣ 1471 года Эдуардъ собралъ нѣсколько тысячъ англичанъ. Съ этимъ войскомъ на флотѣ, предоставленномъ Карломъ Смѣлымъ, Эдуардъ переплылъ море, высадился 14 марта 1471 года на берегъ Англіи и отправился въ Іоркъ. Между тѣмъ Варвикъ не могъ сойтись съ своими братьями. Монтегю, братъ Варвика, которому велѣно было захватить короля во время высадки и который могъ сдѣлать это,—но не сдѣлалъ изъ зависти къ старшему брату,—не двинулся съ мѣста. Эдуардъ выступилъ изъ Іорка. Варвикъ пошелъ на встрѣчу ему. Въ апрѣлѣ 1471 года произошла рѣшительная битва при Бернетѣ (между Сентъ-Альбансомъ и Лондономъ). Побѣда осталась за Эдуардомъ и Варвикъ вмѣстѣ съ братомъ Монтегю палъ въ бою. Послѣ гибели своихъ вождей іоркская армія разбѣжалась.

На другой день послѣ битвы, королева Маргарита высадилась въ Англію съ своимъ сыномъ, принцемъ Валлійскимъ, и еще разъ стала во главѣ своихъ приверженцевъ, собравъ довольно значительное число друзей Ланкастерскаго дома. Въ началѣ мая Эдуардъ одержалъ при Тьюксбери вторую побѣду, и Маргарита съ сыномъ попалась въ плѣнъ. Эдуардъ повезъ ее съ тріумфомъ въ Лондонъ и заключилъ въ Тоуэръ, откуда она была освобождена лишь черезъ пять лѣтъ. Съ принцемъ Валлійскимъ король поступилъ варварски: онъ собственноручно ударилъ мальчика желѣзною перчаткою и потомъ велѣлъ его растерзать. Въ пылу мести онъ хотѣлъ избить лордовъ и рыцарей, скрывавшихся въ церкви, но священникъ удержалъ его съ святымъ причастіемъ въ рукахъ и не допустилъ войти въ храмъ. Черезъ два дня король послалъ въ церковь вооруженныхъ людей, которые вытащили несчастныхъ бѣглецовъ изъ ризницы и отвели ихъ на эшафотъ. Несчастный король

Генрихъ VI тотчасъ послѣ битвы при Бернетѣ былъ посаженъ въ Тоуэръ и лишенъ жизни въ самый день въѣзда Эдуарда IV въ Лондонъ.

Перемѣна въ характерѣ Эдуарда IV послѣ 1472 г.

Въ слѣдующіе годы, во второй періодъ своей власти, Эдуардъ правилъ сурово и жестоко, казнилъ вельможъ и рыцарей, отнималъ имущества. Филиппъ Коминъ, который былъ агентомъ Луи XI въ Англіи, разсказываетъ, что сраженіе при Тьюксбери было двѣнадцатою кровопролитною битвою въ войнѣ Алой и Бѣлой Розъ, въ теченіе которой погибло въ битвахъ и на эшафотѣ много принцевъ королевскаго дома, больше половины дворянства и до 60 тысячъ человѣкъ другихъ сословій (¹). Эдуардъ ограбилъ до чиста своихъ враговъ, на имущества которыхъ кинулись его братья и прислужники. Напримѣръ богатѣйшая графиня Варвикъ была лишена всего и принуждена была снискивать пропитаніе иголкой. Ея дочь

(¹) Филиппъ Коминъ (1445—1509 г.), по содержанію и характеру своей «исторіи», принадлежитъ скорѣе къ писателямъ новаго времени чѣмъ средневѣковаго. Онъ былъ аристократъ по происхожденію, служилъ у Карла Смѣлаго, потомъ его переманилъ къ себѣ Луи XI. Онъ послѣ сопутствовалъ Карлу VIII въ итальянскомъ походѣ и пользовался расположеніемъ Луи XII. Онъ холодный наблюдатель и строгій судья; онъ понимаетъ смыслъ преобразованій и стремленій такого короля, какъ Луи XI, хотя находитъ что политическія учрежденія Англіи лучше, потому что сдерживаютъ произволъ. Онъ излагаетъ исторію того что видѣлъ и слышалъ за періодъ 1460—88 г. въ соч. — Cronique et hystoire contenant les choses advenues durant le regne du Roy Lous XI tant en France, Bourgogne, Flandres, Arthois, Angleterre que Espoigne et lieux circonuoisins. (Изд. P. 1525, Ельзевира 1548, Lengles du Fresnoy, 1747; изъ новыхъ Buchon, P. 1876 вмѣстѣ съ мемуарами Olivier de la Marche о современныхъ бургундскихъ дѣлахъ). Барантъ въ «исторіи Бургундскихъ герцоговъ» замѣчаетъ о хроникѣ Комина, что нѣтъ книги болѣе полезной для политическаго назиданія, ибо она исполнена положительнаго содержанія и носитъ на себѣ слѣды опытности автора, оставаясь чуждою всякихъ теоретическихъ вліяній. О Коминѣ: F. von Hulst (Phil. de Comines, Liége, 1845), Kervyn de Lettenhove (Lettres et négociations de Comines, Br. 1867; его же Etudes sur les hist. du XV siècle въ Bull. de l'Ac de Belgique, 2 s. bII). Weber (Heid. 1875). — Для исторіи Ричарда III главнымъ образомъ служитъ продолжатель Gulelmi Worcestrii съ 1480 по 1492 г.. сынъ лѣтописца, носившій имя отца. У Alain Bouchard (Les grandes chronicques de Bretaigne etc. P. 1514, 1531, 1532, 1541), который касается также исторіи Англіи, много басень.

была взята на кухню брата королевскаго, Георга Кларенса, но третій братъ Ричардъ Глостеръ нашелъ ее тамъ и женился, чтобы воспользоваться огромнымъ наслѣдствомъ Варвика на законномъ основаніи. Овдовѣвшая Маргарита, вынесшая въ жизни столько несчастій, была выкуплена изъ плѣна французскимъ королемъ и скончалась изгнанницей во Франціи.

Эдуардъ V (1483 г.).

Здѣсь собственно кончается война Розъ, потому что вражда въ самомъ королевскомъ семействѣ между братьями, по сущности фактовъ не имѣетъ ничего общаго съ исторіей Розъ. Королевскіе братья домогаются власти и удѣловъ. Эдуардъ IV, томимый подозрительностью, видитъ въ нихъ соперниковъ. Ему было предсказано, что онъ погибнетъ отъ человѣка, имя котораго начинается съ буквы G; тогда онъ казнилъ *Георга* (Georg) Кларенса, но его сына погубилъ третій братъ Ричардъ *Глостеръ*, который, убивъ малолѣтняго Эдуарда V, сталъ королемъ съ 1483 года подъ именемъ Ричарда III. Новый властитель былъ одушевленъ самыми энергичными намѣреніями и, попирая всякія человѣческія чувства и нравственныя начала, готовъ былъ дѣйствовать въ интересахъ усиленія королевскаго авторитета. Но его правленіе было кратковременно (1483—1485 г.) и прошло въ непрерывавшейся борьбѣ съ ненавидѣвшими его подданными. Исторія Ричарда III есть исторія злодѣйствъ, такъ пластично переданныхъ Шекспиромъ.

Мы остановимся только на немногихъ фактахъ, которые разъясняютъ сверженіе Ричарда и вступленіе новой династіи на англійскій престолъ, — такъ какъ время правленія Ричарда III относится собственно къ новой исторіи.

Ричардъ III (1483-85 г.) и борьба за престолъ.

Убійство дѣтей умершаго короля Эдуарда, совершившееся безъ согласія Букингэма, вооружило послѣдняго противъ Ричарда III. Тогда же герцогъ задумалъ отдѣлаться отъ короля и сталъ искать новаго претендента на англійскій престолъ. Сначала онъ обратилъ было свое вниманіе на 13-лѣтняго Эдуарда, сына Кларенса, этого послѣдняго представителя дома Плантагенетовъ. Ричардъ скоро узналъ объ этомъ и принялъ свои мѣры. Тогда явился новый, болѣе опасный претендентъ въ лицѣ графа Генриха Ричмонда, Тюдора. Непродолжительная исторія Ричарда III заключалась въ постоянныхъ опасеніяхъ за престолъ и въ борьбѣ съ Ричмондомъ. Ричмондъ принад-

лежалъ къ ланкастерской партіи и укрывался въ Бретани, откуда, не смотря на всѣ старанія, Ричардъ III не могъ его выманить. Фамилія Тюдоровъ была не нормандской крови, а принадлежала къ древней кельтской аристократіи. Дѣдъ Генриха Ричмонда, Оуэнъ Тюдоръ былъ женатъ на вдовѣ короля Генриха V, Екатеринѣ, дочери Карла VI, короля французскаго (на этой связи съ французскимъ королевскимъ домомъ основывались послѣ позднѣйшія претензіи Тюдоровъ на французскій престолъ). Такимъ образомъ права Тюдоровъ на престолъ Англіи въ сущности опирались на связь по женской линіи и, конечно, уже одно родство ихъ съ ланкастерскимъ домомъ въ глазахъ іоркскихъ герцоговъ было подозрительно. Ричмондъ зналъ это и заблаговременно постарался ускользнуть изъ Англіи и укрыться во Франціи, въ Бретани. Напрасно искали его здѣсь; онъ былъ подъ покровительствомъ бретонскихъ рыцарей, которые согласились бы скорѣе умереть, чѣмъ выдать человѣка, обратившагося къ нимъ за пріютомъ. Когда недовольство на Ричарда III охватило всю Англію, то было рѣшено выдать за Ричмонда дочь Эдуарда IV, чтобы такимъ образомъ узаконить права Ричмонда на англійскую корону. Ричардъ узналъ объ этомъ и почуялъ серьезную опасность; онъ напрягъ всѣ силы, чтобы устранить бѣду.

Въ самой Англіи образовалась огромная партія недовольныхъ. За Ричмонда рѣшительно всталъ Букингэмъ, прежній сторонникъ и клевретъ Ричарда, обиженный плохимъ вознагражденіемъ за услуги. Ричардъ не оробѣлъ и началъ отчаянную борьбу. Передъ рѣшительной битвой войско измѣнило Букингэму; онъ былъ выданъ своими же солдатами Ричарду и казненъ. Первая попытка такимъ образомъ не удалась.

Къ счастію для себя, Ричмондъ не высадился въ этотъ разъ на англійскій берегъ; онъ только подплылъ къ нему и, узнавши печальный исходъ возстанія Букингэма, воротился въ Бретань. Теперь Ричардъ принялся жестоко мстить своимъ врагамъ. Парламентъ подтвердилъ его права на престолъ и для начала присудилъ къ казни за измѣну одного епископа, трехъ бароновъ и пятерыхъ рыцарей. Почему-то Ричардъ не рѣшился погубить вдову Эдуарда IV; онъ даже вошелъ съ ней въ сношенія и предлагалъ ей отдать ему руку ея дочери Елизаветы. Одновременно съ этимъ и сторонники оппозиціи стараются устроить бракъ между той же Елизаветой и Ричмондомъ. Для характеристики времени интересно то обстоятельство, что сама Ели-

завета и ея мать соглашаются породниться съ Ричардомъ, котораго онѣ должны были ненавидѣть за убійство несчастныхъ дѣтей Эдуарда IV; Елизавета-дочь даже пишетъ любовное письмо къ убійцѣ своихъ братьевъ изъявляя желаніе поспѣшить бракомъ. Но на этотъ разъ оказалось, что Ричардъ былъ проницательнѣе и предусмотрительнѣе принцессы. Онъ догадался, говоритъ одинъ историкъ, что если эта женщина домогается быть его женой, то нельзя сомнѣваться, что она при первомъ удобномъ случаѣ перерѣжетъ горло своему мужу. Это-то обстоятельство, вѣроятно, и заставило Ричарда отказаться отъ Елизаветы. Впослѣдствіи былъ улаженъ бракъ между Тюдоромъ и преемницею правъ Іорковъ. Ричардъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы заполучить изъ Бретани ненавистнаго Тюдора. Съ этою цѣлью онъ вошелъ въ сношенія съ герцогомъ бретанскимъ Франсуа и убѣждалъ его выдать Ричмонда, обѣщая съ своей стороны за это отказаться отъ притязаній на бретанское герцогство, а вмѣстѣ съ тѣмъ уступить герцогу графство Ричмондъ. За такую хорошую цѣну покупалъ Ричардъ своихъ враговъ. Казалось, что Франсуа согласенъ былъ продать Ричмонда, но не таково было рыцарство въ Бретани. Когда Ричмондъ узналъ о сдѣлкѣ Ричарда съ Франсуа и вмѣстѣ съ тѣмъ увидѣлъ готовность рыцарей оказать ему содѣйствіе, то тотчасъ убѣжалъ съ ними въ Анжу; погоня, посланная за нимъ, только часомъ опоздала послѣ переѣзда его за границу Бретани.

Такимъ образомъ опасность для Ричарда еще не миновала; его врагъ былъ въ безопасности. Въ Анжу Ричмондъ набиралъ себѣ приверженцевъ, чтобы отвоевать у Ричарда англійскій престолъ. Интересно, что во время переговоровъ съ Елизаветой относительно брака съ ея дочерью, Ричардъ отстранялъ этотъ бракъ только потому, что его жена, королева Анна, всегда загнанная, по его соображеніямъ должна жить до 1485 года. Дѣйствительно, въ мартѣ 1485 года Анна была убита, несомнѣнно по приказанію своего мужа. Онъ считалъ необходимымъ умертвить жену, потому что она была свидѣтельницей его преступленій, своимъ присутствіемъ мучила его совѣсть и мѣшала ему упрочить свои права на престолъ союзомъ съ дочерью Эдуарда IV.

Высадка Тюдора и битва при Босфортѣ въ 1485 г.

Такія злодѣянія не могли остаться безнаказанными; приближалась гибель самого Ричарда. Казалось, что Анна была той счастливой звѣздой его, которая содѣйствовала его

успѣхамъ; съ ея смертью неудачи со всѣхъ сторонъ посыпались на короля. Во Франціи правительница, она же опекунша малолѣтняго наслѣдника престола, явно покровительствовала претенденту на англійскій престолъ, возмущенная злодѣяніями Ричарда. Надо замѣтить при этомъ, что Тюдоръ за содѣйствіе французовъ отказывался отъ своихъ правъ на Бретань и Лотарингію. Въ Англіи ждали только знака къ возстанію. Наконецъ, снарядивши на французскія деньги экспедицію, Ричмондъ съ двумя тысячами наемниковъ высадился въ августѣ 1485 года на англійскій берегъ. Онъ шелъ съ увѣренностью въ побѣдѣ, потому что надѣялся на измѣну войскъ Ричарда III. Дѣйствительно, какъ и ожидали, Ричарду всѣ измѣнили. Напрасно громилъ онъ претендента бранными манифестами, — его манифестовъ не читали; даже курьерская почта, впервые устроенная Ричардомъ III и можетъ быть заимствованная изъ Германіи, — на этотъ разъ не предупредила во время короля о высадкѣ его противниковъ въ Мильфордѣ. Онъ убѣдился наконецъ, что всѣ его ненавидятъ и всѣ ему измѣняютъ. Онъ видѣлъ, что ему не на кого надѣяться; ему оставалось только дорого продать свою жизнь. Въ послѣдніе дни своей власти онъ наслаждался местью надъ заложниками, которые были у него. Между тѣмъ Генрихъ Тюдоръ смѣло шелъ впередъ; онъ теперь не боялся сраженія, въ полной увѣренности, что войско Ричарда не будетъ драться съ нимъ; надежда эта, дѣйствительно, отчасти осуществилась. При Босфортѣ въ августѣ 1485 года произошла битва между Ричмондомъ и Ричардомъ. Послѣдній видѣлъ, какъ часть его войска перешла на сторону Ричмонда. Съ немногими приверженцами Ричардъ бросился въ свалку; онъ всюду отыскивалъ своего врага, чтобы лицомъ къ лицу сразиться съ нимъ; онъ успѣлъ уже убить нѣсколько человѣкъ изъ свиты Ричмонда, но окруженный врагами, палъ мертвымъ, не успѣвъ встрѣтиться съ своимъ соперникомъ.

Такъ англійская корона перешла къ Тюдорамъ. Представитель этой династіи опирался не на генеалогическія права, не на происхожденіе, а на оружіе; онъ не нуждался въ бракѣ съ Елизаветой. Бракъ этотъ совершился только спустя нѣсколько времени. Соглашаясь на такой союзъ, Генрихъ руководился не любовью, а желаніемъ имѣть потомство. Впослѣдствіи онъ сталъ вести свой родъ отъ Эдуарда III, но самое происхожденіе Тюдоровъ было не англійское, а кельт-

ское. Всѣ Тюдоры, начиная съ Генриха VII, приносили на англійскій престолъ суровые пріемы государей новой исторіи. Они должны были присягать конституціи въ томъ видѣ, какъ она существовала прежде, но крутой нравъ этихъ королей часто вызывалъ столкновеніе съ парламентомъ, потому что какъ Тюдоры, такъ и наслѣдовавшіе имъ Стюарты, часто грозили нарушеніемъ средневѣковаго англійскаго государственнаго строя.

---

7) Политическое и умственное состояніе Италіи на закатѣ среднихъ вѣковъ. Начало Возрожденія классической древности. Книгопечатаніе.

Средневѣковой переворотъ.

Со смертью Карла VII во Франціи, съ прекращеніемъ гуситскаго движенія въ Чехіи, съ паденіемъ Царьграда въ 1453 году и съ прекращеніемъ войны Розъ въ Англіи кончается борьба государственнаго начала съ традиціонными элементами средневѣковой исторіи, а съ тѣмъ вмѣстѣ кончается средневѣковая исторія Европы. Въ короляхъ—Луи XI, открывающемъ рядъ дѣятелей новой исторіи, и даже въ Ричардѣ III—средневѣковыя политическія начала встрѣчаютъ энергичныхъ поборниковъ монархическаго принципа; послѣднему приносятся въ жертву всѣ сословные, корпоративные интересы; государственная власть централизуется и имѣетъ наклонность подчинить себѣ даже Церковь. Всѣ идеи средневѣковаго уклада исчезли, и то движеніе, которое впервые зародилось въ половинѣ XIII столѣтія, достигло крупныхъ результатовъ. Хотя въ средніе вѣка не было государственныхъ интересовъ въ современномъ намъ смыслѣ, но тогда личность была поставлена въ болѣе самостоятельное положеніе, имѣла болѣе простора для самостоятельнаго образа дѣйствій, что̀ проявилось въ сложеніи общественныхъ элементовъ по корпораціямъ. Вотъ противъ этого-то корпоративнаго направленія были направлены всѣ усилія новыхъ государей, ибо таковое стремленіе расщепляло государство и общество на множество мелкихъ частей. Въ средніе вѣка каждый слой народа защищалъ себя, свою хижину, замокъ, городъ, но народъ въ общемъ былъ мало расположенъ къ своему отечеству и его представителю—королю; тогда даже

не подозрѣвали, что король можетъ принять опеку надъ народомъ, какъ надъ цѣлымъ, такъ и надъ частями его. Король въ средніе вѣка представлялся связью, условно и то лишь въ теоріи объединяющею многочисленныхъ, такъ или иначе титулованныхъ особъ; на основаніи общепринятыхъ установленій его вліяніе не простиралось на горожанъ и поселянъ, ибо вилланы и буржуа знали лишь своихъ бароновъ, свои муниципалитеты. Теперь же заговорили о всесословныхъ государственныхъ интересахъ, и вмѣсто королей-феодаловъ явились монархи съ войскомъ, которое знаетъ ихъ однихъ, съ постоянной казной, которая пополняется изъ податей и которая употребляется на государственныя нужды, съ властью, которая равно караетъ и гордаго барона, и послѣдняго виллана.

Это одна сторона историческаго переворота того времени; другая заключается въ измѣненіи воззрѣній на міръ, на все окружающее, касается перемѣны, совершившейся въ духовной области. Если первое движеніе, чисто политическое, проявилось рѣзко во Франціи, то второе, духовное, сложилось въ Италіи. Одно движеніе, смѣна политическихъ началъ, породило государственную централизацію, другое породило Возрожденіе наукъ и искусствъ; одно пособляло другому, дѣйствуя въ тѣсной и неразрывной связи. Результаты того и другаго движенія выяснились гармонично лишь въ новой исторіи. Намъ остается теперь объяснить только причины позднѣйшаго политическаго и умственнаго движенія, которыя, какъ увидимъ, коренятся въ духовной, внутренней исторіи Италіи.

Его начало. Слѣдуетъ замѣтить, что оба отличительныхъ признака новой исторіи: стремленіе къ государственному сложенію и направленіе характера образованности по классическому образцу, появились одновременно на почвѣ Италіи. Политическое положеніе сѣверной и средней Италіи, раздробленной на мелкія республики и княжества, побуждало предпріимчивыхъ людей закрѣплять свою власть сначала въ стѣнахъ какого либо города, а затѣмъ распространять ее далѣе. Искусство государственной науки, безъ которой нельзя было обойтись честолюбцамъ, выработалось практически въ Италіи, гдѣ гораздо раньше поняли прямыя задачи государства, гдѣ давно уже развились государственныя начала, хотя въ маленькихъ предѣлахъ и сравнительно небольшими средствами. Удаляясь въ глубь среднихъ вѣковъ, ко временамъ первыхъ Вильгель-

мовъ и Рожеровъ нормандскихъ, устроившихся въ Неаполѣ, какъ бы въ своихъ помѣстьяхъ, можно наблюдать примѣненіе монархическихъ началъ новой исторіи (II, 744). Эти короли боролись съ баронами и съ феодальной оппозиціей, набирали изъ народа регулярное войско, зависимое только отъ нихъ, издавали законодательные сборники, установляли постоянныя подати,—однимъ словомъ, распоряжались неограниченно жизнью и имуществомъ подданныхъ, за три или четыре столѣтія осуществляя на практикѣ то, что впослѣдствіи привели въ исполненіе частію Карлъ VII, а особенно Луи XI во Франціи. Вспомнимъ, что когда вслѣдствіе брачныхъ связей нормандская династія, въ лицѣ послѣдней ея представительницы Констанціи, подала руку швабамъ, то Фридрихъ II гогенштауфенъ, занявъ престолъ обѣихъ Сицилій, пошелъ по слѣдамъ нормандцевъ. Онъ нанесъ ударъ средневѣковому государству изданіемъ законовъ (Constitutiones regni Siciliae), въ коихъ обычаи мѣстные были не только приведены въ порядокъ, но были закрѣплены связующей силой римскаго права (II, 347). Потому императоръ Фридрихъ II былъ первымъ коронованнымъ реформаторомъ. Онъ жилъ и дѣйствовалъ въ интересахъ всего новаго; его рука была тяжела въ особенности для феодаловъ. но положеніе народа улучшилось бы, если бы дали Фридриху болѣе простора для дѣйствій, хотя въ сущности онъ хотѣлъ обратить народъ въ дисциплинированную массу, лишенную воли, но вполнѣ способную платить подати, исполнять всякія повинности. Опираясь на сарацинскихъ солдатъ, онъ жестоко и безпощадно собиралъ подати, держалъ всю торговлю страны въ своихъ рукахъ. Онъ увлекся поразительнымъ примѣромъ управленія мусульманскихъ властителей, не допускалъ никакой самостоятельности въ народѣ, подобно тому какъ не любили этой самостоятельности подражатели Фридриха II въ новой исторіи, начиная съ Луи XI (¹).

Князья въ Италіи.

Всѣ такъ называемые „принчипи", князья Италіи идутъ по его слѣдамъ, достигая власти кровавыми мѣрами. Не было

(¹) Для обозрѣнія переходнаго періода отъ среднихъ вѣковъ къ новымъ до сихъ поръ имѣютъ значеніе: Kortüm. (G. Europas im Uebergange vom Mittellalter zur Neuzeit), а въ вопросахъ касающихся исторіи папства—классическое соч. Ranke (Röm. Päpste, ihre Kirche und ihr Staat, 5 Ausg. L. 1867; два русскихъ пер.) и составленное на основаніи послѣдняго—изсл. проф. Вызинскаго (Папство и св. Римская имп. въ XIV и XV стол.).

болѣе безпощаднаго деспота, какъ Фридрихъ II; онъ держался системы государственной централизаціи, которая составляетъ характерную особенность новой исторіи. Въ Италіи, во всѣхъ городахъ, въ которыхъ вмѣсто старыхъ республиканскихъ началъ утвердилось княжеское правленіе, стали взимать подати по росписямъ, составленнымъ заранѣе. Отъ имени же князя собирались пошлины съ предметовъ ввоза и вывоза. На эти доходы содержался маленькій дворъ, устроенный па подобіе позднѣйшихъ дворовъ, съ тѣлохранителями, набиравшимися изъ народа, съ рыцарями, услуги которыхъ были оплачиваемы. При дворѣ, кромѣ рыцарей, были образованные люди, которые, казалось, могли быть опасны для власти узурпаторовъ, но которые старались только смягчить своими совѣтами ихъ суровую политику. Положеніе ихъ при дворѣ и ихъ совѣты были очень полезны. Чувство беззаконности дѣйствій и сознаніе слабости отдѣльныхъ личностей разрывали связь этихъ князей узурпаторовъ съ народомъ и сближали ихъ между собою; общность интересовъ соединяла такіе дома, какъ Висконти, Эсте, Скала, Медичи. Мало по малу привыкли отъ такихъ государей ожидать всего хорошаго для страны, такъ какъ совсѣмъ отвыкли отъ самодѣятельности. Этотъ князь-узурпаторъ долженъ будетъ заботиться обо всемъ: республиканскіе граждане могутъ спокойно ожидать исполненія мѣропріятій правительства князя. Его власть простирается какъ на предметы серьезные, такъ и на мелочные: онъ и воюетъ и заключаетъ договоры, онъ строитъ общественныя зданія и наблюдаетъ за чистотой города; онъ вводитъ законы, помогаетъ бѣднымъ, ученымъ, которые славятъ его за это послѣ его смерти; онъ же смотритъ за полями земледѣльца и полицейскимъ порядкомъ на улицахъ городовъ, — однимъ словомъ и обязанности верховнаго, и обязанности мелкаго блюстителя порядка сосредоточиваются въ одномъ лицѣ, а граждане мало по малу устраняются отъ управленія общественными дѣлами.

Съ теченіемъ времени интиллегенція вошла въ кругъ этихъ новыхъ интересовъ, хотя она старалась отстоять народную пользу. Петрарка говоритъ, что добрый князь обязанъ быть отцемъ своего отечества; онъ не долженъ быть тираномъ своихъ согражданъ, но долженъ любить подданныхъ какъ дѣтей, какъ часть своего тѣла. Оружіе тѣлохранителей и наемниковъ онъ долженъ обращать противъ враговъ; въ отношеніи же гражданъ онъ долженъ оказывать расположеніе, ограждая ихъ

отъ возмутителей. Подъ этими возмутителями Петраркою разумѣлись тѣ люди, которые хотѣли возстановить прежнія республиканскія формы. Страшное звѣрство тирановъ, 5000 собакъ какого-нибудь Бернабо Висконти, неумѣренное сладострастіе Лукино или Филиппа-Маріи—все это явилось слѣдствіемъ произвола, хотя должно сказать, что нельзя считать причиной этихъ явленій самую систему принципатства. Князья старались усилить производительность экономическихъ силъ, старались водворить порядокъ, возбудить въ публикѣ интересъ къ вопросамъ болѣе или менѣе идеальнымъ, къ вопросамъ философіи, литературы и искусствъ.

Античныя вліянія.

Весьма важно то, что идея абсолютной монархіи зародилась раньше, чѣмъ во Франціи, на почвѣ Италіи, гдѣ все прошлое не препятствовало укрѣпленію государственныхъ началъ. Важно также убѣдиться, что существуетъ связь между возрожденіемъ наукъ и мѣстными политическими условіями итальянской жизни, складомъ итальянскаго народнаго быта. Оттого-то съ такимъ успѣхомъ весь Западъ въ XV и XVI столѣтіяхъ подчинился умственному преобладанію итальянской цивилизаціи, что идеи просвѣтительнаго возрожденія въ Италіи не были заносными. Тамъ онѣ зародились и были поддерживаемы могуществомъ князей итальянскихъ, которые не видѣли вреда въ изученіи памятниковъ научнаго содержанія. Поддерживая стремленіе къ изученію античнаго міра, они въ то же время старались отвлечь народъ отъ политики, разсчитывая этимъ прочнѣе закрѣпить свою власть.

Обращеніе къ древнимъ за источниками знанія проявлялось собственно два раза: при Карлѣ Великомъ и затѣмъ рѣшительнымъ образомъ въ XIV столѣтіи. Но первый опытъ подражанія явился подъ сильнымъ вліяніемъ тевтонизма. Кромѣ того существенныя стороны образованности древняго міра не могли тогда найти простора вслѣдствіе узъ, наложенныхъ со стороны Церкви. Такое стѣсненіе образованности, поставившее ее въ узкія схоластическія рамки, продолжалось до тѣхъ поръ, пока церковный гнетъ преобладалъ въ той или другой странѣ. Нападенія на папскую власть въ XIV вѣкѣ обусловливали новыя попытки къ изученію древности. Движеніе теперь не ограничивается одной поэзіей; оно коснулось научной области. Начало такого рода подражательныхъ попытокъ можно прослѣдить еще раньше паденія Византійской имперіи, раньше

эмиграціи греческихъ ученыхъ изъ покореннаго Царьграда. Уже тогда занимались изученіемъ древнихъ поэтовъ и писателей при дворахъ узурпаторовъ, которые этому покровительствовали, въ замѣнъ чего безцеремонно требовали содѣйствія ихъ деспотическимъ стремленіямъ. Но въ этомъ изученіи было мало античнаго духа. Только тогда, когда итальянцы перестали бояться папскихъ громовъ, когда они увидѣли всю малевку папскихъ декорацій и дѣйствительную ничтожность папской силы, когда убѣдились въ успѣхахъ гражданственности въ городахъ, тогда это образованіе стало входить въ связь съ преданіями античнаго міра.

Усиленіе князей (principi) должно было упрочить это движеніе. Всѣ эти узурпаторы должны были такъ или иначе живымъ примѣромъ напоминать римскихъ императоровъ; для оправданія въ своихъ попыткахъ они ссылались на подражаніе великому прошлому. Они указывали, что не столько республиканскому, сколько монархическому принципу римляне были обязаны своимъ всемірнымъ величіемъ. Потому-то демократическій строй городовъ шелъ въ разладъ съ такими политическими идеалами.

Общее направленіе умовъ, все міровоззрѣніе переросло средневѣковые идеалы. Новое образованіе не могло, опираясь на одинъ опытъ, самостоятельно достигнуть солидныхъ знаній въ области міра физическаго и духовнаго; оно нуждалось въ руководителяхъ, которыхъ и нашло въ великихъ, безсмертныхъ дѣятеляхъ классическаго міра. Повсюду въ Италіи философы, поэты, историки, публицисты заимствуютъ формы и содержаніе своихъ твореній изъ греческой и латинской литературы. Близость Рима, обиліе великихъ воспоминаній давали еще болѣе силы новому духовному просвѣтительному движенію. Итальянцы стали гордиться, что они сродни тѣмъ гражданамъ, которые силою своего духа и меча побѣдили весь міръ.

Въ произведеніяхъ поэтовъ и историковъ XIV вѣка всегда просвѣчиваетъ сознаніе непосредственной родственной связи съ великими дѣятелями античнаго прошлаго. Писатели XIV вѣка интересуются собственно языческими древностями ради ихъ самихъ и относятся съ нѣкоторымъ скептицизмомъ къ христіанскому міру. Извѣстно, что въ средніе вѣка, благодаря сильному клерикальному вліянію, преклонялись передъ памятниками, связанными съ пребываніемъ апостоловъ и первыхъ христіанскихъ мучениковъ Рима; интересы же языческой

древности отходили на второй планъ. Теперь настало нѣчто совершенно иное. Уже не интересуются болѣе сказаніями объ апостолахъ, а восторгаются храмомъ Венеры, термами Діоклетіана, руинами театровъ и термовъ, остатками форума. Всюду чувствовалось, что надъ обществомъ носится новый духъ. Обаяніе язычества стало всемогущимъ. Петрарка, взобравшись на руины термъ Діоклетіана и бесѣдуя съ историкомъ Джіованни Виллани, всѣ помыслы сосредоточиваетъ на исторіи языческаго міра, пронесшейся надъ почвой его родины. Онъ останавливается на античной философіи, на памятникахъ языческой литературы, онъ прямо отдаетъ превосходство тѣмъ отдаленнымъ интересамъ предъ современными. Все, чѣмъ прежде дорогъ былъ Римъ для христіанъ, теперь отступило на второй планъ, а все языческое стало безконечно выше. Отсюда всѣ симпатіи все болѣе и болѣе переходили на сторону язычества въ ущербъ христіанству. Оттого дѣятели Возрожденія во второй половинѣ XV вѣка порвали всѣ связи съ христіанствомъ и почти объязычились. Въ Италіи въ XV столѣтіи общество принимаетъ античныя воззрѣнія, и даже вѣрующіе не прочь были наградить христіанскихъ святыхъ языческими подвигами. Поджіо въ своемъ описаніи Рима рѣшительно выдѣляетъ произведенія, съ которыми были связаны христіанскія преданія изъ собственно классическихъ памятниковъ. Конечно при этомъ должны были сильно пострадать преданія начальной исторіи христіанства.

Тогда въ Италіи началось поклоненіе всему языческому, поклоненіе, въ которомъ коренились какъ положительныя такъ и отрицательныя стороны будущей исторіи. Любовь къ древнимъ рукописямъ и памятникамъ повела къ внутреннему обновленію европейской жизни. Съ легкой руки двухъ великихъ итальянскихъ поэтовъ—Петрарки и Боккачіо—началось то счастливое и многознаменательное время, когда открытіе классическаго манускрипта считалось важнѣе иного политическаго событія; когда въ честь этого общество, увлекшееся древностью до самозабвенія, давало пиры и праздники; когда драгоцѣнную находку, прикованную къ стѣнѣ золотыми цѣпями, не отдали бы за цѣлые замки и домены; когда изъ-за рукописи дрались бароны, мирились государи; когда филологическіе диспуты въ состояніи были отвлечь министровъ отъ настоятельнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ. Такое восторженное увлеченіе придало обаятельный колоритъ

эпохѣ Возрожденія. Это время обязано своимъ блескомъ предварительному духовному движенію въ Италіи и, будучи уже продуктомъ этого послѣдняго, по своей сущности всецѣло принадлежитъ новой исторіи. Но самыя причины Возрожденія коренятся, какъ мы видѣли, въ политическихъ условіяхъ положенія той же средневѣковой Италіи.

Такъ обѣ идеи новой исторіи, политическая и духовная, вышли изъ Италіи, которая дала другой разъ цивилизацію историческому міру.

Какое же духовное богатство проявила Италія того времени?

Послѣ Петрарки и Боккачіо, дѣйствовавшихъ въ XIV вѣкѣ, въ итальянской литературѣ должна была наступить долгая пауза, совершенно понятная. Она продолжалась въ строгомъ смыслѣ до половины XV вѣка. Такія явленія, какъ новеллисты Франческо Саккети и Доменико ди-Джіованни (онъ же циникъ Буркіелло) были слишкомъ посредственны, чтобы поддержать развитіе поэзіи. Дальше она не могла идти. Языкъ сравнительно въ короткое время достигъ такой отдѣлки, которая по настоящее время признана въ своемъ родѣ совершенною и почти не нуждающейся въ новыхъ редакціяхъ. Равныхъ геніевъ не могло явиться. Въ этотъ-то періодъ видимаго застоя, —на самомъ дѣлѣ необходимаго отдыха послѣ славной работы,—подготовился и совершился оригинальный переворотъ въ литературной и вообще умственной дѣятельности.

Историки въ Италіи.

Для сужденія о суммѣ литературныхъ явленій въ концѣ XIV и въ первой половинѣ XV вѣка кинемъ взглядъ на положеніе историческихъ, философскихъ и юридическихъ наукъ въ Италіи. Безспорно, что историческое искусство всегда служитъ мѣриломъ гражданскаго роста эпохи, конечно, если оно не подвержено насильственному давленію со стороны. Но нигдѣ политическія обстоятельства такъ не благопріятствовали развитію исторіографіи, какъ въ Италіи. Потому нигдѣ исторіографія не выразила въ такой степени народной жизни, какъ на полуостровѣ; нигдѣ и никогда она не была такъ блистательно представлена, какъ въ Италіи послѣдняго періода среднихъ вѣковъ. Муниципальная вражда общинъ образовала обширную историческую литературу. Каждый городъ имѣлъ своихъ хронистовъ. Появленіе историческаго сочиненія было торжествомъ общественнымъ. Въ университетскихъ городахъ хроники слушались всенародно; ихъ содержаніе одобряли мѣст-

ные ученые и государственные люди. Этотъ классическій обычай переносилъ мысли гражданъ въ далекія времена, всегда увлекавшія ихъ своимъ обаяніемъ, на старыя аѳинскія площади, кипѣвшія жизнью, волнуемыя политикою и свободою. Почетную награду получалъ авторъ, если общественное мнѣніе одобряло его трудъ. Въ иныхъ городахъ было нѣсколько лѣтописцевъ, обязанныхъ оффиціально записывать событія, сперва по-латыни, а послѣ по-итальянски. Идеи Возрожденія требовали возобновленія правъ латыни. По причинѣ очень понятной, хроникеры, писавшіе на родномъ языкѣ, съ одной стороны пользовались бо̀льшею популярностью въ народѣ, съ другой оставили по себѣ бо̀льшую литературную славу. Они были гораздо даровитѣе латинистовъ и для насъ остались съ неоспоримо важнымъ значеніемъ, какъ онователи серьезной прозы итальянской. Сицилійцы и флорентійцы первые стали писать на родномъ языкѣ; генуезскіе, венеціанскіе и миланскіе хроникеры писали по-латыни.

Не безъ основанія считаютъ флорентійца Дино Компаньи за сжатость слога, за суровую простоту и неподкупность суда — Данте историческаго искусства. Шлоссеръ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что Дино справедливъ, серьезенъ и глубокъ, какъ Ѳукидидъ, а его исторія строга, какъ приговоръ свѣта. За свою суровость онъ не могъ пользоваться популярностью между избалованными флорентійцами; аристократъ и скорѣе гибеллинъ по убѣжденіямъ, онъ порицаетъ гвельфовъ и часто называетъ ихъ варварами. Даже потомство забыло его и до Муратори, издавшаго Дино въ XVIII вѣкѣ, онъ не имѣлъ никакой извѣстности ([1]). Какъ современникъ, онъ не могъ, по причинѣ очень понятной, угадать причины страстной вражды, обуревавшей улицы его роднаго города; она казалась ему результатомъ простыхъ домашнихъ раздоровъ и, что еще хуже, слѣдствіемъ мстительной ревности оскорбленнаго любовника. Можно прибавить, что въ его исторіи меньше занимательности и того увлекательнаго интереса, который ключемъ бьетъ у Виллани, но за то въ ней больше пользы, морали и какой-то симпатичной простоты.

Джіованни Виллани имѣлъ предвзятую идею въ своемъ трудѣ, обширномъ и по объему, и по содержанію, захватив-

---

([1]) О томъ, какъ безъосновательно новѣйшая нѣмецкая критика отрицаетъ самое существованіе Дино Компаньи, мы говорили выше.

шемъ всю флорентійскую исторію отъ миөическихъ временъ до кончины автора (1348 г.); онъ хотѣлъ утвердить за Италіей ея древнюю римскую славу съ сохраненіемъ всѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ формъ классической цивилизаціи. Эта самая идея повліяла на своеобразность колорита историческаго труда Виллани, относящагося скорѣе къ числу блестящихъ произведеній тогдашней публицистики, нежели глубокомысленныхъ историческихъ трудовъ. Онъ самъ сознается, что хочетъ примѣромъ римлянъ возбудить новыхъ итальянцевъ къ геройскимъ подвигамъ. Увлекательно изящный въ своемъ изложеніи, онъ доставитъ много удовольствія тѣмъ, кто требуетъ отъ исторіи занимательности, а главное государственныхъ цѣлей. Форма его изложенія до того близка къ древнимъ, особенно къ Ливію, что новѣйшіе итальянскіе историки изучаютъ его какъ образецъ.

Въ XV вѣкѣ національныя произведенія были не въ модѣ. Кромѣ городскихъ хроникъ, обнимающихъ обыкновенно событія, современныя автору, и припоминающихъ все важное изъ прошлаго, — стали появляться на латинскомъ языкѣ историческія сочиненія болѣе общаго содержанія. Риторизмъ ихъ содержанія высказывается въ самыхъ заглавіяхъ, — какъ „Историческое море“ Джіованни да-Колонна, „Яблочный садъ“ Рикобальдо и т. п. Нѣсколько сочиненій было посвящено древней исторіи, понимаемой и передаваемой въ духѣ вѣка. Такъ осталась „Всеобщая исторія“ нѣкоего Франческо, описаніе троянской войны Гвидо делле-Колонне, „жизнь знаменитыхъ мужей“ автора „Историческаго моря“ и др. Латинскіе писатели любили называть свои хроники „Commentaria suorum temporum“ и, какъ въ манерѣ изложенія, такъ и въ отдѣлкѣ языка, старались поддѣлаться подъ тонъ римскихъ историковъ. Разумѣется, копіи вышли далеко ниже даже самымъ плохихъ оригиналовъ, хотя съ другой стороны можно оправдать и это самое подражаніе, предпринятое въ видахъ воскрешенія древнихъ формъ въ политической и духовной жизни XV вѣка.

Если Флоренція еще оказываетъ нѣкоторое предпочтеніе народному языку, то этимъ не могли похвастать прочіе итальянскіе города, хотя историческіе писатели ихъ и достовѣрны и достойны полнаго уваженія за свою ученую дѣятельность. Веллути, Дуранте, Нери и цѣлый рядъ флорентійцевъ пишутъ по-латыни, подражая лучшимъ латинистамъ,

какъ венеціанцу Дандоло, падуанцу Муссато, миланцу Фламма, неаполитанцу Спечіале. Относительно послѣднихъ можно только высказать сожалѣніе, что при своемъ историческомъ талантѣ они уклонились отъ національныхъ традицій. Пятнадцатый вѣкъ, чрезъ посредство Италіи давшій Европѣ классическое Возрожденіе, тѣмъ сильнѣе долженъ былъ способствовать развитію латинизма въ историческихъ сочиненіяхъ. Подчиняясь общимъ условіямъ вѣка, историки этого времени, если только они не сухіе лѣтописцы, до крайности подражательны и въ содержаніи и въ формѣ. Относительно манеры изложенія ихъ подражаніе въ высшей степени неудачно; слогъ съ претензіями на красоту періодовъ, полный сравненій и ходульныхъ параболъ, теменъ и неясенъ до крайности.

Впрочемъ къ концу вѣка качества исторіографіи улучшаются. Произведенія въ родѣ латиниста Аретино повторяются, но уже въ улучшенныхъ формахъ. Итальянская исторіографія пробудилась въ блестящихъ классическихъ образцахъ; она обновилась къ свѣжей жизни, воспитавшись на античныхъ памятникахъ; она сбросила съ себя всякую условность и совершенно простилась съ мертвящею латынью. Во Флоренціи пріобрѣли заслуженную славу имена: Макіавелли, Гвиччіардини, Нарди, Нерли, Варки, Питти, Аммирато, Бруто—блестящій рядъ писателей, изъ которыхъ каждый былъ гордостью этого просвѣщеннѣйшаго изъ городовъ средневѣковаго времени.

Философія.

На долю итальянскихъ философовъ того періода могла выпасть только посредническая роль въ дѣлѣ знакомства Европы съ духовнымъ культомъ древнихъ и вмѣстѣ съ нею компилятивная переработка греческихъ системъ съ нѣкоторыми измѣненіями, сообразно извѣстнымъ историческимъ условіямъ. Итальянская мысль была единственнымъ свѣточемъ въ скудномъ средневѣковомъ умозрѣніи. Итальянцы хранятъ тайны греческихъ системъ, поддерживаютъ и лелѣютъ ихъ для Возрожденія. Они разносятъ свои идеи по всей Европѣ и съ этой миссіонерскою цѣлью покидаютъ родину. Особенности итальянскаго темперамента отразились и на этихъ мыслящихъ писателяхъ. Они поэтичны даже въ своей философіи и многіе изъ нихъ занимали высшія духовныя мѣста въ католическомъ мірѣ. Образовавъ двѣ противоположныя фазы мысли,—номиналистовъ и реалистовъ,—схоластики не уклонились отъ христіанской догматики, что̀, конечно, объясняет-

ся сильнымъ давленіемъ Церкви надъ умами средневѣковыхъ людей. Но, если имъ не было простора въ мышленіи, вслѣдствіе основной причины, то очевидно винить ихъ въ пустыхъ умствованіяхъ и напряженныхъ силлогизмахъ не слѣдуетъ. Надо только удивляться этому,—можно смѣло сказать,—не повторявшемуся болѣе обилію умственныхъ силъ, этой феноменальной способности наполнять десятки фоліантовъ одними логическими сопоставленіями, одними психологическими соображеніями, выведенными съ поразительною точностью и послѣдовательностью хорошаго математика.

Университеты въ Италіи.

Тѣ же университеты, которые разносили пріемы и идеи схоластиковъ, служили живымъ центромъ разработки права. Италія, передовая страна въ умственномъ движеніи среднихъ вѣковъ, дала Европѣ оригинальныя юридическія теоріи и передовыхъ юристовъ. Юриспруденція, болѣе чѣмъ всякій другой предметъ, слилась съ памятью объ итальянскихъ средневѣковыхъ университетахъ. Учебная дѣятельность въ тогдашней Италіи была въ полномъ смыслѣ поразительна. Въ то время и высшія, и среднія, и низшія учебныя заведенія были наполнены такъ, какъ никогда послѣ. Кромѣ школъ для обученія грамотѣ, въ каждомъ городѣ были высшія школы (въ родѣ нашихъ гимназій), а во всѣхъ сколько нибудь важныхъ городахъ—университеты. Во Флоренціи, въ половинѣ XIV вѣка, чтенію обучалось 10 тысячъ дѣтей; въ высшихъ школахъ насчитывалось до 600 молодыхъ людей. Шестнадцать университетовъ существовало въ Италіи еще къ началу XIV вѣка. Въ XIV и XV столѣтіяхъ, съ открытіемъ новыхъ, послѣдовалъ значительный приливъ числа слушателей, скоро достигшій поразительныхъ размѣровъ. Едва ли когда повторялась такая роскошная внутренняя жизнь, обусловленная громкой славой университетовъ, которая неразлучно связана съ послѣднимъ періодомъ средневѣковой исторіи. Такъ какъ тогда Италія стояла впереди Европы во всемъ,— то въ ней университетская дѣятельность должна была отразиться еще значительнѣе, чѣмъ гдѣ нибудь. Города гордились своими университетами и жили общею съ ними жизнью. Болонскій муниципалитетъ имѣлъ основаніе выбивать на своихъ монетахъ слова: „Bononia docet“. Въ этотъ городъ стекались студенты со всей Европы; особенно много было нѣмцевъ. Безъ сомнѣнія, это былъ первый университетъ Италіи, и по качеству профессоровъ, и по числу студентовъ,

доходившему въ иные годы до 20 тысячъ человѣкъ. Въ немъ полнѣе всего развилось студенчество съ своими типичными особенностями, съ своимъ вѣчнымъ „Gaudeamus igitur“, сочиненнымъ, какъ полагаютъ въ XVI вѣкѣ, однимъ изъ болонскихъ студентовъ, Доминикомъ Страдою. Впослѣдствіи, болонскій профессоръ Касспни провелъ меридіанъ на линіи городской церкви св. Петронія. Множество фактовъ знаменуетъ ученую дѣятельность профессоровъ, не перестававшихъ дѣлать открытія въ разныхъ отрасляхъ знаній. Въ Феррарскомъ университетѣ, первомъ въ Ломбардіи, Эсте содержали на своемъ жалованьи пять профессоровъ. Въ Падуѣ, все время принадлежавшей венеціанцамъ, университетъ отличался и многочисленностью слушателей,— въ XIV вѣкѣ ихъ было около 18 тысячъ человѣкъ, — и вліятельнымъ положеніемъ своихъ профессоровъ. Когда страсть къ древнимъ стала модною и conditio sine qua non всякаго свѣтскаго человѣка, то представители знатнѣйшихъ фамилій города не разъ бывали преподавателями университета. На каѳедрахъ падуанскихъ появлялись даже женщины, какъ напр. Бланка Борромео. Въ Падуѣ же, извѣстный кардиналъ Бембо устроилъ впослѣдствіи библіотеку и ботаническій „музей“. Кромѣ этихъ трехъ университетовъ, въ сѣверной Италіи, именно въ Мантуѣ, въ XV вѣкѣ явилось среднее учебное заведеніе, основанное знаменитымъ латинистомъ и педагогомъ Витторино Рамбальдони (изъ Фельтре, ум. въ 1447 году). Это было привилегированное училище для образованія дѣтей высшей европейской аристократіи и даже коронованныхъ лицъ. Слѣдовательно этому заведенію между прочимъ обязана Европа щедрымъ меценатствомъ, уваженіемъ къ классицизму и внѣшнимъ гуманизмомъ своихъ повелителей въ послѣдующее время. Мантуя, болѣе чѣмъ всякій другой городъ, боготворила античную цивилизацію; она всегда жила воспоминаніями древности; она гордилась, что имѣла счастіе быть родиной Виргилія. Когда въ другихъ городахъ классицизмъ былъ распространяемъ воздѣйствіемъ ученыхъ,—здѣсь, и еще развѣ въ Римѣ, всегда считали его глубоко родственнымъ. Мантуанцы прозвали себя виргиліанцами и уже давно (съ 1257 г.) свою главную площадь украсили великолѣпною статуею знаменитаго пѣвца Августа. Весною юноши и дѣвицы увѣшивали ее вѣнками; день рожденія Виргилія всѣ граждане проводили въ танцахъ, пѣніи и ристаніи на коняхъ; потому-то Карлъ

Малатеста и велѣлъ бросить статую въ Минчіо. Въ такомъ городѣ было понятнѣе всего быстрое возрожденіе классицизма, являвшагося почвеннымъ растеніемъ. Здѣсь Витторино имѣлъ огромный успѣхъ. Образцовый педагогъ, онъ, не смотря на свою филологическую спеціальность, не упускалъ изъ виду преподаванія римскаго права, которое послѣ, состязаясь съ каноническимъ, много способствовало возникновенію новыхъ юридическихъ понятій.

Римское право.

Въ университетахъ римское право сдѣлалось главнымъ предметомъ преподаванія. Потому въ Италіи съ профессорскихъ каѳедръ раздаются строгія монархическія теоріи. Въ этомъ отношеніи выдаются Болонья и Неаполь. Послѣдній далъ анжуйцамъ лучшихъ практиковъ-юристовъ, какъ Бартоломея-да-Капуа, Никколò, Алунно (извѣстныхъ еще при Робертѣ Мудромъ), Андрея д'Изернія (при Джіованнѣ I), автора нѣкогда знаменитыхъ „Commentarii sopra i feodi“, называвшихся „евангеліемъ права“, Блазіо-да-Марконе (при королѣ Карлѣ III), автора замѣчательнаго сочиненія о римскихъ и лангобардскихъ законахъ, наконецъ послѣдующій рядъ другихъ именъ, какъ Марино Боффа, главнаго сотрудника свода законовъ, составленнаго при неаполитанской королевѣ Джіованнѣ II, и пр. Юрисконсультовъ, какъ ихъ тогда называли, вообще было много въ Италіи; для образованія и подготовки ихъ существовали особыя спеціальныя школы. Упомянутыя нами имена принадлежатъ южной Италіи. На сѣверѣ же были свои дѣятели и между ними блеститъ личность Гаспарино да-Берциссо (1360—1431 года), образовавшаго множество учениковъ, будущихъ легистовъ Возрожденія. Онъ преподавалъ въ Падуѣ, Миланѣ и Венеціи. Чтò профессія юристовъ была обширна, объясняется и численностью ихъ корпорацій по городамъ—какъ напр. 200 въ одномъ Миланѣ — и удачной постановкой юридическихъ наукъ въ университетахъ. Въ Италіи раньше чѣмъ въ другихъ странахъ явились ученыя степени магистра и доктора правъ, а потомъ и по другимъ предметамъ. На практикѣ, въ дѣлѣ государственномъ, имъ предстояла обширная работа; они должны были провести въ жизнь соотвѣтственныя гражданскія формы, и примѣнять въ практикѣ то, что въ теоріи и общественномъ мнѣніи подготовляла литература. Дѣло ихъ было тѣмъ труднѣе, что юридическіе вопросы болѣе и болѣе усложнялись и переплетались въ городахъ полуострова.

Кромѣ каноническаго, дѣйствовали еще формулы права: римскаго, лангобардскаго и общиннаго (кутюмъ). Послѣднее было выработано новыми общественными потребностями и интересами. Разработать это право, изложить его въ системѣ было также задачею университетовъ, хотя въ основаніяхъ своихъ обычай давно дѣйствовалъ на практикѣ. Развитіе политической жизни; нѣкогда воспитанное университетами, теперь заставило послѣдніе измѣнить свою роль и по возможности сдерживать возбужденныя стремленія. Съ XIII вѣка стали прославлять достоинства Юстиніанова кодекса и примѣнять его къ потребностямъ итальянской жизни; слѣдомъ за тѣмъ на сцену явилось каноническое право, разработываемое въ стѣнахъ итальянскихъ университета. По основной идеѣ своей оно должно было имѣть суровый характеръ и потому пропаганда его ясно высказалась въ теоріи абсолютизма на поприщѣ государственномъ. Вмѣсто желаемаго императора, университеты навлекли на Италію тучу отдѣльныхъ тирановъ. Впослѣдствіи, какъ извѣстно, характеръ стремленій круто измѣнился и къ XV вѣку заговорило въ тѣхъ же юристахъ желаніе республиканской свободы. Юрисконсульты, воспитанные идеями тѣхъ же университетовъ, дѣлаются теперь законодателями и министрами итальянскихъ государствъ; отъ нихъ зависитъ многое, но они сами нравственно испорчены.

Другая сторона духовной жизни итальянцевъ, касающаяся области изящныхъ искусствъ, развилась въ ту пору едва ли не шире и не блистательнѣе умственной. Благодаря этому художественному развитію, Италія заняла первое мѣсто въ исторіи искусства. И тогда, и послѣ никакое сколько нибудь важное явленіе въ области изящнаго не обходилось безъ прямого или косвеннаго участія Италіи. Въ музыкѣ, архитектурѣ, скульптурѣ и живописи итальянцы въ средніе вѣка вездѣ и всегда были впереди.

Содержаніе Возрожденія въ Италіи во второй половинѣ XV вѣка.

Въ половинѣ XV вѣка мы уже лицомъ къ лицу съ начинающимся Возрожденіемъ, лицомъ къ лицу съ результатами профессорской дѣятельности Хризолороса, Аргиропула, Θеодора Газы, Виссаріона, съ честною и въ высшей степени полезною преподавательскою работою Витторино да-Фельтре, съ многочисленными каоедрами латинскаго и греческаго языка съ ихъ литературою,—разсѣянными по полуострову, съ вели-

кою просвѣтительною ролью итальянскихъ университетовъ, съ новымъ возрожденіемъ платонизма въ стѣнахъ флорентійской академіи, съ благотворнымъ меценатствомъ Медичи, Эсте и др. знатныхъ фамилій,—короче съ эпохою перерожденія Италіи, а за ней и всей Европы, эпохою, блиставшей дѣятельностью ученыхъ грековъ, жадныхъ до неприличія и тѣмъ не менѣе всемірно полезныхъ. Мы не имѣемъ въ виду говорить объ эпохѣ Возрожденія въ настоящее время; это предметъ новой исторіи, первый періодъ которой направило Возрожденіе. Мы выскажемъ только нѣсколько сжатыхъ и общихъ соображеній.

Родоначальникомъ ученыхъ филологовъ на Западѣ былъ Эммануилъ Хризолоросъ, грекъ по рожденію, прибывшій въ 1390 году изъ Византіи на Западъ за помощью къ папѣ и западнымъ государямъ, когда Византійской имперіи грозила опасность отъ меча турокъ. По этому дѣлу онъ обращался къ папѣ и другимъ итальянскимъ государямъ, но къ его предложенію отнеслись равнодушно. За то знаніемъ греческой литературы онъ обращалъ на себя вниманіе всюду; у него стали учиться греческому языку тѣ, которые прошли латинскихъ писателей у Джіованни Равеннскаго. Онъ обучилъ цѣлое поколѣніе филологовъ, которые потомъ стали распространять его идеи. Хризолоросъ преподавалъ въ разныхъ городахъ Италіи (въ Миланѣ, Римѣ, Флоренціи, Падуѣ, Венеціи), сначала странствуя изъ города въ городъ, а потомъ основывая постоянныя школы самъ и чрезъ своихъ учениковъ. Въ эту эпоху нѣкоторыя лица всю свою жизнь посвящали на отыскиваніе рукописей; это исканіе доходило до страсти, до увлеченія. Когда ученые находили рукописи, радости ихъ не было конца. Гуманисты считали всякое мѣсто священнымъ, гдѣ были остатки древности. Отрадно представить себѣ гуманиста, днемъ роющагося въ монастырскихъ библіотекахъ, а ночью читающаго съ жадностью отысканныя рукописи. Его фантазія переносится на эллинскій Востокъ; онъ не знаетъ ничего лучше древняго міра; тамъ была свобода мысли и совѣсти, тамъ не было монаховъ и аббатовъ. Все это прошлое, навсегда отлетѣвшее, ему хотѣлось воскресить въ настоящемъ; потому-то это увлеченіе приводило къ отрицательному отношенію современности.

Рядъ поэтовъ, философовъ, историковъ, юристовъ, ученыхъ ораторовъ, филологовъ, грамматиковъ, достаточно снабженныхъ оружіемъ изъ богатаго арсенала классической эру-

диціи, со всѣми порывами свѣжей мысли, съ яркимъ контрастомъ высокаго умственнаго развитія и внутренней нравственной и сердечной порчи—проходитъ передъ нами. Новые дѣятели, волнуясь сами новыми идеями, воспламеняютъ ими и другихъ. Скоро все образованное общество будетъ на ихъ сторонѣ; скоро правительство и государи станутъ угождать имъ; скоро они сами сдѣлаются людьми сильными и властительными.

Тогда ясно высказался риторизмъ большей части изъ нихъ, разладъ слова и дѣла. Ученые не стыдились унижаться до выпрашиванія, до обмана. Многіе изъ нихъ, сдѣлавшись придворными льстецами, льстили и герцогамъ и ихъ слугамъ, ради себялюбивыхъ цѣлей, ради перспективы пріобрѣсти этимъ путемъ богатства въ будущемъ. Обманутые въ своихъ ожиданіяхъ, они писали похвальныя рѣчи и трескучія біографіи. Классическое образованіе, преимущественно внѣшнее, принесло результаты, не соотвѣтствовавшіе цѣли, даже по отношенію къ людямъ, особенно талантливымъ. Ученый преклонялся предъ авторитетомъ, въ силу котораго не позволялъ себѣ анализа чужой мысли; вмѣсто истиннаго анализа онъ вдавался въ словопренія. На блестящемъ мантуанскомъ съѣздѣ, подъ предсѣдательствомъ Пія II, собравшемся для разсужденія о замышляемомъ крестовомъ походѣ противъ Магомета II, правители забываютъ толковать о дѣлѣ. Всѣ восторгаются реторическими рѣчами Филельфо, написанными на чистѣйшей латыни, всѣ восхищаются образцовымъ латинскимъ панегирикомъ, сказаннымъ даровитою дочерью Франческо Сфорцы Ипполитою, въ привѣтствіе папѣ. Глубоко довольные цвѣтами римскаго краснорѣчія, всѣ спѣшили разъѣхаться, забывъ и про торжествующаго султана Магомета II и про несчастія балканскихъ христіанъ. Подобнымъ образомъ слово всегда расходилось съ дѣломъ въ устахъ даже лучшихъ дѣятелей Возрожденія. Во всякомъ случаѣ, всѣ эти темныя стороны не даютъ права смотрѣть отрицательно на великій вѣкъ и его представителей, людей талантливыхъ, но нравственно испорченныхъ.

Три особенно благопріятныхъ обстоятельства расширили горизонтъ тогдашней дѣятельности. То были: миръ церковный, паденіе Византіи и, что̀ самое капитальное, изобрѣтеніе книгопечатанія (1455 годъ для Германіи, 1466 годъ для Италіи). Это послѣднее событіе почти одновременно со вторымъ оканчиваетъ средніе вѣка; появленіе первой печатной книги открываетъ новое время. И конечно этимъ великимъ фактомъ, по

всей справедливости, должно быть завершено изложеніе исторіи средневѣковья.

Изобрѣтеніе книгопечатанія.

Открытіе типографскаго станка было важнѣйшимъ событіемъ въ исторіи просвѣщенія народовъ. Извѣстно, съ какимъ трудомъ распространялись всякія новыя воззрѣнія въ средніе вѣка. Въ древнемъ Римѣ не чувствовали этого недостатка: тамъ былъ цѣлый классъ писцовъ, которые довели свое искусство до высокой степени совершенства и наполняли цѣлыя лавки своими трудами. Ничего подобнаго долго не было въ средніе вѣка. Классъ переписчиковъ книгъ, какъ ассоціація, явился только въ XIV вѣкѣ. Монахи едва успѣвали переписывать рукописи для церковнаго обихода. Все ихъ творчество уходило на украшеніе молитвенниковъ, и въ этомъ они достигли изящества. Рукописи монаховъ на пергаментѣ заставляютъ забываться читателей: читая ихъ, думаешь, что имѣешь дѣло съ печатной книгой, и до сихъ поръ, разсматривая раскрашенные рисунки, знатокъ всегда будетъ удивляться ихъ красотѣ, а равно богатству отдѣлки виньетокъ, — до такой степени каллиграфы успѣли обогнать искусство на четыре столѣтія. Но монахи занимались обыкновенно перепиской молитвенниковъ, на которые запросъ былъ у большинства, между тѣмъ какъ философскія и богословскія сочиненія были потребностью немногихъ. Не одинъ монахъ сидѣлъ за письменнымъ трудомъ; вмѣстѣ съ нимъ занималось много послушниковъ. Благодаря монахамъ, только и поддерживалась письменность. Можно представить себѣ, сколько труда нужно было положить на переписку, напримѣръ, сочиненій Ѳомы Аквинскаго, которыя теперь, отпечатанныя, занимаютъ десять громадныхъ фоліантовъ. Затѣмъ сколько требовалось труда для переписки рыцарскихъ романовъ, историческихъ хроникъ и всякихъ литературныхъ твореній среднихъ вѣковъ. Потому-то въ средніе вѣка было мало самостоятельнаго творчества. Большое количество труда и времени, занимаемое перепиской, дѣлало то, что литературное занятіе сводилось на копировку; потому-то такъ медленно развивалась цивилизація. Нечего говорить, какъ дорого цѣнились тогда рукописи; во Франціи рукопись средней величины стоила тогда 500 франковъ; за экземпляръ рукописи Тита Ливія можно было въ Италіи купить роскошную дачу,—а тогда деньги были значительно дороже. Извѣстно, что студенты часто платили профессорамъ перепиской ихъ трудовъ. Вотъ почему между прочимъ вся образованность среднихъ вѣковъ сводилась на повтореніе однѣхъ и тѣхъ же идей.

Гутенбергъ (1412-68 г.).

Открытіе Гутенберга какъ разъ поспѣло во время, чтобы двинуть впередъ просвѣщеніе, къ которому всюду стремились и чтобы оказать величайшую услугу цивилизаціи. Слѣдуетъ замѣтить, что Гутенбергъ имѣлъ предшественниковъ (¹). Здѣсь рѣчь идетъ не о томъ, что въ Китаѣ книгопечатаніе было въ употребленіи еще въ 933 году; важно то, что въ первой половинѣ XV столѣтія, еще за нѣсколько лѣтъ до открытія типографскаго станка (около 1442 года), была изобрѣтена ксилографія, т. е. умѣнье вырѣзывать на деревѣ буквы и рисунки, и отпечатывать ихъ. Въ 1442 году въ Голландіи уже были извѣстны такъ называемые печатчики (prenters) и иллюминаторы (verlichters), замѣнившіе прежнихъ переписчиковъ и рисовальщиковъ; тамъ умѣли вырѣзывать буквы и печатать ими произвольное число копій любой рукописи. Въ этомъ родѣ дѣятельности прославился гарлемецъ Янсонъ Костеръ, котораго долго считали въ Голландіи изобрѣтателемъ книгопечатанія и которому въ Гарлемѣ признательные соотечественники соорудили памятникъ. По преданію, онъ первый напечаталъ книгу „Зеркало спасенія“ а наборщики, разобравъ шрифтъ, унесли его въ Майнцъ. Здѣсь будто воспользовался его тайной Іоганъ Гутенбергъ Генсфлейшъ, котораго давно преслѣдовала мысль получать возможно большее число оттисковъ одной и той же рукописи.

По рожденію Гутенбергъ принадлежалъ къ знатнымъ горожанамъ Майнца и считался въ числѣ патриціевъ, которые цѣлыя столѣтія держали въ своихъ рукахъ управленіе городомъ. Въ началѣ XV вѣка злоупотребленія патриціевъ вызвали общее противъ нихъ озлобленіе цеховъ, которые, наконецъ, вытѣснили мѣстную аристократію изъ города и

(¹) Литература о Гутенбергѣ весьма обширна. Лучшія монографіи: Oberlin (Essai d'annales sur la vie de Gut. Str. 1801), Fischer (Essai sur les monuments typographiques M. 1802), Dahl (Die Buchdruckerkunst. M. 1832), Schulz (Gesch. der. Buchdruckerkunst, L. 1840), Ch. Schmidt (Nouveaux détails sur la vie de G. Str. 1841), Winaricky (I. de Gutenberg. Br. 1847), Sotzmann (G. und seine Mitbewerber. Raumer, Hist. Tasch.), Ham (Essai hist. sur Gutt. P. 1657).—Falkenstein (G. der Buchdr.), Bernard (De l'origine et des débuts de l'imprimerie en Europe, 2 v. 1867), Dupont (Hist. de l'imprimerie). Объ Альдѣ—Firmin Didot; о грекѣ Іоаннѣ Ласкарисѣ, который составлялъ библіотеку для Медичи —Vast.— Общее соч.:— Beckmann (Beiträge zur G. der Erfindungen, 5 B.).

захватали власть въ свои руки. Въ числѣ эмигрировавшихъ было семейство Гутенберга; всѣ Генсфлейшы бѣжали въ Страсбургъ. Тамъ Іоганъ провелъ свою молодость въ крайней бѣдности, представлявшейся еще ощутительнѣе послѣ того достатка и даже роскоши, которой прежде пользовались его родители. Бѣдность побуждала его обезпечить свое существованіе какимъ нибудь ремесломъ и какимъ нибудь открытіемъ. Онъ познакомился съ страсбургскими ювелирами и вошелъ съ ними въ компанію; этимъ дѣломъ издавна занимались его предки и онъ полагалъ найти себѣ хорошій заработокъ въ секретѣ новаго способа шлифовки драгоцѣнныхъ камней. Эта же компанія трудилась надъ изготовленіемъ зеркалъ, которыя тогда цѣнились очень высоко. Такъ какъ распродажа зеркалъ замедлилась, въ виду того что большая ярмарка въ Ахенѣ съ 1438 была перенесена на 1440 годъ, то товарищество Гутенберга воспользовалось этимъ временемъ, чтобы сосредоточиться на изученіи способа отпечатыванія рукописей. Собственно задача Гутенберга состояла лишь въ томъ, чтобы разрѣзать голландскія доски на отдѣльныя буквы. Когда онъ приступилъ къ работѣ, то сейчасъ же сообразилъ, что деревянныя буквы не вполнѣ удобны для успѣха дѣла. Тогда онъ открылъ секретъ отливки металлическихъ буквъ и, переѣхавъ въ Майнцъ, вмѣстѣ съ Фаустомъ и каллиграфомъ Петеромъ Шефферомъ, приступилъ въ 1450 году къ печатанію Библіи; она вышла изъ подъ станка черезъ пять лѣтъ (1455 г.). Во время печатанія Гутенбергъ разошелся съ своими сотрудниками.

Надо полагать, что причиной раздора между первыми типографщиками въ Майнцѣ были денежные счеты. Фаустъ вложилъ въ дѣло Гутенберга капиталъ въ 800 гульденовъ съ тѣмъ чтобы послѣдній отпечаталъ Библію, чего бы это ему ни стоило. Когда этихъ денегъ не хватило, Фаустъ помогъ еще 800 гульденовъ, но, не получая отчетовъ отъ Гутенберга въ веденіи дѣла, онъ, передъ самымъ выходомъ книги въ свѣтъ, затѣялъ съ нимъ процессъ, требуя возвращенія денегъ съ процентами. Судъ, въ виду несостоятельности отвѣтчика, обязалъ Гутенберга возвратить весь матеріалъ и инструменты Фаусту, а самую типографію оставилъ за нимъ. Вскорѣ Фаустъ породнился съ каллиграфомъ Петеромъ Шефферомъ, который считался лучшимъ изъ мастеровъ и отдалъ за него свою дочь. Оба они, Фаустъ и Шефферъ, основали

собственную типографію, въ которой, уже послѣ выхода „Библіи“, приступили къ печатанію сочиненія епископа Дюранда —Rationale (исполненнаго въ 1459 году); они же усовершенствовали способы отливки буквъ, приготовляя ихъ изъ свинца и сурьмы.—Первое изданіе Библіи разошлось съ изумительной быстротой. Отъ этого замѣчательнаго во всѣхъ отношеніяхъ изданія въ настоящее время сохранился только одинъ экземпляръ,—именуемый теперь „Мазариновской Библіей“, которая найдена въ числѣ книгъ извѣстнаго кардинала Мазарини, перваго министра Франціи въ малолѣтство короля Луи XIV, и которая хранится теперь въ библіотекѣ Французской академіи. Замѣчательно, что въ той же Франціи появленіе печатной Библіи повело за собой преслѣдованіе и процессы о волшебствѣ. Монахи не хотѣли вѣрить, чтобы можно было, безъ участія сатаны, изъ одной рукописи извлечь столько экземпляровъ. Извѣстно, что Фаустъ, который принесъ эту Библію въ Парижъ, былъ заключенъ въ тюрьму. Монахи, можетъ быть, и сожгли бы его, если бы онъ къ своему счастію не умеръ въ тюрьмѣ, въ 1465 году. Гутенбергъ скончался черезъ три года (24 февр. 1468 г.), въ горькой бѣдности, которая преслѣдовала его всю жизнь. Онъ былъ счастливъ тѣмъ, что увидѣлъ наконецъ полный успѣхъ книгопечатанія [1]. Задолго до смерти, онъ успѣлъ въ 1460 году издать сочиненіе Іоанна де-Януа,—Catholicon. Его работники были піонерами цивилизаціи.

Успѣхи книгопечатанія.

Еще при его жизни открылись типографіи въ Бамбергѣ, въ Кельнѣ и въ Гарлемѣ. Въ 1464 году книгопечатаніе перешло въ Италію и уже отсюда въ 1470 году упрочилось во Франціи. Трое нѣмецкихъ наборщиковъ, ученики Шеффера и Фауста, а именно Конрадъ Швейнгеймъ, Ульрихъ Ганъ и Арнольдъ Паннорцъ, рѣшились попытать счастья въ Италіи. Имъ пришлось вынести тяжелыя затрудненія, прежде чѣмъ они нашли мѣсто для типографіи. На нихъ смотрѣли недовѣрчиво. Первая итальянская книгопечатня была въ монастырѣ Суббіако близъ Рима, а первою книгою, вышедшей въ 1466 году, было сочиненіе Лактанція, слѣдовательно еще при жизни Гутенберга; этого перваго труда итальянской типографіи теперь не существуетъ. Затѣмъ въ 1466 году является тамъ же трак-

---

[1] По другимъ извѣстіямъ онъ умеръ въ 1467 году.

тать Цицерона „De officiis“, а въ слѣдующемъ — сочиненіе Августина. Въ 1468 году типографія переносится въ Римъ. Въ Италіи это искусство стало распространяться съ замѣчательной быстротой. Появляются книги въ Венеціи, а потомъ и въ другихъ городахъ. Въ Италіи типографское дѣло могло скорѣе найти прочную почву и дѣйствительно итальянцамъ Европа обязана тѣмъ, что оно не заглохло, а развилось по всей Европѣ. Въ Италіи духовенство и папы съ энтузіазмомъ отнеслись къ нему. Отсюда печатныя книги распространялись хотя по высокимъ цѣнамъ во всѣхъ западно-европейскихъ государствахъ. Съ 1470 года книгопечатаніе въ Италіи стало обыкновеннымъ дѣломъ. Отъ 1470 до 1500 года тамъ было напечатано до 5400 сочиненій; изъ нихъ въ первое десятилѣтіе 1500,—значитъ, съ годами дѣло развивалось съ поступательной быстротой. Во всей Европѣ до 1500 года насчитываютъ около четырехъ милліоновъ печатныхъ экземпляровъ, при чемъ въ одной Италіи вышло около половины этого числа. Въ Москвѣ, какъ извѣстно, первая книга появилась черезъ 100 лѣтъ послѣ открытія книгопечатанія, тогда какъ въ Чехіи типографскій станокъ работалъ уже въ 1470 году, т. е. тогда, когда онъ только что утвердился въ Италіи. Такъ важна была для просвѣщенія близость Чехіи къ западной Европѣ и такъ невыгодна была отдаленность отъ нея Московскаго государства. Всѣ книги, вышедшія до 1500 года, называются инкунабулами. Съ 1490 г. книги стали печататься такъ называемымъ готическимъ шрифтомъ. Чѣмъ красивѣе была отпечатана книга, тѣмъ она цѣнилась дороже. По красотѣ своихъ издѣлій въ то время отличался венеціанецъ Альдъ Мануцій. Съ теченіемъ времени печатаніе идетъ быстрѣе; отъ 1500 до 1536 г. вышло около $17\frac{1}{2}$ милл. экземпляровъ. Понятно, что съ появленіемъ книгопечатанія цѣнность рукописей значительно упала въ сравненіи съ прежней стоимостью. Такъ какъ рукописи цѣнились все таки выше печатныхъ книгъ, то впослѣдствіи явились поддѣлки; стали выдавать печатныя книги за писанныя; потомъ какъ бы въ отличіе отъ рукописей стали на книгахъ обозначать, что онѣ написаны безъ пера и чернилъ,—свинцовою рукой.

Послѣдствія

Трудно въ общемъ очеркѣ передать всѣ великія послѣдствія книгопечатанія. Первые типографщики, которые трудились около первыхъ печатныхъ станковъ, тѣ князья

и частныя лица, которые оказывали имъ содѣйствіе, — всѣ они сослужили великую службу образованности и исторіи вообще, пріобрѣли право на вѣчную признательность за услуги, оказанныя ими просвѣщенію человѣчества. Съ изобрѣтеніемъ книгопечатанія авторъ могъ распространять свои идеи и говорить съ образованнымъ большинствомъ совершенно свободно, не стѣсняясь временемъ и мѣстомъ. Духовенство въ первое же время поняло, что книгопечатаніе благопріятно для распространенія вѣроученія, а французскій король Луи XII поспѣшилъ заявить что это скорѣе божеское, чѣмъ человѣческое изобрѣтеніе. Посредствомъ типографскаго станка стали быстро распространяться и классическія сочиненія, благодаря чему облегчилось пониманіе древняго міра, а въ общественную жизнь удобнѣе и скорѣе проникли новыя начала, подорвавшія церковный авторитетъ. Духовенство послѣ приняло свои мѣры, но уже было поздно. Теперь всякій могъ завести типографію; никто не обязывалъ содержателя ея печатать только духовныя книги. И вотъ, при королѣ Франсуа I, Сорбонна проситъ короля прекратить книгопечатаніе. Неожиданно парижскій епископъ вступился за типографію; онъ высказалъ, что при помощи ея явилась возможность противодѣйствовать злу и что, если иногда она приноситъ вредъ, то тѣмъ не менѣе въ ней есть и польза. Необходимость бороться со зломъ, на которое жаловалось духовенство, вызвала особое учрежденіе, — цензуру, учрежденную въ первое время въ интересахъ охраны чистоты догматовъ.

Само собою понятно, что съ книгопечатаніемъ классическія рукописи стали доступны всякому, знавшему по-латыни и по-гречески. Между тѣмъ кругъ идей расширился невѣроятнымъ образомъ; греческій языкъ разносился учителями изъ государства въ государство; ученые филологи, въ свою очередь, обязательно распространяли знаніе латинскаго языка. Книгопечатаніе какъ разъ явилось во время, чтобы облегчить и ускорить развитіе гуманизма.

Благодаря гуманистамъ, въ области человѣческой мысли произошелъ громадный переворотъ; богатый матеріалъ древней жизни снова сталъ общимъ достояніемъ. Надъ схоластикой смѣялся еще Петрарка; онъ считалъ средневѣковую науку ниже простаго здраваго смысла гребцовъ и земледѣльцевъ. —„Я, говорилъ онъ, предпочитаю такую науку, которая дѣлаетъ меня лучше,—науку добродѣтели“. Цѣль науки, по сло-

вамъ Петрарки, облагораживать человѣческую природу. Чутьемъ угадывалъ Петрарка и Аристотеля и Платона. За Платона въ то время гуманисты боролись какъ за собственное свое дѣло, какъ за дѣло родины, и друзья становились врагами изъ-за несходства во взглядахъ. Впослѣдствіи въ честь Платона былъ основанъ особый культъ, такъ называемая Платоническая академія. Поклоненіе Платону доходило до забавныхъ и наивныхъ выходокъ со стороны гуманистовъ. Результатомъ этого увлеченія было то, что христіанскія идеи замѣнились античными. Марчелло Фичино, бывшій августинскій монахъ, въ этой же академіи рѣзко высказывалъ антихристіанскія мысли. Таково было непосредственное первое вліяніе античной образованности: прежніе монахи, сдѣлавшись послѣдователями Платона, не менѣе другихъ подрывали авторитетъ христіанства. Между тѣмъ въ то время духовные интересы преобладали и открытіе рукописей возбуждало интересъ въ значительной части общества.

Тогда-то познали цѣну книги; она стала потребностью не только духовныхъ или знатныхъ, но всѣхъ людей безъ различія происхожденія.

Въ послѣдовательномъ движеніи руководящихъ историческихъ идей Возрожденіе классицизма вело къ Реформаціи, но слѣдуетъ съ признательностью помнить, что успѣхи самого Возрожденія обусловливались изобрѣтеніемъ книгопечатанія. Это изобрѣтеніе, по всей справедливости, отдѣляетъ старый міръ отъ новаго. Открывая неизвѣданные горизонты человѣчеству, оно, по прекрасному выраженію одного историка, вселило въ людей новыя чувства, которыми мы одарены съ XV вѣка.

Тогда все дышало отрадной духовной атмосферой; умственные интересы были на первомъ планѣ. Казалось не было границъ полету освобождавшагося человѣческаго духа. Люди съ трепетомъ ждали отъ будущаго чего-то особеннаго, доселѣ незнакомаго, чего-то необычайнаго и великаго. Всѣ помыслы были напряжены.

То было истинное возрожденіе человѣчества къ новой жизни. Имъ началась новая исторія.

Полный списокъ памятниковъ по средневѣковой исторіи Германіи, помѣщенныхъ въ изданіи:

PERTZ, MONUMENTA GERMANIAE HISTORICA
(scriptores, leges, diplomae).

T. I.		Scriptorum. t. I.
I.	Annales Sancti Amandi ab a. 687—810.	6—14.
II.	Annales Tiliani ab a. 708—807.	6—8, 219—224.
III.	Annales Laubacenses ab a. 685—926.	7—15, 52—55.
IV.	Annales Petaviani ab a. 687—804 .	7—18.
V.	Annales Laureshamenses ab a. 703—803	22—39.
VI.	Annales Alamannici ab a. 703—985.	22—60.
	cum Cont. Sangallensis ab a. 860—926.	50—56.
VII.	Annales Guelferbytani ab a. 741—805.	23—46.
VIII.	Annales Nazariani ab a. 708—791 .	23—44.
IX.	Annales Sangallenses Baluzii ex cod. saeculi noni ab a. 691—814 . . .	63.
X.	Annales Sangallenses breves ab a. 708—845	64—65.
XI.	Annales Weingartenses ab a. 708—787 et 792—936	64—67.
XII.	Annales Augienses ab a. 709—954 .	67—69.
XIII.	Annales brevissimi codicis Sangallensis ab a. 768—889	69.
XIV.	Annales brevissimi codicis Sangallensis ab a. 814—961	70.
XV.	Notae historicae codicibus Sangallensibus adjectae ab a. 806—1262. . .	70—71.
XVI.	Annales Sangallenses majores ab a. 709—1056	72—85.

Pars altera

Annalium Italiae pars altera.

Italia superior.

Livonia.

Silesia

Polonia.

Annales. Notae breves.

Genealogiae Series principum.

Chronica minora saeculi XII et XIII

Gesta episcoporum. abbatum, ducum aliorumque principum saeculi XIII.

Ex rerum Francogallicarum scriptoribus.

Ex rerum Anglicarum scriptoribus saeculi XIII.

Diplomata imperii t. I.

RERUM BRITANNICARUM MEDII AEVI SCRIPTORES.

(Lond. Oxf. Cambr. 1858—89).

1. The Chronicle of England, by John Capgrave (до 1417 г.). 1885.
2. Chronicon Monasterii de Abingdon. 2 Vols. 1858.
3. Lives of Edward the Confessor. I. — La Estoire de Seint Aedward le Rei II. — Vita Beati Edvardi Regis et Confessoris. III. — Vita Æduuardi Regis qui apud Westmonasterium requiescit. 1858.
4. Monumenta Franciscana. Vol. I. — Thomas de Eccleston de adventu Fratrum Minorum in Angliam. Adæ de Marisco Epistolæ. Registrum Fratrum Minorum Londoniæ. Vol. II. — De Adventu Minorum; re-edited, with additions. Chronicle of the Grey Friars. The ancient English version of the Rule of St. Francis. Abbreviatio Statutorum, 1451.
5. Fasciculi Zizaniorum Magistri Johannis Wyclif cum Tritico. Ascribed to Thomas Netter, of Walden, Provincial of the Carmelite Order in England, and Confessor to King Henry the Fifth. 1858.
6. The Buik of the Chroniclis of Scotland; or, a Metrical Version of the History of Hector Boece, By William Stewart. 1859.
7. Johannis Capgrave—Liber de Illustribus Henricis. 1858.
8. Historia Monasterii S. Augustini Cantuariensis, by Thomas of Elmham, formerly Monk and Treasurer of that Foundation. 1858.
9. Eulogium (Historiarum sui temporis): Chronicon ab Orbe condito usque ad Annum Domini 1366; a Monacho quodam Malmesbiriensi exaratum. 3 Vols. 1858—1863.

10. Memorials of Henry the Seventh: Bernardi Andreæ Tholosatis—Vita Regis Henrici Septimi; nec non alia quædam ad eundem Regem spectantia. 1858.
11. Memorials of Henry the Fifth. I. — Vita Henrici Quinti, Roberto Redmanno auctore II. — Versus Rhythmici in laudem Regis Henrici Quinti. III. — Elmhami Liber Metricus de Henrico V. 1858.
12. Munimenta Gildhallæ Londoniensis; Liber Albus, Liber Custumarum, et Liber Horn, in archivis Gildhallæ asservati. Vol. I., Liber Albus.—Vol. II. (in Two Parts), Liber Custumarum.—Vol. III., Translation of the Anglo-Norman Passages in Liber Albus. Glossaries, Appendices and Index. 1859—1862.
13. Chronica Johannis de Oxenedes.
14. A Collection of Political Poems and Songs, relating to English History, from the Accession of Edward III. to the Reign of Henry VIII. 2. Vols. 1859—1861.
15. The „Opus tertium," „Opus Minus," &c., of Roger Bacon. 1859
16. Bartholomæi de Cotton, Monachi Norwicensis, Historia Anglicana: 449—1298: nec non ejusdem Liber de Archiepiscopis et Episcopis Angliæ 1859.
17. Brut y Tywysogion; or, The Chronicle of the Princes of Wales. 1860.
18. A Collection of Royal and Historical Letters during the Reign of Henry IV, 1399—1404—1860.
19. The Repressor of over much Blaming of the Clergy. By Reginald Pecock, sometime Bishop of Chichester; 2 Vols. 1860.
20. Annales Cambriæ. 1860
21. The Works of Giraldus Cambrensis. 7 Vols. 1861—1877.
22. Letters and Papers illustrative of the Wars of English in France during the Reign of Henry the Sixth, King of England. 2 Vol. 1861—1864.
23. The Anglo-Saxon Chronicle, according to the several Original Authorities. 2 Vol. 1861.
24. Letters and Papers illustrative of the Reigns of Richard III and Henry VII. 2. Vols. 1861—1863.
25. Letters of Bishop Grosseteste, illustrative of the Social Condition of his Time. 1861.
26. Descriptive Catalogue of Manuscripts relating to the

History of Great Britain and Ireland. Vol. 1. (2 ч.) до Нормандскаго завоеванія Vol. II.; 1066 — 1200. Vol. III.; 1200—1327. By T. Hardy. 1862—1871.

27. Royal and other Historical Letters illustrative of the Reign of Henry III. Vol. I., 1216—1235. Vol. II., 1236—1272.—1862—1866.

28. Chronica Monasterii S. Albani. — 1. Thomæ Walsingham Historia Anglicana; Vol. I.; 1272—1381: Vol. II., 1381—1422.—2. Willelmi Rishanger Chronica et Annales, 1259—1307.—3. Johannis de Trokelowe et Henrici de Blaneforde Chronica et Annales, 1259—1296; 1307—1324; 1392—1406.—4. Gesta Abbatum Monasterii S. Albani, a Thoma Walsingham, regnante Ricardo Secundo, ejusdem Ecclesiæ Præcentore, compilata; Vol. I., 793 — 1290: Vol. II., 1290 — 1349: Vol. III., 1349—1411.—5. Johannis Amundesham, Monachi Monasterii S. Albani, ut videtur, Annales; Vols. I. and II.—6. Registra quorundam Abbatum Monasterii S. Albani, qui sæculo XV^mo floruere; Vol I., Registrum Abbatiæ Johannis Whethamstede, Abbatis Monasterii Sancti Albani, iterum susceptæ; Roberto Blakeney, Capellano, quondam adscriptum: Vol. II., Registra Johannis Whethamstede, Willelmi Albon, et Willelmi Walingforde, Abbatum Monasterii Sancti Albani, cum Appendice, continente quasdam Epistolas, a Johanne Whethamstede conscriptas.—7. Ypodigma Neustriæ a Thoma Walsingham, quondam Monacho Monasterii S. Albani, conscriptum. 1863—1876.

29. Chronicon Abbatiæ Eveshamensis, auctoribus Dominico Priore Eveshamiæ et Thoma de Marleberge Abbate, a fundatione ad Annum 1213, una cum Continuatione ad Annum 1418. 1863.

30. Ricardi de Cirencestria Speculum hisroriale de gestis Regum Angliæ. Vol. I., 447—871. Vol. II., 872—1066. 1863—1869.

31. Year Books of the Reign of Edward the First. Годы 20—21, 21—22. Edward I. 30—31, 32—33, и 33—35. Edward. Годы 11—14. 1863—1886

32. Narratives of the Expulsion of the English from Normandy 1449—1450.—Robertus Blondelli de Reductione

Normanniæ: Le Recouvrement de Normendie, par Berry, hérault du Roy: Conferences between the Ambassadors of France and England. 1863.

33. Historia et Cartularium Monasterii S. Petri Gloucestriæ. Vols. I., II., and III. 1863—1867.

34. Alexandri Neckam de Naturis Regum libri duo; съ поэмой: De Laudibus Divinæ Sapientiæ. 1863.

35. Leechdoms, Wortcunning, and Starcraft of Early England; съ документами для изученія исторіи знаній въ Англіи до норманскаго завоеванія, I—III, 1864—66.

36. Annales Monastici. Vol. I.: — Annales de Margan, 1066—1232; Annales de Theokesberia, 1066—1263; Annales de Burton, 1004—1263. — Vol. II.:—Annales Monasterii de Wintonia. 519—1277; Annales Monasterii de Waverleia, 1—1291. — Vol. III:—Annales Prioratus de Dunstaplia, 1—1297. Annales Monasterii de Bermundescia, 1042—1432.--Vol. IV:--Annales Monasterii de Oseneia. 1016—1347; Chronicon vulgo dictum Chronicon Thomæ Wykes, 1066—1289; Annales Prioratus de Wigornia, 1—1377. — Vol. V.: — Index and Glossary. 1864—1869.

37. Magna Vita S. Hugonis Episcopi Lincolniensis. 1864.

38. Chronicles and Memorials of the Reign of Richard the First. Vol. I.: — Itinerarium peregrinorum et gesta Regis Ricardi. Vol. II.: — Epistolæ Cantuarienses; the Letters of the Prior and Convent of Christ Church, Canterburu; 1187 to 1199. 1864—1865.

39. Recueil des Croniques et anchiennes Istories de la Gkant Bretaigne apresent nomme Engleterre, par Jehan de Waurin. Vol. I. Albina тн 688.--Vol. II., 1399—1422.--Vol. III., 1422—1431. Vol. IV. 1431—1443—1864—79. 1884.

40. A Collection of the Chronicles and ancient Histories of Great Britain, now called England, by John de Wavrin. Albina to 688. 2 Vols. transl 1864—1887.

41. Polychronicon Ranulphi Higden, with Trevisa's Translation. Vols. I.—II. 1865—1886.

42. Le Livere de Rei de Brittanie e Le Livere de Reis de Engletere (Peter of Jekham?). 1865.

43. Chronica Monasterii de Melsa ab anno 1150 usque ad annum 1406. Vols. I., II., and III. 1866—1869.

44. Matthæi Parisiensis Historia Anglorum, sive ut vulgo dicitur, Historia Minor. 3 Vols. aba. 1067 — 1253. Ed. by Madden. 1866—1869.

45. Liber Monasterii de Hyda: a Chronicle and Chartulary of Hyde Abbey, 455—1023. Winchester, Ed. by Edwards.—1866.

46. Chronicon Scotorum: a Chronicle of Irish Affairs, from the earliest times to 1135; and Supplement, containing the events from 1141 to 1150.—1866.

47. The Chronicle of Pierre de Langtoft, in French Verse, from the earliest period to the death of Edward I. 2 Vol. 1866—1868.

48. The War of the Galdhil with the Gaill, or The Invasions of Ireland by the Danes and other Norsemen. *Edited, with a Translation by* James Henthorn Todd, Dublin. 1867.

49. Gesta Regis Henrici Secundi Benedicti Abbatis. Chronicle of the Reigns of Henry II. and Richard I., 1169—1192, known under the name of Benedict of Peterborough. 2 Vols. 1867.

50. Munimenta Academica, or Documents illustrative of Academical Life and Studies at Oxford; 2 Vols. 1868.

51. Chronica Magistri Rogeri de Houedene. 4 Vols. Ed. by Stubss. 1868—1871.

52. Willelmi Malmesbiriensis Monachi de gestis Pontificum Anglorum libri quinque. 1870.

53. Historic and Municipal Documents of Ireland, from the Archives of the City of Dublin, &c. 1172 — 1320. 1870.

54. The Annals of Loch Cé. A Chronicle of Irish Affairs, from 1041 to 1590. 2 Vols. 1871.

55. Monumenta Juridica. The Black Book of the Admiralty, with Appendices, 4 Vols. 1871—1876.

56. Memorials of the Reign of Henry VI.:—Official Correspondence of Thomas Bekynton, Secretary to Henry VI., and Bishop of Bath and Wells. 1872.

57. Matthæi Pärisiensis, Monachi Sancti Albani, Chronica Majora. Vol. I. usque ad 1066.—Vol. II. 1067—1216.—Vol. III. 1216—1239.—Vol. IV. 1240—1247.—Vol. V. 1248—1259.—Vol. VI. Additamenta.—Vol. VII. Index. *Edited by* Henry Richards Luard, 1872—1884.

58. Memoriale Fratris Walteri de Coventria.—The Historical Collections of Walter of Boventry. 2 Vols. 1872—1873.
59. The Anglo-Latin Satirical Poets and Epigrammatists of the Twelfth Century 2 Vols. I. and II. 1872.
60. Materials for a History of the Reign of Henry VII, from original Documents preserved in the Public Record Office. 2 Vols. 1873—1877.
61. Historical Papers and Letters from the Reign of Northern Registers 1873.
62. Registrum Palatinum Dunelmense. The Register of Richard de Kellawe, Lord Palatine and Bishop of Durham; 1311—1316. 4 Vols. 1873—1878.
63. Memorials of Saint Dunstan, Archbishop of Canterbury. 1874.
64. Chronicon Angliæ, ab anno Domini 1328 usque ad annum 1388, auctore Monacho quodam Sancti Albani. 1874.
65. Thomas Saga Erkibyscups. A Life of Archbishop Thomas Becket. in Icelandic. 2 Vols. Ed. by Magnasson. 1875—1884.
66. Radulphi de Coggeshall Chronicon Anglicanum. 1875.
67. Materials for the History of Thomas Becket, Archbishop of Canterbury. 7 Vols. 1875—85.
68. Radulfi de Diceto Decani Lundoniensis Opera Historica. The Historical Works of Master Ralph de Diceto, Decan of London. 2 Vols. 1876.
69. Roll of Proceedings of the King's Council in Ireland, for a portion of the 16th Year of the Reign of Richard II, 1392—93.—1877
70. Henrici de Bracton de Legibus et Consuetudinibus Angliæ libri quinque in varios Tractatus distincti. Ad diversorum et Vetustissimornm Codicum collationem typis vulgati. 6 Vols. I,, 1878—1883.
71. The Historians of the Church of York, and its Archbishops. 2 Vols. 1879—1886.
72. Registrum Malmesburiense. The Register of Malmesbury Abbey; preserved in the Public Record Office. 7 Vols. 1878, 1880.
73. Historical Works of Gervase of Canterbury. 2 Vols. The Chronicle of the reigns of Stephen, Henry II and

Richard I., by Gervase, the Monk of Canterbury. 1879--1880.

74. Henrici Archidiaconi Huntendunensis Historia Anglorum. (8 книгъ). 1879.
75. The Historical Works of Symeon of Durham. 2 Vols. 1882—1885.
76. Chronicles of the reigns of Edward and Edward II. 2 Vols. 1882 — 1883.
77 Registrum Epistolarum Fratris Johannis Peckham, Archiepiscopi Cantuariensis. 3 Vols. 1882—1886.
78. Register of S. Osmund. 2 Vols. 1883, 1884.
79. Chartulary of the Abbey of Ramsey, 2 Vols. 1884,—86.
80. Chartularies of St. Mary's Abbey, Dublin, with the Register of its house at Dunbrody, County of Wexford, and Annals of Ireland, 1162—1370. 1884, 1885.
81. Eadmeri Historia Novorum in Anglia et opuscula duo de Vita Sancti Anselmi et quibusdam Miraculis ejus. 1884.
82. Chronicles of the reigns of Stephen, Henry IIo and Richard 3 Vols. (William of Newburgh, Drac Normannicus of Etienne de Rouen, Richard of Hexmat, Richard; of Devizes. 1884—1886.
83. Chronicle of the Abbey of Ramsey 1886.
84. Chronica Rogeri de Wendover, sive Flores Historiarum. 2 Vols. 1886—1887.
85. The Letter Books of the Monastery of Christ Church Canterbury. 2 Vols. 1887—1888.
86. The Metrical Chronicle of Robert of Gloucester. 1887.
87. Chronicle of Robert of Brunne. 2 части; 1887.
88. Icelandic Sagas and other historical Documents relating to the Settlements and Descents of the Northmen on the British Isles. Vol. I. Orkneyinga Saga, Magnus Saga. Vol. II. Hakonar Saga, Magnus Saga. 1887.
89. The Tripartite Life of St. Patrick, 2 Parts 1887.
90. Willelmi monachi Malmesbiriensis de Regum gestis Anglorum, libri V.; Historiæ Novellæ, libri III. Vol. I. 1887.
91. Lestorie des Engles solum; transtation fo Geffrei Gaimar. 2 Vols. 1888 — 1889.

MIGNE, J. P.: PATROLOGIAE CURSUS COMPLETUS,

sive bibliotheca universalis, omnium SS. Patrum, doctorum, scriptorumque ecclesiasticorum, sive Latinorum, sive Graecorum, qui ab aevo apostolico ad aetatem Innocentii III pro Latinis, ei ad Photii tempora pro Graecis floruerunt, Parisiis 1844—57. (Series latina Vol. 1—217. 217^{a-d}=221 vol.; series graeca 20 vol.; 241 vol.

Series I. A Tertulliano ad Gregorium Magnum. Tom. 1—79. (1. Scriptores qui in II-IV. saec. floruerunt. Tom. 1—19.—2. Scriptores V. saec. Tom. 20—61.—3. Scriptores VI. saec. Tom. 62—79).

Series II. A Gregorio Magno ad Innocentium III Tom. 80—217. (1. Scriptores qui in VII. saec. prima parte floruerunt. Tom. 80—86.—2. Scriptores qui in VII. saec. secunda parte floruerunt. Tom. 87. 88.—3. Scriptores ecclesiastici VIII. saec. Tom. 89—96.—4. Scriptores IX. saec. Tom. 97—130.—5. Scriptores X. saec. Tom. 131—138.—6. Scriptores XI. saec. Tom. 139—151.—7. Scriptores XII. saec. Tom. 152—191.—8. Scriptores XIII. saec. Tom. 192—217 a-d.

Series graeca. Tom. 1—7; 15; 17—21; 23—25; 27—30.

Abaelardus, opera omnia	178
Abbaudus abbas	166
Abbo abbas Floriacens.	139
Abbo episc. Mettens.	87
Abbo Sangerm. monach.	132
Abedoc abbas Hibernus	96
Absalon abb. Sprinckirsbac.	211
Achardus abb. S. Victoris	196
Adalbero ep. Laudun.	141
Adalbero archiep. Remensis	137
Adalbertus ep. Mogunt.	172
Adalbertus ep. Pragens.	137
Adalbertus scholast. Metens.	136
Adalgerus ep. incertae sedis.	134
Adalhardus abbas Corbeiensis	105
Adamnanus abbas Hiiensis.	88
Adamus abbas Perseniae	211
Adamus Bremensis	146
Adamus Scotus	198
Adamus S. Victoris	196
Adelboldus ep. Traiect.	140
Adelgorius archiepiscop. Magdeb.	157
Adelmannus ep. Brixiens.	143
Ademarus S. Cibardi monachus	141
Adeodatus papa	87
Ado archiep. Vienn.	123
Adrevaldus monachus Floriac.	124
Adrianus I papa	96
Adrianus II papa	122
Adrianus III papa	126
Adrianus IV papa	188
Adso Dervensis	137
Adventius ep. Mettens.	121
Aegidius Paris	212
Aelfricus abb. Riev.	195
Aelredus Rhievallus	195
Aeneas ep. Paris.	121
Agano ep. Augustodun.	150
Agapetus I papa	66
Agapetus II papa	133

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ

ДЛЯ ОБОИХЪ ТОМОВЪ [1].

---

[1] Первый томъ (I) не отмѣчается.

ЕПИСКОПЫ И ПАПЫ РИМСКІЕ.

Св. Петръ, 42 г. (?)—29 іюня 66.
Св. Линъ, 66—23 сент. 78.
Св. Анаклетъ, 79—91.
Св. Климентъ, 91—23 д. 100.
Св. Евaристъ, 100—27 окт. 109.
Св. Александръ, 109-3 мая 119.
Св. Сикстъ, 119—127.
Св. Телесфоръ, 127—2 янв. 139.
Св. Гигинъ, 139—10 янв. 142.
Св. Пій, 142—11 іюля 157.
Св. Аницетъ, 157-17 апр. 168.
Св. Сотеръ, 168—177.
Св. Элевтеръ, 177—26 мая 192.
Св. Викторъ, 193-28 іюля 202.
Св. Зефиринъ, 202-20 дек. 218.
Св. Калистъ, 219—14 окт. 222.
Св. Урбанъ, 223—25 мая 230.
Св. Понтіанъ, 22 іюля 230—28 сент. 235.
Св. Антеръ, 11 н. 235-3 янв. 236.
Св. Фабіанъ, 10 янв. 236—20 янв. 250.
Св. Корнилій, 4 іюня 251—14 сент 252.
Св. Лучій, 25 с. 252—5 м. 253.
Св. Стефанъ, мартъ 253—2 авг. 257.
Св. Сикстъ II, 14 авг. 257—6 авг. 258.
Св. Діонисій, 22 іюля 259—26 дек. 269.
Св. Феликсъ, 29 дек. 269—22 дек. 274.
Св. Евтихій, 5 янв. 275-7 дек. 283
Св. Кай, 17 дек. 283-22 апр. 296.
Св. Марцеллинъ, 30 іюня 296—24 окт. 304.
Св. Маркелъ, 19 мая 308—16 янв. 310.
Св. Евсевій, 20 мая 310—26 сент. 310.
Св. Мильтіадъ, 2 іюля 311—11 янв. 314.
Св. Сильвестръ, 31 янв. 314—31 дек. 335.
Св. Маркъ, 18 янв. 336—7 окт. 336.
Св. Юлій, 6 ф 337-12 апр. 352.
Либерій, 22 мая 352-24 сент. 366
(Феликсъ II, 355—22 н. 365).
Св. Дамаскъ, 366—10 дек. 384.
Св. Сирицій, 22 дек. 384—25 н. 398.
Св. Анастасій, 5 дек. 398—14 дек. 401.
Св. Иннокентій I, 21 д. 401—янв. 417.
Св. Зосимъ, 18 марта 417—26 дек. 418.
Св. Бонифацій, 28 дек. 418—4 сент. 422.
Св. Целестинъ, 10 сент. 422—30 іюля 432.
Св. Сикстъ III, 31 іюля 432—18 авг. 440.
Св. Левъ I Великій, 29 сент. 440—5 ноября 461.
Св. Гиларій, 10 н. 461-21 ф. 468.
Св. Симплицій, 25 ф. 468—27 ф. 483.
Св. Феликсъ II, 2 марта 483—24 ф. 492.
Св. Геласій, 1 март. 492-19 н. 496.
Св. Анастасій I, 24 н. 496—17 н. 498.
Св. Симмахъ, 22 н. 498—19 іюля 514.
Гормиздъ, 27 іюл. 514-6 авг 523.
Св. Іоаннъ I, 13 авг. 523—18 мая 526.
Феликсъ III, 24 іюля 526—18 сент. 530.

Бонифацій II, 15 окт. 530—16 окт. 532.
Іоаннъ II, 22 янв. 533—27 мая 535.
Агапетъ, 3 іюня 535-22 апр. 536.
Сильверъ, 8 іюня 536—17 н. 537 († 20 іюня 538).
Вигилій, 22 н. 537-10 янв. 555.
Пелагій, 1 апр. 555-1 марта 560.
Іоаннъ III, 18 іюня 560—13 іюля 573.
Бенедиктъ Боноза, 3 іюня 574—30 іюля 578.
Пелагій II, 30 н. 578—8 ф. 590.
Св. Григорій I Великій, 9 ф. 590—12 марта 604.
Сабиніанъ, 1 сент. 604-22 ф. 607.
Бонифацій III, 29 ф. 607—10 н. 607.
Бонифацій IV, 25 авг. 608—7 мая 615.
Deusdedit, 19 окт. 615-8 н. 618.
Бонифацій V, 23 окт 619—22 окт. 625.
Гонорій, 14 мая 625-12 окт. 638.
Северинъ, 28 мая 640-1 авг. 640.
Іоаннъ IV, 24 д. 640-11 окт. 642.
Өедоръ, 24 н. 642—13 мая 649.
Св. Мартинъ, 5 іюля 649—19 іюня 653 († 16 сент. 655).
Св. Евгеній, 8 сент. 654—1 іюня 657.
Виталіанъ, 30 іюля 657—27 янв. 672.
A Deo-datus, 22 апр. 672—26 іюня 676.
Домнусъ, 2 н. 676—11 апр. 678.
Агафонъ, 27 іюня 679—10 янв. 682.
Св. Левъ II, 19 окт. 682—3 іюля 683.
Бенедиктъ II, 26 іюня 684—7 мая 685.
Іоаннъ V, 10 іюня 685—7 авг. 686.
Кононъ, 21 окт. 686—21 с. 687.
Сергій, 15 д. 687—8 сент. 701.
Іоаннъ VI, 28 окт. 701—9 янв. 705.
Іоаннъ VII, 1 марта 705—17 окт. 707.
Сисиній, 18 янв. 708—7 ф. 708.
Константинъ, 25 марта 708—9 апр. 715.
Св. Григорій II, 19 мая 715—10 ф. 731.
Григорій III, 18 марта 731—28 н. 741.
Захарія, 30 н. 741-14 марта 752.
Стефанъ II, 26 марта 752—24 апр. 757.
Павелъ I, 29 мая 757-28 іюня 767.
Стефанъ III, 7 авг. 768-1 ф. 772.
Адріанъ I, 9 ф. 772-25 окт. 795.
Левъ III, 27 дек. 795-11 іюня 816.
Стефанъ IV, 22 іюня 816—24 янв. 817.
Пасхалій I, 25 янв. 817-10 ф. 824.
Евгеній II, 16 ф. 824-10 авг. 827.
Валентинъ, авг. 827—окт. 827.
Григорій IV, н. 827-29 янв. 844.
Сергій II, 10 ф. 844-27 янв. 847.
Левъ IV, апр. 847—16 іюня 855.
Бенедиктъ III, 29 сент. 855—8 апр. 858.
Николай I, 24 апр. 858-13 н. 867.
Адріанъ II, 14 д. 867—д. 872.
Іоаннъ VIII, 14 д. 872-15 д. 882.
Марино I, д. 882—май 884.
Адріанъ III, 884—сент. 885.
Стефанъ V, сент. 885-сент. 890.
Формозъ, 890—4 апр. 896.
Бонифацій VI, апр. 896-май 896.
Стефанъ VI, 20 авг. 896 сент. 897.
Романъ, 15 окт. 897—янв. 898.
Өедоръ II, янв. 898—ф. 898.
Іоаннъ IX, іюнь 898—іюнь 900.
Бенедиктъ IV, авг. 900-окт. 903.
Левъ V, 28 окт. 903—н. 903.
Христофоръ, н. 903—май 904.

Сергій III, іюнь 904—авг. 911.
Анастасій III, авг. 911-окт. 913.
Ландъ, окт. 913—26 апр. 914.
Іоаннъ X, апр 914—928.
Левъ VI, іюнь 928--3 февр. 929.
Стефанъ VII, февр. 929 — 15 марта 931.
Іоаннъ XI, 15 марта 931 — янв. 936.
Левъ VII, 9 янв. 936-18 іюля 939.
Стефанъ VIII, іюль 939-д. 942.
Марино II, 4 февр. 943-іюнь 946.
Агапетъ II, іюнь 946-20 авг. 956.
Іоаннъ XII, авг. 956-6 мая 964.
Бенедиктъ V, 15 мая 964— сент. 965.
Іоаннъ XIII, окт. 965—6 с. 972.
Бенедиктъ VI, 28 н. 972—974.
Домнусъ II, 974—975.
Бенедиктъ VII, 25 марта 975 —10 іюля 983.
Іоаннъ XIV, н. 983-мартъ 985.
Іоаннъ XV, апр. 985-іюнь 985 [1])
Іоаннъ XVI, д. 985—апр. 996.
Григорій V, 3 мая 996-18 ф. 999.
Сильвестръ II, 2 апр. 999— 3 мая 1003.
Іоаннъ XVII, іюнь 1003 — 7 дек. 1003.
Іоаннъ XVIII, 26 дек. 1003 —май 1009.
Сергій IV, іюнь 1009—1012.
Бенедиктъ VIII, 1012—1024.
Іоаннъ XIX, 6 іюня 1024-1033.
Бенедиктъ IX, 1033—1044.
Сильвестръ III,—1044.
Григорій VI, 1044—д. 1046.
Климентъ II, 25 д. 1046 — 9 окт. 1047.
Дамасъ II, 17 іюля 1048 — 10 авг. 1048.
Св. Левъ IX, 12 ф. 1049 — 19 апр. 1054.

(1) Не всѣми признается папою.

Викторъ II, 13 апр. 1055.— 28 іюля 1057.
Стефанъ IX, 2 авг. 1057 — 29 марта 1058.
Бенедиктъ X, антипапа, 30 марта 1058—18 янв. 1059.
Николай II, 28 дек. 1058 — 22 іюля 1061.
Александръ II, 1 окт. 1061— 21 апр. 1073.
Григорій VII, 22 апр. 1073— 25 мая 1085.
Викторъ III, 24 мая 1086— 16 сент. 1087.
Урбанъ II, 12 марта 1088— 29 іюля 1099.
Пасхалій II, 12 авг. 1099— 21 янв. 1118.
Геласій II, 25 янв. 1118 — 29 янв. 1119.
Калистъ II, 1 фев. 1119 — 12 д. 1124.
Гонорій II, 21 дек. 1124 — 14 ф. 1130.
Иннокентій II, 15 ф. 1130— 24 сент. 1143.
Целестинъ II, 26 с. 1143 — 9 марта 1144.
Лучій II, 12 марта 1144 — 25 ф. 1145.
Евгеній III, 27 ф. 1145 — 8 іюля 1153.
Анастасій IV, 9 іюля 1153— 2 д. 1154.
Адріанъ IV, 20 д. 1154 — 1 с. 1159.
Александръ III, 7 с. 1159 — 30 авг. 1181.
Лучій III, 1 с. 1181-24 н. 1185.
Урбанъ III, 25 н. 1185 — 19 окт. 1187.
Григорій VIII, 20 окт. 1187 —17 д. 1187.
Климентъ III,—19 д. 1187— 27 марта 1191.

Целестинъ III, 30 марта 1191 —8 янв. 1198.
Иннокентій III, 8 янв. 1198 —17 іюля 1216.
Гонорій III, 18 іюля 1216— 18 марта 1227.
Григорій IX, 19 марта 1227 —21 авг. 1241.
Целестинъ IV, 22 с. 1241— 8 окт. 1241.
Иннокентій IV, 25 іюня 1243 —7 д. 1254.
Александръ IV, 12 д. 1254— 25 мая 1261.
УрбанъIV,27а.1261-2окт.1264
Климентъ IV, 5 ф. 1265 — 29 н. 1268.
Григорій X, 1 сент. 1271 — 10 янв. 1276.
ИннокентійV,21ф.-22іюн.1276
Адріанъ V, 15 іюля 1276 — 18 авг. 1276.
Іоаннъ XX, антипапа.
Іоаннъ XXI, 13 сент. 1276— 17 мая 1277.
Николай III, 25 н. 1277 — 22 авг. 1280.
Мартинъ IV, 22 ф. 1281 — 28 марта 1285.
Гонорій IV, 2 апр. 1285 — 3 апр. 1287.
Николай IV, 15 ф. 1288 — 4 апр 1292.
Целестинъ V, 5 іюля 1294— 13 д. 1294.
Бонифацій VIII, 24 д. 1294 —11 окт. 1303.
Бенедиктъ XI, 22 окт. 1303 — 7 іюля 1304.
Климентъ V, 5 іюня 1305— 20 апр. 1314.
(съ 1309 г. въ Авиньонѣ)
Іоаннъ XXII, 7 авг. 1316— 4 д. 1334.
Бенедиктъ XII, 20 д. 1334— 25 апр. 1342.
Климентъ VI, 7 мая 1342— 6 д. 1352.
Иннокентій VI, 18 д. 1352— 2 с. 1362.
Урбанъ V, 28 окт. 1362 — 19 д. 1370.
Григорій XI, 30 д. 1370 — 27 марта 1378.

Римскіе.
Урбанъ VI, 9 апр. 1378— 18 окт. 1389.
Бонифацій IX. 2 н. 1389 —1 окт. 1404.
Иннокентій VII, 17 окт. 1404—6 н. 1406.
Григорій XII, 30 н. 1406 —1409.

Авиньонскіе.
Климентъ VII, 21 с. 1378 —16 с. 1394.
Бенедиктъ XIII, 28 сент. 1394—1409.

Пизанскіе.
Александръ V, 26 іюня 1409—3 мая 1410.
Іоаннъ XXIII. 17 мая 1410 —29 мая 1415.

Послѣ раскола Римскіе.
Мартинъ V, 11 н. 1417 — 21 ф. 1431.
Евгеній IV, 6 марта 1431 — 23 ф. 1447.
Николай V, 6 марта 1447 — 24 марта 1455.
Калистъ III, 8 апр. 1455 — 8 авг. 1458.
ПійII, 27авг.1458-16авг.1464.
Павелъ II, 31 авг. 1464 — 28 іюля 1471.
СикстъIV,9авг.1471-13а.1484.
Иннокентій VIII, 29 авг. 1484. —25 іюля 1492.
Александръ VI, 11 авг. 1492 —18 авг. 1503.
ПійIII, 22с.1503-18окт.1503.
Юлій II, 1 н. 1503-21 ф. 1513.
ЛевъX,11 марта 1513-1д.1521.

ERRATA.

I ТОМЪ.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
15	2 св.	какъ	такъ
19	2 св.	Деномакса	Демонакса
126	4 сн.	466	род. въ 466
129	25 св.	чуть	чуть не
139	16 св.	наслѣдникомъ	обладателемъ
140	10 св.	5)	6)
159	4 сн. прим.	Dun.	Dunelmensis.
227	5 сн.	Simeon	Simson
289	7 св.	998	898
295	3 св.	Людовикъ VI	Людовикъ IV
301	9 сн.	своихъ	къ нему его
307	9 св.	у западныхъ ученыхъ	западнымъ ученымъ
309	7 сн.	Muralto	Muralt
312	1 сн. прим.	χαραλλινός	χαβαλλινός
369	3 сн.	сестрѣ	дочери
454	5 сн.	Генрихъ	Генрихъ Люксембургскій, какъ послѣ при подобныхъ обстоятельствахъ противъ императора Фридриха II былъ выдвинутъ Генрихъ
459	16 св.	отъ	изъ
454	1 сн. прим.	II.	Кіевъ
460	9 св.	Послѣ	Какъ послѣ (въ XIII вѣкѣ)
460	9 св.	и	, такъ и послѣ
464	8 сн.	1123	1122
529	20 св.	свидѣтелемъ	временемъ

ИСТОРІОГРАФІЯ.

6	19 св.	Абладіемъ	Аблавіемъ
7	3 сн. (прим.)	1866.	1866, а также Моммсена
10	4 сн. (прим.)	Bouquet	Bouquet и Арндтъ
35	7 св.	1203	1150—1218 г.
35	13 св.	VI	IV
41	17 сн.	кончаетъ	вѣнчаетъ
42	5 св.	кончаетъ	иллюстрируетъ
43	9 св.	1188	1193

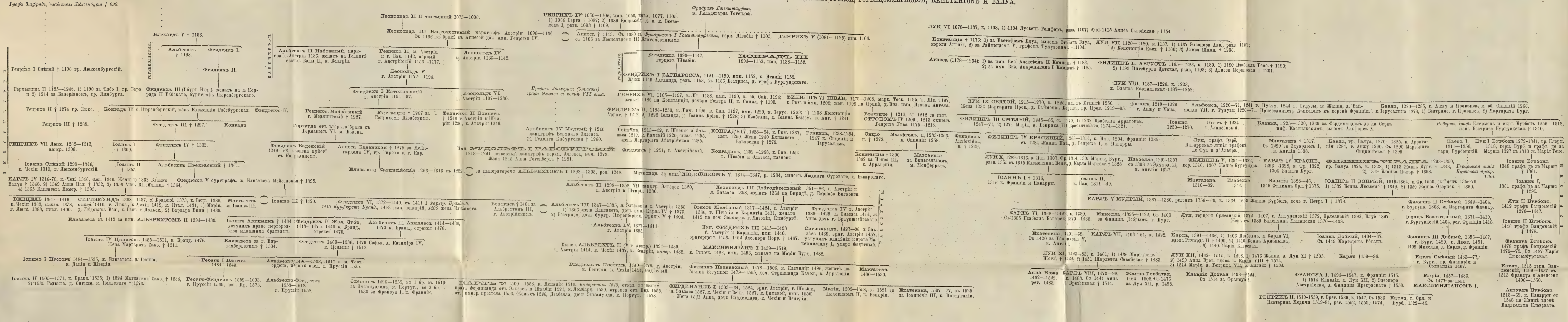
Стран.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
45	9 св.	Бернаръ,	вѣроятно Эрнуль до 1229 г., а съ этого времени Бернаръ,
45	10 св.	1240 г.?	1250 г.?
45	12 св.	до 1250 г.;	до 1250 г., а можетъ быть только до 1231 года;
48	11 св.	пророковъ	пороковъ
66	2 сн. прим.	Muralto	Muralt
101	16 св.	1634	1346

II ТОМЪ.

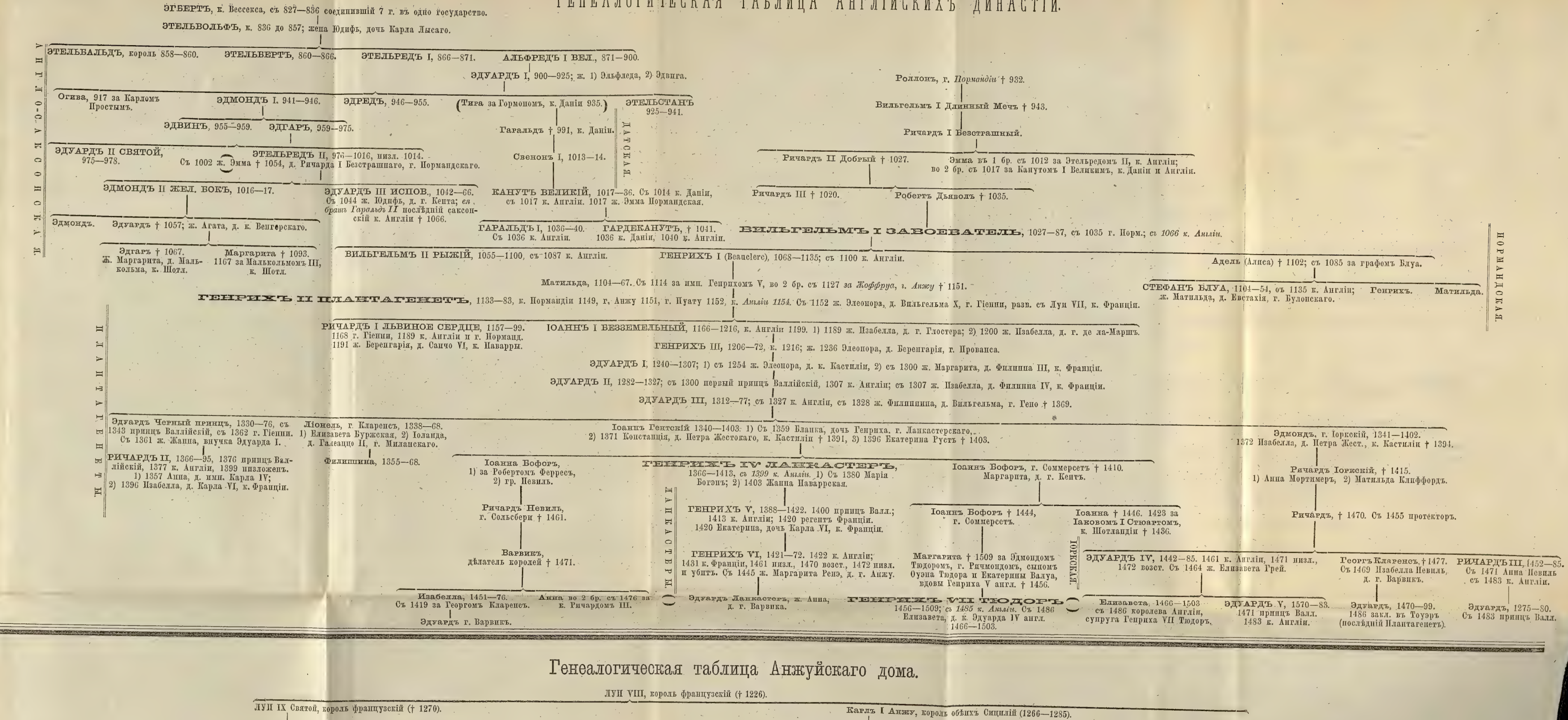
99	13 св.	ученикомъ	послѣдователемъ
103	23 св.	сцена	арена
103	4 сн.	Slowin	Słowian
105	15 св.	никогда	по большей части
106	11 св.	сполатрскому	сплѣтскому
184	9 св.	сдыхали	слыхали
593	4 св. прим.	81)	81), также Gaspary (G. der ital. Lit. 1884)
593	10 св. прим.	1891	1841
593	7 сн. прим.	XIII ст.	XIV ст.
593	13 св. прим.	Witte	Witte, а также Lubin (1881)
597	2 сн.	Въ	«Въ
598	8 св.	міра.	міра».
789	17 св.	7)	6)
868	16 сн.	себѣ	къ себѣ
876	10 сн.	on	ou
889	4 сн.	отъ	съ
898	8 св.	послѣднее	послѣдній
903	20 св.	Томка	Томекъ
911	2 св.	только	только что
911	5 св.	тожественной	торжественной
937	9 св.	Томка	Томекъ
978	16 сн.	81	87
994	5 св.	п	а
1056	21 св.	1422 г.	1423 г.
1069	1 сн.	Франца	Франтца
1070	8 св. прим.	Φραντφῆς	Φραντζῆς
1072	11 св.	1422 года	1423 года.

СВОДНАЯ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА ДИНАСТІЙ:

ФРАНКОНСКОЙ, ГОГЕНШТАУФЕНОВЪ, БАБЕНБЕРГОВЪ, ГАБСБУРГСКОЙ, ЛЮКСЕМБУРГСКОЙ, ГОГЕНЦОЛЛЕРНСКОЙ, КАПЕТИНГОВЪ И ВАЛУА.

Генеалогическая таблица династій византійскихъ императоровъ.

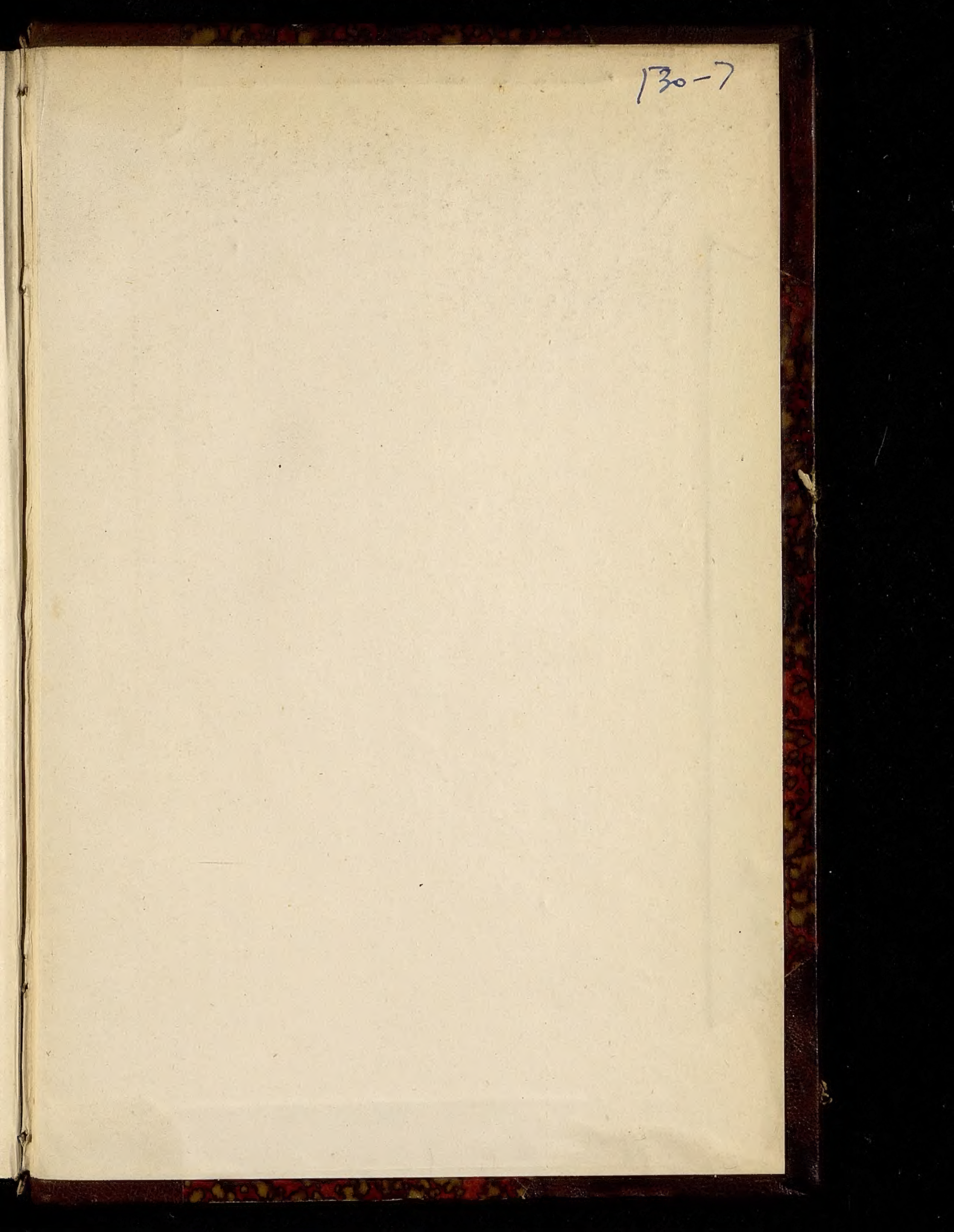

Генеалогическая таблица Анжуйскаго дома.

ЛУИ VIII, король французскій († 1226).

- ЛУИ IX Святой, король французскій († 1270).
  - ФИЛИППЪ III Смѣлый († 1285).
    - ФИЛИППЪ IV Красивый († 1314), КАРЛЪ Валуа († 1325).
      - ФИЛИППЪ VI († 1350). Первый французскій Валуа.
        - ІОАННЪ II Добрый. († 1364).
          - КАРЛЪ V Мудрый, († 1380). — Короли франц. до бурбонской династіи. (Валуа и Орлеанцы).
          - ФИЛИППЪ Смѣлый † 1404. Герцогъ Бургундскій. — Герцоги Бургундскіе.
          - ЛУИ I († 1384) Герцогъ АНЖУ.
            - ЛУИ II († 1417). Герцогъ АНЖУ.
              - ЛУИ III. Герцогъ АНЖУ. († 1434).
              - Рене (1435—1442). († 1480).
- Карлъ I Анжу, король обѣихъ Сицилій (1266—1285).
  - Карлъ II Хромой (1285—1309). Женатъ на Маріи, д. венг. короля Стефана. Имѣлъ четырнадцать человѣкъ дѣтей, изъ нихъ:
    - КАРЛЪ Мартеллъ. Венгерскій король.
      - КАРОБЕРТЪ. Король Венгерскій.
        - ЛЮДОВИКЪ Великій († 1382). Король венгер. и польскій.
          - МАРІЯ, Кор. венгер.
          - ЯДВИГА. Кор. польск.
        - АНДРЕЙ († 1345). Мужъ Іоанны I.
    - Робертъ Мудрый. (1309—1343).
      - КАРЛЪ († 1323). Duca di Calabria.
        - Іоанна I (1343—1382).
        - МАРІЯ жена Карла Дураццо и Роберта д'Ачерра.
    - ФИЛИППЪ. Duca di Tarento.
      - ЛЮДОВИКЪ († 1369), Duca di Tarento. Второй мужъ Іоанны I.
      - РОБЕРТЪ († 1368). Il conte d'Acerra. Второй мужъ Маріи.
      - МАРГАРИТА Жена Карла III Дураццо.
    - ДЖІОВАННИ Герцогъ Мореи.
      - КАРЛЪ Дураццо († 1347). Первый мужъ Маріи.
        - Джіованна, Агнеса, Клеменція, Маргарита.
      - ЛЮДОВИКЪ Гравина.
        - Карлъ III Дураццо (1382—1386).
          - Владиславъ (1486—1414), Іоанна II (1414—1435).
            - Усыновляетъ Альфонса I Аррагонскаго (1442—1458).
      - Робертъ Марія. († 1368).

Аррагонская династія до вступленія на неаполитанскій престолъ королей испанскихъ въ лицѣ Фердинанда Католика (1504 г.).

130-7

